АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Б. П. Козьмин

ИЗ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ МЫСЛИ В РОССИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Б. П. Козьмин

ИЗ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ МЫСЛИ В РОССИИ

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1961

Б. Козьмин

ПРЕДИСЛОВИЕ

Литературное наследие Бориса Павловича Козьмина обширно и разнообразно. За 40 лет научной деятельности им написано и опубликовано 20 книг, тематических сборников и брошюр, свыше 120 статей и научных публикаций, не считая заметок, справок, рецензий и других мелких работ, напечатанных в энциклопедических словарях и в специальных изданиях. Помимо того, Б. П. Козьмин проводил большую редакторскую и научно-организационную работу. Как редактор и автор комментариев, он активно участвовал в подготовке издания десятков томов мемуарной литературы и полных собраний сочинений А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Г. Успенского и др.

Б. П. Козьмин родился в Москве в 1883 г. В 1910 г. он окончил юридический факультет Московского университета и готовился к научной деятельности. В 1915 г. Б. П. Козьмин был призван на военную службу.

Научно-исследовательскую работу он начал уже в зрелом возрасте. Его брошюра «Зарождение рабочего класса в России и его первые шаги» появилась в 1918 г., когда автору ее было более 30 лет. Таким образом, влечение Бориса Павловича к исследованиям в области отечественной истории определилось сравнительно поздно.

Окончательный выбор своей научной специальности Б. П. Козьмин сделал сразу после Октябрьской революции. В 1918—1919 гг. он заведовал историческим отделом журнала ВЦИК «Вестник жизни», в 1919—1920 гг. состоял инспектором по делам печати при Политуправлении Реввоенсовета Республики, а в 1920 г. был откомандирован

в комиссию по истории Красной Армии, где работал до расформирования комиссии в 1922 г.

В течение этих четырех-пяти лет Б. П. Козьмин много занимался изучением рабочего движения в России и истории революционных организаций в 60-х годах XIX в., написав по этим вопросам более 10 работ. Среди них была небольшая монография о П. Н. Ткачеве [1], две брошюры [2], пять-шесть журнальных статей и несколько рецензий, опубликованных в периодических изданиях того времени («Вестник жизни», «Вестник труда», «Современник» и др.).

Есть основания полагать, что глубокий интерес Б. П. Козьмина к исследовательской работе в области истории определился под непосредственным влиянием современных ему бурных революционных событий, завершившихся победой в России социалистической революции. В 1919 г. он писал, что решающая роль русского пролетариата в революционных событиях 1917 г. не может быть понята без ознакомления «с прежним положением рабочего класса в России и его взаимоотношениями с другими классами нашего общества» [3]. Изучение в 1918—1922 гг. истории русского революционного движения со второй половины XIX в. отвечало внутреннему стремлению самого ученого понять истоки массовой освободительной борьбы в России.

Уже в этих ранних исследованиях ясно наметились характерные черты Б. П. Козьмина как вдумчивого и серьезного историка, получившие полное развитие в его зрелых работах последующих лет: целеустремленность научных интересов, конкретность исторического анализа на основе широкого привлечения свежего документального материала и высокая требовательность к научным трудам. В развернувшейся на том этапе советской историографии острой борьбе между буржуазными историками и первым поколением наших историков-марксистов Б. П. Козьмин выступал на стороне последних. В обеих его брошюрах

---

[1] «П. Н. Ткачев и революционное движение 1860-х годов», М., 1922.

[2] Уже упоминавшаяся брошюра «Зарождение рабочего класса в России и его первые шаги». М., 1918. (Псевдоним Б. Павлов) и «Пролетарская борьба в России до революции 1905 г.». М., 1919. (Псевдоним Б. Павлов).

[3] «Вестник жизни», 1919 г., № 3—4, стр. 139.

1918—1919 гг. давалось марксистское объяснение процесса формирования кадров российского пролетариата и стадий развития стачечного движения в России. В написанной тогда же статье «Северный союз русских рабочих» он исходил из тезиса о неизбежности возникновения в капиталистической России революционной рабочей организации и приводил при этом одно из основных положений «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса: «...всякая классовая борьба есть борьба политическая» [4].

* * *

К середине 20-х годов Б. П. Козьмин как исследователь революционного движения в России получил широкое признание. Уже к 1922 г., сразу после перехода на работу в издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, он вошел в состав редакционной коллегии журнала «Каторга и ссылка» и вскоре стал бессменным заведующим его редакцией до закрытия журнала в 1935 г. В те же годы Б. П. Козьмин состоял научным сотрудником в институтах литературы (с 1923 г.) и истории (с 1926 г.) Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИИОН) и был избран (в 1924 г.) действительным членом Академии художественных наук (позднее преобразованной в Академию искусствознания), где руководил отделом революционного искусства.

В научной биографии Б. П. Козьмина особенно большое значение имело его многолетнее сотрудничество в издательстве Общества политкаторжан. Повседневное участие в редактировании журнала «Каторга и ссылка» и большая научно-организационная деятельность в Обществе расширяли его кругозор историка, обогащали обширными знаниями истории русского революционного движения (нередко по живым свидетельствам его непосредственных участников) и способствовали углубленным научным исследованиям именно в данной области.

Этот период в исследовательской работе Б. П. Козьмина отличается исключительной продуктивностью. За 1922—1935 гг. им было опубликовано 9 книг (считая

[4] «Вестник жизни», 1919, № 3—4, стр. 4.

переиздания), общим объемом до 100 авт. листов, много десятков статей, научных публикаций и рецензий. Большая часть этих работ была помещена в журналах «Каторга и ссылка» и «Красный архив». Наряду с этим Б. П. Козьмин печатался в ряде других журналов того времени («Печать и революция», «Литература и марксизм», «Пролетарская революция» и др.), а также в различных историко-литературных изданиях («Звенья», «Исторические сборники Академии наук СССР», «Литературное наследство» и т. д.).

Значительно расширились также рамки исследовательской тематики Б. П. Козьмина. Он продолжал заниматься изучением рабочего движения в России и в 1925 г. опубликовал на эту тему книгу, вскоре потребовавшую переиздания [5]. Им по-прежнему разрабатывалась история революционного движения в годы первой революционной ситуации в России, чему было посвящено четыре отдельно изданные работы и несколько статей [6]. Вместе с тем Борис Павлович в своих исследованиях стал уделять большое внимание русскому революционному движению 70-х годов XIX в., а также развитию в России демократической печати и особенно революционной журналистики в 60—80-х годах. По этим вопросам, помимо многочисленных статей, им было опубликовано две книги и один сборник документов с предисловием автора [7]. Наконец, в отдельных своих работах он касался вопросов, связанных с историей начала XX века [8]. Широта научных интересов Б. П. Козьмина давала основание считать его уже в те годы не только историком, но также литературоведом, археографом и библиографом.

---

[5] «Рабочее движение в России до революции 1905 г.», М., 1925; «Рабочее движение в России XIX века», Харьков, 1926.

[6] «Политические процессы 60-х годов», материал подготовлен к печати В. П. Алексеевым под ред. Б. П. Козьмина, М.— Пг., 1923; «Казанский заговор 1863 г.», М., 1929; «Харьковские заговорщики 1856—1858 гг.», Харьков, 1930; «П. Г. Заичневский и „Молодая Россия“», М., 1932.

[7] «Революционное подполье в эпоху „белого террора“», М., 1929; «Нечаев и нечаевцы», М.— Л., 1931 г.; «От 19 февраля к 1 марта», М., 1933 (Сборник статей, опубликованных в журналах за 1924—1930 гг.).

[8] «С. В. Зубатов и его корреспонденты». М.— Л., 1928. См. также «Красный архив», 1922, т. 11 и «Каторга и ссылка», 1927, № 3.

Но за этим разнообразием тем и форм исследований Б. П. Козьмина все яснее определялось основное направление его научных интересов — изучение главным образом разночинского периода в истории русского революционного движения. Хронологические границы его работ распространялись уже почти на весь этот период — с середины 50-х до 90-х годов XIX в. В них получили освещение вопросы, связанные как с практической деятельностью революционеров-разночинцев, так и с развитием отдельных сторон народнической идеологии на протяжении второй половины XIX в. Подавляющее большинство работ, написанных тогда Б. П. Козьминым, посвящены изучению именно этих вопросов.

Несмотря на то, что в 1922—1935 гг. развернулась публикаторская работа историков, осваивалось литературное наследие Ленина, появились серьезные научные и научно-популярные работы ряда историков по самым различным вопросам истории народов СССР, все же наши исследователи еще только подходили тогда к всестороннему научному анализу такого сложного явления, как народничество в целом. В их трудах еще полностью не получила разработки ленинская оценка характера и этапов развития русского крестьянского социализма. В них не давалось правильного определения места народничества в истории русского революционного движения. Многие историки идеализировали борьбу революционных народников, затушевывали их недостатки и ошибки. Исследователи, изучавшие взгляды и деятельность М. А. Бакунина, П. Л. Лаврова, П. Н. Ткачева и др., не всегда отличали воззрения мелкобуржуазных социалистов от идеологии научного пролетарского социализма. Некоторые из них сосредоточили свои научные интересы на проблеме заговорщичества — «русского бланкизма». Эта тема увлекла и Б. П. Козьмина. В центре его исследовательских замыслов вплоть до середины 30-х годов стояла деятельность таких типичных представителей этого течения в русском революционном движении, как П. Г. Заичневский, П. Н. Ткачев и их единомышленники. Эта тема намечалась уже в первой книге Б. П. Козьмина, вышедшей в 1922 г. [9], детально разрабатывалась им в многочисленных статьях, написанных тогда

[9] См. Б. П. Козьмин. П. Н. Ткачев и революционное движение 1860-х годов.

же, и ей были посвящены изданный в 1931 г. сборник документов «Нечаев и нечаевцы» и вышедшая в 1932 г. книга «П. Г. Заичневский и „Молодая Россия“». Указанные работы Б. П. Козьмина представляют важную часть его исследований за время с 1922 по 1935 г.

Односторонний интерес к одному из побочных течений в русском революционном движении 60—70-х годов XIX в. подчас приводил Б. П. Козьмина к ошибкам в оценке подлинного значения русского бланкизма. И все же, несмотря на это, основные аспекты истории народничества рассматривались Б. П. Козьминым с марксистских позиций, углублению которых содействовало систематическое изучение им произведений В. И. Ленина (см. текст работ того времени в настоящем сборнике).

Ряд работ Б. П. Козьмина, опубликованных до середины 30-х годов, явился крупным вкладом в нашу науку и прочно вошел в основную литературу по истории русского революционного движения второй половины XIX в. К их числу относятся подготовленные им многочисленные публикации новых архивных материалов, начиная с изданной в 1923 г. книги «Политические процессы 1860-х годов», где впервые воспроизведен выверенный текст некоторых прокламаций 60-х годов (в том числе написанного Н. Г. Чернышевским воззвания «Барским крестьянам...»). Новые стороны в развитии революционных организаций середины XIX в. освещали его работы: «Казанский заговор 1863 г.» (1929 г.), «Харьковские заговорщики 1856—1858 гг.» (1930 г.) и др. Принципиально важные вопросы решались тогда Б. П. Козьминым при изучении истории русской журналистики 60-х годов XIX в. В этой связи следует назвать прежде всего статью «Раскол в нигилистах» (1928 г.), в которой, несмотря на ряд спорных положений, дан анализ причин разногласий в революционно-демократическом лагере, возникших в середине 60-х годов XIX в. Основные этапы эволюции народнической идеологии в пореформенные десятилетия устанавливались также в сборнике статей «От 19 февраля к 1 марта» (1933 г.).

Следует отметить, что и ряд работ Б. П. Козьмина по истории «русского бланкизма» сохраняет серьезный научный интерес. Примером того может служить серия его статей 1930—1931 гг. о Заичневском и его окружении, переработанных в 1932 г. в научно-популярную книгу

«П. Г. Заичневский и „Молодая Россия“»; подготовка этой книги в 1957 г. к новому изданию потребовала от автора лишь незначительных исправлений. Б. П. Козьмин считал возможным ставить вопрос и о переиздании некоторых работ о Ткачеве, но признавал, однако, что они нуждаются в серьезной доработке [10].

* * *

Новый этап в научной биографии Б. П. Козьмина наметился примерно со второй половины 30-х годов и почти совпал с подъемом в развитии советской историографии. Это было время крупных успехов в разных областях науки в СССР, быстро продвигавшейся вперед усилиями растущих кадров наших ученых, вооруженных передовой теорией марксизма-ленинизма. В сфере исторических наук это сказалось в повышении требований к теоретическому уровню научных изысканий, в преодолении схематизма и вульгаризации в работах некоторых историков так называемой «школы Покровского», в перестройке процесса преподавания гражданской истории во всех звеньях школы, в разработке основ марксистской периодизации истории при создании новых учебников и т. д. [11]

Научная деятельность Б. П. Козьмина с особой полнотой развернулась в 1936—1958 гг. По прекращении издания журнала «Каторга и ссылка» он стал активно участвовать в работе крупнейших коллективов ученых-специалистов академических научно-исследовательских институтов, расширивших свою деятельность после перевода Академии наук СССР с середины 30-х годов в Москву. Сначала он работал старшим научным сотрудником в Институте мировой литературы им. А. М. Горького, а с 1946 г. был приглашен в Институт истории, где создавался тогда особый сектор истории СССР периода капитализма, в котором Б. П. Козьмин был одним из ведущих работников в течение 12 лет. Одновременно Б. П. Козьмин возглавлял работу в Государственном литературном музее: в 1944—1946 гг. как руководитель научной части, а в 1946—1954 гг. как директор. К тому же периоду

[10] Б. П. Козьмин писал об этом 8 января 1958 г. в историческую редакцию Госполитиздата.
[11] См. сб. «К изучению истории», М., 1946.

относится его преподавательская работа: в 1941—1943 гг. в Педагогическом институте Ашхабада и в находившемся там Московском Государственном университете, а в 1948 г.— в Высшей партийной школе при ЦК КПСС.

Б. П. Козьмин успешно продолжал свои научные изыскания в области истории СССР и литературоведения, археографии и библиографии. К тому же времени относится его большая работа по подготовке к изданию многотомных собраний сочинений Чернышевского, Герцена, Огарева, Михайлова и др., а также его постоянное сотрудничество в академических сборниках «Литературное наследство», в других периодических изданиях Академии наук СССР и во многих наших журналах.

Отличительной особенностью научных трудов Б. П. Козьмина в 1936—1958 гг. является сосредоточение его авторских замыслов на более углубленном решении коренных проблем в истории русского революционного движения второй половины XIX в. При всем разнообразии этих работ основное внимание их автора теперь устремляется в первую очередь на изучение идейного «наследства» 1860-х годов и его значения в развитии революционной мысли в пореформенной России.

Переход к новой проблематике стал видимым рубежом в научной деятельности Б. П. Козьмина, который ясно обозначился в середине 30-х годов. Обширный круг своих многолетних работ о «русском бланкизме» он оборвал в 1933 г. на последней статье о Ткачеве [12] и вернулся к этим вопросам лишь много лет спустя в порядке критического пересмотра своих прежних оценок. И сразу же после того Б. П. Козьмин стал систематически работать над новым циклом исследований, посвященных революционным демократам 50—60-х годов XIX в. и их месту в развитии русской общественной мысли и освободительного движения. Уже в 1936 г. в очередных книгах «Литературного наследства» (тома 22—24 и 25—26) было напечатано сразу несколько его сообщений и публикаций о Чернышевском, Добролюбове, Герцене, Огареве и других шестидесятниках. С того времени вплоть до последних работ, опубликованных посмертно, новая проблематика пронизывает почти все его исследования. Это полностью относится и к

[12] Б. П. Козьмин. К вопросу об отношении П. Н. Ткачева к марксизму — «Литературное наследство», т. 7—8, М., 1933.

литературоведческим работам Бориса Павловича тех лет, поскольку в них прежде всего ставились вопросы отражения в русской литературе 60—70-х годов XIX в. современного ей революционно-общественного движения [13]. В конечном итоге та же общая проблема решалась и в его последней книге 1957 г.— «Русская секция I Интернационала».

Изучение Б. П. Козьминым формирования мировоззрения великих революционеров-демократов — Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, А. И. Герцена и Н. П. Огарева, их решающей роли в разработке основ революционно-демократической идеологии и эволюции этой идеологии в 60—80-х годах XIX в. протекало сложным путем и не всегда поддается систематическому разбору. Неизбежно краткое изложение некоторых выводов Б. П. Козьмина по этим вопросам на основании его отдельных исследований, опубликованных на протяжении 1936—1958 гг., может дать о том лишь самое общее представление.

Еще в 1936 г. Б. П. Козьмин поставил ряд вопросов, связанных с положением в демократическом лагере на рубеже 50—60-х годов XIX в. В своем исследовательском этюде «Был ли Чернышевский автором письма „русского человека“ к Герцену?», доказав, что на это должен быть дан отрицательный ответ, он приходит к выводу: «...автор интересующего нас документа воспитывался на сочинениях Чернышевского и Добролюбова и в общем разделял их политические взгляды и, в частности, их убеждение о том, что без революции аграрный вопрос в России не получит разрешения, благоприятного для крестьянства» [14]. Аргументируя свою точку зрения, он, в частности, считал невероятным, чтобы после личного знакомства с Герценом в 1859 г. Чернышевский мог обратиться к нему с призывом «звонить в набат». Отдельные формулировки этой статьи могли восприниматься как ошибочное противопоставление

---

[13] «Гл. Успенский и литературная борьба его времени» («Новый мир», 1938, № 9); «Великий поэт революции (Н. А. Некрасов)» («Литературное наследство», т. 49—50, 1945); «Писемский и Герцен» («Звенья», т. VIII, 1950); «К вопросу о борьбе Герцена и Огарева против сторонников «чистого искусства»» («Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1950, т. IX, № 2); «Два слова о слове „нигилизм“» (там же, 1951, т. X, вып. 4 и 1953, т. XII, вып. 6 и др.).

[14] «Литературное наследство», т. 25—26. М., 1936, стр. 584.

двух тогдашних центров русской революционной мысли — лондонского и петербургского. В последующих своих работах Б. П. Козьмин уточнил свое понимание проблемы.

Он снова коснулся этой темы в 1941 г., в первой же исследовательской работе, где давалась общая характеристика исторического места А. И. Герцена в русском революционном движении. В статье «Герцен, Огарев и „молодая эмиграция"», указав на ошибочную оценку Герцена в брошюре А. А. Серно-Соловьевича «Наши домашние дела». Б. П. Козьмин решительно подчеркивал: «каковы бы ни были разногласия между Герценом и Чернышевским, они, однако, стояли *по одну сторону баррикады,* сражаясь против общего врага» (курсив мой.— *А. Н.*). По его мнению, автор этой брошюры не сумел «за слабыми сторонами и недостатками Герцена разглядеть положительных сторон того дела, которому Герцен посвятил всю свою жизнь. Историческая роль Герцена осталась непонятой Серно-Соловьевичем» [15]. Некоторые соображения и замечания, высказанные в этой статье, касающиеся, правда, частных сторон революционной деятельности Герцена, в свою очередь не всегда бесспорны (о пересмотре Герценом его ошибочной оценки положения в России только в связи с событиями 1863 г., о глубинных причинах расхождения «старого» и «нового» поколений революционеров 60-х годов и др.) [16]. В поисках более точных и обоснованных решений Б. П. Козьмин возвращался к ним не раз в своих дальнейших изысканиях.

В 1945 г. Б. П. Козьмин опубликовал небольшую по размеру, но чрезвычайно содержательную работу «А. И. Герцен в истории русской общественной мысли». Посвященная всесторонней характеристике, революционной деятельности Герцена, эта работа шире ее названия. В ней показан сложный процесс формирования революционно-демократической идеологии в России на переходном этапе от первого (дворянского, по словам Ленина) ко второму (разночинскому) периоду в русском революционном движении XIX века.

Широту методологической постановки темы Б. П. Козьмин удачно сочетал с конкретностью содержания своего

---

[15] См. настоящее издание, стр. 547.
[16] Там же.

исследования. Исходя из принципиальных положений В. И. Ленина, относящихся к данным вопросам, он дал анализ основных этапов развития общественно-политических взглядов Герцена и определил его место в истории русской революционной мысли. Так, Б. П. Козьмин пишет, что, в отличие от социалистов-утопистов. «Герцен хотел, чтобы философия помогала человеку не только понимать окружающий его мир, но и изменять и переделывать его» [17]. Он считает громадной заслугой Герцена постановку им вопроса «об отношении идеала к действительности», значение которого для революционной борьбы отмечали Маркс и Энгельс [18]. Указывая на колебания Герцена между демократизмом и либерализмом, Б. П. Козьмин решительно подчеркивает, что Герцен «никогда не был либералом» [19]. Окончательный разрыв Герцена с либералами здесь отнесен уже к 1861 г. и ставится в прямую связь с подъемом массового крестьянского движения в России в ответ на реформу 19 февраля. Подводя итоги своему исследованию, Б. П. Козьмин подчеркивал: «Удивляться надо не тому, что Герцен не сумел вполне разрешить поставленные им коренные проблемы социальной жизни, а тому, *насколько он приблизился* к правильному решению их» [20] (курсив автора.— *А. Н.*).

Этот краткий обобщающий очерк — бесспорная и большая удача Б. П. Козьмина как исследователя. Он насыщен свежими мыслями, основанными на всесторонней эрудиции автора в области знания как источников, так и специальной литературы вопроса, и является результатом его многолетних изысканий и глубоких раздумий.

Напечатанная в 1952 г. статья Б. П. Козьмина «Выступление Герцена против „Современника“ в 1859 г.» [21] ставит тему об идейном «наследстве» 60-х годов XIX в. в более развернутом плане. В ней опровергается представление, что получившая печальную известность статья в 44-м листе «Колокола» (1 июня 1859 г.) вызвана частными разногласиями между Герценом и обновленной редакцией «Современника» в связи с одной из работ Добролю-

---

[17] См. настоящее издание, стр. 584.
[18] Там же, стр. 588.
[19] Там же, стр. 593.
[20] Там же, стр. 604.
[21] Там же, стр. 606—637, № 4, М., 1952.

бова. Б. П. Козьмин стремится вскрыть принципиальные основы этих расхождений. Последние проявлялись в различной оценке руководителями обоих центров русской революционной мысли реформистских настроений среди передовых людей России второй половины 50-х годов, роли «лишних людей» и разночинной интеллигенции в тех условиях, характера обличительной литературы, основной задачи революционной журналистики и т. д.

Исследовательские интересы Б. П. Козьмина явно сосредоточивались на изучении идейных споров внутри складывавшегося тогда революционно-демократического лагеря. Эти споры были связаны преимущественно с разработкой основ революционной тактики на новом, разночинском этапе русского революционного движения. Намечавшаяся Б. П. Козьминым тема выдвигала, таким образом, одну из центральных проблем для всей истории второго этапа освободительного движения в России.

В 40-х годах у ученого действительно вызревал план монографического исследования, несколько позднее условно озаглавленного «А. И. Герцен и круг „Современника“». Но в силу ряда причин разработка им данной темы сначала прерывалась, а затем была совсем прекращена. Зато к 1948 г. Б. П. Козьмин закончил первый вариант монографии «Русская секция Первого Интернационала», изданной в 1957 году.

Среди трудов Б. П. Козьмина эта монография занимает особо важное место. В ней пересекаются основные направления исследовательских работ, характерные для разных периодов всей его научной деятельности. Б. П. Козьмин широко использует в последней книге обширный цикл статей и публикаций 1922—1933 гг. о «русском бланкизме» (исправляя и уточняя при этом допущенные им ранее ошибочные положения и выводы), а также свои работы тех лет по истории русской революционной журналистики 60—70-х годов XIX в. Наряду с этим он опирается на результаты своих исследований 1936—1957 гг. о великих революционных демократах 50—60-х годов, о новом поколении русской «молодой эмиграции» и об эволюции народнической идеологии.

Окончательный выбор Б. П. Козьминым темы для обобщающей монографии следует признать удачным. Многообразие тематики прежних исследований автора

способствовало свежести трактовки в монографии многих вопросов по сложной теме, а также более полному и разностороннему их решению.

Крупное научное значение последней монографии Б. П. Козьмина — «Русская секция Первого Интернационала» — получило в нашей печати единодушное признание [22]. Большой заслугой автора является прежде всего развернутая принципиальная постановка проблемы народничества в целом как широкого идейного движения второго, разночинского периода революционно-освободительной борьбы в России примерно со второй половины 50-х годов до середины 90-х годов XIX в. Он исходит из общности ряда основных взглядов разных поколений революционеров в 50—70-х годах XIX в.

Основываясь на этих общих положениях, Б. П. Козьмин изучает состав русской политической эмиграции в конце 60-х годов, издания «Народного дела» и его идейные позиции, историю возникновения Русской секции, ее программу и тактику, участие членов секции в рабочем движении стран Западной Европы и в деятельности Интернационала до момента ликвидации Русской секции. Таким образом, в отличие от своих предшественников, автор новой монографии не только анализирует идеологию членов Русской секции, но изучает также фактическую историю создания ими революционной организации, связанной с Первым Интернационалом, принимавшей активное участие в его деятельности и решительно поддерживавшей при этом Маркса в борьбе его с Бакуниным и бакунистами.

В итоге своего исследования Б. П. Козьмин приходит к выводу, что участники Русской секции «были весьма далеки от марксизма, хотя, несомненно, не отдавали себе отчета в своих расхождениях с Марксом» [23]. Определяя историческое место членов Русской секции в ходе русского революционного движения, он пишет: «Все сказанное дает основание видеть в них более или менее верных носителей „наследства“ начала 60-х годов. Однако наряду с этим в

---

[22] «Вопросы истории», 1958, № 8 (рецензии П. А. Зайончковского и Ю. З. Полевого) и «История СССР», 1958, № 3 (рецензия М. С. Волина).

[23] «Русская секция Первого Интернационала», М. 1957, стр. 374.

их взглядах имелись и такие стороны, которые свидетельствовали об отходе от этого „наследства" в сторону народничества 70-х годов»[24]. Сложность оценки Русской секции Б. П. Козьмин объясняет тем, что на переломных этапах развития революционного движения одна разновидность какой-либо идеологии сменяет другую ее разновидность, что порождает нередко организации переходного типа. Именно в таких исторических условиях существовала и Русская секция: «Аналогичные явления можно было наблюдать и на грани 60-х и 70-х годов, когда на смену одной разновидности народничества приходила другая. И в эти годы неизбежно должны были возникать группы переходного характера, совмещающие в известной мере старые идеи с новыми. Одной из таких переходных организаций и была Русская секция I Интернационала»[25].

Переходным характером Русской секции следует объяснять, по мнению автора, также изолированность ее от основного русла народнического движения 70-х годов, когда подавляющее большинство революционеров в России пошло по другому пути. Но пропагандистские усилия членов этой сравнительно узкой организации русских революционеров не пропали даром. Несомненной их заслугой явилось то, что они знакомили русских современников с задачами и деятельностью I Интернационала и отстаивали необходимость всесторонней подготовки революционного переворота.

В печати вполне справедливо уже отмечалось, что содержание книги Б. П. Козьмина о Русской секции выходит за рамки ее названия. Но это относится также и к научному значению монографии, которое не ограничивается сферой исследования истории только одной революционной организации. Можно утверждать, что все последующие исследователи, касающиеся Русской секции, неизбежно будут считаться с выводами данной работы.

Но столь же очевидно, что в монографии Б. П. Козьмина сделан весьма серьезный шаг в изучении всей широкой и многогранной проблемы народничества. Она исходит из единственно научного конкретно-исторического метода при исследовании разных этапов в истории народничества,

---

[24] «Русская секция Первого Интернационала», М., 1957, стр. 386.

[25] Там же, стр. 398.

который обоснован В. И. Лениным. На ее базе может быть намечен путь монографических трудов по многим темам, связанным с революционным движением и с развитием революционной идеологии в пореформенные десятилетия, в особенности в 60—70-е годы XIX в.

К сказанному следует добавить, что некоторых затронутых в книге принципиально-теоретических вопросов Б. П. Козьмин касается в более развернутом виде в особом докладе о народничестве, который был закончен в 1957 г. Эта последняя крупная его работа была опубликована как статья в 1959 г. под названием «Народничество на буржуазно-демократическом этапе освободительного движения в России» [26]. В ней автор на основании изучения идейного наследия В. И. Ленина стремится дать определение общих признаков народнической идеологии и характерных ее особенностей на различных этапах разночинского периода революционного движения в России. Особый интерес в этой работе представляет попытка Б. П. Козьмина дать конкретно-историческое обоснование этих особенностей в общем процессе формирования и эволюции теоретических основ народничества.

5 июля 1958 г. Борис Павлович Козьмин скончался. Последние годы его жизни, несмотря на тяжелую болезнь, проходили в неутомимой творческой работе. Ученый вынашивал планы монографического исследования темы «Ленин о буржуазно-демократическом этапе освободительного движения в России», готовил к новому изданию некоторые прежние свои работы. Б. П. Козьмин проявлял инициативу относительно новых публикаций воспоминаний революционных народников, ставил вопрос о привлечении новых кадров к разработке вопросов истории общественного движения в России во 2-й половине XIX века.

Он продолжал активно сотрудничать в «Литературном наследстве», редакции Большой Советской Энциклопедии, в исторических и литературных журналах, участвовал в повседневной работе Института истории и Отделения исторических наук АН СССР. Во всей этой многогранной деятельности он всегда был принципиальным и объективным. В интересах науки Б. П. Козьмин высказывал свои взгляды прямолинейно, а иногда и резко: его

---

[26] См. настоящее издание, стр. 638—727.

суждения всегда были направлены к одному — к восстановлению исторической правды, к борьбе за точность исторических фактов, за обоснованность выводов.

В своих многочисленных исследованиях Б. П. Козьмин выступает как талантливый, оригинальный и разносторонний ученый-историк, посвятивший себя изучению сложных и трудных проблем. Его научные труды являются для нас образцом неустанного стремления к глубокому познанию истории нашей Родины.

* * *

В состав настоящего однотомного издания научных трудов Б. П. Козьмина включены некоторые из его исследований по различным вопросам, относящиеся к разным периодам его творческой деятельности.

В начале однотомника печатается семь таких исследований, характерных для 1922—1935 гг. Они отражают оба основных направления в интересовавшей тогда Б. П. Козьмина тематике: историю «русского бланкизма» и развитие русской революционной журналистики в 60—80-х годах XIX в. Первое представлено серией статей 1930—1931 гг., объединенных общим заголовком «П. Г. Заичневский и „Молодая Россия“». В 1957 г. эти статьи были несколько дополнены автором для нового издания; в данной редакции они публикуются впервые. К этой группе работ относится также статья о П. Н. Ткачеве, напечатанная в 1932 г. в качестве предисловия к т. I его Избранных сочинений. Второе направление в работах Б. П. Козьмина того времени отражено в его статьях 1930—1933 гг. об отдельных периодических изданиях второй половины XIX в.: «Век», «Народная летопись», «Русское богатство» и «Устои», показывающих эволюцию народнической журналистики. Несколько сложнее тема статьи 1928 г. «Раскол в нигилистах», где на примере полемики «Современника» с «Русским словом» вскрываются основы принципиальных расхождений среди русских революционных демократов второй половины 60-х годов XIX в.

Что же касается публикуемых вслед затем исследований Б. П. Козьмина, относящихся к 1936—1958 гг., то они, естественно, посвящены главной теме, привлекавшей в те годы его внимание — формированию основ революционно-демократической идеологии народнического периода в истории русского революционного движения. Для этого вы-

браны три статьи, связанные с именем А. И. Герцена, в которых видны последовательные этапы все более углубляющейся постановки Б. П. Козьминым этой сложной проблемы, нашедшие, как мы видели выше, отражение в его работах 1941, 1945 и 1952 гг.

В конце сборника печатается последний доклад Б. П. Козьмина «Народничество на буржуазно-демократическом этапе освободительного движения в России», в котором, как и в книге 1957 г. «Русская секция Первого Интернационала», подводятся итоги его многолетних исследований.

Труды, написанные Б. П. Козьминым за тридцатилетний период его научной плодотворной деятельности, свидетельствуют о том сложном пути, который он прошел, об эволюции его взглядов на ряд изучаемых вопросов. Но пытливый исследователь всегда сохранял принципиальное, глубоко научное отношение к разработке проблем истории русского революционного движения и общественной мысли.

Этим трудам, написанным на большом фактическом материале, содержащим убедительные, оригинальные наблюдения, обобщения и выводы, предстоит долгая жизнь.

Работы Б. П. Козьмина, включенные в настоящее издание, с большой глубиной раскрывают трудный процесс поисков правильной революционной теории, которую мучительно выстрадала передовая мысль России с 40-х до 90-х годов XIX века.

А. Нифонтов

«РАСКОЛ В НИГИЛИСТАХ»*

(Эпизод из истории русской общественной мысли 60-х годов)

«Раскол в нигилистах» — так Ф. М. Достоевский озаглавил свою статью в «Эпохе» [1], посвященную полемике, разгоревшейся в 1864—1865 гг. между двумя влиятельнейшими радикальными журналами той поры — «Современником» и «Русским словом». Полемика эта с полной очевидностью обнаружила, что радикальная интеллигенция всего лишь несколько лет перед тем, во времена Добролюбова и Чернышевского, выступавшая единым сплоченным фронтом, неожиданно раскололась на два враждующих между собою лагеря. Борьба, начавшаяся между ними, велась с таким ожесточением, полемика, в которую они вступили друг с другом, выражалась в таких небывало резких формах, что Достоевский действительно имел полное основание заговорить о начавшемся расколе в рядах нигилистов.

Чем же был вызван этот раскол и каковы были разногласия, наметившиеся во время полемики?

Как это ни странно, вопрос этот до сих пор не получил освещения в нашей литературе. Полемика «Современника» с «Русским словом» обычно обходится полным молчанием историками нашей литературы и общественной мысли даже в тех случаях, когда, казалось бы, они никак не могли бы обойти ее. Достаточно указать в виде примера на покойного А. Н. Пыпина, посвятившего специальную работу журнальной деятельности М. Е. Салтыкова 1863—1864 гг. [2]

---

* Примечания к звездочкам даны после всех статей.

[1] Ф. М. Достоевский. Господин Щедрин или раскол в нигилистах.— «Эпоха», 1864, № 5. См. Собр. соч. изд. «Просвещение», СПб., 1911—1918, т. XXIII. «Забытые и неизвестные страницы». Собрал и комментировал Л. П. Гроссман.

[2] А. Н. Пыпин. М. Е. Салтыков. СПб., 1899.

и не сказавшего в ней ни слова о тех статьях, которые вызвали протест со стороны «Русского слова» и явились началом интересующей нас полемики [3]. Насколько нам известно, только А. Л. Волынский в своей книге «Русские критики» и проф. И. И. Иванов в его «Истории русской критики» уделили внимание интересующему нас столкновению двух радикальных журналов. Однако и тот и другой ограничились чисто внешним изложением хода их полемики и не выяснили причин, ее вызвавших. Для читателя работ Волынского и Иванова остается совершенно неясным, была ли эта полемика выражением серьезных идейных разногласий между вступившими в нее журналами или же просто руготней журналистов, стремящихся резкостью выражений привлечь к себе внимание читающей публики. К тому же отрицательное отношение к радикализму 60-х годов обоих авторов, писавших об этой полемике, сказалось на их изложении и побудило их центр своего внимания перенести не на содержание, а на те «verba novissima» (по выражению одного из сотрудников «Отечественных записок» того времени), которыми с ожесточением обменивались друг с другом полемизировавшие.

Между тем, эта полемика была для своего времени событием, имевшим большое общественное значение и отразившимся на дальнейшей эволюции русской общественной мысли. Вот почему она, по нашему мнению, вполне заслуживает внимания тех, кто интересуется нашим прошлым.

* * *

Для того чтобы полнее уяснить себе обстоятельства, породившие разрыв между «Современником» и «Русским словом», необходимо вкратце напомнить политическую обстановку, сложившуюся в России ко времени этого разрыва.

Наступил 1864 г. Польское восстание, вспыхнувшее в предшествовавшем году, было окончательно подавлено. Победители жестоко мстили побежденным. В Северо-Западном крае широко развернулась кровавая деятельность

[3] Не менее характерно, что эту полемику обходит молчанием, хотя и признает, что ее «внимательное обследование представляло бы значительный интерес», В. Евгеньев-Максимов в своей книге «Очерки по истории социалистической журналистики в России» (М., 1927, стр. 110), где он подробно излагает историю «Современника».

Муравьева-вешателя. Вместе с подавлением польского восстания рухнули и те надежды, которые связывались с ним революционно настроенной частью русского общества. Крестьянское движение, столь интенсивное в 1861—1862 гг., замирало. Широко распространенное убеждение в том, что к весне 1863 г., ко времени введения в действие уставных грамот, регулирующих отношения освобожденных рабов к их прежним владельцам, вся Россия будет объята восстаниями крестьян, недовольных обманной волей, оказалось совершенно ошибочным. Наоборот, в деревнях восстанавливалось спокойствие. Крупнейшая революционная организация 60-х годов, строившаяся в расчете на крестьянское восстание в 1863 г., охватившая ряд крупнейших городов и насчитывавшая в своих рядах сотни членов — тайное общество «Земля и Воля» — распалась. Руководители общественного движения предыдущих лет сидели в царских тюрьмах. Н. Г. Чернышевский ожидал в Петропавловской крепости предрешенного уже обвинительного приговора; гнусная роль, сыгранная в его деле Вс. Костомаровым, не была тайной для общества. Правительственная реакция расширялась и углублялась. Вчерашние либералы и радикалы, кокетничавшие своей левизной, притихли или превратились в горячих сторонников правительства. Популярность и влияние Каткова, сумевшего точно учесть начавшуюся реакцию, росли с каждым часом.

Все это выдвигало перед радикальной частью общества ряд новых, волнующих и настойчиво требующих разрешения вопросов. Понятно поэтому, с каким нетерпением поджидали читатели выхода в свет очередного номера «Современника», в котором они привыкли находить ответ на все волнующие их сомнения, и с какими ожиданиями они принимались за чтение этого номера и в первую очередь его внутреннего обозрения, носившего название «Наша общественная жизнь». Понятно также изумление читателей, когда они неожиданно для себя обнаружили, что внутренний обозреватель «Современника» нашел нужным и своевременным заговорить о «понижении тона». Вообще на этот раз обозрение «Современника» производило чрезвычайно странное впечатление. Его анонимный, но хорошо известный постоянным читателям журнала автор — М. Е. Салтыков — развивал совершенно необычные мысли. О чем

и зачем волноваться? — спрашивал он читателей: «Время всегда равно времени, говорю я себе, и спокойно гляжу на прошедшее и не прихожу в восторг при виде грядущего». «В сем мире все предусмотрено, все подчинено неизменным законам: заблуждения и мудрость, увлечения и трезвый глас рассудка, жар и холод — все это заранее размещено по своим местам, все это следовало, следует и будет следовать одному, раз навсегда определенному церемониалу». Было бы напрасной тратой сил восставать против неизбежного хода вещей. Чего же достиг ты, о люд волнующийся и стремящийся? — обращался автор к наиболее пылкой части своих читателей. «Вглядись пристальнее в твою деятельность, не увидишь ли ты в ней жалкой пародии на деятельность тех служителей искусства для искусства, науки для науки, против которых устремлено было все твое горячее негодование? Волнение для волнения, стремление для стремления; сегодняшняя пустая деятельность, поправляющая вчерашнюю пустую деятельность, и в свою очередь поправляемая завтрашнею пустою деятельностью! Вот процесс твоей жизни, а в результате — вечное, непрерывное самообольщение, то жалкое самообольщение, которое для человека, непричастного этой суматохе, кажется совершенно необъяснимою психологической загадкою». Однако пусть юность кипятится и волнуется,— утешал себя автор,— это в порядке вещей, ей свойственно волноваться; ей свойственно ошибаться и возмущаться тем, что зрелости предоставлено «вычеркивать» ошибки юности. Ее волнение и возмущение пройдут с годами. «Друг! Успокойся! Помни, что, когда пора заблуждений пройдет, когда наступит пора постепенного умудрения, то право вычеркивания предоставится и тебе! И даю тебе голову на отсечение, что ты не только не отвернешься от него с негодованием, но воспользуешься им, до такой степени воспользуешься, что даже из всех сил будешь протестовать против всякой попытки, которая стремилась бы его отменить и ограничить!» [4]

Читая эти рассуждения, читатель останавливался в недоумении. Как надо понимать то, что говорит автор? Смеется ли он или серьезно проповедует на тему суета сует? Издевается ли он над юностью, делающейся с годами более

[4] «Современник», 1864, № 1, стр. 21, 18.

солидною и благонамеренною, или, наоборот, утверждает, что именно эта-то юность и идет надлежащим, правильным путем? Неужели он действительно уверен в том, что «понижение тона» поставлено в порядок дня современного общества? Трудно было разобраться в намерениях, водивших пером автора. Рассуждения, претендующие на глубокомыслие, перемешивались в его статье с анекдотами, претендующими на остроумие. Одно было ясно, что ответа на те вопросы, которые развитие русской жизни ставило перед обществом и разрешения которых читатели ждали встретить на страницах своего любимого журнала, статья Салтыкова не дает. Но этого мало — в его статье были выпады, направленные в совершенно неожиданную сторону.

«Итак, о птенцы, внемлите мне! — взывал автор, продолжая развивать свои мысли о тщете всяких исканий.— Вы, которые надеетесь, что откуда-то сойдет когда-нибудь какая-то чаша, к которой прикоснутся засохшие от жажды губы ваши, вы, все стучащие и ни до чего не достукивающиеся, просящие и не получающие,— все вы можете успокоиться и прекратить вашу игру... Никакой чаши ниоткуда не сойдет по той причине, что она уж давно стоит на столе, да губы-то ваши не сумели поймать ее; стучать и просить вы будете по-прежнему... и по-прежнему ничто не отворится перед вами и ничего не будет вам дано, потому что жизнь дает только тем, кто подходит к ней прямо и притом в „благопристойной“ одежде... Я не говорю, чтоб это была перспектива хорошая, но по крайней мере она не заключает в себе никакого марева, а как хотите,— и это уж не малое преимущество... Ждите же, птенцы, и помните, что на человеческом языке есть прекрасное слово,— „со временем“, которое в себе одном заключает всю суть человеческой мудрости. Поверьте, что это — великое слово, которое может принести немало утешений тому, кто сумеет кстати употребить его. Когда я вспомню, например, что «со временем» *дети будут рождать отцов,* а яйца будут учить курицу, что «со временем» *зайцевская хлыстовщина* утвердит вселенную, что «со временем» милые нигилистки будут бесстрастной рукой рассекать человеческие трупы и в то же время подплясывать и подпевать — «ни о чем я, Дуня, не тужила» (ибо «со временем», как известно, *никакое человеческое действие без пения и пляски совершаться не будет),* то спокойствие окончательно водворяется в

моем сердце, и я забочусь только о том, чтоб до сих пор совесть моя была чиста» [5].

Вслед за этими рассуждениями шел анекдот — весьма уместный в обличительно-реакционном романе, но непонятный на страницах «Современника»,— об одной «нигилистке», которая, сидя в опере, с высоты пятого яруса негодовала на некую Шарлотту Ивановну, роскошествовавшую в бельэтаже и бесстыдно предъявлявшую алкающей публике свои обнаженные плечи и «мятежной груди вал».— И как она смела, эта скверная! — визгливо возмущалась нигилистка.— Помилуйте, я, честная нигилистка, задыхаюсь в пятом ярусе, а эта дрянь, эта жертва общественного темперамента... смеет всенародно показывать свои плечи... где же тут справедливость? И неужели правительство не обратит, наконец, на это внимания?

Успокаивая взволнованную нигилистку, автор утешал ее тем, что хотя она сидит в пятом ярусе, но обладает чистой совестью, чего лишена Шарлотта Ивановна.

—Ну, согласились ли бы вы променять вашу чистую совесть на ложу в бельэтаже?— спрашивает автор нигилистку.

— Конечно, нет!— отвечала она, но как-то так невнятно, что автор должен был повторить свой вопрос.

За этим анекдотом о нигилистке шел другой анекдот — о раскаявшемся нигилисте, который на упрек автора в сродстве его новых мыслей с идеями катковского «Русского вестника», хлопнул автора по плечу и, вздохнувши, сказал:

— Э, батюшка, все там будем!

И, по-моему, он сказал вещь совершенно резонную. Но и я сказал вещь не менее резонную, когда утверждал, что *нигилисты суть не что иное, как титулярные советники в нераскаянном виде,* а титулярные советники суть раскаявшиеся нигилисты...» [6].

Таково было выступление Салтыкова, породившее ожесточенную полемику, продолжавшуюся без малого два года. Публицисты «Русского слова» не могли смолчать, когда острие сатиры Салтыкова оказалось направленным против них самих и тех идей, которые они проводили на страни-

---

[5] «Современник», 1864, № 1, стр. 25. Курсив здесь и ниже Б. Козьмина.— *Ред.*

[6] Там же, стр. 25—28.

цах своего журнала... Одного из сотрудников «Русского слова» Салтыков задевал открыто своим упоминанием о «зайцевской хлыстовщине», других — в скрытой форме: указанием на то, что нигилисты суть не что иное, как не успевшие еще раскаяться титулярные советники. Положение обострялось тем, что Салтыков наряду с сотрудниками «Русского слова» задевал и бывшего руководителя «Современника», Н. Г. Чернышевского. Читатели этого журнала, хорошо помнившие печатавшийся в нем год назад роман «Что делать?», прекрасно понимали, что насмешка Салтыкова насчет пения и пляски направлена непосредственно против одного из «снов» Веры Павловны, того самого, в котором в ярких красках изображалась жизнь обновленного общества, где работа и наслаждение, труд и искусство будут сливаться в одно гармоническое целое.

Непристойность выходки Салтыкова против «Что делать?» усугублялась тем, что, как хорошо было известно в литературных кругах того времени, личные отношения его с Чернышевским с 1861 г. отличались большой натянутостью. Повод для этого заключался, как известно, в том, что в сентябре 1861 г. Салтыков, бывший в то время вице-губернатором в Твери, получив по почте 10 экземпляров прокламации «Великорусс», представил их через губернатора в III отделение вместе с конвертами, в которых они были присланы[7]. По распространившемуся в то время слуху, конверты эти послужили первой уликой против арестованного по делу «Великорусса» В. А. Обручева, руку которого III отделение узнало на этих конвертах. «Разумеется,— рассказывает Л. Ф. Пантелеев,— как только это обстоятельство стало известным в литературных кругах, особенно в кружке „Современника“, поднялась буря негодования против М. Е. Когда последний узнал, что произошло в Петербурге, то сейчас же приехал туда, но был крайне сурово принят Н. Г. [Чернышевским] и близкими к нему[8]». Понятно, что при таких условиях в выходке Салтыкова

---

[7] А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем под ред. М. К. Лемке. Пг., 1915—1925, т. XI, стр. 351.

[8] Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого, кн. 2. СПб., 1908, стр. 192. Рассказ о том же Е. И. Жуковской в ее воспоминаниях («Исторический вестник», 1915, № 3, стр. 823—824).

нельзя было не видеть продиктованного личными соображениями выпада против человека, лишенного возможности так или иначе на этот выпад ответить. Понятно и то возмущение, которое статья Салтыкова вызвала среди радикальной части общества.*

Понятно также и то, что «Русское слово» не могло обойти молчанием выпад Салтыкова. Его статья вызвала сотрудников этого журнала на решительный отпор, и этот отпор был ими дан незамедлительно. В ближайшей же, февральской, книжке «Русского слова» появилась статья В. Зайцева «Глуповцы, попавшие в „Современник“».

«Наконец-то, подумал я, прочитав фельетон первой книжки „Современника“,— писал Зайцев,— наконец-то и этот блудный сын возвращается под родительский кров, где, по всей вероятности, не замедлит найти упитанного тельца... Целый год милый фельетонист „Современника“ носил костюм Добролюбова, прежде чем решиться предстать перед публикой в своем собственном рубище». Не «экс-администратору» Салтыкову изобличать молодое поколение в беспринципности. «Вы полагаете, что нигилисты вскоре преобразятся в титулярных советников и что вскоре „все там будем“. Скажите, пожалуйста, какая бесцеремонность и незастенчивость! Как же это вы не рассчитали, что найдутся люди, которые ответят вам на это, что не вам бы это говорить и не нам бы слушать... Нашли, что сказать: „все там будем“! Еще кто будет или нет, а вы ведь уже давно там!» Зайцева не удивляют нападки Салтыкова на молодое поколение: от этого «самодовольного балагура» ничего иного и ждать не приходится — он только сбросил с себя одежду, в которую неудачно пытался маскироваться. Гораздо удивительнее то, что выходка Салтыкова появилась на страницах того самого журнала, в котором печаталось «Что делать?». Вот почему Зайцев считал необходимым, минуя Салтыкова, обратиться непосредственно к редакции «Современника».

«Обращаю внимание уважаемых сотрудников „Современника“,— писал он, — на новое направление, придаваемое этому журналу г. Щедриным; прошу их вспомнить обличения, которыми они часто преследовали литературное ренегатство, и заметить, что „Современник“ находится в эту минуту на весьма скользком пути... Скажу прямо: совместить в себе тенденции остроумного фельетониста

с идеями Добролюбова журнал, уважающий себя, не может. Надо выбирать одно из двух: или идти за автором „Что делать?“, или смеяться над ним» [9].

В том же номере «Русского слова», в котором был напечатан ответ Зайцева Салтыкову, появилась сильно ударившая по последнему статья Писарева «Цветы невинного юмора», написанная независимо от фельетона Салтыкова и до ознакомления с ним. В той статье, кажущейся столь несправедливой нам, хорошо знающим последующую литературную деятельность Салтыкова и основательно позабывшим не вошедшие в собрание его сочинений фельетоны 60-х годов, Писарев указывал на беспринципность, как на основное свойство сатиры Щедрина, лишающее ее серьезного общественного значения.

Статьи Зайцева и Писарева заставили Салтыкова выступить в мартовской книжке «Современника» с разъяснениями и растолковать смысл своего первого выступления. Под влиянием энергичной атаки Зайцева он пытался смягчить впечатление, произведенное его первой статьей. Однако озлобление, вызванное в нем критикой Писарева, помешало ему добиться этого.

Во второй статье Салтыков указывал, что оппоненты не поняли его и приписали ему то, чего он вовсе не имел в виду утверждать. Говоря «все там будем», он якобы имел в виду не всю радикальную молодежь, а лишь определенную часть ее, компрометирующую своим поведением те идеи, сторонниками которых она себя выставляет. «Всякая партия, всякое дело,— писал Салтыков,— имеют своих enfants terribles, которые до тех пор только бывают терпимы, покуда дело еще слабо и покуда малейший разлад в недрах той партии, которая его поддерживает, не может повредить ему. Эти enfants terribles юродствуют, мечутся, не умеют держать язык за зубами и всего охотнее хватаются за внешние признаки дела, так как других они и понимать не могут». Из среды этих enfants terribles выходят «своего рода горлопаны, юродствующие и вислоухие». «Эти последние плавают столь же мелко и точно также не идут далее внешних признаков какого бы то ни было дела, но уже возводят эти признаки в принцип и проповедуют громко, самодовольно и с ожесточением» [10].

[9] «Русское слово», 1864, № 2, раздел II, стр. 40.
[10] «Современник», 1864, № 3, стр. 58.

Такие юродствующие и вислоухие появились и в среде нашего молодого поколения, утверждает Салтыков. Ухватившись за пущенное Тургеневым слово «нигилизм», слово, «не имеющее смысла и всего менее характеризующее стремления молодого поколения», эти вислоухие «стали драпироваться в него, как в некую златотканую мантию, и из бессмыслицы сделали себе знамя».

«В прошлом году,— писал Щедрин,— вышел роман „Что делать?“,— роман серьезный, проводивший мысль о необходимости новых жизненных основ и даже указывавший на эти основы. Автор этого романа, без сомнения, обладал своею мыслью вполне, но именно потому-то, что он страстно относился к ней, что он представлял ее себе живою и воплощенною, он не мог избежать некоторой произвольной регламентации подробностей, и именно тех подробностей, для предугадания и изображения которых действительность не представляет еще достаточно данных. Для всякого разумного человека это факт совершенно ясный, и всякий разумный человек, читая упомянутый выше роман, сумеет отличить живую и разумную его идею от сочиненных и только портящих дело подробностей. Но вислоухие понимают дело иначе; они обходят существенное содержание романа и приударяют насчет подробностей, а из этих подробностей всего более соблазняет их перспектива работать с пением и плясками. Одним словом,— продолжает Щедрин,— нет мысли, которой наши вислоухие не обесславили бы, нет дела, которого они не засидели бы. „Я демократ“,— говорит вам вислоухий и доказывает это тем, что ходит в поддевке и сморкается без помощи платка. „Я нигилист и не имею никаких предрассудков“,— говорит вам другой вислоухий и доказывает это тем, что во всякое время дня готов выбежать голый на улицу. И напрасно вы будете уверять его, что в первом случае он вовсе не демократ, а только нечистоплотный человек, и что во втором случае он тоже не более как бойкий человек, без надобности подвергающий себя заключению в частном доме — не поверит он ни за что и вас же обругает аристократом и отсталым человеком» [11].

Вот таких-то «вислоухих и юродствующих, которые с ухарскою развязностью прикомандировывают себя к

---

[11] «Современник», 1864, № 3, стр. 59—60.

делу, делаемому молодым поколением, и, схватив одни наружные признаки, совершенно искренно исповедуют, что в них-то вся и сила», Щедрин, по его словам, и имел в виду в своем январском обозрении. Не «выругать огулом молодежь», а сделать «попытку отличить этих вислоухих и юродствующих и изъять их из общего представления о молодом поколении», стремился, по его словам, он. «Буря в среде этих милых лилипутов», которую подняла его мимоходная и притом лишенная всякого злостного характера заметка, нападения, вызванные ею на ее автора со стороны «одного невинного, но разухабистого органа невинной нигилистической ерунды» (так Салтыков характеризовал «Русское слово».— *Б. К.*), убеждают якобы Салтыкова в том, что он попал в цель [12].

Таковы были объяснения, данные Салтыковым. Он сам сознавал их недостаточную убедительность и соглашался, что, может быть, в первый раз он выразил свою мысль не вполне рельефно, во-первых, оттого, что «сюжет сам по себе еще слишком деликатен», а во-вторых, оттого, что «при срочной журнальной работе трудно и требовать, чтобы писатель был всегда ясен и изобразителен» [13].

Несомненно, что ответ Салтыкова должен был еще более усилить негодование его противников. Поклонники «Что делать?», конечно, не могли согласиться с оценкой, данной этому роману Салтыковым. То, что ему казалось в этом романе «портящими дело подробностями», с их точки зрения было теснейшим образом связано с основной идеей романа. Стремясь убедить читателей, что его статья была направлена не против всей передовой молодежи, а только против «вислоухих и юродствующих» в ее среде, Салтыков, ослепленный яростью, вызванной в нем нападками «Русского слова», сам опровергал себя, зачисляя в ряды этих «юродствующих» не только тех умственных и нравственных уродов, без которых не обходится и не может обходиться ни одно общественное движение, а и серьезный журнал, оспаривавший у «Современника» его влияние на молодое поколение. «Русское слово» успело приобрести обширный круг горячих сторонников и почитателей, среди которых популярность Писарева и его товарищей по журналу росла не по дням, а по часам. Те многочисленные читатели,

[12] «Современник», 1864, № 3, стр. 56—61.
[13] Там же, стр. 57.

которые привыкли находить в «Русском слове» ответ на волнующие их вопросы, не могли не почувствовать себя оскорбленными зачислением их в ряды «юродствующих и вислоухих». Что же касается самого «Русского слова», то ему вторая статья Салтыкова дала повод вновь поставить вопрос о совместимости с идеями «Современника» взглядов, проводимых Салтыковым. Это было сделано в апрельской книжке этого журнала в анонимной заметке «Кающийся, но не раскаявшийся фельетонист „Современника“». «Мы еще раз предупреждаем его («Современник».— *Б. К.*),— писало «Русское слово»,— что есть границы унижения, за которыми возвратить прежнее сочувствие уже будет нелегко» [14].

На вопрос о солидарности со статьею Салтыкова редакция «Современника» предпочла не давать ответа. Полемика, разгоревшаяся между двумя журналами, на время затихла. Лишь изредка противники обменивались отдельными ударами: то Антонович, разбирая «Взбаламученное море» Писемского, мимоходом укажет, что те, кто хвалил «Отцов и детей» (а это, как известно, в 1862 г. делал Писарев), не могут ругать роман Писемского, ибо и Писемский и Тургенев одинаково клевещут на молодое поколение. Осуждая «Взабаламученное море», критики, принявшие карикатуру Тургенева за свой портрет, тем самым в лице Писемского осуждают Тургенева или, лучше сказать, свое собственное мнение об его романе [15]. То Писарев обрушится на Станицкого, хорошо зная, кто скрывается под этим псевдонимом, и заявит, что этот автор — не более, как «фразер, маскирующий свою умственную бедность критиками и жестикуляцией», и «карикатурист идеи», порочащий «Современник» своими романами, представляющими собою «гнилой хлам и вредный балласт!» [16]

Только к концу 1864 г. полемика разгорелась вновь и достигла еще большего ожесточения, чем прежде. Поводом для этого послужила знаменитая статья Писарева «Реалисты», напечатанная без имени автора и под измененным заглавием («Нерешенный вопрос») в № 9—11 «Русского

---

[14] «Русское слово», 1864, № 4, стр. 70.

[15] М. Антонович. Современные романы.— «Современник», 1864, № 4, стр. 20 и 213.

[16] Д. И. Писарев. Полн. собр. соч., т. IV, СПб., 1894, стр. 147—149.

слова». Мы не будем излагать последовательно развитие этой полемики, ограничимся лишь общей характеристикой ее и постараемся выделить основное ее содержание, чтобы убедиться, как далеко разошлись друг с другом враждующие журналы.

Со стороны «Современника» тяжесть борьбы нес на себе М. А. Антонович, выступавший то под собственной фамилией, то анонимно, то под заимствованным у невмешивавшегося более в полемику Салтыкова псевдонимом «Посторонний сатирик», и отчасти Ю. Г. Жуковский. На страницах «Русского слова» ему отвечали Писарев, Зайцев, Соколов и Благосветлов.

В ожесточении борьбы стороны не стеснялись в резкости и энергичности выражений. Однако пальма первенства в этом отношении, бесспорно, принадлежит Антоновичу. «Ракалья», «хавронья», «гнилой бутерброд», «недоносок благосветловский», «скудоумный Писарев» и т. п. выражения так и сыпались из-под его пера. Из противников его соперничать с ним мог, пожалуй, только воинственный полковник Соколов, писавший: «Гг. Некрасов и Пыпин, почтенные хозяева „Современника“, заставьте ваших молодцов подписываться под своими скандальными статейками... Кто из них, спрашиваю я вас, настрочил на меня шельмецкий пасквиль?». И далее Соколов угрожал, что если ему не назовут фамилии автора, то он «поступит с анонимом, как следует» [17].

Спор одновременно шел в нескольких направлениях. Спорили о том, кто прав в оценке «Отцов и детей»: тот, кто видит в Базарове карикатуру на молодое поколение (Антонович), или тот, кто считает его за действительного представителя этого поколения (Писарев). Спорили о том, правильно ли Добролюбов оценил Катерину в «Грозе» Островского как светлое явление на фоне темного царства русской жизни. Спорили об искусстве и об его полезности. Спорили о том, способны ли негры к самостоятельной политической жизни или же самою природою осуждены на порабощение европейцами. Спорили о философии Шопенгауэра. Спорили о том, был ли Милль «отъявленным британским буржуа», написавшим свои «Основания политической экономии» с целью «оправдать экономическую

---

[17] «Русское слово», 1865, № 9, стр. 108.

ложь Англии и воспеть прелесть лихоимства и тунеядства» (Соколов), или же он «стремился только к истине, не заботясь о том, приятна или неприятна она для существующих экономических отношений» (Антонович) [18]. Спорили о том, лакействовал или не лакействовал Благосветлов перед первым издателем «Русского слова» графом Кушелевым-Безбородко. Спорили, наконец, по ряду других вопросов. Немудрено, что читатели, оглушенные беспрерывным бряцанием оружия и запутавшиеся в полемических схватках двух своих любимых журналов, подчас теряли способность разобраться в их споре и приходили к выводу, что спор этот — никому ненужное и даже вредное для дела словопрение. «Желательно знать,— писал в редакцию „Современника" один из его читателей,— какую пользу вынесет читатель из знаменитой полемики знаменитого „Постороннего сатирика" с „Русским словом", где нет никакой серьезной мысли, а только одна плоская брань, напоминающая рыночных торговок?» [19].

Характерно, что далеко не все из участников спора ясно представляли себе глубину противоречий, вскрывавшихся во время полемики. Некоторым из них казалось, что спор касается лишь частностей, расхождения же по основным вопросам между спорящими нет. В анонимном «Ответе „Современнику"», напечатанном в № 10 «Русского слова» за 1864 г., редакция этого журнала, заявляя о своем желании избежать полемики с «Современником», писала: «„Русское слово" может расходиться с „Современником" на частных и отдельных вопросах, но оно всегда настолько уважало общую идею, что не решится пожертвовать этой идеей в пользу какого бы то ни было личного самолюбия». А в № 12 того же журнала «Заштатный юморист» (псевдоним Благосветлова) жаловался, что Антонович воспользовался статьей Писарева «Нерешенный вопрос», чтобы придраться к «Русскому слову», и «из частного вопроса сделать предмет общего спора» [20].

---

[18] Н. Соколов. Милль.— «Русское слово», 1865, № 7, стр. 40; М. Антонович. Добросовестные мыслители и недобросовестные журналисты,— «Современник», 1865, № 2, стр. 240.

[19] Письмо это опубликовано Антоновичем в заметке «К читателям».— «Современник» 1865, № 5, стр. 110—111.

[20] Ответ «Современнику».— «Русское слово», 1864, № 10, стр. 104. Заштатный юморист. Г. Постороннему сатирику «Современника».— «Русское слово», 1864, № 12.

Может быть, только один Писарев вполне ясно сознавал, что спор идет о коренных вопросах русской жизни и что в разрешении их намечаются две непримиримо враждебные между собою точки зрения, выразителями которых являются полемизирующие журналы. «Если бы Белинский и Добролюбов,— писал он в „Нерешенном вопросе“,— поговорили между собою с глазу на глаз, с полной откровенностью, то они разошлись бы между собой на очень многих пунктах. А если бы мы поговорили таким же образом с Добролюбовым, *то мы не сошлись бы с ним почти ни на одном пункте*. Читатели „Русского слова“ знают уже, *как радикально мы разошлись с Добролюбовым* во взгляде на Катерину, то есть — в *таком основном вопросе*, как оценка светлых явлений в нашей народной жизни» [21].

В чем же была сущность расхождения «Русского слова» с «Современником», и почему Писарев придавал такое большое значение разногласиям, обнаружившимся между ними в оценке образа Катерины в «Грозе» Островского? Только ответив на эти вопросы, мы уясним себе в полной мере значение интересующей нас полемики.

Начнем с выяснения общественно-политической программы «Современника» в годы полемики (1864—1865 гг.). Характеризуя позицию этого журнала в ту эпоху, когда руководящая роль принадлежала в нем Чернышевскому и Добролюбову, В. Ф. Переверзев говорит, что этот журнал развернул «буржуазно-демократический радикализм в систему западнического социализма в стиле утопии Фурье» [22]. Присоединяясь вполне к этой характеристике, мы должны, однако, отметить, что со времени насильственного удаления Чернышевского с журнальной арены и прекращения его руководства «Современником» характер этого журнала в значительной мере изменяется. «Современник» эпигонов

---

[21] Д. И. Писарев. Полн. собр. соч., т. IV, стр. 33. Курсив Б. Козьмина.— *Ред.*

Из приведенной нами цитаты видно, что никак нельзя согласиться с Л. Тихомировым, который в своей статье «Неразрешенные вопросы» («Дело», 1881, № 1, стр. 8, подпись И. К.) писал: «Сам Писарев, заявляя свое разногласие с Добролюбовым в некоторых мелочах (вроде оценки Екатерины в „Грозе“), не имел понятия о пропасти, разделяющей их между собою, может быть, больше, чем от Аксакова или Каткова». Ниже мы увидим, почему для Писарева вопрос об Екатерине отнюдь не был «мелочью».

[22] В. Переверзев. Нигилизм Писарева в социологическом освещении.— «Красная новь», 1926, № 6, стр. 164.

Чернышевского во многих отношениях отошел от того, чем был «Современник» самого Чернышевского. Суммируя изменения, происшедшие в политической физиономии этого журнала за интересующие нас годы, мы должны будем констатировать, что его западнический характер постепенно ослабевал, и что в нем все сильнее и сильнее начинали звучать такие ноты, в которых нам явственно слышится приближение эпохи расцвета народничества. От революционного западничества к народничеству — вот путь, по которому шел «Современник», утративший Чернышевского.

Конечно, изменение идейного лица «Современника» совершилось не в один день и не сразу: оно происходило постепенно и, может быть, новые руководители журнала сами не замечали того, как они отступают все дальше и дальше от основных идей Чернышевского. Вот почему на страницах «Современника» за интересующие нас годы можно найти ряд противоречивых высказываний. Бывали случаи, что в одном и том же номере на один и тот же вопрос различными авторами давались противоположные ответы. Перерождение журнала происходило медленно и в малозаметных формах. Вот почему оно не вполне ясно замечалось как его сотрудниками, так и читателями. Однако теперь, когда мы просматриваем «Современник» книжку за книжкой и сравниваем их, мы не можем не констатировать, что постепенно этот журнал все более и более окрашивался в народнические цвета. Процесс перерождения журнала Чернышевского в народнический не закончился; он был прерван насильственным прекращением этого журнала в 1866 г. после каракозовского выстрела. Только тогда, когда «Современник» воскрес под другим названием и когда к ближайшему участию в нем были привлечены новые лица, процесс перерождения закончился. «Отечественные записки» твердо стали под знамя народничества.

Эволюция «Современника» в сторону народничества сказывалась в том, что этот журнал начинал придавать все большее и большее значение «народным началам», проявляющимся в общинном строе крестьянской жизни и якобы гарантирующим Россию от повторения путей, проложенных Западом, и от превращения в страну с буржуазно-капиталистическим строем экономических и общественных отношений.

Несомненно, что главным проводником народнических идей на страницах «Современника» был Елисеев. Чтобы убедиться в этом, мы приведем ряд цитат из его «Внутренних обозрений» за 1864—1865 гг.

«Англия,— писал Елисеев в № 3 „Современника" за 1864 г.,— по некоторым исторически неправильно наросшим и потом окаменевшим условиям своего быта стоит в десять раз ниже России». «Русская история,— писал он в том же номере,— есть дело любовного земского строения; в ней не было никогда и тени борьбы сословностей; народность, *земственность* составляют ее корень и почву». Россия не видала в своем прошедшем ни борьбы партий, ни даже возможности их существования; она не видит ничего подобного и в настоящем» [23]. «Наш народ и наше общество,— читаем мы во „Внутреннем обозрении", № 10 за 1864 г.,— доселе живут большею частью обычаем сложившимся и, следовательно, на основании воззрений, не имеющих часто ничего общего с воззрениями современного европейского общества. Мы представляем собою величины, часто совершенно не соизмеримые с Европою» [24].

«Лучшие люди,— писал Елисеев в № 1 за 1865 г.,— никогда не переводились в общине. Ибо всегда равноправная в лице всех своих членов, водившаяся в решении дел единственно началами здравого смысла и справедливостью, община была ареною, где лучшая натура не могла затереться и затеряться. Вот почему честность и справедливость доселе составляют неотъемлемое качество тех крестьянских миров, которые не были нравственно испорчены крепостным правом». Начало собственности, проникая в общину, «будет могилою для духа бывшего крестьянского братства, для нравственного авторитета крестьянских миров, для мирской правды» [25].

«Без ненависти и злопамятства вышел он (русский народ.— *Б. К.*) из тяжелого крепостного ига и доселе остается так прост и неиспорчен, что еще не понимает, чтобы можно было общим делом жертвовать ради сословных интересов.» [26].

---

[23] «Современник», 1864, № 3, стр. 109, 118—119.
[24] «Современник», 1864, № 10, стр. 219.
[25] «Современник», 1865, № 1, стр. 95.
[26] «Современник», 1865, № 3, стр. 140.

«Если бы положение о земских учреждениях,— читаем мы в статье „Представительство крупной поземельной собственности в земских учреждениях“, написанной тем же Елисеевым,— повсюду выполнялось у нас добросовестно и искренно, без всяких задних мыслей, без приклонения слуха к советам московских кумушек (намек на Каткова [27]), то нет сомнения, что со временем наши сословия действительно объединились бы и слились в земском деле в одно великое целое, чуждое узких тенденций сословности и всякого другого преобладания и единодушно стремящееся к одной общенародной цели» [28].

Итак, история России, не знавшей феодализма с его сословной обособленностью, была и до сих пор продолжает строиться на началах земственности, являющейся отрицанием борьбы классов. Надо ли говорить, насколько эта типично народническая идея была чужда реалистическому миросозерцанию Чернышевского, во многих отношениях приближавшегося к вполне правильной постановке вопроса о классовой борьбе? И не является ли эта упорно проводимая Елисеевым мысль лучшим доказательством того, как далеко отошел от Чернышевского «Современник» 1864—1865 гг.?

Однако для того, чтобы быть более убедительными, приведем еще один пример, свидетельствующий, что в оценке одних и тех же фактов эпигоны Чернышевского коренным образом расходились со своим учителем.

В 1861 г. вышел в свет сборник рассказов из народного быта Н. Успенского. В них автор давал жестокую по реализму картину забитости, невежества и инертности народа. В № 11 «Современника» за тот же год Чернышевский напечатал статью «Не начало ли перемены?», посвященную разбору рассказов Успенского. Он приветствовал последнего за то, что тот «пишет о народе правду без всяких прикрас». Он называл автора рассказов «человеком, которому удалось так глубоко заглянуть в народную

[27] В статье «Ученые грехи и передовые заблуждения», написанной Ю. Г. Жуковским, мы читаем: «Московские публицисты служили первыми проводниками, первым примером в нашей литературе того внутреннего возбуждения и недоверия друг к другу между отдельными частями общества, которое было знакомо обществам, воспитывавшимся в феодальной школе» («Современник», 1865. № 6, стр. 120).

[28] «Современник», 1865. № 5, стр. 2.

жизнь... как никому из других беллетристов». Указывая, что Успенский изображает русского простолюдина «простофилею», Чернышевский говорил, что «только немногие, очень горячо и не бестолково любящие народ, поймут, как достало у г. Успенского решимости, выставить перед нами эту черту народа без всякого смягчения» * [29]

Прошло меньше трех лет. Рассказы Успенского вышли вторым изданием. В № 5 «Современника» за 1864 г. была помещена статья Ап. Головачева, посвященная новому изданию. И вот на этот раз «Современник» не находит в рассказах ничего, кроме сплошной клеветы на народ и презрения к нему. «В его (Успенского.— *Б. К.*) отношениях к народу,— пишет Головачев,— слышится не равнодушие или беспристрастие, а какая-то смесь высокомерия и презрения, напоминающая старого зажиточного барского бурмистра» [30].

Таким образом, то, что для Чернышевского было правдою, для его эпигонов стало ложью.

Тезис о своеобразии социально-экономических условий русской жизни и о необязательности для нас тех путей развития, коими идет Запад, на страницах «Современника» получил особенно яркое выражение в 1865 г.

В январской книжке за этот год, обращаясь к тем, кто «желает образования у нас пролетариата, прикрепления рабочих к предпринимателю и тому подобных милых вещей», Елисеев спрашивал: знают ли они, что «отношения рабочих к нанимателям в Англии ничуть не лучше, а хуже наших, и что там наниматели после долгой, безуспешной и разорительной борьбы с рабочими приходят к мысли стать рабочим в то же положение, в каком находятся они у нас, и улаживать дело добровольным соглашением?» [31].

---

[29] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 10 томах. СПб., 1905—1906, т. VIII, стр. 340, 354, 355.

[30] «Современник», 1864, № 5, стр. 38.

[31] «Современник», 1865, № 1, стр. 126. Такая откровенная идеализация патриархальных отношений между хозяевами и рабочими и нашей самобытности — не случайная обмолвка Елисеева. Можно было бы привести ряд аналогичных цитат. Ограничимся одной. В № 11—12 «Современника» за 1864 г. помещена статья «Мысли о земледельческой промышленности». Автор ее, скрывшийся под инициалами NZ *, между прочим писал: «Наш рабочий люд нисколько не подвергается тем тяжелым условиям, которые испытываются рабочим классом людей на Западе. Тамошний рабочий — истинный пролетарий, несчастнейшее в свете создание.

С полной ясностью взгляд «Современника» на особенности русской жизни был высказан в сентябрьской книжке за 1865 г. Здесь был помещен перевод знаменитой речи Лассаля «Об особенной связи современного исторического периода с идеей рабочего сословия». Переводу было предпослано предисловие, в котором редакция выражала полную солидарность со взглядами Лассаля и высказывалась о применимости их к русской действительности.*

«Нет сомнения,— читаем мы в этом предисловии,— что историческое явление в Западной Европе, объясненное Лассалем, простирается и на нашу собственную жизнь. При всем несходстве внешних факторов, при всем различии государственных форм мы чувствуем, что и в нашей жизни происходит нечто аналогическое, что в развитии нашей общественной и экономической жизни в настоящее время последовательно выступает на сцену то же четвертое сословие, та же народная масса, ожидающая своей очереди воспользоваться общественными правами и благами цивилизации. В этом убеждают и общественные факты и нравственное сознание, которого не могут скрыть даже люди, наименее склонные увлекаться народным интересом» [32].

Надо ли, однако, нам повторить те фазисы, которые проходила Европа и после которых она пришла к рабочему вопросу? — спрашивает автор предисловия и так отвечает: «Освобождение крестьян у нас еще такой недавний факт, что по формуле Лассаля можно было бы полагать, что для нас теперь только наступает переход от земледельческого феодального периода к периоду буржуазной собственности, но на деле для нашего общества идет вопрос о вступлении в тот же период, который для западного общества Лассаль определяет господством идеи рабочего сословия. Наше общество не представляет

Он, как перелетная птица, не имеет ни гнезда, ни кровли; беспрерывно борется с недостатком средств для удовлетворения первых потребностей жизни. Наемная плата для него — единственное средство поддерживать жизнь свою и своего семейства. Все это у нас решительно невозможно. Наш рабочий имеет оседлость и даже свое собственное хозяйство. Работа по найму составляет для него вернейшее, ничем не рискованное средство употребить с пользою остающееся свободное время. Работа у него под рукой — во всякое время» (стр. 263).

[32] «Современник», 1865, № 9, стр. 178.

никаких — ни дворянских, ни буржуазных действительных принципов, которые имели бы право занять первенствующее место в общественных и политических отношениях; и единственная дорога, которая остается русскому обществу, это — стремление к равноправности сословий, тем более удобной, что она — говорят — существовала уже и в древней России. Наше дворянство выродилось политически раньше, чем успело сыграть какую-нибудь самостоятельную роль; если уже теперь в земском самоуправлении другие сословия стоят наряду с ним, то на будущее время не предвидится, конечно, никаких резонов оставлять за ним прежнюю привилегию. Таким образом, за ним остается только воспоминание его феодального, т. е. крепостного и служилого значения. И хотя у нас все еще продолжается брожение, дворянство стремится сохранить... привилегированное положение, хотя в общественной жизни продолжают действовать учреждения с дворянским или буржуазным характером, часто перенятые из буржуазной цивилизации Европы, но все эти элементы не представляют, однако, никакой действительной силы, которая бы давала им какое-нибудь исключительное право руководства и обещала от них особенно благотворное влияние на жизнь государства. Напротив, все сильнее оказывается необходимость освобождения труда, которое одно в состоянии развить всю производительность народных сил и исправить ущерб, нанесенный народу и государству прежним господством привилегии» [33].

Один из революционеров-народников 70-х гг. в своих воспоминаниях рассказывает, что его единомышленники черпали из Лассаля аргументы в защиту своих народнических воззрений. «Все то,— пишет он,— что Лассаль говорил о фабричных рабочих, мы переносили на наше крестьянство, являющееся для нас нашим обездоленным четвертым сословием» [34]. Как мы видим, у этих народников-семидесятников в 60-е годы были предшественники, группировавшиеся вокруг «Современника»: как те, так и другие были готовы поставить знак равенства между западным пролетарием и русским мужиком. Но не одно только это сближало эпигонов Чернышевского с

[33] «Современник», 1865, № 9, стр. 178—181.

[34] В. Дебогорий-Мокриевич. Воспоминания, изд. 3. СПб., 1907, стр. 77.

народниками 70-х гг. Из цитат, приведенных выше, видно, что многие мысли, нашедшие себе выражение на страницах «Современника» в последние годы его существования, позднее вошли в миросозерцание народников 70-х годов как неотъемлемые его составные части. Если «Современник» и не дал законченного выражения этого миросозерцания, то все основные элементы мы можем встретить на страницах некрасовского журнала. Вот почему этот журнал в те годы, когда он вел полемику с «Русским словом», мы имеем полное основание считать выразителем идей раннего народничества. «Отечественные записки» только развили и углубили взгляды, высказанные «Современником», приведя их в законченную систему стройного миросозерцания.

На какой же позиции стоял противник «Современника» журнал Благосветлова «Русское слово»? В чем он сходился с «Современником» по основным вопросам, выдвигаемым русской жизнью, и в чем расходился?

Общеизвестно и бесспорно, что руководящая роль в «Русском слове» принадлежала Д. И. Писареву. И по уму, и по запасу знаний, и по литературному таланту он был на голову выше своих товарищей по журналу. Те годы, когда между «Русским словом» и «Современником» разгорелась полемика, были годами наибольшей продуктивности Писарева. Именно в эти годы он дал свои лучшие и наиболее законченные произведения. В интересующей нас полемике ему принадлежала руководящая роль; он поставил наиболее острые и основные вопросы; он своей блестящей статьей «Посмотрим!» нанес Антоновичу удар, решивший исход спора. Естественно в виду этого, что, говоря о «Русском слове», мы прежде всего и дольше всего остановимся на взглядах и мыслях Писарева.

Первое, что нам надлежит отметить, это весьма скептическое, чтобы не сказать более, отношение Писарева к таким идеям, как «народность», «народная правда» и т. д. В этом вопросе Писарев был весьма последователен и, начиная с самых ранних своих произведений, высказывался совершенно определенно, без каких-либо колебаний. Еще в 1861 г. в статье «Несоразмерные претензии» он иронически отзывается о повышенном интересе, проявляемом нашим обществом к народной жизни: «Мы недавно принялись за изучение народности и как будто в разъяснении

ее хотим проверить свои недостатки, слабости и несчастья». Одновременно с этим требует от изучающих народную жизнь совершенно объективного, чуждого какой бы то ни было доли идеализации изображения народа со всеми слабостями и недостатками, безобразными уклонениями и ошибками. «Мы не требуем оптических обманов, мы не боимся тяжелого впечатления, не отвертываемся от нравственного зла, но настоятельно требуем, чтоб это зло было нам объяснено, чтоб наше обличие было... осторожным и бережным раскрытием раны, на которую мы не имеем права смотреть с ужасом и отвращением» [35]. В другой статье, относящейся к тому же 1861 г., «Процесс жизни», Писарев издевается над «филантропами», которые обвинят вас в негуманности, «если вы скажете, что народ груб». «Преклоняйтесь перед народной правдой, уважайте даже народные щи да кашу и не верьте Молешотту... вот что скажут вам филантропы» [36]. В следующем году он отзывается как о донкихотстве о «вечнофразистых, неясных бреднях о народности, о русской цивилизации, о будущем влиянии России на умственную жизнь Европы» [37]. Еще немного позже Писарев прямо ставит вопрос: может ли интеллигенция «взять для себя хоть какую-нибудь частицу из народного миросозерцания» и нужно ли в связи с этим изучать народ и его жизнь? Ответ его на этот вопрос короток и ясен: интеллигенции нечего взять из народного миросозерцания, потому что «идеи и мотивы этого миросозерцания находятся в самой непримиримой вражде со всеми элементарными учебниками физики и географии». С другой стороны, работать на пользу народа, по его мнению, можно и без изучения его идей и взглядов. «Поэтому я говорю еще раз,— пишет Писарев,— что изучать *народное миросозерцание или, проще, народное суеверие* нет никакой надобности» [38].

При таком взгляде на народ и народную жизнь Писарев, конечно, не мог верить в то, что темная, неразвитая народная масса способна собственными силами сбросить с себя гнетущее ее экономическое и политическое иго. Свое скептическое отношение к народной революции

[35] Д. И. Писарев. Полн. собр. соч., т. I, стр. 225—226.
[36] Там же, стр. 312—313.
[37] Д. И. Писарев. Полн. собр. соч., т. II, стр. 234.
[38] Там же, т. IV, стр. 190—194. Курсив Б. Козьмина.— *Ред.*

Писарев с полной ясностью выразил в написанном в 1862 г., но опубликованном значительно позднее блестящем политическом памфлете «Пчелы». Памфлет этот далеко еще не оценен в надлежащей мере историками нашей общественной мысли, но хорошо понят прусскими жандармами, запретившими немецкий перевод «Пчел», и известным мракобесом 70-х годов Цитовичем, писавшим: «Эти „Пчелы“ гораздо ядовитее всякого „Набата“, „Общины“, „Земли и Воли“, всяких прокламаций и „воззваний к молодому поколению“» [39]. Действительно, тот подъем революционного пафоса, которым отличаются «Пчелы», то негодование, которым пропитана каждая строчка этого памфлета, направленного против государственного и экономического строя, попирающего интересы трудящейся массы, та горячая симпатия, которую вызывают в авторе рабочие пчелы, осужденные трудиться в течение всей своей жизни для того, чтобы тунеядцы-трутни могли без забот и печалей наслаждаться жизнью,— все это дает основание признать «Пчелу» одной из наиболее ярких страниц в блестящем литературном наследстве, оставшемся нам от Писарева.

«Рабочие пчелы — жалкие парии, не чувствующие своего унижения, неспособные из него выйти и поддерживающие в этом унижении следующее поколение, которое в свою очередь будет действовать в том же возмутительно-консервативном духе, и так далее, до бесконечности. Это — пролетарии, задавленные существующим порядком вещей, закабаленные в безвыходное рабство, кружащиеся в колесе и потерявшие всякое сознание лучшего положения». Только благодаря «трогательному, но совершенно нелепому самоотвержению» рабочих пчел может существовать тот «уродливый порядок вещей», каким является жизнь пчелиного улья. Забитость рабочих пчел и их неспособность понять свои интересы возможны лишь потому, что постоянный мрак, царящий в улье, скрывает от их глаз всю грязь и бедность их жизни — «темнота совершенно необходима для поддержания существующего порядка». Вот почему, если наблюдатель жизни улья проделает в нем отверстие и будет постоянно прочищать его, то все дела пчелиного царства мало-помалу приходят в расстройство.

---

[39] П. Цитович. Хрестоматия «Нового слова», III. «Реальная критика». Одесса, 1879, стр. 55.

Рабочие пчелы начинают разбираться в своем положении и понимать, что плодами их усилий пользуются привилегированные классы. Они волнуются, перестают работать и, наконец, совершенно покидают улей. Улей погибает, а рабочие пчелы живут на просторе среди цветущей природы, наслаждаются жизнью и, наконец, натешившись вволю, умирают, как жили, свободными гражданами животного мира. «Некоторые из этих анархистов раскаиваются, впрочем, в своих поступках и пытаются пристать к какому-нибудь другому государству, т. е. поселиться в другом улье». Но там их не принимают: туземцы выгоняют от себя или убивают пришельца.

Какие же выводы делает Писарев из нарисованной им картины народной пчелиной революции? Два: во-первых, мрак необходим для поддержания порядка в государстве, основанном на порабощении одних классов другим и, во-вторых, рабочие пчелы, «отрешившись от заветной нормы своего общественного устройства, *не способны выработать себе другую норму»* [40].

Таким образом, трудящиеся массы, по убеждению Писарева, неспособны, в силу своей косности и несознательности, собственными усилиями построить новую жизнь на более справедливых началах. Другими словами, в народную революцию Писарев не верил. Значит ли это, что он вообще скептически относился к возможности уничтожения современного общества, основанного на классовом неравенстве и на порабощении привилегированными трудящихся? Или, может быть, он думал найти в нем какие-нибудь другие силы, которые придут на помощь народу и помогут ему сбросить с себя иго эксплуатации?

Прежде чем мы дадим ответ на эти вопросы, нам необходимо осветить отношение Писарева к основному тезису нашего народничества — к признанию своеобразия исторических путей России. Отношение это было крайне отрицательным, что логически вытекало из признания общности и обязательности для всего человечества определенных законов прогресса. Во всех шести томах сочинений Писарева нельзя найти ни одного места, где бы он противопоставлял Россию Западу. Ему была совершенно чужда мысль о каких бы то ни было особых началах, лежащих в основе

---

[40] Д. И. Писарев. Полн. собр. соч., т. II, стр. 600—611. Курсив Б. Козьмина.— *Ред.*

русской жизни, которые ставили бы ее выше западной; наоборот, он был уверен, что «наша цивилизация ничем не лучше и ничем не хуже остальных» [41]. Он не искал спасения в общинном строе русской жизни, а ожидал его от перестройки этой жизни на западноевропейский лад. Писарев — сторонник развития промышленности и образования городских центров, хотя и те страны, в которых промышленность доведена до высокой степени совершенства, «несут, конечно, свою долю страданий, произведенных элементом присвоения», однако положение этих стран может быть названо счастливым по сравнению с теми, в которых «свирепствует исключительное земледелие».

Развитие промышленности необходимо для процветания самого земледелия. «Чисто земледельческая страна, с успехом занимающаяся земледелием, есть чистейший миф», ибо земледелие такой страны никогда не сможет выйти из примитивных, отсталых форм [42]. Только в том случае, если развитие агрономических знаний происходит одновременно с «образованием местных центров производства и потребления», только в этом случае создаются условия, благоприятные для рационализации земледелия.

Развитию промышленности Писарев придает громадное значение. Распространение промыслов вызывает у производителей потребность сближения между собой, отсутствующую в обществе чисто земледельческом. Оно создает почву, благоприятную для распространения знаний, увеличения богатства и нравственного освобождения личности. Занятие одним земледелием препятствует ассоциации человеческих сил. Разрозненности земледельческого населения неизбежно сопутствует неразвитость и даже полное отсутствие общественной жизни: «идеи такого общества также однообразны, как его материальные продукты».

С развитием промышленности и с образованием в стране центров производства быстро развивается и общественная жизнь. «Эпоха освобождения и возвышения человеческого достоинства совпадает везде с эпохой пробуждения технической изобретательности и предприимчивости. Человек, начинающий чувствовать себя властелином природы, не может оставаться рабом другого человека». «Разнообразие промыслов благодетельно тем, что оно уменьшает

[41] Д. И. Писарев. Полн. собр. соч., т. II, стр. 610.
[42] Там же, стр. 588, 583.

зависимость простого работника от хозяина или мастера и увеличивает в первом чувство собственного достоинства, принуждая в то же время второго уважать человеческую личность своего подчиненного». В промышленных странах народные массы начинают принимать самое деятельное участие в политической жизни. «Труд постоянно стремится выбиться из-под контроля и господства капитала». Ассоциация труда — вернейшее в глазах Писарева средство для его освобождения из-под власти капитала. В частности, что касается русской жизни, то очередной и наиболее важной задачей, выдвинутой ею, Писарев считал «организацию народного труда по западноевропейскому образцу» [43].

Таким образом, уже в ранних своих произведениях Писарев выступает законченным и последовательным западником, ищущим спасения не в упрочении исконных, общественных начал, свойственных якобы русской жизни, а в движении ее по тому же пути, по которому идет Западная Европа, т. е. через капитализм к социализму. Как мы убедились из только что приведенных цитат, заимствованных нами из статьи Писарева «Очерки из истории труда», написанной им в 1863 г.[44], он предчувствовал, что капитализм, эмансипируя личность рабочего и создавая условия, необходимые для сближения и сплочения работников, тем самым подготавливает почву для социальной реформы, имеющей своей целью освобождение труда из-под власти капитала [45].

Западничество Писарева вполне соответствовало общему направлению «Русского слова». Благосветлов, считавший, что основная задача, стоявшая перед Россией, заключается в усвоении ею начал западноевропейской жизни [46], с самого начала придал своему журналу западнический

[43] Д. И. Писарев. Полн. собр. соч., т. II, стр. 539, 555, 590, 597 и сл.

[44] «Русское слово», 1863, № 9, 11, 12. Эта статья вошла во второй том полного собрания сочинений Д. И. Писарева под измененным из цензурных соображений названием — «Зарождение культуры».

[45] Ср. Н. Водовозов. Д. И. Писарев как экономист. Экономические этюды. СПб., 1907, стр. 342. Вопросу об отношении Писарева к социализму мы предполагаем посвятить специальную статью.

[46] О западничестве Благосветлова подробнее см. в моей статье «Г. Е. Благосветлов и „Русское слово"».— «Современник», 1922, № 1, стр. 213—214.

характер. Мы не имеем возможности подробно освещать социально-политическую программу этого журнала и поэтому ограничимся лишь краткой формулировкой ее.

«Россия — страна хлебная и поэтому бедная». Первое условие увеличения ее материального благосостояния — развитие в ней фабрично-заводской промышленности. Так оценивало «Русское слово» ближайшие потребности России в экономической сфере [47].

Из сказанного выше мы убедились, что по основным вопросам русской жизни «Современник» и «Русское слово» придерживались диаметрально противоположных взглядов. К 1864 г. расхождение между ними выявилось с полной ясностью и обусловило то резкое столкновение, которое Достоевский оценил как «раскол в нигилистах».

Поводом для возобновления полемики, прервавшейся на время после двукратного выступления Салтыкова, явилась статья Писарева «Мотивы русской драмы». Один из критиков-марксистов вполне правильно отметил, что в этой статье «происходит окончательный разрыв Писарева с Добролюбовым и его школой, т. е., говоря короче и определительнее, с идеологией народничества» [48]. Не случайным, конечно, было то, что, желая отмежеваться от Добролюбова и его последователей, Писарев избрал темой своей статьи взгляды Добролюбова на творчество Островского.

Известно, какое значение придавал Добролюбов мрачной критике торжествующего самодурства, нарисованной Островским. Для Добролюбова эта критика являлась изображением не только той среды, к которой принадлежат герои Островского, но всей русской жизни. Добролюбов горячо приветствовал «Грозу» вследствие того, что в ней он, как ему казалось, находил указание на выход из тяжелого положения и признание того, что русская жизнь заключает в себе задатки более разумного, законного, «правильного порядка дел». В «Грозе» он нашел «что-то освежающее и ободряющее», обнаруживающее «шаткость и близкий конец самодурства». В самоубийстве Катерины он видел «страшный вызов самодурной силе», «протест, доведенный до конца, провозглашенный и под домашней

---

[47] Н. В. Шелгунов. Домашняя летопись.— «Русское слово», 1865, № 5, стр. 6—7.

[48] М. Неведомский. Д. И. Писарев. Вступительная статья к кн. Д. И. Писарев. Пушкин и Белинский. М., 1923, стр. 37.

пыткой, и над бездной, в которую бросилась бедная женщина»[49]. В Катерине по складу ее понятий и характера Добролюбов видел представительницу «простого народа»; в ней он искал ручательство того, что народ захочет и будет в состоянии бороться с самодурством. Вот почему, говоря словами Г. В. Плеханова, «Добролюбов, можно сказать, был влюблен в эту женщину»[50]. В ней он видел представительницу «того общественного движения, которое чувствуется у нас теперь»; в ней, по его мнению, «отразился новый тип, создаваемый русской жизнью»; ее характер «соответствует новой фазе нашей народной жизни»; в ее протесте и гибели проявляется та сила и высота, «до которых может доходить наша народная жизнь в своем развитии»[51]. Одним словом, господству самодурства приближается конец; удар, от которого оно погибнет, будет исходить из среды самого народа — вот смысл той статьи Добролюбова «Луч света в темном царстве», против которой ополчился Писарев.

Эта статья была ошибкой со стороны Добролюбова, «он увлекся симпатией к характеру Катерины и принял ее личность за светлое явление», писал Писарев и обещал «быть строже и последовательнее Добролюбова»: «нам необходимо будет защищать его идеи против его собственных увлечений»[52]. Если здесь Писарев говорит еще лишь о последовательном проведении идей Добролюбова, то позднее, по мере того как полемика с «Современником» разгоралась, Писарев еще резче отмежевался от Добролюбова и его взглядов. В 1865 г. в статье «Посмотрим!», отвечая на упрек Антоновича в измене прежним убеждениям, Писарев писал: «Я никогда не был ни самым горячим, ни даже просто горячим приверженцем Добролюбова. Я давно разошелся с Добролюбовым на многих пунктах... Я всегда считал и до сих пор считаю Добролюбова за очень умного и за очень честного человека, но с очень многими из его мнений я все-таки не согласен». «Умный и честный, но, по моему крайнему разумению, *заблуждающийся*

---

[49] Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч. Под ред. М. К. Лемке. СПб., 1911—1913, т. IV, стр. 402, 433, 434.

[50] Г. В. Плеханов. Добролюбов и Островский.— Сб. «Русские критики об Островском». М., 1923, стр. 291.

[51] Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. II, стр. 402, 407, 423, 429.

[52] Д. И. Писарев. Полн. собр. соч., т. III, стр. 227.

писатель»,— такова окончательная оценка Добролюбова, данная Писаревым [53].

Заявив о своем расхождении с Добролюбовым, Писарев очень четко намечает сущность этого расхождения. Ему претят *«постоянные коленопреклонения перед народной мудростью и перед народной правдой»*. В отличие от Добролюбова он уверен в том, что «ни одно светлое явление не может ни возникнуть, ни сложиться в условиях народной жизни». «Русская жизнь,—заявляет он,— в самых глубоких своих недрах *не заключает решительно никаких задатков самостоятельного обновления;* в ней лежат только сырые материалы, которые должны быть оплодотворены и переработаны *влиянием общечеловеческих идей»* [54].

Чтобы убедить своих читателей в этом, он и решается подвергнуть критическому анализу взгляд Добролюбова на Катерину как на светлое явление, характерное для русской народной жизни. «Вся жизнь Катерины,— пишет он в результате этого анализа,— состоит из постоянных противоречий; она ежеминутно кидается из одной крайности в другую; она сегодня раскаивается в том, что будет делать завтра; она на каждом шагу путает и свою собственную жизнь, и жизнь других людей; наконец, перепутавши все, что было у нее под руками, она разрубает затянувшиеся узлы самым глупым средством — самоубийством, да еще таким самоубийством, которое является совершенно неожиданным для нее самой» [55].

Дело не в силе характера, чему Добролюбов придает такое большое значение: «чего другого, а железной воли и ультраослиного терпения у нас во всякое время было довольно». Не силы воли, а сознательности не хватает нам. «Наша общественная или народная жизнь нуждается совсем не в сильных характерах, которых у нас за глаза довольно, а только и исключительно в одной *сознательности.* Как только наши неутомимые и неустрашимые труженики узнают и поймут совершенно ясно, что — ложь и что — правда, что—вред и что — польза, кто — враг и кто — друг, так пойдут твердыми шагами к разумной и счастливой жизни, не останавливаясь перед трудностями, не пугаясь

---

[53] Д. И. Писарев. Полн. собр. соч., т. V, стр. 154, 155 и 170.
[54] Д. И. Писарев, т. III, стр 276, 277 и 306. Курсив здесь и ниже Б. Козьмина.— *Ред.*
[55] Там же, стр. 281.

опасностей, не слушая лживых обещаний и спокойно устраняя все рогатки и шлагбаумы»[56].

Вполне понятно, что взгляды, развитые Писаревым, не могли не вызвать возмущения среди молодых народников. Им казалось, что в статьях Писарева нашло себе выражение его пренебрежительное и презрительное отношение к народу[57]. С этого именно времени они и объявили Писарева изменником делу народа, осмеливающимся отрицать какие бы то ни было «нравственные и умственные достоинства того народа, перед которым в то время преклонялись все без исключения»[58].

Вполне понятно, что не мог оставить без ответа статей Писарева и «Современник», все более и более склонявшийся в то время к народничеству. Горячая любовь Добролюбова к «простому народу», его вера в «великие силы, таящиеся в народе», его преклонение перед «величием простой народной массы, величием, которого никогда не можем достичь мы, со всею нашею отвлеченною образованностью и прививной гуманностью»[59], все это делало Добролюбова более близким к позиции, занятой «Современником» ко времени полемики его с «Русским словом», чем даже Чернышевского, совершенно чуждого какой бы то ни было идеализации народа. Незадолго до того, как Писарев открыто заявил о своем разногласии с Добролюбовым, Елисеев на страницах «Современника» писал о том же Добролюбове: «В нашей литературе он был явлением единственным в своем роде, одиночным, для, которого *нет ничего соизмеримого*»[60]. Очевидно, эпигоны Чернышевского уже в это время начали забывать о своем учителе.

На защиту Добролюбова от нападения Писарева в «Современнике» выступил Антонович. Его статья «Промахи», помещенная в № 4 «Современника» за 1865 г., показывает,

---

[56] Д. И. Писарев. Полн. собр. соч., т. V, стр. 170, 171.

[57] См. характерную в этом отношении статью А. М. Скабичевского «По поводу статьи т. Писарева „Мыслящий пролетариат"» («Народная летопись», 1865, № 12), автор которой обвиняет Писарева в том, что он относится к «массе тружеников» так же, как к ней относились средневековые рыцари, требовавшие от этой массы безмолвного повиновения и рабского поклонения.

[58] А. М. Скабичевский. История новейшей русской литературы, изд. 5, СПб., 1903, стр. 101.

[59] Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. III, стр. 608.

[60] «Современник», 1864, № 3, стр. 134.

что он вполне правильно понял, в чем заключается сущность разногласий, о которых говорил Писарев. Указав на то, что Писарев якобы не разобрался в характере Катерины, Антонович писал: «И вообще, г. Писарев, знайте навсегда, что люди простые, с неразвитым умом, не знающие ни Бокля, ни электричества, так же сильно и болезненно чувствуют гнет семейного и всякого самодурства и так же способны протестовать против него, как и те развитые умы, которые постоянно бредят о Бокле, стоят выше всяких предрассудков и знают естественные науки; они, может быть, даже сильнее последних чувствуют и протестуют, потому что последние часто ограничивают свой протест только фразами, а когда дело дойдет до дела, то они и на попятный двор». Протест, исходящий из среды народа, ярче и энергичнее, чем протест интеллигенции, ибо «член непатриархальной семьи протестует на основании Бокля или ваших статей, а член патриархальной — на основании собственных соображений и чувств» [61].

Выступая против Добролюбова и зарождающегося народничества, опровергая их надежды на то, что разрешение больных вопросов русской жизни придет от народа, от его инициативы и во имя его «правды», Писарев неизбежно должен был указать, откуда же, по его мнению, должно ожидать спасения. Во время полемики с «Современником» он сделал это с большею определенностью и ясностью, чем прежде. Мы имеем в виду его статьи «Мотивы русской драмы», «Реалисты» и «Посмотрим!». Ознакомление с этими статьями показывает, что Писарев развил в них подробнее, определеннее и ярче мысли, знакомые нам по ранним его произведениям. По-прежнему он видит выход из того тяжелого положения, в котором находится Россия, в бесповоротном вступлении ее на путь Западной Европы. Разрешение мучительных вопросов русской жизни, и основного из них «вопроса о голодных и раздетых людях» он усматривает, с одной стороны, в индустриализации страны, с другой — в поднятии ее культурного уровня. «Пока в нашу жизнь не проникнет настоящий луч света, пока в массах народа не разовьется производительная деятельность разнообразие занятий, довольство и

---

[61] М. Антонович. Промахи.— «Современник», 1865, № 4, стр. 287, 289.

образование, до тех пор битый непременно будет дороже двух небитых»,— говорит Писарев[62].

Конечно, в том, что ученье — свет, а неученье — тьма, не сомневались и противники Писарева из народнического лагеря. Расхождение между ними касалось вопроса о том, кого и как учить. В ответе, данном на этот вопрос Писаревым, и заключались оригинальность и своеобразие его взглядов.

«Надо распространять знания — это ясно и несомненно,— говорит Писарев.— Но *как* распространять? — вот вопрос, который, заключая в себе всю сущность дела, никак не может считаться окончательно решенным. Взять в руки азбуку и пойти учить грамоте мещан и мужиков — это, конечно, дело доброе; но не думаю я, чтобы эта филантропическая деятельность могла повести за собою то слияние науки с жизнью, которое может и должно спасти людей от бедности, от предрассудков и от пороков». Народ ничего не знает — это верно. Но почему он ничего не знает? Потому, отвечает Писарев, что у него нет побудительной причины для того, чтобы приняться за ученье. Когда же такая побудительная причина явится, то народ сам выучится всему, что ему необходимо знать... Что же надо сделать для того, чтобы побудительная причина, влекущая народ к учению, создалась? Надо усилить в русской жизни запрос на умственную деятельность. «Другими словами, надо увеличить число мыслящих людей в тех классах общества, которые называются образованными. В этом — вся задача. В этом — альфа и омега общественного прогресса. Если вы хотите образовать народ, возвышайте уровень образования в цивилизованном обществе». Вот почему «судьба народа решается не в народных школах, а в университетах»[63].

Воспитавшийся на идеях утопического социализма, хорошо знакомый с сочинениями Фурье, Сен-Симона, Леру и др., Писарев во многих отношениях находился под властью утопизма. Он не понимал значения борьбы классов и верил в «идею общечеловеческой солидарности», являвшуюся в его глазах «одним из основных законов человеческой природы», который, однако, «ежеминутно

[62] Д. И. Писарев. Полн. собр. соч., т. III, стр. 297.
[63] Там же, стр. 64—65.

нарушается нашим неведением» и «своим нарушением порождает все хронические страдания человеческой породы». С другой стороны, он был уверен в полном совпадении правильно понятых интересов личности с интересами общества или, другими словами, в том, что «вполне расчетливый эгоизм совершенно совпадает с результатами самого сознательного человеколюбия» [64]. Исходя из этого, Писарев считал возможным заставить «образованные и достаточные классы общества» служить интересам трудящихся. Не понимая противоположности классовых интересов предпринимателей и рабочих, Писарев верил в то, что если капиталисту дать «полное, прочное, чисточеловеческое образование», то он перестанет быть эксплуататором народного труда и сделается его «мыслящим и расчетливым руководителем». «Когда вся умная часть молодежи, без различия сословия и состояния, будет жить полной умственной жизнью и смотреть на вещи рассудительно и серьезно... тогда молодой капиталист заведет те фабрики, которые нам необходимы, и устроит их так, как того требуют общие интересы хозяина и работников» [65].

Однако было бы ошибкой считать, что Писарев строит свои расчеты на буржуазной интеллигенции. Такие капиталисты, о которых мечтает он,— исключение, и не к ним обращается он со своими призывами, а к интеллигенции, живущей своим трудом. «Вся наша надежда,— говорит он,— покоится на тех людях, которые *сами себя кормят,* и из которых действительно сформировались первые и постоянно формируются новые представители базаровского типа». «В ряды образованного общества,— поясняет он далее свою мысль,— постоянно прибывают *из низших слоев* такие люди, которые, проводя свою молодость *без сытости* и без нормальных и законных эстетических наслаждений, встречают новые идеи с пылким, деятельным и совершенно сознательным сочувствием» [66]. Таким образом, настоящую

---

[64] Д. И. Писарев. Полн. собр. соч., т. IV, стр. 128—130 и 132.

[65] Там же, стр. 132; т. III, стр. 305. Позднее Писарев отступил от этой точки зрения, признав, что задачу о голодных и раздетых людях «должны решить непременно те люди, которые в разумном ее решении находят свои личные выгоды, т. е. ее должны решить сами работники» (т. V, стр. 409).

[66] Д. И. Писарев. Полн. собр. соч., т. V, стр. 172, 202.

роль в развитии русской жизни Писарев отводит демократической интеллигенции, вышедшей, подобно одному из любимейших героев Писарева, Молотову, из низших классов, но в отличие от Молотова и не успокоившейся на достигнутом личном «мещанском счастье», а стремящейся работать над разрешением вопроса о голодных и раздетых людях. «Надо увеличить массу мыслящего пролетариата»,— говорит Писарев. Именно этот мыслящий пролетариат должен «оживить народный труд, дать ему здоровое и разумное направление, внести в него необходимое разнообразие, увеличить его производительность применением дознанных научных истин», а кроме того, подчинить исторические события общественному мнению посредством незаметного, но упорного и постоянного воздействия на «направление мыслей руководителей» этих событий, т. е., другими словами, на государственную власть [67].

Как видим, Писарев намечал путь мирных социальных реформ, совершающихся путем медленной, постепенной эволюции. Значит ли это, однако, что он отрицал возможность другого пути для разрешения социального вопроса, пути революционного? Сидя в Петропавловской крепости и зная, какому внимательному просмотру подвергается каждая написанная им строчка, Писареву трудно было развивать свои мысли относительно революционных путей. Однако в той же его статье «Реалисты», в которой им был развит изложенный нами план социальных реформ, можно найти указания на то, что Писарев считал возможным и революционный путь.

Тяжесть нашего положения заключается в том, что «мы бедны потому, что глупы, и мы глупы потому, что бедны: чтобы разбогатеть... надо поумнеть, а поумнеть некогда, потому что окружающая бедность не дает вздохнуть». Из этого заколдованного круга Писарев намечает два возможных выхода. Один — подробно развитый им план «экономии умственных сил», сопряженный с сосредоточением всех сил на одной цели: уменьшение массы человеческих страданий и увеличение массы человеческих наслаждений. Этот выход и заключается в том создании кадров мыслящего пролетариата, руководящего народным трудом, о котором мы только что говорили. Но есть и другой выход, который Писарев только намечает, не останавливаясь на

[67] Д. И. Писарев. Полн. собр. соч., т. IV, стр. 4.

нем. Это — сокращение той части продуктов труда, которая переходит в руки непроизводительных классов общества, и увеличение количества продуктов, остающихся в руках производителя; таким путем можно уменьшить нищету рабочего населения и дать ему средства к дальнейшему развитию. «В этом месте,— говорит Писарев,— заколдованный круг может быть пробит только действием законодательной власти, и потому мы об этой стороне дела распространяться не будем» [68].

Однако если сегодня законодательная власть находится в одних руках, не расположенных считаться с интересами рабочего населения, то завтра она может очутиться в других руках, иначе относящихся к этим интересам. Допускал ли такую возможность Писарев? Несомненно допускал, но по тем или иным соображениям считал невозможным останавливаться на ней. Говоря о том, что общественное мнение действует на государственную власть «химическим путем», незаметно давая то или другое направление мыслям носителей этой власти, Писарев в то же время упоминал и об ином воздействии общественного мнения на ход исторических событий: «Иногда общественное мнение действует на историю открыто, механическим путем». Не может быть, конечно, сомнений в том, что в данном случае Писарев имел в виду революционный путь. А если он допускал возможность такого исхода, то тем самым он открывал дорогу законодательному вмешательству в видах устранения существующего несправедливого распределения продуктов производства. Конечно, такое вмешательство должно было облегчить и ускорить разрешение вопроса о голодных и раздетых.

Однако какие же общественные силы могут произвести революцию? Во всяком случае — не народные массы. Из всего того, что Писарев писал о народе, об его темноте и инертности, для нас совершенно ясно, что народную революцию Писарев считал невозможной. «При теперешнем устройстве материального труда,— читаем мы в его статье „Реалисты“,— при теперешнем положении рабочего класса во всем образованном мире, эти люди — не что иное, как машины, отличающиеся от деревянных и железных машин невыгодными способностями чувствовать утомление, голод и боль... Они составляют пассивный материал, над

[68] Д. И. Писарев. Полн. собр. соч., т. IV, стр. 68—69.

которым друзьям человечества приходится много работать, но который сам помогает им очень мало и не принимает до сих пор никакой определенной формы. Это — туманное пятно, из которого вырабатываются новые миры, но о котором до сих пор решительно нечего говорить»[69]. Как мы указывали выше, Писарев допускал, что со временем и при помощи «друзей человечества» среди этих людей проявится сознание своих интересов, а вместе с ним и способность бороться за изменение своего положения. Однако — это дело будущего, теперь же этих людей приходится «оставить в покое».

Писарев не дал прямого ответа на вопрос, какие общественные силы могут теперь же произвести революцию. Однако из всего, что он писал, вытекало с неизбежностью, что и в этом случае все надежды приходится возлагать на тех же «друзей человечества», на тот же умственный пролетариат, которому Писарев отводит такую громадную роль в судьбах человечества. Другими словами, поскольку вопрос переносится в область революционных перспектив, постольку люди, стоящие на точке зрения Писарева, неизбежно должны были склоняться в сторону якобинства, т. е. признания того, что революция может совершиться только по инициативе меньшинства, производящего государственный переворот в целях устранения при помощи законодательного аппарата несправедливостей современного строя. Повторяем, сам Писарев не сделал этого якобинского вывода, вытекающего из его основной точки зрения. Однако, если этого вывода не сделал он, то его сделали другие люди, разделявшие его мнения.

В 1863 г. появился русский перевод книги итальянского историка Сориа «Общая история Италии с 1846 г. по 1850 г.». В этой книге рассказывалось, между прочим, о том, как неаполитанский король Фердинанд, прозванный «король-бомба», сумел одержать победу над революционерами, найдя себе опору в темных и несознательных народных массах. И вот какой отклик вызвала книга Сориа со стороны русского ее читателя (извиняемся за длинную цитату, но она представляет исключительный интерес для нашей темы):

«Добрые буржуа, столь интересные в претерпеваемых ими гонениях от представителей дикого произвола,

[69] Д. И. Писарев. Полн. собр. соч., т. V, стр. 68—69.

доказали неоднократно, что не уступают, а даже превосходят в зверстве своих гонителей, когда дело заходит о нуждах и требованиях низших классов. Революция 1848 года во Франции и Германии, английские восстания рабочих нынешнего столетия и последние действия национальной гвардии итальянского королевства заклеймили позором царство барышников... Теперь уже ни один порядочный человек не может сочувствовать движению, направленному в пользу буржуазии» [70].

Если буржуазия успела уже возбудить к себе «всеобщее отвращение и презрение», то есть еще много хороших людей, «способных увлекаться всем выступающим под демократическим знанием», несмотря на то, что «демократы доказали свою несостоятельность в 1848 г.». При чтении книги Сориа «невольно приходит мысль о том необыкновенном недостатке сообразительных способностей, который высказывают демократы во что бы то ни стало». Только во Франции демократизм имеет за собой известные основания. «Французский работник вдумывается в свою судьбу, он старается разгадать этот сфинкс и не упускает из виду ни одного средства развить свой ум. Достаточно вспомнить, что из их среды вышли замечательнейшие деятели 1848 г., и тогда мы увидим, что французские демократы имеют основание призывать к власти класс народа, несравненно более развитой, более образованный, чем управлявшие до сих пор лавочники. Но, к сожалению, не все страны похожи на Францию: есть нации, в которых развития французских рабочих достигли только немногие лица из высшего и среднего сословий. Остальная часть нации, и именно так называемый народ, пребывает в состоянии, близком к состоянию каких-нибудь каффров или курдов. Казалось бы, что в таком государстве не может быть и речи о демократах и демократизме. Однако беспардонные демократы не останавливаются перед такими пустяками... Они считают долгом вопиять против аристократии и буржуазии, как будто есть что-то лучшее этого. Им нет дела, когда против буржуазии вопиют французские демократы, то они имеют в виду класс общества, из которого вышли самые лучшие люди их страны: они хотят быть демократами, да и только, а там им все равно,

---

[70] «Русское слово», 1863, № 7, стр. 36.

что на замену аристократии и буржуазии есть только звери в человеческом образе, белые медведи с Бомбой во главе; потому что знаменитый *народ* связан тесными и неразрывными узами грубости и варварства с Бомбами...»[71].

«Народ груб, туп и вследствие этого пассивен; это, конечно, не его вина, но это так, и какой бы то ни было инициативы с его стороны страшно ожидать. Он всегда скорее готов, как неаполитанские лаццарони, идти рядом с наемными швейцарцами грабить и убивать мирных жителей и противодействовать свободе страны. Поэтому благоразумие требует, не смущаясь величественным пьедесталом, на который демократы возвели народ, *действовать энергически против него,* потому что народ в таком состоянии, как в Италии, не может, по неразвитию, поступать сообразно с своими выгодами; если сознана необходимость навязывать народу насильно образование, то я не могу понять, почему ложный стыд перед демократическими нелепостями может быть довольно силен, чтобы мешать признать необходимость *насильного дарования ему* другого блага, столь же необходимого, как и образование и без которого последнее невозможно,— *свободы*»[72].

Кто же был автором этих рассуждений о необходимости навязывать народу свободу даже против его воли? Не кто иной, как ближайший сотрудник «Русского слова» Варфоломей Зайцев. Приведенная нами цитата заимствована из его «Библиографического листка», напечатанного в № 7 «Русского слова» за 1863 г. Мы полагаем, что эта цитата бросает яркий свет на интересующую нас полемику. По ознакомлении с ней становится понятным, почему Салтыков счел нужным заговорить о «зайцевской хлыстовщине», и почему он в отношении к народу нераскаявшихся нигилистов типа Зайцева усмотрел задатки будущих титулярных советников. Что упоминание Салтыкова о Зайцеве было вызвано именно этим, приведенным нами рассуждением его о народе, для нас несомненно, потому что ни к чему другому оно относиться не могло. Литературная деятельность Зайцева в то время только что еще начиналась, и все другие его выходки и парадоксы, столь шокировавшие народников «Современника», относились

---

[71] «Русское слово», 1863, № 7.

[72] Там же, стр. 37—39. Курсив Б. Козьмина.— *Ред.*

к позднейшему времени, когда полемика между «Современником» и «Русским словом» уже началась.

Если приведенная нами цитата из Зайцева вполне объясняет нам ту страстность, с которой в январе 1864 г. Салтыков выступил против «Русского слова» и нигилистов, то одновременно с этим она дает нам объяснение общественно-политического значения и смысла изучаемой нами полемики. Вспомним то, что в начале настоящей статьи мы писали о политической обстановке, сложившейся в России к началу 1864 г.

До 1863 г. в революционных кругах, да и не только в революционных, но и в либеральных, и в реакционных, господствовало всеобщее убеждение в том, что Россия стоит накануне могучего революционного взрыва. Убеждение это было основано на недовольстве крестьянства теми условиями, в которых была осуществлена отмена крепостного права. Волю, дарованную 19 февраля 1861 г., крестьянство признало ненастоящей, обманной, не «мужицкой», а «панской» волей. Оно ждало другую волю, которую от него скрывают помещики. Оно всячески уклонялось от подписания уставных грамот. В 1861 г. волна крестьянских беспорядков прокатилась почти по всей Европейской России. В ряде мест для усмирения освобожденных рабов правительству пришлось прибегнуть к вооруженной силе. Казалось, что к весне 1863 г., когда истекал срок введения в действие уставных грамот, и когда в силу этого крестьянство должно будет на деле убедиться, насколько неосновательны его надежды на получение какой-то новой воли, оно неминуемо восстанет повсеместно, чтобы силою взять от помещиков то, чего они не хотят уступить добровольно. Казалось, что если весной 1863 г. удастся этим волнениям и восстаниям крестьян придать сколько-нибудь организованный характер, добившись их одновременного и повсеместного проявления, то участь монархии будет решена: она, окруженная со всех сторон недовольством и ненавистью, не найдет сил, достаточных для сопротивления, и будет низвергнута. Вот почему революционные организациии и кружки 1861—1862 гг. с таким нетерпением ждали приближения весны 1863 г. и так деятельно готовились к неминуемой, по их мнению, революции.

Весна 1863 г. разбила все эти расчеты и надежды.

Волна крестьянских волнений не только не поднялась, но спала Уставные грамоты были введены в действие. Спокойствие все более и более воцарялось в деревне. Народ не восстал и оказался неспособным сыграть ту революционную роль, которая отводилась ему революционерами. Но этого мало. События обнаружили, что в крестьянстве живет непоколебимая вера в царскую власть. Ожидая новой воли, крестьяне рассчитывали получить ее от царя и отнюдь не хотели добиваться ее силой. Даже там, где они волновались и где правительству приходилось для подавления беспорядков прибегать к оружию, даже там они винили во всем не царя, а дворян, скрывающих будто бы от народа настоящую царскую волю. Крестьянство упорно верило в то, что царь расположен к народу и готов бы предоставить ему полную свободу и всю землю, да только помещики мешают ему сделать это. Таким образом, выяснилось, что до тех пор, пока народ не освободится от этой слепой веры в царя, рассчитывать на какие-либо революционные выступления с его стороны не приходится. Народ слишком забит, инертен, темен и невежествен для того, чтобы самому приняться за изменение своей участи. Вот — урок, данный революционным кругам русского общества событиями 1863 г.

Таков был урок, но не все восприняли его в одинаковой мере и не все сделали из него одинаковые выводы. Одни заговорили о необходимости «понижения тона», другие старались найти какие-нибудь средства, которые дали бы возможность не понижать тон, а держать его на прежней высоте. Одни не желали отказаться от своих надежд на народ и рассчитывали ограничиться пересмотром тактики, другие стремились найти, помимо народа, какие-нибудь общественные силы, которые могли бы взять на себя разрешение больных вопросов русской жизни.

Раньше, до 1863 г., для русского революционера все было ясно. Он твердо знал, на что ему рассчитывать и на что надеяться. Народ и его ожидаемые бунты и восстания играли определенную роль в этих расчетах. Даже те из революционеров, кто и в то время склонялся к якобинству, как, например, автор «Молодой России», отводили народу весьма важную, если не решающую роль в грядущей революции. Если они и мечтали о захвате власти революционной партией, то этот захват мыслился ими в об-

становке народного восстания и распространившейся по всей территории России гражданской войны.

Теперь, после 1863 г., положение дел изменилось коренным образом. Там, где раньше все было ясно и определенно, теперь все стало темно и неопределенно. Приходилось пересматривать установившиеся оценки и перерабатывать все тактические построения. Этот пересмотр производился в двух различных направлениях.

Одни, стремясь удержаться на старых позициях, начинали говорить, что надо отличать идею народа от ее конкретного воплощения в данной исторической обстановке. «Что касается моего отношения к народу,— писал Салтыков Пыпину,— то мне кажется, что в слове «народ» надо отличать два понятия: народ исторический и народ, представляющий собой известную идею... Первому, выносящему на своих плечах Бородавкиных, Бурчеевых и т. п., я, действительно, сочувствовать не могу. Второму я всегда сочувствовал, и все мои сочинения полны этим сочувствием» [73]. Те, кто продолжал верить в то, что крестьянство, если не теперь, то несколько позже, сможет сыграть решающую роль в революции, из уроков 1863 г. вынесли заключение о необходимости изменить свой подход к народу. Если раньше они считали возможным ограничиться лишь агитацией и призывом к восстанию, то теперь они пришли к убеждению о необходимости предварительной пропаганды, имеющей своею задачею убедить народ в невозможности получить волю и землю из рук царя. Им казалось, что если революционерам удастся убить в народе веру в царскую власть, то вопрос об участии народа в революции тем самым будет решен в положительном смысле. Именно в эту сторону и должны быть направлены все усилия революционной партии.

Другим этот путь казался слишком медленным и ненадежным. Если народу чуждо сознание необходимости свободы, то приходится отказаться от всяких надежд на него. Дело освобождения должны взять на себя другие общественные силы. Какие же именно? Конечно, то «молодое поколение», из среды которого революционная

---

[73] А. Н. Пыпин. М. Е. Салтыков, стр. 13. Письмо Салтыкова относится к 1871 г., но мы думаем, что не сделаем ошибки, если допустим, что и 7 лет назад Салтыков придерживался по этому вопросу тех же взглядов.

партия рекрутирует себе адептов, или, другими словами, та разночинная интеллигенция, которая именно в эту эпоху начала играть такую большую роль в русской жизни. Разочарование, принесенное 1863 г., создавало чрезвычайно благоприятную почву для развития в революционных кругах тогдашнего общества идей якобинского характера, и ранее находивших себе немало сторонников в этих рядах. Если народ не хочет и не может сам добыть себе свободу, ее должна дать ему революционная интеллигенция.

Так в революционных кругах складывались две различные группировки, резко расходившиеся между собою по основному вопросу, выдвигаемому русской действительностью того времени. Одна из них все более и более эволюционировала в сторону народничества, другая склонялась к якобинству. Столкновение между ними было неминуемо, и оно проявилось в полемике, разгоревшейся в 1864—1865 гг. между «Современником» и «Русским словом».

Было бы непростительной ошибкой рассматривать эту полемику только как столкновение между двумя журналами. За этими журналами стояли определенные общественные круги; поэтому полемика 1864—1865 гг. была столкновением не только двух журналов, но и двух общественных групп. С другой стороны, эта полемика, обнажившая и выявившая в полной мере идейное расхождение между ними, способствовала их дальнейшему размежеванию. Со времени этой полемики революционные круги раскололись на две враждующие между собою и борющиеся за преобладание части. Одна из них шла за «Современником», другая — за «Русским словом». Можно привести ряд доказательств в подтверждение того, что такое идейное расхождение в рядах радикальной интеллигенции второй половины 60-х годов действительно существовало и что это расхождение иногда выливалось в очень резкие формы.

Еще в самом разгаре полемики резкость выпадов Антоновича против «Русского слова» вызвала ряд протестов со стороны читателей, солидаризировавшихся с «Русским словом» и Писаревым. В начале 1865 г. редакцией «Современника» было получено письмо, автор которого, называя Писарева «лучшим цветком из нашего сада»,

призывал сотрудников «Современника» к бережному и деликатному обхождению с ним, угрожая, что в противном случае они «восстановят окончательно против себя всю молодежь» [74].

Автор другого письма, полученного редакцией «Современника», некий К. Александров, писал:

«Я вместе с большим числом известных мне молодых людей считаю долгом заявить печатно, с одной стороны, наше полное презрение к школьным и плодовитым статьям г. „Постороннего сатирика", а с другой стороны — наше полное сочувствие „Русскому слову". Было время, когда „Современник" был любимым журналом нашей молодежи, но в настоящее время смело и почти безошибочно можно сказать: не „Современник", а „Русское слово" стоит во главе нашей мыслящей молодежи, и уже, конечно, бесмысленное лаяние какого-нибудь г. „Постороннего сатирика" не в состоянии уронить в наших глазах талантливых сотрудников „Русского слова", в особенности г. Писарева, к которому эта мыслящая молодежь относится с такой симпатией и имя которого произносится не иначе, как с уважением» [75].

Если Писарев находил себе таких горячих сторонников среди молодежи, то и «Современник» имел не менее убежденных поклонников. К их числу относились члены наиболее влиятельного и яркого революционного кружка того времени — кружка ишутинцев.

Один из членов этого кружка, П. Ф. Николаев, в письме к покойному В. Е. Чешихину-Ветринскому, выясняя идейную физиономию своих товарищей, между прочим, писал: «В то время, как известно, молодежь была охвачена сильным умственным течением так называемой писаревщины. Так вот, мы не только не были поклонниками Писарева, но даже его *ярыми врагами,* так как в его деятельности видели значительное отклонение от основных идей Чернышевского о службе народу и главным образом крестьянству... Позже, при развитии группы, нам, конечно, пришлось иметь... дело с целыми массами писаревцев и с этим считаться; тем не менее, наше ядро оставалось

---

[74] Письмо это цитирует Антонович в статье «Промахи» («Современник», 1865, № 4, стр. 280).

[75] Это письмо приведено в статье Антоновича «К читателям» («Современник», 1865, № 5, стр. 109—111).

в этом направлении очень прочным и последовательным» [76]. Опубликовывая это письмо, Ветринский вполне справедливо заметил, что Николаев и его товарищи имели не вполне правильное представление об идеях Чернышевского, который был чужд идеализации народа, отличавшей позднейших народников. Замечание Ветринского, конечно, вполне правильно, но для нас сейчас дело не в этом, а в категорическом заявлении Николаева, что та определенно народнически настроенная группа, которая составляла центр ишутинского кружка, считала себя в идейном отношении «ярыми врагами» Писарева.

Полное подтверждение этому мы находим в заметке другого члена ишутинского кружка, кн. Варлаама Черкезова. Указав на то, что его товарищи по кружку были «чистокровными народниками», и противопоставив им известного Ножина, который будто бы был писаревцем, Черкезов пишет: «С людьми писаревского реализма бывали у каракозовцев хорошие отношения личные и литературные, но всегда с оттенком дружественной иронии. О революционном заговоре, об организации, ими начатой, они с людьми типа Ножина никогда не заикались» [77].

Если таким образом в 1865 — 1866 гг., к которым относятся свидетельства Николаева и Черкезова, отношения между сторонниками «Современника» и писаревцами были настолько обостренными, то и позднее, когда непосредственные впечатления от интересующей нас полемики сгладились, отношения между двумя враждебными направлениями радикальной мысли оставались не менее враждебными [78]. Сошлемся на свидетельство неизвестного

---

[76] В. Е. Чешихин-Ветринский. Н. Г. Чернышевский. Пг., 1923, стр. 176—177. Курсив Б. Козьмина.— *Ред.*

[77] Записка Черкезова опубликована Е. Е. Колосовым в его статье «Молодое народничество 60-х годов» («Сибирские записки», 1917, № 3, стр. 126—127). Вопрос о том, насколько правильна характеристика Ножина, данная Черкезовым, мы оставляем открытым как выходящий за пределы нашей темы.

[78] Борьба оставалась малозаметной ввиду того, что почти не находила себе отражения в литературе. Л. Тихомиров в цитированной нами выше статье вполне правильно замечает: «Борьба основных идей Писарева и Добролюбова.... происходила не на бумаге, а в головах читателей да в частных беседах. Литература же к тому времени попала в такие условия, что уже перестала выражать действительные течения общественной мысли» («Дело», 1881, № 1, стр. 9).

нам автора статьи, предназначавшейся в конце 1869 г. для напечатания в благосветловском журнале «Дело», но запрещенной цензурой. Статья эта была написана по поводу вышедшего в то время в свет собрания сочинений Писарева.

«В каждом городе,— пишет неизвестный нам автор в начале статьи,— где есть читающая и думающая молодежь, вы найдете *две партии: одна поклоняется Добролюбову, другая — Писареву*. Если эти партии имеют возможность где-нибудь сходиться, они немедленно вступают в ратоборство, и бывали случаи, когда разгоряченные борцы готовы были прибегать к аргументации более сильной, чем простое красноречие» [79].

Обостренность отношений между двумя группами радикальной интеллигенции того времени в сущности не заключает в себе ничего неожиданного и необъяснимого. Из всего сказанного выше мы могли убедиться, как глубоки были разногласия, разделявшие эти две группы. Они расходились друг с другом по самым основным вопросам русской жизни. Каким путем должно происходить дальнейшее развитие России и ее социально-политического быта: тем ли путем, каким идет Западная Европа, или каким-то другим, отличным от него, своим собственным? В чем залог лучшего будущего России: в упрочении и дальнейшем развитии своеобразных форм ее экономического быта или в ее индустриализации на манер Запада? Способны ли крестьянские массы сыграть активную роль в изменении к лучшему своего социального и экономического положения или же эта активная роль выпадает на долю других общественных групп и слоев?

Тем или иным ответом на эти вопросы определялось все дальнейшее развитие страны, все ее будущее. Вот почему столкновение противоположных мнений по этим вопросам должно было неминуемо вылиться в столь резкие формы и отличаться столь исключительной страстностью. Вопросы эти не допускали компромиссного решения. На них надо было ответить или да, или нет.

[79] Цитирую по корректурным гранкам, сохранившимся в ЦГИАЛ, ф. Главного управления по делам печати, 1866 г., д. 89, ч. 1, лл. 260—264. Любопытны замечания Н. А. Иваницкого о «крайней нетерпимости к чужим мнениям» последователей Писарева среди вологодских ссыльных 60-х годов («Записки Н. А. Иваницкого».— «Север», 1923, № 2, стр. 21—22).

Можно ли при таких условиях рассматривать изучаемое нами столкновение, как фракционную борьбу в рядах единой по своей классовой сущности социальной группы или же, наоборот, перед нами столкновение двух различных социальных групп, и если это так, то каким именно? Для того, чтобы дать вполне точный и убедительный ответ на этот вопрос, надо было бы подвергнуть внимательному изучению социальный состав и исторические судьбы русской радикальной интеллигенции. Однако такой задачи мы в настоящее время себе не ставим и не можем ставить. Задача настоящей статьи гораздо скромнее; она укладывается в рамки изучения одного лишь эпизода из истории русской общественной мысли 60-х годов. Поэтому мы в данное время можем ограничиться лишь тем выводом, который, по нашему мнению, непосредственно вытекает из всего использованного нами материала.

«Писаревщина — это ставка на индустриализм»,— говорит В. Ф. Переверзев в своей статье «Нигилизм Писарева в социологическом освещении» [80]. То, что сказано нами выше о взглядах Писарева, дает нам право вполне присоединиться к этой характеристике *. При этом, по нашему мнению, она справедлива не только по отношению к самому Писареву, но и по отношению ко всей той литературной группе, которая руководила «Русским словом» и придавала этому журналу специфический характер. К этой группе вполне приложимо также и то, что В. Ф. Переверзев говорит далее про Писарева: «Он идеолог индустриальной культуры вообще, идеолог недифференцированного, расплывчатого индустриализма, который, развиваясь и дифференцируясь, неизбежно ведет либо к системе капиталистического индустриализма, либо к системе индустриализма социалистического» [81]. Для борьбы против общего противника — интеллигенции, проникнутой народническими устремлениями, на страницах «Русского слова» сходились для согласованной работы и те, которые звали Россию к капитализму, и те, кто верил, что развитие в ней капиталистических отношений создает предпосылки, необходимые для дальнейшей эволюции ее по направлению к социализму. До поры до времени те и другие могли идти

---

[80] В. Ф. Переверзев. Нигилизм Писарева в социологическом освещении.— «Красная новь», 1926, № 6, стр. 166.

[81] Там же.

рука об руку и действовать согласованно. Но их союз мог быть только временным; рано или поздно они должны были разойтись друг с другом. И это произошло очень скоро. Сотрудники «Русского слова» все чаще и чаще замечали, что редактору этого журнала Г. Е. Благосветлову начали не нравиться статьи, в которых говорилось против эксплуатации капиталистов и в защиту труда. «В подобных статьях,— говорит Н. В. Шелгунов,— он точно читал упрек себе, а может быть, ему казалось, что автор и прямо думал и говорил о нем» [82]. Ближайшие сотрудники журнала не могли не чувствовать этого. Отношения между ними и редактором становились все более натянутыми. Дело, как известно, кончилось разрывом. В конце 1865 г. Писарев, Зайцев и Соколов ушли из «Русского слова» [83]. Однако пока этот разрыв не произошел, они дружно действовали против общих противников. Мелкобуржуазная народническая интеллигенция, идеализировавшая «устои» крестьянского быта и отстаивавшая отсталые формы народного хозяйства в надежде, опираясь на них, найти наиболее короткий и безболезненный путь к социализму, была для группы «Русского слова» одним из таких общих противников. Для публицистов и критиков «Русского слова» их полемика с «Современником» являлась попыткой идейного преодоления народничества.

---

[82] Н. В. Шелгунов. Воспоминания. М., 1923, стр. 280.

[83] Подробнее об их уходе см. в моей статье «Г. Е. Благосветлов и „Русское слово“».— «Современник», 1922, № 1, стр. 234—237.

АРТЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ «ВЕК»*
(1862 г.)

В 1861 г. молодой журналист П. И. Вейнберг (позднее известный поэт) начал издавать в Петербурге еженедельник «Век» с подзаголовком «журнал общественный, политический и литературный». Ближайшими сотрудниками этого журнала были А. В. Дружинин, редактировавший литературный отдел «Века», К. Д. Кавелин, взявший на себя отдел юридический, и известный в то время экономист и публицист В. П. Безобразов, заведовавший экономическим отделом. Несмотря на такой авторитетный и популярный в читательских кругах состав редакции и несмотря на то, что к сотрудничеству в «Веке» были привлечены многие видные литераторы, до И. С. Тургенева включительно, журнал Вейнберга большим успехом не пользовался. Это был орган с недостаточно четкой и определенной общественно-политической программой, склонявшийся к весьма умеренному либерализму и постепеновщине. Неопределенности программы «Века» соответствовало и его содержание, отличавшееся большой бесцветностью. Солидные, но весьма скучные статьи «Века», часто касавшиеся вопросов, интересных только для узкого круга специалистов, не могли привлечь к «Веку» симпатий читателей. «Век» возник в такое время, когда общественные отношения в связи с реформой 19 февраля обострились до крайней степени, когда перед русским обществом встал ряд неизвестных ему до тех пор жгучих вопросов, настоятельно требовавших освещения и разрешения. При наличии таких условий новый журнал мог рассчитывать на успех лишь в том случае, если бы он с самого начала последовательно и определенно стал на сторону какой-либо общественной группы и начал придерживаться строго выдержанной и резко выраженной линии. Но этого как раз и не

было. Читатели «Века» далеко не всегда находили на его страницах ответы на те вопросы, которые выдвигала перед ними жизнь, и потому журнал Вейнберга не мог иметь большого успеха [1]. С полной очевидностью это обнаружилось к началу 1862 г., когда Вейнберг, объявивший подписку на новый год, встретился с полным равнодушием публики. Подписчиков у него было до смешного мало. С трудом выпустив в 1862 г. четыре номера своего журнала, Вейнберг с большим удовольствием воспользовался подвернувшимся на его счастье случаем и передал издание своего журнала артели литераторов, с переходом в руки которой политическая фазиономия «Века» совершенно изменилась: из умеренно-либерального он стал радикальным органом. Этому-то новому «Веку», просуществовавшему немного более четырех месяцев, но, несмотря на то, бывшему весьма любопытным явлением в истории нашей журналистики 60-х годов, и посвящена настоящая статья [2].

1

Артель, приобревшая право на издание «Века», образовалась еще в конце 1861 г. Тогда же она начала хлопотать

[1] Непопулярности «Века» способствовал также литературный скандал, вызванный одним из фельетонов Камня Виногорова (псевдоним П. И. Вейнберга), в котором была высмеяна одна провинциальная дама, выступившая на литературном вечере с чтением «Египетских ночей» Пушкина. Горячий сторонник и проповедник женской эмансипации, М. И. Михайлов ответил на этот фельетон негодующей статьей «Безобразный поступок „Века“» («С.-Петербургские ведомости», № 51, 1861), встретившей поддержку со стороны почти всей журналистики того времени и в значительной степени дискредитировавшей «Век» в глазах читателей. Об этом весьма нашумевшем в свое время эпизоде см., между прочим, воспоминания самого Вейнберга «Безобразный поступок „Века“», опубликованные в № 5 «Исторического вестника» за 1900 г. (стр. 472—489).

[2] История радикального «Века» известна нам более, чем история других радикальных органов 60-х годов ввиду того, что о «Веке» мы имеем воспоминания двух членов артели: Н. В. Шелгунова (см. его «Воспоминания». М., 1923, стр. 34, 143—146) и К. К. Арсеньева («Из далеких воспоминаний...», «Голос минувшего», 1913, № 1, стр. 166 и сл.). Кое-какие дополнения к их воспоминаниям можно найти в книге Н. Я. Аристова («А. П. Щапов», СПб., 1883), автор которой был также членом артели, и в посвященной Г. З. Елисееву главе «Литературных воспоминаний» Н. К. Михайловского (Полное собрание сочинений. СПб., 1909—1913, т. XII, стр. 457—458).

о разрешении ей издавать газету, которой предполагалось дать название «Мирской толк». Однако разрешения на эту газету дано не было. Тогда члены артели решили взять в свои руки какой-нибудь из существующих органов. Их внимание остановилось на «Веке», о тяжелом материальном положении которого они были осведомлены хотя бы уже потому, что некоторые из них принимали участие в этом журнале.

Организаторы артели ставили своею задачей создание органа печати, независимого от каких бы то ни было литературных предпринимателей. В артельной организации журнала они мечтали найти новую форму, свободную от капиталистических влияний и делающую сотрудников журнала не только его участниками, получающими авторский гонорар за свою работу, но и хозяевами предприятия. В 60-е годы различные виды кооперативных организаций пользовались в русском обществе большой популярностью. Естественно, что и журналистам пришла мысль о создании кооперативной организации, долженствующей гарантировать их от произвола и своекорыстия издателей. В этом отношении история артели, издававшей «Век», весьма характерна для той эпохи.

Из кого же состояла артель, купившая у Вейнберга его журнал? В объявлении о выходе обновленного «Века» мы находим перечень 26 его постоянных сотрудников. Среди них были: Г. З. Елисеев, Н. В. Шелгунов, Н. А. Серно-Соловьевич, А. Н. Энгельгардт, А. П. Щапов, Н. Г. Помяловский, Н. С. Лесков, братья В. С. и Н. С. Курочкины, беллетристы Н. В. Успенский и М. М. Стопановский, драматурги братья Н. А. и А. А. Потехины, беллетристы-этнографы А. С. Афанасьев-Чужбинский и С. В. Максимов, известные земские деятели А. И. Европеус и А. М. Унковский, поэт В. Г. Тиханович, публицисты А. Ф. Головачев и П. А. Бибиков, юристы К. К. Арсеньев и П. А. Муллов, историк Н. Я. Аристов, переводчик Маколея Г. Н. Думшин, журналист А. И. Ничипоренко и художники Г. М. Боклевский, М. О. Микешин и Н. А. Степанов. Позднее в списке постоянных сотрудников появляется имя известного беллетриста и этнографа П. И. Якушкина.

Несомненно, что эти постоянные сотрудники «Века» были одновременно с тем и членами издательской артели. Это подтверждается воспоминаниями Арсеньева и

Шелгунова, которые называют в числе членов артели как раз этих самых лиц, хотя и добавляют к ним несколько новых имен, в списке постоянных сотрудников не встречающихся. Так, Арсеньев указывает как на членов артели на известного артиста и беллетриста И. Ф. Горбунова и на сотрудника «Современника», вскоре — 18 марта 1862 г.— покончившего с собой, И. А. Пиотровского, а Шелгунов — на А. А. Серно-Соловьевича.

Первоначально предполагалось, что каждый член артели должен внести пай в размере 100 рублей. Однако это не осуществилось. К. К. Арсеньев в своих воспоминаниях пишет: «От кого получены были средства для покупки газеты и для ее ведения — я не знаю. Во время первого совещания, происходившего при моем участии, шла речь о паях, которые могли быть внесены или деньгами или статьями; но уже на втором совещании предположение о паях последней категории было оставлено, и решено было платить за статьи на общем основании, в несколько только повышенном против обычного тогда размере. Необходимую для издания сумму (около 12 тыс. рублей) предоставлено было внести желающим, с уплатою за нее 10%; остальной чистый доход подлежал разделу между участниками ассоциации. В конце концов, следовательно, члены ассоциации никаких обязательств на себя не принимали».

Редактором «Века» единогласно был избран Г. З. Елисеев. Для разбора споров, которые могли бы возникнуть между ним и сотрудниками, члены артели избрали особую комиссию, в состав которой вошли: Н. А. Серно-Соловьевич, Энгельгардт и Ничипоренко.

18 февраля 1862 г. вышел № 1 обновленного «Века».

В нем мы находим следующее объявление «от редакции»:

«„Век" является теперь в новом виде. Так как первые четыре номера „Века" не подходят к новому „Веку", то выпускаемые теперь №№ 5 и 6 для счета в переплете обозначены в заголовке: № 1—6. „Век" был на время приостановлен выходом по случаю перемены шрифта, бумаги, типографии и по некоторым другим обстоятельствам, о которых в непродолжительном времени будет объявлено особо».

Однако этого обещанного особого объявления до самой гибели «Века» не появлялось.

Как мы уже упоминали выше, артельный «Век» оказался предприятием весьма недолговременным.

Очень скоро среди членов артели обнаружились разногласия, принявшие весьма резкий характер. Если учесть разнородность состава артели в политическом отношении, то неизбежность возникновения в ее среде расхождения во мнениях будет совершенно ясной. Большинство членов артели состояло из литераторов радикального направления, сотрудников «Современника» и близкого к нему по духу сатирического журнала «Искра». Но наряду с ними в рядах артели мы находим, с одной стороны, типичных либералов, подчас весьма умеренного толка, как, например, один из будущих руководителей «Вестника Европы» К. К. Арсеньев, с другой же стороны, людей, принимавших активное участие в подпольной революционной работе того времени, как, например, Н. А. Серно-Соловьевич.

Большинство членов артели смотрело на свой журнал исключительно как на хозяйственное предприятие, построенное на таких началах, которые должны были гарантировать работников пера от эксплуатации со стороны литературных предпринимателей. Люди, стоявшие на такой точке зрения, ценили «Век» постольку, поскольку он открывал возможность непосредственных сношений между производителями и потребителями в области литературного производства и устранял необходимость в каких-либо посредниках в отношениях их друг к другу.

Наряду с этим большинством, в составе артели были люди, иначе оценивавшие те возможности, которые открывались перед ними в связи с возникновением журнала, подобного обновленному «Веку». Несомненно, что левое крыло членов артели стремилось сделать «Век» выразителем своих мнений и превратить его в орган, обслуживающий интересы и нужды того революционного подполья, к которому принадлежала часть членов артели во главе с таким энергичным и авторитетным человеком, каким был Н. А. Серно-Соловьевич. Не забудем того, что как раз в то время, когда начал выходить обновленный «Век», Серно-Соловьевич энергично работал над созданием организации, долженствовавшей объединить революционные элементы на протяжении всей России. Мы имеем в виду тайное общество, вошедшее в историю нашего революционного движения под именем «Земли и воли». Естественно, что Серно-

Соловьевич рассчитывал использовать новый журнал в интересах того дела, которому он в то время отдавал все свои силы. Не менее естественно и то, что такое стремление Серно-Соловьевича неминуемо должно было встретить противодействие со стороны других членов артели. Таким образом, «единства сил» (по выражению Шелгунова) в артели, издававшей «Век», не было с самого ее возникновения.

Вот почему горячие споры и столкновения между членами артели были обычным для нее явлением. Вскоре же дело дошло до формального разрыва. Поводом для него явилась статья А. Н. Энгельгардта, направленная против И. С. Аксакова, отстаивавшего на страницах своего журнала «День» недопущение женщин в университет. Редактор «Века» Елисеев отказался принять эту статью [3].

Отказ Елисеева вызвал бурю негодования и возмущения среди членов артели. Для разбора инцидента было назна-

---

[3] О том, что поводом для разрыва была статья Энгельгардта, свидетельствуют К. К. Арсеньев («Из далеких воспоминаний». «Голос минувшего», 1913, № 1, стр. 168) и Н. В. Шелгунов («Воспоминания», стр. 146); но в другом месте своих воспоминаний Шелгунов добавляет, что, «как помнится», кроме этой статьи, Елисеев не принял и статьи Серно-Соловьевича (там же, стр. 34). По-видимому, это указание Шелгунова относится к статье Н. А. Серно-Соловьевича «Мысли вслух». Эта статья была отобрана у Серно-Соловьевича при обыске, произведенном 7 июля 1862 г., и опубликована покойным М. К. Лемке в его книге «Очерки освободительного движения шестидесятых годов» (изд. 2-е, СПб., 1908, стр. 60—63). На вопрос следственной комиссии относительно этой статьи Серно-Соловьевич ответил: «Эта статья была мною написана для журнала „Век“. Она должна была служить ответом на одну из статей г. Чичерина, потому касалась общих теоретических начал. Не разделяя взглядов школы, начал которой держится этот писатель, я высказал несколько противоположных ей положений, имеющих общий характер. Статья не была напечатана или потому, что была мне возвращена редакцией, или по случаю прекращения „Века“» (М. К. Лемке. Очерки освободительного движения шестидесятых годов, стр. 146). Основная мысль статьи Серно-Соловьевича заключается в том, что начавшееся разложение старой государственной системы России не может быть остановлено до полного пересоздания ее. Это пересоздание будет произведено не государственной властью, а народом. Народ подчинялся старому порядку, потому что не чуял своей силы. «Теперь он начинает ее чуять. Времена приближаются». Статья Серно-Соловьевича отличается резко революционным духом. При чтении ее становится понятным, почему Елисеев не принял ее.

чено специальное собрание, состоявшееся 27 марта на квартире Елисеева. Собрание было бурное и горячее. С самого начала Елисеев заявил, что он соглашается остаться редактором не иначе, как при условии «полновластия», т. е. упразднения согласительной комиссии, и бессменности в течение четырех лет. При закрытой баллотировке большинством десяти голосов против восьми было признано, что условия, предложенные Елисеевым, нарушают артельное начало, на котором построена ассоциация. Однако вслед за этим при открытой баллотировке предложение Елисеева было принято двенадцатью членами артели, т. е. большинством присутствовавших. В числе этих двенадцати членов были: горячо поддерживавший Елисеева Щапов, братья Курочкины, Помяловский, Стопановский, Ничипоренко, Бибиков, Н. Потехин, Муллов, Лесков, Аристов и Афанасьев-Чужбинский. При этом Помяловский и Лесков заявили, что подают свои голоса за предложение Елисеева не из принципиальных соображений, а только для пользы журнала.

После этого голосования остальные присутствовавшие (Серно-Соловьевич, Энгельгардт, Шелгунов, Европеус, Думшин и Арсеньев), находя, что принятое собранием решение нарушает артельное начало, заявили о своем выходе из артели [4].

Вспоминая об этом расколе в рядах артели, Шелгунов рассказывает: «Собрание было бурное и горячее. Запальчивее всех говорил Серно-Соловьевич, настаивавший на том, что нам нужно иметь свой орган. Когда Елисеев спросил, для чего нам нужен свой орган, Серно-Соловьевич ответил: «Для того, чтобы во всякую минуту, когда в нем будет нужда, он был готов» [5].

В другом же месте своих воспоминаний Шелгунов иначе передает слова Серно-Соловьевича. Здесь он рассказывает, что последний на вопрос Елисеева ответил, что свой орган нужен «на случай восстания». «Может быть,— добавляет при этом Шелгунов,— Соловьевич ответил и не

---

[4] По-видимому позднее к ним присоединился и не присутствовавший на собрании Унковский, имя которого исчезает из списка постоянных сотрудников «Века» одновременно с именами шести членов артели, заявивших о своем выходе на собрании.

[5] А. П. Щапов. Соч., т. 1, стр. 762.

этими словами, но смысл их был тот. Мы серьезно считали себя „накануне"»[6].

Конечно, не все члены артели, заявившие о своем выходе из нее, были согласны с мнением, высказанным Н. А. Серно-Соловьевичем. Некоторые из них, как, например, Арсеньев, отказались от дальнейшего участия в «Веке» исключительно потому, что находили поставленное Елисеевым условие недопустимым извращением артельного начала. Однако это обстоятельство не подрывает того значения, которое имеет для нас рассказ Шелгунова.

После выхода из артели Серно-Соловьевича и его товарищей «Век» продолжал выходить, но просуществовал недолго. Последний номер его (№ 17) вышел 29 апреля. По свидетельству Арсеньева, «Век» закрылся за недостатком средств на его продолжение из-за неисправности пайщиков. Это не помешало, однако, Елисееву долгое время мечтать о возобновлении артельного журнала, хотя бы и под другим названием. Только полученное им приглашение принять на себя с начала 1863 г. редактирование новой газеты — «Очерки» — заставило Елисеева навсегда отказаться от мысли о возобновлении «Века».

Большинство номеров «Века» начиналось с передовой статьи (без подписи). Эти передовицы принадлежали перу Елисеева. Без подписи же шел политический обзор иностранной жизни, помещавшийся во всех номерах. В некоторых номерах мы находим также внутреннее обозрение под названием «Современная летопись», корреспонденции с мест и правительственные известия.

Помимо этого, в каждом номере помещалось несколько статей на общественно-политические темы, один рассказ и одно или два стихотворения. В отделе беллетристики участвовали Стопановский, Афанасьев и Лесков (последний в № 12 под псевдонимом «М. Стебницкий» напечатал рассказ «Погасшее дело»). Стихотворения давали братья Курочкины[7], Тиханович и А. Лакида.

В публицистическом отделе ближайшее участие принимал Щапов. Его статьи мы находим во всех номерах, за исключением двух последних[8].

---

[6] А. П. Щапов. Русские самородки. «Век», 1862, № 9—10.

[7] В № 1—6 В. Курочкин поместил свой знаменитый перевод «Безумцев» Беранже.

[8] А. П. Щапов напечатал в «Веке» следующие статьи:

Помимо Щапова, в этом же отделе мы встречаем две статьи Шелгунова (№ 7—8 и 17), одну статью Н. Серно-Соловьевича [9] (№ 13—14), ряд статей Муллова по обычному праву, а также статьи Арсеньева, С. С. Шашкова и др. Некоторые из публицистических статей печатались анонимно, а некоторые были подписаны не поддающимися расшифровке инициалами (Н. В., Д. Е., А. Б., Н. и др.).

Как видим, в «Веке» принимали участие не только члены издававшей его артели, но и посторонние лица.

2

Сообщая о выходе № 1—6 обновленного «Века», «Книжный вестник» писал: «Мы уважаем всякое литературное направление, если только оно честно, верно и точно определено; а этим отличаются 1—6 номера „Века"» [10].

С такой оценкой «Века» нельзя не согласиться. Направление этого журнала нашло свое резкое и ясное выражение в первом же его номере и проводилось последовательно и неуклонно за все время существования этого органа. Среди русских журналов той эпохи «Век» сумел занять особое место, и этому немало способствовала точность и четкость его общественно-политической программы.

Отмена крепостного права, разрушившая привычный уклад социально-экономической жизни, поставила перед русским обществом с большей резкостью, чем ранее, вопрос о будущности страны, вопрос о том, суждено ли ей идти теми же путями, какими шел и идет Запад, или же для нее пример Запада не обязателен и она в своем развитии не повторит его, а, наученная его горьким опытом, найдет возможность избежать те бедствия, которые испытали и испытывают ее западноевропейские соседи. Без

«Сельская община» (№ 1—6), «Земство» (№ 7—8), «Русские самородки» (№ 9—10), «Земские соборы в XVII столетии» (№ 1—11), «Городские мирские сходы» (№ 12) и «Сельский мир и мирской сход» (№ 13—14). Все эти статьи, за исключением «Русских самородков», не вошедших в собрание сочинений Щапова, перепечатаны в первом томе этого собрания (СПб., 1905—1908, т. I—III).

[9] Статья Серно-Соловьевича называется «Петербургские городские выборы». Отрывок из нее был напечатан М. К. Лемке в приложении к его книге «Очерки освободительного движения шестидесятых годов» (стр. 480—484) в качестве «неопубликованного произведения Серно-Соловьевича».

[10] «Книжный вестник», 1862, № 6, стр. 102.

преувеличения можно сказать, что в этом именно и заключается основной вопрос, над разрешением которого билась вся русская публицистика того времени. И, конечно, «Век» с самого же начала своего существования не мог не поставить перед собою этого вопроса.

Наиболее активными участниками «Века», статьи которых придавали этому журналу определенную общественно-политическую физиономию, были Елисеев, Щапов и отчасти Шелгунов. В то время, когда издавался «Век», все они во взглядах своих на будущность России более или менее сходились друг с другом; хотя между ними несомненно были довольно существенные разногласия, тем не менее все они единодушно признавали, что Запад для России не указ, и что ее история должна идти особыми, самобытными путями.

Что касается Елисеева, то его публицистическая деятельность на всем ее протяжении характеризуется двумя основными моментами. Эти моменты — народничество, с одной стороны, и оппортунизм в вопросах текущей политики — с другой.

Товарищи Елисеева по работе в «Отечественных записках» единогласно свидетельствуют, что своим народническим направлением этот журнал был обязан Елисееву более, чем кому бы то ни было другому. «Корень вещей лежал для него в мужике,— писал об Елисееве Н. К. Михайловский.— Мысль о серой трудовой народной массе никогда не покидала его» [11]. На протяжении ряда лет ведя сперва в «Современнике», а потом в «Отечественных записках» внутреннее обозрение, Елисеев все вопросы русской политической и общественной жизни освещал и разрешал с точки зрения того значения, какое они могут иметь для крестьянской массы. Если основательное знакомство с деревней и условиями ее жизни и спасало Елисеева от того приторного идеализирования крестьянской массы, которое было свойственно некоторым народникам, то, тем не менее, он глубоко верил, что народность («земственность», по его любимому выражению) была и должна оставаться основной определяющей чертой русской истории, резко отличающей ее от истории западноевропейских государств с их феодализмом и борьбой классов [12].

[11] Н. К. **Михайловский**. Соч., т. VI, стр. 901 и 903.
[12] Ср. выше статью «Раскол в нигилистах».

Не менее характерным, чем народничество, был для Елисеева присущий ему оппортунизм, корни которого лежали в неверии Елисеева в революционную борьбу [13].

Разделяя общее для близкого к нему круга людей увлечение социалистическими идеалами, Елисеев всегда относился скептически к насильственным способам борьбы. Его мало интересовали широкие перспективы политической деятельности и отдаленные ее результаты; гораздо больше привлекала его практическая возможность осуществления ближайших задач. По свидетельству А. М. Скабичевского, Елисеев принадлежал к числу людей трезвого реализма и практичности. «Не проповедуя никаких быстрых и решительных переворотов,— говорит Скабичевский,— они (подобные Елисееву люди.— *Б. К.*) в то же время требовали, чтобы правительство прежде всего и более всего заботилось об увеличении народного благосостояния, употребляя все зависящие от него меры, практически осуществляемые и не только не представляющие никакой опасности для государственного порядка, но, напротив того, ведущие к большему упрочению его» [14].

Как мы убедимся ниже, народничество Елисеева и его оппортунизм проявлялись довольно ясно и в передовых статьях «Века».

В признании «земственности» основной чертой русской истории с Елисеевым вполне сходился Щапов. Противопоставление свободного земского саморазвития, образцы которого он искал в нашем историческом прошлом, бюрократическому строительству государства было излюбленной идеей Щапова. Если впоследствии, под влиянием сближения с литераторами, группировавшимися вокруг «Русского слова», он категорически отрекся от этой идеи, объявив ее результатом своего «семинарского невежества и пустоты» и «совершенного отсутствия естественных знаний» [15], то в то время, когда издавался «Век», Щапов находился еще всецело во власти этой идеи. Все статьи, помещенные Щаповым в «Веке», были посвящены ее обоснованию и развитию.

[13] Единомышленники Елисеева предпочитают обозначать эту характерную черту его литературной деятельности не как оппортунизм, а как «реализм», «практичность» и т. п.

[14] А. М. Скабичевский. Литературные воспоминания, стр. 264.

[15] А. П. Щапов. Соч., т. II, стр. 158.

Доказывая жизненность крестьянского общинного строя, Щапов искал в нем задатки для обновления общественного и государственного строя России, будущность которой рисовалась ему в форме демократического государства, аппарат которого слагается из совокупности земских советов, начиная с волостных и кончая общероссийским. Взгляды Щапова на взаимоотношения народа и государства и на общину в значительной мере совпадали со взглядами позднейшего народничества. Вот почему нельзя не согласиться с утверждением Г. В. Плеханова, что труды Щапова, если «не легли в основу, то, по крайнней мере, были весьма значительным вкладом в теорию народничества» [16].

Подобно Елисееву, Щапов предпочитал мирный путь реформ пути революционному и надеялся на осуществимость своих идеалов без пролития крови. Лучшим доказательством этого служит недавно опубликованное письмо его Александру II, написанное в 1861 г. после ареста за речь, произнесенную на панихиде по убитым в Бездне крестьянам [17].

Что касается Н. В. Шелгунова, то он стоял на несколько иной точке зрения, чем Елисеев и Щапов. В их рассуждениях об исконной русской «земственности» он усматривал опасную идеализацию старорусских порядков. Незадолго до выхода обновленного «Века» Шелгунов написал статью, в которой оспаривал взгляды Щапова [18]. В противоположность последнему Шелгунов утверждал, что в нашем прошлом нельзя найти ничего, кроме «слез, да стонов, да плача, да целого ряда неудач, да целого ряда фактов, убеждающих в том, что можно строиться тысячу лет и все-таки не выстроиться». Однако подобно Елисееву и Щапову, Шелгунов был уверен, что будущее России будет строиться не на западный манер, а по особому образцу, зародыши которого он искал не в нашем прошлом, а в настоящем. Шелгунов более, чем кто-либо другой из публицистов того времени, испытал на себе влияние идей Герцена относительно исторической миссии, выпадающей на долю России.

---

[16] Г. В. Плеханов. Сочинения. М., 1923—1927, т. II, стр. 10.

[17] «Письмо А. П. Щапова Александру II в 1861 г.» опубликовано в XIX т. «Красного архива» за 1926 г.

[18] Статья эта, носившая название «Русское слово», предназначалась для «Современника», но в феврале 1862 г. была задержана цензурой. Она опубликована в XIX т. «Красного архива» за 1922 г.

Вспоминая впоследствии эпоху, последовавшую за севастопольским разгромом, и рисуя настроения русской интеллигенции того времени, Шелгунов писал: «Мы были непрочь предложить наш общинный порядок и наши общественно-экономические основы, да и сами не находили нужным проходить тот тяжелый путь индивидуалистического экономизма и капитализма, которым прошла Европа. Не мне одному,— многим думалось, что в русской жизни, сохранившей черты быта, уже исчезнувшего в Европе, есть что предложить Западу». И далее Шелгунов вспоминает, как, посетив в 1856 г. Францию, он поражал знакомых французов своими «проектами обновления Франции русскими социальными началами» [19].

Эту веру в особое предназначение России Шелгунов сохранил на протяжении ряда лет, несмотря на жестокие испытания, которым она подвергалась при соприкосновении с русской действительностью, безотрадность которой слишком бросалась в глаза для того, чтобы ее можно было игнорировать [20]. В той самой статье против Щапова, о которой мы только что упомянули и в которой он ополчается против каких бы то ни было заимствований из прошлого, Шелгунов ставил вопрос, где нужно искать то «русское слово», сказать которое призвана Россия. Если, как мы знаем уже, он не находил этого «слова» в нашей старине, то он в равной степени высказывался и против заимствований с Запада и на поставленный им вопрос о «русском слове» спешил ответить: «Ни в французских, ни в немецких книжках его не найдем». Но где же в таком случае искать его и надо ли вообще искать? «Не слово нам нужно, а дело,— отвечал на этот вопрос Шелгунов. — Если же мы должны сказать слово,— скажется оно и само собой; но скажет его весь русский народ, вся страна, а не три-четыре ученых, которые думают найти его в старых бумагах или в архивной пыли».

Итак, не в нашем прошлом и не на Западе искал Шелгунов начала, способные обновить русскую жизнь, а в на-

---

[19] Н. В. Шелгунов. Воспоминания, стр. 84 и 92.

[20] Так, например, во время своей служебной поездки по России летом 1857 г. в одном из писем к жене Шелгунов писал: «Знаете что: Русь нравится больше, когда далеко от нее, а когда в ней, особенно в середине — дичь, дичь, дичь, застой и тупость, ей богу, страшно» (Л. П. Шелгунова. Из далекого прошлого. СПб., 1901, стр. 74).

стоящем русского народа. По цензурным или по каким-либо другим соображениям этот ответ Шелгунова не отличался особой ясностью, и для того, чтобы вполне понять его и усвоить сущность взглядов Шелгунова, необходимо обратиться к другим его произведениям, относящимся к тому же приблизительно времени, к которому относится его статья «Русское слово».

Одним из этих произведений является знаменитая прокламация «К молодому поколению», написанная Шелгуновым за несколько месяцев до статьи «Русское слово». В ней вопрос о будущем России поставлен с полной ясностью. Западная Европа с ее капитализмом и пролетариатом пугает Шелгунова. Он убежден, что Россия может развиваться по особому образцу и спастись от темных сторон европейской цивилизации. Для нее не обязательна «английская экономическая зрелость». «Мы верим,— писал Шелгунов,— в свои свежие силы, мы верим, что призваны внести в историю новое начало, сказать свое слово, а не повторять зады Европы». В нашей жизни лежат начала, вовсе неизвестные европейцам. Немцы уверяют, что мы придем к тому же, к чему пришла Европа. Это ложь. Мы можем точно придти, если наденем на себя петлю европейских учреждений и ее экономических порядков; но мы можем придти и к другому, если разовьем те *начала, какие живут в народе»*. Условия, дающие нам возможность «избегнуть жалкой участи Европы», по мнению Шелгунова, заключаются, во-первых, в существующей у нас в отличие от Запада земледельческой общине и, во-вторых, в обилии у нас земли, открывающем возможность каждому крестьянину и каждому гражданину быть земельным собственником [21].

Вот ответ Шелгунова, которому нельзя отказать в полной ясности и определенности и который позволяет нам признать прокламацию Шелгунова одним из первых документов нашего народничества.

Другими произведениями Шелгунова, относящимися к тому же времени, что и статья «Русское слово», и позволяющими нам выяснить и уточнить точку зрения, намеченную в этой статье, являются его статьи, помещенные на страницах того самого «Века», которому посвящена наша

[21] М. К. Лемке. Политические процессы в России в 1860-х гг., стр. 70 (Курсив Б. Козьмина.— *Ред.*).

работа. Ниже мы познакомимся подробно с этими статьями и убедимся в том, что они также свидетельствуют о близости Шелгунова в то время к позднейшим идеям народничества. В скором времени Шелгунов коренным образом переменит свою точку зрения, чему, по-видимому, будет способствовать сближение его с Благосветловым и его товарищами по журналу «Русское слово». Однако об этом переломе в миросозерцании Шелгунова нам в настоящее время говорить нет необходимости, ибо он наметился и завершился уже позднее, когда «Век» перестал существовать. Во время же его существования Шелгунов твердо верил в особые пути исторического развития России, и это сближало его идеи с идеями Елисеева и Щапова. Расходясь между собою в деталях, в основном все они стояли на одной точке зрения, признавая необязательность для России тех путей, которыми шел Запад, и веря, что ей удастся избежать развития капитализма и найти особые, более справедливые формы общественных отношений. Это единство основных взглядов Елисеева, Щапова и Шелгунова проявилось в полной мере на страницах «Века», к выяснению общественно-политической программы которого мы можем в настоящее время перейти.

3

Передовая статья № 1—6 «Века», написанная Елисеевым и имеющая программный характер, посвящена обоснованию необходимости предоставить простор свободному, органическому, не подвергающемуся никакой принудительной регламентации со стороны развитию народной жизни.

«В настоящее время,— пишет Елисеев,— все мы дошли до сознания той простой и несомненной истины, что всякая жизнь, какая бы то ни была, может процветать только тогда, когда она развивается свободно, без внешних стеснений, из собственных, внутренних начал, что для каждого живого организма могут быть питательны только те вещества, которые имеют сродство с его внутренними началами, которые могут ассимилироваться в нем, превратиться в его плоть и кровь, что все несродное, враждебное его внутренним началам рано ли, поздно ли будет извергнуто им или, оставаясь в нем, остановит его правильное развитие и даже разрушит его, что, одним словом, *регламентация*

жизни, насильственное ее построение на чуждых ей началах, равно как питание ее элементами, ей несродными, есть дело бессмысленное, которое наносит ей несомненный вред и угрожает опасностью тяжелого кризиса и даже разрушения ее в будущем». Эта истина, по мнению Елисеева, охотно признается всеми на словах, а на деле мы на каждом шагу нарушаем ее и становимся в противоречие с ней.

«Самые либеральнейшие из нас на словах,— говорит Елисеев,— являются самыми заклятыми регламентаторами на деле. Какой бы ни возникал вопрос, какое бы ни предполагалось преобразование в общественной жизни, мы немедленно садимся за стол, пишем бездну самых остроумных ответов на вопросы, проектов, теорий — и готовы все это немедленно привести в дело — и никогда в голову не придет нам при этом призвать к участию при решении вопроса или при обсуждении предполагаемого преобразования тех, до кого именно касается вопрос или преобразование».

Для того, чтобы задуманные и предпринятые реформы могли увенчаться успехом, нам необходимо «внимательно следить за развитием новых отношений и тщательно собирать факты», памятуя, что «против напора новой жизни, полной богатством внутреннего содержания, может устоять только сила, равная ей, а не гнилые подпорки насильственной регламентации».

Переходя от этих общих, принципиальных положений к конкретным вопросам, выдвинутым русской жизнью, Елисеев останавливается на положении дворянского сословия в новой, освобожденной от крепостного права России. Вопрос этот, с легкой руки Б. Н. Чичерина, подвергался оживленному обсуждению на страницах русской прессы того времени, и, конечно, «Век» не мог обойти его молчанием. Точка зрения Чичерина общеизвестна, и мы удовольствуемся тем, что в кратких словах напомним ее. Чичерин считал, что впредь до развития у нас «среднего сословия», то есть буржуазии наподобие западной, дворянство, по свойственному ему «сознанию своих прав», является «единственным возможным политическим деятелем в России». В силу этого он отстаивал необходимость охранения сословной обособленности дворянства[22].

---

[22] Б. Н. Чичерин. Несколько современных вопросов. М., 1862, стр. 87—132.

Конечно, Елисеев не мог согласиться с такой точкой зрения на дворянский вопрос. Он находил, что теория Чичерина находится в противоречии к исконному отвращению русского народа от всякого рода сословных «каст». Однако Елисеев не настаивает на уничтожении дворянства как сословия и на растворении его в народном море. Верный своей исходной точке — признанию необходимости органического развития народной жизни, Елисеев высказывается лишь за то, чтобы и дворянский вопрос был решен не путем произвольной регламентации, а на основании тех начал, которые свободно вырабатываются народной жизнью.

«Мы не имеем никаких причин желать уничтожения дворянства,— пишет он,— но если бы течение жизни потребовало этого уничтожения, или, как выражается г. Чичерин, распущения дворянства в земстве, то такое событие, по нашему мнению, произошло бы не только без всяких потрясений, но едва ли бы было примечено всеми». «Мы твердо уверены,— добавляет Елисеев,— что наше дворянство, с благородным самоотвержением отказавшееся от своего коренного и существенного права в видах государственной пользы, не задумалось бы отказаться от других, более незначительных привилегий, остающихся за ними, если б того потребовали новые жизненные отношения...».

Основную свою мысль о необходимости органического развития Елисеев уточнил и уяснил во второй своей передовице (№ 7—8 «Века»), где эта мысль была им повторена в применении к конкретным условиям русской жизни его времени.

В этой статье Елисеев ополчается против широко распространенного между «образованными людьми» взгляда на мужика как на существо грубое, невежественное, не имеющее никакого понятия о социальной жизни и потому нуждающееся в руководстве со стороны образованных людей. Как только человека образованного,— жалуется Елисеев,— поставят в начальственное отношение к мужикам, предоставляя ему право разрешать недоразумения известного рода в крестьянских делах, то он, несмотря на точно определенный в законе круг его действий, никак не может ограничиться указанной ему ролью комментатора, разрешителя, истолкователя недоразумений, возникающих вследствие пользования известным правом, а непременно

стремится присвоить себе власть распоряжаться самым пользованием правом, указывать, как, что и кому делать, одним словом, заправлять делом, предоставив мужикам «наслаждаться *свободным самоуправлением по приказанию других»*.

«Одним словом,— говорит Елисеев,— de jure дело освобождения совершено, de facto крестьянам не дают понять, почувствовать данного им полноправия. Крестьянин слышит на каждом шагу, что он получил полную свободу, и между тем на каждом шагу видит опеку над собой, пестунство, непрошенный и тяжелый патронат, из-под которого выбиться он не в силах»[23].

«Когда, наконец, другая атмосфера повеет в нашем обществе? — спрашивает Елисеев.— Когда, наконец, перестанут у нас смотреть на крестьянина как на дикого зверя или получеловека, и поймут, что грубый необразованный мужик, не слушавший никаких социальных теорий, для общественной жизни в своем круге действий воспитан лучше нас — людей образованных, что крестьянские понятия об общественном устройстве, немногосложные, нехитрые, зато не пришлые, не навеянные ниоткуда, а выработанные самобытно, не отвлеченным умозрением, а путем практической жизни и деятельности непрерывного ряда бесчисленных поколений, стоят более чем на тысячелетнем *корню*, наследуются одним поколением от другого с молоком матерним и охраняются часто без ясного сознания, инстинктивно, но тем не менее твердо. В течение веков им много раз приходилось выдерживать сокрушительный напор разных пришлых учений об общественном и государственном устройстве, и они всегда выдерживали со славою этот напор, выходили несокрушимыми из борьбы. Так живучи начала, положенные

---

[23] Об отношении «Века» к реформе 19 февраля 1861 г. можно судить по стихотворению В. Г. Тихановича, помещенному в № 13—14:

Я в село въезжаю,—
Мужики попались.
«Бог на помощь, братцы!
Воли-то дождались?»
— «За привет спасибо».
И в затылке чешут...
Не всегда, знать, воля
Радует и тешит.

в их основании! Ныне сама западная наука торжественно признала, что только на этих началах можно устроить благоденствие человеческих обществ»[24].

Как мы видим, в этой статье точка зрения Елисеева на вопрос о путях дальнейшего развития русской жизни уяснилась в полной мере. Западноевропейскому типу развития он противопоставляет особый тип, более совершенный — русский. Начала крестьянского мирского устройства, имеющие за собой вековую давность и на опыте доказавшие свою живучесть, должны не только быть сохранены, но и положены в основание строительства новой общественной жизни. Понятия об общественном устройстве, присущие русскому крестьянству, совпадают с теми началами, на которых, по признанию западной науки, только и возможно устроить благоденствие человеческих обществ. Нет, конечно, сомнений в том, что, говоря о началах, принятых западной наукой, Елисеев имеет в виду идеи западного социализма. Другими словами, в статье Елисеева дан в зародышевой форме тезис о социалистических инстинктах русского мужика, получивший более точную и ясную формулировку в народнической литературе 70-х годов[25].

Если Елисеев довольствуется попутным замечанием насчет того, что крестьянские понятия об общественном

---

[24] «Век», 1862, № 7—8.

[25] При этом взгляде на народ, который мы находим в статье Елисеева, «Век», конечно, не мог отнестись к тургеневскому Базарову иначе, как отрицательно. Автор статьи «Нигилист Базаров», помещенной в № 15—16 «Века» и подписанной Н., указывает, между прочим, на то, что Базаров не проявляет симпатии к народу. «Он целое лето живет в деревне,— пишет автор статьи,— но вовсе не обращает или мельком, вскользь обращает внимание на народ. Раза два он, правда, разговаривает с мужиком, но какой результат выводит последний из его беседы? Такой, что Базаров ничего не понимает в том, что нужно мужику. Где понимать, презрительно подтверждает другой мужик: „известно, барин“. Но это бы еще не беда, что мужики так об нем относятся. Была бы охота, понял бы, будь хоть трижды „барин“. Но дело в том, что сам Базаров смотрит на народ с пренебрежением взрослого на малых ребят, знающего — на темных людей. Народ — это сфинкс, которого никто не понимает, который и сам себя не понимает. Община — это хаос, сумбур». Вот почему автор статьи полагает, что нигилизм Базарова не имеет под собой ни клочка твердой почвы. «В этом-то и скрывается неверность воплощенной в Базарове идеи».

устройстве выдержали испытание на протяжении ряда веков, то Щапов в статьях, помещенных в «Веке», старается дать историческое обоснование этому утверждению.

Вслед за Елисеевым Щапов повторяет его мысль о необходимости органического развития общественной жизни. Крестьянская реформа 1861 г. поставила Россию лицом к лицу «к самой почве нашего саморазвития, к народу». Но беда наша в том, что мы не знаем народа, не в силах сблизиться с ним, «не умеем в чистом роднике народной жизни изучить ее законные требования и стремления и направить нашу деятельность сообразно этим вечно истинным требованиям и стремлениям, а не произвольно измышляемым нами теориям и утопиям». «Нам нужно,— писал Щапов,— меньше увлекаться отвлеченными от потребностей и характера русского народа теориями чужих авторитетов, а прежде всего нужно всеми силами литературы вызывать к самодеятельности, к самооткровению здравый практический смысл, добрую волю и могучие силы самого русского народа. Можно сказать несомненно, что 40 миллионов сельского народа и по крайней мере 4 миллиона городского населения не примут наших теорий. Жизнь народа вообще самозаконна, самоопределяема. А жизнь русского народа, кроме того, самоупорна, своенравна, своеобразна. Нужно только деятельно стремиться к тому, чтобы дать свободу самоопределению и саморазвитию, а там уж она сама выработает такие способы и такие принципы самообразования и саморазвития, какие ей нужно по ее натуре, по ее природным силам и дарованиям да по внешним физико-географическим условиям. Надо только деятельно стремиться к тому, чтоб жизнь народная сама сказала устами самого всего народа, что ей нужно по ее природной организации» [26].

Как и Елисеев, Щапов считал общинное начало исконной специфической особенностью русской жизни. «Одно из отличительных свойств русского народа,— писал он,— это жизненно-практическая, непосредственно бытовая, общинная, мировая выработка общих начал, принципов житейской мудрости, общинно-народного саморазвития...

[26] А. П. Щапов. Сельская община. «Век», 1862, № 1—6. То же в I томе собрания сочинений, стр. 706; ниже мы будем цитировать статьи Щапова в «Веке» по собранию его сочинений (СПб., 1905—1908).

В давно-былые времена вольнонародного самоустройства народ наш сам собою, общими богатырскими силами построил земско-вечевой мир на общинно-народной основе земского народосоветия и народоправления. Во время этого самоустройства он воспитался в духе мира: мировой дух сроднился с его природой, проник весь его быт, стал жизненным, зиждительным принципом, творческой силой всего народного саморазвития» [27].

Щапов вполне сходился с Елисеевым и в признании того, что понятия крестьян о социальной жизни выше и правильнее, чем понятия образованного общества. В этом отношении образованное общество может многому поучиться у мужика.

«Вместо пустого разговорного да журнального изъявления наших сочувствий к мужикам, к великому крестьянскому вопросу,— писал Щапов,— вместо бесплодных, схоластических исканий почвы и отвлеченно-теоретических рассуждений о разных формах ассоциаций, мы, жители городов, должны дружно изыскивать способы действительного, жизненного мирового объединения между собою, учиться у сельского мира практическим социальным принципам мира, усвоять себе и развивать, усиливать, *усовершать* дух крестьянской мирской сходчивости и совещательности и мирской, дружной общинной инициативы. Что нужды, что пока груб и невежественен сельский мир? Зато он здоров и могуч и физическими и нравственными силами. Социальный принцип мира полножизнен и плодотворен... Нам нужен освежительный, оживляющий, примиряющий дух мира, мирской социальной жизни, мирского социализма... Нам нужен крестьянский мирской такт, артельный дух, мирской ум-разум и уменье в устройстве, деловодстве наших ассоциаций» [28].

В ряде статей, помещенных в «Веке», Щапов освещает различные проявления «начала народосоветия» в старой русской жизни. Весь строй ее, начиная от сельских общин и городских мирских сходов и кончая всенародными земскими соборами, был пропитан этим началом. Реформы Петра I и его преемников нанесли тяжелый удар мирскому строю, но не уничтожили его окончательно. Он

---

[27] А. П. Щапов. Соч., т. I, стр. 761—762.
[28] Там же, стр. 765—766.

сохранился до наших дней в крестьянской общине. «Корень вольнонародного, земско-вечевого, самим народом созданного мира уцелел в могучем крестьянском мире, в сельской общине. Народ всячески охранял основу мира, как святыню, от всех буреломных, сокрушительных стихий» [29].

Крепко стоявший за свою мирскую правду народ не мог примириться с отрицавшей ее государственной властью. Бегством и разбойничеством, отвлекавшим лучшие силы народа, его «самородков», ответил он на реформы Петра. Бегство и разбойничество стали «простонародным крестьянским, фактическим выражением протеста, отрицания» [30]. Здесь Щапов как бы предвосхищает то, что через несколько лет стал говорить М. А. Бакунин, объявивший разбойный мир носителем инстинктивной революционности народа и выразителем народного протеста против государства.

Исторические экскурсы нужны были Щапову для обоснования определенной программы преобразования современного государственного и общественного строя России, преобразования, основанного на началах «мирского народосоветия».

«Только восприняв в свою общественную жизнь, в свои нравы и обычаи начала мира, мирской сходчивости и совещательности, мирской круговой поруки, мирской общинной предприимчивости, мы будем способны на всякую единодушную энергическую общественную инициативу, на всякий дельный общественный сход и толк... Нам нужно снова возбудить, развить в себе посредством мирской сходчивости, совещательности и инициативы тот энергический, живой дух любви, совета и соединения, с которым в смутное время междуцарствия предки наши, живя миром, сходились единодушно, решительно, энергически на мирские сходы, на областные земские советы,— все вместе — и бояре, и гости или купцы, и посадские и волостные мирские люди, крестьяне, и думали думу крепко всею своею землею и решали земское дело. Нам нужно снова такой же мировой дух любви, совета и соединения, с каким тогда русские земские люди дружно, живо

---

[29] Н. В. Шелгунов. Воспоминания, стр. 146.
[30] Там же, стр. 34.

переписывались между собою, сошлись на сход в Москву и составили земский собор... *Нам нужны такие же новые мирские сходы, земские советы, и такой же новый великий земский собор.* Такие социальные принципы внушает наш грубый, необразованный, но могучий сельский мир, начинающий новое саморазвитие»[31].

Щапов был глубоко убежден, что демократизация русского политического и социального строя в тех формах, какие им предложены, приведет к быстрому росту материального благосостояния населения. Он верил в то, что свободные в своем саморазвитии села станут «центрами сельского экономического и умственного движения», а по мере развития в них свободного труда разовьются в города.

Постепенно богатея плодами собственного труда,— говорит Щапов,— и возрастая в город, волостное село естественно будет обогащать и развивать и прилежащие к нему окрестные деревни»[32]. Однако экономическая сторона вопроса мало интересовала Щапова, и он касался ее лишь бегло и попутно.

Подробное развитие взглядов «Века» на экономическую реформу мы найдем в статьях Шелгунова и отчасти других сотрудников этого журнала.

Шелгунова мало прельщает экономический порядок, господствующий на Западе. Как в Европе феодальной, так и в Европе современной — «коммерческой и мануфактурной» — вся экономическая деятельность основана на насилии одних над другими. С падением феодализма положение эксплуатируемых не сделалось легче: «Прежде слабый терпел от физической силы, теперь он стал терпеть от силы денежной». Право свободного выбора работы существует для рабочего только в теории, а не на практике. И прежде он работал не на себя, и теперь он работает на другого. Вся разница в том, что прежде у рабочего был хозяином феодальный владелец, а потом явился фабрикант и земельный собственник»[33].

Англия, страна с наибольшим развитием промышленности, является страной, где теневые стороны западной

---

[31] А. П. Щапов. Соч., т. I, стр. 767 (курсив Б. Козьмина.— *Ред.*).

[32] Там же, стр. 781—782.

[33] Н. В. Шелгунов. Экономическое соперничество. «Век», 1862, № 17.

цивилизации проявляются с наибольшей ясностью. «Может быть, ни в одной стране в мире,— говорит Шелгунов,— нет таких крайностей во всем, какие представляет Англия. Рядом с самым громадным богатством в ней живет бедность, умирающая с голоду; рядом с образованием стоит невежество, доходящее до идиотизма; рядом с политической свободой одних — непризнание политических прав других, т. е. тех, у кого нет денег. Все это не такого рода данные, чтобы можно было новую формирующуюся граждански страну строить по английскому фасону» [34].

Как и в прокламации «К молодому поколению», Шелгунов в своих статьях, помещенных в «Веке», осуждает западную цивилизацию и высказывает уверенность в том, что Россия имеет возможность идти другим путем. Где же, по его мнению, гарантия этой возможности? Он ищет ее в доселе неиспользованном в полной мере земельном просторе, которым обладает Россия.

«В этом просторе,— говорит он,— вся наша сила, вся наша возможность устроиться так, чтобы отклонить от себя то зло, от которого уже натерпелась Европа». Это зло заключается в существовании фабричного и земледельческого пролетариата, т. е. рабочих, не обладающих никакой собственностью и в силу этого вынужденных работать по найму. Положение этих рабочих в высшей степени тяжело. «Европа ищет выхода из этого положения: она уже поняла, что самое лучшее положение того земледельца, который в то же время и собственник обрабатываемой им земли. Но дело не в том, чтобы понять этот слишком нехитрый вопрос, а в том, чтобы уладить у себя дело таким образом. И англичанам, и французам, и немцам это трудно. А нам легко. И вся причина легкости его для нас заключается в том, что у нас земли много и что мы именно находимся в том моменте вопроса, когда и разрешить его нетрудно. Как же мы разрешим его? Мы можем разрешить или так, что устраним от себя надолго всякую даже тень боязни за земледельческий пролетариат, или так, что положим начало этому пролетариату. Что лучше — иметь пролетариев или земледельцев собственников? Пролетариата мы не хотим; нет в России ни одного человека, который решился бы высказать такую ужасную мысль. Значит, нам

[34] Н. В. Шелгунов. Общественные вопросы, «Век», 1862, № 7—8.

нужны земледельцы-собственники. Так? А в таком случае, в чем же помеха общему желанию? И существует ли помеха? Если существует, то очевидно, что всякий, в ком есть смысл и совесть, в делах, касающихся этого вопроса, легко догадается, как действовать ему, чтобы спасти Россию от земледельческого пролетариата»[35].

Большой запас свободной земли, которым располагает Россия, ее казенно-оброчные земли и громадный, нетронутый до сих пор земельный простор Сибири должны быть использованы в интересах работников. Распределение их между крестьянами положит конец безземелью и малоземелью, от которых в настоящее время страдает русская деревня.

Для России, по мнению Шелгунова, «теперешний момент есть момент нового расселения так, чтобы всегда было просторно и чтобы не придти к земледельческому пролетариату Англии». Исполняющееся в 1862 году тысячелетие России должно стать для нее началом новой экономической жизни на основании тех спасительных уроков, которые дает нам история Запада. «Нам урок дается даром, и, разумеется, вопрос важный, как мы воспользуемся им. Наука же дает нам готовые ответы. Можно, пожалуй, их и не принять, да будет ли это благоразумно?»[36]

Во всяком случае, там, где земли достаточно и нет безземельных крестьян, есть возможность избежать водворения принципа соперничества. Такая возможность открывается перед Россией. Это не значит, что Россия должна навеки остаться страной исключительно земледельческой. Нет. В ней разовьется и промышленность, но она разовьется не в тех формах, как на Западе, а в других.

В статье «Экономическое соперничество», помещенной в № 17 «Века», Шелгунов указывает те особые формы, в каких, по его мнению, может развиваться в России промышленность. Набросанный им здесь план весьма оригинален, но не нов. У Шелгунова в этом отношении был предшественник, и этого предшественника указывает

---

[35] Н. В. Шелгунов. Общественные вопросы. «Век», 1862 № 7—8.

[36] Там же.

сам Шелгунов. Это — гоголевский Костанжогло из второй части «Мертвых душ».

«Так вы полагаете, что хлебопашеством доходливее заниматься? — спросил у Костанжогло Чичиков.

Законнее, а не то, что доходнее. Возделывай землю в поте лица своего, сказано. Тут нечего мудрить. Это уже опытом веков доказано, что в земледельческом звании человек нравственнее, чище, благороднее, выше. Не говорю — не заниматься другим, но чтобы в основание легло хлебопашество — вот что! Фабрики заведутся сами собой, да заведутся законные фабрики,— того, что нужно здесь, под рукой человеку, на месте, а не эти всякие потребности, расслабившие теперешних людей. Не эти фабрики, что потом, для поддержки и для сбыту, употребляют все гнусные меры, развращают, растлевают несчастный народ».

Шелгунов находит, что в этих словах Костанжогло много справедливого и что те фабрики, о которых мечтает Костанжогло, действительно «законнее» западноевропейских фабрик.

Нам нужны фабрики, но лишь такие, которые будут вырабатывать не предметы роскоши и продукты, необходимые для узкого круга потребителей из привилегированных классов, а только те предметы, которые нужны крестьянину в его домашнем быту. Это — во-первых. А во-вторых, эти фабрики «должны завестись народом», т. е. должны находиться в руках не эксплуатирующей труд пролетариев буржуазии, а в руках самого народа, который строит, организует эти фабрики, управляет ими и работает на них, не эксплуатируя чужого труда. Это — фабрики без пролетариата. Другими словами, эти фабрики должны быть организованы на артельных началах.

На Западе, где господствует начало соперничества, в последнее время стали наблюдаться явления, идущие вразрез этому началу. «Рабочие увидели уже сами,— говорит Шелгунов,— что война экономическая не приносит им выгоды... Не соперничество и драка из-за говядины спасет их, а союз и мир и дружное общее усилие обеспечит мирным путем существование каждого. Рабочий начал составлять ассоциации и артели и этим одним фактом доказал, что соперничество не есть закон, что оно не расчет, как и всякая распря, что проще и выгоднее вместо

того, чтобы мешать друг другу и вырывать из рук соседа кусок хлеба, идти дружно к одной цели... И у нас мысль об артельном начале должна идти все шире и шире... Нужно, чтобы артельность явилась в народе» [37].

Если Шелгунов ограничивается только провозглашением принципа ассоциации, то автор другой статьи останавливается подробно на проведении этого принципа. Мы имеем в виду статью «Артели рабочих для основания фабрик или мастерских», подписанную инициалами А. Б. и помещенную в № 12 «Века». Совпадение многих мыслей, которые мы находим в этой статье, с тем, что сказано Шелгуновым в его уже известных нам статьях, дает основание предполагать, что под инициалами А. Б. скрывался тот же Шелгунов. В сущности А. Б. развивает тот же план организации промышленности, какой уже знаком нам по статье Шелгунова. Это — та же фабрика без буржуазии и без пролетариев.

«Разделение людей на хозяев и работников,— пишет А. Б.,— невыгодно и тем и другим... Платя рабочему его задельную плату, хозяин смотрит на рабочего враждебно; рабочий, с своей стороны, тоже не считает хозяина своим другом... Рабочий эксплуатирует своего хозяина так же, как и хозяин рабочего. Каждый рабочий хлопочет о том, чтобы получить от хозяина как можно больше денег и взамен отдать ему как можно меньше произведениями своего труда... Такой порядок вещей не ведет ни к чему хорошему. Он должен кончиться тем, что обоюдные отношения сделаются, наконец, в такой степени невыносимы и так будут понятны и экономические потери, что для самих хозяев расчетливее перестать быть хозяевами».

Новая система организации труда должна быть основана на том начале, что все работающие имеют к делу такой именно интерес, какой имеют люди, работающие сами для себя. Для этого же необходимо провести в жизнь ту форму сочетания труда, которая известна под именем ассоциации или артели.

Однако русская артель не удовлетворяет автора статьи. Эта артель — явление случайное, временное, лишенное той прочности, которая необходима для организации промышленности в широком масштабе. «Наша артель,—

---

[37] «Век», 1862, № 7—8.

говорит А. Б.,— что-то кочевое; ее составляют обыкновенно рабочие на короткий срок, на работы вне дома... Такая артель имеет применение к весьма немногим случаям экономической деятельности нашего рабочего». Мысль о том, что вся промышленность должна быть построена на артельном начале, еще не сознана русским человеком. При таких условиях существующую русскую артель можно рассматривать лишь как зачаток того артельного устройства промышленности, о котором мечтает А. Б. Та артель, которую он имеет в виду, «обнимет все производство; она соединит земледельческий и промышленный труд; она не оторвет нашего земледельца от пашни, чтобы сделать его городским фабричным пролетарием; напротив,— фабричного рабочего она сделает членом сельского мира» [38].

«Наш крестьянин при всей своей бедности далеко еще не пролетарий,— пишет А. Б.,— у каждого нашего рабочего, фабричного или ремесленного, есть своя оседлость; есть деревня, из которой он ушел на фабрику и куда он может опять воротиться, когда ему придется расстаться с фабрикой навсегда; следовательно, крайность его положения вовсе не так велика, как у какого-нибудь английского пролетария, которому только один выход спасти себя и свою семью от ужаса пауперизма — вступить в ассоциацию. Но незачем нам и дожидаться этой крайности, незачем нам организовывать у себя особый класс фабричного населения, начало которому, к сожалению, уже положено. Нам нетрудно устроить у себя другой порядок, потому что у нас много земли. В земельности России заключается причина, почему нашим ремесленным и промышленным артелям есть возможность организовываться на иных основаниях, чем они устраивались в Англии, во Франции и в Германии» [39].

На Западе город — промышленный центр; у нас же города имеют только административное значение. У нас нет буржуазии и нет пролетариев.

«Вот почему наша фабричная и ремесленная промышленность может отлично устроиться в сельских местностях в соединении с сельскохозяйственными занятиями».

---

[38] А. Б. Артели рабочих для основания фабрик или мастерских. «Век», 1862, № 12.

[39] «Век», 1862, № 12.

Правда, у нас существуют отдельные фабрики, устроенные «без нужды на западный образец» в больших городах. «Не понимаем,— пишет А. Б.,— почему подобным фабрикам нужно существовать в больших городах? Зачем им привлекать к себе сельское население? Зачем сельского жителя, здорового, свежего и стоящего нравственно выше, превращать в рабочего исключительно фабричного, т. е. портить человека и физически и нравственно? Наконец, мы не понимаем, для чего бы фабрикам не заводиться в тех селениях, в которых существует уже начало фабричности, почему бы фабричное производство не сделать таким же крестьянским промыслом, как и сельское хозяйство, и почему бы не соединить его с земледелием? Мы думаем, что место нашим фабрикам — в деревне и селах, где и лесу больше, где и хлеб дешевле, где и нравы чище. Мы думаем, что устройство крестьянами фабрик артелями или даже целыми селениями будет громадным подспорьем крестьянину в его земледелии и не помешает его полеводству, потому что работы на фабриках могут производиться зимой, когда крестьяне обыкновенно уходят на промыслы в другие места. Чем уходить из дому, лучше оставаться у себя, чем давать все средства распадению общества на капиталистов и бедняков, лучше всем стремиться к обеспечению своего благосостояния и увеличивать число людей среднего состояния».

Автор статьи верит в то, что сельские фабрики не только будут процветать, но и успешно конкурировать с фабриками городскими. «И дешевизна содержания в деревне,— говорит он,— и не исключительная зависимость крестьянина от фабрики, потому что он живет и от своего сельского хозяйства, дадут ему такую силу, против которой, пожалуй, и не устоят городские фабриканты буржуа».

Однако необходимо, чтобы государство оказало финансовую помощь «сельской фабричности»; без этого ей трудно развиваться.

«Если человеку дается земля,— пишет А. Б.,— чтобы он мог существовать, то отчего же с того момента, когда наступает в стране пора ее промышленного развития, не дать народу денег для ее начала?.. Если этим можно положить начало тому, что удержит Россию от размножения фабричных рабочих и от промышленного пролетари-

ата, который неизбежен, если фабрики будут принадлежать одним, а работать на них будут другие лица, как это теперь, то мы не видим причины, почему бы не искать спасения в правительственной помощи»[40].

Мы не будем останавливаться на других статьях «Века». Они или касаются частных вопросов или повторяют то, что мы знаем уже из разобранных нами статей, и таким образом не дают ничего нового, могущего пополнить характеристику интересующего нас журнала, направление которого выяснилось уже в достаточной степени ярко. Мы убедились, что «Век» последовательно проводил принятую им программу. Страх перед буржуазной цивилизацией Запада и стремление доказать, что Россия обладает всеми задатками, необходимыми для того, чтобы идти особыми путями и осуществить более совершенный строй общественно-экономических отношений, чем западный,— вот основная мысль, упорно проводившаяся публицистами «Века». На обосновании и защите этой мысли сходились между собою и Елисеев, и Щапов, и Шелгунов. Впоследствии в работах наших народников 70-х годов теория русской самобытности получила более подробное и тщательно разработанное обоснование. Однако если мы хотим изучать народничество в процессе его идейного развития, начиная с первоначальных истоков народнической мысли, мы не можем пройти мимо «Века». Мы уже имели случай убедиться в том, что в ряде вопросов статьи «Века» предвосхищали идеи позднейшего народничества.

Однако в одном отношении молодые народники «Века» отличались от своих потомков следующего десятилетия. Им был чужд тот аполитизм, который так характерен для народничества 70-х годов. «Век» выступал сторонником политической свободы и участия народных представителей в законодательстве.

В первом же номере «Века» Елисеев заговорил о необходимости привлечь народ к участию в законодательной деятельности. Еще яснее этот вопрос был поставлен Щаповым, выдвинувшим, как мы видели, требование созыва земского собора.

---

[40] А. Б. Артели рабочих для основания фабрик или мастерских. «Век», 1862, № 12.

В других статьях, на которых нам не приходилось еще останавливаться, Елисеев выступал убежденным сторонником обеспечения в законодательном порядке неприкосновенности личности и граждан. В первой статье № 11 «Века» он говорит о том, что в правильно организованном государстве никто не может быть подвергнут наказанию иначе, как по суду, и требует, чтобы гражданам были предоставлены в законе гарантии от произвола судей. Другую статью Елисеев посвящает доказательству необходимости обеспечения граждан от обысков, производимых без соблюдения установленных в законе правил, и предоставления гражданам «всех средств защиты против произвольных, часто варварских набегов и вторжений полиции» [41]. Известно, что постановки таких вопросов в народнической литературе 70-х годов мы не найдем. Ее эти вопросы интересовали очень мало.

В пределах настоящей статьи мы не можем дать анализа социального содержания народничества, но нельзя не подчеркнуть одного знаменательного обстоятельства, выяснившегося из предыдущего изложения: у истоков народничества мы встречаемся с фигурой добродетельного кулака Костанжогло. И, конечно, не случайно, что Шелгунов, развивая свои идеи о фабрике без пролетариев, вспомнил об этом гоголевском персонаже, сумевшем на развалинах дворянского землевладения создать крепкое кулацкое хозяйство.

---

[41] «Век», 1862, № 13—14.

ГАЗЕТА «НАРОДНАЯ ЛЕТОПИСЬ»*
(1865 г.)

Задача настоящего очерка — напомнить об одном забытом издании 60-х годов, представляющем, по нашему мнению, значительный интерес во многих отношениях. Мы имеем в виду газету «Народная летопись», издававшуюся в 1865 г. в течение полутора месяцев в Петербурге. Газета эта выходила два раза в неделю. Ее первый номер появился 2 марта, а последний — двенадцатый — 16 апреля.

Даже при беглом просмотре этой газеты бросается в глаза ее своеобразие. В ней мы не видим ряда отделов, которые привыкли встречать в органах печати, претендующих на название газеты. В ней, например, нет телеграмм, нет внутренних известий, нет театрального обозрения, нет биржевой хроники и т. д. Содержание «Народной летописи» распадается на следующие отделы: передовая статья, иностранное обозрение, внутреннее обозрение, фельетон; в некоторых номерах, кроме того, встречаются корреспонденции из провинции и небольшой отдел сатирического характера под названием «Заметки и слухи». Передовицы «Народной летописи» весьма отличны от передовых статей других газет. Прежде всего — своими размерами: они занимают всю первую страницу газеты, а часто и большую часть второй. По содержанию своему они тесно связаны между собою, являясь как бы одной большой статьей, разбитой на двенадцать номеров и притом оставшейся незаконченной ввиду прекращения выхода газеты.

Фельетон «Народной летописи» или бывает посвящен вновь выходящим книгам (например, трактату Милля о политической экономии с примечаниями Чернышевского или «Химии» Либиха) или носит сатирический характер. Так, например, в фельетоне первого номера высмеиваются «сыны настоящего времени»: умеренный либерал

и просто либерал. Автор этого фельетона, скрывшийся под ничего не говорящим нам псевдонимом «В. Бес.» (возможно, что им был Д. Д. Минаев), между прочим, заставляет двух либералов обменяться такими стихотворными репликами:

Умеренный либерал:

Общего нет между нами:
Мне ненавистны мальчишки,
Те, что Фурье и Прудона
Любят ужасные книжки.
Жизнь посвящаю я благу
Милой отчизны, закону;
В тартаре сгибнуть желаю
Я и Фурье и Прудону!

На это *«просто либерал»* отвечает:

Общего нет между нами.
Духа гражданского ноши
Ты не поднимешь затем, что
Чистишь начальству галоши!
Жизнь посвящаю я грусти
О бедняках разных наций;
Ты ж — наживанью различных
Благ, рысаков, ассигнаций!

Что касается отдела «Заметки и слухи», то сатирическое жало автора или авторов этого отдела преимущественно направляется на журнал Достоевского «Эпоха» и умеренно-либеральную газету «Голос» с ее редактором-издателем А. А. Краевским. Сатира «Народной летописи» большим остроумием и едкостью не отличается, но по содержанию несомненно характерна для эпохи 60-х годов.

Приведем несколько примеров:

Некто, желающий продать полное собрание сочинений Сведенборга просит нас поставить об этом в известность редакцию журнала «Эпоха» (№ 1).

Какой-то нигилист снова смеялся над тем, что у А. А. Краевского собственный дом. Предан позору (№ 2).

Просят газету «Голос» перепечатывать свои статьи по два раза, ибо есть люди, сомневающиеся, чтобы при такой перепечатке в них выходило каждый раз одно и то же.

Есть в «Народной летописи» отдел объявлений. И этот отдел носит специфический характер, живо напоминая нам эпоху тех увлечений артельными начинаниями, которую русское общество переживало в 60-е годы.

Вот, например, объявление о *женской переплетной*, которая «существуя уже более года, имела возможность заявить себя с хорошей стороны».

Или, например, такое объявление:

Бесплатная ремесленная женская школа и при ней башмачная и перчаточные мастерские. Открыта 9 января 1865 г. Кроме ремесл, в школе обучают: закону божию, русскому языку, арифметике, географии, а при чтении сообщают элементарные понятия об естественных предметах. Классы продолжаются от 10 до 3 час. пополудни. Тут же принимаются заказы и продаются башмаки и перчатки. Школа находится на Фонтанке... [1]

Почти все статьи и заметки, помещенные в «Народной летописи», анонимны; только две или три из них подписаны псевдонимами. Однако вскрыть эти псевдонимы невозможно. Ни в одном указателе псевдонимов мы не найдем их расшифровки.

При таких условиях особый интерес для нас должно представлять имя редактора «Народной летописи». Может быть, оно даст нам указания относительно того, из каких кругов вышло издание этой газеты. Однако, к сожалению, и имя редактора не выясняет нам ничего в этом отношении. Редактором-издателем «Народной летописи» числился небезызвестный беллетрист Николай Дмитриевич Ахшарумов. Сотрудник катковского «Русского вестника» и «Эпохи» Достоевского, Ахшарумов был человеком

[1] Интересно отметить еще помещенное в № 12 объявление о публичных чтениях Н. Ножина на тему «О современном значении естественно-научного метода по отношению к общественно-экономической науке», долженствующих состояться 17, 19 и 21 апреля 1865 г. В объявлении приводится программа этих чтений, и, между прочим, такой тезис лектора: «Главнейшее значение естественно-научного метода заключается в вырабатываемом им положительном методе постановки и разрешения общественно-экономических вопросов». Этот тезис дает нам некоторое представление об основной мысли публичных чтений Ножина, относительно которых его биографу Сватикову было известно лишь то, что они не сопровождались успехом. См. его статью «Николай Дмитриевич Ножин» («Голос минувшего», 1914, № 10, стр. 14).

весьма далеким от радикального лагеря. С. А. Венгеров так характеризует его:

«Это — идеалист 40-х гг. в лучшем смысле слова, искренний прогрессист, но которого грубость и резкость всероссийского прогресса несколько напугала, что и послужило поводом к написанию „Мудреного дела“ — единственной цветной вещи в длинном литературном послужном списке Ахшарумова [2]. Здесь в форме дневника некосго господина, вздумавшего издавать журнал, не без ядовитости обличается эпоха „разрушения эстетики“» [3].

Ясно, что такой человек, как Ахшарумов, только в силу каких-то совершенно случайных причин мог попасть в редакторы радикальной газеты. Это, конечно, был фиктивный редактор, имя которого должно было прикрывать имена действительных руководителей «Народной летописи». Как мы убедимся ниже, Ахшарумов в редактировании этой газеты фактически участия не принимал, не напечатал в ней ни строчки и даже, тяготясь своим званием редактора, пытался сложить его с себя.

Немного больше, чем имя Ахшарумова, скажут нам два других имени, которые мы встречаем на страницах «Народной летописи». Просматривая газету, мы узнаем, во-первых, что ее контора помещалась при книжном магазине и библиотеке для чтения Яковлева и, во-вторых, что она печаталась в типографии А. С. Голицына. Мало знаем мы о Голицыне и Яковлеве, но кое-что, однако, нам известно.

Василий Васильевич Яковлев, сын отставного генерала, окончил училище правоведения и после этого занимал должность мирового судьи в Петербурге; одновременно с этим Яковлев открыл в Петербурге книжный магазин и организовал издательство [4].

---

[2] «Мудреное дело» — повесть Ахшарумова, напечатанная в «Эпохе» за 1864 г.

[3] С. А. Венгеров. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. I, стр. 992.

[4] Фактически магазин и издательство принадлежали двум братьям Яковлевым, Василию и Александру, известному в свое время писателю по экономическим вопросам, горячему проповеднику ссудо-сберегательных товариществ и мелкого земельного кредита. Анонимный биограф А. В. Яковлева (см. «Русский биографический словарь», том «Яблоновский — Фомин». СПб., 1913, стр. 69—70) сообщает, что он был издателем «небольшой дешевой, но солидной, рассчитанной на среднего читателя газеты, вы-

По свидетельству III отделения, Яковлев «не раз обращал на себя внимание как человек в высшей степени зараженный духом нигилизма и противоправительственным направлением, но за неимением юридических доказательств не представлялось никакой возможности к изобличению его»; что касается его книжного магазина и состоящей при нем библиотеки для чтения, то они представляли собою «место сборища нигилистов, нигилисток, неслужащего и ничего не делающего народа» [5]. В июле 1866 г., в эпоху реакции, наступившей после выстрела Каракозова, магазин Яковлева был закрыт, а сам он арестован.

Князь Александр Сергеевич Голицын, товарищ Яковлева по училищу правоведения, по окончании коего он поступил на службу в сенат, был совладельцем библиотеки, организованной Яковлевым. Голицын был известен как человек передовых взглядов, вращавшийся в радикальных и революционных кружках Петербурга. Он был фиктивным мужем Варвары Александровны Зайцевой, сестры известного критика «Русского слова» Варфоломея Зайцева. В 1863 г. В. А. Зайцева привлекалась в Москве по делу московского отделения тайного общества «Земля и воля» (так называемое дело Андрущенко) и обвинялась в способствовании побегу за границу Кельсиева. При обыске у нее были найдены портреты Герцена и Огарева [6]. Переехав после этого в Петербург, Зайцева продолжала поддерживать революционные связи. С 1865 г. она находилась под наблюдением полиции «за проявление ею учения своего о нигилизме».

Как ни скудны наши сведения о Яковлеве и Голицыне, мы можем, однако, основываясь на них, считать установленной некоторую связь между газетой «Народная летопись» и революционными кружками Петербурга того времени.

В нашей исследовательской литературе по истории русской журналистики мы не находим никаких сведений о «Народной летописи», за исключением одной странички, уделенной этой газете М. К. Лемке. Однако и эта

ходившей под редакцией Ахшарумова». Хотя название этой газеты и не указано, ясно, что речь идет о «Народной летописи».

[5] ЦГИАМ, ф. Высочайше учрежденной следственной комиссии, 1866, д. 208, л. 12.

[6] Материалы для истории революционного движения в России 60-х гг., под ред. В. Я. Богучарского. СПб., 1907, стр. 117—118.

страничка дает нам некоторые небезынтересные сведения о «Народной летописи».

«Эта газета,— пишет Лемке,— замечательна прежде всего своей неизвестностью; лишь г. Лисовский упомянул ее в своем известном труде; затем ни в словаре Брокгауза и Эфрона, ни в словаре г. Венгерова, ни в других источниках о ней нет ни слова. Между тем, оказывается, газета эта интересна прежде всего потому, что основана сотрудниками „Современника", Ю. Г. Жуковским и А. Ф. Головачевым, не могшими вполне уложить своего журнального темперамента в ежемесячное издание... Выход газеты два раза в неделю был очень удобен именно для людей, занятых журналом: не требовалось той страшной энергии, которая нужна для ежедневной газеты, но зато была возможность отозваться на все довольно быстро и с большей игривостью, чем в журнале. По словам М. А. Антоновича, от которого мною получены вообще сведения о «Народной летописи», Елисеев и А. Н. Пыпин не принимали в ней участия» [7].

Как видим, сведения о «Народной летописи», которыми располагал М. К. Лемке, не отличались особой полнотой и ограничивались тем немногим, что мог сообщить ему Антонович. Мы в настоящее время находимся в более выгодном положении, чем Лемке, ибо располагаем некоторыми данными, которые не могли быть известными ему.

В 1909 г. вышла из печати посмертная работа Ю. Г. Жуковского «XIX век и его нравственная культура». К этой работе приложена биография ее автора. Кто писал эту биографию — неизвестно, но нет сомнения, что она была составлена на основании сведений, данных вдовой Жуковского, хорошо осведомленной в истории газеты «Народная летопись». Автор этой биографии рассказывает, что в декабре 1864 г. Жуковский оставил службу в Главном комитете об устройстве сельского состояния для того, чтобы «всецело отдаться общественной деятельности в качестве публициста».

«Так как „Современник", имевший в то время огромное влияние на общественное мнение, выходил всего раз в месяц, а у Ю. Г. была потребность говорить чаще по

---

[7] М. К. Лемке. Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов. СПб., 1904, стр. 400.

поводу вопросов, касавшихся злобы дня, то он задумывался над созданием газеты. Небольшой кружок людей, более или менее близких „Современнику“, поддерживал его в означенной мысли; многие обещали сотрудничать пока даром до тех пор, пока газета не станет оплачиваться и не будет в состоянии давать гонорар. Печатание и бумагу можно было получить в кредит, но не было денег на объявления».

«Заслышав об этом, ему ссудил 150 р. сыровар Верещагин, бывший в то время только поклонником Ю. Г. и не изучавший еще сыроварения. Эти 150 р. пошли на печатание объявлений и рассылку их при тогдашних газетах и журналах. Вследствие неимения средств газету решено было выпускать всего два раза в неделю на первых порах, начиная с марта 1865 г., под названием „Народная летопись“. Все до одной передовые статьи и большую часть „внутреннего обозрения“ по поводу стоявших на очереди вопросов писал Ю. Г., всегда отстаивавший интересы угнетаемых и обездоленных. Передовые статьи его так живо отражают события, волновавшие и занимавшие интеллигентных людей 60-х гг., что могли бы служить образцовыми лекциями в настоящее время; тем более, что тогдашние мотивы имеют много общего с настоящей злобой дня. Помимо передовых статей и внутреннего обозрения, Ю. Г. писал и в других отделах, не исключая фельетонов. Его сильно интересовали в то время опыты земледельческой химии. Книга Либиха об этом предмете послужила ему также материалом для одного из его фельетонов. Его перу принадлежала часть сатирических заметок и слухов, которыми он счел нужным несколько разнообразить газету. Газета имела несомненный успех, несмотря на то, что при объявлениях и под газетными статьями не были упомянуты имена сотрудников. Ответственным редактором-издателем газеты был литератор и романист Ахшарумов, давший свое имя исключительно из личной симпатии к Ю. Г., с которым познакомился несколько лет тому назад случайно. Сам Ахшарумов в газете не писал; романы свои помещал в „Русском вестнике“, против редакторов которого постоянно полемизировал Ю. Г.» [8]

---

[8] Ю. Г. Жуковский. XIX век и его нравственная культура. СПб., 1900, стр. 3.

«Первыми признаками успеха явилось предложение Некрасова Ю. Г. денег для превращения газеты в ежедневное издание. Некрасов был слишком практический и опытный в деле изданий человек и отличался необыкновенным чутьем, и потому его предложение только подтверждало вышеупомянутый успех. Начавшиеся по этому поводу переговоры и подыскание нового редактора — ввиду отказа Ахшарумова, который тщетно пробовал охладить пыл у Ю. Г. по отношению редакторов „Русского вестника“, в котором, как было упомянуто, Ахшарумов печатал свои романы, безусловно не участвуя в трудах, ни в будущих барышах „Народной летописи“,— были готовы увенчаться успехом, когда на 12 № газета была прекращена по распоряжению министра внутренних дел. Несколько сановников с разных концов столицы, ехавши в вагонах или так, случайно купив по одному номеру „Народной летописи“, сочли долгом отметить карандашом непонравившиеся им места и отправить свои номера самому министру (так, по крайней мере, объяснил дело Некрасову председатель цензурного комитета Лазаревский)» [9].

Для того, чтобы пополнить сведения, сообщаемые биографом Ю. Г. Жуковского, приведем еще выдержку из воспоминаний его вдовы, Е. И. Жуковской, о Некрасове.

«Я познакомилась с Некрасовым,— рассказывает Жуковская,— в 1864 году в апреле (явная ошибка: не в 1864, а в 1865 г.— *Б. К.*). Я заехала в редакцию „Современника“, чтобы переговорить об одной статье с Антоновичем. Антонович еще отсутствовал; я застала одного Слепцова, с которым я разговаривала, когда вошел Некрасов. Отведя в сторону Слепцова, он осведомился у него, кто я, и попросил тотчас же представить мне себя. Еще до запрещения „Народной летописи“ он предлагал Ю. Г. через Пыпина дать денег для того, чтобы обратить эту газету в ежедневную. Ю. Г. согласился и хлопотал о новом редакторе ввиду отказа от ответственного редакторства Ахшарумова, как вдруг ее закрыли по высочайшему повелению. Теперь, встретив меня, Некрасов стал мне объяснять, что очарован публицистическими статьями Ю. Г. в „Народной летописи“ и потому очень бы

[9] Ю. Г. Жуковский. XIX век и его нравственная культура. СПб., 1909, стр. 3—4.

желал, чтобы Ю. Г. принял более близкое участие в редакции „Современника", не ограничиваясь исключительно научными статьями, как было до сих пор. Я, разумеется, посоветовала ему обратиться к самому Ю. Г., что он вскоре и сделал»[10].

В только что приведенной выдержке из воспоминаний Жуковской имеется маленькая неточность. Кара, обрушившаяся на «Народную летопись», была назначена не по высочайшему повелению, а по распоряжению министра внутренних дел, это, во-первых; во-вторых же, газета не была закрыта, а лишь приостановлена на 5 месяцев. Однако когда срок приостановки истек, выход газеты уже не возобновился[11].

Чрезвычайно любопытен повод, вызвавший распоряжение о приостановке «Народной летописи».

12 апреля 1865 г. скончался наследник русского престола вел. кн. Николай Александрович. В течение нескольких дней все газеты выходили в глубоком трауре — с широкой черной каймой. 13 апреля вышел № 11 «Народной летописи»; здесь не было не только черной каймы, но даже и сообщения о смерти наследника. 14 апреля был убит президент Северо-Американских Соединенных Штатов Линкольн. 16 апреля вышел № 12 «Народной летописи» с черной каймой и сообщением о смерти Линкольна; о кончине же наследника в этом номере опять-таки не было ни слова.

Невольно возникает вопрос: не было ли все это определенной политической демонстрацией со стороны редакции «Народной летописи». Надо признать, что если это была демонстрация, то очень смелая и яркая для того времени. Однако нам думается, что мы имеем дело в данном случае не с политической демонстрацией, а с недоразуме-

[10] Е. И. Жуковская. Записки. Л., 1930, стр. 226—227.

[11] Когда книга «От „девятнадцатого февраля" к „первому марта"» (речь идет о книге Б. Козьмина.— *Ред.*) была сдана в набор, в сборнике «Звенья» (т. I, М.— Л., 1932) появилась неизданная глава из воспоминаний Е. И. Жуковской, в которой она, между прочим, рассказывает об издании «Народной летописи». Эта глава позволяет установить еще одного сотрудника «Народной летописи» — известного в свое время либерального публициста, сотрудника «Современника» и других прогрессивных органов печати Эрн К. Ватсона, который, по свидетельству Жуковской, «очень аккуратно до самого конца» вел в «Народной летописи» политический отдел («Звенья», т. I, стр. 346).

нием, оказавшимся роковым для газеты. Если рассматривать изложенный нами инцидент как демонстрацию политического характера со стороны редакции «Народной летописи», то следовало бы признать, что редакция сознательно шла на закрытие газеты, ибо она не могла не понимать, что такая демонстрация не может пройти для нее безнаказанно. Между тем, как мы знаем, редакция не только не хотела закрытия газеты, а, наоборот, стремилась превратить ее в ежедневный орган. При таких условиях приходится думать, что умолчание «Народной летописи» о смерти наследника объяснялось тем, что редакция не успела поместить в № 11 сообщение о событии, происшедшем накануне выхода этого номера в свет, то есть, когда, по всей вероятности, этот номер был уже закончен печатанием. В двенадцатом же номере редакция дала, по примеру других газет, траурную рамку, но не сочла нужным воспроизводить запоздалое уже сообщение о смерти вел. князя. Наше предположение подтверждается, между прочим, еще и тем, что в предыдущих номерах «Народная летопись» регулярно давала сведения о ходе болезни наследника и, таким образом, вовсе не имела в виду игнорировать это событие.

Инцидент с траурной каймой был только поводом к приостановке «Народной летописи». Причина же лежала глубже и заключалась в общем радикальном направлении, принятом этою газетою. Авторитетное подтверждение этого мы находим в известном дневнике профессора и цензора А. В. Никитенко [12]. Здесь мы находим следующую запись от 3 мая 1865 г.: «Газета „Русская летопись“ (явная ошибка; надо: „Народная летопись“— *Б. К.)* закрыта до сентября. По получении официального известия о смерти наследника все газеты вышли с траурной каймою, „Летопись“ — без нее. Но когда получена была депеша о смерти Линкольна, газета эта облеклась в траур. Это — ближайшая причина запрещения. Но главная причина та, что около этой газеты сгруппировались последователи Чернышевского — Антонович, Елисеев, кажется, и Лавров (как мы знаем, Елисеев и Лавров участия в „Народной летописи“ не принимали.— *Б. К.*) и проч.

---

[12] А. В. Никитенко. Записки и дневники, т. II, СПб., 1906, стр. 292.

Третье отделение тотчас по основании газеты обратило на нее внимание министра внутренних дел. А вот теперь, при случае, она и прямо высказалась» [13].

Таким образом, «Народная летопись» просуществовала очень недолго; тем не менее, мы полагаем, что историк нашей журналистики не может и не должен пройти мимо этой газеты. Для него она представляет несомненный интерес как одна из попыток сближения легальных литераторов из группы «Современника» с революционными элементами русского общества того времени [14].

---

[13] Еще одну версию относительно причин закрытия «Народной летописи» находим мы в герценовском «Колоколе». В 197-м листе за 1865 г. было помещено сообщение из Петербурга о том, что «Народная летопись» закрыта за непомещение известия о смерти наследника, в 199-м мы находим следующую заметку по тому же поводу: «Нам пишут из Петербурга»: «В 197-м л. „Колокола“ вы говорите, что „Народная летопись” была запрещена за то, что не известила о смерти наследника. Не знаю, сколько эта кончина способствовала к принятию валуевской меры, но могу вас уверить, что на первом плане были другие причины. Московский организатор Голохвастов хвалил в Московском обществе сельского хозяйства фермерство. „Летопись“ возражала и упомянула что-то о лицемерии английского побора в пользу бедных. Голохвастов показал эту статью председателю московского цензурного комитета Щербинину. Щербинин ехал тогда в Петербург и, в свою очередь, показал Валуеву, которому до этого не было никакого дела. Валуев теперь в припадке сильнейшего консерватизма с некоторыми признаками крепостничества распушил цензора и велел приостановить умный и дельный журнал до 1 сентября».

Автор полученного Герценом письма имеет в виду «Внутреннее обозрение» одиннадцатого номера «Народной летописи», в котором анализируются и опровергаются доводы, приведенные Д. Д. Голохвастовым против общинного владения и в защиту фермерства. Мы полагаем, что причину кары, обрушившейся на «Народную летопись», надо искать не столько в этом «Внутреннем обозрении», сколько в общем направлении газеты.

[14] Один из ближайших сотрудников «Современника», А. Ф. Головачев, был членом издательской артели, организованной Яковлевым. Кроме названных выше лиц, в «Народной летописи» участвовал А. М. Скабичевский. Его перу принадлежит анонимная статья «По поводу статьи г. Писарева „Мыслящий пролетариат“», напечатанная в № 12 газеты (см. «Литературные воспоминания» А. М. Скабичевского, стр. 204 и 252). Имеются основания предполагать, что в «Народной летописи» участвовал также известный критик Варфоломей Зайцев. Это предположение основывается на показании, данном в 1867 г. в Высочайше учрежденной следственной комиссии иркутским купеческим сыном Н. Н. Пестеровым, арестованным за сношения с Герценом и другими эмигрантами. В 1865 г. Пестеров жил в Петербурге и был близок с Зайце-

Однако «Народная летопись» интересна не только для историка журналистики, но и для историка нашей общественной мысли. Чтобы убедиться в этом, нам необходимо познакомиться с направлением, которого придерживалась газета Жуковского.

вым. По его словам, Зайцев в это время участвовал в газете «Народное богатство», редактором которой был Ахшарумов, а ближайшими сотрудниками, кроме Зайцева, были Жуковский, Головачев и Ковалевский (очевидно речь идет об известном впоследствии геологе В. О. Ковалевском). Со слов Зайцева Пестеров знал, что программа газеты включала экономические статьи и корреспонденции из провинции. Иностранные и политические известия должны были перепечатываться коротенько из других газет. Газета должна была быть дешевой и пригодной для провинции. Было условлено не допускать в газете никакой полемики. Однако в № 4 появилась статья, направленная против «Русского слова». Тогда Зайцев заявил протест и отказался дать окончание своей статьи, говоря, что он соглашался писать только в такую газету, «где не будет никакой и ни против кого полемики, а так как этого не исполняется, то он и отказывается от всякого участия». «Через несколько дней я спросил,— продолжал свои показания Пестерев,— что, как с газетой? — На восьмом номере кончилась,— было ответом, а почему — я не спросил... Сам же эту газету видел, но читать не читал» (ЦГИАМ, ф. Высочайше учрежденной следственной комиссии, 1866, д. 302, ч. IV). Малоосведомленный в делах газеты Пестеров многое напутал. Даже название газеты он передает неверно. К «Народному богатству», начавшему выходить в 1862 г. и прекратившемуся на № 1 за 1865 г., его рассказ не может быть отнесен. Ахшарумов редактором «Народного богатства» никогда не был. Очевидно, Пестеров спутал две различные газеты, и его рассказ может быть отнесен только к «Народной летописи». Однако Пестеров правильно указывает на Жуковского и Головачева как на главных сотрудников газеты; поэтому мы считаем его показание относительно участия в ней Зайцева заслуживающим веры. Но путаница в показании Пестерова продолжается и далее. В № 4 «Народной летописи» никакой статьи против «Русского слова» не было; она была в № 12: это только что нами упомянутая статья Скабичевского. Единственная статья «Народной летописи», авторство которой можно приписать Зайцеву, это помещенная в № 3 и 5 статья «Фердинанд Лассаль и вопрос о рабочих классах в Германии». Сопоставляя показание Пестерова с содержанием «Народной летописи», мы полагаем, что дело происходило следующим образом. В № 3 была помещена первая половина статьи Зайцева, в № 4 Жуковский, вопреки соглашению, собирался поместить какую-то статью против «Русского слова» (возможно, что это была напечатанная позднее статья Скабичевского). Зайцев протестовал и пригрозил не дать окончания своей статьи. Жуковский отказался от своего намерения, и окончание статьи Зайцева появилось в № 5. Однако этот инцидент убедил Зайцева, что в дальнейшем работать в «Народной летописи» ему невозмож-

Первое, что бросается в глаза при чтении «Народной летописи»,— это большое внимание, которое она уделяет рабочему вопросу на Западе и, в частности, вопросу об ассоциациях рабочих. «Первое место между иностранными известиями,— читаем мы в „Иностранном обозрении“ № 1 „Народной летописи“,— в настоящее время принадлежит вопросу об ассоциациях». За этим следует перевод из одной французской газеты заметки о положении ассоциаций во Франции. В том же номере мы находим сообщение о том, что власти запретили лейпцигскому обществу улучшения опыта рабочего класса праздновать день рождения Роберта Блюма, и о том, что рабочие вюртембергской ассоциации подали в палату депутатов петицию о разрешении ремесленникам вступать в брак, не испрашивая предварительного разрушения у полиции и муниципальных властей. В № 2 «Народной летописи» было дано извлечение из отчета Шульце-Делича о положении германских ассоциаций в 1863 г.

Помимо отдельных заметок, мы находим на страницах «Народной летописи» две статьи, рисующие отношение редакции к рабочему вопросу на Западе. Первая из этих статей, помещенная в № 3 и 5 «Народной летописи» под названием «Фердинанд Лассаль и вопрос о рабочих классах в Германии». Автор статьи — им, как сказано выше, был, по-видимому В. А. Зайцев,— признает, что потребительские ассоциации, организуемые в Германии Шульце-Деличем, могут до некоторой степени облегчить тяжелое материальное положение рабочих, но что не в них надо искать пути к коренному разрешению рабочего вопроса.

Шульце-Делич направил свою деятельность на то, чтобы доказать рабочим, что можно улучшить их быт, не прибегая к социалистическим теориям. Однако деятельность Шульце-Делича, по мнению автора, «в состоянии создать паллиативные средства для уменьшения бедствий немецких пролетариев; но она не может повести к тому, чтобы

но: вспомним, как в то время были обострены отношения между сотрудниками «Современника» и «Русского слова» под влиянием только что закончившейся полемики между этими журналами (см. выше статью «Раскол в нигилистах.— *Б. К.*). Итак, Зайцев ушел из «Народной летописи», и тогда в № 12 появилась статья, которую из-за протеста Зайцева Жуковскому не удалось напечатать в № 4.

пересоздать общественное положение рабочих классов Германии на новых, более рациональных основаниях».

«Увлекшись мыслью о самодеятельности рабочих,— продолжает автор фельетона,— он упускает из виду то обстоятельство, что рабочие находятся в слишком невыгодных условиях сравнительно с привилегированными классами и что поэтому, если предоставить их исключительно своим собственным силам, отвергая для них всякую помощь государства, которую, однако ж, владетельные классы и не думают отвергать, то не может быть и речи об успешной борьбе их с этими классами и о действительном улучшении их быта» [15].

Как мы видим, в споре между Лассалем и Шульце-Деличем «Народная летопись» решительно становится на сторону первого, признавая необходимость государственной помощи рабочим и не веря в то, что рабочие могут добиться существенного улучшения своей участи путем взаимопомощи и самодеятельности.

«Известный класс общества,— продолжает автор той же статьи,— поставлен другими классами общества в такое невыгодное положение, что он никак не может собственными силами создать себе новое, более удовлетворительное общественное положение. Являются люди, которые указывают на средства, при помощи которых эти классы могли бы выйти из неудовлетворительного своего состояния, и которые утверждают, что все общество, что государство, как представитель исполнительной власти всего общества, должны принять деятельное участие в извлечении непривилегированных классов из их невыгодного положения. А тут выискиваются добрые друзья этой меньшей братии и уверяют, что помогать рабочим классам выйти из жалкого положения их — значит брать их под опеку, стеснять их свободу, мало того — значит унижать и оскорблять их. Такова была теоретическая деятельность Шульце-Делича и его последователей» [16].

Относясь скептически к Шульце-Деличу, автор фельетона чрезвычайно высоко ставит Лассаля.

«В его неутомимой заботливости о благе германских рабочих, в его беспрерывной агитации в пользу этого дела, в его упорной и искусной борьбе против рутины, своекоры-

---

15 «Народная летопись», 1865, № 3.
16 Там же.

стия и узкости политических и экономических взглядов его соотечественников,— вот в чем заключается главная заслуга этого замечательного человека».

Автор фельетона находит несправедливыми те упреки в непрактичности и фантазерстве, которые часто делаются по адресу Лассаля: «Все эти выводы,— по мнению автора,— очень просты, логичны и практичны». В то же время автор считает нужным отметить, что «между здраво экономическим и строго логическим учением Лассаля и более или менее непрактическими учениями Сен-Симона, Фурье и др. была огромная разница».

Другая статья, о которой мы упоминали, была помещена в № 9 «Народной летописи» под заглавием «Новейшие столкновения английских рабочих с английскими капиталистами». Как и автор фельетона о Лассале, автор этой статьи высказывается против принципа «laissez faire, laissez passer» в применении к экономической жизни.

«Наши доморощенные экономисты-либералы,— пишет он,— бессознательно повторяют за своими западными собратьями все их нелепые толки о необходимости полной экономической свободы в том смысле, как те ее понимают, т. е. в смысле совершенного порабощения труда капиталом. Они не хотят понять, что при настоящих отношениях капитала к труду невмешательство государства в эти отношения равносильно совершенному предоставлению труда на произвол капитала».

«Весьма любопытный пример ложной экономической свободы, которая на деле есть не что иное, как самое тяжелое невольничество трудящихся классов и которая составляет между тем идеал экономистов-либералов, представляет нам Англия, на которую эти самые экономисты смотрят с таким благоговением».

«Одним из самых существенных условий так называемой экономической свободы считается, как известно, право составления коалиций. Нас уверяют в том, что если это право предоставлено будет и капиталу и трудящимся классам, то между ними восстановлено будет полное равенство. Неосновательность этого взгляда очевидна; всякий беспристрастный судья легко поймет, что от стачек рабочим классам трудно ожидать чего-либо хорошего; всякому ясно, что на этом поле невозможна борьба между работником, для которого упорство в стачке может закончиться

голодною смертью, и хозяином фабрики, которому стачка много-много угрожает некоторым расстройством в делах»[17].

В подтверждение своего скептического отношения к стачке автор ссылается на пример Англии, где большинство стачек оканчивается в пользу предпринимателей, а не рабочих. Такой взгляд на стачки не должен удивлять нас, если мы вспомним, что еще в 70-х годах некоторые из наших народников отрицательно относились к ним, полагая, что при помощи стачек рабочие не могут добиться существенного улучшения своей участи и что часто забастовки приносят рабочим больше вреда, нежели пользы.

Теперь нам предстоит ознакомиться с отношением «Народной летописи» к вопросам русской жизни. Есть одно обстоятельство, которое должно придавать большой интерес мнениям «Народной летописи», или, точнее, ее руководителя Ю. Г. Жуковского по этим вопросам. Дело в том, что Жуковский был одним из первых наших публицистов, воспринявших до известной степени идеи Маркса. Если позже, в 70-х годах, Жуковский выступил на страницах «Вестника Европы» в качестве критика экономической теории К. Маркса, то раньше, в 60-х годах, он находился под несомненным воздействием его идей. В своей работе «Политические и общественные теории XVI в.», напечатанной в 1861 г. в «Современнике», а в 1866 г. вышедшей отдельным изданием, Жуковский исходил из признания зависимости права и политики от экономических условий; правовые и политические явления, по его мнению, определяются в конечном счете экономическими отношениями. «То, что мы называем экономическими элементами, изучаемыми экономией,— писал он,— есть экономическое начало в его теоретической форме; то, что мы называем началом политическим, есть экономическое начало, оформленное, возведенное в обязательный для всех положительный закон»[18]. Однако, как нам уже пришлось отмечать в нашей работе о Ткачеве, Жуковский не сумел применить свои теоретические положения к анализу изучаемых им явлений[19].

---

[17] «Народная летопись», 1865, № 9.

[18] Ю. Г. Жуковский. Политические и общественные теории XVI-го века. СПб., 1866, стр. 14—15 и 155—158.

[19] Б. П. Козьмин. П. Н. Ткачев и революционное движение 1860-х гг. М., 1922, стр. 54.

Нечто подобное мы встретим и в статьях Жуковского, напечатанных в «Народной летописи».

Например, во «Внутреннем обозрении» № 3 он касается происходившего в то время в русской печати спора о преимуществах классического образования. Как известно, катковские «Московские ведомости» стояли за классицизм, а «Голос» Краевского высказывался в пользу реального образования.

Жуковского не удовлетворяет реализм «Голоса», ибо он в конечном счете сводится лишь к увеличению числа часов, отведенных в гимназическом курсе на преподавание математики и естественных наук, и к исключению из цикла преподаваемых предметов древних языков. Для того, чтобы образование было действительно реальным, этого недостаточно,— надо изменить систему преподавания.

«Вот возьмем хотя бы историю,— пишет Жуковский.— Что такое будет этот предмет в ваших реальных училищах? Изменение в нем, по-вашему, неразумно; ну, а в таком случае в ваших реальных школах останется нечто противоречащее их реализму не хуже греческих классиков. Что такое преподавание истории *без экономического анализа, который только и приводит к отчетливому пониманию исторических фактов?* И далее, еще вопрос: какой же должен быть этот анализ для того, чтобы удовлетворить требованию реальной школы? Таким образом, видите, еще долго будем мы допытываться до тех пор, пока добьемся настоящих условий реального воспитания, а вы думали, это дело — так просто» [20].

Приведенная нами цитата подтверждает знакомство Жуковского с историческим материализмом. Однако эта теория была усвоена им далеко не достаточно. В частности, ему осталась совершенно чуждой даже самая мысль о борьбе классов как сущности исторического процесса. Подобно социалистам утопической школы, Жуковский считает, что несовершенства современного общественного строя стоят в зависимости от личных свойств людей. Самые запутанные вопросы государственной и общественной жизни представляются нам, по его мнению, запутанными исключительно по «недостатку добросовестности в их постановке».

[20] «Народная летопись», 1865, № 3 (курсив Б. Козьмина.— *Ред.*).

«Когда-нибудь,— пишет Жуковский в передовице № 11 „Народной летописи“,— люди будут удивляться простоте тех формул, которые лягут в основание решения наших общественных задач, и им будет жаль и стыдно своих прошлых деяний, жаль, что они волочили под разными предлогами так долго дела и затрудняли преобразование к лучшему без достаточных оснований и к своему собственному вреду». Сообразно с этим, Жуковский выражает надежду, что «поймет когда-нибудь нынешний барон, что он напрасно верил в свой грошевый теперешний комфорт только под условием недостаточности, с другой стороны, простолюдина. И ему будет жаль, что он не торопился, не способствовал всеми средствами развитию тех удобств жизни, которые имеют развиться, опираясь на достаток простонародья, вследствие перемещения центра тяжести культуры в среду низших классов, и в сравнении с которыми наш настоящий комфорт должен будет показаться всякому столь же грошевым и ничтожным, каким представляется нам теперь комфорт средневекового барона в сравнении с комфортом современного филистера» [21].

Понятно, что при наличности такого взгляда на существо социальной проблемы борьба партий, раздирающая современное общество, представляется Жуковскому случайным и легко устранимым явлением. Говоря в передовой статье № 1 «Народной летописи» о том, что истинный патриотизм может заключаться только в „*бережливости сил народа и в стойкости за эту бережливость*“, Жуковский добавляет, что в том обществе, которое „будет достаточно зрело и мужественно, чтобы понять это“, в том обществе „не будет более места партиям, ибо корень всех партий — в борьбе общих интересов с личными прихотями“ [22].

Как смотрела «Народная летопись» на пути развития русской общественной жизни? Полагала ли она, что Россия должна идти тем же путем, каким шел и идет Запад, или же она допускала своеобразие в развитии экономической жизни России?

Этого вопроса касается автор помещенного в № 11 «Народной летописи» фельетона, который был написан по поводу появившихся в русском переводе «Оснований

[21] «Народная летопись», 1865, № 3.
[22] Там же, № 1.

политической экономии» и «Рассуждений и исследований» Д. С. Милля.

Автор не согласен с теми, кто говорит, что нам не нужен европейский опыт, что мы — народ сами по себе, что западная цивилизация гниет, что «мы должны иметь совершенно особую цивилизацию, выстроенную на одних готовых данных, которым они дают название „почвы" и другие еще более значительные „названия". Автор убежден, что «в данную минуту целого человеческого развития и не может быть никакой иной цивилизации, кроме европейской, т. е. общественное развитие не может теперь иметь лучших целей и лучших путей, чем те, которые указывают лучшие европейские мыслители».

Было бы ошибкой, основываясь на только что приведенной цитате, полагать, что «Народная летопись» признает неизбежным для России повторение того пути экономического развития, которым шла Западная Европа. Если автор цитированного фельетона и говорит о необходимости воспользоваться опытом Запада, то под этим опытом он разумеет не западноевропейскую действительность, а теории, выработанные на основании опыта «лучшими людьми» Запада.

Что «Народная летопись» именно так ставила вопрос об отношении России к Западу, будет для нас вполне несомненным, если мы познакомимся с передовой статьей № 1 этой газеты.

«Вот уже более двух столетий,— читаем мы в этой статье,— как русский человек, отождествляя понятие о всех своих интересах с понятием об европеизме, приобщается к этой европейской цивилизации... Европеизм составлял для него ту верховную цель, в преследовании которой он не считал нужным жалеть природных сил страны... Цивилизация — вот первое и последнее слово, которое не сходило с языка у наших передовых людей,— и притом цивилизация европейская. Вследствие ли близорукости наших передовых людей или вследствие нашей собственной умственной неподвижности, нам не приходило в голову спросить самих себя — что это за цивилизация, к которой мы стремимся так усердно.

Между тем, если бы мы спросили об этом:

«Мы увидели бы, может быть, что самое слово цивилизация, как выражение крайне широкое, может иметь

много и хороших, и дурных сторон, и столько же различных смыслов, что в конце концов может быть цивилизация двоякого рода: может быть цивилизация, ведущая к устройству народных дел, заботящаяся о направлении народных сил или народного труда наивыгоднейшим образом для самого народа... И может быть, наоборот,— цивилизация, растрачивающая наши силы без всякой расчетливости... Мало того, мы, может быть, открыли бы, что хоть мы и называли эту цивилизацию европеизмом, но что от подобной цивилизации давно стала отказываться вся лучшая Европа и что под действительным европеизмом стали подразумевать нечто другое» [23].

Как же представляет себе «Народная летопись» осуществление в России начал, выработанных «лучшими» людьми Запада? Для того чтобы ответить на этот вопрос, нам придется остановиться на оценке современной русской экономической деятельности, которую дает «Народная летопись».

Расстройство помещичьего землевладения — для «Народной летописи» факт, стоящий вне всяких сомнений. Было ошибкой видеть в этом расстройстве результат реформы 19 февраля 1861 г., лишившей помещичье землевладение даровой рабочей силы. «Наша ликвидация,— пишет Жуковский в передовой статье № 2 газеты,— не есть результат реформы... Реформа предложила нам более, чем мы были бы вправе требовать для предупреждения этой ликвидации». Оскудение дворянства — результат не реформы 1861 г., а «ложных оснований прошлой экономической жизни». Как бы то ни было, однако дворянское землевладение осуждено на гибель, и спасти его искусственными мерами не удастся.

В таком же приблизительно положении находятся, по мнению «Народной летописи», и наша промышленность и торговля. Правда, «купеческий вопрос теперь на очереди», и «купцы никогда не были в такой моде», как теперь. Однако промышленность и торговля в тех формах, в каких они существуют в настоящее время, не могут рассчитывать на развитие; наоборот, они «носят неотвратимые задатки ликвидации», и никакими льготами купцам, никакими либеральными мерами, никакими пособиями и покровитель-

---

[23] «Народная летопись», 1865, № 1.

ствами их нельзя поддержать («Внутреннее обозрение», № 2). В доказательство этого «Народная летопись» ссылается на кризис, который русская промышленность и торговля переживали в 60-е годы и который, по мнению «Народной летописи», был вызван сокращением нашего внутреннего рынка, обусловленным падением дворянского земледельческого хозяйства. Наша торговля «была рассчитана на неестественные траты, которые теперь вследствие общего безденежья должны сокращаться все быстрее и быстрее и окончательно сократиться вместе с продажей последних выкупных свидетельств». Наша промышленность не может развиваться, ибо она работала и работает на класс обеспеченный, вследствие чего «сокращение земледельческих доходов неизбежно должно отозваться и на этой старой системе торговли и промышленности». Для того, чтобы пережить кризис и оправиться от переживаемого ими застоя, наши торговля и промышленность должны совершенно измениться не только в том смысле, что им предстоит впредь работать на нового потребителя, совершенно отличного от прежнего, но и в том смысле, что самая организация их должна быть в корне переработана.

В чем, по мнению «Народной летописи», должна заключаться эта переработка, мы увидим ниже.

При ликвидирующемся дворянском землевладении, при слабости русской промышленности и торговли, при переживаемом ими тяжелом кризисе наше экономическое будущее должно сводиться к *созданию крепкого, самостоятельного крестьянского хозяйства* [24]. Только таким путем, по мнению «Народной летописи», может быть «положено основание новой системы хозяйственного развития, более соответствующей требованиям здравой экономии». Но для осуществления этого необходимо, чтобы «крестьянин стал производителем, и исключительно работающим на себя».

«Трудовые руки,— писал Жуковский в передовой статье № 8 „Народной летописи“,— нужны не на поддержание хозяйств, которые сами сознаются, что не в состоянии оплатить эти руки, не на выработку лишнего хлеба, раз того хлеба, который вырабатывается, уже совершенно достаточно для страны; они нужны не на поддержку фабричной индустрии, которая обогатит английского или

[24] Курсив здесь и ниже Б. Козьмина.— *Ред.*

туземного заводчика и коммерсанта или снабдит прихотями людей достаточных, ибо людям недостаточным не на что приобретать этих прихотей; они нужнее и едва ли не с большим экономическим расчетом могут быть употреблены на то, чтобы обуть, одеть, осветить, обстроить и цивилизовать самого крестьянина, который ходил без сапог благодаря тому, что работал на английского лорда, вырабатывал излишний хлеб и тратил на это время, в течение которого мог вырабатывать себе самому известный достаток и комфорт, известную промышленную обстановку, которая улучшала и возвышала бы его собственную жизнь. Положение вещей требует *перемещения самого центра тяжести культуры в крестьянскую среду,* и этим только закончится окончательно крепостной период в нашей системе народного хозяйства. Этим путем, *создав в крестьянском быту промышленную обстановку,* которой он был лишен до сих пор совершенно, народ подвинется к образованию, цивилизация станет цивилизацией народа. Этим только путем народное богатство станет на прочное основание. Вот хозяйственная система, осуществления которой требует положение вещей. Но для осуществления ее крестьянин не нуждается ни в посторонних заработках, ни в фабриканте, ни в фермерстве. Для этого ему только нужна земля и время, не загубленное именно этими посторонними заработками. Он может осуществить ее, только работая на себя внутри своего села, направляя свои совокупные силы только на свои, и прямо на свои, ближайшие земские нужды. Только тот, кто подпишет свое имя под этими словами, будет вправе сказать, что он понял разницу между крепостной системой и некрепостной» [25].

Крестьянское хозяйство должно стать самостоятельным не только как земледельческое хозяйство, но и как мануфактурное. Если нам удастся развить в деревне крестьянские промыслы, то оскудение дворянского земледелия и сокращение помещичьих запашек не будет представлять опасности для экономического будущего России. Наоборот, эти явления могут оказаться даже выгодными. «Сокращение помещичьих запашек,— писал Жуковский в передовой статье № 10 „Народной летописи“,— или, что еще то ж, сокращение вывоза за границу хлеба и звонкой монеты

[25] «Народная летопись», 1865, № 2.

и ввоза шелка и фруктов не может еще назваться потерей для государства, а едва ли не представит некоторые выгоды. Во-первых, количество хлеба, собираемое с земель, будет менее, и поэтому в затрате плодородных свойств земли будет некоторая приостановка, некоторое сокращение; во-вторых, чем меньше будет свободного хлеба, тем менее его пойдет и внутри империи на такие производства, как винное; тем дороже должна стать водка и тем меньше ее употребление; в-третьих, крестьянин, имея в запасе свободное время, в состоянии будет употребить его на промыслы, а ведь это и есть та истинная цель, от достижения которой зависит все наше будущее хозяйственное благополучие, весь исход наш из настоящего хозяйственного кризиса».

Поэтому, если бы вопрос об устройстве крестьянских промыслов «мог привести к действительному развитию в крестьянском быту мануфактурной и промышленной обстановки, то через это самое весь указанный кризис в земледельческих хозяйствах мог бы обратиться всецело на пользу страны».

«Мы говорим,— добавляет, однако, Жуковский,— не о той промышленности и мануфактурах, которые позволяли бы крестьянину выделывать лионские бархаты и саксонский фарфор». На такую промышленность у нас не найдется спроса. «Мы разумеем такую мануфактурную промышленность, которая одевала, обувала, освещала и помещала бы самого крестьянина несколько лучше, чем это происходит теперь. Мы разумеем, словом, промышленность, которая соответствовала бы уровню потребностей массы и не требовала бы ни слишком крупных капиталов, ни слишком обширных и сложных операций, а могла бы производиться каждою местностью для себя и через обработку тех сырых продуктов, которые представляют само местное земледелие» [26].

Не имеется ли, однако, в нашей экономической жизни каких-либо препятствий для создания такой местной промышленности? Жуковский этих препятствий не видит.

Существующая рабочая земледельческая сила может, по его мнению, обработать почти вдвое большее пространство земель, чем она обрабатывала при крепостном праве. Кроме того, у крестьян остаются свободными зимние меся-

[26] «Народная летопись», 1865, № 10.

цы, которые они могут всецело употребить на обработку продуктов. «Далее,— говорит Жуковский,— самая техника тех производств, о которых идет речь, как, например, свечного, кожевенного, сапожного, кирпичного, ткацкого, не слишком сложна и вполне усвоена крестьянами разных местностей. В отдельности, стало быть, и с этой стороны дело не представляет затруднения; наконец, весь материал, нужный на производство всех означенных удобств, составляет почти всюду предмет местного производства, а не добывается из-за моря».

Если и есть затруднения на пути к созданию крестьянской промышленности, то эти затруднения заключаются в разрозненности и отчужденности крестьянских хозяйств друг от друга. «Одно крестьянское тягло, или хозяйство,— говорит Жуковский,— не может само по себе удовлетворить всем означенным требованиям, а всякое тягло тянет врозь от другого, ищет обогащения на счет другого».

«Весь ответ,— продолжает Жуковский,— стало быть, в том, что если бы крестьянские общества составляли сколько-нибудь связанные внутрихозяйственные единицы, то дело, которое не под силу отдельному хозяйству, могло бы быть выполнено рядом хозяйств. Ведь есть же и теперь села, занимающиеся известными промыслами и усвоившие их в довольно совершенной степени; в этих селах существует даже первая ступень к коллективному фабричному труду — разделение труда, что же мешает крестьянским обществам развиваться далее в том же смысле?»

Говорят, что крестьяне не понимают выгод, которые они могли бы извлечь из взаимной помощи в промышленном отношении. Жуковский не отрицает наличности такого непонимания, но утверждает, что оно вызвано легко устранимыми причинами. Главную из них он усматривает в денежных повинностях и оброках, лежащих на крестьянах.

«Натуральная повинность,— пишет Жуковский,— тяжела, но средства ее в руках крестьянина, это — его труд, его рабочая сила. Относительно натуральной повинности общество может согласиться между собой и общими силами отправить ее с некоторым облегчением. Относительно денег — другое дело, тут каждый добывай деньги за себя и добывай их врозь... Итак, *бич крестьянина — это деньги.* Свое довольство он мог бы устроить без денег. Из того, что он потребляет, значительная часть и теперь достается ему

без помощи денежных знаков. Он покупает соль, говядины он почти не ест, но он мог бы иметь ее и без помощи гуртовщиков. Он сам ткет теперь свою рабочую одежду и потому в этом отношении стоит на дороге правильного экономического хозяйства. Колеса и земледельческие орудия он покупает, но также нельзя сказать, чтобы он сам не мог приготовлять и того и другого. Точно также нельзя сказать, чтобы сельские общества не могли устроить своих кирпичных заводов, иметь своих печников и строить дома, не прибегая к найму, собственными экономическими средствами. Точно также нельзя сказать, чтобы они не могли топить сало и выделывать кожи. Нельзя сказать, чтобы они были неспособны развить у себя дома и дальнейшую мануфактурную и фабричную промышленность» [27].

Помимо денежных повинностей, другое условие, задерживающее хозяйственное развитие крестьянства в направлении, желательном для Жуковского, сводится к «недостатку у крестьян земли, могущей служить источником для добывания сырых продуктов, предназначающихся на промышленную обработку». Между тем «земли у нас очень и очень достаточно»,— говорит Жуковский. По цензурным соображениям он не доводит до конца своей мысли. Но она и без того ясна для внимательного читателя: если земля, находящаяся во владении помещиков, перейдет в руки крестьян, то тем самым будет устранено одно из условий, задерживающих правильное экономическое развитие и благоустройство крестьян.

Итак, экономическая программа «Народной летописи» по отношению к русской деревне сводится к объединению отдельных крестьянских хозяйств в такие хозяйственные группы, которые могли бы представлять из себя самостоятельное хозяйственное целое, налаживающее внутри себя производство как земледельческих продуктов, так и всех предметов первой необходимости, которые нужны крестьянину в его деревенском быту.

Как мы видим, промышленное будущее России рисуется Жуковскому не в форме буржуазно-капиталистической, наподобие Запада, и не в форме перехода промышленных предприятий в заведование государства, а в форме производительных ассоциаций общественного характера. Именно такая хозяйственная форма всего более подходит,

[27] «Народная летопись», 1865, № 10.

по его мнению, к современному положению нашей экономики. Государство наше находится в стесненном финансовом состоянии, и потому оно не может взять на себя организацию промышленности. Поэтому инициатива должна быть предоставлена всецело обществу.

Жуковский понимает, что создание проектируемых им производительных ассоциаций может натолкнуться на одно весьма существенное и трудно преодолимое затруднение. Это — отсутствие капитала у тех крестьянских обществ, которые должны взять на себя организацию производства. Вопросу о том, как привлечь капитал к новой форме промышленности, он посвящает специальную передовую статью в № 12 «Народной летописи». Устранить это затруднение он считает возможным путем выпуска мелких кредитных знаков, дающих право не на получение денежных выплат в форме процентов (как облигации акционерных компаний), а на пользование самим продуктом, или «удобством», которое дает данное предприятие.

«Конечно,— пишет Жуковский,— знаки эти не будут связаны неразрывно и исключительно с тем продуктом, на который они дают право. Выпустившее их общество, конечно, может быть обязано принимать их не иначе, как в уплату за те услуги или тот товар, который оно обязалось поставить, но они могут иметь общий денежный курс на рынке; и так как эти знаки будут представлять не гадательное право на денежный процент, действительная выгода которого еще находится в зависимости от изменнического (sic!) денежного курса, а действительный товар или право на удобство, то есть основание предполагать, что при постоянстве спроса на предметы и удобства, действительно необходимые, такие знаки будут иметь всегда хороший курс. Самое же предприятие имеет поступить в собственность общественную или сельскую, смотря по тому, кто открывал предприятие и кто обязывался им перед кредиторами» [28].

При такой форме организации кредита «денежный капиталист становится сам производителем, а не сборщиком денежного процента, как теперь, и через то получает, как потребитель, те же самые продукты, как и теперь, только несравненно дешевле, так как в стоимость их производства не входит процент денежный».

[28] «Народная летопись», 1865, № 12.

План экономического переустройства России, развитый Жуковским на страницах «Народной летописи», носит в себе явные зачатки народничества. Именно в этом смысле приходится понимать его утверждение, что центр тяжести современной цивилизации должен быть перенесен в крестьянство. В глазах Жуковского дворянство является общественным классом, у которого все в прошлом и которое не может играть заметной роли в экономической жизни страны. Что касается буржуазии, то, по мнению Жуковского, на русской почве она является растением слабосильным, чахлым и осужденным на увядание. Рабочего класса как особого общественного класса Жуковский вообще в современной ему России не видит. Остается крестьянство. В поднятии его экономического благосостояния, в установлении самостоятельного крестьянского хозяйства Жуковский усматривает основную линию, по которой должно идти развитие русского экономического быта. В России крестьянство — центр, к которому должны сходиться все нити государственной и общественной жизни. Будущность России — это будущность ее крестьянства.

Две стороны представляют особый интерес в зачаточном народничестве Жуковского. Первая — это нарисованная им утопическая картина развития крестьянских промыслов, которыми Жуковский стремится заменить в России капиталистическое производство. Вторая — проектируемое Жуковским частичное возвращение к натуральному хозяйству. В развитии денежного хозяйства Жуковский видит серьезную опасность для экономической самостоятельности крестьянства. Он понимает, что развитие денежного хозяйства свидетельствует о том, что Россия вступает на тот путь, по которому идут страны Западной Европы, а эта перспектива страшит Жуковского, ибо ему органически чужда мысль о том, что буржуазный строй, в конце концов,— лишь этап на пути к освобождению труда из-под власти капитала, на пути к социализму. Испуганный перспективой превращения России в буржуазную страну, Жуковский готов хвататься за пережитки и обломки старого экономического строя, надеясь при помощи их осуществить в России теории, выработанные «лучшими» умами Запада. В этом отношении для него, как позднее для Михайловского, социальный вопрос в России является

вопросом «консервативным» в отличие от Запада, где он носит революционный характер.

Стремление перенести центр цивилизации в крестьянство и таким путем избежать развития в России капиталистического хозяйства на манер Запада является основной экономической идеей, проводимой Жуковским на страницах «Народной летописи». Идея эта, опирающаяся на веру в самобытность социального строя в России и его отличие от социального строя Запада, придает газете Жуковского явственный народнический отпечаток. Историк русской общественной мысли не может пройти мимо нее и должен признать ее одним из характернейших явлений в истории нашего раннего народничества. Не может он не отметить и того, что Жуковский, с его проектом развития в деревне мануфактурных промыслов, должен быть причислен к тому направлению народничества, которое отражало интересы не малоземельного и маломощного в экономическом отношении крестьянина, не обедневшего и полуголодного батрака (каким было, например, народничество бакунинского толка), а интересы крепкого хозяйственного мужика, для которого кооперация — одно из средств к упрочению своего экономического положения и своего преобладания в деревне. Может быть, именно поэтому традиционная сельская община не играет в построениях Жуковского той главной роли, какая отводилась ей в ряде других народнических теорий. Насколько можно проследить подробности развитого Жуковским экономического плана, проектируемые им деревенские кооперативные объединения, могут, по его мысли, строиться одинаково как на основе существующих крестьянских общин, так и по принципу добровольного соглашения желающих принять участие в организующемся хозяйственном предприятии. Другими словами, Жуковский опасался того, что обязательное участие в производительных кооперативах малоземельных и обедневших крестьян может принести этим кооперативам скорее вред, чем пользу.

Социальная утопия Жуковского — это утопия хозяйственного мужика, испуганного развитием фабрично-заводской промышленности и одновременно с этим стремящегося упрочить и расширить свое экономическое преобладание в деревне.

II. Г. ЗАИЧНЕВСКИЙ И «МОЛОДАЯ РОССИЯ»*

1. КРУЖОК ЗАИЧНЕВСКОГО И АРГИРОПУЛО

В конце 50-х и в начале 60-х годов в России, как в столицах, так и в крупных провинциальных (особенно университетских) городах, появляется много революционно и оппозиционно настроенных кружков, весьма разнообразных по своему составу; среди них были кружки студенческие, офицерские и иные. Быстро возникавшие, эти кружки так же быстро распадались и исчезали для того, чтобы на месте их возникали новые кружки, столь же недолговечные, как и их предшественники. Только немногие из этих кружков сумели более или менее широко развернуть свою деятельность. Большинство же не шло дальше чтения и обсуждения книг, журнальных статей, нелегальной литературы, доходившей в Россию из-за границы, составления рефератов и споров на темы, волнующие умы молодежи. Это были типичные кружки самообразования. Только очень немногие из них успевали выйти из этих узких рамок и от саморазвития своих членов перейти к практической деятельности, имевшей революционное значение.

Одним из наиболее видных кружков такого повышенного типа был кружок, основанный в Москве студентами университета Аргиропуло и Заичневским. В истории нашего революционного движения кружок этот сыграл весьма заметную роль. В его рядах объединились наиболее революционно настроенные элементы московского студенчества. Кружку этому за сравнительно непродолжительное время его существования удалось довольно широко развернуть свою деятельность. Не ограничиваясь работой самообразовательного характера, члены кружка занимались литографированием и распространением запрещенных в России сочинений, преподаванием в воскресных школах и т. д. Наконец, из этого кружка вышла знаменитая

прокламация «Молодая Россия». Все это отводит кружку Заичневского и Аргиропуло видное место в истории революционного движения того времени и обусловливает необходимость детально ознакомиться с историей этого кружка. Правда, в нашей литературе уже имеется одна работа, посвященная этому кружку. Мы имеем в виду статью В. П. Алексеева, напечатанную в № 1 «Голоса минувшего» за 1922 г. Однако эта работа не исключает необходимости дальнейшего изучения истории интересующего нас кружка. Дело в том, что имеется ряд материалов, не использованных В. П. Алексеевым в его работе, но позволяющих осветить такие стороны деятельности кружка Заичневского и Аргиропуло, которые совершенно не затронуты в статье В. П. Алексеева. Это — во-первых. Во-вторых же, необходимо отметить, что автором этой статьи допущен ряд совершенно необоснованных и ошибочных заключений, исправить которые необходимо для правильного освещения истории кружка и понимания той роли, которую он сыграл в нашем революционном движении.

* * *

Одной из первых по времени революционных организаций, действовавших в Москве в годы революционной ситуации, был кружок, носивший название «Библиотеки казанских студентов». Кружок этот возник в 1859 г. среди студентов Московского университета. Организаторами его являлись Юрий Мосолов, Николай Шатилов и покончивший с собою в 1861 г. студент сперва Казанского, а затем Московского университета Макковеев.

Первоначальными организаторами кружка были уроженцы Казани и близкого к ней Поволжья. Позднее, по мере развития кружка, в него стали входить уроженцы и других местностей. Кружок этот начал свою деятельность с организации библиотеки, состоявшей из запрещенных в России книг; этим и объяснялось название, принятое кружком. Задачей кружка — на первых порах его деятельности — являлось политическое развитие и сближение учащейся молодежи между собою и с офицерами московского гарнизона. Существование кружка и его деятельность были весьма законспирированы; чтобы

не провалить своей организации, руководители кружка соблюдали величайшую осторожность и избегали выступлений, которые могли бы сделать известным существование их организации правительству. Позднее, в 1862 г., «Библиотека казанских студентов» присоединилась к обществу «Земля и воля», явившись ячейкой, из которой развилось московское отделение этого общества.

Из этого кружка в начале 1861 г. выделился новый кружок, во главе которого стояли студенты П. Э. Аргиропуло и П. Г. Заичневский[1]. По свидетельству одного из основателей общества «Земля и воля», А. А. Слепцова, разрыв между кружком Мосолова и группой Аргиропуло и Заичневского произошел «благодаря столкновению на почве устава „Библиотеки казанских студентов"» [2]. Можно высказать предположение, что производимое Аргиропуло и его товарищами литографирование запрещенной литературы вызвало возражения со стороны большинства членов «Библиотеки», опасавшихся подвести свою организацию под провал. Однако имелись и другие более серьезные и глубокие основания для разрыва. В то время, как Аргиропуло и Заичневский были людьми с более или менее сложившимися политическими убеждениями, «Библиотека» представляла собою организацию, в которую, наряду с определившимися в политическом отношении людьми, входила молодежь, только что начинавшая интересоваться общественно-политическими вопросами.

Итак, в начале 1861 г. Аргиропуло и Заичневский вышли из состава «Библиотеки казанских студентов»

---

[1] Показаниями арестованного в 1863 г. Ивана Андрущенко устанавливается следующее: «В 1859 году Андрущенко познакомился с бывшим студентом сначала Казанского, а затем Московского университетов Макковеевым и был введен им в существовавший в то время в Москве кружок молодых людей под названием „Библиотека казанских студентов", в котором в первый раз встретил Юрия Мосолова. В начале 1861 года выделился новый кружок, которым управлял Аргиропуло и отчасти Заичневский; последний кружок занимался, между прочим, литографированием университетских лекций и недозволенных цензурой сочинений». Материалы для истории революционного движения в России в 60-х гг., под ред. Б. Базилевского (В. Я. Богучарского) СПб., 1907, стр. 83. Приведенная цитата заимствована из сенатской записки по делу Андрущенко и др. Возникновение кружка Аргиропуло и Заичневского в 1861 г. подтверждается письмом В. Р. Завадского к А. П. Блюмер, приведенным ниже; см. стр. 242.

[2] А. И. Герцен. Соч., т. XVI, стр. 81.

и образовали новый кружок вскоре начавший свою работу.

Каков же был состав этого кружка? Кто, кроме Аргиропуло и Заичневского, входил в него? Как велико было количество его членов? На этих вопросах нам надлежит теперь остановиться. В силу ряда причин разрешение их наталкивается на большие затруднения.

Первое из этих затруднений заключается в недостатке материалов о деятельности кружка, которыми располагает в настоящее время исследователь, ставящий вышеизложенные вопросы.

Другая причина стоит в связи с самим характером кружка, как организации. Кружок Аргиропуло и Заичневского, как и большинство революционных кружков того времени, не был организацией, строго оформившейся, с определенным составом членов, с выработанной программой и уставом и т. п. В сущности, это было не столько политическое общество, сколько группа товарищей, объединенных друг с другом дружескими чувствами и близостью политических настроений и устремлений. В связи с этим состав кружка был неопределенным и текучим. Говоря дальше о членах кружка, мы будем иметь в виду людей, близких к руководителям кружка Аргиропуло и Заичневскому и принимавших участие в работе кружка.

Третья трудность, связанная с разрешением поставленных нами вопросов, заключается в том, что имеющаяся у нас литература внесла большую путаницу в эти вопросы. Мы имеем в виду вышеупомянутую статью В. П. Алексеева «Студенческий кружок Аргиропуло и Заичневского». Никто другой из историков нашего революционного движения вопроса о составе кружка Аргиропуло и Заичневского и об его членах не ставил.

«Кружок Аргиропуло,— пишет В. П. Алексеев,— состоял из 40—50 членов (к суду было привлечено 49 лиц, в числе их несколько не членов кружка), московских и иногородних». И, далее, В. П. Алексеев перечисляет следующих членов кружка (кроме Аргиропуло и П. Заичневского): Ященко, Федосеев, Сулин, Сороко, Сваричевский, Дараган, Северин-Смоленский, Ник. Заичневский, Всев. Костомаров, Петровский-Ильенко и Дорошенко[3].

[3] В. П. Алексеев. Студенческий кружок Аргиропуло и Заичневского. «Голос минувшего», 1922, № 1, стр. 102.

Внимательное изучение следственного материала показывает, однако, что большинство перечисленных лиц, а равным образом и большинство привлеченных к следствию по делу Аргиропуло и Заичневского, членами их кружка не состояло. В этом нет ничего удивительного. Мы знаем много случаев из практики судов по политическим преступлениям и в 60-е годы и позднее, когда по тем или иным причинам в одно производство соединялись дела о лицах, не имевших в сущности ничего общего друг с другом (дело П. Д. Баллода, Д. И. Писарева и др., по которому привлекались П. Н. Ткачев, Л. Ольшевский и некоторые другие лица, ничем, как это видно из материалов дела, не связанные с Баллодом и Писаревым). Ввиду этого нам придется перебрать всех привлеченных по делу Аргиропуло и Заичневского и относительно каждого из них разрешить вопрос: принадлежал ли он к числу членов интересующего нас кружка.

Прежде всего, среди привлеченных надо выделить группу организаторов так называемой «Первой русской вольной типографии»: Сулин, Сороко, Петровский-Ильенко. Эта группа отпечатала в начале 1861 г. работу «Разбор книги барона Корфа о восшествии на престол императора Николая I». Поводом для привлечения этих лиц к делу Аргиропуло и Заичневского явилось то, что незадолго до своего ареста Аргиропуло приобрел у них типографский станок. Этого одного достаточно, чтобы убедиться, что перечисленные лица членами кружка Аргиропуло не были.

То же самое надо сказать об известном впоследствии по предательской роли, сыгранной им в процессах М. И. Михайлова и Н. Г. Чернышевского, Всеволоде Костомарове. Он был привлечен к следствию единственно в силу своих отношений к организаторам «Первой русской вольной типографии». На следствии Костомаров показал, что относительно Аргиропуло и Заичневского и их деятельности он не осведомлен. Зная Костомарова и припомнив, как охотно он раскрывал властям все, что знал, и даже то, чего не знал, мы можем вполне поверить его показанию относительно неосведомленности в делах кружка Аргиропуло и Заичневского.

Если издатели «Разбора книги Корфа» не были членами кружка, то, очевидно, тем более нет оснований

считать членами и тех лиц, которые были привлечены к следствию единственно только за распространение или за приобретение этого «Разбора». Такими лицами были Сваричевский, Галахов, Адольф, Крыжов, Болотников, Ластовский, Гладкий, Дараган, Северин-Смоленский.

Особо из этих лиц надо остановиться на И. И. Гольц-Миллере, который также обвинялся в распространении «Разбора книги Корфа». Относительно непринадлежности его к кружку Аргиропуло и Заичневского могут возникнуть сомнения вследствие того, что впоследствии, как мы увидим ниже, Гольц-Миллер принимал участие в составлении «Молодой России». Ввиду этого возможно предположить одно из двух: или что Гольц-Миллер, состоя членом кружка Аргиропуло и Заичневского, в то же время принял на себя распространение книги, отпечатанной другим кружком, или же что Гольц-Миллер сблизился с Заичневским и его товарищами позднее, во время заключения, как это случилось, например, с Сулиным. Нам это второе предположение представляется более вероятным. За него говорит отсутствие в деле каких бы то ни было указаний на близость Гольц-Миллера в 1861 г. или ранее к кружку Аргиропуло и Заичневского. За него же говорит и заметка, которую мы находим в записной книжке Гольц-Миллера:

«Юрист Болотников взял 10 экзем. Корфа по $1^1/_2$ р. сер., а у него взято 3 экз. Бюхнера по 1 р. 70 к.» [4]. Если бы Гольц-Миллер был членом кружка Аргиропуло, издавшего книгу Бюхнера, то зачем понадобилось бы ему покупать эту книгу у Болотникова?

Нет никаких оснований считать членами кружка Федосеева, Дорошенко, Михайлова и братьев Алексея и Никифора Шкляревских, обвинявшихся лишь в приобретении различных литографированных запрещенных сочинений, изданных кружком Аргиропуло, а также Алексея Соколова, приехавшего в Москву уже после разгрома кружка Аргиропуло и пристегнутого к делу лишь вследствие его попавшего в руки властей письма к друзьям, в котором он рассказывал с чужих слов о литографировании запрещенных сочинений и об аресте Аргиропуло и Заичневского.

---

[4] Политические процессы 60-х гг., под ред. Б. П. Козьмина. М.— П. 1923, стр. 215.

Сложнее обстоит с Леонидом Ященко. У него при обыске было найдено много литографированных изданий кружка Аргиропуло и переписка, из которой видно, что Ященко распространял эти издания. Тем не менее, по нашему мнению, Ященко не входил в члены кружка, хотя и находился в близком отношении к его членам.

Леонид Нестерович Ященко, вольнослушатель Московского университета, был сотрудником украинофильского журнала «Основа», издававшегося в 1861—1862 гг. В. М. Белозерским, П. А. Кулишом. Его сотрудник Д. С. Каменецкий, известный историк Украины А. М. Лазаревский, владелец украинского книжного магазина В. Трунов — вот круг знакомых Ященко. Сам Ященко в 1861 г. выступил в качестве издателя, выпустив в свет украинскую грамматику. Несомненно также, что Ященко литографировал и распространял запрещенные цензурой стихотворения Шевченко на украинском языке.

У украинского националиста Ященко было мало общего с далекими от национализма членами кружка Аргиропуло. Нам его отношения к этому кружку представляются в следующем виде. Занимаясь распространением литографированных сочинений Шевченко, Ященко заодно брал у Аргиропуло для распространения выпускаемые его кружком литографированные издания. С другой стороны, Аргиропуло в свою очередь брал у Ященко стихотворения Шевченко. Таким образом, между ними существовал обмен изданиями в целях усиления их распространения. Подтверждение нашего предположения мы находим в письме члена кружка Новикова к Аргиропуло. Посылая Аргиропуло 130 рублей, вырученные от продажи нелегальных изданий в Харькове, Новиков просит из этой суммы 49 рублей передать Ященко за взятую у него Новиковым для распространения нелегальную литературу [5]. Между тем, известно, что все деньги, вырученные от продажи изданий, выпущенных кружком Аргиропуло и Заичневского, концентрировались у Аргиропуло, который был кассиром кружка. Очевидно, что у Ященко была своя отдельная касса или, другими словами, что он издавал нелегальную литературу самостоятельно, за свой, так сказать, счет, что

---

[5] Письмо Новикова см. в сб. «Политические процессы 60-х гг.», стр. 206—208.

вряд ли было бы возможно, если бы он входил в состав кружка Аргиропуло и Заичневского.

Нам осталось упомянуть еще трех привлеченных к следствию: Александра Новикова, Ивана Понятовского и Николая Заичневского, брата П. Г. Заичневского. Они, несомненно, были членами кружка Аргиропуло и П. Заичневского, и о них нам придется говорить ниже.

Таким образом, из 26 лиц, представших в 1862 г. перед судом Сената за причастность к делу о нелегальном издательстве в Москве[6], лишь пятеро (Аргиропуло, два брата Заичневских, Понятовский, Новиков), несомненно, принадлежали к изучаемому нами кружку, и двое (Гольц-Миллер и Ященко) оставлены нами под сомнением.

Значит ли это, что только эти 5 человек и составляли весь кружок? Отнюдь нет. Сейчас мы убедимся, что в состав его входил ряд лиц, не привлеченных к следствию, но прежде мы постараемся охарактеризовать тех из привлеченных, которых мы считаем членами кружка Аргиропуло и П. Заичневского. Начнем с руководителей кружка.

Петр Григорьевич Заичневский родился 18 сентября 1842 г. в имении, принадлежавшем его родителям в Мценском уезде Орловской губернии. Отец его Григорий Викулович Заичневский имел чин полковника в отставке. Родители Петра Григорьевича были людьми скромного достатка; в их имении — сельце Гостиново — в конце 50-х годов числилось 177 крепостных «душ», в том числе 20 дворовых[7].

В 1851 г. Петр Заичневский поступил в Орловскую гимназию, а в 1858 г. окончил ее с серебряной медалью «за благонравие и отличные успехи» и вслед за этим поступил на физико-математический факультет Московского университета.

Еще в гимназии П. Г. Заичневский начал усиленно интересоваться общественными науками. «Занимаясь в гимназии по преимуществу историей,— читаем мы в пока-

[6] Откуда В. П. Алексеев взял в приведенной нами выше цитате из его статьи цифру 49 привлеченных к суду, нам неизвестно. Разве только он всех свидетелей, вызывавшихся по делу, причислял к привлеченным!

[7] Приложения к трудам редакционных комиссий для составления положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях, т. II. СПб., 1860, стр. 62—63.

заниях, данных Заичневским в III отделении,— я в первый раз познакомился с действиями социалистов, как политических людей» [8].

На дальнейшее развитие политических взглядов Заичневского и на укрепление в нем интереса к идеям социализма большое влияние оказали сочинения Герцена и особенно его «Колокол», имевший в то время громадное распространение среди молодежи. «По прибытии в университет,— говорил Заичневский на допросе,— я прочел некоторые из сочинений Герцена и, встречая там почти на каждой странице слово „социализм“, я стал изыскивать всевозможные случаи к прочтению социальных сочинений. Покупая эти сочинения, я увидал разумность мнений, излагаемых в них, и убедился в необходимости их приложения для выхода из положения, так тяготеющего над нами и убивающего все наши способности. Убедившись в этом, я стал постоянно спорить о политике и защищать разумность социализма. Этот-то беспрестанный спор и содействовал к развитию во мне социальных идей» [9].

Споры в товарищеской студенческой среде, вызывая Петра Григорьевича на усиленную работу по изучению теории социализма и истории великих социальных и политических движений человечества, укрепили в нем социалистические убеждения.

И французские революции, и деятельность Мадзини и его «Молодой Италии», и польское восстание 1831 г.— все это одинаково интересует П. Г. Заичневского. О круге его умственных интересов можно судить по книгам, отобранным у него после обыска в 1861 г. Здесь были сочинения Прудона («De la justice dans la revolution et dans l'église»), Луи Блана («Revelations historiques»), П. Леру («L'Humanité»).

Чтение этих и подобных книг оказало гораздо большее влияние на развитие миросозерцания Заичневского, чем лекции, которые он слушал в Московском университете. Следственную комиссию, расследовавшую позднее дело Заичневского, интересовал вопрос: не оказали ли влияние на развитие в нем социалистических взглядов

---

[8] М. К. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг, М.— П., 1923, стр. 18—19.

[9] Там же, стр. 19.

лекции московских профессоров. Чрезвычайно характерен ответ, данный Заичневским на этот вопрос:

«Все профессора Московского университета,— говорил он,— не только не развивают социальные учения, но от души возрадовались бы, если бы все социалисты в один день исчезли с лица земли и ученье их было бы позабыто. Лекции их наполнены ругательством против социализма, и они стараются препятствовать всеми силами проникновению этой „зловредной ереси“ в стены университета»[10].

Не меньшее влияние, чем чтение книг, оказали на Заичневского беседы с товарищами по университету. Как вопросы теоретические, например о значении социализма, так и практические, в первую очередь о положении крестьян и об устройстве их быта,— были предметом этих бесед. Правда, знакомство с социализмом в студенческой среде того времени наблюдалось далеко не достаточное. «Большинство товарищей, с которыми я встречался,— говорил П. Г. Заичневский на допросе в III отделении,— имеют весьма смутные социалистические убеждения, по небольшому знакомству с произведениями западных социалистов». Однако Заичневскому удалось встретиться в университете с человеком, не менее его интересовавшимся социализмом. Этим человеком был студент П. Э. Аргиропуло.

При каких условиях состоялось знакомство Заичневского с Аргиропуло, нам неизвестно, но мы знаем, что личность последнего настолько выдавалась в среде студентов того времени, что встреча с Аргиропуло не могла пройти бесследно для Заичневского.

Перикл Эммануилович Аргиропуло родился 14 июля 1839 г.

Отец его, статский советник Э. Я. Аргиропуло, был первым драгоманом при русской миссии в Константинополе. Грек, турецкий подданный, он в 1850 г. перешел в русское подданство. По своему происхождению Аргиропуло принадлежал к аристократической греческой фамилии и находился в родстве с тогдашним греческим посланником в России. Несомненно, что перед ним развертывалась блестящая будущность на том дипломатическом пути, по

---

[10] М. К. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг., стр. 18—19.

которому пошли его отец и младший брат Кимон, бывший впоследствии русским послом в Черногории и Персии и советником министерства иностранных дел [11]. Но Аргиропуло карьере дипломата предпочел другую карьеру — карьеру революционера. Вступив на революционный путь, в скором времени закончившийся арестом, тюремным заключением и смертью, Аргиропуло не раскаивался в своем выборе.

В 1854 г. он был принят в 5-й класс 2-й Харьковской гимназии, а в 1857 г. окончил ее с золотой медалью. По окончании гимназии Аргиропуло поступил на юридический факультет Московского университета. Здесь он познакомился с сочинениями Герцена и западных социалистов. Став убежденным и пламенным сторонником социализма, Аргиропуло явился одним из первых проповедников и проводников социалистических идей среди московской молодежи. Быстро завоевал Аргиропуло популярность среди своих товарищей по университету. Его слово пользовалось среди них большим авторитетом, ибо они знали, что у Аргиропуло слово с делом не расходится, что он не только горячо предан усвоенным им идеям, но и жаждет распространения этих идей среди других и проведения их в жизнь. Внешним образом доверие товарищей к Аргиропуло выразилось в том, что он был избран ими кассиром общестуденческой кассы взаимопомощи.

Все встречавшиеся с Аргиропуло отзываются о нем, как о человеке замечательном и исключительном по своим дарованиям.

Автор напечатанного в «Колоколе» письма из Москвы по поводу смерти Аргиропуло пишет:

«Это была одна из тех светлых, благородных личностей, какой могла бы гордиться всякая другая страна, ценящая в человеке его образование. Русская же жизнь, русская тюрьма убили его в самом начале цветущей жизни. Он умер в больнице, будучи замучен смрадом, грязью и гадостью тюремного заключения. Повторяю, что это была одна из тех редко встречающихся личностей в нашем веке, которая смело говорила истину. За словами у него шло тотчас же и дело. Все идеи, вынесенные чрез образование, перестали быть для него только словом, но

[11] Н. И. Афанасьев. Современники. Альбом биографий, т. I. СПб., 1909, стр. 9.

вошли в плоть и кровь. А такой человек не мог относиться безразлично к животрепещущим вопросам русской жизни [12].

В. Н. Линд, встречавшийся с Аргиропуло в 1860—1861 гг. в воскресных школах, где они оба преподавали, говорит: «Аргиропуло блеснул передо мною, как метеор, оставив после себя впечатление чего-то не от мира сего. Все окружающие относились к Аргиропуло не только как к товарищу и другу, но и как к учителю. Во всяком случае несомненно, что он был выдающимся и оригинальным человеком» [13].

А. Можарова, познакомившаяся с Аргиропуло, когда он находился уже в заключении, так характеризует его: «Скромный, молчаливый, небольшого роста, с лицом Христа, обрамленным вьющимися волосами до плеч, с кудрявой бородкой, мягкий, деликатный, необыкновенно сердечный, он очаровывал, когда говорил, и детская улыбка освещала все его красивое лицо. Прекрасные печальные глаза, тихий голос, вся его нежная фигура так шли к представлению о вольном сыне чудной Греции, лишенном свободы в дикой, холодной стране, где он медленно угасал в неволе. Отец присылал ему много денег,— все золотом (золото было тогда у нас редкостью), но он все раздавал другим, а сам довольствовался очень немногим» [14].

Даже на врагов Аргиропуло производил обаятельное впечатление. В этом отношении чрезвычайно характерен отзыв о нем, как о «личности, одной из самых даровитых, образованных и чуждых малейшего эгоизма», который мы находим в заключении следственной комиссии, производившей расследование дела Аргиропуло и Заичневского [15].

П. Г. Заичневский — и по наружности, и по характеру — был полной противоположностью своего друга. Высокого роста, с зычным голосом, с расплывчатыми чертами лица, с приплюснутым носом, постоянно в красной рубахе и поддевке, он по внешности напоминал больше русского мужика, чем европеизированного интеллигента.

---

[12] «Колокол», 1863, л. 155, стр. 1293.

[13] В. Н. Линд. Воспоминания о моей жизни. «Русская мысль», 1911, № 8, стр. 35.

[14] А. М[ожарова]. Воспоминания о П. Г. Заичневском. Сб. «О минувшем», СПб., 1909, стр. 181.

[15] А. И. Герцен. Соч., т. XI, стр. 177—178.

«П. Г. всегда смотрел орлом, победителем,— пишет А. Можарова.— В своей крохотной камере он чуть не доставал головой потолка; могучий голос, глубоко убежденный тон, всегда красивая речь, острый ум, часто беспощадная критика не давали возможности никоим образом окружить его, заключенного, ореолом мученичества. В нем чувствовался сильный борец-гигант, с которым врагам трудно не считаться и который ни в чем им не уступит» [16].

Если Аргиропуло был мягок и деликатен, то Заичневский был резок и прямолинеен. Если Аргиропуло очаровывал собеседника своим вкрадчивым тоном и словом, проникнутым убежденностью, то Заичневский покорял собеседника своей силой логики и последовательностью своего мышления. Если Аргиропуло страдал за всех угнетенных, то Заичневский ненавидел всех угнетателей.

Одно только сближало этих совершенно противоположных людей друг с другом — это одинаковая преданность их идеалам социализма.

Давая общую характеристику Заичневского, следственная комиссия была поставлена в тупик кажущимся противоречием его натуры. «В Заичневском, сколько можно судить из его бумаг и данных по делу ответов, встречаются странные противоположности: он добрый сын и вместе с тем своими выходками причинил семейству много горя; точный математик и верящий на слово разноречивым учениям социалистов; русский патриот и поборник отделения Польши; в области науки мирный труженик и вместе с тем старающийся всеми силами на подмостах политических бредней добиться венца мученичества и гонений за те идеи, которых сам еще не выработал и не усвоил» [17].

То, что было непонятно в характере Заичневского чиновникам, сидевшим в следственной комиссии, понятно нам, когда перед нашими глазами проходят вереницей образы участников столетней борьбы против царского самодержавия.

Для Заичневского идеалы социализма были столь же очевидной истиной, как и выводы точных наук. Именно этим он и оказывал могучее влияние на всех, с кем ему приходилось сталкиваться. Подводя итоги своим впечатле-

---

[16] А. М[ожарова]. Воспоминания о П. Г. Заичневском. Сб. «О минувшем», 1909, стр. 181.

[17] А. И. Герцен. Соч., т. XI, стр. 178.

ниям, вынесенным из бесед с Заичневским, А. Можарова пишет: «Не упомню, что еще говорил нам тогда Петр Григорьевич, но знаю, что у нас вырастали крылья, что сердца наши открывались на его вдохновенные речи, вызывая в нас твердую решимость идти на борьбу, и мы готовы были на самые самоотверженные деяния, на подвиги...» [18].

Таковы были эти два юноши, которые являлись руководителями кружка, игравшего большую роль в революционной Москве 60-х годов. В это время среди московской молодежи существовал ряд революционных и радикальных кружков и групп. Но среди них кружок Аргиропуло и Заичневского выдавался во многих отношениях. В. Н. Линд, бывший в то время членом другого революционного кружка (из которого также вышел ряд людей, пострадавших за свои убеждения), но одно время стоявший близко к кружку Аргиропуло и Заичневского, пишет: «Кружок этот и в политическом, да и в других отношениях, стоял гораздо выше нашего, и потому знакомство с ним, хотя и продолжавшееся очень недолго, имело громадное влияние на мое политическое и нравственное воспитание» [19].

Познакомившись с руководителями кружка, мы можем перейти к его членам, привлеченным к следствию по делу Аргиропуло и Заичневского. Это — Н. Заичневский, А. Новиков и И. Понятовский.

Что касается Николая Григорьевича Заичневского, то его принадлежность к кружку устанавливается не только родственными отношениями к П. Г. Заичневскому, но и его письмами к Аргиропуло, опубликованными в сборнике «Политические процессы 60-х гг.». Из этих писем видно, что Н. Заичневский распространял литературу, изданную кружком [20].

---

[18] А. М[ожарова]. Воспоминания о П. Г. Заичневском. Сб. «О минувшем», 1909, стр. 186. Приведем еще отзыв о Заичневском В. Н. Линда: «Это был жизнерадостный, полный энергии юноша, решительный в своих суждениях, много читавший и красноречиво пропагандировавший прочитанные им социалистические теории». (Воспоминания о моей жизни. «Русская мысль», 1911, № 8, стр. 36).

[19] В. Н. Линд. Воспоминания о моей жизни. «Русская мысль», 1911, № 8, стр. 35.

[20] Политические процессы 60-х гг., стр. 209—210. Привлеченный к делу своего брата и Аргиропуло, Н. Заичневский приговором сената был оправдан. По окончании юридического факультета Московского университета он поселился в Орле, где служил мировым судьей.

То же самое надо сказать о студенте Московского университета, сыне харьковского купца, Александре Васильевиче Новикове. Как мы увидим ниже, Новиков развил в широких размерах распространение изданий кружка. Признанный виновным в их распространении, он приговором сената был осужден на заключение в смирительном доме на три месяца [21].

Что касается Ивана Васильевича Понятовского, то, хотя он сенатом и был оправдан, принадлежность его к кружку стоит вне всяких сомнений. Она доказывается не только его письмом к Аргиропуло, опубликованным в том же сборнике «Политические процессы 60-х гг.» [22], но и свидетельством В. Н. Линда, удостоверяющего, что Понятовский играл в кружке видную роль. «Сын нижегородского купца, ловкий и талантливый молодой человек и хороший оратор»,— отзывается о Понятовском Линд [23].

Перейдем теперь к членам кружка, к делу Аргиропуло и Заичневского не привлекавшимся.

Прежде всего надо упомянуть игравшего заметную роль в кружке Аполлинария Палладиевича Покровского. По отношению к нему мы имеем свидетельство того же Линда и письмо самого Покровского к Аргиропуло, устанавливающее его близость к кружку. Линд о нем пишет: «из семинаристов, старше большей части студентов, спокойный и рассудительный человек, не увлекающийся, но стойкий в своих убеждениях» [24].

Также, несомненно, был членом кружка Василий Степанович Праотцев, вольнослушатель университета, бывший учитель уездного училища в г. Данкове. Граф Е. А. Салиас в своих воспоминаниях говорит, что запрещенные

---

[21] По выходе из смирительного дома А. В. Новиков примкнул к «Библиотеке казанских студентов», бывшей в то время уже московским отделением общества «Земля и воля». 28 сентября 1863 г. Новиков был вновь арестован по делу Ив. Андрущенко. См. «Материалы для истории революционного движения в России в 60-х гг.», под ред. В. Я. Богучарского, стр. 104—105. Впоследствии Новиков был сослан в Алатырь.

[22] Политические процессы 60-х гг., стр. 199—201.

[23] В. Н. Линд. Воспоминания о моей жизни. «Русская мысль», 1911, № 8, стр. 36.

[24] Там же; Политические процессы 60-х гг., стр. 211—214. Впоследствии А. П. Покровский был сослан в Шенкурск, Архангельской губернии, где поступил на гражданскую службу.

сочинения в 1861 г. в Москве литографировались «Праотцевым и Аргиропуло при содействии 2—3 человек их приятелей»[25]. Близость Праотцева к Аргиропуло подтверждается и письмом первого из них ко второму, напечатанным в сборнике «Политические процессы 60-х гг.»[26].

Далее, к числу членов кружка, несомненно, принадлежали студенты Евреинов, Дроздов, Лебединский, Зайончковский, Левашев и Славутинский.

---

[25] Е. А. Салиас. Семь арестов. «Исторический вестник», 1898, № 2, стр. 487.

[26] «Политические процессы 60-х гг.», стр. 201—203. За участие в студенческих волнениях 1861 г., во время которых Праотцев был одним из руководителей, он был сослан в 1862 г. в Каргополь, Олонецкой губернии. В 70-х годах Праотцев был нотариусом в Саратове и оказывал большие услуги землевольцам по устройству их поселений в Саратовской губернии. В. Н. Фигнер («Запечатленный труд», т. I, М., 1921, стр. 106), рассказывая о саратовских поселениях, так говорит о Праотцеве: «Так называемых „связей в обществе“ в Саратове почти не было; для нас они были необходимы, потому что мужчины должны были непременно занять такие места, которые сами по себе вводили бы их в крестьянскую жизнь, давали бы возможность вмешиваться решительно во все дела общины-мира. В этом случае саратовский нотариус Василий Степанович Праотцев, как старожил, знающий всю подноготную не только губернского города, но имеющий связи и знакомства по всем уездам, был для нас сущим кладом. Этот честнейший человек, несколько избалованный в своих привычках, сохранил всю отзывчивость молодого возраста, когда он, как студент Московского университета, был исключен из него в шестидесятых годах и отправлен в ссылку в северные губернии. Встретившись с нами, он совершенно увлекся нашими личностями; в моем лице он встретил первую образованную молодую женщину, желающую не по нужде занять положение, в котором, как он думал, придется подавать шубу и галоши доктору; а когда я сообщила ему, что имею друзей честных и хороших, которые не могут достать себе места волостных писарей, то он заявил, что эти места будут, и вскоре без всяких экскурсий в биографии устроил Богдановича в Вольске, отрекомендовав его нотариусу Фролову, после чего тот сам пробился в волостные писаря...» Другой участник саратовского поселения А. И. Иванчин-Писарев (Из воспоминаний о хождении в народ. СПб., 1914, стр. 18) отзывается о Праотцеве, как о «человеке испытанной преданности революционным идеям и располагавшем обширными связями», пользуясь которыми, он оказывал весьма существенные услуги землевольцам». В 1880 г., в связи с разгромом саратовского поселения, Праотцев был арестован. По освобождении в 1881 г. Праотцев поселился в Рязани, где состоял частным поверенным. Умер 17 сентября 1897 г.

Имя Дмитрия Павловича Евреинова часто упоминается в переписке членов кружка [27]. Из письма П. Г. Заичневского к Аргиропуло видно, что Евреинов вместе с Заичневским переводил на русский язык «Qu'est ce que la propriété» Прудона для того, чтобы издать эту книгу [28].

Об Алексее Ивановиче Дроздове, как о человеке близком к другим членам кружка, мы также находим упоминания в переписке его членов [29].

На Петра Васильевича Лебединского, как на члена кружка, указывает в своих воспоминаниях В. Н. Линд; это же подтверждается письмом Понятовского к Аргиропуло [30].

Тот же Линд упоминает в числе членов кружка Ивана Ивановича Зайончковского и известного впоследствии рязанского земского деятеля Александра Николаевича Левашева [31].

---

[27] Политические процессы 60-х гг., стр. 200, 213, 214.

[28] Письма П. Г. Заичневского П. Э. Аргиропуло и Н. Г. Заичневскому. «Красный архив», 1921, т. I, стр. 276. Сведений о дальнейшей судьбе Евреинова мы не имеем.

[29] Политические процессы 60-х гг., стр. 200, 211. А. И. Дроздов, выходец из духовного звания, уроженец Нижегородской губернии, был студентом медицинского факультета. В середине 60-х годов служил в Зарайске лекарем в Белевском полку.

[30] В. Н. Линд. Воспоминания о моей жизни. «Русская мысль», 1911, № 8, стр. 36; сб. «Политические процессы 60-х гг.», стр. 200. Лебединский был студентом медицинского факультета. В 1858 г. он принимал участие в студенческих волнениях, известных под названием «Варнаковской истории». См. о них воспоминания самого Лебединского, напечатанные в № 9 «Голоса минувшего» за 1915 г. («Из жизни Московского университета. Варнаковская история»). Впоследствии Лебединский примкнул к московскому отделению общества «Земля и воля». Окончив в 1863 г. Московский университет, он уехал в Орловскую губернию, где получил место врача, но 11 сентября того же года был арестован и привлечен по делу Ивана Андрущенко («Материалы для истории революционного движения в России в 60-х гг.», стр. 101—102). Приговоренный к лишению всех прав и ссылке на поселение, Лебединский в 1866 г. был поселен в Красноярске. В середине 70-х годов вернулся в Европейскую Россию, жил в Петербурге и Кинешме, где работал в должности городского врача, завоевав себе своей отзывчивостью и гуманностью большую популярность среди населения Кинешмы. Скончался в 1912 г. в Кинешме. Более подробные сведения о Лебединском см. в заметке Л. Пантелеева («Голос минувшего», 1915, № 9, стр. 210—211).

[31] В. Н. Линд. Воспоминания о моей жизни. «Русская мысль», 1911, № 8, стр. 36. И Зайончковский и Левашев в 1863 г. примкнули к обществу «Земля и воля» и привлекались по делу

Из писем Праотцева и Новикова к Аргиропуло видно, что членом кружка был также студент Николай Степанович Славутинский [32], сын довольно известного в свое

Андрущенко («Материалы для истории революционного движения в России в 60-х гг.», под ред. В. Я. Богучарского, стр. 102—104, 106—109). Левашев — из рязанских дворян, родился в 1841 г. В своих воспоминаниях Левашев говорит о себе, что, будучи студентом, он «более всего... мечтал о деятельности в области науки, о популяризации ее в народе, о профессуре» (В. Левашев. Из записок земца. «Труды Рязанской ученой архивной комиссии», Рязань, 1900, т. XV, вып. 1-й, стр. 3). Впоследствии Левашев был мировым судьей и гласным рязанского губернского земства. Умер он 3 октября 1900 г.

Зайончковский — уроженец Калужской губернии, в 1857 г. поступил на медицинский факультет Московского университета. По освобождении от ареста по делу Андрущенко Зайончковский поселился в Рязани и практиковал в качестве врача. В 1865 г. он женился на известной писательнице Н. Д. Хвощинской (В. Крестовский — псевдоним). Полуголодное существование, которое Зайончковский вел, будучи студентом, и 11-месячное заключение в Петропавловской крепости по делу Андрущенко расшатали его здоровье и сделали из него человека болезненно самолюбивого и раздражительного. В 1868 г. он уехал лечиться за границу, где и умер в 1872 г. Знавшие Зайончковского отзывались о нем, как о человеке честном и хорошо образованном. Его влияние на жену, и в частности, его резкие отзывы об ее романе «Большая Медведица» заставили Н. Д. Хвощинскую изменить свое — до тех пор отрицательное — отношение к передовым идеям 60-х годов. Раздражительность Зайончковского и постоянные насмешки над женой как над «аристократкой» вызвали семейный разлад, закончившийся тем, что супруги решили разойтись. Однако и после этого Н. Д. Хвощинская оказывала постоянную поддержку уехавшему за границу мужу и находилась в дружеской переписке с ним (см. В. И. Семевский. Н. Д. Хвощинская-Зайончковская. «Русская мысль», 1890, № 11, стр. 83—89; М. Цебрикова. Очерк жизни Н. Д. Хвощинской-Зайончковской. «Мир божий», 1897, № 12 стр. 12—16).

[32] Политические процессы 60-х гг., стр. 202—208.

Московским властям была известна близость Н. Славутинского к Артиропуло и Заичневскому, и они намеревались произвести у него обыск, но отказались от этой мысли, полагая, что Славутинский, узнав об аресте своих товарищей, успел принять меры к сокрытию бывших у него запрещенных сочинений и компрометирующих бумаг. Сообщая об этом III отделению, московский генерал-губернатор Тучков писал: «По имеющимся в полиции сведениям, студент Славутинский хвалился перед своими товарищами, что его скоро арестуют, как Артиропуло, Ященко и Заичневского». Осенью 1861 г. Славутинский принимал деятельное участие в студенческих волнениях, о чем нам придется говорить ниже. В 1866 г. Славутинский служил мировым посредником в Ковенской губ. (ЦГИАМ, ф. III отд., I эксп., 1861, д. 196, ч. I, л. 88

время литератора Степана Тимофеевича Славутинского (1825—1884 гг.), сотрудничавшего в конце 50-х годов в «Современнике» и «Русском слове», а позднее в «Русских ведомостях» и других газетах и журналах [33].

Близки к кружку были и две сестры студента Славутинского, особенно Надежда Степановна. Это были первые в Москве женщины, начавшие посещать университетские лекции [34]. Имя Надежды Степановны часто встречается в переписке членов кружка, доказывая ее близость к ним [35]. Когда Заичневский находился в заключении, Надежда Степановна посещала его. Об этом стало известно

и 3 эксп. 1866, д. 97, лл. 3—6). Славутинский был не чужд литературе. В 1864 г. в журнале «Русь» был напечатан его перевод «Эгмонта» Гёте.

[33] Интересная переписка С. Т. Славутинского с Н. А. Добролюбовым опубликована В. Княжниным в сборнике «Огни», кн. I. Пг., 1916 («Добролюбов и Славутинский в их переписке», стр. 19—82). П. Г. Заичневский называл старика Славутинского «политическим революционером» («Красный архив», 1922, т. I, стр. 276).

[34] Известный революционер 60-х и 70-х годов М. Д. Муравский, считавший Покровского А. П.— члена кружка Аргиропуло и Заичневского — своим учителем и лучшим другом, в письме к П. В. Завадскому, написанном в феврале 1861 г., приводит цитату из полученного им от кого-то (надо думать, от Покровского) письма из Москвы: «Известно, что в Петербурге лекции профессоров посещаются дамами; примеру петербургских дам захотели следовать и московские. Впрочем, может быть, и не одно подражание, а мотивы более высокие поддерживали их — не знаю. Только дело в том, что первое начало положили девицы Славутинские, дочери довольно известного беллетриста. Каково же было удивление бедных девушек, когда брата их — студента призвал попечитель Исаков, галантерейный генерал, и, несмотря на прежде данное позволение, объявил, что уволит его из университета, если сестры будут продолжать ходить на лекции. Старик Славутинский поехал было объясняться, но получил в ответ, что барышни на лекции ездят для того только, чтобы подразнить студентов. Оскорбленный отец отправился к министру с жалобой. Какова будет резолюция, пока неизвестно. Не легки же первые шаги русской женщины во всяком порядочном деле. С одной стороны, сплетни сверстниц, с другой — нахальство большинства студентов, являющихся на лекции, чтобы только поглазеть на «синие чулки», и, в заключение всего, дерзости солдат, поставленных во главе университетской жизни». М. К. Лемке. Очерки освободительного движения 60-х годов, стр. 295—296.

[35] Политические процессы 60-х гг., стр. 212; Письма П. Г. Заичневского П. Э. Аргиропуло и Н. Г. Заичневскому. «Красный архив», т. I, 1922, стр. 276.

полиции, и у Славутинской был произведен обыск, оставшийся, впрочем, безрезультатным [36].

Возможно, что членами кружка были также студенты — Павел Александрович Шипов и Александр Петрович Кистер. Что касается Шипова, то, как мы знаем из доноса В. Александровской, он, несомненно, принимал участие в издании в 1862 г. прокламации «Молодая Россия» [37]. Однако был ли он членом кружка до ареста Аргиропуло и Заичневского и когда началась его близость с ними, сказать определенно не представляется возможности. Равным образом, нельзя разрешить вопрос и относительно Кистера, являвшегося посредником между Аргиропуло и Сулиным в деле приобретения первым из них у последнего типографского станка. На принадлежность Кистера к кружку мы находим намек в его письме к Аргиропуло, в котором Кистер пишет, что обстоятельства помешают ему приехать летом в 1861 г. в Тулу [38], где в то время, как мы увидим ниже, предполагался съезд членов кружка, разъехавшихся из Москвы на летние вакации.

Возможно, что в состав кружка Заичневского и Аргиропуло входили еще какие-нибудь лица, нам неизвестные. Однако вряд ли их было много. Во всяком случае, численность кружка не превышала 15—20 членов.

Были ли все члены кружка такими же убежденными социалистами, какими были Аргиропуло и Заичневский?

В этом можно очень сомневаться. Непродолжительность революционной карьеры большинства членов кружков показывает, что твердых революционных убеждений у них не было, что ими руководило гораздо больше скоропреходящее юношеское увлечение, чем сознательная преданность идеалам социализма. Говоря на допросе во время следствия о студентах-социалистах, Аргиропуло, между прочим, сказал: «Я не знаю ни одного из них, который бы был достаточно знаком с сочинениями писателей тех школ, которые обыкновенно обозначаются общим названием социализма». Аргиропуло обвинял их в том, что они «ограничиваются обыкновенно повторением общих мест, вычитанных ими и принятых на веру» [39]. Несомненно,

---

[36] Политические процессы 60-х гг., стр. 257.

[37] Об этом см. на стр. 235 настоящего сборника.

[38] Политические процессы 60-х гг., стр. 203.

[39] М. К. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг., стр. 25.

что сказанное Аргиропуло относилось и ко многим членам его кружка. Недаром в письме к Аргиропуло П. Г. Заичневский, говоря: «Мы, социалисты», добавляет: «я осмеливаюсь так называть из нашего общества тебя и себя» [40].

Во всяком случае, на дальнейших страницах истории нашего революционного движения — в 70-х и последующих годах — из всех членов кружка мы встречаем имя лишь П. Г. Заичневского и В. С. Праотцева (Аргиропуло умер в 1863 г., не дождавшись окончания судебного дела).

* * *

Основная деятельность кружка Аргиропуло и Заичневского заключалась в распространении запрещенных сочинений [41]. В то время спрос на такого рода литературу

---

[40] Письма П. Г. Заичневского к П. Э. Аргиропуло и Н. Г. Заичневскому. «Красный архив», т. I, 1922, стр. 277.

[41] Если, опираясь на свидетельства И. Андрущенко и Завадского (см. прим. 1-е на стр. 129.— *Ред.)* мы относим возникновение кружка Аргиропуло и Заичневского, как самостоятельного целого, на начало 1861 г., то в то же время несомненно, что литографирование запрещенной литературы было начато Заичневским и его товарищами значительно ранее этого времени,— до выделения их кружка из «Библиотеки казанских студентов». Это видно из следующих данных. В декабре 1859 г. студент Московского университета З. Юкельзон писал своему товарищу Я. Шмулевичу, что в Москве отлитографировано 300 экземпляров разбора книги Корфа, которые разошлись в течение одного дня, и добавлял, что об этом он узнал в июле или августе 1859 г. от студентов. В феврале 1860 г. тот же Юкельзон писал В. О. Португалову: «На днях выйдет из литографии „Тюрьма и ссылка" и „Былое и думы". Можешь получить сколько угодно экземпляров, только благоволи выслать по 3 руб. сер . за всякий экземпляр... Скажи товарищам об этом. Вероятно, найдутся охотники». При допросе Юкельзон показал, что о выходе книг он узнал от товарищей; где они литографировались, он не знает (ЦГИАМ, ф. III отд., I эксп., 1860, д. 26, ч. II, л. 387—388 и производство следственной комиссии по делу харьковских заговорщиков 1860 г., л. 212). О появлении в Москве литографированной литературы правительству стало известно еще весной 1859 г. 26 мая этого года жандармский подполковник Воейков сообщил III отделению, что в Москве недавно вышло отлитографированное издание: письмо Искандера к Александру II и критический разбор книги барона Корфа с портретом Огарева.

«По слухам,— писал Воейков,— издание это литографировано в значительном количестве и все уже разошлось; назначенная ценность оному так незначительна, что доступна для каждого желаю-

был очень велик. Кружок решил пойти навстречу этому спросу и дать русским читателям возможность познакомиться с запретными плодами зарубежной — иностранной и русской — мысли. Члены кружка хорошо понимали, как мало еще развито в политическом отношении русское общество, даже в лице его передовой молодежи, и как много еще предстоит сделать для того, чтобы оно освоилось с достижениями западной науки и философии. В этом отношении предпринятое кружком распространение книг, недозволенных русским правительством, несомненно, имело громадное просветительное и политическое

щего приобрести оное. Издание это заключается из 48 страниц самого мелкого письма с портретом Огарева, стоящее 65 коп. сереб. за экземпляр; но желающих их приобрести его так много, что некоторые платили вдесятеро дороже стоимости» (ЦГИАМ, ф. III отд., I эксп., 1859, д. 258, л. 1—2). В 1859 же году была установлена причастность к литографированию П. Г. Заичневского. В декабре приставу Пречистенской части Пузанову удалось выяснить, что студенты имеют литографический станок, на котором секретно печатают всякого рода сочинения. О дальнейших действиях Пузанова Воейков сообщал III отделению следующее:

«Переодевшись в кирасирский мундир свой (с которым уволен в отставку), вошел к ним в квартиру (к студентам.— *Б. К.)* под предлогом одного из них пригласить для преподавания уроков своим детям, на что многие изъявили согласие; в разговоре с ними Пузанов выражал сожаление и жаловался на строгость цензуры, препятствующей появляться в свет многим статьям; на это студенты отвечали, что, несмотря на делаемые запрещения, они имеют разные подобные сочинения, которые выпускаются посредством литографии. Воспользовавшись этим случаем, пристав успел дознать, что таковая литография находится в распоряжении студентов, которыми приобретен станок за 200 руб., и литографщик, которому дали жалование 150 руб. и наняли для него квартиру. Простившись со студентами, Пузанов... тотчас направился с добросовестным свидетелем в дом г. Политика, Пречистенской части, где в подвале 22 минувшего ноября запечатал станок и все отлитографированное, причем литографщик объяснил, что он, крестьянин г. Кондыревой Иван Макаров, 14 ноября подавал прошение обер-полицеймейстеру о дозволении ему открыть литографию, что он до этого находился типографщиком в редакции «Московских полицейских ведомостей» и занимался несколько еще дней литографированием для студентов лекций, что и подтвердил письменно студент Заичневский, прося пристава о распечатании литографии».

Дело это не имело для Заичневского никаких дурных последствий вследствие того, что при обыске в литографии не было найдено ничего, кроме университетских лекций, и Макаров показал, что ничего запрещенного он не литографировал (ЦГИАМ, ф. III отд., I эксп., 1859, д. 258, лл. 7—8 и 10).

значение. Кружок понимал это и с горячностью, свойственной молодости, принялся за работу.

Инициатором, руководителем и душою всего этого дела был Аргиропуло. В помещенном в 1863 г. в «Колоколе» письме из Москвы о смерти Аргиропуло мы читаем: «Убежденный в крайней необходимости освобождения русской мысли от цензурных колодок, он смело принялся за дело тайного книгопечатания. Не жалел он для такого дела ни трудов, ни сил, ни жизни. Сам переводил, поощрял целые десятки рук к тому же труду, платил бедным студентам хорошие деньги из своих скудных материальных средств. Когда же набиралось довольно материалов, все это печаталось и литографировалось в огромном количестве экземпляров и распродавалось по самой умеренной цене. Деньги, вырученные от такого дела, поступали в пользу бедных студентов в московскую студенческую кассу» [42] (Аргиропуло состоял ее кассиром).

Своим энтузиазмом в работе Аргиропуло сумел зажечь и других. В этом отношении весьма характерно дошедшее до нас письмо одного студента, рассказывающего о том, как происходило распространение запрещенных сочинений. «На это необходимо было,— пишет автор письма Александр Соколов,— затратить известный капитал, без которого литографы не хотели давать камней; тогда богатые студенты отдали деньги, другие продавали шубы, часы, кольца, и залог был дан; начались переводы; более 500 человек студентов занимались день и ночь; переводили матери и сестры некоторых студентов, и через неделю начали литографировать; общая цель была — распространить эти сочинения; о последствиях никто не заботился» [43].

Конечно, в этом письме очень много преувеличений. Его автор не был свидетелем того, о чем он рассказывает; он приехал в Москву и поступил в университет лишь осенью 1861 г., когда Аргиропуло и Заичневский были уже арестованы и литографирование прекратилось. Таким образом, Соколов рассказывает с чужих слов, и действительность в его передаче приобретает легендарное освещение. Однако уже самая возможность преувеличений, содержа-

---

[42] Кончина Аргиропуло. «Колокол», 1863, л. 155, стр. 1293.

[43] Письмо это опубликовано в № 2—3 «Историко-революционного бюллетеня», 1922 (Б. П. Козьмин. Материалы по истории революционного движения 60-х годов, стр. 33—36).

щихся в его письме, свидетельствует об энтузиазме, с которым шла работа по литографированию и распространению книг. И это понятно, ибо в глазах участников литографирования и распространения запрещенных книг их деятельность имела характер общественного служения.

Литографирование производилось в легальных, открыто существующих литографиях. Для того чтобы понять возможность такого способа изготовления нелегальной литературы, надо иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, то, что в то время обычным делом было литографирование студентами профессорских лекций. И Аргиропуло, и другие члены кружка прежде, чем заняться литографированием запрещенных книг, литографировали лекции. Это делалось вполне открыто и до известной степени усыпляло бдительность московских властей и полиции. Во-вторых, надо учесть и то, что правительственный надзор за литографиями был в то время весьма слаб. В качестве весьма показательной иллюстрации его слабости может служить следующий факт, установленный следственной комиссией, производившей впоследствии расследование по делу Аргиропуло и Заичневского: в Москве в то время существовало до 150 литографий; из них открыто с разрешения правительства не более 96; остальные возникли, так сказать, явочным порядком, и, конечно, работали вне всякого контроля со стороны правительства [44].

Эти обстоятельства и объясняют, почему кружку Аргиропуло удалось довольно широко развернуть свою деятельность по литографированию запрещенных книг.

Насколько эта деятельность была широка, можно судить по перечню изданий, выпущенных кружком.

Постараемся составить этот перечень, пользуясь для этого протоколами обысков, письмами и записками привлеченных к следствию и их показаниями.

На первом месте стояли сочинения Герцена. Помимо литографирования целиком № 71 «Колокола», кружок выпустил следующие произведения Герцена: «Былое и думы» (в отрывках), «С того берега», «Письмо к Александру II», «Крещеная собственность», «О развитии революционных идей в России», «Юрьев день» и др.

---

[44] М. К. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг., стр. 42.

Далее следует сборник статей Герцена и Огарева «За пять лет» и брошюра Огарева «На новый год».

Кроме того, были выпущены сочинения Энгельсона «Что такое государство», Фейербаха «О сущности христианства», записка Ростопчина «Смерть Павла I», Бюхнера «Сила и материя», Лорана «Христианство».

Переводились на русский язык и подготовлялись к изданию сочинения Прудона «Les biens et l'education» и «Qu'est ce que la propriété». Первое из них переводил П. Г. Заичневский, а второе — совместно тот же Заичневский и Евреинов. Выпустить их в свет не удалось из-за ареста Заичневского и Аргиропуло [45].

Литографирование производилось одновременно в нескольких литографиях. Об этом свидетельствует тот факт, что впоследствии следственная комиссия вызывала к допросу целый ряд владельцев московских литографий.

Как ни интенсивно шла издательская работа кружка, она не удовлетворяла его членов. Им хотелось устроить тайную типографию; однако привести в исполнение это намерение им не удалось. Типографский станок был уже куплен, оставалось получить его, но в это время произошел арест Аргиропуло.

Нам придется остановиться на этом вопросе подробнее ввиду того, что в нашей литературе сообщалось в категорической форме, что у кружка Аргиропуло и Заичневского был типографский станок и даже не один, а несколько, не считая того, что кружок пользовался и легальными типографиями. Мы имеем в виду все ту же упоминавшуюся

---

[45] В. П. Алексеев (Студенческий кружок Аргиропуло и Заичневского. «Голос минувшего», 1922, № 1, стр. 104—105) утверждает, что «Что такое собственность?» Прудона было издано кружком. Это опровергается опубликованным самим В. П. Алексеевым письмом Заичневского к Аргиропуло, из которого видно, что это сочинение только начинало переводиться на русский язык, когда арест руководителей кружка прервал издательскую деятельность кружка («Красный архив», 1922, т. I, стр. 276). Тот же В. П. Алексеев в той же статье в числе книг, изданных кружком, указывает переводы книг Леру «О человечестве», Луи Блана «Французская революция» и какое-то сочинение Карлейля. Это утверждение В. П. Алексеева совершенно не соответствует действительности. Таких книг кружок не издавал. По-видимому, В. П. Алексеева ввело в заблуждение то, что французские издания сочинений Леру и Луи Блана были отобраны у П. Г. Заичневского при обыске.

выше статью В. П. Алексеева (Студенческий кружок Аргиропуло и Заичневского и его деятельность).

Прежде всего, В. П. Алексеев сообщает, что Аргиропуло пользовался легальными типографиями, о чем признался на допросе. Однако В. П. Алексеев упускает из вида, что Аргиропуло говорил лишь об одной вполне определенной книге, чисто легального характера. Это — изданный при посредстве Аргиропуло букварь для воскресных школ, составленный А. Смирновым. Никаких указаний на то, чтобы Аргиропуло издавал в легальных типографиях какие-либо нелегальные книги, не имеется.

Кроме книг, кружком были изданы портреты декабристов, Герцена, Огарева, Мерославского и др.

Из изложенного ясно, как широко развернулась издательская деятельность кружка.

О том же свидетельствуют и другие дошедшие до нас сведения. Е. Гижицкий, бывший в то время студентом Московского университета, в своих воспоминаниях рассказывает, что литографированная «Сила и материя» Бюхнера выдержала три издания. Студенты, по словам Гижицкого, «гордились быстрой распродажей» выпускаемых ими книг. 700 экземпляров «Сущности христианства» Фейербаха разошлись в три дня. Так же быстро разошлось «С того берега» Герцена, и скоро экземпляр этой книги начал котироваться по 3 руб.[46]

Далее, В. П. Алексеев пишет: «Кроме Аргиропуло, занимался *печатанием*, и тоже в легальной *типографии*, еще П. Заичневский. Он имел свой *печатный станок в типографии* Кугушева, на котором работал вместе с временнообязанным дворовым человеком И. А. Комаровым». Сообщив об этом, В. П. Алексеев замечает: «Тогда, очевидно, можно было студентам для *печатания* лекций иметь

---

[46] Московская университетская «история» 1861 г. «Гражданин», 1876, № 32—33, стр. 834. Широкое распространение в Москве запрещенных изданий подтверждается и официальными данными. 14 мая 1861 г. полковник Воейков писал III отделению: «Литографии всех возможных запрещенных изданий проникли уже в класс средний и даже менее образованный, которыми чрезвычайно интересуются и приобретают охотно. Упоминаемые сочинения довольно свободно и в большом количестве распродаются между служащими чиновниками в сенате, а более всего может приносить вред также свободная продажа всех литографий» (ЦГИАМ, ф. III отд., I эксп., 1859, д. 258, л. 58).

свои станки в *типографиях*. Заичневский и воспользовался этим правом для *печатания* запрещенных изданий»[47].

Все это сообщение — результат сплошного недоразумения. Заичневский, как это видно из показаний его и Комарова, приобрел *не типографский, а литографский* станок и поместил его *не в типографии, а в литографии* Кугушева. Станок был куплен в 1860 г. и в июле того же года продан; литографировались на нем, по словам Комарова, только университетские лекции[48].

Пытаясь установить связь кружка с легальными типографиями, В. П. Алексеев далее пишет: «Услугами легальных типографий кружок, по-видимому, пользовался довольно широко, потому что в качестве свидетелей по делу кружка было вызвано и допрошено до 5 или 6 владельцев *типографий*». Это сообщение также совершенно не соответствует действительности, так как к допросу вызывались владельцы *не типографий, а литографий,* о чем мы упоминали выше.

Переходя к нелегальным типографиям, В. П. Алексеев пишет:

«Наряду с легальными типографиями, кружок пользовался также нелегальными, точнее, станками на частных квартирах. Следственная комиссия отвергла тайное печатание членами кружка запрещенных книг, между прочим, потому, что найденный при обыске у Вс. Костомарова станок не имел следов типографской краски. Но В. Костомаров точно указал адрес тайной типографии — Самотека, д. Дроздова, — находившейся в ведении членов кружка Сороко и Сулина, печатавших тогда «Разбор книги Корфа «14 декабря»». После эта типография перекочевала в квартиру Костомарова, где и была обнаружена. Из показаний датского подданного П. Шюмана, кроме того, следует, что Костомаров покупал шрифт и другие типографские принадлежности. О тайной «вольной» типографии идет речь также в письмах к Аргиропуло. Так, П. Заичневский в письме из Орловской губернии, между прочим, спрашивает его — «как идет типография?» «Мне сдается, —

---

[47] В. П. Алексеев. Студенческий кружок Аргиропуло и Заичневского. «Голос минувшего», 1922, № 1, стр. 105—106 (курсив Б. П. Козьмина).

[48] М. К. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг., стр. 39.

продолжает корреспондент,— что, если ты уедешь из Москвы, то печатать ничего не будут». Наконец, из допросов и очных ставок выяснилось, что Аргиропуло купил станок у некоего Кистера. Потом и сам Аргиропуло признал факт покупки им станка, но будто бы не для себя, а для другого лица, назвать которое «не считает для себя возможным». Кистер же на допросе объяснил покупку у него станка Аргиропуло необходимостью печатать азбуку и арифметику [49].

В только что приведенной нами цитате содержится не меньше ошибок и искажения действительности, чем в цитатах, приведенных выше. Чтобы убедиться в этом, нам придется подробнее остановиться на истории тех станков, о которых пишет В. П. Алексеев.

В декабре 1860 г. студенты Московского университета Яков Сулин, Иосиф Сороко и корректор литографии М. Н. Каткова П. С. Петровский-Ильенко организовали «первую русскую вольную типографию». Они приобрели деревянный станок, поместили его на квартире Сулина, находившейся в одном из переулков между Самотекой и 4-й Мещанской в д. Дроздова, и отпечатали на нем книгу «Разбор сочинения Корфа о восшествии на престол императора Николая I». В феврале 1861 г. книга эта вышла в свет. Станок, на котором она печаталась, был весьма далек от совершенства и во время работы настолько расшатался, что по окончании печатания книги никуда уже не годился. Ввиду этого он был уничтожен: деревянные части — сожжены, металлические же, а также и шрифт — проданы на вес. О существовании этого станка было известно Всев. Костомарову. По уничтожении деревянного станка Сулин, Сороко, Костомаров и Петровский-Ильенко решили приобрести новый, металлический. Это намерение было приведено ими в исполнение, и купленные станок и шрифт перевезены на квартиру Костомарова. На этом-то именно станке и предполагалось печатать прокламации Чернышевского к барским крестьянам и Шелгунова к солдатам, издание которых было принято на себя Сороко. Костомаровым и Сулиным. Однако печатание это не состо-

---

[49] См. об этом подробнее в сб. «Политические процессы 60-х гг.», стр. 203—206; В. П. Алексеев. Студенческий кружок Аргиропуло и Заичневского. «Голос минувшего», 1921. № 1, стр. 106.

ялось. Станок Сулин взял у Костомарова и перевез на квартиру своего товарища по университету Александра Кистера. Шрифт же остался на квартире Костомарова, где и был впоследствии обнаружен при обыске. Мечтая устроить свою типографию, кружок Аргиропуло весной 1861 г. решил приобрести этот станок. Через Кистера Аргиропуло договорился с Сулиным о цене, и во второй половине июня Александр Кистер, уезжая из Москвы, известил Аргиропуло, что он может 27 июня получить станок от оставшегося в Москве его брата Вацлава Кистера, уплатив последнему 99 руб. Однако 27 июня Аргиропуло за получением станка не явился; по-видимому, у него не хватало денег для расплаты за станок. Лишь позднее, когда Сулин согласился отсрочить платеж денег, этот станок был взят Аргиропуло из квартиры Кистера. Арест Аргиропуло помешал ему рассчитаться с Сулиным. Это видно из письма Сулина, посланного им 18 августа 1861 г., т. е. после ареста Аргиропуло, уехавшему в Варшаву Сороко. «За машину, — писал Сулин, — тоже ничего не получал, ее взял в долг один господин (Ар[гиропуло]), да так скоропостижно уехал из Москвы, что я никогда не получу ни гроша» [50]. Именно этот станок и имел в виду Заичневский, когда он в июне 1861 г. писал из Орла Аргиропуло: «Как идет типография? Мне сдается, и я в этом даже уверен, что если ты уедешь из Москвы, печатать ничего не будут» [51].

Из только что изложенного можно сделать ряд выводов.

Первый вывод: это — то, что приведенная нами выше цитата из статьи В. П. Алексеева полна ошибок и путаницы, обусловленных недостаточно внимательным отношением автора к следственному материалу.

Второй вывод заключается в том, что Аргиропуло удалось получить станок лишь в самых последних числах июня или, вернее, в июле 1861 г. Если мы примем во внимание, что 22 июля Аргиропуло был арестован, то убедимся, что наладить типографию кружку не удалось [52].

---

[50] Политические процессы 60-х гг., стр. 222—223.

[51] См. «Письма П. Г. Заичневского к П. Э. Аргиропуло и Н. Г. Заичневскому» («Красный архив», 1922, т. I, стр. 276). Письмо Заичневского не датировано, но из имеющейся на нем пометки Аргиропуло видно, что оно было им получено 19 июня. В «Красном архиве» дата получения указана неправильно.

[52] Ср. статью С. Лившица. Подпольные типографии 60-х, 70-х и 80-х гг. «Каторга и ссылка», 1928, № 4, стр. 23—26.

Наконец, рассказанная нами история приобретения Аргиропуло типографского станка с несомненностью доказывает, что ни Сулин, ни Сороко, ни Костомаров членами кружка Аргиропуло и Заичневского не состояли, о чем мы, как припомнит читатель, говорили уже выше. Если бы Сулин и Костомаров были членами кружка и если бы приобретенный ими станок принадлежал кружку, как утверждает В. П. Алексеев, то как мог бы Аргиропуло покупать у Сулина этот станок, да еще через третье лицо (А. Кистера).

Нам остается сказать несколько слов о дальнейшей судьбе станка, купленного Аргиропуло у Сулина [53]. Как мы говорили уже, Сулин не получил денег за этот станок: помешал «скоропостижный» отъезд из Москвы, т. е. арест, Аргиропуло. Однако Сулину удалось какими-то путями получить этот станок обратно. Из предосторожности, принимая во внимание аресты, которые в то время шли в Москве, Сулин закопал станок в землю. Это видно из показаний, данных арестованным в 1863 г. Иваном Андрущенко. Рассказывая о деятельности кружка «Библиотека казанских студентов», о которой нам пришлось говорить выше и в которую в 1863 г. вошли Сулин и бывший член кружка Аргиропуло и Заичневского Александр Новиков, Андрущенко, между прочим, рассказывал, что на

[53] В. Кельсиев, со слов своего брата Ив. Кельсиева, рассказывает интересный эпизод, относящийся к одному из товарищей последнего по Московскому университету: «Он лежал на диване, читая что-то, часу в первом ночи, как раздался звонок и явилась полиция, т. е. жандармский офицер со свитой.— Наконец-то,— сказал им молодой человек (к сожалению, я не помню его имени),— наконец-то! Милости просим — давно вас ждем.— Как-с? — спросил его полицейский офицер.— Так вы были предуведомлены о нашем приходе? — Давно вас ждал.— Это изумительно: — переговорились офицеры между собою; — как же эти господа революционеры бывают осведомлены преждевременно о распоряжении полиции! Стало быть, вас и обыскивать нечего? — Нет, пожалуйста, обыскивайте,— отвечал студент.— И студент остался на диване в покое, тогда как у него, под этим же самым диваном, стоял ручной печатный станок для печатанья прокламаций. Он отвертелся неожиданно; полиция неожиданно поддалась его невольной хитрости» (см. статью В. Кельсиева о книге Н. Лескова-Стебницкого «Загадочный человек» в № 6 «Зари» за 1871 г., стр. 1—2). Если этот рассказ соответствует действительности, то он может относиться только к Аргиропуло и к станку, приобретенному им от Сулина и Сороко.

одном из собраний членов «казанской библиотеки» на квартире Сулина между Сулиным и Новиковым, стоявшими отдельно, происходил разговор, начала которого Андрущенко не слышал, но слышал, как Новиков говорил: «Нам непременно надобно иметь свой станок». — «Да, он есть»,— сказал Сулин.— «Так где же он?» — «Ах, боже мой, да есть, закопан». — «Ну, он испортится».— «Железный-то?» — возразил Сулин. К этому Андрущенко добавил, что станок, о котором говорил Сулин с Новиковым, как полагает он, должен быть тот, на котором они с Петровским печатали в конце 1860 г. «Разбор книги барона Корфа», соч. Огарева [54].

Из сказанного нами выше ясно, что предположение Андрущенко верно только отчасти. Разговор Сулина с Новиковым касался не того станка, на котором печатался «Разбор Корфа», а другого, приобретенного Сулиным и Костомаровым позже.

* * *

Начало 60-х годов ознаменовано, между прочим, одним чрезвычайно интересным движением, охватившим широкие круги русского общества того времени. Это движение, порожденное стремлением распространять в народных массах просвещение, до той поры совершенно недоступное этим массам, выразилось в открытии так называемых воскресных школ. На рубеже 50-х и 60-х годов повсеместно — и в столицах, и в губернских городах, и в уездных захолустьях — возникают по общественной инициативе одна за другой эти школы.

Первые из них появляются в 1859 г. в Киеве, Петербурге, Екатеринославе, Могилеве и др. городах. Через год они насчитываются уже десятками.

Москва в этом отношении отстала от других городов. В ней воскресные школы возникают уже тогда, когда в других местах они уже действовали довольно продолжительное время. Историк наших воскресных школ Я. В. Абрамов пишет:

«Старая столица в деле открытия воскресных школ значительно запоздала не только против Петербурга, но и

---

[54] Материалы для истории революционного движения в России в 60-х гг., под ред. Б. Базилевского (В. Богучарского), стр. 104.

против многих провинциальных городов. Даже в уездных городах и селах Московской губернии воскресные школы явились ранее, чем в Москве... В самой Москве мысль об учреждении воскресных школ возникла среди студентов тамошнего университета еще в 1859 г. вслед за тем, как возникли первые воскресные школы в Киеве. Кружок московских студентов, желавших устроить воскресные школы, вскоре увеличился вступлением в него и лиц, не состоявших в числе студентов. Кружок обратился к попечителю киевского учебного округа Н. И. Пирогову с просьбой сообщить сведения о положении киевских школ. Пирогов поспешил удовлетворить эту просьбу, и, пользуясь указаниями Пирогова, московские студенты выработали соображения об открытии воскресных школ в Москве. Соображения эти, представленные в ноябре 1859 года на рассмотрение Министерства народного просвещения, были утверждены в апреле, а первая воскресная школа в Москве была открыта 12 июня 1860 г. Открыта она была при уездном училище. Вслед за тем были открыты еще три воскресных школы... Преподаванием в школах занимались 23 человека... большинство было студенты университета... Вскоре в Москве открылось еще несколько воскресных школ... Всего в самый короткий промежуток (вторая половина 1860 года) в Москве было открыто 12 воскресных школ — 9 мужских и 3 женских» [55].

Московские студенты принимали деятельное участие в преподавании в воскресных школах. В частности, это можно сказать про членов кружка Аргиропуло и Заичневского.

В бумагах, отобранных при обыске 7 июня 1862 г. у члена этого кружка П. В. Лебединского, был найден черновик прошения, которое в феврале 1861 г. члены кружка намеревались подать министру народного просвещения (было ли это прошение подано, нам установить не удалось). В этом прошении мы находим чрезвычайно любопытные сведения о постановке воскресных школ в Москве и об участии в них членов кружка [56].

Прежде всего, оказывается, что студенты, вошедшие позднее в кружок Аргиропуло и Заичневского, были, если

---

[55] Я. В. Абрамов. Наши воскресные школы. СПб., 1900, стр. 49—51.

[56] ЦГИАМ, ф. Высоч. учрежд. следств. комиссии, 1862, д. 18 о П. Лебединском, лл. 21 об.—22.

не инициаторами учреждения воскресных школ в Москве, то участниками той группы студентов, которая в ноябре 1859 г. возбудила вопрос об их организации. По получении разрешения министра народного просвещения на свое ходатайство студенты образовали особое общество воскресных школ; в течение четырех месяцев с 12 июня 1860 г., когда им была открыта первая школа, учредило десять школ, число учеников в которых доходило до 900.

Хозяйственной стороной в каждой школе заведовал один из учредителей, а всеми школами вообще профессор Н. С. Тихонравов. Под его председательством ежемесячно устраивались собрания членов общества воскресных школ в целях контроля как финансовой стороны дела, так и хода преподавания в школах. При этом те из преподавателей, которые «оказывались неспособными к преподаванию, исключались из общества посредством баллотировки на ежемесячных собраниях». Школы были открыты для посетителей, которым предоставлялось записывать свои замечания о постановке преподавания и о порядках в школах в нарочно заведенную для этого в каждой школе книгу.

Программа преподавания в московских школах была довольно широкой. «Целью воскресных школ, — читаем мы в прошении, найденном у Лебединского, — было поставлено с самого начала не только учить чтению, письму и счислению, но, по возможности, развить понятие мальчиков, посещающих эти школы, для того, чтобы поставить их в более естественные отношения в их семейной жизни, чтобы дать им понятие о честности, отвратить их от лени, дать занятие их уму, — что все так необходимо особенно при совершившейся теперь, а тогда только предвидимой перемене в быту низшего народонаселения» [57].

Если у нас не имеется никаких указаний на то, что в московских воскресных школах велась революционная пропаганда, как это было в Петербурге, то в то же время несомненно, что, пользуясь широтой программы преподавания, преподаватели читали ученикам такие легальные произведения, которые, расширяя кругозор учеников, привлекали их внимание к общественным вопросам. Кн. Д. Д. Оболенский, принимавший в 1860 г. участие в

[57] ЦГИАМ, ф. Высоч. учрежд. следств. комиссии, 1862, д. 18, лл. 21 об.—22.

преподавании в школе, основанной на Прохоровской фабрике для обучения молодых рабочих, в своих воспоминаниях пишет:

«Дело было накануне решения крестьянского вопроса, а между тем студенты стали читать вещи, которые могли только разжигать простой народ против хозяев, крепостных против господ своих: „Хижину дяди Тома“ и некоторые рассказы Марко Вовчка, очень бывшие в моде. Пошла рознь, и я отклонился от обучения в воскресных школах» [58].

Помимо детей, школы посещали и взрослые, которые приходили затем, чтобы пополнить свои знания или «приобрести некоторые специальные теоретические сведения в тех ремеслах, которыми они занимались».

Столкнувшись с отсутствием пособий, необходимых для преподавания, общество воскресных школ занялось составлением букварей и хрестоматий; «для этих последних приготовлены рассказы из русской истории и заимствованы из немецких народных изданий статьи в форме легких рассказов, объясняющие некоторые из главных явлений природы».

Что касается кружка Аргиропуло, то в апреле 1861 г. он издал специальный букварь, приспособленный к преподаванию по звуковому методу. Букварь этот был составлен преподавателем воскресных школ Смирновым. К букварю прилагались большие передвижные буквы. Кружок Аргиропуло не только пользовался букварем Смирнова, преподавая по нему в московских воскресных школах, но и высылал этот букварь в провинцию [59].

---

[58] Наброски из воспоминаний кн. Д. Д. Оболенского. «Русский архив», 1894, № 10, стр. 252. Характерно, что Тихонравов, ездивший в декабре 1860 г. в Петербург и там узнавший, что правительство начинает коситься на воскресные школы, писал оттуда одному из преподавателей московских школ: «Внушайте студентам, кого увидите, дух умеренности и миролюбия в школах. Сильно боюсь; есть факты, которые передам при личном свидании». См. воспоминания С. Н. В-ского в сб. «Памяти Н. С. Тихонравова», М., 1894, стр. 33. Автор этих воспоминаний рассказывает, что некоторые из московских преподавателей, занимаясь чтением с учениками, вдавались в подробные объяснения вопросов естественной истории, выходившей за пределы программы воскресных школ (см. там же, стр. 31).

[59] Букварь Смирнова был встречен весьма сочувственными отзывами прессы. В. Виноградский в «Московских ведомостях»

Интересные сведения о постановке дела в московских воскресных школах приведены в статье о них, напечатанной в № 80 журнала «Руководство для сельских пастырей» за 1860 г. Автор статьи отмечает разнообразный состав учеников этих школ; среди них, по его словам, были «и возмужалые крестьяне с бородами, приказчики, мастеровые, дети, так называемые «мальчики»,— в армяках, халатах и сюртуках». Независимо от возраста, все ученики во время занятий поддерживали строгий порядок и соблюдали полную тишину; каждый из них «старался держать себя как нельзя приличнее, и это без всякого (внешнего) побуждения». С большим одобрением автор статьи отзывается об отношении преподавателей к ученикам. Что особенно его поразило в московских школах, так это следующее: «За правило принято всем ученикам без различия их звания и состояния говорить *вы*, что на первых порах не мало удивляло многих из них, привыкших слышать свое христианское имя в исковерканной кличке». Одновременно с этим автор отмечает «какое-то особенное уважение, если не сказать, благоговение, оказываемое в школах учениками» [60].

Всего в московских школах было 23 преподавателя, в том числе 3 священника, 1 дьякон, а остальные студенты. Из членов кружка Аргиропуло, помимо его самого, преподаванием в воскресных школах занимались Покровский, Понятовский, Новиков, Праотцев, Евреинов, Славутинский, Н. Заичневский и др.

В той горячности, с которой молодежь принялась за преподавание в воскресных школах, проявилось ее стремление к сближению с «народом». Правительство скоро почувствовало опасность, грозящую ему от этого сближения, и сочло нужным принять меры против растущего в

(1861, № 133) отмечал, что азбука Смирнова вполне соответствует современным требованиям, и писал о ней: «При этом мы не можем не обратить внимания людей, заинтересованных делом народного образования, на выбор самых речений. Это не общие места, не пошлые фразы, которые мы встречали в прежних азбуках и прописях; в новой азбуке ученик, знакомый с несколькими буквами, впервые узнающий мысль из книги, встречает в ней свою родную пословицу. Собрать пословицы для первоначального чтения, особенно в народных школах,— мысль чрезвычайно счастливая; исполнение ее в новой азбуке вполне удовлетворительно».

[60] Цитируем по книге Я. В. Абрамова «Наши воскресные школы», стр. 50—51.

обществе увлечения воскресными школами. Уже в декабре 1860 г. шеф жандармов кн. Долгоруков забил тревогу, представив царю особую записку по вопросу о воскресных школах, в которой, между прочим, писал: «Правительство не может допустить, чтобы половина народонаселения была обязана своим образованием не государству, а себе или частной благотворительности какого-либо отдельного сословия». Долгоруков опасался, что работа молодежи в воскресных школах «упрочит за нею на твердом основании доверие и благодарность народных масс». Под влиянием этой записки Долгорукова в декабре же Министерство народного просвещения издало циркуляр, вводивший ряд стеснений в преподавание в воскресных школах. Если до этого правительство совершенно не вмешивалось в постановку преподавания, то теперь циркуляр министерства заявлял, что «воскресные школы должны служить только пособием приходским училищам». Сообразно с этим ограничивался круг преподавания в воскресных школах предметами, преподававшимися в приходских школах: закон божий, чтение и письмо на русском языке и первые начала арифметики. Вместе с этим циркуляр предписывал попечителям учебных округов установить усиленный контроль как за преподаванием в воскресных школах, так и за политической благонадежностью педагогического персонала. В развитие этого циркуляра попечитель московского учебного округа в начале февраля 1861 г. опубликовал «правила для воскресных школ московского округа». По этим правилам, помимо ограничения программы преподавания программой приходских училищ, все воскресные школы были отделены одна от другой и каждая из них подчинена одному из директоров московских гимназий.

Стеснения, которым начало подвергаться преподавание в воскресных школах, не могли не взволновать участвовавших в преподавании студентов. Весьма интересный отзвук этих волнений мы находим в рукописи, отобранной у Аргиропуло при обыске. Эта рукопись знакомит нас с тем, как кружок Аргиропуло реагировал на «правила», изданные попечителем московского округа, и с тем, какие планы в связи с этим вырисовывались перед кружком [61].

Первая часть этой рукописи содержит в себе критическое рассмотрение «правил». Ценной стороной воскресных

[61] Политические процессы 60-х гг., стр. 156—169.

школ и залогом их успеха, по мнению автора рукописи, являлось то, что преподавание в этих школах шло «вне всякой стеснительной формальности» и потому было совершенно лишено «все убивающей рутины». В глазах работников воскресных школ их задача заключалась не только в обучении одной грамотности, но и в «развитии здравого смысла в народе». Автор высказывал уверенность, что со временем «воскресные школы стали бы такими школами, в которых можно было бы получать возможно полное общее образование». «Правила», опубликованные попечителем московского учебного округа, разрушают эти надежды. «Кто-то,— писал автор рукописи,—... убоялся, что воскресные школы удобно могут сделаться проводниками в народе здравых понятий о человеческой личности и о жизни общественной,— таких понятий, которые составляют силу и благо каждого народа и которые не приобретаются в приходских и даже в уездных училищах. И вот бездарные тупые люди хотят помешать заре новой жизни народа, задушить свежее учреждение гнилою формою, хотят сделать народ каким-то религиозным дьячком, нравственным пошлецом; потому-то и напирают особенно на преподавание закона божия и на развитие религиозного чувства в народе» [62].

Во второй части рукописи автор переходит к обсуждению того, как должны студенты отнестись к новым «правилам». Сообщая, что многие из них решили совершенно уклониться от участия в преподавании в воскресных школах, автор находит это решение неправильным. «Отказавшись от участия в воскресных школах, студенты, как нам кажется, отказались от тех светлых намерений, от тех прекрасных целей, которые они предположили себе, устраивая воскресные школы... Неужели студенты думали своим отказом устрашить бездарных министров, попечителей, ректоров и прочий люд. Но ведь этот отказ — торжество для бездарности, случай к ее возмутительному, наглому ликованию». Полагая, что всегда лучше что-нибудь делать, чем ничего не делать, автор считает, что перед студентами был иной исход. До сих пор дело воскресных школ находилось в известной зависимости от правительства потому, что воскресным школам приходилось пользо-

---

[62] Политические процессы 60-х гг., стр. 164.

ваться казенными помещениями. Надо поставить их в такое положение, чтобы впредь этого не было. Для того, чтобы «избежать влияния благонамеренных и религиозных правил», надо сделать из воскресных школ совершенно частное, ни в какой степени независящее от правительства дело. Собрав между собою и своими знакомыми некоторую сумму денег, студенты получат возможность отказаться от казенных помещений и перенести свои школы в помещения частные. Правда, для этого надо организовать «правильно утвержденное общество». Но «что же мешает открыть такое общество?» — спрашивает автор. «Правительство не захотело бы, верно, компрометировать себя в глазах всего света и запрещать образование народу. Оно дало бы устав обществу... Такое общество должно охватить всю Россию. Всякий, кто только хранит в душе своей любовь к родной земле, к русским людям (а таких, без сомнения, немало), может быть членом общества, и чем больше членов, тем лучше. Студенты университета могут взять на себя инициативу этого дела. Правительство, разрешая сперва такое общество, стало бы потом подозрительно смотреть на него, стало бы стараться душить его, но у правительства не хватало бы смелости совсем уничтожить такое общество» [63].

Характерно, что автор полагал, что такое общество, помимо распространения знаний в народе, могло бы взять на себя выполнение еще одной задачи: «поддержку членов, тех, которые не обеспечены в материальном положении и которые принуждены поэтому делаться чиновниками». «Чем более независимых от правительства деятелей, тем, разумеется, успешнее дело».

Предположения автора рукописи не ограничивались только организацией такого общества. Наряду с этим обществом он мечтал организовать другое, действующее также во всероссийском масштабе; это — общество распространения в народе книг для чтения. Это общество, инициативу организации которого автор также предлагал взять на себя студентам, должно создать хорошую литературу для народа, которой до сих пор не имеется, издавать и распространять ее. Организация этого общества мыслилась автору в двоякой форме: оно должно быть одновременно и явным, и тайным. Явная, открытая сторона

[63] Политические процессы 60-х гг., стр. 166—167.

деятельности общества заключалась бы в издании легальных книг для народа: «много можно писать, что нельзя запретить печатать, или было бы слишком нелепо». Тайным образом общество издавало бы и распространяло бы такие книги, «в которых будут простой русской речью излагаться для народа политические истины». «Общество поэтому должно располагать своей типографией, которую не усмотрели бы зоркие глаза российского орла». Сбыт и распространение книг должны производиться через ходебщиков, офеней и пр. [64]

Наивность и утопичность изложенного нами плана показывает, как мало учитывал его автор политическую обстановку того времени. Казалось бы, что отношение правительства к воскресным школам должно было бы уже убедить автора в том, как трудно рассчитывать на разрешение правительством организации таких обществ. Однако возможные репрессии со стороны правительства не смущали автора. «Если бы правительство,— писал он,— прибегло к крутой мере преследования чтения в народе, оно стало бы действовать заодно с обществом, только иными средствами. Оно окончательно уронило бы себя в глазах народа, и доверие к православному царю, сильно поколебленное освобождением крестьян, рушилось бы» [65].

Во всяком случае, изложенный нами проект представляет большой интерес. Он показывает, что в начале 1861 г. в кружке Аргиропуло и Заичневского носились мысли, предвосхищавшие до известной степени планы позднейших революционных организаций: «Рублевого общества» (Ф. Волховский, Г. Лопатин), отчасти кружка чайковцев и др.

Обсуждался ли план организации общества в кружке Аргиропуло и Заичневского? И как отнеслись к нему члены этого кружка? Дать категорический ответ на эти вопросы не представляется возможным по отсутствию в нашем распоряжении каких бы то ни было материалов. Однако можно предположить, что в общем отношение было сочувственное. Намек па это, нам кажется, можно найти в показании, данном впоследствии Заичневским в III отделении. «Я имел,— говорит Заичневский,— личное намерение составить статьи и, напечатавши их в какой-нибудь

[64] Политические процессы 60-х гг., стр. 168.
[65] Там же.

типографии, продавать народу по дешевой цене. Для успешного распространения я думал раздавать брошюры ходебщикам. Без сомнения, печатание брошюр должно было происходить в дозволенной правительством типографии»[66].

Опубликование февральских «правил» 1861 г. заставило членов общества воскресных школ отказаться от преподавания. В разговоре с попечителем учебного округа они заявили, что при новых условиях, в которые поставлены воскресные школы, они не могут продолжать работу в них, и просили назначить других преподавателей. Попечитель сделал распоряжение о принятии воскресных школ учителями приходских школ. «Несмотря на усилия некоторых из этих учителей,— читаем мы в прошении, отобранном у Лебединского,— школы скоро пришли в упадок, число посещающих их участников быстро уменьшилось, так как одному преподавателю невозможно заниматься с большим числом учеников, имеющих совершенно разные способности и различные знания».

Прежде чем совершенно отказаться от преподавания в воскресных школах, члены кружка Аргиропуло и Заичневского решили просить министра народного просвещения об отмене февральских «правил». Для этой цели ими было написано прошение, которое мы выше цитировали. «Имеем честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство,— писали авторы прошения,— о разрешении нам вступить снова в учрежденные нами школы на тех же основаниях, которые угодно было утвердить вашему высокопревосходительству в прошлом году, с особенным капиталом и совершенно отдельно от учрежденных и учреждаемых другими лицами воскресных школ»[67].

Было ли это прошение подано министру народного просвещения, нам выяснить не удалось.

* * *

Конец 50-х и начало 60-х годов отмечены ростом революционного движения в Польше. Как в самом Царстве

---

[66] М. К. Лемке. Политические процессы в России в 1860-х гг., стр. 20.

[67] ЦГИАМ, ф. Высоч. учрежденной след. комиссии, 1862, д. 18, л. 22.

Польском, так и в Северо-Западном крае шли непрерывные демонстрации и протесты против русского господства. Поляки почти открыто готовились к восстанию, которое произошло позднее — в 1863 г.

При таких условиях взоры русских революционеров невольно обращались на Польшу. Они внимательно следили за событиями, развертывавшимися там, и открыто проявляли свое сочувствие к полякам, видя в них своих естественных союзников в борьбе против общего врага — царского правительства.

Заичневский в этом отношении не был исключением в среде русских революционеров. Не только борьба, разгоравшаяся в Польше, но и прошлая революционная история польского народа привлекали к себе его внимание. Среди бумаг, отобранных у Заичневского после его ареста в июне 1861 г., была записная тетрадь, в которую Заичневский заносил свои мысли о польском восстании 1830—1831 гг. Из этой тетради видно, что Заичневский специально изучал события этих лет и старался выяснить причины, обусловившие неудачный исход восстания. В неудаче Заичневский винил вождей восстания, не обладавших, по его мнению, необходимой смелостью, революционной энергией и решимостью идти до конца. Диктатор Хлопицкий, по мнению Заичневского, не проявил достаточной веры в энтузиазм свободы, в революционной пыл и воодушевление восставших масс. Вместо того, чтобы разжечь пожар революции, он всячески старался потушить его или, по крайней мере, удержать его в известных пределах, не дав ему разгореться. Он больше надеялся на уступки со стороны правительства Николая I, чем на революционность восставшего народа. «Принял начальство, чтобы уладить все путем мира, а не войной, чтобы умилостивить императора, а не освободить Польшу». Осуждая Хлопицкого за проявленное им стремление к «соглашательству», Заичневский писал: «Всякая революция, боящаяся увлекаться слишком далеко,— не революция» [68].

Присматриваясь к польским событиям и считая необходимым для русских революционеров действовать согласованно с поляками, Заичневский в первую очередь обратил внимание на поляков — своих товарищей по

---

[68] Политические процессы 60-х гг., стр. 262.

университету. В. Н. Линд, бывший в то время студентом Московского университета и стоявший близко к кружку Заичневского, в своих воспоминаниях пишет: «Поляков в Московском университете было несколько сот человек, и они образовали из себя организацию, более крепкую и стройную, чем остальное студенчество. Польская молодежь уже подготовлялась тогда к будущему восстанию, при котором они рассчитывали воспользоваться волнениями, которые ожидались в России отчасти по случаю освобождения крестьян, отчасти вследствие распространения в русском обществе революционных стремлений» [69].

Однако попытки Заичневского и его товарищей по кружку сблизиться с поляками долгое время наталкивались на недоверчивое отношение со стороны последних. Поляки, образовав тесно сплоченный кружок, держались обособленно и с настороженным недоверием относились к своим русским товарищам по университету. Это видно из следующего. В бумагах Заичневского после его ареста была найдена «Записка о состоянии Литвы» [70]. При допросе Заичневский показал, что эта записка была написана под его диктовку. Как видно из ее содержания, она писалась во второй половине февраля 1861 г. под непосредственным впечатлением от событий, разыгравшихся в середине февраля в Варшаве.

Как известно, 15 февраля в Варшаве произошла шумная и многолюдная демонстрация против русского правительства. Были вызваны войска, они расстреляли демонстрантов. 5 человек было убито; точное число раненых осталось неизвестным, но, во всяком случае, оно было ве-

---

[69] В. Н. Линд. Воспоминания о моей жизни. «Русская мысль», 1911, № 7, стр 117.

[70] «Записка о состоянии Литвы» опубликована полностью в названном выше сборнике «Политические процессы 60-х гг.», стр. 146—155; В. П. Алексеев (Студенческий кружок Аргиропуло и Заичневского и его деятельность. «Голос минувшего», 1922, № 1, стр. 118) пишет об этой записке: «Автор ее неизвестен (почерк не Заичневского)». Нам представляется, что нет никаких оснований не доверять показанию Заичневского о том, что «Записка» писалась под его диктовку. Но если даже автором «Записки» был не Заичневский, то все же она вышла из его кружка и несомненно отражает его взгляды на русско-польские отношения. Как мы увидим ниже, содержание «Записки» стоит очень близко к тому, что Заичневский говорил в речи, произнесенной 17 марта 1861 г.

лико[71]. На другой день варшавский архиепископ Фиалковский предъявил наместнику Царства Польского кн. М. Д. Горчакову «от имени всей страны» прошение на высочайшее имя. В этом прошении Фиалковский писал, что события 15 февраля не были вызваны «разрушительными страстями отдельных классов населения», а являлись единодушным и красноречивым выражением чувств всего польского народа, не имеющего возможности «иначе проявить свой голос, как стоном жертв». Доверия между правителями и управляемыми не будет до тех пор, пока правители будут употреблять «насильственные принудительные меры, не ведущие ни к какому результату». «Страна, некогда стоявшая в уровень по образованию со своими соседями по Европе,— писал Фиалковский,— не в состоянии развиваться ни морально, ни материально, доколе ее церковь, законодательство, публичное воспитание и вся ее общественная организация будут лишены своей национальности и своих исторических преданий». Прошение Фиалковского было напечатано во всех русских газетах и вызвало к себе сочувствие в либеральных и радикальных кругах русского общества.

Указанием на это сочувственное отношение русского общества и, в частности, студенчества к варшавской демонстрации и к выступлению Фиалковского и начинается записка Заичневского. «Почему же это сочувственное отношение русских,— спрашивает автор,— не вызывает соответственного ответа со стороны поляков?» Неоднократно высказанное желание русских студентов сблизиться «с братьями по племени, по судьбе и, наконец, по скамье» до сих пор нисколько не оправдалось на деле. «И сколько усилий отдельных личностей для достижения этой вожделенной цели пропадало даром. У многих из них при первых попытках опускались руки». Где же причина этого явления? Эту причину Заичневский усматривает в русской политике по отношению к полякам, возбудившей в последних ненависть ко всему русскому, почва для которой хорошо подготовлена проповедью католического духовенства.

---

[71] В. П. Алексеев относит убийство пяти демонстрантов па 13 февраля, а не на 15-е. Явная ошибка. 13 февраля в Варшаве также была демонстрация, но она обошлась благополучно; расстрел же был произведен 15 февраля.

«Как ни руссифицировали поляка... но в нем так много остается особенного, своеобразного, национального, что он все-таки остается поляком». Притеснения со стороны русской администрации, в которой поляки видят представительницу русского народа, развивают в них национальную исключительность и порождают недоверие ко всему русскому народу. От этого недоверия одинаково страдают и интересы русского народа, для которого поляки могли бы явиться естественными союзниками, и интересы поляков, которые могли бы найти для себя могучую поддержку в русском народе. «Поляки, поставивши себя особняком, не возбуждают к себе и своей судьбе той симпатии, которой они заслуживают в глазах всякого образованного и сколько-нибудь развитого человека, теряют случай приобрести себе естественных и ближайших союзников для своих национальных целей». Поляки должны понять, что среди русских студентов, протягивающих им руку и стыдящихся за свое правительство, нет врагов Польши. Они должны понять, что их обособленность вредна для их собственного развития: «как отдельные личности, так и нации не могут развиваться нормально особняком, без сближения с другими» [72].

Варшавская демонстрация 15 февраля, послужившая Заичневскому поводом для составления этой записки, дала ему возможность сделать решительный шаг для сближения с московскими студентами-поляками. 17 марта студенты-поляки устроили во французской католической церкви в Москве мессу по пяти убитым во время варшавской демонстрации. На мессу собралось около 200 студентов, поляков и русских. Среди них был и Заичневский; он решил воспользоваться этим случаем, чтобы еще раз предложить союз полякам. Одна современница, знавшая Заичневского, со слов лиц, бывших в церкви, так рассказывает об этом:

«Петр Григорьевич дождался окончания мессы, вошел на возвышение и своим могучим голосом стал говорить о том, что поляки совершенно напрасно относятся враждебно к русскому народу, который сам жестоко страдает от произвола и гнета правительства, что у них, поляков, так

---

[72] Политические процессы 60-х гг., стр. 154.

же, как и у русских, общие враги — это русские администраторы. Лучшие силы России понимают это, сочувствуют их освободительному движению и рады оказать им посильную помощь. С свойственным ему красноречием и жаром, П. Г. призывал поляков соединиться с русскими революционерами и идти вместе против их общего врага» [73].

Сам Заичневский при допросе во время следствия так говорил об этом эпизоде:

«Речь произнесена была по случаю происшедшей манифестации в Варшаве, окончившейся вследствие насильственного вмешательства русских войск. Составлена была мною и заключала в себе выражение сочувствия к идее, руководившей и в настоящее время руководящей поляков. Я сказал в ней еще, что наступило время доказать всем, что правительство и образованное и развитое меньшинство различно, что это последнее сочувствует самостоятельности Польши, первое же против нее. По просьбе окружающих лиц я написал ее на бумаге и передавал желающим,— кому же именно, этого я не знаю» [73а].

К сожалению, до нас не дошло списков речи Заичневского, и точное ее содержание остается до сих пор нам неизвестным. Однако сохранился один документ, содержащий в себе любопытные сведения об этой речи. Это — письмо, написанное 3 апреля 1861 г. проживавшим в Москве зарайским дворянином Д. Б. Похвисневым и найденное при обыске, произведенном в г. Зарайске у местного городового врача Персианинова. В этом письме мы, между прочим, читаем следующее:

---

[73] А. М[ожарова]. Воспоминания о П. Г. Заичневском. Сб. «О минувшем», СПб., 1909, стр. 180. Воспоминания эти содержат в себе ряд фактических неправильностей. В приведенной нами выдержке не соответствует действительности указание на то, что Заичневский говорил речь с «возвышения» в церкви. В действительности, речь Заичневского была произнесена при выходе из церкви, с ее крыльца. Рассказав о речи Заичневского, А. М[ожарова] добавляет: «Его тут же в костеле арестовали». Ошибка А. М[ожаровой] объясняется тем, что она познакомилась с Заичневским уже после того, как он был арестован, и тем, что ее, в ту пору молоденькую девушку, личность Заичневского интересовала гораздо больше, чем его революционная деятельность.

[73а] М. К. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг., стр. 21.

«Посылаю тебе речь студента Заичневского, которую он произнес при панихиде об убитых поляках в 1831 году; вот она:

„Есть в Европе событие, близко подходящее к нашему собранию. Это — смерть Годефруа Кавеньяка. Изгнанный из Франции, вдали от отечества, он все шел к одной цели. На похоронах его все партии примирились, подали друг другу руки. Результатом — 1848. Смерть благородных польских мучеников не должна быть забыта. Мы должны на похоронах подать друг другу руки, идти к одной цели. Враг у нас один; наше знамя должно быть одно: будет ли это красное знамя социализма или черное пролетариата. Подадим же друг другу руки, польские братья, и пусть первый клич, произнесенный нами, будет: да здравствует социальная Польша!“.

С ним ничего не сделало пока наше милое правительство, хотя речь его была произнесена публично при стечении 200 студентов с разных факультетов» [74].

Можно весьма сомневаться относительно точности передачи Похвисневым содержания речи Заичневского. Вряд ли сам Похвиснев присутствовал при ее произнесении. Это видно из того, что действительная причина мессы осталась ему неизвестной. Как мы знаем, месса совершалась по полякам, убитым 15 февраля 1861 г., а не погибшим в 1831 г., как пишет Похвиснев.

Однако сопоставление письма Похвиснева с другими приведенными нами выше материалами дает возможность довольно точно представить себе содержание речи Заичневского. Несомненно, что смысл ее сводился к призыву объединить усилия для совместной борьбы. Несомненно, что это объединение мыслилось Заичневским во имя социальной революции. Несомненно также, что Заичневский упоминал о «красном знамени социализма» и о «черном знамени пролетариата». Это видно из дошедшего до нас ответа поляков на речь Заичневского, написанного, по свидетельству имеющейся на нем даты, в тот же день, когда была произнесена речь Заичневского [75].

---

[74] Письмо Похвиснева см. Б. П. Козьмин. Материалы по истории революционного движения 60-х годов. «Историко-революционный бюллетень», 1922, № 1, стр. 23.

[75] Ответ поляков на речь Заичневского опубликован полностью в сб. «Политические процессы 60-х гг.», стр. 143—145.

Протянутая Заичневским «польским братьям» рука повисла в воздухе, не принятая теми, кому она была доверчиво протянута [76].

«Нас разъединила историческая жизнь многих веков; нельзя же в одну минуту изгладить следы ее,— писали поляки. — Несчастия и обманутые надежды научили нас не быть слишком доверчивыми... Русское правительство мы ненавидим, всякому либеральному движению россиян сочувствуем, поскольку они не разделяют завоевательных стремлений своего правительства, о народе русском ничего сказать не можем, он не высказался, и мы его не знаем».

«Вы приглашаете нас стать с вами под одно знамя. Да где же у нас знамя общее?» — спрашивали далее поляки и категорически отвечали, что ни под «красное знамя социализма», ни под «черное знамя пролетариата» они не станут». По нашему мнению,— поучали Заичневского поляки, — время социализма для нас еще не настало, так как ни у вас, ни у нас нет пролетариата, который бы представлял разумную основу и оправдание его существованию. По нашему мнению, социализм для вас роскошь, чуть ли не излишняя, а для нас просто непозволительная» [77].

Не во имя социализма и пролетариата, а лишь во имя самостоятельности и независимости Польши готовы авторы ответа пойти на совместную работу с русскими рево-

---

[76] Сохранилось еще одно сообщение о речи Заичневского. Инспектор студентов Московского университета П. Д. Шестаков в своих воспоминаниях о студенческих волнениях 1861 г. в Москве (Студенческие волнения в Москве 1861 г. Из воспоминаний П. Д. Шестакова. «Русская старина», 1888, № 10, стр. 210), между прочим, пишет:

«По окончании панихиды на паперти католического костела русский студент З-кий, сын сельского священника, недалекий, но весьма порывистый молодой человек, водивший большую дружбу с поляками и возбужденный ими, имел безрассудство держать горячую речь на тему, что русские и поляки — братья, что им следует идти рука об руку против общего врага. Речь до того была глупа, что даже поляки слушали, слушали, назвали его „лайдак", плюнули и ушли. На другой день З., несмотря на свою недальнозоркость, сознался, что сделал непростительную глупость, что друзья-приятели подвели его и над ним же посмеялись». В этом сообщении заслуживает внимания исключительно лишь указание на отрицательное отношение поляков к речи Заичневского.

[77] Политические процессы 60-х гг., стр. 145.

люционерами. «Свобода и независимость нашего народа — вот единственный лозунг наш. Иного мы и знать не хотим, иначе мы изменили бы первому. Никакая социальная теория не может нас соединить в одно. Нас не соединит и родство племенное... Исторические события давно заставили нас позабыть о нем... Мы можем подать руку, но не иначе как только во имя нашей самостоятельности, поскольку вы признаете требование наше справедливым. Свободная и независимая Польша будет вернейшей опорой для свободного движения в соседней России».

«Враг у нас один, общий», — соглашались с Заичневским поляки, но при этом добавляли: «отношения наши к нему различны». «Для вас он родной, — он вырос и укоренился на вашей же почве. Он подавил, правда, вашу свободу, но доставил вам внешнее величие, расширил пределы преобладания народности вашей. Для нас он чужд совершенно и отнял у нас все. При уступках с его стороны вы можете помириться, на это несколько указывают и факты. Для нас с ним нет исходной точки примирения. Русское правительство в Польше — аномалия, которая объясняется только невозможностью от него избавиться в данную минуту» [78].

Этот ответ поляков на речь Заичневского, ответ, полный недоверия, составленный в тоне поучения, проникнутый высокомерием, доказывает в полной мере, что Заичневский и авторы ответа говорили на разных языках и не могли понять друг друга. Польскому шляхтичу, вступившему на революционный путь только ради независимости и самостоятельности Речи Посполитой, было не по дороге с русским социалистом Заичневским, мечтавшим о социальной революции, сметающей границы государств и превращающей народы из врагов в братьев. Заичневский, хотя и признавал право Польши на отделение от России, но вместе с тем был убежден, что национальная исключительность вредна для интересов всякой нации, ибо нация может развиваться нормально лишь при условии сближения с другими нациями. Националисты-поляки мечтали о том, что по отделении Польши от России поляки и русские «пойдут дальше, всяк своей дорогой, по пути развития тех начал, которые провидение положило

---

[78] Политические процессы 60-х гг., стр. 145.

в основу всякой народности». Вот почему все попытки Заичневского сблизиться с поляками, дабы рука об руку бороться против *общего врага,* под *одним знаменем, за одни и те же идеалы,* роковым образом были осуждены оставаться бесплодными. Знамя социализма и пролетариата только отпугивало польских националистов от Заичневского и его товарищей.

Однако и среди поляков было левое течение. Сблизиться с ним Заичневскому было гораздо легче, чем с зараженным узким национализмом большинством. К сожалению, отношения между Заичневским и этой частью польских революционеров нам совершенно неизвестны. Несомненно, однако, то, что какая-то связь между ними была. В этом отношении очень любопытно указание, которое мы находим в воспоминаниях А. Н. Можаровой. Заичневского, когда он находится уже в заключении, иногда посещали «важные польки и седые поляки». Чтобы не мешать им, другие посетители Заичневского уходили на это время в камеру к Аргиропуло [79].

Как относился Заичневский к польскому восстанию 1863 года? Никаких определенных сведений на этот счет у нас не имеется. Однако зная, что Заичневский признавал право поляков на отделение от России, мы можем предположить, что отношение его к восстанию было вполне сочувственным.

Если мы не имеем сведений об отношении самого Заичневского к польскому восстанию, то относительно его товарищей по процессу, принимавших, как мы увидим ниже, участие в составлении и распространении «Молодой России», — Новикова, Гольц-Миллера и Сулина, мы имеем чрезвычайно характерный отзыв смотрителя смирительного дома, в котором они отбывали в 1863 г. наложенное на них наказание: «они желают полной свободы полякам бывшего Герцогства Варшавского и извиняют их восстание, даже зверские поступки по отношению к соплеменникам, законным чувством патриотизма их» [80].

---

[79] А. М[ожарова]. Воспоминания о Заичневском. Сб. «О минушем», 1909, стр. 182.

[80] Б. Козьмин. Материалы по истории революционного движения 60-х годов. «Историко-революционный бюллетень», 1922, № 1, стр. 21—22.

Думаем, что этот отзыв в полной мере можно приложить и к П. Г. Заичневскому, который во время польского восстания 1863 г. находился уже на пути в каторгу и на каторге.

* * *

Приближалась весна 1861 года. Членам кружка, уроженцам не Москвы, а других местностей, предстояло разъехаться на летние вакации из Москвы. Перед кружком стал вопрос: как использовать лето?

К этому времени политическая обстановка изменилась. Отмена крепостного права в той форме, в которой она осуществилась, не удовлетворила ни крестьянство, ни революционно настроенную интеллигенцию.

Освобожденные крестьяне ответили на реформу 19 февраля многочисленными и упорными волнениями. Из отчета министра внутренних дел видно, что с апреля по июль 1861 г. произошло 647 крестьянских волнений [81]. Не менее повсеместный характер носил отказ крестьян от подписания уставных грамот. Крестьяне уклонялись от урегулирования своих отношений к помещикам, выжидая, что на место объявленной «панской» воли, выйдет новая «мужицкая» воля. Ожидание ее в представлении крестьян связывалось с 19 февраля 1863 г., сроком, к которому должно было закончиться составление уставных грамот.

Что касается революционной интеллигенции, то ее отношение к реформе 19 февраля вполне определялось оценкой, данной этой реформе Огаревым:

«Старое крепостное право заменено новым.

Вообще крепостное право не отменено.

Народ царем обманут!» [82].

Положение 19 февраля окончательно убедило революционную интеллигенцию, что радикального разрешения крестьянского вопроса от правительства ждать не приходится. Только революция может дать крестьянам землю и волю. Крестьянские же волнения убеждали в том, что ждать этой революции осталось недолго. Если крестьяне с днем 19 февраля 1863 г. связывали объявление «на-

---

[81] А. И. Герцен. Соч., т. XI, стр. 110.

[82] Н. П. Огарев. Разбор нового крепостного права. «Колокол», 1861, лл. 101, 103, 104, 105 и 106.

стоящей» воли, то в представлении революционно настроенной интеллигенции, знавшей, что ожидания крестьян будут обмануты, рисовались массовые крестьянские волнения и восстания, сливающиеся весной 1863 г. в победоносную революцию.

Если в рядах революционной интеллигенции не было разногласий по вопросу об отношении к Положению 19 февраля, то разногласия обнаруживались, как только дело касалось учета революционных перспектив и вопроса о задачах, стоящих перед революционными организациями. Эти разногласия обнаружились и в кружке Аргиропуло и Заичневского.

Обсуждая вопрос о своей работе в летние месяцы 1861 г., во время каникул, кружок решил, что его деятельность должна развиваться в том же направлении, в котором она велась ранее: с одной стороны, распространение нелегальной литературы, рассчитанной по своему содержанию на читателя из интеллигенции, с другой стороны, просвещение народных масс. Само собой разумеется, что поездки членов кружка по различным городам и местностям России признано было необходимым использовать и для установления связи с кружками и отдельными представителями радикально настроенной интеллигенции на местах.

Вот, например, член кружка Александр Новиков. Он поехал к родителям в Харьков и захватил с собой большой запас нелегальной литературы. Тут были «Былое и думы», «С того берега», «На новый год» Огарева, сочинения Бюхнера и Фейербаха, стихотворения Шевченко и другие. Одного Фейербаха у него было не меньше 47 экземпляров. Вскоре после приезда в Харьков Новиков пишет Аргиропуло:

«Торговля, как ты можешь заключить из посылаемых тебе 130 р. с., пошла здесь весьма хорошо... Больше всего здесь требований на Бюхнера; если бы я даже привез сюда 100 экземпляров Бюхнера, так и те бы скоро раскупились» [83]. А в начале июня П. Г. Заичневский сообщает Аргиропуло из Орла: «Сюда недавно приехал студент Харьковского университета Зиновьев... и рассказывал, что попечитель, увидя страшное распространение запрещенных

---

83 Политические процессы 60-х гг., стр. 206—208.

сочинений в последнее время в Харькове, поднял всю полицию на ноги и стал разыскивать виновников литографий. При отъезде его из Харькова уже было сделано несколько обысков. Представь себе положение кацапа» («кацапом» звали Новикова его товарищи по кружку) [84].

Одновременно с распространением литературы, Новиков старается установить связь с харьковской радикальной интеллигенцией, в первую очередь с местными студентами. «Здесь есть великолепные люди, — пишет он в цитированном уже нами письме к Аргиропуло. — Я познакомился тут с некоторыми господами, но бывать у них еще не был. Устройство здешней кассы (студенческой. — *Б. К.*) отвратительно. Можешь представить себе только то, что они, по приказанию попечителя, выбрали себе „попечителя кассы" из профессоров. Еженедельных собраний у них не бывает, и они не могут положительно ничего сделать или постановить».

Так же протекала летняя работа и других членов кружка. Понятовский из Кузмищева, Нижегородской губернии, пишет Аргиропуло: «Живу я недурно. Учеников более пятидесяти, и все славные мальчики». Очевидно, Понятовский организовал школу для крестьянских детей. В том же письме он просит прислать ему 10 экземпляров «Былого и дум» [85].

Праотцев из Рязани сообщает тому же Аргиропуло: «Я ожидаю от тебя азбуки (т. е. букварь Смирнова, о котором мы говорили выше. — *Б. К.*); хотя я еще не ездил в деревню, но думаю, что в них нужда будет. Недурно, если бы вместе с азбуками прислал ты и всех возможных лекций, экземпляра по два, „Разбор следствия"» [86]. Несомненно, что под «лекциями» Праотцев разумеет литографированные кружком нелегальные издания, а под «Разбором следствия» — «Разбор книги Корфа».

Николай Заичневский из Орла пишет Аргиропуло: «пришлите мне экземпляров 200 или 250 азбук» [87]. Возможно, что в этом письме под «азбуками» надо понимать не букварь Смирнова, а нелегальную литературу.

---

[84] Письма П. Г. Заичневского к П. Э. Аргиропуло и Н. Г. Заичневскому. «Красный архив», 1922, т. I, стр. 276—277.

[85] См. письмо Понятовского в сб. «Политические процессы 60-х гг.», стр. 199—201.

[86] Письмо Праотцева см. там же, стр. 201—203.

[87] Письмо Н. Заичневского см. там же, стр. 210.

Покровский из Маклеца просит Аргиропуло прислать ему литографии «The Bell» («Колокол») за прошлый год и книжку разбора Корфа и жалуется, что им получен лишь один экземпляр «Что такое государство» Энгельсона. Вместе с этим Покровский пишет: «Бога ради, экземпляров 15 азбуки поскорее и 9 экземпляров „Вступления“ („вступление“ к букварю Смирнова, предназначенное служить руководством для преподавателей. — *Б. К.*). Ученицы без книжек скучают и начинают расходиться. Впрочем, 7 учениц хорошо разбирают слоги уже и даже слова — а ведь всего $2^1/_2$ недели. Это меня радует и занимает»[88]. Очевидно, как и Понятовский в Кузмищеве, Покровский организовал в Маклеце школу для детей.

О том, что делали другие члены кружка, мы сведений не имеем, но полагаем, что и их деятельность протекала приблизительно так же. Сам Аргиропуло оставался в Москве; его удерживало тут возложенное на него кружком создание нелегальной типографии.

В июне Аргиропуло рассчитывал уехать из Москвы. Предполагалось, что к этому времени члены кружка съедутся в Тулу. При допросе в III отделении Аргиропуло по этому поводу говорил: «В начале вакаций, прежде, нежели все разъехались, некоторые из моих знакомых и я предположили съехаться в Тулу для свидания. Поводом к этому было то, что я в начале лета намеревался объехать некоторые из средних губерний России, что, впрочем, не состоялось. Первоначально изъявили желание поехать в Тулу те из моих знакомых, которые предполагали жить в Тульской губернии, а именно — Покровский и Понятовский. Никакой другой цели не было, кроме того, чтобы свидеться»[89]. Совершенно ясно, что Аргиропуло в этом показании многого не договаривал. Покровский и Понятовский проводили лето не в Тульской губернии, а, как мы видели, в других местах. И конечно, не ради только одного свидания собирались они поехать в Тулу; очевидно, что цель съезда состояла в чем-то другом. В чем именно, нам, по состоянию наших материалов, остается неизвестным, но ясно, что предположенный съезд, на который собирались приехать не только названные Аргиропуло — Покровский и Понятовский, но и другие члены их круж-

---

[88] Письма Покровского см. там же, стр. 211—214.
[89] Политические процессы 60-х гг., стр. 203.

ка, стоял в связи с общим планом кружка относительно его летней работы.

Однако поездка Аргиропуло не состоялась. Дело с приобретением типографского станка затянулось, а затем произошел арест Аргиропуло, расстроивший все планы кружка.

До сих пор мы не говорили ни слова о том, как проводил лето 1861 г. и чем занимался в это время П. Г. Заичневский. Как увидим ниже, он школ не устраивал и мальчиков и девочек, как это делали другие члены кружка, не обучал; собираясь в Орел, в родительское имение, он решил заняться там пропагандой среди крестьян. Начавшиеся крестьянские волнения и, в частности, прошумевшее бездненское дело привлекали к себе усиленное внимание Заичневского. Жадно ловил он все слухи о волнениях среди «освобожденных» крестьян: в них он видел залог приближения революции. Вскоре по приезде в Орел он спешит сообщить Аргиропуло:

«Здесь проезжал полковой командир Казанского полка, ходившего на усмирение крестьян в Пензу, и рассказывал, что там взбунтовалось тысяч до тридцати, но которые были разъединены. Над первой толпой, встретившей их и состоявшей, по крайней мере, тысяч из 12, развевалось красное знамя. В день восстания несколько мужиков ехали на телеге и везли красное знамя и говорили собравшемуся народу, чтобы он шел в заранее назначенную деревню. Три раза стреляли, и ни один из них не двинулся с места».

«Вот оно, — добавляет Заичневский, — красное знамя начинает развеваться и у нас и осенять собой толпы собравшихся, хотя и не вооруженных, но все-таки на защиту великого дела социализма — общинного владения землей!!!» [90].

[90] «Красный архив», Письма П. Г. Заичневского к П. Э. Аргиропуло и Н. Г. Заичневскому, т. I, стр. 277. Несомненно, что рассказ Заичневского относится к так называемому Кандеевскому бунту, охватившему три уезда Пензенской губернии и один — Тамбовской, продолжавшемуся около месяца и закончившемуся жестокой расправой с крестьянами. Об этом бунте см. А. М. Дренякин. Сказание о волнении крестьян в Кандеевке в 1861 году («Русская старина», 1885, № 4, стр. 139—161). Его же. О беспорядках в Пензенской губернии. Весна 1861 года. («Русский архив», 1896, № 11, стр. 313—327); А. З. Попельницкий. Первые шаги крестьянской реформы. «Великая реформа», т. V, стр. 203—204.

Следя за крестьянскими волнениями, Заичневский хорошо понимал, что при их разрозненности, при отсутствии у крестьян оружия, при невежестве народа и при его привычке связывать свои надежды на получение земли и воли с царскими манифестами, вспыхивающие то там, то здесь восстания крестьян неизбежно осуждены на неуспех. Указывая на это, Заичневский говорил, что назначение революционной интеллигенции — внести свет в крестьянскую темноту, направить волнующиеся крестьянские массы в города, где имеются большие запасы оружия, стать во главе мужицких бунтов и из разрозненных вспышек превратить их в пожар, долженствующий поглотить старую Россию. Необходимо, чтобы мысль о неизбежности революции скорее проникла в общественное сознание, — говорил Заичневский. С этими мыслями он и отправился в Орел.

* * *

21 мая 1861 г. Заичневский выехал из Москвы. Железной дороги тогда не было, и он ехал на лошадях. Уже в Подольске он наткнулся на случай, показавшийся ему удобным для того, чтобы начать пропаганду среди крестьян. Дело в том, что местный помещик кн. Оболенский созвал выборных от крестьян своих имений, по-видимому, для того, чтобы начать с ними переговоры о составлении уставных грамот. Заичневский решил воспользоваться этим и обратиться к крестьянам с разъяснением и критикой Положения 19 февраля и со словами о воле.

В письме к брату Николаю, оставшемуся в то время в Москве, Заичневский так описывает происходившее.

«В Подольске собрались депутаты (по два от деревни) имений кн. Оболенского, и сам его сиятельство рекомендовал им мировых посредников так: „Прежде я был вашим отцом и благодетелем, теперь — они. Во мне вы прежде находили барина и защитника, теперь это найдете в них“. Как только он окончил, вышел я и стал говорить про волю. Мужики окружили меня и с радостью слушали. Я им говорил о том, что *земля их,* и что если помещики не согласятся, то они *могут принудить их к этому силой,* что все пойдет хорошо, если только они *перестанут надеяться на государя,* давшего им такую гадкую волю, и тут же рассказал им об Антоне Петрове. Один дворовый, стоявший

тут, на вопрос мой, что же он будет делать без земли, отвечал, показывая на руки. Добудем от помещика, ведь я не один, у нас сила»[91].

Для того чтобы иметь более полное представление о том, что Заичневский говорил крестьянам в Подольске, приведем его показания по этому поводу, данные в III отделении[92].

«Признавая, что владеть землей может только община, мир, я проводил это мнение крестьянам. В сущности самого этого мнения лежит и мысль о неповиновении воле государя и причина к восстановлению против помещиков. Никаких советов и наставлений я им не давал, а только при рассказе об Антоне Петрове я им указывал на *безрассудство возмущения без оружия* и говорил, что, как бы ни многочисленна была толпа безоружных, ее всегда разгонят несколько десятков солдат; что для успеха возмущения[93] нужно оружие, а оно — в городах».

Как видно из приведенного нами выше письма к Н. Заичневскому, первый опыт сближения с народом показался Заичневскому весьма удачным и укрепил его решимость продолжать пропаганду. Не охладило его пыла то, что он едва не сделался жертвой доноса со стороны одного из его попутчиков, слышавшего разговор Заичневского с крестьянами и в течение дальнейшего пути много спорившего с Заичневским о крестьянском вопросе.

В письме к Аргиропуло Заичневский так описывает этот инцидент:

«По приезде в Орел один из моих спутников Шеренвальд объявляет, что он считает своею обязанностью донести на меня: во-первых, предводителю дворянства, а во-вторых, ген. Толю, присланному из Петербурга, за то, что я проповедовал в Подольске собравшимся крестьянам о том, что земля их и что они не должны слушаться царя, а что у них есть мир, есть община, которая и должна управлять всем. По всей дороге он спорил со мной о за-

---

[91] Письма П. Г. Заичневского к П. Э. Аргиропуло и Н. Г. Заичневскому. «Красный архив», 1922, т. I, стр. 278—279. Курсив Б. Козьмина.

[92] М. К. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг., стр. 17. Курсив Б. Козьмина.

[93] У Лемке напечатано вместо «возмущения» — «оружия». Очевидно — это или опечатка, или описка самого Заичневского в его показаниях.

конности владения одним лицом землею, о правлении и т. п. Наконец, на вопрос его: — „неужели я подобные мнения стану проводить все это и крестьянам“. На мой ответ, что проведение этих истин я считаю за задачу моей жизни и что проповедовать я их буду не только в деревне, но везде, где только можно, он ничего не сказал. Обо всем этом он хотел составить рапорт, но вскоре уехал в Харьков, и история кончилась ничем» [94].

По приезде в Орел Заичневский продолжал свою пропагандистскую деятельность. Он деятельно распространял привезенную с собой нелегальную литературу. Официальные источники отмечают совпавшее с приездом Заичневского в Орел появление там в значительном количестве литографированных листков «Колокола», которые местная полиция находила даже на улице [95].

Агитатор по натуре, Заичневский не пропускал ни одного казавшегося ему подходящим случая развивать свои революционные идеи. Это он делал и перед крестьянами, и перед помещиками.

В цитированном уже нами письме к Аргиропуло Заичневский рассказывает:

«Случилось несколько скандалов в моих препираниях с помещиками. Один из них остался недоволен Наташей [96] и сказал, что таких типов бездна и что весь Кузнецкий мост переполнен ими. Я вышел из себя и, признаюсь, немного погорячился. Я ему прочел молитву и, наконец, перешел к ругательству и начал представлять ему типы различных женщин, упрекать самих мужчин в необразовании и крайней отсталости мнений. „Впрочем, — добавил я, — и сами-то мужчины каковы?“ Тут я перешел к характеристике дворян и перебрал их поодиночке. Он ничего не

---

[94] Письма П. Г. Заичневского к П. Э. Аргиропуло и Н. Г. Заичневскому. «Красный архив», 1922, т. I, стр. 275. Николай Заичневский в письме к Аргиропуло говорит, что Шеренвальд привел в исполнение свое намерение донесть на П. Г. «Вы знаете историю брата в Подольске, — писал Заичневский, — офицер, который ехал с ним, рассказал губернатору, а тот вызывает в Орел по этому делу отца. Отец, как и следовало ожидать, ужасно трусит за брата и сделался даже болен» (Политические процессы 60-х гг., стр. 209).

[95] ЦГИЛМ, ф. III отд., I эксп., 1861, д. 212, л. 21.

[96] К сожалению, мы не имеем никаких данных для того, чтобы установить, кого Заичневский имеет в виду, называя «Наташей». Очевидно, это какая-то эмансипированная девица, которую оппонент Заичневского сравнил с проституткой с Кузнецкого моста.

возражал, только побледнел. За ужином он обратился ко мне со стаканом шампанского и предложил тост (спросивши прежде у меня) за коммунизм. Я выпил. Тут еще одного черт дернул начать возражения против социализма и сказать, что в 1848 г. социалисты прилагали свои теории к практике и доказали всю несостоятельность их. Я ему начал отвечать теми словами, что «говорить можно о том, что знаешь, а чего сам не знаешь, о том лучше молчать». Рассказав историю 48 года, я перешел к положению крестьян в России и, наконец, воздал хвалу Антону Петрову. Благородное дворянство переглянулось и встало. Ни один не стал возражать. Я, посмотрев на них, захохотал во все горло и ушел. Одним словом, скандалов столько, что и не перечесть. А я еще ничего не говорю о скандалах с маменьками и тетеньками, у которых есть дочки. Молодежь, однако, слушает с восторгом речи об эмансипации женщин» [97].

Свою пропаганду среди крестьян Заичневский описывал в письме к брату. На следующий день по приезде Заичневского в имение к отцу выходила замуж одна крестьянка, и Петра Григорьевича пригласили на свадьбу. «Мужики встретили меня с удовольствием. Я выпил за здоровье новобрачных, за здоровье хозяйки, поднял рюмку за волю и произнес речь. Мужики окружили меня, и когда я кончил, старшие стали обнимать и все наперерыв звать к себе. Целые послеобеда я принужден был переходить из дома в дом, где мужики пили за мое здоровье и мой приезд. Наконец, в заключение спектакля, они сказали, что готовы отдать мне последнюю курицу» [98].

Это была не единственная попытка Заичневского пропагандировать среди крестьян. Позднее, при допросе в следственной комиссии, он сам рассказывал о том, что в некоторых деревнях Орловской губернии ему приходилось говорить с крестьянами «о необходимости выбрать им общинное начало перед личным, так как правительство дозволяет им и то, и другое». «Я ставил своей задачей,— говорил Заичневский следователям,— распространение мнений, составляющих мое убеждение... Я говорил крестьянам о самой идее государя, об идее правительства и сравнивал

---

[97] Письма П. Г. Заичневского к П. Э. Аргиропуло и Н. Г. Заичневскому. «Красный архив», 1922, т. I, стр. 276.
[98] Там же, стр. 279.

настоящее правительство с тем, которое произошло бы при общинном порядке. Я указывал на несвоевременность настоящего экономического и политического быта и, как осуществление лучшего устройства, указывал на приложение социальных идей» [99]

В общем, Заичневский был очень доволен своими беседами с крестьянами. «У них у всех господствует полная уверенность, что земля их»,— так он резюмировал свои впечатления от этих бесед в письме к Аргиропуло» [100].

В письмах к своему брату Николаю, оставшемуся в Москве, и к Аргиропуло он подробно рассказывает о своей пропагандистской деятельности. Приехавший вскоре в Орловскую губернию Николай Заичневский пытался утихомирить Петра Григорьевича, но из его попыток ничего не выходило. Тогда Николай Заичневский решил апеллировать к авторитету Аргиропуло. 13 июня он написал последнему:

«Отец, как и следовало ожидать, ужасно трусил за брата и сделался даже болен. Несмотря на это, брат в деревне продолжает уверять мужиков, что земля их. После этого вы можете представить, сколько беспокойств причинил здесь мирным жителям приезд брата. Пожалуйста, напишите, т. е. посоветуйте брату, пожалуйста, обращаться с мирными жителями Орловской губернии с большим тактом» [101].

Аргиропуло исполнил просьбу Николая Заичневского и 25 июня написал письмо его брату. К сожалению, это письмо не дошло до нас. Однако из сохранившегося ответа на него П. Г. Заичневского и из показаний Аргиропуло в III отделении мы можем составить себе приблизительное представление о содержании его письма.

Аргиропуло советовал Заичневскому быть осторожнее. Он говорил, что Заичневский «не имеет права бунтовать крестьян, так как это поведет к их гибели только, а не к улучшению их быта». «Проповедовать — не значит бунтовать»,— писал Аргиропуло.

Письмо Аргиропуло вызвало горячую отповедь со стороны Заичневского. Заичневский писал:

---

[99] М. К. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг., стр. 20.

[100] Письма П. Г. Заичневского к П. Э. Аргиропуло и Н. Г. Заичневскому. «Красный архив», 1922, т. I, стр. 277.

[101] Политические процессы 60-х гг., стр. 209.

«„Ora è sempre!“ — девиз Мадзини и всей „Юной Италии“, «Ora è sempre!» не должен ли быть и нашим девизом? Мы, социалисты,... не обязаны ли везде и всегда проводить те идеи, которые и в настоящее время составляют достояние весьма, весьма немногих людей. Ты говоришь, Грек, что мы „обязаны проповедовать...“, а я прибавляю, что мы обязаны везде и всегда — и перед дворянами в клубах, на дому у них, и перед мужиками, и вообще везде, где есть общество (не тайное, а обыкновенное). Я не стану спорить наедине с человеком, которого я не уважаю, но когда кто-нибудь начинает возражать против истин, составляющих мое достояние, при собрании нескольких зрителей, то я начну спорить, потому что знаю, что эти-то посторонние зрители симпатизируют ему, что они считают свое мнение непогрешительным, а на прочих людей, увлекающихся различными теориями, смотрят как на погибших и ослепленных. Пора! Настало время показать этим господам, что истина не на их стороне, что скоро, скоро рухнет окончательно (строй), к которому они принадлежат. Они чувствуют это хорошо сами, но как умирающим христианам (в особенности первых веков) грезились страшные картины ада, так им теперь в тумане является новая жизнь, основания которой мало-помалу выясняются, и жутко им становится и за себя, и за детей. воспитанных в их вере. Некоторые колеблются и хочется им пристать к товарищам, да и понять-то всего не могут, да и не знают многого, а тут как пудовые гири тянут их прежние убеждения. Как же перед этими людьми не говорить, как же перед ними спускать (sic!) представителям старины, закоснелым собственникам и семьянинам.

„...Проповедовать — не значит бунтовать“. Это весьма верно, но в отношении к каким проповедям? Ученым. Когда, например, в университете профессор политической экономии Ив. К. Бабст проповедует с кафедры достоверность закона Мальтуса, а Пер. Эм. Аргиропуло, встретясь с одим из слушателей этого достопочтенного джентельмена, начинает проповедовать о всей безнравственности, противоестественности сего закона, то на это не нужно возмущаться, но представим 1848 год. Л. Блан с кафедры Люксембург (sic!) проповедует необходимость ограничения конкуренции...».

На этом обрывается дошедшая до нас часть ответа Заичневского Аргиропуло [102]. Но нетрудно представить себе, как относится его автор к «проповедующим» социалистам типа Луи Блана.

Мы привели сохранившуюся часть письма Заичневского целиком не только потому, что она чрезвычайно характерна для его автора и прекрасно рисует нам как политические взгляды, так и необузданный темперамент этого 18-летнего революционера, но и потому, что оно раскрывает нам глубокое несходство между Заичневским и Аргиропуло.

О разногласиях, разделявших их, подробно говорит в своих воспоминаниях А. Н. Можарова, посещавшая Аргиропуло и Заичневского в 1861—1862 гг., во время заключения их в Тверском частном доме.

«Аргиропуло,— рассказывает она,— радовался вместе с нами только что народившейся свободе и, весь проникнутый светлыми надеждами, развивал прекрасные картины дальнейших шагов ее по пути прогресса и гуманности во всей русской жизни».

«А Заичневский рассказывал об экзекуциях, о расстрелах толпы, об арестах крестьян-„бунтовщиков“, о наказании их шпицрутенами и ссылке в каторжную работу. Он читал нам письма из провинции, где крестьяне просили начальство разъяснить им высочайший манифест, написанный непонятным для них языком. А начальство в ответ на их просьбу — перепороло розгами этих любопытных крестьян».

«Петр Григорьевич указывал нам на то, что лучшие люди — министр внутренних дел Ланской и товарищ его Милютин — отстранены от дел будто бы за революционное направление, и реакция уже расцветает и грозит всему светлому, хорошему, прогрессивному...».

«От Аргиропуло мы узнали об отмене телесного наказания и введении суда присяжных [103]. Когда мы поздравили

---

[102] Письма П. Г. Заичневского к П. Э. Аргиропуло и Н. Г. Заичневскому. «Красный архив», 1922, т. I, стр. 277—278.

[103] И так называемая «отмена телесных наказаний», в действительности сводившаяся к некоторому ограничению их применения (указ 17 апреля 1863 г.), и судебная реформа (1864 г.) произошли, когда Заичневский находился уже на каторге. Поэтому приходится предположить, что его слова относились к подготовительным шагам правительства по проведению этих реформ и, в частности,

с новыми реформами Петра Григорьевича, он возмутился нашей радости и долго рассказывал нам о жестоких избиениях студентов в Москве и Петербурге [104], о зверских расправах Муравьева при подавлении польского восстания [105] и т. п. Вообще он крайне недоверчиво и даже злобно относился ко всему, что исходило от правительства, не верил в самые широкие реформы сверху, утверждая, что прочно лишь то, что народ сам возьмет, завоюет себе».

«Аргиропуло в спорах с ним старался доказать, что реформы ведут к ломке существующего порядка, но у Петра Григорьевича всегда были наготове факты».

— «Какие именно реформы? — гремел он,— просветительные? А закрытие Петербургского университета? [106]... Это лишь жалкие слова,— „просветительная реформа",— не имеющие никакого значения без народных школ и университетов. Вы указываете на отмену телесных наказаний? Но еще $1^1/_2$ года назад провозглашены „права свободной личности", а теперь оставлены розги; вероятно, для возвышения чести и нравственности „свободной личности" граждан?.. *Суд присяжных, гласное судопроизводство?* и вы верите в их силу, когда военный суд расстреливает и вешает? Вам известно, что Муравьев делает в Польше. Не забывайте еще, что губернаторы просматривают списки присяжных. Где же свободный суд? И зачем дела политические изъяты из суда присяжных, и вашего покорнейшего слугу скоро отправят изучать нравы моржей и их собратий... И Чернышевского осудили на каторгу лишь по желанию министра юстиции Панина» [107].

Рассказ А. Можаровой, хотя и изобилующий анахронизмами, очень отчетливо выясняет разногласия, существо-

---

к высочайше учрежденным 29 сентября 1861 г. и тогда же опубликованным «основным положениям» судебной реформы.

[104] Избиения эти имели место в связи со столкновениями между студентами и полицией, происходившими в октябре 1861 г. во время студенческих волнений в Петербурге и Москве.

[105] Явный анахронизм: подавление польского восстания и расправы Муравьева-Вешателя происходили уже тогда, когда Заичневский находился уже на каторге. Очевидно, разговор шел не о расправах Муравьева, а о репрессивных мерах, проводимых в Польше русскими администраторами вообще.

[106] Заичневский имел в виду закрытие Петербургского университета в октябре 1861 г. во время студенческих волнений.

[107] А. М[ожарова]. Воспоминания о П. Г. Заичневском. Сб. «О минувшем», 1909, стр. 181.

вавшие между Аргиропуло и Заичневским, и объясняет, почему последний из них с дружеской насмешкой называл первого «легкомысленным идеалистом».

* * *

В то время, когда П. Г. Заичневский вел беседы с орловскими крестьянами и «развивал» орловских девиц, над головой его скоплялись тучи. На него было обращено внимание III отделения.

В Москве в то время одновременно работали, конкурируя подчас друг с другом, два органа, занятых политическим розыском.

Один из них представлялся в лице местного жандармского полковника Воейкова. Как это ни странно, Воейков ничего не знал о кружке Заичневского и Аргиропуло и их деятельности. Характерно, что когда впоследствии следственная комиссия запросила Воейкова относительно речи к полякам, произнесенной Заичневским 17 марта, он ответил, что ему об этом происшествии ничего неизвестно, забыв, что несколько месяцев до того сам сообщил III отделению о выступлении Заичневского, изложив содержание его речи и добавив, что «Заичневский, как замечено, постоянно ходит в красной рубашке и даже является в ней на лекцию» [108].

Гораздо более осведомленным был другой розыскной орган — в лице московского обер-полицмейстера графа Крейца. Как видно из неопубликованных писем Крейца к управляющему III отделением Потапову, хранящихся в архиве III отделения, Крейц был человеком неглупым и сыщиком опытным. Он имел весьма недурно для того времени поставленную агентуру, дававшую ему возможность быть гораздо более осведомленным в московских революционных делах, чем Воейков. Крейцу своевременно было известно о произнесении Заичневским 17 марта речи «в пользу Польши, которую он называл социальной». Об этой речи Заичневского Крейц тогда же докладывал московскому генерал-губернатору. И после этого Крейц продолжал следить за Заичневским. 25 мая он сообщил генерал-губернатору:

---

[108] М. К. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг., стр. 26; ЦГИАМ, ф. III отд., I эксп., 1861, д . 57, л. 41.

«Получено мною сведение, что выехавший на днях отсюда Орловской губернии, Орловского уезда, в имение своего отца помещика Заичневского, студент здешнего университета Петр Григорьев Заичневский намерен распространять мнение в народе, и первее всего в имении своего отца, что вся земля помещиков принадлежит бывшим их крестьянам, вышедшим из крепостной зависимости» [109].

Только что цитированный нами рапорт Крейца заслуживает внимания в двух отношениях.

Во-первых, он подтверждает, что Заичневский, еще находясь в Москве, имел намерение заняться пропагандой среди крестьян и что, таким образом, его разговоры с крестьянами были не случайными эпизодами, а выполнением заранее обдуманного плана.

Во-вторых, из этого рапорта видно, что Крейц имел осведомителя, если и не принадлежавшего к числу членов кружка, то, во всяком случае, стоявшего близко к нему и находившегося в курсе его дел. Ибо только от такого осведомителя мог получить Крейц сведения о намерениях Заичневского.

Рапорт Крейца не имел для Заичневского особых последствий. Дело ограничилось тем, что о намерении Заичневского заняться пропагандой в Орловской губернии московскими властями было сообщено орловскому губернатору.

Что же при таких условиях послужило поводом для начала расследования действий Заичневского и его товарищей? М. К. Лемке предполагал, что внимание III отделения было обращено на них вследствие доноса, в котором на Заичневского и Аргиропуло указывалось, как на людей вредных и опасных. При этом он высказывал догадку, что автором этого доноса был А. Ю. Балашевич, впоследствии известный агент III отделения, работавший за границей и освещавший деятельность польской и русской (Бакунин, Лавров и др.) эмиграции [110].

---

[109] Б. П. Козьмин. Материалы по истории революционного движения 60-х гг. «Историко-революционный бюллетень», 1922, № 1, стр. 23.

[110] М. К. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг., стр. 4.

Нам это предположение Лемке представляется маловероятным. Лемке основывается на письме, посланном 25 мая 1861 г. московским митрополитом Филаретом Александру II. В этом письме Филарет сообщал, что к нему явился неизвестный ему человек, заявивший о своем намерении «открыть ему дело, касающееся до безопасности государства». Неизвестный прочитал Филарету «принесенную им записку, в которой содержится перевод прокламации поляка Мерославского, из Парижа, от 1 дня сего мая, о способах приготовления и начатия восстания в Польше и Литве. При этом он представил означенную прокламацию на польском языке. Кроме сего, он объявил, что в Московском университете литографируются и в большом числе распространяются антирелигиозные и вредные политические сочинения, в доказательство чего и представил четыре литографированные брошюры. Он присовокупил, что то же делается в университетах: Харьковском, Киевском и Казанском». Неизвестный, оказавшийся отставным подпоручиком Балашевичем, просил Филарета довести о всем этом до сведения царя[111].

О том, что студенты Московского университета литографируют и распространяют запрещенные сочинения, Балашевич легко мог узнать, и не имея связей с этими студентами. При широком развитии, которое, как мы видели, имело распространение литографированных сочинений, оно не было тайной; многие москвичи того времени знали о том, что этим делом занимаются студенты. Знала об этом и московская полиция. Не мог ли Балашевич сообщить какие-нибудь факты помимо тех довольно неопределенных сведений, что содержатся в письме Филарета. Думаем, что нет, и вот на основании каких соображений.

В 1859 г. Балашевич проживал в Париже, наблюдая по собственной инициативе за польской эмиграцией и собирая материалы, характеризующие ее деятельность. Когда он вернулся в Россию, нам неизвестно, но известно, что с 28 января по 23 февраля 1861 г. он проживал в Вильно. Таким образом, в Москве он мог появиться никак не ранее конца февраля или начала марта 1861 г., в 20-х же числах мая он явился к Филарету. Как видим, пребывание его

---

[111] Письмо Филарета см. у М. К. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг., стр. 3.

в Москве было непродолжительно, и вряд ли он за время его мог получить более или менее подробные и точные сведения о кружке Аргиропуло и Заичневского. Наоборот, пребывание в Париже и Западном крае давало ему возможность собрать действительно ценные материалы о деятельности польских революционеров. Поэтому-то свой разговор с Филаретом он начал с польских дел, о литографировании в Москве упомянул дополнительно.

Далее. После письма Филарета Балашевич вскоре был вызван в Петербург, а в июне 1861 г. III отделение командировало его в Париж для освещения деятельности эмиграции, главным образом, польской, имевшей свой центр в Париже. Если бы Балашевич имел какие-нибудь сведения о кружке Заичневского и Аргиропуло, он, несомненно, сообщил бы их III отделению в бытность свою в Петербурге. Между тем, можно считать установленным, что в июне 1861 г. III отделение о московском кружке никаких определенных сведений еще не имело. Предположение, что Балашевич на этот раз почему-то промолчал о московском кружке и лишь впоследствии по приезде в Париж в июле счел нужным сообщить о нем III отделению, слишком невероятно. Несомненно, что Балашевич дал правительству ценные сведения, но эти сведения касались польских революционных дел, а не русских; именно поэтому-то он и был командирован в Париж, а не оставлен в России. Таким образом, совершенно очевидно, что предположение Лемке относительно Балашевича должно быть отброшено [112].

Не выдерживает критики и другое предположение М. К. Лемке, что донос на Аргиропуло и Заичневского мог исходить от Николая Костомарова [113], брата Всеволода Костомарова, который привлекался по одному делу с Заичневским и сыграл столь гнусную роль в процессах М. И. Михайлова и Н. Г. Чернышевского.

Имеются указания, что еще в марте 1861 г. Николай Костомаров сообщал московскому обер-полицеймейстеру о существовании общества по распространению всякого

---

[112] Сведения о жизни Балашевича заимствованы нами из статьи Р. М. Кантора «Лавров и А. Ю. Балашевич-Потоцкий», помещенной в сб. «П. Л. Лавров», Пг., 1922, стр. 473—512.

[113] М. К. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг., стр. 4.

рода запрещенных изданий, но полицеймейстер, по-видимому, не обратил на его сообщение особого внимания. Позднее, в августе, т. е. уже после ареста Заичневского и Аргиропуло, Николай Костомаров прислал в III отделение два доноса. Содержание первого из них сводится к предложению услуг; второй же содержит в себе и ряд фактических указаний относительно деятельности Всеволода Костомарова и студента Сороко. О кружке Аргиропуло и Заичневского в доносе Николая Костомарова никаких сведений не приводится. Правда, в списке «имен заговорщиков» Н. Костомаров, между прочим, упоминает о Заичневском и Новикове, но никаких конкретных указаний на их революционную деятельность не дает. При этом, назвав имена Заичневского и Новикова, Н. Костомаров добавляет, что эти лица находятся в Петербурге. Уже одного этого достаточно, чтобы прийти к заключению, что Н. Костомаров лишь где-то и что-то слышал о Заичневском и Новикове, но ничего определенного об их деятельности не знал [114].

Таким образом, никаких оснований предполагать, что арест Заичневского и Аргиропуло был результатом доноса, не имеется. Если же мы вспомним, что через перлюстрацию правительству стали известны письма Заичневского к Аргиропуло, в которых он описывал свою пропагандистскую деятельность в Орловской губернии и из которых революционные убеждения Заичневского были вполне ясны, то убедимся, что у правительства — и без всякого доноса — имелись данные, достаточные для ареста как автора писем, так и адресата.

15 июля состоялось высочайшее повеление об аресте Аргиропуло и Заичневского, и в тот же день прикомандированный к III отделению жандармский подполковник Житков был командирован в Москву. Житкову было предписано вручить в Москве полковнику Воейкову приказ об аресте Аргиропуло, а самому проехать в Орел и арестовать Заичневского. Арест и того и другого должен был последовать в один день. Арестованных надлежало доставить в Петербург в III отделение.

---

[114] Оба доноса Н. Костомарова напечатаны в указанной выше книге М. К. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг., стр. 8—10.

Аргиропуло был арестован в Москве 22 июля. Донося об его аресте III отделению, московский жандармский полковник Воейков писал: «На откровенность Аргиропуло я мало рассчитываю, он при настоящем положении в самое даже первое время не показал себя таким трусом, как были многие его товарищи» [115].

22-го же июля был арестован и П. Г. Заичневский. Немедленно после ареста, как и Аргиропуло, он был отправлен в Петербург. Любопытные сведения о поведении Заичневского после ареста и по дороге в Петербург содержит в себе докладная записка, имеющаяся в деле III отделения:

«Подполковник Житков, доставивший сюда Заичневского, передал, что в разговоре с ним Заичневский был весьма откровенен и показал себя молодым человеком, хотя увлекающимся по своему легкомыслию преступными идеями, но доверчивым и, вообще, правил весьма благородных. Он откровенно говорил ему, что они имеют в виду произвести переворот в России и рассчитывают в этом на содействие всех студентов, которых в России до 8 тысяч, на войско, в котором полагают найти людей, сочувствующих им, достаточно для составления, по крайней мере, трех полков, и на тюремных арестантов; денежные же средства, думает он, могут доставить им раскольники» [116].

Эта же записка III отделения сообщает далее, что Заичневский после ареста спрашивал, арестованы ли Аргиропуло, Новиков и Покровский. Между тем, фамилии двух последних не были еще известны III отделению. Таким образом, благодаря неосторожному вопросу Заичневского, объясняющемуся присущей ему импульсивностью, имена еще двух членов кружка стали известны III отделению. Недаром один из них, Новиков, при аресте заявил, что Заичневский «до сумасшествия либеральных мыслей и весьма неосторожен в словах своих и поступках» [117].

---

[115] ЦГИАМ, ф. III отд., I эксп., 1861, д. 212, л. 23; Донесение полковника Воейкова от 23 июля 1861 г.

[116] То же дело, лл. 30—31.

[117] То же дело, л. 102; донесение жандармского подполковника Джолио от 1 августа 1861 г.

25 июля П. Г. Заичневский был доставлен в Петербург, а на следующий день в III отделении с него уже снимали показания [118].

Для расследования дела о литографировании и печатании в Москве запрещенных сочинений была назначена особая следственная комиссия под председательством чиновника особых поручений при Министерстве внутренних дел Собещанского в составе представителей различных ведомств. 12 сентября в эту комиссию поступил из III отделения материал дознания и все бумаги, отобранные при обысках у привлеченных к следствию, и комиссия открыла свои действия. Сначала комиссия работала в Петербурге, но вскоре переехала в Москву, так как это было найдено целесообразным в видах более тщательного расследования дела.

Заичневский во время следствия держался с большой смелостью и не скрывал своих убеждений. Даже в тех случаях, когда он простым отрицанием мог бы отвести падающие на него обвинения, он не запирался. Его пространные объяснения в III отделении и в следственной комиссии дали обширный материал для обвинения. Не менее, чем для следователей, его показания ценны и для историка, ибо они дают очень много данных и для характеристики личности Заичневского, и для ознакомления с его политическими убеждениями.

Из всех привлеченных наиболее тяжелые обвинения падали на Заичневского. Ему инкриминировалось, кроме участия в литографировании и распространении запрещенных сочинений, публичное произнесение речей «возмутительного содержания»; имелись в виду его речи в Москве к полякам и в Подольске к крестьянам.

Рассказав, как под влиянием произведений Герцена и сочинений западных социалистов развивались в нем социалистические убеждения, Заичневский говорил на допросе:

«Прежде всего я считаю долгом заметить, что я никогда не отделял участи России от Запада и, говоря о необходимости социального переворота, я основывался в большинстве на фактах, представляемых западными публи-

---

[118] Показания П. Г. Заичневского в следственной комиссии и в III отделении напечатаны полностью в книге М. К. Лемке «Политические процессы в России 1860-х гг.», стр. 17—21.

цистами. Положение мне кажется невыносимым потому, что там господствует один только капитал, что тяжелая физическая работа на фабриках, худо оплачиваемая, едва-едва дает средства содержать себя и уничтожает всякую возможность дать хоть какое-нибудь воспитание детям. Женщины, заваленные работой и во время беременности нередко умирающие с голоду; дети, изувеченные и измученные работой с самых ранних лет и едва доживающие до старости,— все это, мне кажется, делает необходимость социального устройства. Где и как могут свободно развиваться способности мальчика или девочки, идущих с ранних лет в поденщину? Правда, и при таком положении иногда гениальные люди находят свою дорогу, но сколько им нужно забот и трудов и разве во всей их жизни не отражается та надломленность характера, которую они получили еще в детстве?» [119].

Не менее несправедливым и тяжелым для трудящихся является и социальный строй России.

«Положения, высочайше утвержденные,— говорил Заичневский,— оставляли в руках помещика более половины земли и образовывали огромный класс людей, не имеющих никакой собственности, постоянно развивая которую, они могли бы добывать себе пропитание. Это класс — дворовые люди, не привыкшие к ручной работе и притом совершенно избалованные. Они готовы трудиться на своей земле, они желают пристать к общине, только была бы у них земля, но ее то положение и не дает. Что же предстоит им, как не голодная смерть или нищенство? И то и другое противоестественно, и то и другое — величайшая несправедливость. Признавая, что владеть землею может только община, мир, я проводил это мнение крестьянам» [120].

Современный строй, основанный на личном землевладении и личном управлении, должен быть, по мнению Заичневского, заменен строем, покоющимся на землевладении и управлении общинном. Такой строй имеет много преимуществ над современным. Эти преимущества Заичневский видел «в зависимости управляющих лиц от своего общества, в их ответственности перед ним». Правитель-

---

[119] М. К. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг., стр. 18—19.

[120] Там же.

ство само признало превосходство общинного начала, установив для крестьян выборность и ответственность должностных лиц перед миром. «Если правительство признало общинное управление лучшим для одних крестьян, то я, признавая его наилучшим из всех для всего общества, развивал только мысль правительства». Однако установление общинного строя невозможно без коренного переустройства всего общества. «По моим понятиям, с вопросом об общине связан вопрос о машинах, наследстве, семье и пр., и введение первого без совершенного преобразования последних невозможно. В этом-то и состоит его жизненность и своевременность, по моему мнению» [121].

Что касается отдельных обвинений, предъявленных к Заичневскому, то он не отрицал их фактической стороны. В частности, он подтвердил факт произнесения речи к крестьянам в Подольске.

«Слыша речь князя Оболенского, я увидел, что он толкует не вполне справедливым образом настоящее положение о крестьянах. По окончании его слов и уходе его с посредниками, я вышел к крестьянам, начав разъяснять им значение посредников, потом же, как сказано в моем письме, я указал на несправедливость налагаемой на них платы за землю, на самую несправедливость личного и потомственного владения землей и, как противоположность этому противоестественному положению, поставил общину.

Только то начальство, продолжал я, может вполне знать нужды народа, которое выбирается из среды его самого и действует по программе, данной им. Подобные же речи о преимуществах общинного владения перед личным мне случалось нередко говорить в Москве в собраниях студентов и различных лиц. Целью моей было при этом желание, чтоб все остальные лица убедились в преимуществе общинного начала и увидели бы противозаконность современного экономического положения... Я ставил себе задачей распространение мнений, составляющих мое убеждение. Высказывать я их всегда высказывал, когда представлялся к тому случай, и потому на вопросы крестьян, делаемые мне, отвечал точно так же, как и в собрании студентов» [122].

---

[121] М. К. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг., стр. 17.

[122] Там же, стр. 17—18, 19.

Признавая таким образом произнесение речи крестьянам, Заичневский в оправдание свое ссылался: 1) на то, что само правительство признало преимущества общинных порядков над личными, и 2) на то, что призыва к возмущению в его словах не было.

Никаких советов и наставлений он крестьянам не давал, а только при рассказе об Антоне Петрове «указывал на безрассудство возмущения без оружия», ибо, как бы ни была многочисленна толпа безоружных, ее всегда разгонят несколько десятков солдат, а также на то, что «для успеха возмущения нужно оружие, а оно — в городах». «Это были,— говорил Заичневский в III отделении,— скорее уроки им из географии, показывающие, в каких местах находятся арсеналы и склады оружия, чем советы и наставления к возмущению».

Следственной комиссии это объяснение показалось мало убедительным, и она поставила Заичневскому вопрос: сознавал ли он, что, говоря об арсеналах и складах оружия, он в сущности призывал крестьян к возмущению.

«Стремления к возмущению крестьян,— ответил Заичневский,— в словах, высказанных мною..., не признаю. Я допускал уже, что возмущение произведено, и указал только на безрассудство возмущения без оружия. Справедливо или несправедливо, разумно или неразумно будет произведенное возмущение, этого вышеприведенными словами не объясняется. Оно принимается, как факт, без критического разбора идеи, легшей в основание его, и указывается только разумный способ ведения его: крестьяне у меня спрашивали, какое им выбрать землевладение при нынешнем устройстве своих дел — личное или общинное. Я им указывал на общинное, как на лучшее, могущее предохранить их от нищеты, потому что земля при этом устройстве не может продаваться отдельным лицам, а составляет достояние всего мира» [123].

О том, что Заичневский сознался в произнесении речи в католической церкви, нам уже пришлось говорить выше. Равным образом, он сознался в намерении распространять в народе по дешевым ценам брошюры через ходебщиков, добавив, что «без сомнения печатание брошюр должно

---

[123] М. К. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг., стр. 19—20.

было происходить в дозволенной правительством типографии». Признал он и приобретение литографского станка, объяснив, что этот станок предназначался для литографирования университетских лекций.

Аргиропуло держался на следствии иначе, чем Заичневский. Он старался по мере возможности отрицать предъявленные к нему обвинения и лишь поставленный в безвыходное положение признавал невыгодные для него факты. Так было в вопросе о приобретении типографского станка через посредство братьев Кистеров [124]. Что касается литографирования запрещенных сочинений, Аргиропуло объяснил, что они литографировались в разрешенных правительством литографиях под видом университетских лекций. Цель литографирования была исключительно финансовая, для вспомоществования бедным студентам. Выбранные для продажи сочинения, по его мнению, не заключали в себе революционных идей и тем самым доказывают, что при распространении их не было в виду какой-либо политической задачи. Кто, кроме него самого, участвовал в распространении этих сочинений, кто эти сочинения у него покупал и от кого он получал для продажи портреты Герцена, Огарева и других революционных деятелей,— на эти вопросы Аргиропуло отказался отвечать, «потому что считает это несогласным со своей совестью» [125].

Другие члены кружка, привлеченные к следствию, также держались на допросах стойко, и, отрицая предъявленные им обвинения, не дали следователям никакого нового материала для обвинения [126].

27 сентября 1861 г. следственная комиссия, закончив производство следствия, представила министру внутренних

---

[124] См. об этом подробности в сб. «Политические процессы 60-х гг.», стр. 203—206.

[125] М. К. Лемке. Политические процессы в России в 1860-х гг., стр. 26—39. Характерное сообщение мы находим в рапорте подполковника Житкова III отделению от 24 августа 1861 г: «Все, оставшиеся не арестованными, уверены, что Заичневский и Аргиропуло их не выдадут, и с энтузиазмом выражаются, что скорее они дадут себя растерзать на части, чем произнесут одно слово, которое могло бы уличить их товарищей» (ЦГИАМ, ф. III отд. I эксп., 1861, д. 212, л. 176).

[126] Мы говорим только о привлеченных к делу членах кружка Аргиропуло и Заичневского; другие привлеченные держались на следствии иначе.

дел Валуеву пространный рапорт с изложением всех обстоятельств дела и со своим заключением [127].

В течение всего времени, пока продолжалось расследование дела, П. Г. Заичневский находился в заключении. Содержался он в Тверском частном доме. Условия заключения, в которых находился он и его товарищи, были весьма мягкими. Важнее всего было то, что к Заичневскому и к Аргиропуло был открыт свободный доступ всем желающим повидаться с ними. В. Н. Линд пишет:

«Как это ни странно представить себе теперь, но место их заключения сделалось настоящим студенческим клубом. Посещать их позволялось, можно сказать, всем и во всякое время; лишь изредка частный пристав говорил кому-нибудь из проходящих: пожалуйста, господа, не собирайтесь слишком большой компанией и не засиживайтесь долго; я, конечно, гляжу на это сквозь пальцы, ну а все-таки может дойти до начальства. Однако, не доходило ли это до начальства или оно тоже смотрело сквозь пальцы, но собрания продолжались. Охранявшие камеры солдаты считали, по-видимому, такой порядок обычным и ничему не препятствовали» [128].

То же самое подтверждает в своих воспоминаниях о Заичневском А. Можарова [129].

А. Н. Можарова, бывшая в то время институткой, через свою подругу по учебному заведению познакомилась с Заичневским на Тверском бульваре, когда он уже был арестован. Дело в том, что, по ее словам, Заичневского время от времени выпускали из Тверской части в сопровождении солдат «в баню», а вместо этого он гулял по городу и проводил время со своими друзьями. А. Можарова и ее подруги неоднократно посещали Заичневского в части. Его маленькая низкая одиночная камера всегда была полна народа: сидели на кровати, на подоконнике, на полу и на столе. Посещала Заичневского главным образом молодежь, но не только одна она. «Не раз мы заставали,— пишет А. Можарова,— в маленькой камере разодетых дам

---

[127] Интересные выдержки из заключения следственной комиссии см. М. К. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг., стр. 40—43.

[128] В. Н. Линд. Воспоминания о моей жизни. «Русская мысль», 1911, № 8, стр. 36.

[129] А. М[ожарова]. Воспоминания о П. Г. Заичневском. Сб. «О минувшем», СПб., 1909, стр. 179, 185—186.

со шлейфами, приезжавших в каретах с ливрейными лакеями послушать Петра Григорьевича, как они сами заявляли. Они привозили ему цветы, фрукты, вино, конфекты». Иногда посетители приносили с собой нелегальную заграничную литературу и прокламации, выходившие в России. Некоторые из них тут же прочитывались вслух. Обычно же время проходило в оживленных спорах. «Иногда П. Г. прочитывал вслух что-нибудь из своих работ. Он имел обыкновение заниматься по ночам: запасался двумя бутылками пива и нередко писал до света, если днем ему мешали посетители. Произведения свои он отправлял за границу, но где они были помещены, я не знаю» [130]. Обычно посетители засиживались у Заичневского часов до 9 вечера, а то и позже.

Позднее, когда дело Заичневского находилось уже в сенате, в начале июня 1862 г. доступ посетителей к Заичневскому был прекращен. Соответствующее распоряжение было вызвано тем, что полицейским властям стало известно о передаче Заичневским посетившей его Н. С. Славутинской «запечатанного конверта с письмами и разными бумагами для сохранения» [131].

* * *

Осенью 1861 года, когда Заичневский и Аргиропуло находились в заключении, в Москве произошли большие студенческие волнения [132].

---

[130] К сожалению, о судьбе этих произведений Заичневского ничего не известно. Во всяком случае, вряд ли они появились в печати.

[131] См. сб. «Политические процессы 60-х гг.», стр. 241—242 и 257. У Славутинской в связи с этим был произведен обыск, оставшийся безрезультатным.

[132] О московских студенческих волнениях 1861 года имеется довольно большая литература: П. Д. Шестаков. Студенческие волнения в Москве в 1861 г. «Русская старина», 1888, т. X и XI; С. Ешевский. Московский университет в 1861 г., в сб. «Сочинения по русской истории». М., 1900; А. А. Титов. Студенческие беспорядки в Московском университете в 1861 г. М., 1905. Е. Гижицкий. Московская университетская «история» 1861 г. «Гражданин», 1876, №№ 32—37, стр. 41—42; В. Н. Линд. Воспоминания о моей жизни. «Русская мысль», 1911, №№ 7 и 8; «Колокол», за 1861 г., №№ 112, 113, 114 и 117 и за 1862 г., № 126 и 129; А. И. Герцен, Соч., т. XI, прим. М. К. Лемке, стр. 328—336; «Политические процессы 60-х гг.», стр. 66 и след.; С. Гессен. К истории студенческих волнений в Москве в 1861 году. «Каторга и ссылка», 1930, № 5. стр. 104—108.

Непосредственным поводом к возникновению этих волнений послужили высочайше утвержденные 18 мая того же года правила. Эти правила делали обязательным посещение студентами лекций, устанавливали надзор за занятиями студентов, запрещали сходки, кассы взаимопомощи и иные проявления корпоративной жизни студенчества и вводили обязательную плату за учение в размере 50-ти рублей в год. Содержание этих правил, известных под названием «путятинских» (по фамилии министра народного просвещения гр. Путятина, призванного проводить их в жизнь), свидетельствовало о резком повороте в отношении правительства к университетским делам. «Путятинские» правила сводили на нет все те уступки, на которые сочло возможным пойти правительство в первые годы царствования Александра II.

Новый правительственный курс, крайне тяжело отразившийся на положении необеспеченной в материальном отношении части студенчества, неизбежно должен был вызвать волнения в его среде. Студенты не могли примириться со строгим выполнением этих правил. Волнения начались с Петербургского университета, где они приняли чрезвычайно резкие формы, в результате чего 24 сентября Петербургский университет был на время закрыт. Что касается Москвы, то с первых же дней открытия осенью 1861 г. занятий в университете в среде студентов обнаружилось недовольство, пока еще не проявлявшееся открыто, новыми порядками. Известие о закрытии университета в Петербурге послужило толчком к началу открытых волнений в Москве. Начались бурные и многолюдные сходки. На них обсуждалось создавшееся положение и вырабатывался адрес царю с просьбой отменить правила 18-го мая.

Составление адреса затягивалось. Между тем, студентам стало известно, что как совет университета, так и попечитель округа решили не принимать студенческого прошения. 11 октября, узнав о приезде в университет попечителя Исакова, студенты толпой явились объясняться с ним. Произошло бурное объяснение, оставшееся безрезультатным: попечитель твердо стоял на своем отказе принять прошения от студентов. В ночь на 12 октября среди студентов были произведены обыски и аресты. Когда об этом узнали собравшиеся на следующий день в университете

студенты, то они толпой пошли к дому генерал-губернатора требовать освобождения арестованных товарищей. Для объяснения с генерал-губернатором отправилось четыре избранных студентами делегата, которые немедленно были арестованы; остальные же студенты, оставшиеся на площади перед домом генерал-губернатора, были окружены войсками и полицией. Тут-то и произошла знаменитая «битва под Дрезденом». Студенты были избиты и арестованы; немногим удалось спастись бегством.

«Битва под Дрезденом» заставила студентов поспешить с подачей адреса царю. Выработка его текста была быстро закончена и вслед за этим избраны три депутата, на которых было возложено отвезти адрес в Петербург и подать его Александру II. Депутатами этими были гр. Е. А. Салиас-де-Турнемир (впоследствии небезызвестный автор исторических романов), П. А. Шипов и А. П. Покровский. Выборы депутатов происходили следующим образом. На квартире одного из студентов собралось около 50 студентов, наиболее активных участников движения. «Сначала они выбрали человек двадцать по жребию, потом из 20 выбрали уже голосованием шестерых, а этим шестерым предоставили выбрать из своей среды троих, то есть предоставили право отказаться». Имена делегатов тщательно скрывались, чтобы администрация не могла воспрепятствовать их поездке [133].

В адресе, который должен был быть вручен царю [134], студенты просили об отмене платы за слушание лекций как меры, которая «заградила бы путь к образованию всем бедным молодым людям», о дозволении иметь правильно организованную кассу, дабы «прямо и открыто помогать бедным собратам», о дозволении избрать из своей среды товарищей, которые были бы посредниками между студентами и университетским начальством во всех возникающих между ними недоразумениях. Изложив эти требования, составители адреса переходили к событиям 12 октября.

«Все общество, вся Москва, государь,— писали они,— могут заявить вам, что в незапамятное утро 12 октября

---

[133] Е. А. Салиас. Семь арестов. «Исторический вестник», 1898, т. 2, стр. 497.

[134] Текст адреса напечатан полностью в № 121 «Колокола», стр. 1009—1010.

форменная одежда студентов навлекла на носящих ее невыносимые, дотоле неслыханные и ничем не вызванные оскорбления. Всюду, на всех улицах студенческий мундир служил уже достаточным поводом, чтобы быть избитым палашем жандарма или раздавленным его лошадью. Государь! Мы прибегаем к вашему справедливому суду. Даруйте нам защиту от оскорбительного и грубого насилия... Обратите милостивое внимание на тех из нас, которые, будучи захвачены перед домом ген[ерал]-губерн[атора] как просители, избитые и потому больные содержатся и судятся теперь как преступники» [135].

Содержание этого адреса вызвало длинное и горячее обсуждение. Принятый студентами текст его явился компромиссом, на котором, в конце концов, сошлись представители различных течений, существовавших в то время среди студенчества [136]. Вряд ли можно сомневаться в том, что мнений членов кружка Аргиропуло и Заичневского он в полной мере не выражал. Они стояли на более радикальной точке зрения, но были вынуждены пойти на уступки большинству студентов, настроенных более умеренно.

В бумагах члена кружка П. В. Лебединского, отобранных у него при аресте его 7 июня 1862 г., был найден, наряду с копией поданного царю адреса, другой проект его. Возможно, что этот проект, очевидно, не встретивший поддержки со стороны большинства московского студенчества и потому забракованный, точнее отражает взгляды членов кружка на студенческий вопрос.

Этот документ до сих пор не был опубликован и потому мы приведем его полностью:

«В настоящее время Россия всего более нуждается в людях, получивших университетское образование. Сами вы, ваше величество, публично признавали это несколько раз. Так, еще недавно читали мы в газетах благодарность, изъявленную вашим величеством г. калужскому губерна-

---

[135] См. «Колокол», 1861 г., № 121, стр. 1010.

[136] 22 октября 1861 г. И. С. Аксаков писал В. И. Ламанскому: «Ко мне сначала ходило много студентов и приносили свои адресы. Но «крайняя» партия не соглашалась ни на один сколько-нибудь приличный адрес и прямо объявила, что она вовсе не имеет цели чего-нибудь достигнуть, а признает полезным для общества самую агитацию. Для того, чтобы иметь поляков на своей стороне, положено было в адресе не употреблять слова: Россия и отечество» (Переписка двух славянофилов. «Русская мысль», 1916, № 12, стр. 105).

тору за замещение всех мест судебных следователей людьми, получившими образование в высших учебных заведениях. Должности мировых посредников, столь важные в настоящее время, могут вполне достигать своей цели только тогда, когда они будут заняты людьми образованными и гуманными. Неужели же какие-нибудь ничтожные беспорядки должны иметь такое влияние, что вследствие их закрываются университеты, отнимается обязательной платой возможность у большинства молодых людей получить университетское образование. В нынешнем году очень много кончивших курс в гимназии не могли поступить в университет, не имея возможности платить 50 рублей за слушание лекций. Русское общество выразило полное несочувствие к этой мере. Сам его императорское высочество государь наследник цесаревич Николай Александрович, как бы протестуя против этой меры, согласился платить каждогодно 50 руб. за четверых бедных студентов Казанского университета.

Поэтому мы всеподданнейше просим ваше величество:

1) Об уничтожении обязательной платы за слушание лекций с бедных студентов.

2) Так как настоящие правила совершенно не соответствуют назначению университета, поэтому и просим:

а) об отменении существующих правил для студентов и о дозволении составить проект новых правил комиссией, которая состояла бы из депутатов от всех факультетов и из депутатов от профессоров;

б) о позволении студентам организовать из себя правильное общество с следующими целями: помогать бедным товарищам, иметь нравственный контроль друг над другом, чтобы безнравственность и порок, нарушающий порядок студенческого общества, преследовались бы самими студентами. Такая правильная организация общества поведет к более правильным отношениям между университетским начальством и студентами и предупредит столь частые столкновения студенческой массы с начальством;

в) студенческое общество — такое же юридическое лицо, как и прочие лица государства, и потому мы также просим о дозволении студентам иметь своих депутатов при следствиях по преступлениям и проступкам, нарушающим общие законы государства.

Всемилостивейший государь!

Все просьбы, здесь изложенные,— законны. Они суть выражение единогласного желания всего студенческого общества. Мы просим не своеволия, а права, не противоречащего существующему государственному порядку, а напротив, того, что может поддержать этот порядок, того, что может возвысить университет, того, что будет постоянно поддерживать нравственный дух студентов и что, наконец, будет способствовать нашему образованию» [137].

Как видим, содержание этого проекта было гораздо более радикальным, чем содержание окончательно принятого адреса. Составители его, не довольствуясь отменой «путятинских правил», идут гораздо дальше. Они требуют признания студенчества корпорацией, обладающей правами юридического лица и через своих представителей участвующей в установлении порядков университетской жизни.

Бросается в глаза и то, что ни по форме, ни по своему тону этот проект совершенно не похож на «всеподданнейшие прошения и адреса».

Конечно, такой проект адреса не мог собрать большинства голосов среди московского студенчества, в массе своей настроенного не так радикально, как кружок Аргиропуло и Заичневского. Поэтому этот проект принят не был, и депутаты студентов повезли в Петербург другой, более умеренный и почтительный адрес.

Поездка депутатов в Петербург была обставлена с большой конспирацией. Время их отъезда не было никому известно. Ехали они, хотя и с одним поездом, но в вагонах разных классов. Покровский, всегда носивший большую рыжую бороду, сбрил ее, что изменило его физиономию до неузнаваемости. По прибытии в Петербург депутаты остановились на разных квартирах, по знакомым, избегая гостиниц [138].

24 октября депутаты были в Царском Селе и явились во дворец. Привезенный ими адрес был принят дежурным флигель-адъютантом, который обещал доложить его царю. Никаких результатов этот адрес не имел.

---

[137] ЦГИАМ, ф. Высочайше учрежд. следств. комиссии, 1862, д. 18 о П. Лебединском, лл. 18—19.

[138] См. Е. А. Салиас. Семь арестов. «Исторический вестник», т. 2, стр. 497—498.

28 октября 1861 г. министр народного просвещения гр. Путятин, сообщая попечителю московского учебного округа о подаче студентами государю адреса, писал:

«Не желая видеть в настоящем поступке студентов умышленного нарушения закона и относя это действие к легкомыслию и увлечению вследствие молодости, я предлагаю вашему превосходительству объявить студентам графу Салиасу, Покровскому и Шипову, что им на сей раз извиняется этот проступок с предостережением, что в случае повторения оного они подвергнутся ответственности по законам» [139].

Во время студенческих волнений Аргиропуло и Заичневский были уже под арестом и находились в Петербурге, ввиду чего принимать участия в движении не могли. Если же В. Н. Линд и говорит, что Аргиропуло во время волнений оказывал большое влияние на студентов [140], так как сношения с ним происходили беспрепятственно, то это приходится отнести не к октябрьским событиям, а к более позднему времени: Аргиропуло и Заичневский были перевезены из Петербурга в Москву в первых числах ноября. Что же касается оставшихся на свободе членов кружка, то они принимали деятельное участие в студенческих волнениях.

Как мы видели, среди трех делегатов, избранных для поездки в Петербург, один, А. П. Покровский, был видным членом кружка, а два других, если и не принадлежали к членам кружка, в точном смысле слова, то несомненно были близки к этому кружку.

В. С. Праотцев, деятельный член кружка, по свидетельству Гижицкого, являлся инициатором хождения к генерал-губернатору 12 октября [141]. Когда же началось

---

[139] Архив МГУ, ф. Инспектора студентов Московского университета, 1861, д. 71, л. 97.

[140] В. Н. Линд. Воспоминания о моей жизни. «Русская мысль», 1911, № 8, стр. 36.

[141] По словам Гижицкого (Московская университетская «история» 1861 г., «Гражданин», 1876, № 36—37, стр. 924), дело происходило так. Утром 12 октября в университет явился чиновник от генерал-губернатора и пригласил Гижицкого, бывшего лично знакомым с генерал-губернатором, к последнему для объяснений по поводу волнений в университете. Присутствовавший при этом Праотцев заявил, что к генерал-губернатору должны идти все собравшиеся в университете студенты, а не один Гижицкий, и вслед за этим обратился с соответствующим призывом к студентам. Правда,

избиение студентов, он вбежал в приемную генерал-губернатора, крича: «Это что такое, ваше превосходительство! Режут!.. На что же это похоже!.. Прикажите вашим остановиться...». Праотцев вместе с тремя другими студентами, объяснявшимися с генерал-губернатором, был немедленно арестован, а впоследствии, по высочайшему повелению от 6 февраля 1862 г., выслан в Олонецкую губернию под строгий надзор полиции с запрещением службы в учебных заведениях (Праотцев, как мы упоминали выше, был по профессии учителем).

Упомянутый нами А. П. Покровский и другой член кружка И. В. Понятовский были избраны кассирами устроенной студентами после 12 октября кассы для вспомоществования арестованным товарищам [142].

Член кружка Н. С. Славутинский также участвовал в волнениях и был арестован. Высочайшее повеление от 6 февраля 1862 г. по отношению к нему гласило: «сделать строгое внушение и дозволить слушать лекции с предварением, что он исключается из университета, если не будет в точности соблюдать правила, установленные для внутреннего порядка в университете» [143].

Брат П. Г. Заичневского, Николай, также участник кружка, был одним из 23 «дворян, слушающих лекции в императорском Московском университете», подавших московскому губернскому предводителю дворянства докладную записку о событиях 12 октября с просьбой «повергнуть на рассмотрение государя императора противозаконные поступки полиции». Из этой докладной записки видно, что Н. Заичневский, как и другие подписавшие записку студенты, сам был в числе потерпевших 12 октября [144].

Вероятно, и другие члены кружка Аргиропуло и Заичневского участвовали активно в университетских событиях; пострадавший в связи с этими волнениями

Гижицкий не называет фамилии Праотцева, а говорит о студенте П-ве, но из текста его сообщения с несомненностью видно, что этот П-в — Праотцев.

[142] Политические процессы 60-х гг., стр. 105.

[143] Высочайшее повеление 6 февраля напечатано в № 137 «Колокола».

[144] Записка эта цитируется нами по копии, находящейся в ф. Особ. канцелярии мин. внутр. дел, 1861, д. 81 «О беспорядках, произведенных студентами Московского университета», д. 4.

И. И. Кельсиев в своих показаниях упоминает в качестве их деятельных участников, кроме названных нами членов кружка, Понятовского и Новикова [145]. Таким образом, члены кружка Аргиропуло и Заичневского принимали самое деятельное участие в студенческом движении 1861 г. Мало этого, как мы сейчас убедимся, даже позднее, когда студенческая масса отстала от движения, кружок старался поднять ее активность.

Для расследования студенческих волнений и степени участия в них отдельных арестованных студентов была учреждена особая следственная комиссия, работы которой затянулись. Лишь 6 февраля воспоследовало упоминавшееся нами высочайшее повеление, решавшее участь арестованных. До этого же несколько студентов продолжали оставаться в заключении в различных полицейских участках Москвы, другим же грозило исключение из университета. Конечно, их судьба не могла не волновать оставшихся на свободе их товарищей. Как мы упоминали, для материальной поддержки заключенных студентами была создана особая касса. Однако с течением времени, по мере того, как университетская жизнь начинала входить в нормальную колею, студенчество стало относиться более индифферентно к заключенным товарищам.

Уже 12 ноября в письме к одной своей знакомой П. А. Шипов со скорбью отмечал, что все его усилия поддержать прежнее настроение студенческой массы остаются безрезультатными. «Наши барашки смиренно пережевывают свою жвачку... Недавно я просто взбешен был таким хладнокровием; мне гадко становилось смотреть на этих людей, так спокойно жертвующих своими товарищами, ничего не выигрывая этими жертвами» [146]. В бумагах, найденных во время обыска у того же Шипова, был обнаружен текст речи, которую Шипов собирался произнести перед студентами своего курса. В этой речи он жалуется на то, что те студенты, которые раньше принимали участие в движении, «теперь пресмирно сидят на лекциях и знать не хотят, что сделали с теми из них, которые... горячо приняли к сердцу все дело». «Дело студентов осмеяно и испорчено вами самими,— собирался говорить своим товарищам Шипов.— Всякий, кто желает добра универси-

[145] Политические процессы 60-х гг., стр. 68.
[146] Там же, стр. 73—74.

тету, кто желает успеха делу, пусть подумает о моих словах и не прячется в равнодушную ко всему толпу»[147].

Равнодушным осталось студенчество в его массе и тогда, когда стало известно высочайшее повеление 6 февраля, решавшее участь студентов, участвовавших в волнениях. В силу этого «повеления» около 40 студентов было исключено из университета, а несколько человек, в том числе, как мы уже говорили, член кружка Праотцев, сослано в отдаленные губернии.

Конечно, члены кружка Аргиропуло и Заичневский иначе отнеслись к этому событию. Их особенно волновал вопрос о причинах индифферентизма, проявленного студенчеством, и о мерах, какими можно было бы поднять настроение студенчества. Очень интересные в этом отношении данные сообщает в своих воспоминаниях В. Н. Линд, к этому времени сошедшийся близко с членами кружка Аргиропуло и Заичневского. Он рассказывает:

«Обсуждая положение вещей, кружок Аргиропуло пришел к тому заключению, что студенчество недостаточно организованно и мало имеет связи с обществом. Чтобы достичь того и другого, предложено было устроить нечто вроде студенческого клуба, совершенно неофициального, в котором можно бы было собираться, беседовать об общеинтересных вопросах и куда можно было приглашать по рекомендации членов и посторонних людей, нестудентов. Первый опыт решено было сделать в маленьких размерах. Я предложил помещение в гостинице, где я жил: там было две больших комнаты и на знакомого мне хозяина можно было положиться, что он не донесет полиции о наших собраниях. В первый раз собралось человек около сорока; установили правила для клуба и выбрали трех старшин: Покровского, Понятовского и меня»[148].

На первом собрании был поднят вопрос: как надлежит реагировать на решение участи студентов. Предложено было в виде протеста против исключения товарищей выходить из университета. Это предложение, за которое особенно настойчиво высказался Понятовский, вызвало сильные возражения со стороны других членов кружка. В числе возражавших были А. Покровский и Линд. Они

---

[147] Политические процессы 60-х гг., стр. 82—85.

[148] В. Н. Линд. Воспоминания о моей жизни. «Русская мысль», 1911, № 8, стр. 38—39.

ссылались при этом на нецелесообразность выхода из университета в политическом отношении, указывая, что выходом наиболее радикальных и наиболее энергических людей естественно ослаблялось политическое движение в университете и понижался политический уровень всего студенчества, а также на то, что при небольшом числе выходящих из университета,— а на большое нельзя было рассчитывать,— протест не может иметь серьезного значения ни для университета, ни для публики. Возражавшим удалось на несколько дней отложить окончательное решение, но было постановлено, что каково бы оно ни было, меньшинство должно будет подчиниться большинству.

Обсуждение вопроса о выходе из университета продолжалось. Сторонники его указывали на то значение, какое предложенная ими мера может иметь для пропаганды революционных идей. «Суть дела,—пишет Линд,—состояла в том, что вышедшие, объединенные своими убеждениями, будут вести политическую пропаганду на местах своего жительства: это было одно из первых проявлений столь развившегося впоследствии хождения в народ».

Несомненно, таким образом, что проект Понятовского и его товарищей был откликом на известный призыв Герцена. В статье «Исполин просыпается!», написанной по поводу закрытия Петербургского университета после волнений, происшедших в нем в 1861 г., Герцен писал:

— «Ну, куда же вам деться, юноши, от которых заперли науку...? Сказать вам, куда?

Прислушайтесь, благо тьма не мешает слушать: со всех сторон огромной родины нашей, с Дона и Урала, с Волги и Днепра растет стон, поднимается ропот; это — начальный рев морской волны, которая закипает, чреватая бурями, после страшно утомительного штиля. *В народ! к народу!* — вот ваше место, изгнанники науки...» [149].

Призыв Понятовского заняться пропагандой подействовал. Большая часть членов кружка присоединилась к предложению о выходе.

В университете началась агитация в пользу выхода. «В аудиториях,— рассказывает современник,— поднялся невыносимый гвалт; ничего не помогало. Массы кричали:

---

[149] А. И. Герцен. Соч., т. XI, стр. 260.

«все виноваты, исключайте всех, надо протестовать, уходить всем» и т. д. Толпа перевалила во двор старого университета, в коридорах сделалась давка, начал ходить лист по рукам; подписывались все те, кои желали выйти из университета, так как считали себя виновными не менее исключенных. «Всем, уходить всем»,— сделалось лозунгом» [150].

Однако среди студентов было немало и противников выхода из университета. До нас дошло интересное воззвание, вышедшее из их среды. Автор его ставит вопрос, чем можно оказать помощь сосланным студентам, и отвечает:

«Не штыками, не пустыми манифестами о выхождении из Университета мы заявим наш протест,...— потому что мы не пустые болтуны и фразеры, у которых достает увлечения только на несколько дней!».

Вместо выхода из университета воззвание рекомендует сбор денег в пользу сосланных [151].

В результате споров и дискуссий часть студентов вышла из университета. Однако как демонстративный протест подача прошений о выходе не произвела эффекта.

Дело в том, что число подавших прошение было невелико. Документы, сохранившиеся в архиве Московского университета, дают возможность установить фамилии студентов, присоединившихся к проекту Понятовского. Мы перечислим их, чтобы установить лиц, если и не входивших в состав кружка, то близких к нему,

1 марта 1862 г. ряд студентов обратился к ректору с прошениями об увольнении. Прошения их были написаны по трафарету: «Не желая продолжать курса учения в Московском университете, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство об увольнении меня из числа студентов». В числе подавших такие прошения, кроме инициатора этой демонстрации Понятовского, были А. Покровский, В. Линд, гр. Евг. Салиас-де-Турнемир, А. Левашев, И. Зайончковский, Сергей Баньковский [152],

---

[150] Наброски из воспоминаний кн. Д. Д. Оболенского. «Русский архив», 1894, № 10, стр. 255.

[151] Архив Раевских, Пг., 1915, т. V, стр. 407.

[152] Баньковский Сергей, дворянин, по окончании гимназии в Твери в 1860 г. поступил на физико-математический факультет

Николай Рубинский, Дм. Евреинов, Александр Цветков, Федор Кобяков[153], Сергей Бельченко, Владислав Шредер, Евг. Андрущенко[154], Ив. Чулков, Александр Шаховской и Павел Рузский. Таким образом, 1 марта подали прошение об увольнении 17 студентов. В ближайшие дни к ним происоединилось еще несколько человек. Без большого риска впасть в ошибку и приписать демонстративный характер таким случаям ухода из университета, которые были вызваны нежеланием поддержать предложение Понятовского, а какими-либо другими соображениями («домашние обстоятельства», болезнь, отсутствие средств на оплату лекций и т. п.), мы можем присоединить к перечисленным выше 17 лицам еще следующих студентов, подавших прошение об увольнении после 1-го марта: Митрофана Ивановского (подал прошение 8 марта), Александра Баженова (5 марта), Николая Богданова (6 марта), Василия Огиевского[155] (10 марта), Виктора Качурина (2 марта), Михаила Саблина (12 марта), Михаила Пахомова (2 марта), Ивана Давыдова (6 марта) и Андрея Занемойского (9 марта). Таким образом, к 17 ходатайствующим об увольнении присоединилось еще 9 студентов[156].

Помимо перечисленных нами лиц, пытались уйти из университета П. В. Лебединский и А. И. Дроздов. Однако им не удалось привести в исполнение своего намерения. «Лебединский и Дроздов...,— показывал А. Покровский на

Московского университета. Член кружка Освальда и Линда. В 1862 г. привлекался по делу Освальда (литографирование «Великорусса»).

[153] Кобяков принимал участие в студенческих волнениях 1861 г., за что ему по высочайшему повелению 6 февраля 1862 г. сделано строгое внушение.

[154] Андрущенко Евгений Алексеевич, дворянин, по окончании Ришельевского лицея в 1861 г. поступил на медицинский факультет Московского университета. В 1863 г. привлекался по делу своего брата Ивана Андрущенко; приговором Сената от ответственности освобожден.

[155] Огиевский принимал участие в студенческих волнениях 1861 г., за это в силу высочайшего повеления от 6 февраля 1862 г. обязан был дать подписку о подчинении университетским правилам. Огиевский дать такую подписку отказался (Архив МГУ, ф. Инспектора студентов Московского университета, 1861, д. 71).

[156] Все приведенные в тексте данные заимствованы из Архива МГУ, ф. Совета Московского университета, 1862, д. 52, т. I. Об увольнении студентов...

допросе в следственной комиссии,— не вышли из университета, потому что, как казенно-коштные, не имели права этого сделать по словам правления» [157].

Не довольствуясь демонстративным выходом из университета, члены кружка решили отправить депутатов в Петербург для объяснений с министром народного просвещения. Они должны были вручить министру особую записку о причинах своего выхода из университета, написанную А. Покровским. В состав депутации вошли Понятовский, Евреинов и Рубинский. 10 марта 1862 г. А. Покровский писал в Петербург В. В. Александровской: «Позвольте вручить вашему покровительству нашу депутацию. Вас, может быть, удивит выбор депутации. Но вы успокоитесь, если узнаете, что баллотировались прежде всего люди, имеющие возможность на свой счет съездить в Петербург». Далее, в том же письме Покровский просит сообщить ему отзывы, которые вызовет написанная им и отвезенная делегатами записка: «это — первый опыт мой в юридических кляузах» [158].

К сожалению, нам не удалось выяснить никаких подробностей относительно поездки депутации в Петербург. Неизвестно даже, были ли делегаты приняты министром и вручили ли ему записку.

«После подачи прошений,— рассказывает Линд,— мы еще несколько раз собирались — не в клубе, а в мелких кружках: у Аргиропуло и в других местах, и толковали о своей будущей деятельности. Иным, одаренным более сильной фантазией, рисовалась отдаленная картина нашей будущей победоносной встречи в Кремле. На первый раз рекомендовалось сближаться не непосредственно с крестьянством, а с местными людьми, которые по своему общественному положению могли стать во главе общественного движения. Мне указывали на Бакуниных, а также на жившего в то время в Твери старика-декабриста Матвея Ивановича Муравьева» [159].

Линд поехал в Тверь. С Муравьевым-Апостолом ему не удалось близко познакомиться. Бакунины же, относительно

[157] ЦГИАМ, ф. Следственной комиссии 1862, д. 18, о П. Лебединском, л. 40.

[158] Там же, лл. 1—4.

[159] В. Н. Линд. Воспоминания о моей жизни. «Русская мысль», 1911, № 8, стр. 38.

которых, под влиянием репутации их брата, «в студенческих кружках составилось представление, как о революционерах», при ближайшем знакомстве оказались людьми, отнюдь не разделявшими революционных идей своего брата.

К сожалению, о пропагандистской деятельности других членов кружка нам ничего неизвестно, но надо думать, что они не были счастливее Линда.

Что касается Понятовского и Покровского, то они в конце марта уехали из Москвы в Нижний Новгород и там поступили на службу в пароходное общество «Дружина». Если даже они имели серьезное намерение заняться пропагандой, сделать этого им не удалось. У арестованной в марте 1862 г. Александровской было найдено цитированное нами письмо Покровского; в нем, между прочим, упоминалось и о Понятовском. На вопрос следственной комиссии, что это за лица, Александровская объяснила, что это бывшие студенты Московского университета, отправившиеся по разным губерниям с целью распространения революционных идей. По распоряжению следственной комиссии Покровский и Понятовский, жившие в Нижнем Новгороде на одной квартире, в начале июня были арестованы; при этом у Покровского было найдено 6 экземпляров прокламации Огарева «Что нужно народу». По высочайше утвержденному постановлению следственной комиссии. Покровский был заключен на 3 мес. в смирительный дом, а по выходе оттуда выслан в Шенкурск; Понятовский же отделался одной высылкой в Белозерск [160].

* * *

Однако вернемся к изложению дальнейшего движения дела Заичневского и его арестованных товарищей.

---

[160] ЦГИАМ, ф. III отд., 1 эксп., 1862, д. 230, ч. 4, л. 218. Не все члены кружка разъехались из Москвы; так, например, Левашов, как видно из его воспоминаний (Из записок земца. «Труды Рязанской ученой архивной комиссии», 1900, т. XV, вып. I, стр. 2), до 1867 г. продолжал жить в Москве, посещая университет и его лабораторию, в качестве даже не вольного слушателя, а совершенно частного любителя, благодаря знакомству с профессорами и их лаборантами и хорошим к ним отношениям. Остались в Москве также Новиков, Дроздов и др.

27 декабря 1861 г. министр внутренних дел Валуев представил всеподданнейший доклад об окончании следствия, прося соизволения на передачу дела в Министерство юстиции для предания виновных суду Сената. 28 декабря царь дал свое согласие на это. 5 февраля 1862 г. дело для дальнейшего производства поступило в 1 отделение шестого департамента Сената (департамент этот находился в Москве).

Сенат передопросил всех обвиняемых, собрал сведения о возрасте подсудимых, затребовал от начальства подсудимых отзывы об их поведении, но все это не дало никаких новых существенных данных относительно подсудимых.

Интересные сведения о том, какое впечатление производили на судей подсудимые и, в частности, Заичневский, имеются в дневнике известного писателя кн. В. Ф. Одоевского, который, состоя сенатором, принимал участие в суде над Заичневским и его товарищами [161].

Под 5 июля 1862 г. Одоевский отметил, что он в первый раз присутствовал в Сенате на заседании по делу студентов, и добавил: «Что за полоумные мальчишки». На следующий день он занес в свой дневник следующую запись:

«В сенате.— Замечательная личность Петра Заичневского, принадлежащего к так называемым *исповедникам... социализма,* слово, которого значение весьма для них смутно, но за которое они, тем не менее, готовы итти в мученики и чего именно добивается Заичневский, стараясь не уменьшить, а преувеличить свои действия».

Впечатление, произведенное Заичневским на Одоевского, было настолько велико, что по объявлении Заичневскому обвинительного приговора Одоевский подал царю записку с просьбой об облегчении его участи.

---

[161] Дневник Одоевского хранится в Отделе рукописей Гос. публичной биб-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. За сообщение мне выписок приношу искреннюю благодарность С. Н. Валку. Одоевский долго не мог забыть о процессе Заичневского и его товарищей. В записке, написанной в 1868 г. для Александра II (но не отправленной по назначению), он, обрисовав значение реформы 19 февраля 1861 г., писал: «Что было бы с Россией при последней Польской революции, если бы она случилась до 19-го февраля?» — и далее добавил: «NB. Припомните суд в Сенате над социалистами в Москве» («Гражданские заветы князя В. Ф. Одоевского». «Русский архив», 1895, № 5, стр. 44).

По окончании следствия Сенат приступил к составлению определения по делу. В общем он отнесся к подсудимым довольно мягко и снисходительно [162].

В своем определении он признал, что «между подсудимыми сообщества в распространении запрещенных литографированных сочинений Герцена, Огарева и других, а также в распространении портретов декабристов, польских эмиссаров, Герцена, Огарева и других подобных им деятелей, следствием не открыто; равным образом, не обнаружено, как именно литографировались означенные сочинения и портреты».

«Политической цели распространение сочинений,— по мнению сената,— можно положительно сказать, не было; вся цель литографирования и распространения состояла в выручке денег, в том предположении, что сочинения эти, как запрещенные, могли расходиться в продаже в большом количестве и тем, действительно, представлять средства к вспомоществованию бедным студентам».

Далее, Сенат признал, что «ясным и вполне положительным образом не доказано, какие именно из оказавшихся по обыску литографированных сочинений каждым из подсудимых продавались; а потому было бы опасно и не соответствовало бы справедливости» подвергать распространителей означенных сочинений полагающимся за это преступление по закону каторжным работам, а следует подвести под более мягкое наказание.

Переходя к каждому подсудимому в отдельности, Сенат нашел П. Г. Заичневского виновным в произнесении публично речей, направленных, «если не прямым, то косвенным образом к ниспровержению существующего у нас образа правления» и «против верховной власти» (в городе Подольске к крестьянам и в ограде московской римско-католической церкви к полякам), а также в распространении запрещенных литографированных и печатных сочинений, и постановил: лишив всех прав состояния, сослать в каторжные работы на заводах на два года и

---

162 В своем дневнике под 18 июля 1862 г. кн. В. Ф. Одоевский записал: «В сенате.— Предварительное чтение проекта приговора по студенческому делу — кара доведена, кажется, до последних границ снисхождения, допускаемого законом; остальное, по моему мнению, должно быть предоставлено милосердию государя, которого в этом не следует стеснять».

8 месяцев, а по прекращении сих работ поселить в Сибири навсегда.

Аргиропуло Сенат нашел виновным в распространении запрещенных литографированных и печатных сочинений и в недонесении о произнесении Заичневским в Подольске речи возмутительного содержания; он определил: лишив некоторых особенных прав и преимуществ, заключить его в смирительный дом на два с половиною года.

Новиков и Гольц-Миллер за распространение запрещенных сочинений были приговорены к заключению в смирительном доме на три месяца [163].

Понятовский и Николай Заичневский были оправданы.

Один из сенаторов, барон Х. Х. Ховен, не соглашаясь с определением Сената в части его, касающейся П. Г. Заичневского, подал особое мнение. Находя, что предъявленное Заичневскому обвинение в произнесении речей возмутительного содержания основывается единственно на его собственных письмах к товарищам и показаниях, которые подсудимый мог давать из «фанатизма», и указывая, что закон не допускает обосновывать обвинение исключительно на показаниях подсудимого, сенатор Ховен считал неправильным присуждение Заичневского к каторжным работам и предполагал ограничиться заключением его в смирительный дом на два года за распространение запрещенных сочинений и высказывание в письмах и при допросах вредных идей.

Государственный совет, на утверждение которого пошло определение Сената, согласился с его приговором, а особое мнение Ховена оставил без внимания. Вместе с этим Государственный совет нашел, что Ховен после подписания в числе других резолюции Сената был не в праве подавать особое мнение. На заключении Государственного совета Александр II сделал пометку относительно Ховена: «За что и сделать ему замечание» [164].

Утверждая 1 ноября 1862 г. мнение Государственного совета, царь ограничил срок каторжных работ Заичневскому одним годом.

---

[163] М. К. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг., стр. 45—50.

[164] Особое мнение сенатора Ховена напечатано в «Современнике» 1912, № 3, стр. 228—238. Переписку Сената по этому особому мнению см. в сб. «Политические процессы 60-х гг.», стр. 233—250.

Оставалось разыграть последний акт судебного процесса — объявление приговора подсудимым. Но эта процедура затянулась. Дело в том, что в то время в Москве находился Александр II со своим двором. Он пробыл тут более месяца (с 10 ноября по 20 декабря); все это время было проведено в различных торжествах и празднествах. Публичное объявление приговора подсудимым, в числе которых были такие популярные среди московского студенчества люди, как Аргиропуло и Заичневский, могло вызвать неприятные для властей демонстрации и этим «омрачить» пребывание самодержца в его древней столице. Время было тревожное. Одна за другой появлялись все новые и новые прокламации. Освобожденные крестьяне продолжали волноваться, отказываясь подписывать уставные грамоты. Для охраны царя принимались небывалые ранее меры. Корреспондент «Колокола», описывая прибытие Александра II в Москву, сообщал: «Государь ехал со станции железной дороги с конвоем (какое трогательное доверие!); во дворце был двойной караул!» [165].

Между тем, носились слухи, что студенты написали «нечто в роде письма к государю императору» и намерены поднести его царю лично, а если это не удастся, напечатать в «Колоколе» [166]. Под влиянием этих слухов и ожидаемых демонстраций воспоследовало высочайшее повеление «впредь до отъезда их величеств из Москвы отложить объявление и дальнейшее приведение в действие» приговора по делу Заичневского и его товарищей [167].

В ожидании же момента, благоприятного для объявления приговора, Аргиропуло, освобожденный в конце июня 1862 г. под домашний арест, был вновь арестован и заключен в Тверской частный дом. Этот арест оказался для Аргиропуло роковым. Его здоровье, подорванное перенесенным летом тифом, не выдержало «смрада, грязи и гадости тюремного заключения» [168]. Он вновь захворал. 15 декабря

---

[165] «Колокол», 1862, л. 147, стр. 1216.

[166] ЦГИАМ, ф. III отд., 1 эксп., 1861, д. 212, л. 460; записка жандармского штаб-офицера в Московской губернии полковника Воейкова.

[167] Политические процессы 60-х гг., стр. 251—255.

[168] В кавычках слова из письма о смерти Аргиропуло, напечатанного в «Колоколе» (л. 155, стр. 1293) от 1 февраля 1863 г. В этом письме неправильно указана дата смерти Аргиропуло: 20, вместо 18 декабря.

его пришлось перевести в полицейскую больницу, а 18 декабря он, не дождавшись объявления приговора, скончался [169]. Лечивший его врач советовал ему перед смертью причаститься, но Аргиропуло отказался, говоря что «и без этого издохнет». 21 декабря в 6 часов утра, когда было еще темно, Аргиропуло тайком был похоронен на Миусском кладбище, а в 9 часов к полицейской больнице собрались товарищи покойного в числе 15 человек, чтобы отдать ему последний долг. Узнав, что похороны уже состоялись, они «выразили сожаление, что Аргиропуло поторопились похоронить» [170]. Студенты делали попытку отслужить панихиду по усопшему, но это им долго не удавалось: священники отказывались служить. Лишь 30 декабря в церкви Иерусалимского подворья панихида была отслужена; на ней присутствовало около 200 студентов.

Наконец, царь уехал из Москвы. На 2 января 1863 г. было назначено объявление приговора. Процедура эта началась в 10 часов утра и окончилась к 3 часам дня. «В продолжение всего этого времени,— доносил управляющему министерством юстиции обер-прокурор Сената Шахов,— равно при надписании надлежащих подписок в выслушании приговора и затем при составлении департамента, в сопровождении жандармской команды и полицейских офицеров при полицеймейстере, подсудимые держали себя чинно и никакого беспорядка не произвели» [171].

Товарищи Заичневского по университету хотели воспользоваться случаем, чтобы повидаться с ним, может быть, в последний раз. Однако полиция не допустила их дальше прихожей Сената. Московский жандармский штаб-офицер полковник Воейков доносил III отделению: «По сочувствию к участи Заичневского явились более 20 человек в прихожую комнату Сената, имея при себе полушубки и разное платье для снабжения оным приговоренных, полагая, что над этими лицами исполняет тотчас приговор и отправят их по назначению, но когда экзекутор Сената заметил большое стечение и спросил: кто они и для чего явились?— отвечали, что все они родственники и желают непременно видеть и проститься с осужденными, но их не допустили,

[169] Политические процессы 60-х гг., стр. 243—244.
[170] ЦГИАМ, ф. III отд., 1 эксп., 1861, д. 212, л. 459.
[171] Политические процессы 60-х гг., стр. 255.

а объявили, что, если желают проститься, то могут исполнить это в местах их содержания, но оставаться в Сенате ни в коем случае не должны,— и при содействии полиции явившиеся после некоторого колебания разошлись» [172].

Донесение Воейкова было доложено Александру II, который остался очень недоволен тем, что полиция не воспрепятствовала студентам собраться в прихожей Сената, и положил резолюцию: «Сборище в Сенате не следовало ни под каким видом допускать, что тем более неизвинительно, что начальство было о том предупреждено. Поэтому не могу не заметить этого военному ген.-губернатору. Надеюсь, что при отправлении осужденных из Москвы надлежащие меры будут приняты, дабы не было допущено ничего подобного. Желаю знать о дне их высылки».

10 января шеф жандармов кн. Долгоруков телеграммой напомнил московскому генерал-губернатору, что при отправлении осужденных из Москвы «сборища не должны быть допускаемы» [173]. Это распоряжение было вызвано слухами, что «при отправлении Заичневского в Сибирь ожидается почти наверное демонстрация со стороны студентов, которые имеют будто бы намерение воспрепятствовать приведению в исполнение». «Насколько справедливо это обстоятельство,— писал III отделению полковник Воейков, сообщая об изложенном слухе,— за достоверность ручаться нельзя, но это передавалось по доверию одним из среды студентов» [174].

Чтобы избежать сборищ при отправке Заичневского, московская администрация тщательно скрывала от всех — и от самого Заичневского, в том числе — время отправки.

10 января Заичневского на почтовых под конвоем двух жандармов отправили в Сибирь. Никаких сборищ при этом не было, так как никто не знал об его отправке. 23 января Заичневский был доставлен в Тобольск, где он

---

[172] ЦГИАМ, ф. III отд., 1 эксп., 1861, д. 212, лл. 472—473; М. К. Лемке (Политические процессы в России 1860-х гг., стр. 50) пишет: «Приговор был объявлен в Сенате при большом стечении молодежи, особенно студентов, которые выражали своим симпатии, главным образом, Заичневскому». На чем основано это сообщение Лемке, неизвестно. Оно опровергается приведенным нами донесением Воейкова.

[173] М. К. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг., стр. 50—51.

[174] ЦГИАМ, ф. III отд., 1 эксп., 1861, д. 212, л. 460.

заболел. Только 16 февраля его удалось отправить дальше. Однако на другой же день его, совершенно больного, пришлось вернуть в Тобольскую тюрьму. 22 февраля он был вновь отправлен из Тобольска, а 18 апреля доставлен в Красноярск, откуда был сдан в Усть-Кут на завод для отбытия каторжных работ[175].

2. ПРОКЛАМАЦИЯ «МОЛОДАЯ РОССИЯ»

Теперь нам предстоит вернуться к более раннему времени и рассказать о чрезвычайно интересном политическом документе, появившемся в то время, когда Заичневский и Аргиропуло уже содержались под арестом в ожидании решения своей участи. Мы имеем в виду нашумевшую в свое время прокламацию «Молодая Россия», причастность П. Г. Заичневского к составлению и изданию которой осталась неизвестной царскому правительству. Нет сомнения в том, что, если бы оно узнало об этом, приговор по делу Заичневского и других участников его процесса был бы значительно более суровым.

* * *

«Молодая Россия» появилась в мае 1862 г.

Кто были ее авторами и из какого круга она вышла, правительству, несмотря на предпринятые им поиски. выяснить не удалось. Властям и в голову не приходило, что автора этой ужасной прокламации, вызвавшей страшную тревогу в рядах правительства и перепугавшей до смерти и консерваторов и либералов, надо искать в Тверском частном доме. Трудно было поверить, что эта прокламация, изданная от имени таинственного Центрального Революционного Комитета,— дело рук юноши, почти уже год сидящего под арестом.

Насколько представляется возможным проследить по архивным материалам, первые экземпляры «Молодой России» попали в руки властей 14 мая. В этот день в Москве на почте было задержано четыре пакета, отправленных из Петербурга в Харьков, Нежин и на станцию Ольховый Рог на имя разных лиц. Эти пакеты

---

175 М. К. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг., стр. 51.

содержали в себе по экземпляру «Молодой России» [176]. Почти одновременно эта прокламация начала рассылаться и по Петербургу. Так, 17 мая министр народного просвещения Головнин представил в III отделение полученный им по городской почте «экземпляр воззвания, в котором не знаешь чему более удивляться: преступности или безумию»; но это был уже второй экземпляр, полученный Головниным: первый еще раньше был им передан царю [177].

Таким образом, распространение «Молодой России» было начато не из Москвы, а из Петербурга. Очевидно, это было сделано для того, чтобы сбить полицию в ее поисках с правильного пути.

В Москве распространение «Молодой России» началось 18 мая.

20 мая 1862 г. московский обер-полицмейстер гр. Крейц донес генерал-губернатору, что «с 18 числа этого месяца неизвестные лица начали разбрасывать на бульварах и у подъездов домов возмутительного социального содержания воззвание под заглавием «Молодая Россия» [178].

С 18-го же мая началось разбрасывание этой прокламации в Московском университете и университетских клиниках.

18-го же мая один московский дьякон нашел близ Кремлевского сада и принес митрополиту Филарету «страшную бумагу» — «печатный лист под заглавием «Молодая Россия», в котором проповедуется безбожие, мятеж и кровопролитие» [179].

Одновременно широкое распространение «Молодой России» производилось и в Петербурге: и там она разбрасывалась неизвестными лицами по улицам и рассылалась по почте [180].

---

[176] ЦГИАМ, ф. III отд., 1 эксп., 1862, д. 230, ч. 2. О воззваниях, рассылаемых революционерами к разным лицам, л. 4.

[177] Там же, л. 7. Записка Головнина.

[178] Политические процессы 60-х годов, стр. 258—259.

[179] Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. XIX. СПб., 1905, стр. 125.

[180] Между прочим, на экземпляре «Молодой России», присланном петербургскому митрополиту Исидору, была сделана надпись: «Господин Исидор. Отслужи панихиду по Романовым, не повесим; а впрочем, чорт с тобой!» Этот экземпляр хранится в следственном производстве по делу Баллода, Писарева и др.

В каком количестве была распространена «Молодая Россия» — неизвестно; однако все сообщения современников и данные архивов говорят за то, что количество это было весьма значительным.

Недаром петербургский обер-полицмейстер счел нужным сделать выговор подведомственной ему полиции.

«Не могу не поставить на вид Санкт-Петербургской полиции,— писал он в своем приказе,— что она не достаточно обращает внимание на разбрасывание в городе людьми неблагонамеренными разных воззваний, которые, хотя и не имеют никакого значения, но, однако, могут напрасно тревожить жителей, а через это возбуждать ропот всех людей благомыслящих, давая вместе с тем повод к справедливому нареканию на полицию в том, что она недовольно заботится об исполнении прямой своей обязанности, т. е. о спокойствии обывателей, прекращая и даже предупреждая подобные беспорядки» [181].

Часто и в значительном количестве «Молодую Россию» находили и при обысках у лиц, привлекавшихся по политическим делам.

Все это свидетельствует о том, что тираж этой прокламации был сравнительно весьма значительным.

«Молодая Россия» была издана от имени анонимного Центрального Революционного Комитета, который в самой прокламации счел нужным указать на цели, преследуемые ее изданием.

Россия находится накануне восстания. «Но может случиться, что крестьяне восстанут не сразу в нескольких губерниях, а отдельными деревнями, что войско не успеет пристать к нам, что революционная партия не успеет сговориться, недостаточно централизуется и заявит свое существование не общим бунтом, а частными вспышками, императорская партия подавит их и дело революции снова остановится на несколько лет».

«Для избежания этого Центральный Революционный Комитет в полном своем собрании 7 апреля решил:

«Начать издание журнала, который выяснил бы публике принципы, за которые он борется, и в то же время служил бы органом революционной партии в России. В нем будут помещаться отчеты о заседаниях Комитета,

---

[181] «Современная летопись», 1862, № 17, стр. 20.

будут предлагаться вопросы на обсуждение пров[инциальным] комитетам, будут заявляться публике мнения революционной партии о каждом важном событии. Комитет вынужден приступить к изданию своего органа и тем, что еще ни один из издаваемых журналов не выяснил обществу революционной программы».

В другом месте прокламации говорится, что ее задачею является наметить «главные основания, на которых должно построиться новое общество»; в следующих же номерах авторы обещают «развить подробнее каждое из этих положений».

Наконец, Центральный Комитет считает нужным заявить: «на каждой брошюре, изданной нами, будет стоять «Изд. Центр. Рев. Комитета»» [182].

Что же представлял собою этот Центральный Революционный Комитет? Из кого он состоял? Существовал ли он в действительности или являлся плодом воображения авторов прокламации? Кто писал «Молодую Россию»? Где и кем она печаталась?

Эти вопросы мы попытаемся теперь разрешить, насколько имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволят нам сделать это.

Начнем с авторов прокламации, оставшихся в свое время нераскрытыми правительством.

Долгое время нам в этом отношении приходилось довольствоваться только некоторыми указаниями мемуаристов. Помимо традиции, связывавшей «Молодую Россию» с кружком Заичневского и Аргиропуло, мы располагали свидетельствами Л. Ф. Пантелеева и А. Н. Можаровой.

Пантелеев рассказывает, что в середине мая 1862 г. он ездил в Москву по поручению организовавшегося в то время тайного общества «Земля и воля». Целью его поездки было установление связи с кружком Заичневского и Аргиропуло. «Надо их во что бы то ни стало ввести в наше общество; это один из самых энергических кружков и с большими связями»,— говорил Пантелееву видный член «Земли и воли» А. А. Слепцов (фигурирующий в воспоминаниях Пантелеева под обозначением

---

[182] Политические процессы 60-х гг., стр. 263—265.

«господин с пенсне»), отправляя его в Москву [183]. По приезде туда, Пантелеев без труда получил доступ к находившемуся в заключении Заичневскому.

«Едва я предъявил свои рекомендации,— рассказывает Пантелеев,— как Заичневский сейчас же запустил руки в шаровары (он был в красной рубахе).— Вот вам новинка,— сказал он, вручая мне довольно большой полулист, отлично отпечатанный, с заголовком «От русского Центрального Революционного Комитета». Я бегло прочитал.— «Ну, что скажете?» — «Очень сильная вещь»,— ответил я дипломатически.— «Вот наша программа,— сказал Заичневский,— если «Земля и воля» согласна с нею, то мы готовы итти вместе» [184].

В этом рассказе Пантелеева внушала сомнение одна деталь: «Молодая Россия» в действительности не имела того заголовка, о котором говорит Пантелеев.

А. Можарова в своих воспоминаниях, написанных на основании дневников того времени, сообщала, что Заичневский редактировал «Молодую Россию» и в ее присутствии блестяще защищал эту прокламацию от нападок собеседников [185].

---

[183] А. А. Слепцов в своей записке о «Земле и воле» говорит, что целью командировки Пантелеева было удаление его из Петербурга, где он, вмешиваясь во все дела, мешал работе. На кружок Заичневского и Аргиропуло ему было указано лишь потому, что и без сношений с ним было ясно, что он ответит отрицательно на предложение «Земли и воли». А. И. Герцен. Соч., т. XVI, стр. 80—81.

[184] Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого, ч. I. СПб., 1905, стр. 263, 268.

[185] А. М[ожарова]. Воспоминания о П. Г. Заичневском. Сб. «О минувшем». 1909, стр. 180 и 186. Имеется еще одно свидетельство современника. Весьма интересные и ценные во многих отношениях «Воспоминания о шестидесятых годах» Н. Я. Николадзе, напечатанные в № 4 и 5 «Каторги и ссылки» за 1927 г. Николадзе рассказывает, что у корректора «Современника» Е. Стопакевича ему приходилось встречаться с приезжавшими из Москвы его приятелями, студентами Московского университета Аргиропуло, Заичневским и Саблиным (старшим). «Они ездили всегда порознь и всегда с одним и тем же чемоданом, битком набитым свежими тетрадями, издававшимися ими подпольно литографированных переводов материалистических сочинений Бюхнера и Фейербаха». Николадзе сам получил от них «Сущность христианства» Фейербаха для распространения среди студентов-грузин. Что касается «Молодой России», то Н. Я. Николадзе пишет: «У меня тогда же сложилось впечатление, что «Молодая Россия» была напечатана

Сообщения как Пантелеева, так и А. Можаровой имеют в достаточной степени неопределенный характер и, указывая нам на круги, из которых вышла «Молодая Россия», не дают прямого ответа на вопрос, кто именно писал эту прокламацию. Только в 1923 г. М. К. Лемке опубликовал документ, не оставляющий никаких сомнений в том, кто был автором «Молодой России». Документ этот — письмо П. Г. Заичневского, написанное им в 1889 г. на имя какого-то неизвестного нам «Андрея Михайловича». Письмо это является ответом на вопросы относительно «Молодой России», поставленные Заичневскому его корреспондентом [186].

Заичневский писал:

«На ваш ряд вопросов не могу отвечать, как бы требовалось, по пунктам, потому что кое-что забыл, а кое-что как-то и не представляю себе. *«Мол[одую] Р[оссию]» писали я и мои товарищи по заключению.* Припомнить долю участия каждого не берусь — *написал аз многогрешный, прочел, выправили общими силами,* прогладили и отправили для печатания через часового...» [187].

в Москве тремя приятелями Стопакевича. По крайней мере, я вынес такое убеждение из их разговоров у него и из того факта, что они и мне дали несколько экземпляров этого воззвания... Этика не позволяла мне задавать им или Стопакевичу, или кому бы то ни было подобные вопросы; но тогда во мне и сомнения не оставалось, что это их дело и что они ведут его на свой риск и страх, доводя до крайности и абсурда социалистические идеи, почерпнутые из «Современника»». (№ 5, стр. 35 и 38). Так сообщал Николадзе через 65 лет после описываемых им событий. Немудрено, что память ему во многом изменила. Он не мог видеть ни Заичневского, ни Аргиропуло. По его собственному свидетельству он приехал в Петербург для поступления в университет осенью 1861 г.; между тем Заичневский, и Аргиропуло еще летом этого года были арестованы. Приходится думать, что Николадзе встречал у Стопакевича не самих Аргиропуло и Заичневского, а каких-то оставшихся на свободе их товарищей. Что же касается «Саблина (старшего)», то о нем, как о члене кружка, до сих пор никаких упоминаний как в литературе, так и в известных нам архивных материалах не встречалось; по делу Аргиропуло и Заичневского он не привлекался. Несомненно, что Николадзе имеет в виду Михаила Алексеевича Саблина (1842—1898), в то время студента Московского университета, а впоследствии публициста и статистика, сотрудника «Русских ведомостей», старшего брата народовольца Н. А. Саблина.

186 М. К. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг., стр. 520—521.

187 Далее, об этом часовом Заичневский пишет: «Солдатик этот несколько раз потом встречался мне в Орле, и только тогда

«Кто и зачем включил гонение брака и семьи — вопрос трудный. Сколько ни думаю, сколько ни ворошу в своей памяти, не могу точно ответить, несмотря на ваши усиленные просьбы «напрячь все свои силы». Кажется сейчас, спустя почти тридцать лет, что эта мысль была подана поэтом Г[ольц]-Миллером, а нам понравилась, как излишняя порция пороха, которого искали тогда и хотели нагромоздить столько, чтобы всем либеральным и реакционным чертям стало тошно. Хотелось, наконец, сказать ту правду, которую кто боялся, кто не мог, а кто и не хотел выкрикнуть. Фальшивили, врали [188], ожидали блага сверху; так было противно, так было гнусно, что если бы не мы, так за нами то же самое сделали другие» [189].

Это письмо Заичневского чрезвычайно важно для нас, ибо оно окончательно решает вопрос о происхождении «Молодой России».

Оно показывает, что автором этой прокламации действительно был Заичневский, консультировавшийся при составлении ее со своими «товарищами по заключению». Это первый вывод, который позволяет сделать письмо Заичневского. Помимо сего, письмо это с несомненностью доказывает, что Центрального Революционного Комитета, от имени которого была выпущена «Молодая Россия», в действительности не существовало. Упоминание о нем в прокламации — мистификация, направленная на то, чтобы придать больший вес прокламации и произвести большее впечатление на публику.

Как ни важно письмо Заичневского, оно, однако, нуждается в одной весьма существенной поправке. Заичневский говорит, что в составлении «Молодой России» ему помогали «товарищи по заключению». Между тем, в действительности в то время (апрель — начало мая 1862 г.) в Тверском частном доме никого из сопроцессни-

---

я узнал его имя, Матвей Сидорович Стрелков — вот имя нашего почталиона, вызвавшегося дать ход нашему произведению». Непонятно, зачем Заичневскому понадобилось прибегать к посредству часового для передачи рукописи на волю, когда в то время к Заичневскому был открыт свободный доступ для всех его знакомых.

[188] У Лемке — не «врали», а «враги», но это несомненная опечатка.

[189] М. К. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг., стр. 19 (курсив Б. Козьмина. — *Ред.*).

ков Заичневского не было, за исключением только студента Петербургского университета М. Н. Сваричевского, привлеченного к делу за участие в распространении «Разбора книги барона Корфа». Сваричевский был доставлен в Москву из Петербурга лишь 24 марта 1862 г. До этого он ни с Заичневским, ни с кем-либо из членов его кружка знаком не был. При таких условиях трудно предполагать, чтобы Заичневский решился привлечь к столь серьезному делу, как составление прокламации, этого малознакомого ему студента.

Другие сопроцессники Заичневского, в том числе и упомянутый им Гольц-Миллер [190], дав подписку о невыезде из Москвы, давно уже жили на свободе под надзором полиции. Под арестом продолжал находиться лишь Аргиропуло, но, как мы сейчас убедимся, он не мог принимать участие в составлении «Молодой России». На этом вопросе нам придется остановиться ввиду того, что до сих пор в литературе принято считать Аргиропуло одним из авторов этой прокламации.

Еще М. К. Лемке чувствовал, что Аргиропуло не имел и не мог иметь к составлению ее никакого отношения. В примечаниях к собранию сочинений Герцена, говоря об авторах «Молодой России», он писал: «Под сомнением для меня участие Аргиропуло: и его убеждения, и состояние здоровья в то время вряд ли могут давать основание заподозрить его в составлении такой решительной и ультра-рвущейся вперед прокламации» [191].

Сомнения М. К. Лемке вполне основательны.

Мы уже говорили выше о глубоких расхождениях по вопросам революционной тактики, существовавших между Аргиропуло и Заичневским. При таких условиях было бы совершенно нелепостью предполагать, как это делалось, что мирный пропагатор социализма, каким является Аргиропуло, мог принимать участие в издании проклама-

---

[190] Ив. Ив. Гольц-Миллер (родился 27 ноября 1842 г., умер 5 августа 1871 г.) в 1861 г. привлекался по делу Заичневского и Аргиропуло и приговором Сената был осужден на заключение в смирительном доме на 3 месяца. Гольц-Миллер был не лишенным дарования поэтом и сотрудничал в «Современнике», «Русском слове» и «Вестнике Европы». См. о нем статью Н. Гаврилова «Забытый революционный поэт» в № 12 «Каторги и ссылки» за 1929 г.

[191] А. И. Герцен. Соч., т. XVI, стр. 330—331.

ции, призывавшей к решительным революционным действиям и к восстанию.

Но этого мало, Аргиропуло физически не мог иметь какого бы то ни было отношения к составлению и изданию «Молодой России». Из документов видно, что в середине марта 1862 г. Аргиропуло, содержавшийся до того времени вместе с Заичневским в Тверском частном доме, захворал тифом и был переведен в полицейскую больницу. Болезнь Аргиропуло протекала в чрезвычайно тяжелой форме и едва не сделалась причиной его смерти. В полицейской больнице он пробыл до 13 июня[192]. Из этого видно, что в то время, когда писалась, создавалась и распространялась «Молодая Россия» (апрель-май 1862 г.), Аргиропуло был оторван от своих товарищей и находился в таком состоянии, что не мог помогать им в их деле, если бы даже ему позволяли прийти им на помощь его убеждения, а этого, как мы только что убедились, не было.

Таким образом, вопрос об авторстве Аргиропуло с полной несомненностью разрешается в отрицательном смысле.

Итак, во время составления «Молодой России» Заичневский, один из всех привлеченных к делу (не считая Сваричевского), находился в Тверском частном доме. При таких условиях упоминание его в письме к Андрею Михайловичу о «товарищах по заключению» приходится считать результатом забывчивости с его стороны и остается предположить, что он обсуждал содержание своей прокламации с теми товарищами своими по кружку, которые приходили навещать его в место его заключения.

Несомненным является, далее, что далеко не все члены первоначального кружка Аргиропуло и Заичневского могли принимать участие в обсуждении «Молодой России». Некоторые из них в марте 1862 г. вышли из Московского университета в виде протеста против наказаний, наложенных на студентов, участвовавших в волнениях 1861 г., и разъехались из Москвы. В числе разъехавшихся, как

---

[192] Политические процессы 60-х гг., стр. 233—236. О переводе Аргиропуло в полицейскую больницу обер-полицмейстер донес московскому генерал-губернатору 22 марта (ЦГИАМ, ф. Секрет. отд. канцелярии Моск. ген.-губ., 1861, д. 65. О печатальщиках запрещенных сочинений, л. 139).

мы знаем, были видные члены кружка, как Понятовский и Апол. Покровский [193].

Материалы, которыми мы располагаем в настоящее время, не позволяют нам с точностью определить, кто именно из товарищей Заичневского помогал ему в составлении и издании «Молодой России» (за исключением, конечно, Гольц-Миллера, названного самим Заичневским). Однако с большей или меньшей вероятностью установить круг этих лиц все же можно. Тут нам приходит на помощь материал, до сих пор не использованный еще исследователями, писавшими о «Молодой России». Мы имеем в виду доносы Александровской, к ознакомлению с которыми мы теперь и перейдем.

Жена коллежского асессора Варвара Владимировна Александровская была арестована в мае 1862 г. по подозрению в распространении «возмутительных» воззваний, основанному на том, что в ее квартире собирались подозрительные люди и что около нее группировалась молодежь, обращавшая на себя внимание беспокойной деятельностью и «вредным направлением» [194]. Расследованием, произведенным высочайше утвержденной следственной комиссией, падавшее на Александровскую подозрение в распространении прокламаций не подтвердилось, но было обнаружено, что она сближалась со студентами Петербургского и Московского университетов и вела с ними переписку, в которой выражала противоправительственный образ мыслей. Кроме того, в ее бумагах было найдено «возбуждающее к восстанию письмо», об авторе которого она отозвалась, что он ей неизвестен, и объяснила, что это письмо принадлежит кому-либо из ее знакомых, а не ей. По высочайше утвержденному постановлению следственной комиссии Александровская была заключена в смирительный дом на три месяца, а вслед за этим высла-

---

[193] Характерно, что при обыске, произведенном 7 июня 1862 г. в квартире Понятовского и Покровского в Нижнем Новгороде, не было найдено ни одного экземпляра «Молодой России», зато нашлось 6 экземпляров прокламации «Что нужно народу», являвшейся, как известно, как бы программой организующегося в то время тайного общества «Земля и воля». (ЦГИАМ, ф. III отд., I эксп., 1862, д. 230, ч. 4-я, л. 210).

[194] ЦГИАМ, ф. III отд., 1 эксп., 1862, д. 230, ч. 6. Об Александровской и Блюммер. В кавычках — фразы, взятые из справки III отд., лл. 235—239.

на в Тульскую губернию с учреждением за ней полицейского надзора. В 1865 г. Александровская, сперва в разговоре с тульским губернатором, а потом письмом на имя шефа жандармов кн. Долгорукова, заявила желание содействовать правительству в разъяснении политических преступлений, в коих были замешаны в 1862 г. знакомые ей студенты. Вместе с тем, она ходатайствовала о разрешении ей возвратиться в Петербург.

В письме к кн. Долгорукову от 31 августа 1865 г. Александровская писала, что сообщить подробно имеющиеся у нее сведения она могла бы только при личном свидании с ним, и добавляла, что, по ее убеждению, сведения, которыми она располагает, дадут правительству возможность «отыскать распространителей возмутительнейшей прокламации 1862 года под названием «Молодая Россия»» [195].

В ответ на это Долгоруков предложил Александровской изложить в письменном виде имеющиеся у нее сведения.

В письме к Долгорукову от 10 октября 1865 г. Александровская писала:

«Мне известно, во-первых, что существовала когорта праздношатающейся молодежи, ходившей по России с целью нарушения существующего порядка в России. Содержалась она на средства, собираемые 2-м отделением Литературного фонда, где люди революционного направления успели себе свить гнездо [196]. Хотя 2-е отделение и закрыто, но злонамеренные его деятели не прекратили своих искательств. Зло существует и поныне... Достоверно известно мне и то, что и в настоящее время существует тайная касса для поддержания ссыльных. По другим же имеющимся у меня данным, мне небезызвестно, что бы-

---

[195] ЦГИАМ, ф. III отд., 1 эксп., 1862, д. 230, ч. 6, лл. 194—197.

[196] Как известно, II отделение Литературного фонда было организовано весной 1862 г. студентами, исключенными из Петербургского университета вследствие закрытия его после волнений 1861 г., и ставило своею задачею оказание материальной помощи учащейся молодежи. Председателем II отделения был сенатор Е. П. Ковалевский, членами — Н. И. Утин, Л. Ф. Пантелеев, Е. П. Печаткин, В. Гогоберидзе, Н. Корсини, Жук, Моравский, Богданов, Дозе, Гулевич, Н. А. Серно-Соловьевич и Избедский, а кандидатами в члены — Н. Г. Чернышевский, С. И. Ламанский, Фан-дер-Флит, Хорошевский, Герд и Островский. (ЦГИАМ, ф. III отд., 1 эксп., 1862, д. 230, ч. 2, л. 3). Как видим, почти все члены II отделения были активными участниками революционного движения того времени.

ли не раз выдаваемы московским студентам деньги студентом Московского университета юридического факультета Николаем Андреевичем Рубинским, ныне находящимся в Харьковском университете[197]. Человек он очень богатый, всегда принимавший деятельное участие в поступках той части московских студентов, которые вообще отличались либеральностью своих направлений и, наконец, скопом, кажется, в числе 30, покинувших университет. Рубинский сделал то же и вслед за ними прибыл в Петербург в качестве депутата от студентов к г. министру просвещения. В имении своем он имел фотографию, в которой печатал портреты Искандера. Кроме того, есть много данных на то, чтобы безошибочно предполагать его и его товарищей по выходу из университета сочинителями и производителями прокламации «Молодая Россия», на производство которой, небезосновательно скажу, что и деньги были им выданы»[198].

Большого значения этим сообщениям Александровской Долгоруков не придал; дело ограничилось тем, что были наведены справки о личности Рубинского; никаких существенных сведений эти справки не дали.

Однако Александровская не успокоилась. Покушение Каракозова на Александра II побудило ее вновь взяться за перо. В апреле 1866 г. она вновь отправляет в Петербург очередной донос, адресуя его на имя графа М. Н. Муравьева, назначенного в то время председателем следственной комиссии. Сведения, которые она нашла нужным сообщить на этот раз, отличаются большей конкретностью и подробностью, чем прежде.

Она сообщала, что в 1862 г. в Москве образовалось тайное общество под названием «Москва, Север и Восток». Главными его руководителями были Заичневский,

---

[197] Рубинский — уроженец Нижегородской губернии, сын исправника, в 1860 г., по окончании 4-й гимназии в Москве, поступил на юридический факультет Московского университета. В марте 1862 г., как нам уже известно, Рубинский, вместе с другими студентами, по собственному желанию вышел из университета и ездил делегатом от них в Петербург к министру народного просвещения. Позднее короткое время Рубинский был вольнослушателем Харьковского университета. (ЦГИАМ, ф. III отд., 1 эксп., 1862, д. 230, ч. 2. лл. 212—217, 220—221).

[198] ЦГИАМ, ф. III отд., 1 эксп., 1862, д. 230, ч. 2, лл. 212—217, 220—221.

Аргиропуло, Новиков, Понятовский, А. Покровский, Дроздов, Левашев, Рубинский, Шипов, Лебединский, Сулин, Петровский, Леонид Рагозин и Ив. Шаров. Шипов и Рубинский, как люди состоятельные, поддерживали тайное общество денежными средствами. Общество установило связь с Петербургом; из петербургской молодежи к нему присоединились Н. И. Утин и его кружок, известный под названием «утинской партии»; из членов этого кружка Александровская назвала Л. Ф. Пантелеева, В. Гогоберидзе, бывшего студента Спасского, профессора А. Н. Пыпина, сотрудника «Современника» Слепцова, дочь богатой помещицы Новгородской губернии Марию Богданову («девица крайних убеждений, с большим значением в университете») и дочь генерала Марию Коркунову, впоследствии по первому мужу Понятовскую, а по второму — Манасеину. Последняя имела большие связи в Петербурге, вследствие чего получила доступ к Лебединскому и Понятовскому, когда они летом 1862 г. находились в заключении в Петропавловской крепости.

«Целью этого общества,— писала Александровская Муравьеву,— было, сколько я могла понять из их полудоверчивой при мне болтовни, низвержение царствующего дома, хотя бы и через убийство всех членов дома Романовых, не взирая ни на какой возраст, и затем учреждение в России республики. Насколько болтовня их имела серьезный характер и основания, я не знаю, а в то время и того менее знала, потому что все их рассуждения при мне были отрывочны и имели характер шутки. Тем не менее, в настоящее время я убеждена, что направление их или многих из них — далеко не монархическое. Очевидцем же я вот чего была: в 1862 г. по сдаче своих экзаменов в Москве на учительницу я уехала в Петербург к больному моему мужу. Вслед за мной приехала в Петербург депутация от бывших студентов Московского университета к министру народного просвещения Головнину. Депутацию составляли: Понятовский, Евреинов и Рубинский. За нею вслед приехал и Аполлинарий Покровский. Все они у меня бывали и однажды просили меня познакомить их с Николаем Утиным, для чего я пригласила к себе Утина, который, к удивлению моему, приехал не один, а с Пантелеевым и Гогоберидзе,— последнего я даже и не знала. Меня они старались удалять, но, тем не менее, до меня доходили

некоторые слова, из которых я могла заключить, что они друг перед другом чем-то хвалились и, наконец, перецеловавшись, разъехались все в одно время. Впоследствии я узнала, что они опять где-то съехались в эту ночь, присоединив к себе еще несколько лиц; из них знаю только фамилию Слепцова, сотрудника «Современника»,— и тут соединили оба общества в одно... Вскоре, однако, и Понятовский, и Покровский уехали на службу в Нижний на пароходство по Волге Шипова, где был директором брат Леонида Рагозина Виктор, женатый на сестре вышеупомянутого Павла Шипова. Вслед за ними уехала и я в Москву и остановилась на Тверской, в доме Мамонтова, в номерах, в которых стояли студенты: Лебединский, Новиков, Сулин. В этот раз я их застала в беспрестанной беготне по городу и в каких-то, постоянно, переговорах, как у себя в квартире, куда ходило к ним множество молодежи, так и у Заичневского, который был в то время еще в части. Дроздов и Петровский бывали у них чаще всех. Однажды в дождливую погоду Петровский исчез, так что из его квартиры прислали об нем справиться в квартиру этих студентов, и на мои расспросы о нем мне ответили, что он пошел на охоту. Не помню, до этой поездки Петровского или после нее, Новиков и Лебединский просили меня получить на имя мое телеграмму из Владимира, куда уехал Дроздов после каких-то предварительных таинственных между собою переговоров. Вечером я получила телеграмму, где было сказано: «брат здоров и будет завтра», а на другой день в сумерках приехал к ним в дорожном платье Дроздов. Его возвращение обрадовало всех, потому что его кратковременное отсутствие тревожило. Между прочим, из разговора Дроздова я поняла, что он что-то возил во Владимир и едва не попался полиции. Сулин впоследствии проболтался, что он возил станок, а Покровский, что он или возил прокламацию, или печатал ее там,— хорошенько я не поняла, а расспрашивать не решилась в то время, боясь навести на себя подозрение, тем более, что они все говаривали при мне, что намерены на случай измены иметь у себя в обществе жандармов-вешателей. Вскоре после этого я приехала в Петербург и со мною уехал Дроздов. Дорогой и в Петербурге он расспрашивал у меня адреса разных лиц, известных своим либеральным направлением. Указать я ему могла только квартиры Пыпина и

Чернышевского. Через несколько дней после его приезда в Петербурге появилась прокламация «Молодая Россия». Прокламация эта издана московским обществом».

Донос Александровской заканчивался предложением услуг в целях дальнейшего выяснения подробностей дела.

«Если бы вашему сиятельству угодно бы было без огласки вызвать меня в Петербург..., то я надеюсь, с помощью правительства и моей репутации еще до сих пор как политической преступницы, успеть добраться до больших подробностей деятельности этого общества. Тем более, что фамилия злодея мне представляется знакомой, а поступок его 4-го апреля сообразным с направлением общества «Москва, Север и Восток», так что я подозреваю членов его сообщниками Каракозова, утверждать же, конечно, пока еще оснований достаточных не имею»[199].

К своему доносу Александровская приложила фотографические портреты Заичневского, Дроздова, Лебединского, Левашева, Новикова, Петровского, Покровского, Л. Рагозина, Рубинского, Шипова, Манасеиной и студента Сорокина. На портрете Заичневского его рукою написано: «Варваре Владимировне Александровской от Петра Заичневского. 1862 г. Апреля 4», а на портрете Левашева: «В. В. Александровской. Не забывайте, прошу Вас. Март, 1862 г. Москва»[200].

По-видимому, Муравьев не придал особого значения доносу Александровской: никакого расследования по нему произведено не было. Очевидно, те давно прошедшие времена, к которым относились сведения Александровской, мало интересовали Муравьева. Однако своей цели Александровская в конце концов достигла: в 1867 г. ей было разрешено вернуться в Петербург[201].

---

[199] ЦГИАМ, ф. Высочайше учрежденной следственной комиссии, 1866, д. 172, лл. 115—116.

[200] Там же, л. 123.

[201] Интересна дальнейшая судьба Александровской. Ее имя вновь выплыло в связи с нечаевским делом. В декабре 1869 г. она отправилась вместе с Нечаевым за границу и 11 января 1870 г. была арестована на границе в Вержболове при возвращении в Россию; при ней было найдено большое количество нечаевских прокламаций. Находясь в Петропавловской крепости, Александровская подавала начальству доносы на своих товарищей по процессу (Томилову) и проекты организации ареста Нечаева (ЦГИАМ, ф. Уголовн. отдел. министер. юстиции, 1873, д. 42, лл. 1—8). Большой

Ознакомившись с содержанием доносов Александровской, попытаемся разобраться в них и выделить те сведения, которые могут быть нам полезны для выяснения интересующего нас вопроса об истории «Молодой России».

Прежде всего, относительно названия общества: «Москва, Север и Восток». Ни в каких документах и источниках мы не найдем упоминания о тайном обществе с таким названием. Значит ли это, однако, что такого названия не существовало? У нас нет никаких оснований заподозрить правильность этого указания Александровской. Зная, что Заичневский и его товарищи мечтали о всероссийском тайном революционном обществе, можно допустить, что в своем московском кружке они видели отделение этого будущего общества, объединяющего его работу в границах известной территории: Москвы, Севера и Востока России. Только такое объяснение можно, по нашему мнению, дать странному названию общества, сообщаемому Александровской.

Однако вопрос о названии — вопрос второстепенный; для нас гораздо важнее то обстоятельство, что Александровская дает весьма правдоподобные сведения о составе московского кружка. Большинство названных ею лиц были членами старого кружка Аргиропуло и Заичневского, действовавшего до их ареста, а некоторые известны как участники демонстративного ухода из университета в марте 1862 г. Что касается П. А. Шипова, то он, если и не состоял членом первоначального кружка, то был близок к нему; причастность его к изданию «Молодой России» весьма вероятна, ибо при обыске, произведенном

переполох в III отделении произошел, когда открылось, что Александровская после полуторагодичного одиночного заключения неожиданно оказалась беременной; после расследования выяснилось, что виновником сего обстоятельства был один из ее сопроцессников, которого тюремная стража тайно впускала в одиночку Александровской. 23 августа 1871 г. Александровская была приговорена Петербургской судебной палатой к лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь на поселение. В Сибири Александровская жила в Ачинском округе, Енисейской губернии, где в 1873 г. вышла замуж за ссыльного Богемского. На сообщении об этом начальника Енисейского жандармского управления, присланном в III отделение, рукою чиновника этого отделения Филиппеуса сделана надпись: «Замечательная женщина; старая рожа, а всегда находит себе мужчину». (ЦГИАМ, ф. III отд., 3 эксп., 1872, д. 32, ч. II, л. 210).

11 июня 1862 г., у него было найдено 5 экземпляров этой прокламации, о происхождении которых он дал явно неправдоподобные объяснения[202]. Л. Рагозин был близким родственником Шипова; это делает его причастность к «Молодой России» также вполне возможной. Что касается Сулина и Петровского-Ильенко, то они к первоначальному кружку не принадлежали, а привлекались хотя и по одному делу с Заичневским, но за принадлежность к другому кружку, издавшему «Разбор книги барона Корфа»; однако нет ничего невероятного в том, что за время производства дела они могли сблизиться со своими сопроцессниками — членами кружка Аргиропуло и Заичневского. Наконец, об Иване Шарове мы никакими сведениями не располагаем. Сама Александровская сообщает о нем, что он живет в Москве и дает уроки в семействе некоего Маслова; «в его ведении,— пишет она,—вся рязанская молодежь, принадлежащая к этому обществу; некоторых из них видела у него, а именно: Богданова и Орлова».

Относительно «утинской партии» Александровская осведомлена значительно меньше, чем о московском кружке. Она сама оговаривается в своем доносе, что фамилий всех лиц, входящих в кружок Утина, она не знала. При этом, упомянутый ею А. Н. Пыпин, несмотря на сотрудничество его в «Современнике» и родственную близость к Чернышевскому, к кружкам Петербурга и, в частности, к «утинской партии» никакого отношения не имел. Неверно также и указание Александровской на то, что между московским кружком и «утинской партией» состоялось соглашение о слиянии в одно общество. Из воспоминаний А. А. Слепцова известно совершенно обратное: отношения между московским и петербургским кружками были настолько испорчены, что организаторы «Земли и воли» (Серно-Соловьевич, Слепцов, Утин и др.) считали лишним даже вступать в переговоры с Заичневским относительно присоединения его группы к «Земле и воле»[203]. Действительно, программные разногласия между ними были настолько велики, что и думать о соглашении не приходилось.

---

[202] Политические процессы 60-х гг., стр. 100 и 107.
[203] А. И. Герцен. Соч., т. XVI, стр. 81.

Тем не менее, рассказ Александровской о переговорах между москвичами и Утиным заслуживает серьезного внимания. Из него мы узнаем, что депутация, отправленная в марте 1862 г. к министру народного просвещения от студентов, покинувших Московский университет, помимо выполнения прямой своей задачи, должна была установить связь с петербургскими революционными кружками в лице одного из более влиятельных и энергичных из них — «утинской партии». Мы не решились бы даже категорически отвергать соответствие с действительностью утверждения Александровской, что между депутацией москвичей и присоединившимся к ней Ап. Покровским, с одной стороны, и Н. И. Утиным и его товарищами, с другой, было достигнуто какое-то соглашение. Несомненно, что руководящая роль в этих переговорах со стороны москвичей выпала на долю Понятовского и Покровского. Другие два депутата (Евреинов и Рубинский) не принадлежали к числу влиятельных членов московского кружка. Между тем, всё, что мы знаем о Понятовском и Покровском, свидетельствует об их политической умеренности; по-видимому, по своим взглядам они были ближе к Аргиропуло, нежели к Заичневскому, и к составлению «Молодой России», как указано выше, отношения не имели. К тому же оба они вскоре после возвращения из Петербурга в Москву покинули ее, переселившись в середине 20-х чисел марта в Нижний Новгород и, следовательно, на дальнейшие отношения между московским и петербургским кружками они не могли оказывать влияния. Таким образом, если им и удалось наладить соглашение с петербуржцами, то в дальнейшем это соглашение реализовано не было, и объединение московского кружка с петербургским не состоялось.

Остальные части сообщения Александровской заслуживают полного внимания. Сохранившиеся до нас архивные документы свидетельствуют о том, что она действительно была близка к московскому кружку. Александровская приезжала в Москву для того, чтобы держать в Московском университете экзамен на звание домашней учительницы. По сообщению жандармского полковника Воейкова, на экзаменах она проявила весьма слабые познания. Будучи не в состоянии ответить на вопрос, заданный ей одним из профессоров, она вспылила, публично

обругала этого профессора «колпаком» и, взяв свои документы из университета, уехала в Петербург [204]. Во время пребывания своего в Москве она жила в одном доме с Понятовским, Покровским, Лебединским, Евреиновым и Рубинским. Возвратившись в Петербург, она продолжала поддерживать с ними письменные сношения. При обыске в ее бумагах были найдены письма Покровского и Лебединского, дружеский характер которых свидетельствует о близости корреспондентов [205].

Далее, из архивных документов мы знаем, что приехавшая в Петербург в марте 1862 г. депутация московских студентов действительно вела на квартире Александровской какие-то переговоры с Утиным. Однако первоначально переговоры эти шли вяло и не приводили ни к каким результатам. Тогда Александровская сообщила об этом Покровскому. В своем письме к последнему Александровская жаловалась на то, что Понятовский не проявляет достаточной энергии в переговорах с Утиным, и настаивала, чтобы Покровский сам приехал в Петербург для окончания переговоров. Покровский последовал ее совету и приехал в Петербург. Таким образом, рассказ Александровской в ее доносе Муравьеву о переговорах москвичей с Утиным находит себе подтверждение и в архивных документах, причем на основании их можно высказать предположение, что Александровская об этих переговорах знала больше, чем сочла нужным сообщить Муравьеву.

Что касается второго приезда Александровской в Москву, то он состоялся в последних числах марта 1862 г. В Москве она пробыла больше месяца; вернулась в Петербург 7 мая, а на другой день была арестована [206].

Таким образом, Александровская провела в Москве весь апрель и начало мая, т. е. почти все то время, в течение которого составлялась и печаталась «Молодая Россия». При таких условиях ее рассказ приобретает для нас особый интерес. Чтобы разобраться в нем, нужно вспомнить то немногое, что нам известно о печатании «Молодой России» из других источников.

---

[204] ЦГИАМ, ф. III отд., 1 эксп., 1862, д. 230, ч. 154, л. 5.
[205] ЦГИАМ, ф. Следственной комиссии, 1862, д. 18, лл. 1—4.
[206] Данные взяты из ф. Следственной комиссии, 1862, д. 12.

Еще в 1905 г. Л. Ф. Пантелеев сообщил, что «Молодая Россия» печаталась в одном имении в Рязанской губернии. Позднее Пантелеев назвал и фамилию владельца этого имения — Коробьин [207].

В 1861—1862 гг. в Московском университете было два студента Коробьиных: юрист Николай и математик Павел, окончивший в 1860 г. гимназию в Рязани. Несомненно, что рассказ Пантелеева относится ко второму из них. За участие в студенческих волнениях в Москве в 1861 г. Павел Коробьин по повелению царя 6 февраля 1862 г. был исключен из университета на два года и отдан на поруки матери. Однако еще до этого, 1 декабря 1861 г. П. Коробьин подал в университет прошение об увольнении [208].

Сопоставляя рассказ Пантелеева с доносом В. Александровской, можно предположить, что поездки Дроздова и Петровского стояли в связи с печатанием «Молодой России». Типографский станок, как нам известно, в распоряжении кружка Заичневского имелся; еще летом 1861 г. он был приобретен Аргиропуло у Сулина и Сороко. Доставить его в Рязанскую губернию пе стоило большого труда. Петровский-Ильенко, бывший корректор типографии М. Н. Каткова и, следовательно, человек до известной степени с типографским делом знакомый, мог наладить печатание прокламации. Остается неясность, связанная с сообщением Александровской о том, что Дроздов ездил во Владимир, откуда и прислал на ее имя телеграмму. Если в этом отношении память не изменила Александровской, остается предположить следующее. Имение Коробьиных находилось в Зарайском уезде, то есть в северной части Рязанской губернии, примыкающей к Владимирской.

---

[207] Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого, ч. I, стр. 237; Его же. Памяти В. И. Семевского. «Голос минувшего», 1917, № 9—10, стр. 84.

[208] Архив МГУ, ф. Совета Московского университета, 1862, д. 52, л. 77. Младший брат Павла Коробьина, Порфирий Иванович, в 1869 г., ввиду принадлежности его к тайному обществу «Народная расправа», привлекался по нечаевскому делу и Петербургской судебной палатой был приговорен к тюремному заключению на 2 месяца и к полицейскому надзору на 5 лет. Что же касается Павла Ив. Коробьина, то он впоследствии (в январе 1872 г.) был избран земским гласным Зарайского уезда и, по сообщению рязанского губернатора министру внутренних дел, высказывал на земском собрании суждения, указывающие на его политическую неблагонадежность. (ЦГИАМ, ф. III отд., 3 эксп., 1872, д. 180, л. 2).

Железной дороги из Москвы в Рязань в 1862 г. еще не существовало, на Владимир же — имелась. Ввиду этого Дроздов мог ехать в имение Коробьиных через Владимир.

Александровская рассказывает, что вскоре после возвращения Дроздова в Москву он вместе с ней отправился в Петербург. Если мы вспомним, что Александровская вернулась в северную столицу 7-го мая и что рассылка «Молодой России» из Петербурга началась 12 или 13 мая, то признаем более чем вероятным предположение, что поездка Дроздова в Петербург стояла в связи с доставкой туда «Молодой России».

В заключение остается остановиться на еще одном обстоятельстве. Как мы уже говорили, происхождение «Молодой России» и ее авторы остались неизвестными для правительства; между тем в его распоряжении имелось одно весьма существенное указание, полученное агентурным путем, а именно: «Первый лист воззвания «Молодой России» появился в публику в Москве, принесенный в Сенат сенатским чиновником Завадским, впоследствии арестованным [209], *корректурный же рассматривался,* между прочим, *студентом Петром Заичневским*, когда он содержался под арестом в Тверском частном доме». По-видимому, III отделение не проявило большого интереса к этому сообщению, может быть, потому, что оно поступило туда в декабре 1862 года [210], то есть тогда, когда впечатление, произведенное «Молодой Россией», уже в значительной степени сгладилось, а может быть, потому, что, наученное

---

[209] Владислав Ромуальдович Завадский, бывший студент Московского университета, в 1861 г. поступивший на должность секретаря одного из московских департаментов Сената, был арестован в начале июня 1862 г. вследствие найденного у А. П. Блюммер при обыске его письма от 11 июня 1861 г., в котором он сообщал об организовавшемся в Москве «обществе социалистов и коммунистов». По объяснению Завадского в следственной комиссии, он имел в виду при этом кружок студентов, занимавшийся литографированием запрещенных сочинений, т. е. кружок Аргиропуло и Заичневского. По высочайше утвержденному 20 августа 1862 г. постановлению следственной комиссии Завадскому было сделано строгое внушение с учреждением за ним секретного надзора полиции. Это не отразилось, однако, на служебной карьере Завадского, который умер в 1910 г. в звании сенатора. (ЦГИАМ, ф. III отд., 1 эксп., 1862, д. 230, ч. 4 и следственной комиссии, 1862, д. 19).

[210] Из агентурной сводки 8 декабря 1862 г., опубликованной нами в 29-м томе «Красного архива», стр. 180.

горькой практикой, оно, в отличие от многих современных историков, привыкших принимать на веру любой вздор, который сообщали III отделению его агенты, хорошо знало, насколько рискованно доверять его агентам. Однако на этот раз оно ошиблось.

* * *

Авторы «Молодой России» считали необходимым отмежеваться от других революционных изданий того времени, и в первую очередь от изданий Герцена. «Молодая Россия» в самой категорической форме заявляет, что герценовский «Колокол» «не может служить не только полным выражением мнений революционной партии, но даже и отголоском их». Несмотря на глубокое уважение к Герцену, как к публицисту, оказавшему большое влияние на развитие русского общества, как к человеку, «принесшему России громадную пользу», составители «Молодой России» бросали ему упрек в том, что «испуганный неудачною революциею 48 года, он теряет всякую веру в насильственные перевороты». События же, последовавшие за этой революцией, «окончательно тушат его революционный задор и он принимается за издание журнала с либеральною (не более) программою»[211]. Эта неправильная характеристика «Колокола» представляет большой интерес с точки зрения выяснения отношения русских революционеров начала 60-х годов к Герцену и его изданиям.

««Колокол»,— пишут авторы «Молодой России»,— встреченный живым приветом всей мыслящей России, как первый свободный орган, вскоре становится загадкою для людей, действительно революционных. Где же разбор современного политического и общественного быта России, где проведение тех принципов, на которых должно построиться новое общество. Проходит еще год, и Колокол, оказывая влияние на правительство, уже совсем становится конституционным. Увлечение им молодежи уменьшается, революционная партия ищет другого органа, и если он читается, то этому способствует еще прежняя слава Герцена, Герцена, приветствовавшего революцию. Герцена, упрекавшего Ледрю-Роллена и Луи Блана в непоследовательности, в том, что они, имея возможность,

[211] Политические процессы 60-х гг., стр. 263.

не захватили диктатуры в свои руки и не повели Францию по пути кровавых реформ, для доставления торжества рабочим»[212].

Либеральные иллюзии Герцена, его упорные надежды на возможность получить уступки из рук царя, «его совершенное незнание современного положения России, надежда на мирный переворот; его отвращение от кровавых действий, от крайних мер, которыми одними можно только что-нибудь сделать»,— все это уронило, по мнению авторов «Молодой России», герценовский «Колокол» в глазах «республиканской революционной партии»[213].

Не менее резко отмежевывается «Молодая Россия» от вышедших летом и осенью 1861 г. трех номеров листка «Великорусс». Авторы прокламации считают нужным указать на «ошибочность и отсталость его мнений» и на «радикальную противоположность» их с мнениями самой «Молодой России». Заичневский и его товарищи не могли разделять надежд «Великорусса» на то, что правительство пойдет на уступки, введет конституционное устройство и осуществит реформы, в которых нуждается страна. Интересно, что, говоря о «Великоруссе», авторы «Молодой России» подошли к правильному пониманию социальной сущности этого воззвания. Признавая, что «успех «Великорусса» был громадный», они объясняли это тем, что его программа вполне совпадала с «желаниями нашего либерального общества, т. е. массы помещиков, стремящихся хоть чем-нибудь нагадить правительству и опасающихся в то же время даже тени революции..., кучки бездарных литераторов, сданных за ветхостью в архив, а во времена Николая считавшихся за прогрессистов». Авторы «Молодой России» отмечали, что, несмотря на свой успех, «Великорусс» не мог составить вокруг себя партии: «его читали, об нем говорили, да и только»[214].

О других русских журналах, выходивших в то время за границей, и о других прокламациях, изданных в России, Заичневский и его товарищи не находили нужным говорить, так как, по их мнению, все это было «пустое, ничего не значущее и ни к чему не ведущее либеральничанье».

---

[212] Политические процессы 60-х гг., стр. 264.
[213] Там же.
[214] Там же, стр. 265.

Итак, Заичневский и его товарищи не видели для России того времени иного исхода, кроме революции. Их прокламация пропитана горячей уверенностью в том, что социальная революция близка и неизбежна. «Россия вступает в революционный период своего существования». Этими словами начинается «Молодая Россия».

Ее авторы не боятся грядущей революции, хотя и знают, что она не может не быть кровопролитной и жестокой.

«Выход из этого гнетущего, страшного положения, губящего современного человека, и на борьбу с которым тратятся его лучшие силы,— пишут они,— один — революция, революция и кровавая, неумолимая,— революция, которая должна изменить радикально все, все без исключения, основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка.

Мы не страшимся ее, хотя и знаем, что погибнут, может быть, и невинные жертвы; мы предвидим все это и все-таки приветствуем ее наступление; мы готовы жертвовать лично своими головами, только пришла бы поскорее она, давножеланная!» [215].

Как же обосновывали авторы прокламации неизбежность революционного исхода?

Другие революционеры того времени, верившие в близость революции, считали, что она явится результатом невыгодного для крестьян разрешения крестьянского вопроса реформой 19 февраля 1861 г. Так, например, Н. В. Шелгунов в своей прокламации «К молодому поколению» указывал, что правительство обмануло ожидания народа, дав ему не настоящую волю, не ту, о которой мечтал народ и которая необходима ему. Эта реформа, по мнению Шелгунова, доказала всем, что правительство «никуда не годится». «Мы не знаем ни одного сословия в России,— написал он,— которое не было бы оскорблено императорской властью. Обижены все... Момент освобождения велик потому, что им посажено первое зерно всеобщего неудовольствия правительством» [216].

Итак, неудачный исход крестьянской реформы возбудил *недовольство всех сословий* императорской властью, которая потеряла, отменив крепостное право, единственную

---

[215] Политические процессы 60-х гг., стр. 259.

[216] М. К. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг., стр. 64.

опору, которую ранее имела в лице помещиков, стремившихся сохранить в неприкосновенности свои прежние права и преимущества. Всеобщее недовольство и делает, по мнению Шелгунова, неизбежной революцию в России.

Что касается «Молодой России», то она ставит вопрос о революции гораздо глубже и шире. Для нее «дурацкие положения 19 февраля» не составляют основной причины современного политического и общественного кризиса, а являются только одним из показателей этого кризиса. Авторы «Молодой России» понимали, что дело не в той форме, в которой осуществлялась реформа, а в общем характере социально-политического строя России, при котором реформа и не могла быть осуществлена в иных, более выгодных для крепостных формах. Заичневский отнюдь не разделял того мнения, что *все сословия «обижены» правительством.* Он понимал, что у последнего найдется немало сторонников и защитников. «Проследите жизнь всех сословий,— писал он,— и вы увидите, что общество разделяется в настоящее время на две части, интересы которых диаметрально противоположны и которые следовательно стоят враждебно одна к другой».

Одна из этих частей — «народ»; другую «Молодая Россия» называет «императорской партией».

«Снизу слышится глухой и затаенный ропот народа, угнетаемого и отграбляемого всеми, у кого в руках есть хоть доля власти,— народа, который грабят чиновники и помещики, продающие ему его же собственность — землю, грабит и царь, увеличивающий более чем вдвое прямые и косвенные подати и употребляющий полученные деньги не на пользу государства, а на увеличение распутства двора, на приданое фрейлинам-любовницам, на награду холопов, прислуживающих ему, да на войско, которым хочет оградиться от народа» [217].

Это — снизу, а что же сверху?

«Сверху... стоит небольшая кучка людей довольных, счастливых. Это помещики, предки которых, или они сами, были награждены населенными имениями за свою прежнюю холопскую службу; это потомки бывших любовников императриц, щедро одаренные при отставке; это купцы, нажившие себе капиталы грабежом и обманом; это чинов-

[217] Политические процессы 60-х гг., стр. 259—260.

ники, накравшие себе состояния,— одним словом, все имущие, *все, у кого есть собственность* родовая или благоприобретенная. Во главе ее царь. Ни он без нее, ни она без него существовать не могут. Падет один,— уничтожится и другая. В настоящее время партия либеральничает, обиженная отнятием у нее права на даровую работу крестьян, ругает государя, требует конституции, но не бойтесь: она и царь неразрывно соединены между собою, и *звеном соединения — собственность*. Она понимает, что всякое народное, революционное движение направлено против собственности и потому в минуту восстания окружит своего единственного представителя — царя. Это — партия *императорская*».

«Между этими двумя партиями,— читаем мы далее в «Молодой России»,— издавна идет спор, спор, почти всегда кончавшийся не в пользу народа. Но едва проходило несколько времени после поражения, народная партия снова выступала. Сегодня забитая, засеченная, она завтра встанет вместе с Разиным за всеобщее равенство и республику Русскую, с Пугачевым — за уничтожение чиновничества, за надел крестьян землею. Она пойдет резать помещиков, как было в Восточных губерниях в 30-х годах, за их притеснения; она встанет с благородным Антоном Петровым — против всей императорской партии» [218].

Таким образом, оппозиция помещиков, их либеральничанье не обманули Заичневского. Он понимал их действительный смысл и значение. Понимал и то, что помещики, как «сословие» (как класс землевладельцев, сказали бы мы), заинтересованы в укреплении и в упрочении императорской власти, а не в уничтожении ее. В этом отношении он был верным учеником Н. Г. Чернышевского.

Приведенные нами рассуждения Заичневского о народной и императорской партии и имели в виду Маркс и Энгельс, когда они в брошюре «Альянс социальной демократии» писали про «Молодую Россию»: «*Этот манифест давал ясный и точный отчет о внутреннем положении страны, состоянии различных партий*» [219].

---

[218] Политические процессы 60-х гг., стр. 260—261.

[219] Материалы для биографии М. А. Бакунина, т. III. Приложения. М.—Л., 1928, стр. 545 (курсив Б. Козьмина.— *Ред.*).

Заичневский, в отличие от многих революционеров того времени, сознавал, что противоречие интересов «народа» и «императорской партии» основано на существовании частной собственности и неустранимо без уничтожения ее. «Молодая Россия» прямо заявляла, что отмеченный ею антагонизм партий «не может прекратиться, пока будет существовать современный экономический порядок, при котором немногие владевшие капиталом являются распорядителями участи остальных».

На праве частной собственности на землю и средства производства основан существующий социальный строй с его «невыносимым общественным гнетом, убивающим все лучшие способности современного человека». В современном обществе, читаем мы в «Молодой России», «все ложно, все нелепо от религии, заставляющей веровать в несуществующее, в мечту разгоряченного воображения,— бога, и до семьи, ячейки общества, ни одно из оснований которой не выдерживает даже поверхностной критики, от узаконения торговли, этого организованного воровства, и до признания за разумное положения работника, постоянно истощаемого работою, от которой получает выгоды не он, а капиталист; женщины, лишенной всех политических прав и поставленной наравне с животными» [220].

Вот эти-то аномалии общественного строя и делают революцию, долженствующую радикально изменить все основы общества, неизбежной. Но эти аномалии в не меньшей степени, чем в России, существуют и в других странах; ничего специфически русского в них нет. Ведь все государства построены на эксплуатации труда капиталом; везде имущие господствуют над неимущими и присваивают себе продукты их труда. Почему же в таком случае авторы прокламации уверены в том, что России, говоря их словами, «вышло на долю *первой* осуществить великое дело социализма»? На чем основано их убеждение, что Россия ближе других стран стоит к революции?

Ответ на этот вопрос они ищут во внутреннем положении России их времени.

---

220 Политические процессы 60-х гг., стр. 261.

«Революции все способствует в наст[оящее] время, — пишут они,— волнение Польши и Литвы, финансовый кризис, увеличение налогов, окончательное разрешение крестьянского вопроса весною 1863 г., когда крестьяне увидят, что они кругом обмануты царем и дворянами; а тут еще носятся слухи о новой войне; поговаривают, что государь поздравил уже с нею гвардию. Начнется война, потребуются рекруты, произведутся займы, и Россия дойдет до банкротства. Тут-то и вспыхнет восстание, для которого достаточно будет незначительного повода!»[221].

Однако все эти обстоятельства, отмеченные авторами «Молодой России», лишь ускоряют, по их мнению, приближение кризиса; причины же, вызывающие его, лежат глубже. Их, как мы видели уже, «Молодая Россия» находит в самых основаниях современного общественного порядка. Вот почему вывод из переживаемого кризиса эта прокламация видит в коренном переустройстве всего общества, а не в каких-либо отдельных реформах, оставляющих в неприкосновенности принципы, лежащие в основе современного общества.

Чтобы убедиться в этом, расскажем о тех программных требованиях, которые выдвигаются «Молодой Россией». Начнем с требований политического характера.

Авторы «Молодой России» — убежденные республиканцы, не соглашающиеся помириться на конституции, какой бы широкой и либеральной она ни была.

«Да здравствует социальная и демократическая республика русская!»[222] — восклицают они в заключение своей прокламации.

Царствующая династия не только должна быть лишена власти, но и подвергнуться поголовному истреблению. «О Романовых — с теми расчет другой! Своею кровью они заплатят за бедствия народа, за долгий деспотизм, за непонимание современных потребностей. Как очистительная жертва сложит головы весь дом Романовых!»[223].

Авторы «Молодой России» считали террор лучшим средством обезопасить победившую революцию от всяких контрреволюционных попыток. При этом они ссылались на уроки истории.

---

[221] Политические процессы 60-х гг., стр. 262.
[222] Там же, стр. 265.
[223] Там же, стр. 262.

«Мы изучали историю Запада,— писали они,— и это изучение не прошло для нас даром: мы будем последовательнее не только жалких революционеров 48 года, но и великих террористов 92 года, мы не испугаемся, если увидим, что для ниспровержения современного порядка приходится пролить втрое больше крови, чем пролито якобинцами в 90-х годах».

Будущий политический строй России рисовался Заичневскому и его товарищам, как федеративный союз областей. Не только за каждой национальностью, но и за каждой областью признают они право на самоопределение и самоуправление.

«Мы требуем изменения современного деспотического правления в республиканско-федеративный союз областей, причем вся власть должна перейти в руки Национального и Областных Собраний. На сколько областей распадется земля русская, какая губерния войдет в состав какой области,— этого мы не знаем: само народонаселение должно решить этот вопрос» [224].

Национальное собрание должно состоять из выборных от всех областей, а областные — из представителей каждой области. Национальное собрание решает все вопросы внешней политики, разбирает споры областей между собою, вотирует законы, наблюдает за исполнением их, назначает управителей по областям, определяет общую сумму налога и распределяет ее между областями.

Областные собрания «решают дела, касающиеся одной только той области, в главном городе которой они собираются». Они же распределяют сумму налога, падающего на данную область, между отдельными общинами, ее составляющими.

Области состоят из общин, пользующихся широким правом самоуправления. Им предоставляется право суда над своими членами. Они в полном собрании своих членов определяют размеры налога, причитающегося с каждого члена.

Каждой области предоставляется право по большинству голосов решить вопрос о том, желает ли она войти в состав федеративной республики или же нет. Что касается Польши и Литвы, то они получают полную самостоятель-

---

[224] Политические процессы 60-х гг., стр. 265.

ность: авторы «Молодой России» считают, что эти области уже достаточно ясно заявили о своем нежелании оставаться соединенными с Россией.

Общины являются не только административными, но и хозяйственными единицами. Всякий гражданин обязан приписаться к той или другой из общин. Члены общин пользуются равными правами. Каждый из них получает определенное количество земли, от которой он, однако, может, если захочет, отказаться. Свой участок он имеет право сдавать в наем. Участок отводится на известное количество лет, по истечении которого производится передел всей земли. Членам общины принадлежит право жить вне общины и заниматься каким угодно ремеслом. Они должны только вносить за себя подать в установленном общиной размере. Имущество членов общины неприкосновенно в течение их жизни, а после их смерти становится достоянием общины. Таким образом, право наследования отменяется.

«Молодая Россия» предусматривает, далее, учреждение общественных фабрик. Управление ими осуществляется выборными от общества. Учреждаются и общественные лавки, продающие товары по действительной их стоимости, а не по той цене, «которую заблагорассудится назначить торговцу для своего скорейшего обогащения».

Так рисуется в прокламации Заичневского экономический строй будущего общества. Конечно, не все тут достаточно ясно. Так, например, в прокламации мы не найдем точного ответа на вопрос, как и на каких основаниях предполагается устройство общественных фабрик и лавок и кто выступает в роли организатора их: общины ли или специально для этого организуемые кооперативные общества. Возможно, что эта недоговоренность объясняется тем, что авторы прокламации имели в виду наметить только «главные основания, на которых должно построиться новое общество», а более подробные и детальные указания на этот счет считали нужным дать в следующих выпусках «Молодой России», издать которые они рассчитывали позднее.

Устройство общественных предприятий, по-видимому, не исключало существования предприятий частновладельческих, по крайней мере, мелких. В пользу этого предпо-

ложения говорит упоминание авторами «Молодой России» о свободе занятий ремеслами.

Что касается земельных участков, то они поступают в индивидуальное владение членов общины. При таких условиях имущественное неравенство между членами общины полностью не уничтожается. Этим объясняется, почему мы находим в «Молодой России» требование относительно того, чтобы налог «падал всею тяжестью не на бедную часть общества, а на людей богатых» [225].

Ряд требований, выдвинутых «Молодой Россией», относился к преобразованию общественного быта. В этом отношении прокламация Заичневского предусматривала:

1. Полное освобождение женщин и дарование им политического и гражданского равноправия с мужчинами;

2. Уничтожение брака, «как явления в высшей степени безнравственного и немыслимого при полном равенстве полов»;

3. Уничтожение семьи, существование которой, по мнению авторов прокламации, препятствует развитию человека;

4. Общественное воспитание детей и содержание их за счет общества;

5. Содержание за счет общества больных, стариков и инвалидов;

6. Уничтожение «главного притона разврата — монастырей, мужских и женских, тех мест, куда со всех концов государства стекаются бродяги, дармоеды, люди ничего не делающие, которым приятен даровой хлеб и которые в то же время желают провести всю свою жизнь в пьянстве и разврате»;

7. Секуляризацию церковных и монастырских имуществ и обращение их на уплату внутренних и внешних государственных займов.

Наконец, что касается армии, то «Молодая Россия» проектирует увеличение в больших размерах жалования войску и уменьшение срока службы солдат, а также постепенную замену постоянной армии национальной гвардией, т. е. всеобщим ополчением народа [226].

Такова была программа преобразований, выдвинутых «Молодой Россией» и делавших ее явлением исключительным среди революционных прокламаций того времени.

---

[225] Политические процессы 60-х гг., стр. 266—267.
[226] Там же, стр. 267.

Какие же общественные силы должны были, по мнению авторов «Молодой России», осуществить эти преобразования? Кому, каким слоям общества отводили они активную роль в грядущей революции?

«На кого же мы надеемся, где те элементы, сгруппировать которые мы хотим, кто на нашей стороне,— читаем мы в «Молодой России».— Мы надеемся на народ: он будет с нами, в особенности старообрядцы, а ведь их несколько миллионов. Забитый и ограбленный *крестьянин* станет вместе с нами за свои права, *он решит дело, но не ему будет принадлежать инициатива его, а войску и нашей молодежи»*.

Таким образом, народ рассматривается как решающая сила. При этом авторы «Молодой России» разделяли широко распространенное в то время, но глубоко ошибочное, предположение, что старообрядцы представляют собою наиболее революционную часть народа. Однако народ сам революции не начнет: для этого ему не хватает организованности и сознательности. В качестве инициаторов революции выступают не крестьянство, а другие общественные силы: войска, на стороне которых организованность, и молодежь, на стороне которой политическая сознательность.

Авторы прокламации рассчитывают на то, что войска поймут ту «презренную роль, которую они играли и теперь еще играют, убивая своих братьев Поляков и крестьян, повинуясь беспрекословно всем распоряжениям государя» и вспомнят «свои славные действия в 1825 году» [227].

«Но,— продолжают авторы прокламации,— наша *главная надежда на молодежь*... Она заключает в себе все лучшее России, все живое, все, что станет на стороне движения, все, что готово пожертвовать собою для блага народа».

С горячим призывом к этой молодежи и обращаются авторы «Молодой России»:

«Помни же, молодежь, что из тебя должны выйти *вожаки народа,* что ты должна *стать во главе движения,* что на тебя надеется революционная партия! Будь же готова к своей славной деятельности, смотри, чтобы тебя не застали врасплох! Готовься, а для этого собирайтесь

[227] Политические процессы 60-х гг., стр. 268. Курсив здесь и ниже Б. Козьмина.

почаще, заводите кружки, организуйте тайные общества, с которыми Центральный Революционный Комитет сам постарается войти в сообщение, рассуждайте больше о политике, уясняйте себе современное положение общества, а для большего успеха приглашайте к себе на собрания людей, действительно революционных и на которых вы можете вполне положиться»[228].

Крайне интересно и важно отметить, что «Молодая Россия» ни слова не говорит о необходимости для революционеров вести пропаганду в народе. Очевидно, ее авторы были уверены, что крестьянство своим тяжелым положением достаточно подготовлено для того, чтобы примкнуть к восстанию, когда оно начнется. Иначе были бы непонятны известные нам устные призывы Заичневского к крестьянам идти в города и запасаться оружием.

В этом — одно из основных расхождений «Молодой России» с прокламацией Шелгунова «К молодому поколению», отводившей пропаганде весьма важное место в работе революционеров. Обращаясь к «молодому поколению», Шелгунов призывал его говорить чаще с народом и с солдатами, объяснять им, чего добиваются революционеры, и подготавливать их к близости революции. «Если каждый из нас, — писал Шелгунов, — убедит только десять человек, наше дело в один год подвинется далеко»[229].

Заичневский и его товарищи молчат о пропаганде, потому что не придают ей большого значения. Они считают, что народ и без пропаганды революционеров достаточно подготовлен к революции в силу того, что его экономическое положение настолько невыносимо, что само по себе толкает его на борьбу за улучшение своей участи. Гораздо большее значение, чем пропаганде, Заичневский придавал работе по созданию конспиративных организаций среди молодежи и военных и по подготовке активного вооруженного выступления против «императорской партии» в целях захвата государственной власти.

Молодежь должна взяться за оружие, когда ее призовет к этому революционная партия.

«Скоро, скоро наступит день, — писал Заичневский, — когда мы распустим великое знамя будущего, знамя крас-

[228] Политические процессы 60-х гг., стр. 269.

[229] М. К. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг., стр. 80.

ное, и с громким криком. да здравствует социальная и демократическая республика Русская,— двинемся на Зимний дворец истребить живущих там. Может случиться, что дело кончится одним истреблением императорской фамилии, то есть какой-нибудь сотни, другой людей, но может случиться,— и что последнее вернее,— что вся имераторская партия, как один человек, встанет за государя, потому что здесь будет идти вопрос о том, существовать ей самой или нет.

В этом последнем случае с полной верою в себя, в свои силы, в сочувствие к нам народа, в славное будущее России, которой вышло на долю первой осуществить великое дело социализма, мы издадим один крик: «в топоры» — и тогда... тогда бейте императорскую партию не жалея, как не жалеет она нас теперь, бей на площадях, если эта подлая сволочь осмелится выйти на них, бей в домах, бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столиц, бей по деревням и селам. Помни, что тогда, кто будет не с нами, тот будет против; кто против, тот наш враг; а врагов следует истреблять всеми способами» [230].

Таким образом, первенствующую роль в революции авторы «Молодой России» отводят революционной молодежи, руководимой тайной организацией революционеров. От этой организации исходит инициатива восстания. Из рядов молодежи выдвигаются вожаки народа, возглавляющие движение и руководящие им. Что касается участия в революции народных масс, то оно имеет большую важность, так как именно им будет принадлежать решающая роль в том случае, если «императорская партия» окажет революционерам упорное сопротивление. Однако, возможно, что выступления народных масс и не потребуется: это — в том случае, если захват Зимнего дворца и истребление всех его обитателей приведут к успешному завершению переворота и к переходу государственной власти в руки революционеров.

Такая постановка вопроса о роли интеллигентного меньшинства в перевороте, какую дает Заичневский в «Молодой России», и его взгляд на переворот, как на захват власти революционной организацией, показывают, что политические воззрения Заичневского и его товарищей,

---

[230] Политические процессы 60-х гг., стр. 269.

принимавших участие в составлении, печатании и распространении «Молодой России», носили бланкистский характер. О. Бланки, как и Заичневский, представлял себе революцию, как захват государственной власти революционным меньшинством при поддержке народных масс. Но Бланки не довольствовался этим; он проповедовал необходимость после захвата власти революционерами установления диктатуры революционной партии. Задача этой диктатуры сводится к тому, чтобы, опираясь на аппарат государственной власти, провести в жизнь свою программу социальных и политических преобразований. Точно так же смотрел на задачи революционной партии и Заичневский.

Этому, на первый взгляд, противоречит то превращение России в федеративную республику, о котором, как мы уже знаем, говорилось в «Молодой России». Однако, как мы сейчас убедимся, по программе Заичневского федерализм осуществляется далеко не сразу после переворота. Ему предшествует период диктатуры революционной партии, продолжающийся до тех пор, пока не удастся полностью обезопасить завоевания революции от контрреволюционных попыток последышей «императорской партии».

«Без сомнения мы знаем,— писали авторы «Молодой России»,— что такое положение нашей программы, как федерация областей, *не может быть приведено в исполнение тотчас же.* Мы даже твердо убеждены, что революционная партия, которая станет во главе Правительства, если только движение будет удачно, должна *сохранить теперешнюю централизацию,* без сомнения политическую, а не административную, чтобы при *помощи ее ввести другие основания экономического и общественного быта* в наивозможно скорейшем времени. Она должна *захватить диктатуру в свои руки* и не останавливаться ни перед чем. Выборы в Национальное собрание должны происходить под влиянием правительства, которое тотчас же позаботится, чтобы в состав его не вошли сторонники современного порядка (если только они останутся живы)».

«К чему приводит невмешательство революционного Правительства в выборы,— продолжают авторы «Молодой России», поясняя свою мысль,— доказывает прошлое французское Собрание 48 года, погубившее республику и при-

ведшее Францию к необходимости выбора Луи Наполеона в императоры»[231].

Таким образом, непосредственным результатом переворота явится не федерация, а диктатура революционной партии, захватившей в свои руки современный централизованный государственный аппарат и проводящей при помощи его в жизнь программу социальной революции.

Но этого мало: самый федерализм авторов «Молодой России» имеет своеобразный характер и резко отличается от того, что обычно принято подразумевать под федеративным строем.

Мы говорили уже выше о круге прав, которыми пользуется Национальное собрание, с одной стороны, и областные, с другой. Мы видели, что законодательная деятельность и установление налогов относятся всецело к компетенции Национального собрания. Мало этого, центральная власть, в лице того же Национального собрания, *назначает управителей по областям*. Что же остается на долю областных собраний? Только одно: рассмотрение и решение дел, имеющих областное значение,— в том числе распределение установленной Национальным собранием для данной области суммы налога между входящими в ее состав общинами[232].

Другими словами, авторы «Молодой России» наделяли центральную власть такими широкими полномочиями и настолько суживали пределы компетенции властей областных, что о федерализме в точном смысле этого слова не могло быть и речи. Проектируемый ими строй правильнее называть не федерализмом, а автономией или широким местным самоуправлением, отнюдь не исключающим централизации государственной власти. Впрочем, и самоуправление это не очень-таки широко, так как оно ограничивается властью управителя области, назначенного свыше, Национальным собранием.

Все сказанное выше показывает, что Заичневский вполне разделял идею Бланки о диктатуре революционной партии в целях осуществления общественного переустройства. Недаром, по свидетельству современников, он сам именовал себя «якобинцем-бланкистом».

---

[231] Политические процессы 60-х гг., стр. 268.
[232] Там же, стр. 266.

Если влияние взглядов О. Бланки на социально-политическую программу Заичневского стоит вне всяких сомнений, то в то же время было бы ошибкой сводить всё к воздействию на него идей одного Бланки. Наряду с знаменитым французским революционером, на мировоззрение Заичневского оказали сильнейшее влияние и наши русские политические мыслители, начиная с Герцена и кончая Чернышевским и Добролюбовым.

Заичневский, несомненно, был хорошо знаком с такими произведениями Герцена, как «Письма из Франции и Италии» и «С того берега». Именно они помогли ему осмыслить уроки французской революции 1848 г.

Не менее сильным было воздействие, оказанное на него произведениями Чернышевского и Добролюбова. От них он заимствовал уверенность в неизбежности революционного пути для справедливого разрешения больных вопросов русской жизни. На его положении о противоположности интересов «императорской партии» и народа отчетливо сказывается проводимое названными мыслителями противопоставление трудящихся «дармоедам» и «тунеядцам». Однако, в отличие от Чернышевского и Добролюбова, Заичневский не понимал того, что только народные массы, а не интеллигенция, могут совершить революцию. Это обстоятельство необходимо не упускать из вида, чтобы понять отношение Чернышевского к «Молодой России».

* * *

«Молодая Россия» произвела исключительно сильное впечатление на современное общество. Этому способствовало не только яркое содержание прокламации, но и одно случайное обстоятельство, совпавшее по времени с распространением ее. Дело в том, что в середине же мая в Петербурге началась пожарная эпидемия, продолжавшаяся в течение двух недель. То там, то здесь в разных концах столицы вспыхивали пожары. Грандиозный характер они приняли 28—30 мая, когда дотла выгорели Апраксин и Щукин дворы с тысячами лавок, а также прилегающая к этим дворам местность. В результате этих пожаров остались сотни обездоленных семей, потерявших все свое достояние. Преимущественно это были мелкие торговцы и ремесленники, имевшие лавки, магазины и мастерские в Апраксином дворе. Зарево петербургских пожаров, вспыхнув-

ших непосредственно вслед за распространением «Молодой России», вселило смертельный страх в обывательскую массу и создало благоприятную почву для распространения темных слухов о том, что пожары эти — дело рук каких-то поджигателей.

Одни винили в поджогах поляков, якобы ненавидящих Россию, другие — дворян, недовольных отменою крепостного права, третьи — и таковых было большинство — студентов-революционеров. Распространители слухов о том, что поджоги исходят из революционной среды, ссылались в доказательство этого клеветнического обвинения на только что вышедшую и получившую широкое распространение «Молодую Россию» с ее призывом уничтожить современный общественный строй так, чтобы от него камня на камне не осталось. Студенты производят поджоги для того, чтобы «создать пролетариат» и ожесточить народ, обездолив его,— такова была формула, выработанная обывательской массой, обезумевшей от ужаса перед огненной стихией, и охотно поддерживаемая агентами правительства.

В результате этого студентам стало небезопасным показываться на улицах. Неоднократно происходили нападения на них озверелой толпы и избиения.

Слухи о студентах-поджигателях проникли в печать. Субсидировавшаяся правительством московская газета «Наше время», издававшаяся либеральным в 40-х и 50-х годах писателем Н. Ф. Павловым, безо всяких доказательств заявляла в категорической форме: «Нельзя сомневаться, что пожары петербургские действительно происходят от поджогов, а если принять при этом в соображение возмутительное сочинение, то невольно приходит на ум, что тут действует какой-то гнусный, злодейский заговор»,— писал С. Славутинский в № 116.

Однако для такого заявления не было серьезных доказательств, как равным образом не было их и для утверждения, будто пожары были организованы правительством. Не следует забывать, что в России первой половины XIX века — да и позже — грандиозные опустошительные пожары повторялись настолько часто, что принимали характер «бытового явления».

«Да когда же в России что-нибудь не горело?» — резонно спрашивал на страницах «Колокола» Герцен, пораженный политическим значением, приданным петербургским

пожарам. Не менее часто при пожарах возникали упорные слухи о поджогах; в них обычно винили разных «врагов России»: то поляков, то англичан и т. п. Но никогда ни один пожар, как бы грандиозен он ни был, не имел того политического значения, какое было придано петербургским пожарам 1862 г. Мы увидим ниже, как удачно использовало в своих интересах эти пожары русское правительство.

В первый же день, когда загорелись Апраксин и Щукин дворы, по Петербургу разнесся слух, что на улицах, поблизости от горевших рынков, происходит бунт и что там дело дошло даже до стрельбы из пушек. Нелепость этого слуха скоро стала для всех ясной. Бунта не происходило. Однако ожидание его и страх перед его близостью остались. Тревога, овладевшая населением Петербурга, и по окончании пожаров улеглась не сразу.

«Тяжелое время! — писал в начале июня один из представителей высшего петербургского духовенства своему знакомому.— Воззвания дерзкие и безбожные распространяются. О спасении от бедствий у нас ежедневно служат молебствия (по высочайшему повелению) по всем церквам. В городе страх и смятение; но вот три дня все тихо, и пожаров нет, хотя всякий домохозяин боится за себя» [233].

«Над Петербургом,— вспоминает один современник,— не одно облако дыма стояло, а более тяжелое облако страха перед неизвестностью. Конечно, у такого страха глаза велики, но почти целый месяц столица была как бы в осаде» [234].

Страх перед революцией проник и в царский дворец. Осенью 1862 г. императрица, приехавшая в Москву, признавалась, что там она впервые за продолжительное время провела ночь спокойно, без опасений и страхов.

Тревожное настроение охватило не один только Петербург, но и всю страну. Один современник писал: «Уезжая из Петербурга после майских пожаров, с каким наслаждением, наполнявшим меня всего, смотрел я, как скрывался из глаз город и, наконец, пропал вдали. Жадно, до насущной потребности, хотелось скорее забыть все виденное и

---

[233] Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XIX, стр. 130.

[234] С. Челищев. Крестьянское волнение по поводу слухов о житарях. «Библиотека для чтения», 1863, № 1.

слышанное за последнее время, зажить хотя мелочами иной жизни, только бы имеющей поменьше общего с вавилонским столпотворением, начавшимся среди образованного общества... Но увы! Мне еще долго суждено было видеть перед глазами непонятный, но ненавистный призрак петербургских пожаров». И, далее, он сообщает, что слухи о петербургских событиях взволновали деревню «до последней избы, до бездомного бобыля»; среди крестьян шли толки о том, что в Питере «бабы бунтуют», что помещики и чиновники нанимают «жигарей» (поджигателей) и рассылают по разным местам [235].

Правительство со своей стороны делало все, чтобы увеличить тревогу и убедить население, что слухи о поджигателях имеют за собою реальное основание. Характерно, что министр внутренних дел Валуев, к которому министр просвещения обратился с просьбою опровергнуть слухи о причастности студентов к пожарам, категорически отказался сделать это [236]. Статьи, в которых оспаривались нелепые обвинения, взведенные на студентов, запрещались цензурой.

В частности, была задержана статья одного из братьев Достоевских Федора Михайловича или Михаила Михайловича (какого именно, точно не установлено), автор которой, касаясь обывательских слухов и сплетен, писал:

«Недавно вышла возмутительная прокламация и, как все потаенное и запрещенное, прочитана с жадностью. По крайней мере, мы не встречали еще никого, кто не читал бы ее. Излишне было бы говорить, что она возбудила отвращение. Вот и говорят, что люди, напечатавшие «Молодую Россию», способны на все, что они не остановятся ни перед какими средствами, что поджоги — первые симптомы их деятельности. Положим так, хотя они в этом случае очутились бы в положении человека, желающего гладить своего друга по голове железной рукавицей, утыканной гвоздями. Но доказано ли, во-первых, что люди, производящие поджоги,— в связи с «Молодой Россией»... доказано ли,— и это самое главное,— то особенно важное обстоятельство, что настоящее наше молодое поколение — и именно

---

[235] С. Челищев. Крестьянские волнения по поводу слухов о житарях. «Библиотека для чтения», 1863, № 1.

[236] Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XIX, стр. 130—131.

студенты — солидарно с «Молодой Россией»... Где эти факты, раскрытые следствием, которые ясно доказали бы действительную солидарность студентов с подобными явлениями?» [237].

Правительство было заинтересовано в том, чтобы нелепые слухи о поджигателях распространялись как можно шире. В тревоге и ужасе, объявших население, оно рассчитывало найти опору своей реакционной политике. Тогдашний директор департамента полиции открыто признавался впоследствии в том, что он с министром внутренних дел Валуевым решили воспользоваться петербургскими пожарами, чтобы «восстановить авторитет» правительства, «столь сильно поколебленный в последнее время».

Для расследования петербургских пожаров была создана специальная следственная комиссия. Она должна была найти поджигателей. Конечно, найти их ей не удалось, и никаких сведений о деятельности ее в печати не появлялось. Герцен в своем «Колоколе» несколько раз напоминал об обещании правительства опубликовать результаты работы следственной комиссии, но безуспешно. Правительство ничего не сообщало на этот счет, потому что сообщать-то было нечего: комиссии не удалось найти ни одного поджигателя.

Тем не менее, правительство широко использовало выгодную для него политическую ситуацию, создавшуюся после петербургских пожаров, и поспешило провести в жизнь ряд репрессивных мер. Были закрыты все воскресные школы. Демократические журналы «Современник» и «Русское слово» подверглись запрещению. Были произведены многочисленные аресты среди лиц, которых правительство подозревало в революционной деятельности. Среди арестованных находился Н. Г. Чернышевский, на которого правительство давно уже косилось, но тронуть которого ранее оно не решалось.

Не только реакционеры, но и перепуганные призраком революции либералы оправдывали решение правительства. В этом отношении очень интересно замечание министра внутренних дел Валуева в его всеподданнейшем отчете за

---

[237] М. К. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг., стр. 624.

1861—1862 гг. Валуев, подводя итоги своей деятельности, писал:

«Чуткое чувство самосохранения возбудило другие чувства, которым следовало бы пробудиться и ранее майских пожаров. В эту эпоху совершился первый благоприятный поворот в общественном мнении; затихли похвалы, которые, несмотря на возмутительное зрелище университетских беспорядков, упорно приносились недоучившейся и вовлеченной в преступные заблуждения молодежи; в некоторых литературных органах стала заметною перемена направления; наконец, в них появились прямые протесты против изменнических действий наших заграничных агитаторов, до тех пор пользовавшихся в России непостижимым кредитом. *Все почувствовали, что для спасения общества и государства нужны были энергические правительственные распоряжения*, и в то время, сколь бы ни были решительны меры, принятые правительством, они бы все были встречены почти всеобщим сочувствием» [238].

К аналогичным выводам приходил в своем всеподданнейшем отчете за 1862 г. и шеф жандармов. Упомянув о петербургских пожарах и о чувстве «общего негодования», вызванном ими, он писал: «Таким образом *удалось* на этот раз *рассеять* скопившуюся над русской землею *революционную тучу, которая грозила разрешиться при первом удобном случае»*.

Это заключение шефа жандармов чрезвычайно любопытно, между прочим, в том отношении, что оно служит ярким доказательством того, насколько опасным считало в то время само правительство свое положение и насколько серьезной представлялась ему угроза революции. А это объясняет нам, на какой почве возникла уверенность авторов «Молодой России» в том, что Россия действительно находится накануне революции. Это же дало возможность правительству выступать в роли спасителя страны от грозившей господствующим классам гибели.

Этим же определялось отношение к «Молодой России» печати как консервативного, так и либерального направления. Характерно, что перепуганные насмерть представители господствующих классов, стремясь скрыть свой страх,

---

[238] А. И. Герцен. Соч., т. XV, стр. 224—225 (курсив Б. Козьмина.— *Ред.*).

уверяли, что «Молодая Россия» — вздор, на который не следует обращать серьезного внимания, так как эта прокламация — озорство мальчишеское, не имеющее никакого значения.

Такую именно позицию занял редактор «Русского вестника» М. Н. Катков, воспользовавшийся событиями того времени для того, чтобы открыть с благословения правительства поход против «лондонских изгнанников», о которых ранее легальной прессе даже упоминать не разрешалось. В серии статей он обвинял Герцена и Огарева в том, что они были интеллектуальными соучастниками и действительными вдохновителями распространявшихся по России прокламаций и поджигателей, которые злодейски злонамеренно обездолили пострадавшее от петербургских пожаров население.

В июньской книжке «Русского вестника» Катков отозвался о «Молодой России», как о «диком сумасбродстве». «Никто ни минуты не опасался,— лицемерно писал Катков об авторах «Молодой России»,— чтобы на голос их мог сочувственно отозваться народ. Такой глупости никому не приходило в голову... Трудно было читать ее (т. е. прокламацию.— *Б. К.*) без смеха и первым движением каждого было желание, чтоб она была обнародована и предана общественному посмеянию» [239].

Каткову вторила газета «Северная пчела», которая писала: «Само собою разумеется, что мы не даем ни малейшего политического значения прокламации к «Молодой России». Мы смотрим на нее, как на порыв увлечения горячих голов; мы убеждены, что за ними никто не пойдет».

Достоевский в той самой статье, которую цензура не пропустила и которую мы цитировали выше, писал: «Три золотушных школьника, из которых старшему уж наверно не больше тринадцати лет, напечатали и разослали глупейший листок, не справившись даже хорошо с иностранными книжками, откудова они все выкрали и бездарно перековеркали. Залп хохоту должен был встретить гнусный листок. Читая его, всякий сказал: «В семье не без урода». Но несколько хилых старцев в подагре и хирагре, с старобабьим умом, переменившие по прочтении глупого листка свое белье и даже тут не догадавшиеся о настоящем

[239] «Русский вестник», 1862, № 6, стр. 851.

употреблении этого листка,— эти старцы почувствовали страшный паралитический страх» [240].

Все эти успокоительные заверения ни в коем случае нельзя принимать всерьез. Их авторы были напуганы «Молодой Россией» не меньше тех хилых старцев, о которых писал Достоевский. Известно, например, что сам Достоевский в пожарные дни в полном смятении прибежал к Чернышевскому и умолял его воздействовать на революционеров, убедив их прекратить пожары. Как мы видели, представители правительства были откровеннее журналистов и не скрывали своего страха перед революцией и уверенности в том, что она действительно угрожала в то время императорской власти.

Что касается либеральных органов печати, то их отзывы о «Молодой России» ничем почти не отличались от отзывов печати консервативной. И они утверждали, будто эта прокламация — произведение зеленых школьников. И они лицемерно уверяли, что для страха перед революцией никаких оснований не имеется. К этому они присоединяли обвинение по адресу авторов прокламации в том, что появление ее оправдывает репрессивные меры правительства. Они старались доказать, что, если бы не было «Молодой России», правительство не имело бы оснований обращаться к репрессиям. Другими словами, по их мнению, Заичневский и его товарищи сыграли на руку правительству. Внутренний обозреватель умеренно либеральных «Отечественных записок» С. С. Громека в обзоре русской политической жизни за 1862 г. так отозвался о «Молодой России»:

«Никто не сомневается..., что неизвестный автор «Молодой России» принес нашему правительству столько пользы, сколько не могло принести ему в совокупности усердие всей полиции... Они (реакционеры.— *Б. К.*) владеют теперь страшным пугалом... «Молодой Россией»... У них теперь каждый прогрессист — поклонник теории «Молодой России»» [241].

Такой взгляд на роль, сыгранную «Молодой Россией», находил сторонников и в революционных кругах. Многие

---

[240] М. К. Лемке. Политические процессы в России в 1860-х гг., стр. 628—629.

[241] «Отечественные записки», 1862, т. 10, стр. 6.

революционеры считали издание этой прокламации грубой тактической ошибкой.

Что касается Герцена, то он ознакомился с «Молодой Россией» не раньше как месяца через полтора после ее выхода. До этого он судил о ней только по слухам, которые дошли до Лондона одновременно со слухами относительно петербургских пожаров и о реакционных мероприятиях правительства. Узнал Герцен и о том, что в черном стане нашлись люди, которые воспользовались прокламацией Заичневского и пожарами для того, чтобы начать клеветническую кампанию против издателей «Колокола».

Вскоре же он прочитал те обвинения в подстрекательстве «безрассудной молодежи» к преступным действиям, которые были выдвинуты против него Катковым. «Разве то, что они делают,— писал Катков в «Современной летописи» от 6 июня про Герцена и Огарева,— не те же поджоги? Или они так невинны, что не понимают, к чему клонятся их манифесты? Или они думают, что возбуждать стихийные страсти, которые так же мало разбирают свои жертвы, как и пожары, которые также сопровождаются стихийными бедствиями, падающими на бедных и богатых, на честных и бесчестных, и еще больше на первых, не значит поджигать, особенно когда проповедники живут весело в сторонке и еще менее обыкновенных поджигателей рискуют своей особой? Разве это не одно и то же? Разве это еще не хуже? Разве нельзя всего ожидать от людей, которые действуют таким образом?» [242].

Узнав о реакции, начавшейся в России, и ознакомившись с клеветническими выпадами Каткова, Герцен по прочтении «Молодой России» решил отозваться на появление ее так, чтобы, с одной стороны, отмежеваться от этой прокламации, а с другой,— сделать попытку убедить правительство и общество, что в действительности для тревоги нет никаких оснований. Этим определялось содержание двух статей, которые Герцен в своем «Колоколе» посвятил прокламации Заичневского: «Молодая и старая Россия» и «Журналисты и террористы». Подобно русской легальной прессе Герцен отозвался о прокламации Заичневского, как о произведении незрелого ума, результате юношеского легкомыслия, неспособном принести никакой пользы. Герцен писал:

[242] «Колокол», 1862, № 23, л. 12.

«Если *молодые люди* (а для нас не подлежит сомнению, что летучий лист этот написан очень молодыми людьми) в своей заносчивости *наговорили пустяков,* остановите их, вступите с ними в спор, отвечайте им, но не кричите о помощи, не подталкивайте их в казематы... Жаль, что молодые люди выдали эту прокламацию, но винить их не станем. Ну, что упрекать молодости ее молодость? Сама пройдет, как поживут... Крови от них ни капли не пролилось, а если прольется, то это будет их кровь — юношей — фанатиков» [243].

Показав, что, по его мнению, никаких поводов для тревоги не существует и что «кровавые сентенции» прокламации Заичневского не заслуживают того значения, которое им придано правительством и обществом, Герцен обращался к выполнению своей второй задачи — к идейному отмежеванию от «Молодой России».

По утверждению Герцена, *«она вовсе не русская* — это одна из вариаций на тему западного социализма, метафизика французской революции». «Говорить чужими образами, звать чужим кличем,— писал далее Герцен,— это непонимание ни дела, ни народа; это — неуважение ни к нему, ни к народу. Ну, есть ли тень вероятия, чтобы народ русский восстал во имя социализма Бланки, оглашая воздух кликами из четырех слов, в числе которых три длинных для него непонятны?».

Революция, идущая из центра наподобие французской, невозможна, по мнению Герцена, в России. «Децентрализация — первое условие нашего переворота, идущего от нивы, от поля, от деревни. Народу надо проповедовать не Фейербаха и не Бабефа, а понятную для него *религию земли»* [244].

Отмежевываясь от авторов «Молодой России», Герцен в то же время считал необходимым оправдаться от тех обвинений, которые были выдвинуты против него в этой прокламации. Эти самооправдания Герцена,— которым (что весьма характерно и показательно) он отвел в своих статьях гораздо больше места, нежели авторы «Молодой России» своим обвинениям по его адресу,— показывают, что Герцен вряд ли был вполне искренен, когда расценивал

---

[243] «Колокол», 1862, № 23, л. 12—13 (курсив Б. Козьмина.— *Ред.*).
[244] Там же, л. 12.

прокламацию Заичневского как плод ребячьего задора. Несомненно, что упреки «Молодой России» задели Герцена за живое и что в глубине души он сознавал несправедливость своего пренебрежительного отзыва об этой прокламации, как о «пустяках». Очевидно, такая характеристика прокламации Заичневского была вызвана в значительной степени соображениями тактического порядка, желанием смягчить впечатление, произведенное «Молодой Россией», и сдержать реакцию, начавшуюся в России.

Герцен еще сохранял остатки своей прежней веры в то, что русское правительство будет вынуждено встать во главе социального переворота в России и проведет мероприятия, улучшающие положение крестьян. Это проявилось в его ответе на обвинения, выдвинутые против него авторами «Молодой России».

Правы ли Заичневский и его товарищи, утверждая, что Герцен потерял веру в насильственные перевороты?

«Не веру в них мы потеряли,— отвечал Герцен,— а любовь к ним». Герцен признавал, что такие перевороты бывают неизбежны, но они должны быть последним средством, к которому можно призывать только в случаях крайней надобности, только тогда, когда окажутся неприменимыми другие средства.

В отличие от авторов «Молодой России» Герцен полагал, что в России социальный переворот возможен *только через народ или через государственную власть,* а не через группы революционеров-заговорщиков, не через «меньшинство из образованных». Но народ еще не готов к перевороту: он поднимется на него только тогда, когда убедится в полной безнадежности всяких надежд на царскую власть. Царская же власть, по мнению Герцена, *не сказала еще* до сих пор своего *последнего слова,* и неизвестно, каким путем она пойдет далее: «она может сделаться татарским ханатом и французским комитетом общественного спасения». Людям, искренне желающим добра народу, необходимо сделать все, чтобы побудить правительство стать во главе народного дела. Поэтому призывать народ к восстанию пока еще преждевременно. Им в настоящее время необходимо работать над организацией революционных сил на тот случай, если выяснится полное нежелание правительства идти навстречу интересам и нуждам народа. Эта организация сил должна идти под знаком соединения с на-

родом во имя осуществления его (а не чуждых ему западных) идеалов[245].

Так отвечал Герцен авторам «Молодой России». Как видим, они не могли договориться друг с другом. «Молодая Россия», по мнению Герцена,— отражение западноевропейской социалистической литературы. Герцена эта литература не устраивала; она казалась ему чуждой и далекой от России и ее действительных неотложных нужд. Якобинству Заичневского он противопоставлял доморощенное народничество, «русский социализм». Герцен не верил в применимость к России теории и практики Бабефа и Бланки. Заичневский же никак не мог согласиться с тем, что «наш переворот должен начаться с сознательного возвращения к народному быту, к началам, признанным народным смыслом и вековым обычаем». Если «Молодая Россия» была первой по времени декларацией русского бланкизма, то статьи Герцена о «Молодой России» во многом предвосхищали позднейшую критику бланкизма, которую мы находим в народнической литературе 70-х годов.

В оценке «Молодой России» с Герценом сошелся и М. А. Бакунин. Свое мнение о прокламации Заичневского впервые он выразил в брошюре «Народное дело. Романов, Пугачев или Пестель», вышедшей в свет в сентябре 1862 г.

«Прокламация «Молодая Россия»,— писал Бакунин,— доказывает, что в некоторых молодых людях существует еще страшное самообольщение и совершенное непонимание нашего критического положения. Они кричат и решают, как будто бы за ними стоял целый народ. А народ-то еще по ту сторону пропасти, и не только вас слушать не хочет, но даже готов избить вас по первому мановению царя. Редакторов «Молодой России» я упрекаю в двух серьезных преступлениях. Во-первых, в безумном и в истинно доктринерском пренебрежении к народу, а во-вторых, в нецеремонном, бестактном и легкомысленном обращении с великим делом освобождения... Появление «Молодой России» причинило положительный вред общему делу, и виновниками вреда были люди, желавшие служить ему». Далее Бакунин старался доказать, что прокламация «Молодая Россия» будто бы «не может быть принята за серьезное выражение идей передовой молодежи. Несколько сме-

---

[245] «Колокол», 1862, № 23, стр. 12—13.

лых юношей собрались и издали свою прокламацию... Довольно было, чтоб перепугать до смерти наших бедных правителей...» Оценив «Молодую Россию» как произведение кучки неопытных и увлекающихся юношей, не имеющее серьезного значения, Бакунин противопоставил этих юношей «огромному большинству нашей молодежи», которая, по его словам, «принадлежит к партии народной, к той партии, которая поставила себе единою целью *торжество народного дела*. Эта партия не питает предрассудков ни за царя, ни против царя, и если б сам царь, начавший великое дело, не изменил впоследствии народу, она бы никогда от царя и не отстала» [246].

Для полного понимания этих слов Бакунина необходимо иметь в виду, что во время написания им брошюры «Народное дело» он теоретически допускал три различных пути к освобождению народа, три пути, которые он охарактеризовал фамилиями Романова, Пугачева и Пестеля. Все эти пути были тогда для него приемлемы.

Как видим, в отзыве Бакунина о «Молодой России», приведенном нами, нет ничего существенно нового по сравнению с известными нам статьями Герцена. Непонимание авторами прокламации политического положения России, их оторванность от народа и доктринерское пренебрежение к нему, бестактность их прокламации, их витание в мире абстракций и незнакомство с истинными нуждами и желаниями народа — обо всем этом мы читали уже у Герцена. Бакунин лишь повторяет то, что раньше него было сказано о «Молодой России» издателем «Колокола»; в оценке прокламации он вполне сходился с Герценом. И это понятно: те политические разногласия, которые обнаружились между Герценом и Бакуниным и позднее привели к их разрыву, в 1862 г. еще не носили острого характера. Как видно из брошюры «Народное дело», Бакунин в 1862 г. еще допускал возможность мирных преобразований по инициативе сверху, хотя и не очень верил в возможность такого исхода, намечая наряду с ним два других. Этого было вполне достаточно, чтобы «Молодая Россия» встретила с его стороны отрицательное отношение.

Его взгляд на прокламацию Заичневского изменился лишь тогда, когда изменились его взгляды на возможность

---

[246] Цитируется по избранным сочинениям М. А. Бакунина, т. III, П.-М., 1920, стр. 85—86.

мирного исхода, когда он пришел к выводу о революции, как об единственном пути, способном привести народ к светлому будущему. В 1868 г. в речи, произнесенной им на Бернском конгрессе Лиги мира и свободы, Бакунин вновь заговорил о «Молодой России». Тут он вступил в полемику со своим собственным прежним взглядом.

«Скажут, как говорили и тогда, что этот манифест,— утверждал теперь Бакунин,— есть только необдуманное и преувеличенное выражение чувств очень небольшого числа молодых ветреников. Это, господа, глубокая ошибка. Хотите вы знать число молодых и пожилых людей, разбросанных по России и сочувствующих этим принципам, людей, которых чувства, стремления, инстинкты или, если так можно выразиться, симпатии вполне выражаются изложенными в манифесте принципами? Я думаю, что я скорее уменьшу, чем преувеличу, если скажу, что число таких людей простирается до 40 или даже до 50 тысяч человек» [247].

Как видим, теперь Бакунин начал перегибать палку в другую сторону, чрезмерно преувеличивая число сторонников «Молодой России». Однако надо заметить, что и теперь Бакунина пленяла в «Молодой России», конечно, не бланкистская программа переворота, а только яркое бунтарство ее авторов и их готовность идти до конца в деле разрушения существующего общества.

Насколько позволяют нам судить скудные материалы, дошедшие до нас, отрицательным было отношение к «Молодой России» и со стороны Н. Г. Чернышевского. Однако мотивы его отношения к прокламации Заичневского были совершенно иными, нежели мотивы Герцена и Бакунина. Приведем все, что нам известно по этому вопросу. Прямых высказываний Чернышевского о «Молодой России» до нас не дошло. Ввиду этого нам приходится довольствоваться сообщениями мемуаристов.

* * *

Л. Ф. Пантелеев, со слов Н. И. Утина, рассказывает [248], что по выходе «Молодой России» московский кружок, ее выпустивший, отправил к Чернышевскому со спе-

---

[247] Там же, стр. 111.

[248] Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого, ч. II, стр. 237.

циальным посланным (фамилию последнего Пантелеев обозначает буквой С.) [249] несколько экземпляров этой прокламации для «распространения». Чернышевский отказался принять доставленные экземпляры и, вообще, сухо встретил посланного. «Но потом,— рассказывает Пантелеев,— его точно раздумье взяло, что он оттолкнул от себя людей, может быть, чересчур экзальтированных, но во всяком случае энергических и преданных революционному делу: он решил выпустить особого рода прокламацию — «К нашим лучшим друзьям»; скорый арест помешал ему выполнить это намерение».

Отрицательное отношение Чернышевского к «Молодой России» подтверждается и свидетельством Гольц-Миллера, известным нам в передаче М. К. Лемке со слов С. Н. Южакова.

«Покойный И. И. Гольц-Миллер, один из членов «Центрального Революционного Комитета»,— пишет Лемке,— рассказывал своему приятелю С. Н. Южакову, что Чернышевский прислал к ним в Москву видного революционного деятеля той эпохи и одного из основателей общества «Земля и воля», ныне покойного А. А. Слепцова, уговорить комитет сгладить как-нибудь крайне неблагоприятное впечатление, произведенное «Молодой Россией». К сожалению, Южаков не помнил, что сказал его приятель о результатах приезда Слепцова» [250].

Чем же вызывалось отрицательное отношение Чернышевского к «Молодой России»? Ответить на этот вопрос не трудно. Его отношение к прокламации Заичневского определялось далеко не теми мотивами, как Герцена и Бакунина. В отличие от них Чернышевский ни в какой мере не разделял веры в возможность для царя понять нужды народа и пойти во главе «народного дела»; он понимал, что, помимо народной революции, для России не может быть никакого другого исхода. В этом между ним и Заичневским расхождений не было.

Однако, в отличие от Заичневского, Чернышевский считал, что для подготовки и обеспечения успешности народ-

---

[249] Вероятно, это был М. А. Саблин, о приездах которого в Петербург сообщает в своих воспоминаниях Н. Я. Николадзе. «Каторга и ссылка», 1927, № 5, стр. 35—38.

[250] М. К. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг., стр. 527.

ной революции надо провести большую подготовительную работу как организационного, так и пропагандистского характера. Недаром в своей прокламации «Барским крестьянам» он призывал крестьян к выдержке для того, чтобы преждевременным выступлением они не принесли вреда делу революции. При таких условиях вызов, брошенный авторами «Молодой России» старому миру, не мог не казаться Чернышевскому скороспелым и потому вредным для дела.

Наряду с этим, нужно отметить и другую сторону вопроса. Чернышевский не был сторонником заговорщической тактики, принципы которой были развиты в прокламации Заичневского. Он не мыслил революции без решающего участия в ней народных масс.

Сказанного нами вполне достаточно для того, чтобы понять, почему редактор «Современника» не мог положительно отнестись к прокламации Заичневского, хотя и понимал, что она была продиктована ее составителями искренней преданностью их интересам народа.

Приведенное нами выше сообщение Гольц-Миллера в передаче Южакова носит довольно неопределенный характер. Самое интересное — каковы были результаты поездки Слепцова в Москву — остается неизвестным. Это не помешало, однако, М. К. Лемке высказать предположение, что поездка Слепцова увенчалась успехом и что результатом его переговоров с авторами «Молодой России» явилось составление ими второй прокламации, долженствовавшей смягчить впечатление, произведенное первой. Этой второй прокламацией Лемке считает прокламацию «Предостережение», рукопись которой, вместе с несколькими экземплярами «Молодой России», была взята полицией при обыске, произведенном в Петербурге 15 июня 1862 г. у студента П. Д. Баллода, владельца тайной «карманной типографии».

«Мне кажется,— пишет Лемке,— что, высоко ставя мнение Чернышевского, весьма возможно, что Заичневский, Аргиропуло, Гольц-Миллер и их товарищи признали справедливым совет Николая Гавриловича и написали именно приводимую ниже прокламацию» [251].

Никаких доводов, подтверждающих это предположение,

[251] М. К. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг., стр. 527.

Лемке привести не мог. Поэтому-то он и высказывает его лишь в виде догадки. Это не помешало некоторым историкам, писавшим о «Молодой России» после Лемке, считать его предположение твердо установленным фактом и без всяких оговорок приписывать «Предостережение» Заичневскому и его товарищам.

Каково же было содержание этой прокламации?

Написанная в начале июня 1862 г., она была составлена под непосредственным впечатлением петербургских пожаров и тревоги, возбужденной ими [252].

Прокламация начинается с оправдания революционеров от возведенного на них обвинения в том, что они «жгут Петербург».

«Мы достоверно знаем, что таких революционеров нет и не было. Несколько пылких людей написали и напечатали публикацию, резкие выражения которой послужили предлогом для нелепых обвинений. Довольно прочесть эту публикацию со вниманием, чтобы понять чувства ее издателей: это *люди экзальтированные* [253] и уже потому самому не способные иметь никаких низких намерений. Они сказали несколько *опрометчивых слов*, но, конечно, не придавали им того смысла, какой хочет видеть в них правительство и находит петербургская публика. Из их слов для нас ясно было их желание сказать только, что правительство ведет народ к восстанию и что они готовы стать в ряды народа при наступлении вооруженной борьбы. Но не отстать от народа, когда он поднимается, *вовсе не то, что возбуждать его к резне*. Думать, что облегчение судьбы простого народа не будет слишком дорого куплено ценой революции,— вовсе не то, что поджигать жилища и лавки бедняков. Эта разница очень ясна, но теперь публике угодно было заняться сплетнями вместо того, чтобы вникнуть в дело. История свидетельствует, что демократы никогда не действовали ни поджигательствами, ни другими подобными средствами».

Извратив содержание «Молодой России» заявлением, что ее авторы отнюдь и не думали вести народ к восстанию, «Предостережение» переходит к замаскированной полемике с «Молодой Россией» и с ее якобинством.

---

[252] «Предостережение» полностью напечатано в только что названной книге М. К. Лемке, стр. 527—530.

[253] Курсив здесь и ниже Б. Козьмина.— *Ред.*

«Революционная партия никогда не бывает в силах сама по себе совершить государственный переворот. Пример тому — многочисленные попытки парижских республиканцев и коммунистов, которые всегда так легко подавлялись несколькими батальонами солдат. *Перевороты совершаются народами...*

Крестьяне уже начинают готовится к восстанию и поднимутся, если не получат новой воли. Это уже решено между крестьянами во всех губерниях. Не верьте слухам, отрицающим этот факт,— они лживы... народное восстание близится. Пусть поймет это публика и пусть помнит. Пусть сообразит теперь, что реакция, порожденная ее сплетнями, поддерживаемая ее легковерием, даст восстанию черного народа характер столь свирепый, что никакие усилия революционеров не будут в состоянии ни смягчить переворота, ни положить ему пределов.

Мы революционеры, т. е. люди, не производящие переворота, а только любящие народ настолько, чтобы не покинуть его, когда он сам без нашего возбуждения ринется в борьбу, мы умоляем публику, чтобы она помогла нам в наших заботах *смягчить готовящееся в самом народе восстание. Нам жаль образованных классов;* просим их уменьшить грозящую им опасность. Но для этого нужно, чтобы публика сделалась более хладнокровна и менее легкомысленна, чем какою выказала она себя в сплетнях о пожарах. Перестаньте поощрять правительство в его реакционных мерах» [254].

Такова была та прокламация «Предостережение», которую Лемке приписывал перу Заичневского и его товарищей. Для нас весьма важно рассмотреть вопрос о том, насколько предположение Лемке соответствует действительности: от разрешения этого вопроса зависит оценка личности Заичневского и его товарищей. Если действительно они согласились написать «Предостережение», в котором самих себя выставили в качестве экзальтированных и опрометчивых людей, если они действительно сочли для себя возможным в «Предостережении» отречься от всего того, что они с таким жаром защищали в «Молодой России», то нам останется только признать, что оппоненты

---

[254] М. К. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг., стр. 529.

«Молодой России» были вполне правы, изображая ее авторов, как полдюжину легкомысленных мальчишек, играющих в революцию. Если «Предостережение» написано Заичневским, то издание «Молодой России» принимает совершенно особый характер; мальчишки сделали глупость, а потом, когда увидели, к чему эта глупость, привела, испугались, раскаялись и решили загладить свою ошибку. Конечно, у таких мальчишек никаких серьезных убеждений быть не могло, поскольку они так легко отказались от того, что писали в «Молодой России». А если так, то эту прокламацию, конечно, нельзя расценивать как документ, имеющий серьезное значение в истории революционной мысли.

Как мы уже отметили, Лемке не мог привести в подтверждение своей догадки никаких доказательств. Единственно, на что он мог бы сослаться — это на показания Баллода, данные на следствии. Если бы эти показания соответствовали действительности, то они делали бы до известной степени вероятным предположением о том, что «Предостережение» исходило от того же Центрального Революционного Комитета, которым была издана «Молодая Россия».

На вопрос следователей о происхождении найденных у него экземпляров «Молодой России» и написанной его рукою прокламации «Предостережение», Баллод показал, что в середине мая он получил по почте анонимную записку, приглашавшую его явиться в назначенное время в Александровский парк. Баллод пошел и в условленном месте нашел двух незнакомых ему лиц, которые, отрекомендовавшись ему членами революционного комитета и передав в качестве своей программы «Молодую Россию», спросили, не желает ли он вступить в революционный комитет. При следующем свидании с этими лицами Баллод, по его словам, изложил им свой взгляд на «Молодую Россию», с программой которой он не был согласен. В заключение разговора собеседники спросили Баллода, не согласится ли он, если они к нему обратятся, напечатать то, что им понадобиться. «Если статья не будет иметь характера «Молодой России», то пожалуй»,— ответил Баллод. В начале июня Баллод вновь получил приглашение на свидание с теми же лицами. «Мы попросим вас напечатать одну статью; она самая невинная, чисто в вашем духе»,— сказали они Бал-

лоду. Тот согласился. Тогда они продиктовали ему прокламацию «Предупреждение» [255].

Неправдоподобность показаний Баллода бросается в глаза. Это понимал и Лемке; поэтому он не придавал никакого значения в интересующем нас вопросе этим показаниям. Теперь из воспоминаний самого Баллода мы знаем, что вся история, рассказанная им в следственной комиссии,— сплошной вымысел. К сожалению, вопрос о происхождении прокламации «Предупреждение» Баллод в своих воспоминаниях обходит полным молчанием [256]. Ясно только одно, что показаниями Баллода интересующий нас вопрос не решается.

Между тем, если принять предположение Лемке, то возникает вопрос, почему авторам «Молодой России» понадобилось для напечатания «Предостережения» обращаться к Баллоду, когда у них была возможность напечатать ее там же, где была напечатана их первая прокламация. На этот вопрос Лемке отвечает: «почему не предположить, что это было сделано именно в видах лучшей конспирации и желания сбить с толку полицию» [257]. Предполагать, конечно, можно все, что угодно. Но есть ли надобность в таком предположении? Почему, можем спросить мы, печатание прокламации в Петербурге должно было служить к лучшему соблюдению конспирации?

Несоответствие между содержанием «Предостережения» и взглядами, развитыми в «Молодой России», настолько бросается в глаза, что предположение Лемке не могло не вызвать возражений со стороны исследователей. Еще в 1908 г. Л. Кульчицкий, автор «Истории русского революционного движения», оспаривал догадку Лемке, указывая на то, что «трудно допустить, чтобы Центральный Революционный Комитет отзывался бы в такой форме о самом себе», в какой «Предостережение» отзывается об авторах

---

[255] Показания П. Баллода напечатаны в кн. М. К. Лемке «Политические процессы в России 1860-х гг.», стр. 522—526.

[256] Заметка о деле Д. И. Писарева. «Каторга и ссылка», 1924, № 3, стр. 52, а также П. И. Валескалн. Революционный демократ Петр Давыдович Баллод. Материалы для биографии. Рига, 1957, стр. 134—139.

[257] М. К. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг., стр. 527.

«Молодой России» [258]. Признавая это указание Кульчицкого весьма веским, мы должны добавить, что дело не только в отзывах «Предостережения» об авторах «Молодой России», но и во взглядах «Предостережения» на характер и перспективы революции. Мы уже видели, что «Предостережение» совершенно отвергает якобинские положения «Молодой России» и видит задачу революционеров в предупреждении ужасных последствий, которые могут произойти для «образованных классов», для «публики» от народного возмущения.

Мы знаем, что П. Г. Заичневский твердо держался якобинских взглядов в течение всей своей жизни и непримиримо отстаивал их в спорах со своими идейными противниками. Мы знаем также, что Заичневский был человеком, не склонным идти на компромиссы и не боявшимся, когда дело шло об его убеждениях, оставаться в меньшинстве. Можно ли допустить, что такой человек был способен через 2—3 недели по выходе «Молодой России» отречься от идей, в ней развитых? Вся жизнь Заичневского, насколько она нам известна, служит порукой невозможности для него пойти на такую измену своим политическим убеждениям.

Но, говорит Лемке, Заичневский высоко ставил мнение Чернышевского и потому мог признать справедливым его совет. Да, конечно, Заичневский чрезвычайно ценил Чернышевского и внимательно прислушивался к его мнениям, но ценил он его только как публициста и теоретика, оказавшего громадное влияние на революционную молодежь 60-х годов и позднейшего времени. Дело в том, что Заичневский различал в Чернышевском теоретика, с од-

---

[258] Л. Кульчицкий (Мазовецкий). История русского революционного движения. СПб., 1908, стр. 307. Помимо Кульчицкого, на необоснованность и неправдоподобие догадки М. К. Лемке указывал некий Л. Барриве, автор компилятивной книжки «Общественное движение в царствование Александра II» (М., 1909, стр. 77), который писал: «Во всяком случае трудно допустить, чтобы «Предостережение», написанное в крайне умеренном тоне и более напоминающее произведения, вышедшие из комитета «Земли и воли», было написано авторами «Молодой России». Такую программу трудно предположить, по крайней мере, для такого непримиримого революционера, как П. Г. Заичневский». Догадку Лемке опровергал А. Н. Шебунин. См. его статью «К вопросу о роли Н. Г. Чернышевского в революционном движении 60-х годов». «Каторга и ссылка», 1929, № 11, стр. 27—28.

ной стороны, и практика,— с другой, и, высоко ценя его, как теоретика, далеко не являлся поклонником его, как практика. В подтверждение этого можно сослаться на то, что уже в Сибири Заичневский говорил о Чернышевском С. Г. Стахевичу. Последний так передает слова Заичневского: «Вот, тоже хорош! Берется не за свое дело. Человек кабинетный,— ну, и сиди при своих книгах. А он — людей в комитет выбирает. Мастер, нечего сказать; вот все равно, как жену себе выбрал. Нашел кого: Пантелеева, Жука!...» [259].

При такой оценке Чернышевского, как исключительно кабинетного работника, неспособного разбираться в людях и, вследствие этого, мало пригодного для практической революционной работы, мнение Чернышевского о «Молодой России» не могло произвести на Заичневского сильного впечатления. Это — не только наше предположение, но и факт, в подтверждение которого мы имеем возможность сослаться на свидетельство Пантелеева. Последний находился в Москве, когда туда вернулся из Петербурга С., отвозивший, как мы говорили выше, «Молодую Россию» Чернышевскому. С. вернулся весьма смущенный приемом, который встретил его со стороны Чернышевского, но на Заичневского этот прием не произвел никакого впечатления.

«Заичневский,— пишет Пантелеев,— не только не падал духом, а, напротив, пришел в какое-то восторженное состояние; он был убежден, что петербургские пожары несомненное дело какой-нибудь политической группы, и с явной неохотой выслушивал меня, когда я старался его в этом разуверить» [260].

Из других источников мы знаем, что Заичневский не только не раскаивался в издании «Молодой России», но горячо отстаивал ее от тех, кто не был согласен с мыслями, развитыми в этой прокламации. А. Можарова во время своих посещений Заичневского в заключении была свидетельницей споров, которые он вел с какими-то навещавшими его господами, критиковавшими «Молодую Россию» по пунктам. «Петр Григорьевич,— пишет А. Можарова,—

---

[259] См. воспоминания С. Г. Стахевича в сб. «Н. Г. Чернышевский». М., 1928, стр. 116. Как Пантелеев, так и Жук были членами петербургского комитета «Земли и воли».

[260] Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого, ч. II, стр. 270.

являлся тогда во всеоружии своего ораторского таланта и блестяще защищал свое детище» [261].

И в дальнейшей своей жизни Заичневский не стыдился «Молодой России», а гордился ею. Через двадцать с лишним лет по издании ее он, по просьбе своих учеников, неоднократно «повторял наизусть это воззвание» [262].

Думается, что приведенные нами соображения должны убедить всякого, что Заичневский автором «Предостережения» не был и не мог дать своего согласия на его издание [263].

Для тех же, кого наши доводы не убедили, мы приведем еще один. Есть основание предполагать, что если Слепцов по поручению Чернышевского и ездил в Москву для пере-

---

[261] А. М[ожарова]. Воспоминания о П. Г. Заичневском. Сб. «О минувшем». 1909, стр. 180.

[262] М. П. Голубева. Воспоминания о П. Г. Заичневском. «Пролетарская революция», 1923, № 6—7, стр. 29. Правда, в некотором противоречии с приведенными нами в тексте свидетельствами стоит сообщение Пантелеева («Из воспоминаний прошлого», ч. II, стр. 272). «О «Молодой России» Заичневский, однако, неохотно вспоминал даже в кругу лиц, близких к этому делу, хотя до конца жизни оставался, в своем роде, якобинцем». Если мы примем во внимание, что Пантелеев после 1862 г. не встречался с Заичневским (не считая их случайной уличной встречи в Петербурге в 1876 г.), то не будем придавать веры этому сообщению Пантелеева, стоящему в противоречии с тем, что сообщает о Заичневском такие близкие к нему люди, как М. П. Голубева.

[263] Ю. М. Стеклов, касаясь вопроса о прокламации «Предостережение», осторожно замечает, что до сих пор нельзя точно установить, принадлежала ли эта прокламация действительно деятелям Центрального Революционного Комитета. Однако, Стеклов склоняется в пользу предположения Лемке. «Возможно,— говорит он,— что убеждения Чернышевского повлияли на москвичей. По крайней мере, при обыске у Баллода найдена была рукопись прокламации под заглавием «Предостережение», являющейся как бы удовлетворением желания Чернышевского. Мы считаем весьма вероятным, что это «Предостережение» явилось в результате переговоров А. Слепцова с москвичами, которые признали настояния Чернышевского правильными и подлежащими удовлетворению. Возможно, что текст документа, был согласован ими с Чернышевским или его представителями». Далее, Стеклов говорит, что, по-видимому, сами издатели «Молодой России» признали неосторожность некоторых выражений своей прокламации и «сочли полезным для своего дела пойти навстречу Чернышевскому, своему уважаемому учителю и идейному вдохновителю» (Ю. Стеклов. Н. Г. Чернышевский. Его жизнь и деятельность, т. II. М., 1928, стр. 280—281). Мы полагаем, что приведенные соображения показывают, насколько маловероятным и противоречащим ряду несомненно установленных фактов является предположение, защитником которого выступает Ю. М. Стеклов.

говоров с Заичневским (а сомневаться в этом мы не имеем никаких оснований), то повидаться и поговорить с Заичневским ему не удалось.

Из известного нам сообщения Южакова видно, что мысль о командировке Слепцова пришла в голову Чернышевскому под влиянием распространившихся после петербургских пожаров слухов о связи этих пожаров с революционными призывами «Молодой России». Таким образом, поездка Слепцова состоялась не ранее начала июня. Между тем, из опубликованных в настоящее время документов нам известно, что в начале июня (возможно, что под влиянием тревожного положения, в котором находилась Россия после тех же петербургских пожаров) доступ посетителей к Заичневскому был прекращен. Это мы знаем из прошения, поданного Заичневским 10 июля 1862 г. московскому генерал-губернатору и оставленному последним без последствий [264].

Таким образом, все данные говорят за то, что поездка Слепцова осталась безуспешной, и поручения возложенного на него Чернышевским, ему не удалось выполнить [265].

---

[264] Это прошение Заичневского опубликовано в сб. «Политические процессы 60-х гг.», стр. 241—242.

[265] Отрицая категорически согласие Заичневского на издание прокламации «Предостережение» и считая поездку А. А. Слепцова в Москву в этом отношении не увенчавшейся успехом, мы не имеем, однако, в виду отрицать возможности того, что на некоторых из членов кружка Заичневского поручение, возложенное на Слепцова Чернышевским, могло произвести большое впечатление. Ряд товарищей Заичневского (Новиков, Левашев и др.) вскоре после издания «Молодой России» примкнули к московскому отделению «Земли и воли» и в 1863 г. привлекались по делу Мосолова. Шатилова, Андрущенко и др. Между тем, из воспоминаний А. А. Слепцова известно, что к весне 1862 г. отношения между кружком Заичневского, с одной стороны, и кружком Мосолова,— с другой, были испорчены настолько, что петербургские организаторы общества «Земля и воля» считали безнадежным и лишним вести какие бы то ни было переговоры с кружком Заичневского относительно привлечения его в ряды «Земли и воли». И если, несмотря на это, через несколько месяцев ряд членов этого кружка оказался в рядах московского отделения «Земли и воли», то это можно объяснить или тем, что в короткий срок их убеждения радикально изменились, или тем,— и это гораздо вероятнее,— что их взгляды мало сходились со взглядами самого Заичневского. Ничего невероятного в таком предположении нет, если принять во внимание общий характер революционных кружков 60-х годов: было бы большой ошибкой рассматривать эти

Тогда становится понятным приведенное выше сообщение Пантелеева о том, что только арест помешал Чернышевскому привести в исполнение свое намерение об издании прокламации «К нашим лучшим друзьям». Действительно, если предположить, как это делал Лемке, что «Предостережение» явилось результатом поездки Слепцова, то есть, другими словами, что авторы «Молодой России» согласились на предложение Чернышевского, становится совершенно непонятным, почему только арест помешал Чернышевскому написать задуманную им прокламацию; тогда приходится признать, что надобность в этой прокламации отпала значительно ранее ареста Чернышевского: ведь, рукопись «Предостережения» была забрана полицией у Баллода за три недели до ареста Чернышевского.

Но от кого же в таком случае исходило «Предостережение?» Кто был автором этой прокламации?

К сожалению, опубликованные до сих пор материалы не дают возможности дать категорический ответ на этот

кружки, как однородное в идеологическом отношении целое; часто люди сходились друг с другом не столько в силу единства своих взглядов, сколько на каком-либо практическом деле революционного характера; в частности, в кружке Заичневского и Аргиропуло таким практическим делом было литографирование запретных сочинений. Вот почему можно предполагать, что далеко не все лица, группировавшиеся вокруг Заичневского, были убежденными сторонниками идей «Молодой России». Конечно, от таких людей Слепцов без особого труда мог получить согласие на издание прокламации, долженствующей сгладить впечатление, произведенное «Молодой Россией». Однако, все они были не убежденными революционерами, а людьми, более или менее случайно увлеченными революционным движением и в дальнейшем ни в каких конспирациях и заговорах участия не принимали, совершенно отстранившись от политической борьбы и всецело отдавшись (как Левашев и Лебединский) работе культурнического характера. Конечно, не их мы должны считать авторами «Молодой России», какое бы участие в издании ее они ни принимали, а только Заичневского, писавшего эту прокламацию и всю жизнь продолжавшего придерживаться развитых в ней взглядов. Заичневский же, без сомнения, не мог отречься от «Молодой России» и дать согласие на издание «Предостережения». Это, во-первых, а во-вторых, если даже Слепцову и удалось оказать воздействие на некоторых из товарищей Заичневского, то это еще не значит, что прокламация «Предостережение» исходила именно от них. Никаких доводов в пользу подобного предположения привести нельзя. Мы же считаем гораздо более вероятным то предположение относительно происхождения интересующей нас прокламации, которое высказано нами ниже.

вопрос. Единственно, что можно сделать, это, основываясь на содержании «Предостережения», определить, из каких революционных кругов она могла выйти.

Однако прежде несколько слов еще об одном предположении относительно происхождения прокламации «Предостережение». Упомянутый нами выше Л. Кульчицкий допускает, что автором «Предостережения» мог быть Н. Г. Чернышевский [266]. «В пользу последней догадки,— пишет Кульчицкий,— говорит то место прокламации, где сказано, что «мы», т. е. революционеры или авторы прокламации, откроем себя в минуту революционного выступления. Очень схожее место можно найти в одном из номеров «Великорусса» [267].

Кульчицкий сам сознает слабость этого довода и добавляет: «Кроме сказанного, не встречаем в прокламации ничего, что делало бы авторство Чернышевского в данном случае особенно правдоподобным».

Оставляя в стороне спорный вопрос о том, был ли Чернышевский, как это думает Кульчицкий, автором «Великорусса», мы не можем не сказать, что совпадение одного места «Предостережения» с одним местом «Великорусса», если оно даже действительно имеется, может быть результатом простой случайности и отнюдь не является доказательством того, что автором «Предостережения» и «Великорусса» было одно и то же лицо.

Самое содержание «Предостережения» свидетельствует о большой политической наивности ее автора, делающей совершенно невероятным предположение, что им был Чернышевский. Можно ли допустить, например, что Чернышевский был способен утверждать, что «решено между крестьянами во всех губерниях подняться, если им не будет дана новая воля?».

---

[266] Л. Кульчицкий. История русского революционного движения, стр. 308.

[267] Кульчицкий имеет в виду следующие места из «Предостережения» и «Великорусса». «Мы, наши люди целы и будут целы (несмотря на преследования правительства.— *Б. К.*). Мы считали бы себя слишком слабыми, если бы могли попадаться. Нас узнают только тогда, когда мы явимся сами в рядах народа, открыто добывающего себе человеческие права» («Предостережение»). «Спрашивают, кто мы? Когда явится надобность, наши скромные имена будут открыты тем, кому будет нужно знать их для пользы дела» («Великорусс», № 3).

Поэтому предположение Кульчицкого нам представляется столь же маловероятным, как и предположение Лемке [268].

Мы полагаем, что в нашем революционном прошлом имеется один документ, сопоставление с которым прокламации «Предостережение» напрашивается само собою. Мы имеем в виду изданную в начале сентября 1862 г. прокламацию «К образованным классам». Происхождение и автор этого документа известны. Прокламация «К образованным классам» была написана Н. И. Утиным и издана группировавшимся вокруг него кружком, входившим в состав тайного общества «Земля и воля» [269].

Сравнение содержания прокламаций «К образованным классам» и «Предостережение» показывает, что первая из них была повторением второй. Совпадение между ними настолько велико, что трудно допустить, чтобы оно было случайным [270].

Как и «Предостережение», прокламация «К образованным классам» считает нужным опровергнуть слухи о причастности революционеров к петербургским пожарам.

«Появление «Молодой России»,— читаем мы в прокламации Утина,— случайно столкнувшееся с появлением пожаров,— вызвало всеобщее смятение, при котором

---

[268] Когда настоящая статья была уже написана, в печати появилась работа А. П. Шебунина «К вопросу о роли Н. Г. Чернышевского в революционном движении 60-х годов» («Каторга и ссылка», 1929, № 11), автор которой поддерживает предположение так же, как и Кульчицкий, ссылается на совпадение некоторых мест «Предостережения» с «Великоруссом». Однако, если бы даже это совпадение и существовало, оно могло бы быть аргументом в пользу авторства Чернышевского только в глазах тех, кто, подобно А. Н. Шебунину, уверен, что «Великорусс» был написан Чернышевским. Между тем, последнее предположение более чем спорно. Ссылается Шебунин и на известное нам свидетельство Пантелеева о том, что Чернышевский собирался отвечать на «Молодую Россию» прокламацией «К нашим лучшим друзьям». При этом Шебунин игнорирует указание Пантелеева, что арест помешал Чернышевскому осуществить это намерение. Мы полагаем, что нет никаких оснований, принимая одну половину свидетельства Пантелеева, отбрасывать другую.

[269] См. Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого, ч. I, стр. 284—285.

[270] Прокламация «К образованным классам» опубликована В. Богучарским; см. его «Материалы для истории революционного движения в России в 60-х гг.», т. X, стр. 50.

правительство нашло возможным воспользоваться вашим пагубным легковерием. Подкупные литературные органы правительства поспешили обвинить в гнусных поджигательствах образованную молодежь для того, чтобы вызвать против нее ненависть во всех сословиях. И вы способны были поверить безобразной клевете, вы готовы были даже просить защиты у петербургского правительства от призраков, созданных воображением. И правительство поспешило высказать свое отеческое попечение о русских гражданах объявлением военного суда, расстреливания, вешания... даже за одно подозрение. Такое безотрадное положение вызывает один из двух вопросов образованным классам: или вы бесчувственны к интересам своей родины, к своей собственной безопасности? Или вы забыли, что такое петербургское правительство?» [271].

Вслед за этим идет картина правительственной реакции, последовавшей за петербургскими пожарами.

Как и «Предостережение», прокламация «К образованным классам» призывает эти классы примкнуть к приближающемуся народному восстанию, чтобы отвратить от себя гнев народа, грозящий обрушиться и на их головы, если они не порвут с правительством.

«Опомнитесь! — писал Н. Утин. — Поймите, что правительство, действующее таким образом, само ведет себя к бездне падения; но пусть же погибнет оно одно, не увлекая за собой все образованные классы. Мы, ваши братья, не можем быть против вас, но если вы будете на стороне правительства, то народ, грозное восстание которого близится, будет против вас и нас,— не имеющих права и ни малейшего желания отстать от народа в минуту роковой борьбы».

Таким образом, обе прокламации в вопросе о характере революции стоят на одной и той же точке зрения: они говорят о народном восстании, в котором образованным классам надлежит в своих же собственных интересах принять участие на стороне народа.

Есть в интересующих нас прокламациях и еще одно совпадение. Это наличность в них желания убедить читателей в том, что революционеры нисколько не пострадали

---

[271] Материалы для истории русского социально-революционного движения. т. X, стр. 50.

от преследований правительства, что эти преследования всею своею тяжестью обрушились на случайно попавших в руки правительства невинных и непричастных к революционному движению людей и что, вследствие этого, правительственные репрессии не достигают цели.

«Обращаемся с просьбой и к правительству,— читаем мы в «Предостережении».— Пусть оно хорошенько поищет нас, пусть поищет получше, чем до сих пор искало. Как нам ни жалко несчастных страдальцев, которых оно мучит и судит за нас, как доходят до нас слухи, но мы все же не объявим себя, чтобы снять с этих людей ложное обвинение. И в этом мы всегда и перед всеми останемся правы: мы не посылали этих людей на опасность; мы, наши люди, целы и будут целы. Мы считали бы себя слишком слабыми, если бы могли попадаться».

«Правительство губит сотни людей в казематах,— писал Утин в своей прокламации,— а наш станок стоит безвредно и будет стоять. Правительству пора бы понять, что никакие угрозы не могут заставить людей отказаться от того, что составляет вопрос их жизни, и что каждое преступное действие его только усилит энергию людей, посвятивших жизнь свою великому делу освобождения».

Параллелизм содержания «Предостережения» и прокламации Утина дает возможность прийти к выводу, что найденная при обыске у Баллода прокламация вышла если не из-под пера самого Утина, то из группировавшегося вокруг него кружка [272]. Полагаем, что это наше предположение является более обоснованным, чем разобранное выше предположение Лемке. Если допустить, что авторов «Предостережения» надлежит искать в утинском кружке, то становится понятной скрытая полемика «Предостережения» против якобинских тенденций «Молодой России». Известно, что отношение Утина и его товарищей к прокламации Заичневского было настолько отрицательным, что один из членов утинского кружка

---

[272] В доносе, поданном в 1862 г. петербургскому обер-полицмейстеру студентом технологического института Волковым, Баллод назван в числе членов «утинского кружка» (А. И. Герцен. Соч., т. XV, стр. 324—325). Если так, то понятно, почему рукопись «Предостережения» оказалась у Баллода.

Л. Ф. Пантелеев, хорошо знавший, кто является автором «Молодой России», находил тем не менее возможным, по его собственному признанию, распускать слухи, что эта прокламация вышла из провокаторского источника [273].

* * *

Относясь крайне отрицательно к «Молодой России», Л. Пантелеев в своих воспоминаниях сообщает, что эта прокламация не имела успеха в революционных кругах. «Среди петербургской молодежи,— пишет Пантелеев,— «Молодая Россия» не встретила большого сочувствия, правда, ее распространяли, но просто потому, что тогда, как вероятно и теперь, молодежь считала обязательным распространять всякую прокламацию» [274]. В это сообщение Пантелеева надо внести серьезную оговорку: оно справедливо только по отношению к той части революционной молодежи, которая была близка к «Земле и воле» и с которой Пантелееву приходилось соприкасаться. Однако, наряду с этой частью революционной молодежи, была и другая, со стороны которой «Молодая Россия» встретила более сочувственный прием. Чтобы убедиться в этом, мы приведем ряд данных, свидетельствующих, что и в Петербурге «Молодая Россия» нашла себе идейных союзников и горячих сторонников, притом не только среди молодежи, но и среди людей, достаточно «солидных», например, офицеров генерального штаба. П. Д. Баллод в своих воспоминаниях, на которые нам уже приходилось ссылаться, рассказывает:

«В первой половине июня я был приглашен к С. М., где я нашел четырех офицеров генерального штаба, которые выразили желание при моем посредстве войти в сношения с революционным комитетом. При этом они сказали мне, что человек 70 офицеров сгруппировались в кружок и желают содействовать комитету «Молодой России». Отсюда ясно, что крайний радикализм «Молодой России» пришелся по вкусу военным кружкам. Представителей этих кружков, говоривших со мной, я не знал и сношения с ними я должен был поддерживать через С. М., хотя, как

---

[273] См. Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого, ч. I, стр. 271.

[274] Там же, стр. 237.

это мне было известно, он и не принадлежал ни к одной организации.

Другой кружок, кружок военных инженеров, отнесся к появлению «Молодой России» не с такой горячностью, хотя некоторые из его членов выражали желание прибегнуть, в случае надобности, к самым крайним и решительным мерам, с какою бы опасностью они ни были бы связаны»[275].

Были среди революционной молодежи люди, которые не только сочувствовали «Молодой России», но даже пытались выступить в качестве подражателей ее авторам.

У арестованного в 1862 г. в Петербурге студента Ольшевского была найдена рукопись, озаглавленная «К русскому народу (Рассказ дяди Кузьмича)». Эта была прокламация, написанная языком, подделывающимся под народный говор, и содержавшая в себе призыв народа к восстанию: «топор в руки и валяй всех угнетателей». При допросе Ольшевский показал, что эта прокламация была написана им под впечатлением, произведенным на него «Молодой Россией»[276].

По-видимому, довольно широкое распространение «Молодая Россия» получила в петербургских воскресных школах; там ее читали и разъясняли ученикам, а также передавали для дальнейшего распространения. В докладе председателя следственной комиссии о воскресных школах сенатора Жданова[277] отмечены следующие факты: учитель Сампсониевской воскресной школы студент Крапивин письменными объяснениями старался облегчить фабричным рабочим, обучавшимся в этой школе, понимание прокламации «Молодая Россия»; поручик 16-го стрелкового батальона Ушаков передавал эту прокламацию рабочим для распространения. 6 фабричных рабочих были изобличены в том, что они распространяли «Молодую Россию» на фабриках. По показанию одного из арестованных рабочих Егора Антонова, «Ушаков объяснял, что брошюра

---

[275] П. Д. Баллод. Заметка о деле Писарева, «Каторга и ссылка», 1924, № 3, стр. 47—48.

[276] О деле Ольшевского и его прокламации см. подробнее: Б. Козьмин. П. Н. Ткачев и революционное движение 1860-х годов. М., 1922, стр. 32 и сл.

[277] А. И. Герцен. Соч., т. XV, стр. 323.

«Молодая Россия» есть сущность, что должно быть так, как прочитано Митрофановым» (Митрофанов — рабочий, читавший другим рабочим «Молодую Россию» и растолковывавший ее содержание). Письменные же объяснения Крапивина, о которых только что упоминалось, представляли собой составленный им для Митрофанова словарь иностранных слов, попадавшихся в «Молодой России». О том, что это был за словарь, можно судить по такому примеру:

«Либерал — человек, любящий свободу, обыкновенно бояре. Например: господа, помещики — бояре, любят свободу глазеть в окна, ничего не делая, потом гулять, в театры ходить, на балы — такой называется либеральный человек» [278].

«Молодая Россия» встречала сочувственные отклики не только в Петербурге, но и в провинции. Так, например, член кружка, группировавшегося в Казани вокруг М. К. Элпидина, Евграф Пеньковский в июне 1862 г. писал своему брату Ивану, также состоявшему членом того же кружка, что в Петербурге возникло революционное общество «Молодая Россия», и добавил: «есть основание предполагать, что люди, составляющие это общество, умеют не говорить только, а и действовать» [279].

Мы полагаем, что дальнейшая разработка архивных материалов по истории революционного движения 60-х годов даст нам и другие примеры, свидетельствующие о том, что «Молодая Россия» встречала в революционных кружках не только отрицательное, как можно думать, основываясь на свидетельстве Пантелеева, но и сочувственное отношение. При этом надо принять во внимание еще и то, что некоторые, разделявшие идеи «Молодой России», молчали об этом ввиду тревоги, которую вызвала эта прокламация, и начавшейся вскоре реакции. На этот счет у нас тоже имеются свидетельства современников. Так, например, В. Кельсиев, приезжавший, как известно весной 1862 г. тайно в Россию, в своей «Исповеди» писал: ««Молодую Россию» никто не хвалил, но думавших одинаково

---

[278] М. К. Лемке. Очерки по истории освободительного движения в России, стр. 411, 418, 420.

[279] Б. П. Козьмин. Революционное подполье в эпоху «белого террора». М., 1929, стр. 13.

с нею было множество; ей только в вину ставили, что она разболтала то, о чем молчать следовало» [280].

По свидетельству же Баллода, существовавшие в 1862 г. революционные кружки после выхода «Молодой России» и петербургских пожаров «старались казаться,— или были на самом деле,— более сдержанными, чтобы излишними крайностями не ослабить своей деятельности» [281].

Если мы говорим о сочувственном отношении, проявлявшемся к «Молодой России» со стороны части современных ей революционных кругов, то при этом надо, однако, иметь ввиду два весьма существенных обстоятельства.

Во-первых, явные и тайные друзья «Молодой России», сколько бы их ни было, составляли все же меньшинство в рядах революционеров того времени. Большинство же было настроено отрицательно, а подчас даже враждебно, к идеям и тактике этой прокламации. Это и дает повод и мемуаристам, и историкам говорить об общем несочувствии, встреченном «Молодой Россией».

Во-вторых, было бы ошибкой предполагать, что там, где «Молодая Россия» встречала более сочувственное отношение, это сочувствие во всех случаях относилось к выставленной авторами «Молодой России» программе социальных преобразований. На революционную молодежь того времени, слабо разбиравшуюся в социалистических теориях и даже плохо с ними знакомую, производила впечатление не столько программа «Молодой России», сколько смелость, с которой выступили ее авторы. Революционный задор Заичневского и его товарищей, их призыв к немедленным революционным действиям, их вера в собственные силы, смелость их мысли, их готовность идти на крайние средства— вот, что действовало больше всего в «Молодой России» на молодых революционеров ее времени.

Этих указанных нами обстоятельств не надо упускать из виду при оценке исторического значения «Молодой России» и при определении той роли, которую эта прокламация сыграла в общем развитии революционного движения 60-х годов.

---

[280] В. Кельсиев. Исповедь. «Архив русской революции», т. XI, Берлин, 1923, стр. 250.

[281] П. Баллод. Заметка о деле Писарева, «Каторга и ссылка», 1924, № 3, стр. 48.

3. П. Г. ЗАИЧНЕВСКИЙ НА КАТОРГЕ, ПОСЕЛЕНИИ И В ССЫЛКЕ. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

10 января 1863 г. П. Г. Заичневский был отправлен из Москвы в сопровождении двух жандармов в Сибирь на каторгу.

Каторжные работы он отбывал в местечке Усолье, Иркутской губернии, на казенном солеваренном заводе. Завод этот находился в 60 верстах от Иркутска и верстах в трех от большого тракта, соединяющего Иркутск с Томском. Те данные, которые нам удалось собрать относительно пребывания Заичневского на каторге, весьма скудны. Известно только, что из политических каторжан, находившихся в то время на Усольском заводе, Заичневский был единственным русским. Остальные были поляки, сосланные в связи с восстанием 1863 г. По-видимому, Заичневский пользовался на заводе известной долей свободы. Когда он был переведен в разряд исправляющихся и получил возможность жить вне тюрьмы, любимым его занятием было выходить на тракт для того, чтобы встречать проходящие по нему партии политических каторжан и ссыльных.

Большим событием в каторжной жизни Заичневского было свидание его с Н. Г. Чернышевским. По дороге в Кадаю Чернышевский несколько дней останавливался в Усольском заводе. Один из поляков, товарищей Заичневского по заключению, рассказывал С. Г. Стахевичу:

«Заичневский у себя дома не любил сидеть; все у кого-нибудь в гостях — то у смотрителя, то у акцизного чиновника, то еще у кого другого. И в комнате у него столпотворение вавилонское: книги на столе и под столом, на кровати и под кроватью; тут же и грязное белье разбросано, и сапожные щетки; ну, словом, хаос какой-то! А как приехал этот ваш Чернышевский,— смотрю: у Заичневского книги все в порядке расставлены и разложены, которые на полочке, которые на столе, и Заичневский дома сидит, читает, пишет; совсем другой вид стал. Должно быть, Чернышевский пробрал его здорово за беспорядок-то» [282].

В августе 1864 г. Заичневский имел свидание и с проезжавшим по тракту на каторгу С. Г. Стахевичем. Послед-

---

[282] С. Г. Стахевич. Среди политических преступников. Сб. «Н. Г. Чернышевский», М., 1928, стр. 60.

ний в своих воспоминаниях так рассказывает об этом свидании.

«Когда наша партия ехала мимо Усольского завода, Заичневский стоял около дороги и спросил у едущих: есть ли русские. Ему указали мою подводу, он подсел к нам, и мы ехали вместе полчаса. Скажу несколько слов об его наружности: среднего роста, брюнет; резко очерченные брови; темно-карие глаза смотрят весело и, так сказать, задорно; слегка вздернутый нос, несколько выдающиеся скулы; жидковатые усы и бородка. Одет он был в плисовый кафтан, похожий на кучерскую поддевку, но с рукавами, и в плисовые шаровары, заправленные в невысокие голенища сапог; из-под кафтана была видна красная рубашка навыпуск, подпоясанная пестрым шнурком; на голове круглая низенькая шапочка вроде гарибальдийки. Вся его осанка и манеры производили впечатление человека, вполне сложившегося, твердого, решительного, но вместе с тем как будто беззаботного и, может быть, склонного к авантюрам разного рода — и в политике, и по женской части» [283].

Заичневский рассказывал Стахевичу про свой процесс и на правах опытного каторжанина давал советы относительно того, как держать себя на каторге и по выходе в разряд исправляющихся, когда он получит право жить вне тюрьмы.

«Придется вам беседовать с обывателями и чиновниками,— говорил Заичневский,— отнюдь не заявляйте себя республиканцем,— этого они не любят, заявляйте себя конституционным монархистом, а еще лучше — не затрагивайте вопроса о формах правления и заявляйте себя умеренным либералом. Это они очень одобряют: будут вас поить водками и наливками, и при этом у них хорошие закуски. Придется вам беседовать также с их женами, сестрами и дочерьми; между этими найдутся такие, которые не боятся республиканства: и вот эти во всяком серьезном деле будут надежнее и лучше мужчин».

«Но вообще говоря, женщины любят поболтать а, это в серьезных делах неудобно»,— возразил Заичневскому Стахевич.

[283] Эти и следующие цитаты — из 3-й главы воспоминаний Стахевича, до сих пор неопубликованной. Местонахождение воспоминаний в настоящее время неизвестно.

«Ну, здесь мужья и братья лупят их нагайками; и от такой жестокой выучки поубавилось у них общительности и болтливости»,— ответил Заичневский.

О поляках, своих товарищах по каторге, Заичневский говорил: «Хороший народ; особенно за то их люблю, что нет у них расположения к гамлетовщине; знает свой катехизис,— и никаких колебаний. Замечаю, что некоторые из них страшно озлоблены; добром не кончится; что-нибудь тут выйдет, какая-нибудь вспышка; может быть, глупая вспышка, нелепая, взрыв отчаяния,— а только выйдет».

Заичневский как бы предвидел отчаянную попытку поляков поднять восстание, которое произошло на Круго-Байкальской железной дороге в 1867 г., когда Заичневский находился уже на поселении.

Незадолго до выхода Заичневского на поселение произошла неприятная для него история. Администрации солеваренного завода сделалось известным, что Заичневский, встретив на тракте ссыльного поляка Якубовского, привел его на завод для свидания с его соотечественниками, отбывавшими там каторжные работы. Этот эпизод привел к тому, что Заичневскому для поселения был назначен один из самых северных и отдаленных от Иркутска пунктов Иркутской губернии — Витим, Киренского уезда, лежащий при слиянии реки Витим с Леной. На поселение Заичневский вышел в 1864 г.

О жизни Заичневского в Витиме мы не располагаем никакими сведениями. Знаем только, что и там, следуя совету, данному им Стахевичу, он сумел найти людей, с которыми близко сошелся и даже подружился. В мае 1869 г., когда Заичневский находился уже в Пензенской губернии, властями было перехвачено письмо, посланное им в Витим В. П. Беклемищеву, управляющему пароходством на Лене. В этом письме Заичневский, между прочим, писал: «Я надеюсь что ты, когда-то стоявший со мной в довольно коротких отношениях, не откажешься написать подробнее о себе и наших общих знакомых. Мне нет нужды говорить, как дорога каждая строчка о тех лицах, кто относится с участием ко мне в самые тяжелые минуты моей жизни, а из числа всех окружающих, благословенный Витим, ты был ближе всех. С глубокой благодарностью вспоминаю» [284].

[284] ЦГИАМ, ф. III отд., 1 эксп., 1861, д. 212, лл. 602—603.

В Витиме Заичневский пробыл до конца 1868 г., когда ему было дано разрешение вернуться в Европейскую Россию. Местом для жительства ему была назначена Пензенская губерния. 11 января 1869 г. Заичневский выехал из Иркутска.

В делах III отделения имеется весьма любопытное агентурное донесение, датированное 3 октября 1868 г.:

«В Москве возникли слухи, что бывший студент Московского университета Петр Заичневский, сосланный в 1862 г. по лишении всех прав состояния в Сибирь, в каторжную работу на заводах на один год, по истечении же этого срока на всегдашнее там поселение ныне возвращен будто бы из Сибири в одну из внутренних губерний империи и что он, будучи проникнут зловредными идеями социализма, коммунизма и нигилизма и руководив прежде студентами Московского университета в тайном печатании и распространении запрещенных сочинений, намерен с той же целью возобновить тайные сношения свои с университетскою молодежью» [285].

Неизвестно, действительно ли ходили по Москве такие слухи, но, конечно, этого документа было достаточно для того чтобы жандармы внимательно следили за каждым шагом возвращающегося в Европейскую Россию Заичневского.

14 февраля 1869 г. он приехал в Пензу, но здесь пробыть ему удалось недолго.

8 мая того же года начальник пензенского губернского жандармского управления сообщил III отделению, что, «по полученным под рукою сведениям», Заичневский во время пребывания своего в Пензе «дозволил себе в разговорах высказать в явных намеках мысль нераскаяния в тех преступных своих действиях, которые вызвали высылку его; также точно решился провести вскользь мысль и о том, что при случае непрочь снова повторить то же самое, за что ныне находится он в ссылке» [286]. Ввиду этого пензенский губернатор решил перевести Заичневского из Пензы в уездный город Краснослободск, куда он прибыл 30 апреля 1869 г.

---

[285] ЦГИАМ, ф. III отд., 1 эксп., 1861, д. 212, л. 568.
[286] Там же, л. 589.

Вскоре по приезде туда, 11 мая, Заичневский послал письмо своему другу по Витиму Н. К. Владыкину[287], вместе с которым он приехал из Витима в Пензу и который вскоре получил место земского врача в с. Шуварах, Инсарского уезда, Пензенской губернии. В письме этом, перехваченном властями, Заичневский писал[288]:

«На бедного Макара и шишки валятся,— говорит мудрая русская пословица, оправдавшаяся в полном своем размере над моею бедной головой. Мало того, что меня нежданно, негаданно вытурили из богоспасаемой Пензы, надо было еще нам разъехаться и лишить меня последней надежды попросить тебя исполнить некоторые поручения. Тебе, пожалуй, покажется смешным, как это человек, живший почти месяца два в городе, целых четыре дня собиравшийся к отъезду, ничего не сделал, ничего не написал, и только, отъехав верст 50, начал глазеть по сторонам, поджидая знакомого. Но тебе известен мой нрав; вместо сборов я начал шляться по знакомым. Нашлось много предметов, о которых захотелось переговорить, чтобы составить полное и всестороннее понятие о тех лицах, с которыми приходилось расставаться, по всей вероятности, навсегда. Пребывание в Пензе, несмотря на всю кратковременность его, оставило на мне приятное впечатление. Среди всеобщей спячки и апатии, рутинерства и чиновничьего либерализма мне всё-таки удалось разглядеть, что еще живы старые традиции, живо сочувствие к тому, от чего с такой готовностью отказывались наши отцы отечества... И как древние язычники, огнем и мечом обращенные в христианство, прятали далеко от глаз непосвященных своих заветных богов, все ожидая первого призыва на священную брань, так, мне кажется, дело идет у нас. Может быть, я и ошибаюсь, может быть, придаю слишком большое значение второстепенным признакам. Но едва ли я могу провиниться в слишком большом пристрастии к людям, в слишком розовом взгляде на них. Эко, однако, с чего это я пустился в рассуждения, да еще, кажется, настолько обильные, что их станет на целую статью. Скажу свой вывод: действовать и действовать

---

[287] Позднее, в 1874 г. Н. К. Владыкин привлекался по делу о пропаганде в империи, но по недостатку улик суду предан не был.

[288] ЦГИАМ, ф. III отд., 1 эксп., 1861, д. 212, лл. 604—605. Копия письма Заичневского.

с пользой можно, без сомнения, не в провинциях только, а в столицах. Можно довести снова, как в 61 г., и самые отдаленные к унинину[289] с столичными инструментами. Однако только плохо: не умеют составить кружков, не умеют даже держать в руках окружающей среды».

Судя по этому письму, можно предполагать, что дошедшие до начальника пензенского жандармского управления сведения о разговорах Заичневского с его знакомыми жителями Пензы не были лишены основания.

Переходя к описанию своей жизни в Краснослободске, Заичневский в том же письме продолжает:

«Говорить ли о настоящей жизни? Здесь она так пошла и нелепа, так утомительно тянутся скучные дни, что мне, говоря откровенно, приходят на ум сибирские деревни, и знаешь ли? бывают минуты, когда я с радостью окунулся снова бы в тамошнюю грязь. И здесь и там (я сравниваю не губернские города, а глухие местечки) — грязь, но там грязь здоровая, элементы которой войдут в состав почвы и усилят ее плодородие, здесь, напротив, какая-то вонючая лужа, целые месяцы гниющая, здесь сток всех нечистот, и никто, кроме лягушек, жить и думать не может. Нет, чорт возьми, не могу я находиться с тобой в переписке. Хочу ограничиться самыми пустяками, а невольно переходишь в другой тон. Живой человек редок и когда сядешь писать к нему, по-видимому, о самых пустяках, невольно прорывается желание обменяться мыслями и наблюдениями!»[290].

Далее, Заичневский сообщает, что в конце месяца Владыкина собирается посетить помощник краснослободского акцизного надзирателя В. Г. Наумов, который хлопочет о помещении Заичневского на место заведующего одним из местных заводов. «Хотя я и плохо верю в успех этого дела,— пишет Заичневский,— но, воспользовавшись им, хочу попросить у исправника дозволения съездить на завод, а так как оттуда до тебя всего 25 верст, то махнуть в Шувары инкогнито и под строгим секретом».

В письме же Беклемищеву, которое мы уже цитировали выше и которое было отправлено Заичневским (и перехва-

---

[289] Очевидно, что переписчик, снимавший копию с письма Заичневского, что-то перепутал, вследствие чего получилась недостаточно ясная по смыслу фраза. После слова «унинину» переписчик отметил: «это слово скопировано».

[290] ЦГИАМ, ф. III отд., 1 эксп., 1861, д. 212, л. 605.

чено властями) одновременно с письмом к Владыкину, Заичневский так писал о своей жизни в Краснослободске: «Скука и здесь, в глуши уездного городишка, одолевает меня не меньше сибирской, даже едва ли не больше, говоря откровенно. Там, по крайней мере, ничего не требуешь и ни на что не надеешься. Здесь не то, здесь от каждого городишка требуешь непременно сходства с чем-нибудь европейским и, без сомнения, натыкаешься на совершенно иное. Зато представить ты себе не можешь, с каким любопытством и вниманием прислушиваются тут к рассказам о кнутобойной стороне, об этой пресловутой русской Америке» [291].

Как видно из цитированного выше письма Заичневского к Владыкину, Заичневский, несмотря на кратковременность своего пребывания в Краснослободске, успел уже настолько подружиться с одним из местных жителей, помощником акцизного надзирателя Наумовым, что тот был готов оказывать Заичневскому немаловажные и сопряженные с риском услуги. Сближение Заичневского с Наумовым не осталось тайной для местного жандармского офицера, штабс-капитана Лукомского, которому начальник пензенского жандармского отделения поручил усиленно следить за поведением и знакомствами Заичневского. Лукомскому удалось выяснить, что Заичневский ведет переписку с разными лицами и часть своих писем ради конспирации отправляет на почту через Наумова, за его печатью. Узнав об этом, Лукомский добился от краснослободского почтмейстера того, что последний выдал ему для прочтения отправляемые Заичневским письма. Таким образом в руки Лукомского и попали цитированные нами выше письма Заичневского к Беклемищеву и Владыкину. Сняв с этих писем копии, Лукомский возвратил их почтмейстеру для отправления по принадлежности. После этого от Заичневского была отобрана подписка, что он не будет впредь отправлять писем «вне порядка, установленного для корреспонденции политических ссыльных» [292].

При свойственном Заичневскому умении легко сходиться с людьми, круг его знакомства в Краснослободске

---

[291] ЦГИАМ, ф. III отд., 1 эксп., 1861, д. 212, л. 602.

[292] Там же, лл. 598—601. Донесение начальника пензенского губернского жандармского управления полковника Глобы III отделению от 28 мая 1869 г.

быстро увеличивался, и Заичневский приобрел даже влияние на ход местных дел. Об этом мы узнаем из интересного рапорта штабс-капитана Лукомского от 28 октября 1870 г. в III отделение [293].

«По результатам внимательного надзора моего за Заичневским я все более прихожу к убеждению, что он принадлежит к числу личностей, мало дающих надежды на исправление в политической своей неблагонадежности. Мне кажется он еще более опасною личностью, если принять во внимание его ум, вкрадчивость и приобретенную опытом осторожность при его нравственных началах, основанных, как видно, на догматах гнуснейшей пропаганды Чернышевского и ему подобных лиц.

Такого рода свойства и наклонности Заичневского при внимательном наблюдении заметны были всегда, но в последнее время еще более потому именно, что он, ознакомившись со здешним обществом, стал менее сдержан.

Через посредство мирового судьи 1-го участка Краснослободского округа, артиллерии подпоручика Янова, человека честолюбивого до порочности, интригана, не лишенного авторитета в обществе, Заичневский сделался сначала приятным собеседником всех картежных вечеров в городе, на которые г. Янов с собой возил его знакомить, как своего партнера по игре в карты. В настоящее же время я замечаю, что Заичневский становится непременным членом не только в одних картежных сборищах, но уже и для обсуждения различных общественных вопросов, касающихся земства, мирового суда и тому подобных предметов, интересующих общество. Поддерживаемый г. Яновым, которым Заичневский успел заметно овладеть, потворствуя его слабости к картам, он хотя и палеативно (sic!), но незаметно стал отчасти влиять и на общественное мнение, а в особенности проглядывают его желания усилить в нем авторитет относительно выбора и назначения лиц в служебные должности по земству. Так, например: при последнем очередном земском собрании в г. Краснослободске, в прошлом сентябре Заичневский усердно проводил мысль об определении на должность уездного земского врача [3] присланного сюда в прошлом августе на жительство под надзор полиции, возвращенного из

---

[293] ЦГИАМ, ф. III отд., 1 эксп., 1861, д. 212, лл. 606—613.

Сибири политического ссыльного доктора Косцяловского[294], с которым Заичневский свел дружбу на первых днях его прибытия сюда. Далее, по инициативе Заичневского, здешнее земство ассигновало триста рублей на заведение земской библиотеки, наблюдение за которой, как я слышал, Заичневский прочил присвоить себе. Но, однако, обе эти желания не достигли исполнения: первое потому, что Краснослободское земство, давно еще приглашавшее врача из Кавказа г. Петерсона, во время открывшегося в прошлом сентябре земского собрания, получило ответ о желании Петерсона заместить вакансию краснослободского земского врача; а второе, т. е. заведение земской библиотеки, г. начальник губернии распорядился не разрешить и журнал о том земского собрания не утвердил.

Мне передавали, между прочим, люди, заслуживающие веры, что Заичневский, узнав о последнем распоряжении г. начальника губернии, выражал у г. Янова резкое свое негодование против губернатора, браня его и трактуя, что он не имел права отказать земству в заведении библиотеки.

Также доходило до моего сведения, что Заичневский позволял себе в обществе знакомых ему молодых женщин иронически относиться о духовном браке и его обязанностях, проводя насмешливо мысль вроде того, что подобные существующие обязанности брака суть не что иное, как выдумка грубого эгоизма и деспотизма мужей...

Заичневский нередко, как доходило до моего сведения, позволял себе распространять довольно свободные суждения, которые вообще клонятся к возбуждению в глазах других или умаления, или к порицанию вообще всякой административной власти. Для этой темы он не пропускал удобного предлога; так, например, между прочим: когда

---

[294] Косцяловский — участник польского восстания 1863 года. В том же деле, л. 615, имеется следующая справка о нем: «Политический ссыльный Иосиф Косцяловский за участие в шайке мятежников подлежал всей строгости законов, но во внимание к помощи, оказанной им раненым в стачке с мятежниками нижним чинам, лишен был лишь особых прав и преимуществ и сослан на жительство в Тобольскую губернию. В прошедшем году (1869 — *Б. К.*), во внимание безупречного поведения Косцяловского и тщательного ухода его за больными в Сибири, чем он заслужил уважение и признательность местных жителей, ему, по ходатайству генерал-губернатора Западной Сибири, всемилостивейше возвращены права состояния и дозволено проживание в Пензенской губернии под надзором полиции.

г. начальник губернии в июне сего года посещал г. Краснослободск для ревизии, к нему являлись при общем приеме в числе уездных должностных лиц и мировые судьи. После того Заичневский, как я достоверно осведомился, довольно свободно и резко порицал мировых судей за их представление губернатору, называя их «глупцами, непонимающими своих прав», дающих им полную независимость от всякой администрации, «а тем более губернатора». Притом он пояснял, что через такое унижение они несомненно должны терять к себе всякое уважение общества».

Далее, Лукомский в своем рапорте сообщает, что Заичневский близко сошелся с краснослободским судебным следователем Львович-Кострицей, человеком «образа мыслей и направления ума довольно свободных» и высказывающего «какое-то странное озлобление вообще против всякой административной власти». Дружеское расположение Львовича к Заичневскому доходит до того, что Львович «дозволяет ему не только присутствовать при допросах, но и рассуждать в присутствии допрашиваемых о ходе дел и советовать о направлении следствий».

Чтобы положить конец влиянию, приобретенному Заичневским на краснослободское общество, пензенский губернатор, по настоянию начальника жандармского управления, в ноябре 1870 г. перевел Заичневского в другой уездный город Пензенской губернии — Мокшаны. Однако и там Заичневский в скором времени сумел завести обширный круг знакомств и приобрел влияние на местную общественную жизнь. Начальник пензенского жандармского управления жаловался III отделению, что и в Мокшанах Заичневский «забрал в свои руки некоторых деятелей земства и управляет ими так хитро, что сам всегда остается в стороне».

Относительно пребывания Заичневского в Мокшанах мы находим некоторые сведения в мемуарах В. Быстренина «Уходящее», опубликованных в № 2 «Голоса минувшего» за 1922 г. К сожалению, эти мемуары являются источником чрезвычайно мутным, пользоваться которым приходится с большой осторожностью. Автор их — типичный обыватель, один из числа тех, на кого яркая личность революционера Заичневского не могла не производить потрясающего и ужасающего впечатления. Это сказалось на отношении автора к Заичневскому, который в его

глазах является «точнейшей копией» карикатурных образов и типов, выведенных Достоевским в «Бесах». К тому же в мемуарах В. Быстренина правда настолько перемешана с пустыми обывательскими сплетнями, что за отсутствием в нашем распоряжении других материалов, на основании которых мы могли бы подвергнуть критическому разбору его сообщения, представляется чрезвычайно трудным решить, где у него кончается вымысел и где начинается действительность. Тем не менее, за отсутствием других источников, приходится пользоваться и этими воспоминаниями испуганного обывателя. С точки же зрения выяснения того впечатления, какое производила на такого обывателя личность Заичневского, мемуары Быстренина представляют несомненный интерес.

По свидетельству Быстренина, Заичневский с его ярким революционным прошлым по прибытии в Мокшаны «сразу занял такое положение, что на него стали смотреть снизу вверх».

«Как опытный пропагатор, Заичневский сразу же понял, что перед ним — богатое невозделанное поле, которое стоит обрабатывать, и горячо принялся «просвещать» жаждущих свет, разумеется в духе атеистического социализма... Будучи поднадзорным, Заичневский — и это создавало ему престиж — бравировал опасностью и чуть ли не открыто проповедывал необходимость разрушения существующего строя. Около него быстро сгруппировался кружок из чиновников (некрупных), маменькиных сынков и дочек и частью из земского и городского третьего элемента. Были в этом кружке два-три дворянина-помещика, фрондировавших ради «моды»; был, как говорили потом, один полицейский чиновник, попавший в кружок, по его чистосердечному признанию, «по глупости». В этом кружке каждое слово Заичневского ценилось как откровение и без сомнения, как умный человек, он не мог внутренне не презирать эту мелюзгу. Года за полтора его пребывания в Мокшане он успел основательно обработать в духе революционного социализма нескольких обывателей и более зрелого возраста — людей, уже тронутых сединой, отцов многочисленных детей, искренно поверивших в атеизм и социализм» [295].

[295] В. Быстренин. «Уходящее». «Голос минувшего», 1922, № 2, стр. 99.

Далее, Быстренин, со слов какого-то своего знакомого, рассказывает об одном случае, связанном с антирелигиозной пропагандой Заичневского.

На собрании, происходившем в доме одного из последователей Заичневского в присутствии большой и разнородной компании, зашла беседа о прибывшей в то время в Мокшаны чудотворной иконе из дальнего монастыря.

«Сделают доску,— разглагольствовал Заичневский,— обложат ее серебром да драгоценными камнями и уверяют простодушный народ, что это боженька. И несчастный наш народ слепо верит попам, и наше дело, дело развитых людей, всячески разоблачать поповские проделки, всячески бороться с мраком суеверий, будя в людях их здравый смысл».

Один из присутствовавших на собрании, уездный учитель возразил Заичневскому, что для народа икона — гораздо больше, чем простой символ, и что он лично не осмелился бы разрушать эту веру народа.

«Не посмели бы,— в упор уставился в лицо говорившего Заичневский, насмешливо играя губами.— Не посмели бы, говорите. Так-с... Так и запишем. Может быть, вы и сами искренно веруете, что вот эта, например, мазня какого-то неведомого маляра,— он сделал широкий жест в сторону угла, где висела икона Николая чудотворца,— может быть, вы верите, что это не просто неискусная мазня, а какая-то святыня. Признайтесь, веруете?

— Да, верую,— твердо произнес учитель.

— Так-с,— протянул Заичневский.— А вот я, например, не верую. Да полагаю и ни один разумный человек не верить в такой вздор. И чтобы доказать вам, молодой человек, что никакой тут святыни нет, а есть только доска с плохо намазанным на ней изображением какого-то лысенького старичка — вот, смотрите...

Вскочив на стул, Заичневский сорвал со стены икону и, положив на стул, сел на нее.

— Вот вам и святыня. И так должен относиться к поповским бредням и суевериям всякий разумный человек. И я надеюсь, что по зрелом размышлении вы придете к тому же, к чему путем логических рассуждений пришли мы все, кого вы здесь видите перед собой...»

«Итак,— заключает Быстренин, приведя этот рассказ,— пункт программы Верховенского «начинать бунт

с атеизмом» нашим просветителем проводился неуклонно. Столь же неуклонно проводился им и пункт необходимости «разврата». Что касается разврата чисто полового, то, будучи в этом отношении сам весьма воздержанным, Заичневский так сумел «воспитать» свой кружок, что, например, почтенный, тронутый сединой чиновник, когда его супруга, бывшая значительно моложе его, пожаловалась на одного постоянного посетителя их дома, что тот уже слишком недвусмысленно ухаживает за ней, добиваясь взаимности, ничуть не возмутился ее жалобой, и в ответ сказал: — Ну, так что же? Ведь это же его право самца добиваться благосклонности понравившейся ему самки. Я, разумеется, не позволю себе вмешиваться в ваши отношения, и если он тебе не нравится, то просто отвечай ему отказом» [296].

Можно сомневаться относительно правдивости в деталях рассказа Быстренина и относительно точности передачи им разговоров действующих лиц, но, зная по «Молодой России» отношение Заичневского к религии, мы можем вполне поверить, что борьба с религиозными верованиями занимала видное место в той пропаганде, которую вел Заичневский, и что в видах ее успешности он мог прибегнуть к способу «пропаганды фактами», вроде того, о котором рассказывает Быстренин. Точно так же нет оснований сомневаться в том, что Заичневский перед своими последователями выступал и в качестве горячего защитника эмансипации женщин, возлагать же на него ответственность за глупости и пошлости «почтенного» чиновника нет никаких оснований.

Дальнейший рассказ Быстренина имеет менее правдоподобный характер. Он передает об антирелигиозной демонстрации, будто бы устроенной Заичневским и его последователями.

В духов день в собор, в котором шло торжественное богослужение, ввалилась толпа демонстрантов с дымящимися папиросами в зубах. Во главе их находился Заичневский. Исправник потребовал, чтоб они удалились из собора, но они отказались. Тогда исправник вызвал наряд городовых. Но как раз в тот момент, когда городовые вошли в собор, послышался зловещий звук набата, разда-

---

[296] В. Быстренин. «Уходящее». «Голос минувшего», № 2, стр. 100.

лись крики: «пожар, горим»,— и толпа, наполнявшая собор, бросилась к выходу. Оказалось, что горела заречная часть города, населенная мещанской беднотой. Пожар принял грандиозные размеры. Сгорело более 250 дворов, владельцы которых потеряли при этом и все свое движимое имущество.

«В широких кругах обывателей,— рассказывает Быстренин,— долго потом говорили, что пожар явился «божеским наказанием» за бесчинство, учиненное в храме компанией Заичневского, и так как эти разговоры с весьма недвусмысленными намеками на то, что пора-де этих господ сократить и «дать им науку так, чтобы и детям их икалось», не прекращались, то поклонники Заичневского как-то сразу притихли, стушевались и частые собрания их почти прекратились» [297].

Малая вероятность этого рассказа бросается в глаза. Трудно допустить, что если бы что-либо подобное действительно имело место, то это не нашло своего отражения в архивных документах. И, конечно, жандармы не упустили бы столь удобного для них случая, чтобы подтянуть Заичневского. Совершенно невероятным представляется, чтобы подобный случай мог пройти безнаказанно для его участников и, в первую голову, между ними для Заичневского.

И в дальнейших повествованиях Быстренина правда смешана с изрядной долей вымысла. В первое время своего пребывания в Мокшанах, рассказывает Быстренин, Заичневский поддерживал весьма дружественные отношения с женой акцизного чиновника Жилинского. Затем они разошлись и начали отзываться друг о друге самым отрицательным образом: Заичневский честил ее «дурехой» и ретроградкой, она же не называла его иначе, как «мерзавцем» и «каторжником». Значительно позднее, когда Заичневского уже не было в Мокшанах, выяснилось, что враждебные отношения его с Жилинской имели конспиративный характер. Оказалось, что Заичневский и Жилинская «стоят во главе» крупной конспиративной организации, и «наш глухой уездный городишко был резиденцией, так сказать «штабом» этой организации». Случайные обстоятельства побудили жандармов обратить свое

[297] В. Быстренин. «Уходящее». «Голос минувшего», 1922, № 2, стр. 101.

внимание на Жилинскую. «Обыск в ее квартире дал, как говорили, неожиданные даже для жандармов результаты: в подвале оказалась прекрасно оборудованная типография с большим запасом шрифта и краски, большой склад прокламаций и брошюр и, кроме того, крупная сумма денег. Следствие установило, что Жилинская и Заичневский находились в постоянных сношениях, и что Ольга Ивановна являлась ревностной исполнительницей распоряжений Заичневского». Муж Жилинской, для которого конспирация жены была тайной, желая «сохранить детям мать», «взял вину на себя», показав на допросе, что ради сохранения своей чиновничьей репутации он принуждал жену держать типографию на ее имя (?!). Так ему удалось спасти жену, но сам он очутился, вместо нее, в тюрьме.

В действительности дело обстояло далеко не так, как изображает Быстренин. Супруги Жилинские были арестованы в августе 1874 г.: при обыске у них был найден склад нелегальной литературы. Оказалось, что они принадлежали к революционному кружку, организованному в 1873 г. в Пензе П. И. Войнаральским [298]. Таким образом, Заичневский не имел никакого отношения к их складу. Сообщение Быстренина о существовавшей якобы в Мокшанах «крупной конспиративной организации», имевшей в своем распоряжении «прекрасно оборудованную типографию»,— сплошной вздор. Автор мемуаров наивно поверил в обывательские рассказы, вызванные таким необычайным для уездного городишка того времени явлением, каким был арест всем в городе хорошо известного лица по обвинению в политическом преступлении. Однако эти рассказы имеют для нас некоторое значение в качестве иллюстрации того, какое сильное впечатление было произведено Заичневским на мокшанских обывателей.

Несомненным является и тот факт, что за время своего пребывания в Краснослободске и Мокшанах Заичневский сумел сильно досадить пензенским жандармам; об этом можно судить и по следующему не лишенному комизма случаю.

---

[298] Жилинские были привлечены к делу 193-х, но муж скончался в 1877 г., до суда, а жена была оправдана судом. «Былое», 1907, № 9, стр. 272. «Минувшие годы», 1908, № 5—6, стр. 374. «Государственные преступления в России», т. III, стр. 177—179 и др.

В архиве III отделения имеется любопытное в бытовом отношении дело «О распространении чиновником Саратовской уголовной палаты Василием Свиридовым вредных идей». Начиная с 1865 г., этот Свиридов неоднократно посылал различным властям анонимные доносы о существовании тайного общества, подготавливающего в России революцию, цареубийство и разные ужасы. Когда авторство Свиридова было установлено, то оказалось, что свои лживые доносы он посылал в расчете на то, чтобы добиться высылки из Саратова и таким путем, хотя бы на короткое время, избавиться от своей опостылевшей ему сварливой жены. На первых порах расчеты Свиридова оправдывались: его высылали, и он получал возможность отдохнуть от «семейного счастья», но затем власти, хорошо понявшие цену доносов Свиридова, перестали обращать на них внимание.

В июле 1872 г. один из своих доносов Свиридов прислал на имя начальника пензенского жандармского управления. Не зная автора доноса и не имея представления ни о каком Свиридове, полковник Глоба, установив через специальное расследование неосновательность полученного доноса, почему-то вообразил, что автором его является не кто иной, как П. Г. Заичневский, о чем и поспешил сообщить в III отделение. Он писал:

«Редакцию этого письма я безгрешно могу признать принадлежностью перемещенного из Сибири под надзор полиции в Пензенскую губернию политического ссыльного Петра Заичневского, человека в высшей степени вредного, опасного и постоянно желающего всячески причинять мне какое-либо беспокойство за то, что я заранее предупреждаю все его преступные замыслы, и еще за то, что в течение трехлетнего домогательства его жить в Пензе я не соглашаюсь. Г. Заичневский — редкого ума человек и опаснейший негодяй в душе; он способен сделать всякую низость и в особенности против того человека, который мешает ему действовать на той почве, которую он избрал для себя... Заичневский не такой человек, чтобы его можно было чем-нибудь остановить; он любит смятение и всегда с отвагой идет против всякого доброго порядка и ненавидит того, кто ему мешает, а потому я более чем предполагаю, что он, а не кто другой придумал послать мне такого содержания письмо, с целью доставить мне тяжелую

заботу и показать, что я пристально слежу за ним, а между тем пропускаю гораздо важнее преступников, чем он»[299].

В ноябре 1872 г. отец П. Г. Заичневского возбудил ходатайство об отдаче ему сына на поруки с разрешением жить на родине, в Орле. Ходатайство это встретило поддержку со стороны пензенского губернатора Селиверстова. Любопытны мотивы, обусловившие сочувственное отношение Селиверстова к ходатайству отца Заичневского. О них мы узнаем из следующей аттестации, данной Селиверстовым П. Г. Заичневскому в ведомости о лицах, состоящих в Пензенской губернии под надзором полиции, поступившей в III отделение в феврале 1872 г.

«Весьма вкрадчивый и, по моему предположению, в политическом отношении неблагонадежный человек, он приобрел весьма значительное влияние на некоторых земских деятелей Мокшанского уезда, в коем живет. Между тем, так как в обществе он ведет себя весьма прилично, то полиции нет основания дурно аттестовать его, и я полагаю, что было бы уместно уважить его просьбу о переводе из Пензенской губернии в Орловскую для совместного жительства с отцом. Этим путем были бы прерваны те связи, кои он завел в Мокшане, и хотя я не могу сказать, что лица, с коими он сблизился, неблагонадежны в политическом отношении, но полагаю, что было бы осторожнее людям, подобным Заичневскому, нигде не давать укореняться»[300].

По этим ли соображениям или другим, неизвестно, но 27 декабря 1872 г. воспоследовало высочайшее разрешение Заичневскому под личную ответственность его отца переехать в отцовское имение, сельцо Гостиново, Мценского уезда, Орловской губернии, с тем, чтобы и там полицейский надзор над Заичневским продолжался.

* * *

В начале 1873 г. Заичневский приехал в Орел. Хотя он обязан был жить в имении своего отца, однако, пользуясь тем, что это имение находилось всего в 27 верстах

---

[299] ЦГИАМ, ф. III отд., 1 эксп., 1865, д. 89, лл. 41—44.
[300] ЦГИАМ, ф. III отд., 1 эксп., 1861, д. 212, лл. 641—642.

от Орла, Заичневский все время проводил в городе. Местные власти знали, что Заичневский не живет в имении, но не придавали этому значения и терпимо относились к его незаконному пребыванию в Орле. В апреле 1874 г. отец Заичневского, ссылаясь на свое расстроенное здоровье, заставляющее его постоянно жить в Орле, а не в имении, и на невозможность для него нести ответственность за сына, если последний будет жить отдельно от него, обратился к орловскому губернатору с просьбой разрешить его сыну жить в Орле. Губернатор дал свое согласие на это, а также разрешил П. Г. Заичневскому поступить на службу в Орловскую уездную земскую управу. Таким образом, пребывание Заичневского в Орле было до известной степени легализовано; мы говорим — до известной степени — ввиду того, что с формальной стороны губернатор не имел права разрешить Заичневскому пребывание в Орле, когда по высочайшему повелению он был переведен в Орловскую губернию для жительства в имение отца. Как мы увидим ниже, основываясь именно на этом, начальник орловского губернского жандармского управления во время одного из свиданий своих с П. Г. Заичневским требовал от него особенно осторожного и тактичного по отношению к властям поведения.

Однако Заичневский и в Орле, как и в других местах, куда его забрасывала судьба, мало считался с советами и требованиями жандармов. В годы своего пребывания в Орле Заичневский был центром, вокруг которого группировалась орловская революционно настроенная молодежь обоего пола: старый революционер, побывавший на каторге и проведший ряд лет в ссылке, сильно импонировал ей. В Орле умение Заичневского привлекать к себе людей проявилось со всей силой. Не только орловская молодежь шла к нему за советами и указаниями, и из других городов приезжали в Орел молодые люди, готовившиеся отдать свои силы революционному делу, для того, чтобы повидаться с Заичневским, и поговорить с ним, а также и для того, чтобы посетить и проживавшего в то время в Орле каракозовца А. К. Маликова, производившего большое впечатление на молодежь своим горячим призывом к самосовершенствованию и проповедью новой, изобретенной им религии «богочеловечества», к которой он пришел в результате разочарования в насильственных

путях изменения общественных отношений и улучшения человеческой жизни.

Одна из революционерок 70-х годов, П. С. Ивановская, в письме к автору настоящей работы пишет: «Заичневского я знала заочно еще в первой половине 70-х годов от Наталии Александровны Армфельдт и В. Батюшковой. В период своего «хождения в народ» обе они решили навестить Маликова и Заичневского. Чрезвычайное значение для тогдашнего времени представляли эти две орловские личности. Молодежь из разных углов и губерний России приходила к ним и за советом и для выяснения беспокоивших их молодые чуткие сердца вопросов».

«В течение ряда лет он был магнитом, который привлекал учащуюся молодежь»,— пишет про Заичневского другая его современница, В. Н. Фигнер [301].

Что касается орловской молодежи середины 70-х годов, то влияние на нее Заичневского было поистине громадно. Заичневский сделался центром, вокруг которого группировалось всё, что было среди орловской молодежи чуткого, отзывчивого, стремившегося к борьбе за лучшее будущее. Авторитет, которым пользовался Заичневский, заставлял даже его идейных противников относиться к нему с большим уважением. Кружок Заичневского в Орле, по словам современника, возбуждал в местных лавристах и бакунистах «смешанное чувство неприязни и вместе невольного почтения, сосредоточившегося главным образом на его руководителе» [302].

Тот же современник, Н. С. Русанов, в своих воспоминаниях дает довольно интересную характеристику Заичневского 70-х годов.

«Заичневский представлял собою яркую, цветную фигуру. Когда я познакомился с ним, то это был высокий, плотный, но не толстый, прекрасно сложенный мужчина лет 35—40, могучую черную шевелюру которого и черную же окладистую бороду прорезали еще редкие, но все же заметные пряди седых волос. Под большим, широким лбом светились умом и слегка иронией темные, очень выпуклые, страшно близорукие глаза, которые забавно выглядывали немножко вкось из-под густых бровей, когда

---

[301] В. Н. Фигнер. Запечатленный труд, ч. I. М., 1921, стр. 145.
[302] Н. С. Русанов. На родине. М., 1931, стр. 98.

он читал что-нибудь, совсем близко приставив книгу или газету к лицу. Ироническое движение змеилось у него и вокруг хорошо очерченного рта с несколько толстыми губами, которые отчетливо выговаривали слова его быстрой, плавной, красивой речи. Заичневский был прирожденным оратором. Он не только складно говорил, но прекрасно управлял своим звучным баритоном, выходившим легко и свободно из мощной груди. Когда он воодушевлялся,— а с ним это случалось нередко,— то его речь, может быть, немного напыщенная и не совсем по-русски торжественная, приводила в волнение молодых слушателей, и даже те из нас, которые враждебно относились к якобинизму, оставались некоторое время под его впечатлением» [303].

Из орловской молодежи Заичневский образовал ряд кружков. Эти кружки, состоявшие обычно из 7—8 человек, устраивали более или менее регулярные собрания. На собраниях их участники читали произведения Спенсера, Милля с примечаниями Чернышевского, Лассаля, Маркса, Лаврова, изучали историю французской революции и Парижской Коммуны. Заичневский комментировал прочитанное. Некоторые из членов кружка составляли рефераты, которые зачитывались и подвергались обсуждению на собраниях кружка [304].

Кружки, организованные Заичневским, состояли главным образом из учениц орловской женской гимназии,— мужчин в них было сравнительно мало. В революционных кругах по этому поводу шутили, что Заичневский сумел разбудить в Орле «12 спящих дев». Он всегда был окружен поклонницами, относившимися к нему в высокой степени заботливо. Это создало Заичневскому репутацию бонвивана [305].

Из кружков Заичневского, из рядов его знаменитых в свое время «орлят» вышло немало женщин, вписавших свое имя в историю нашего революционного движения.

На первое место среди них надо поставить трех сестер — Марию, Наталью и Елизавету Николаевну Оловенниковых. Старшей и наиболее выдающейся из них была

---

[303] Н. С. Русанов. На родине, стр. 98—99.

[304] «Автобиография Е. Н. Оловенниковой». Энциклопедический словарь «Гранат», т. 40, стб. 320.

[305] «Воспоминания Льва Тихомирова». М., 1927, стр. 115.

Мария Николаевна, по мужу Ошанина. Это была энергичная, смелая женщина с исключительно сильной волей, с развитым честолюбием. Позднее она принимала участие в Липецком и Воронежском съездах и была членом Исполнительного Комитета «Народной воли». Но и в народовольческий период своей жизни Ошанина сохранила верность своим якобинским взглядам.

Вторая из сестер Оловенниковых, Наталья Николаевна, также принадлежала позднее к «Народной воле». В ее рядах она выполняла малозаметную, но чрезвычайно ответственную работу: она была хозяйкой законспирированной с особой тщательностью квартиры, на которой происходили свидания знаменитого Клеточникова с его товарищами по революционной работе.

К «Народной воле» примкнула и третья из сестер Оловенниковых — Елизавета Николаевна. Она принимала активное участие в цареубийстве 1 марта 1881 г. На ней, вместе с Рысаковым, Тырковым и др., лежало наблюдение за выездами Александра II.

В рядах Исполнительного Комитета «Народной воли» была еще одна ученица П. Г. Заичневского — Екатерина Дмитриевна Сергеева, жена Льва Тихомирова. Ученицами Заичневского были также Мария Васильевна Лаврова (позднее по мужу Швецова), поплатившаяся за свою революционную деятельность ссылкой в Тобольскую губернию на 5 лет, и Мария Дмитриевна Носкова (урожденная Сергеева, сестра Е. Д. Сергеевой).

К числу последовательниц Заичневского, им распропагандированных в Орле, принадлежали далее привлекавшиеся в 1874 г. по делу «О революционной пропаганде в империи» орловская учительница Александра Харлампиевна Архипова (урожденная Азбукина) и гимназистка Мария Афанасьевна Простова [306].

---

[306] В воспоминаниях участницы процесса 193-х Н. А. Головиной-Юргенсон мы находим упоминание еще о нескольких ученицах Заичневского. Рассказывая об образовавшейся в 1873—1874 гг. при женских медицинских курсах в Медико-хирургической академии «кассе взаимопомощи» студенток, Н. А. Головина пишет, что в ее состав входили преимущественно орловские землячки, спропагандированные П. Г. Заичневским: Георгиевская, Витт, Салтыкова и др. Н. А. Головина. Мои воспоминания, «Каторга и ссылка», 1923, № 6, стр. 28.

Учеников у Заичневского было меньше. Наиболее известный из них — Василий Петрович Арцыбушев, человек очень близкий к Заичневскому, в то время убежденный сторонник якобинства, позднее видный социал-демократ (большевик).

Большое идейное влияние оказал Заичневский и на Николая Сергеевича Русанова, будущего теоретика партии социалистов-революционеров. Это влияние отмечает сам Русанов в своих воспоминаниях [307].

Революционная работа Заичневского в Орле сводилась к организации кружков и пропаганде среди их членов. Только один раз его последователи рискнули на открытое выступление демонстративного характера. Это было в 1876 г. Привлеченный по делу о пропаганде в империи студент Медико-хирургической академии Вас. Матв. Махаев, находясь в заключении, тяжело заболел туберкулезом. Его сестре, проживавшей в Орле, удалось выхлопотать разрешение отправить брата для излечения на юг. Но было уже поздно. Махаев находился в таком тяжелом состоянии, что его пришлось задержать в Орле. Помещенный на квартиру мужа М. Н. Ошаниной, Махаев через несколько дней — 25 марта — скончался. Похороны его привлекли всю орловскую революционную молодежь, в том числе гимназисток, входивших в кружки Заичневского. Над могилой Арцыбушев сказал речь довольно яркого революционного содержания. Последствием этой демонстрации было увольнение, по требованию губернатора, из гимназии двух гимназисток, которые, однако, вскоре были приняты обратно [308].

---

[307] С. И. Мицкевич в статье «Русские якобинцы» («Пролетарская революция», 1923, № 6—7, стр. 23) пишет про Заичневского: «Под его влиянием образовался кружок якобинцев в Курске; там был процесс якобинцев, привлекались: Лаврениус, Тимофеев, Спицын, Лебедев». Это основано на недоразумении. В Курске действительно существовал кружок, находившийся под влиянием Заичневского, но это было в конце 80-х годов; перечисленные С. И. Мицкевичем лица, судившиеся в 1881 г., к этому кружку никакого отношения не имели. Помимо сего, как видно из воспоминаний М. А. Тимофеева, опубликованных в № 8—9 «Каторги и ссылки» за 1929 г., только он один был якобинцем, остальные же его сопроцессники — народовольцами; при этом М. А. Тимофеев был завербован приезжавшим в Россию агентом ткачевского «Набата» и к Заичневскому никакого отношения не имел.

[308] «Автобиография Е. Н. Оловенниковой». Энциклопедический словарь «Гранат», т. 40, стб. 320.

Для Заичневского эта история не имела никаких неприятных последствий.

Как мы упоминали выше, Заичневский служил секретарем уездной земской управы, а позднее и уездного по крестьянским делам присутствия. Его должность открывала ему возможность сблизиться с местными земцами и влиять на их работу. Любопытные сведения об этой стороне деятельности Заичневского мы находим в воспоминаниях Н. С. Русанова.

«Была в Заичневском одна черта, которая нас особенно сильно раздражала. Революционер, социалист и политический заговорщик, он, однако, далеко не так отрицательно относился к конституции и либерализму, как это делало большинство тогдашних революционеров и даже легальных радикалов в печати... Якобинец Заичневский считал нужным поддерживать связь с представителями общества и пользовался среди них немалым успехом. Обладавший эффектной наружностью, хорошими манерами и редким умением говорить, он производил впечатление на либеральных земцев и городских служащих, а особенно на их жен и сестер, среди которых находилось немало его платонических поклонниц, порою оказывавших ему существенные услуги, предупреждая, например, его о готовящихся обысках и т. п. планах местной, а иногда даже и центральной власти... Занимая, если не ошибаюсь, место секретаря губернской земской управы (уездной, а не губернской.— *Б. К.*), он стал неофициальным лидером левой оппозиции. Он очень ловко пользовался чтением протоколов заседания, чтобы ввертывать дельные замечания, а порою даже произносить небольшие, но яркие речи, составляя эти протоколы столь же интересно, сколько тенденциозно,— чем возбуждал ярость правых,—и ухитряясь подготовлять материалы для очередного порядка таким образом, что на первый план неизменно выдвигались вопросы или общего принципиального или злободневного, ярко политического характера. Левые земцы его любили, правые ненавидели, но боялись, а все советовались с ним, когда нужно было сделать какое-нибудь важное заявление от земства» [309].

---

[309] Н. С. Русанов. На родине, стр. 101.

Таким образом, и в Орле повторилось то же самое, что происходило в Краснослободске и Мокшане, где Заичневский сумел приобрести влияние на ход местных дел.

Революционная деятельность Заичневского в Орле была обставлена в достаточной степени конспиративно; однако слухи о ней все же проникали в обывательскую массу. Русанов вспоминает «страшные разговоры, которые велись между нашими отцами об этом дьяволе в человеческом образе, об этом змие-искусителе молодого поколения» [310]. Эти слухи, а также жалобы обывателей на Заичневского неоднократно доходили до местных властей, но никаких конкретных данных, компрометирующих Заичневского в политическом отношении, властям получить не удавалось. Этим и объясняется, что если у Заичневского и производились неоднократные обыски и сам он неоднократно приглашался для разговоров в жандармское управление, то никаких других, более серьезных, неприятных последствий пропагандистская работа Заичневского для него не имела.

Жалобы на Заичневского начали поступать к властям вскоре после его прибытия в Орел. Еще в самом начале 1874 г. бывший трубчевский уездный предводитель дворянства Добровольский жаловался на то, что его 19-летняя дочь попала под влияние Заичневского; до ее знакомства с последним Добровольский «видел в дочери одну покорность себе», теперь же она «начала бредить самостоятельностью, трудом и другими женскими вопросами», а кроме того, заявила отцу, что она собирается выйти замуж за Заичневского [311].

Одновременно с этим до властей дошли слухи, что Заичневский со своим братом Николаем, служившим в Орле мировым судьей, и другим старым революционером (уже отошедшим от активного участия в революционной борьбе) Леонидом Егоровичем Оболенским, бывшим каракозовцем и будущим публицистом и беллетристом, организовали «какую-то школу, в которой читают лекции о труде и еще о чем-то», что эту школу посещают «только девицы, при-

---

[310] Н. С. Русанов. На родине, стр. 100.

[311] ЦГИАМ, ф. III отд., 1 эксп., 1861, д. 212, лл. 655—656. Донесение начальника орловского жандармского управления полковника Рыкачева управляющему III отделением от 25 февраля 1874 г., д. 118.

надлежащие к образованному классу» и в том числе упоминавшаяся выше гимназистка М. В. Лаврова, «весьма развитая девица, но способная играть роль передовой женщины», по характеристике жандармского полковника Рыкачева [312].

По-видимому, Заичневский откуда-то узнал, что слухи об его деятельности донеслись до Рыкачева. Чтобы выяснить положение, он явился 7 марта в жандармское управление, и там между ним и Рыкачевым произошел любопытный разговор, содержание которого в тот же день было сообщено Рыкачевым управляющему III отделением [313].

«Сегодня явился ко мне Петр Заичневский,— писал Рыкачев,— и высказал:

«С появлением в Орле девицы Добровольской родственник ее, член орловского окружного суда Соколов, начал хлопотать, чтобы выдать ее замуж за члена того же суда Викторова. Добровольская не согласилась на это. Соколов объяснил это влиянием Заичневского и начал ему мстить. Соколов, не стесняясь, высказал девице Добровольской, что она принадлежит к тайному обществу, организованному Заичневским, что ее пошлют в С.-Петербург с прокламациями, которые она будет обязана раздавать там, и просил, чтобы она показала ему тот тайный знак, по которому члены их общества узнают друг друга».

«На одном из семейных вечеров в дворянском собрании жена товарища прокурора Померанцева сказала Заичневскому, что одна дама желает с ним познакомиться, и подвела его к девице Добровольской. С этого и началось их знакомство. Заичневский высказывал Добровольской, что он не сможет уважать девицу, которая думает только о нарядах и о выездах на балы. По поводу этих слов отец Добровольской пришел в отчаяние от того, что дочь его, прежде любившая наряды и выезды, теперь отказывается от них, а просит отца покупать ей книги и учебники».

«Николай Николаевич Добровольский сперва просил Заичневского не говорить с его дочерью, но после высказал, что отказывается от этих своих слов. Он же говорил

---

[312] ЦГИАМ, ф. III отд., 1 эксп., 1861, д. 212, лл. 656—660 и 661.
[313] То же дело, л. 663.

своей дочери, что выдаст ее за Заичневского. Та напомнила отцу, что он не имеет права говорить ей это, так как Заичневский ни ей, ни ему ничего не говорил о намерении жениться на ней. Однако же, г. Добровольский, перед выездом из Орла в деревню (в последних числах минувшего февраля), высказал некоторым своим знакомым, что приедет в Орел на Фоминой, выдаст дочь замуж за Заичневского и даст за нею 10 000 рублей в приданое».

«Заичневский не дозволял себе здесь никакой предосудительной деятельности. Он не организовал никакого общества и вообще не принимал на себя роли эмансипатора молодых девиц и гимназистов. Слухи же, распущенные в городе, будто бы он и Оболенский эмансипируют молодежь, не что иное как месть за девицу Добровольскую. Он не устраивал никаких сборищ для чтения или разговоров и сам не посещал подобных сборищ».

На вопрос мой, бывал ли он у Лавровых, Заичневский отвечал «да», но никогда никого у ней не встречал. Один раз, придя к Лавровой, он знал, что у ней два гимназиста, но он их не видал, так как они оставались в другой комнате.

В ответ на эту исповедь Заичневского, я ему высказал:

«В январе 1873 г. всемилостивейше разрешено отдать вас на поручительство вашего отца с тем, чтобы вы находились в принадлежащем ему имении Гостином, Орловской губернии, и под личною его ответственностью. Затем я не имею в виду никакого другого распоряжения, которым разрешалось бы вам выехать из означенного имения, а потому полагаю, что не имеете права жить в каком-либо другом месте, кроме указанного имения».

«Между тем, вы переехали в г. Орел и даже получили место в здешней уездной земской управе. Это прошло бы бесследно, если бы вы не забыли, что находитесь здесь «инкогнито». На мой взгляд, вам следовало вести себя здесь особенно осторожно и тактично, чтобы ничем не заявлять о своем пребывании в Орле и, вообще, не возбуждать в здешнем обществе каких-либо толков и рассказов о своей личности».

«Вам должно быть известно лучше, чем мне, до какой степени вы погрешили против своей собственной личности в этом отношении. Вы являлись в клубе и на семейных вечерах в дворянском собрании. В этом обществе, как

носятся слухи, вы будто бы старались обратить на себя внимание рассказами о вашем прошедшем и возбудить сочувствие к своей личности. На мой взгляд, вы рисовались в этом обществе и, как всегда бывает в подобных случаях, доставляя удовольствие одним, в то же время дразнили других. Одним словом, вы увлекались и достигли следующего результата: в том же обществе были возбуждены разные толки и рассказы. Вам даже приписали такого рода деятельность, которая строго преследуется нашими законами».

«Государственные преступники, сосланные в Сибирь по истории 25 года [314], принадлежали большею частью к хорошей фамилии и многие из них были люди высокого ума и образования. Они пользовались особенным расположением генерала Муравьева, который был генерал-губернатором в Восточной Сибири в то время, когда они жили в Иркутске. Они были приняты в доме генерала Муравьева, но, однако же, не дозволяли себе являться к нему в присутствии посторонних. Вдобавок к этому, никто и никогда не видел никого из этих преступников в клубе, на бале или вечерах не только в публичном месте, но даже и в частных домах».

«В вашем положении я вам не советовал бы относиться апатично ко всем толкам и рассказам, возбужденным в здешнем обществе относительно вашей личности, тем более, что вследствие этого был возбужден вопрос, на каком основании вы проживаете в Орле».

Заичневский с особенным вниманием выслушал эти мои слова. Он возразил только против того, что не старался рисоваться в здешнем обществе и возбуждать сочувствие к своей личности рассказами о своем прошедшем, во всем же остальном он согласился и сознался, что поведение его в Орле было бестактно. Затем он спросил у меня, что он должен теперь делать. Я отвечал: «советовал бы немедленно уехать в имение отца». Из последующих объяснений Заичневского я заключил, что он намерен последовать этому совету».

Не трудно представить себе, как хохотал Заичневский по выходе из жандармского управления над наивностью и легковерием орловского жандарма. Конечно, уезжать из

---

[314] То есть декабристы.

Орла он и не думал. Да и Рыкачев не стал на этом настаивать.

Слух о школе, организованной Заичневским, до известной степени соответствовал действительности. Действительно, он и Л. Оболенский читали орловским гимназисткам лекции по политической экономии и истории, воспользовавшись для этого помещением одной из орловских читален. Однако Заичневскому своими объяснениями настолько удалось усыпить бдительность Рыкачева, что тот поверил в неосновательность дошедшего до него слуха. К тому же, расследование, произведенное Рыкачевым, не дало никаких оснований для обвинения Заичневского и Оболенского в распространении «идей, подрывающих доверие к правительству». Вот почему на запрос III отделения о поведении Заичневского и Оболенского Рыкачев нашел возможность дать вполне успокоительные сведения.

«Я имею честь служить в Орловской губернии при третьем губернаторе,— писал он 20 декабря 1875 г. управляющему III отделением.— Ни от одного из них я не слыхал ничего дурного ни про Заичневского, ни про Оболенского. Между мною и властями, губернскою и местною полицейскою, существует полная гармония. Если бы что-либо и ускользнуло от моего внимания, то, наверное, я получил бы о том указания от означенных властей. Однако же, я не получал от них указаний относительно Заичневского и Оболенского, что они распространяют в обществе молодых людей идеи, подрывающие доверие к правительству. Следовательно, подобное распространение в действительности не существовало... Если допустить, что Заичневский и Оболенский действительно распространяют между молодыми людьми идеи, подрывающие доверие к правительству, то естественно является вопрос, кто таковы эти молодые люди? В г. Орле, в особенности в настоящее время, почти вовсе нет молодых людей. Если же причислить к их числу учащуюся молодежь, гимназистов и семинаристов, то могу сказать утвердительно, что Заичневский и Оболенский не имеют с ними никаких отношений».

Такое же легковерие полковник Рыкачев проявлял и в других случаях, когда до него доходили сведения о «вредной» деятельности Заичневского. Так, например, летом 1876 г. орловский купец Толстопятов пожаловался ему на то, что его сестра, только что окончившая женскую

гимназию, «не повинуется, как должно, своим родителям». Это Толстопятов приписывал вредному влиянию на нее Заичневского. Рыкачев произвел расследование и выяснил:

«Поводом к обвинению Заичневского в вредном влиянии на девицу Толстопятову послужило следующее: в начале минувшего лета несколько гимназисток, в том числе и Толстопятова, катались на лодке по реке Орлику и пили чай на берегу реки в 4 верстах за городом в Мамоновой роще. Их сопровождали молодые люди и Заичневский. Последнего я призвал к себе и сделал предостережение, чтобы он держал себя осторожнее и прекратил катанье на лодке с воспитанницами здешней женской гимназии. Знаю достоверно, что подобные поездки с участием Заичневского более не возобновлялись».

Успокоительные донесения полковника Рыкачева настолько убедили III отделение в полной благонамеренности Заичневского, что оно само возбудило вопрос о возвращении Заичневскому прав дворянства, которых он был лишен в силу приговора Сената. Как мы сейчас увидим, жандармы при этом руководствовались расчетом на то, что, получив следуемую ему часть из отцовского имения, Заичневский окончательно расстанется со своими «вредными» идеями и сделается «полезным членом общества».

В начале 1876 г. полковник Рыкачев ездил по служебным делам в Петербург. В разговоре с ним шеф жандармов Потапов, между прочим, сделал распоряжение объявить Заичневскому, чтобы его мать (отец Заичневского умер в январе того же года) подала прошение на высочайшее имя о возвращении ему прав состояния, дабы после ее смерти он мог явиться участником в наследовании ее имущества. По возвращении в Орел, Рыкачев сообщил об этом губернатору, при этом он писал: «Мать Петра Заичневского находится уже в преклонных летах. Если ему будут возвращены права состояния при ее жизни, в таком случае он будет иметь здесь оседлость, иначе же останется пролетарием. Как землевладелец, он может сделаться полезным членом общества и вернее предпочтет честную трудовую жизнь и не возвратится к тем увлечениям молодости, за которые пострадал в 1862 году» [315].

---

[315] ЦГИАЛ, ф. Канцелярии министра внутренних дел, 1861, д. 114, л. 343.

Мать Заичневского, конечно, поспешила подать прошение. Представляя его министру внутренних дел, орловский губернатор, согласившийся с доводами полковника Рыкачева, писал: «С возвращением прав состояния Заичневский, приобревши права наследства после матери своей и сделавшись землевладельцем, по всей вероятности, не пожелает вновь подвергаться тем лишениям и ограничениям, какие испытывает он с 1862 г., и постарается остаться полезным членом общества в своих же личных интересах»[316].

30 мая 1876 г. состоялось высочайшее повеление о восстановлении П. Г. Заичневского в правах дворянства.

Конечно, те расчеты, которые связывались с этим властями, не оправдались ни в малейшей мере: Заичневский, восстановленный в правах, остался таким же пламенным революционером и неустанным борцом против самодержавия, каким был Заичневский, лишенный прав. Его организационная и пропагандистская деятельность среди орловской молодежи шла по-старому.

Пребывание П. Г. Заичневского в Орле совпало с большим оживлением революционного движения в России. Это было время возникновения во всех крупных и мелких городских центрах страны кружков молодежи, готовившейся отдать свои силы революционному делу. Это было время напряженной борьбы различных течений в рядах революционной армии: лавристы ведут оживленные дискуссии с бакунистами, за границей появляются новые революционные журналы и в том числе с конца 1875 г. «Набат» Ткачева, отстаивавший позицию, близкую ко взглядам Заичневского. Это было время массового хождения в народ молодежи летом 1874 г., время крушения надежд, связывавшихся с этим хождением, время пересмотра под влиянием этого тактики и приемов борьбы, приведшего к созданию северной группы народников, позднее принявшей название тайного общества «Земли и воли».

Заичневский в значительной степени стоял в стороне

---

[316] ЦГИАЛ, ф. Канцелярии министра внутренних дел, 1861, д. 114, л. 343. Возможно, что восстановлению П. Г. Заичневского в правах помогло то обстоятельство, что его мать, урожденная кн. Юсупова, имела в Петербурге влиятельных родственников.

от этого движения и относился к нему весьма критически. Неудача всяких попыток вызвать в народе восстание и невосприимчивость крестьянских масс к социализму, обнаружившаяся в результате хождения в народ, должны были только укрепить в Заичневском веру в правильность его собственных взглядов на задачи, стоящие перед русскими революционерами. Как и в те годы, когда он писал «Молодую Россию», он мыслил революционный переворот в России, как дело тесно сплоченной, централизованной тайной организации. Задача революционеров, по его убеждению, сводилась к созданию в стране сети тщательно законспирированных кружков, охватывающих все более или менее крупные центры страны и долженствующих в известный момент выступить для того, чтобы свергнуть существующее правительство и захватить в свои руки государственную власть.

С этой точки зрения Заичневский не мог относиться отрицательно к деятельности современных ему русских революционеров. Такое его отношение должно было распространяться и на общество «Земля и воля», которому удалось широко развернуть свою деятельность и создать крупную тайную революционную организацию. «Земля и воля» продолжала верить в народное восстание, она говорила об особом «русском» социализме, зародыши которого надеялась найти в миросозерцании русского крестьянства и в основах его общественной жизни. Заичневский и его последователи не могли примириться с этими надеждами. Даже те из его последователей, которые были связаны с землевольцами узами дружественных отношений, как, например, М. Н. Оловенникова-Ошанина, с насмешкой отзывались о «Земле и воле» [317]. Ценя в Ошаниной крупную революционную силу, землевольцы неоднократно пытались привлечь ее в свои ряды, но это им не удавалось. Соглашаясь оказывать землевольцам ряд отдельных услуг и даже принимать личное участие в некоторых их предприятиях, как, например, в неудавшейся попытке освободить под Харьковом в 1878 г. П. И. Войнаральского и его товарищей, осужденных вместе с ним по делу 193-х, она не соглашалась войти в ряды их тайного общества,— главным образом потому, что не разде-

[317] «Воспоминания Льва Тихомирова». М., 1927, стр. 114.

ляла надежд землевольцев на крестьянскую революцию[318].

Что касается отношения к «Земле и воле» самого Заичневского, то оно также не могло не быть отрицательным: программа «Земли и воли» стояла слишком далеко от тех общественно-политических воззрений, которых придерживался Заичневский. К сожалению, до нас не дошло никаких документов, исходящих от самого Заичневского, которые знакомили бы нас с его взглядами в период его первого пребывания в Орле (1873—1877 гг.). Ввиду этого приходится ограничиваться показаниями современников, стоявших в это время близко к Заичневскому.

В некрологе П. Г. Заичневского, помещенном в изданных в Женеве в 1896 г. «Материалах для истории русского социального революционного движения» и написанном со слов лиц, знавших Заичневского (в первую очередь, несомненно, М. Н. Ошаниной), политические взгляды Заичневского характеризуются следующим образом:

«Петр Григорьевич был, как тогда говорили, «централистом». Всей подготовительной революционной деятельностью должен был управлять «центр», состоящий из людей, всецело преданных революции и по своим качествам стоящих выше среднего уровня. Сама же деятельность должна была быть направлена главным образом в общество и войско, имея целью сгруппировать все недовольные элементы в тайное общество, готовое к восстанию по первому знаку центра. Что же касается народа, то деятельность там должна была быть чисто агитационная, и то вести ее следовало незадолго до восстания и притом при помощи людей, специально для этого годных и не состоящих в центре. Всякие демонстрации и террор безусловно им порицались, как прямая помеха организации. Организация и организация прежде всего, причем центр и ближайшие к центру группы должные состоять из

[318] М. Р. Попов. Из моего революционного прошлого. «Былое», 1907 г., № 5, стр. 294. В 1878 г. Ошанина, по словам О. В. Аптекмана, «решила, наконец, поступиться некоторыми своими якобинскими воззрениями и симпатиями, ради практической необходимости действовать сообща и планомерно», и пристала к землевольцам «на условиях тесных, федеративных обязательств». Она и ее кружок совместно с некоторыми землевольцами образовали переселенческую группу, избравшую местом своей деятельности Воронежскую губернию. О. В. Аптекман. Общество «Земля и воля» 70-х годов. Пг., 1924, стр. 323.

людей строго определенных мнений: не только социалистов, но и знающих, что они должны делать до и после революции. Революция же ему действительно представлялась в виде восстания в центрах: «массы же всегда становятся на стороне совершившегося факта». Надо только, чтобы во время восстания центр или сам захватил власть, или помог захватить ее подходящим людям»[319].

Аналогичную характеристику взглядов Заичневского мы находим и в цитированных нами уже воспоминаниях Н. С. Русанова. По его словам, Заичневский был «прежде всего политический революционер, и в значительной мере заговорщического типа». Он был «социалист, но, как нам казалось тогда, на чересчур иностранный лад». Движущими силами революции в России он считал революционную интеллигенцию и революционизированное ею войско, с прибавлением лучших людей из общества и отрядов «рабочего класса» в больших центрах (несомненно, городского пролетариата, а не крестьянства, добавляет Русанов).

«Припоминая некоторые разговоры с Заичневским, я склонен даже думать, что он гораздо менее Ткачева, о котором он говорил, однако, с большим сочувствием, верил в возможность для русской общины явиться отправным пунктом социалистического развития». Была еще одна характерная черта во взглядах Заичневского, которую отмечает Русанов. В то время, как большинство его современников видело в передаче помещичьей земли крестьянам разрешение аграрного вопроса, Заичневский не соглашался с таким взглядом. Он указывал на то, что площадь помещичьей земли не так велика, чтобы переход ее в руки мужика, при его экстенсивной и хищнической системе хозяйства, мог улучшить его экономическое положение. «Понадобятся годы работы революционного правительства,— говорил Заичневский,— над нашим крестьянством, чтобы выучить его как следует возделывать землю и, вообще, развить производственные силы в сельском хозяйстве. Иначе ничего не выйдет». Была еще одна черта, отличавшая взгляды Заичневского от взглядов его современников из народнического лагеря. Они относились

---

319 «Материалы для истории русского социально-революционного движения», т. X. С приложением «С родины на родину», № 6—7, Женева, 1896, стр. 504.

отрицательно к введению в России конституционного порядка, боясь, что конституция упрочит положение русской буржуазии и не даст ничего народу. Заичневский же считал, что конституционное брожение в обществе выгодно для революционеров, и полагал, что работа среди общества необходима, чтобы окружить революционеров защищающими и питающими слоями [320].

Как мы видим, в основном Заичневский в 70-е годы продолжал стоять на той же точке зрения, на которой он стоял в дни своей юности, когда он писал «Молодую Россию». Ближе всего его взгляды подходили к программе ткачевского «Набата». Из приведенного нами только что свидетельства Русанова видно, что Заичневский с сочувствием отзывался о Ткачеве. Об этом же говорят в своих воспоминаниях С. И. Мицкевич и М. П. Голубева, встречавшиеся с Заичневским уже в 80-х годах. С. И. Мицкевич пишет, что в своих разговорах с молодежью Заичневский «ссылается на Бланки и Ткачева, признавая их взгляды правильными» [321]. М. П. Голубева, хотя сообщает, что о Ткачеве Заичневский почти не говорил, но вместе с тем свидетельствует, что он «в своих спорах с противниками иногда ссылался на «Набат»» [322].

Как известно, «Набат» начал выходить в конце 1875 г., то есть тогда, когда Заичневский находился в Орле. Не было ли со стороны группы, издававшей «Набат», или со стороны орловского кружка Заичневского попыток установить связь друг с другом? Единственное указание, имеющееся на этот счет в литературе, мы находим в статье Б. И. Николаевского, посвященной одному из организаторов «Набата», умершему в 1925 г., Гаспару Турскому. Говоря о попытке группы «Набата» создать «Общество народного освобождения», Б. И. Николаевский, между прочим, пишет:

«Насколько можно судить по имеющимся отрывочным указаниям, это общество возникло после того, как якобинцам зарубежным удалось придти к соглашению с якобинцами русскими,— с группой Заичневского. Подробности

---

[320] Н. С. Русанов. На родине, стр. 100—102.

[321] С. И. Мицкевич. О П. Г. Заичневском. «Историко-революционный бюллетень», 1922, № 1, стр. 20.

[322] М. П. Голубева. Воспоминания о П. Г. Заичневском. «Пролетарская революция», 1923, № 6—7, стр. 29.

этих переговоров и нормы соглашения совершенно неизвестны, но, на основании указаний Турского, мы можем сообщить, кажется, никогда еще в литературе формально не удостоверенный факт существования такого соглашения и вступления Заичневского и всей его орловской группы (М. Н. Оловенникова-Полонская, Г. Чернявская, В. П. Арцыбушев и др.) в «Общество народного освобождения»[323].

В это сообщение Б. И. Николаевского необходимо ввести две фактические поправки. Во-первых, Г. Ф. Чернявская никакого отношения к орловской группе Заичневского не имела. Во-вторых,— и это важнее,— попытка создания «Общества народного освобождения» относится к концу 1877 г.[324]. Заичневского к этому времени уже не было в Орле; как мы увидим ниже, в августе 1877 г. он был выслан в Повенец. М. Н. Оловенникова еще раньше (в 1875 или 1876 г.) переехала из Орла в Петербург; в 1878 г. она, как мы упоминали выше, вошла в соглашение с «Землей и волей» и занималась организацией воронежского поселения. В. П. Арцыбушев также покинул Орел значительно раньше 1878 г.; арестованный в 1877 г. в Петербурге, он был выслан на родину, откуда бежал и находился на нелегальном положении до октября 1878 г., когда снова был арестован в Москве.

Таким образом, в конце 1877 г. орловского кружка Заичневского фактически уже не существовало, поэтому войти в «Общество Народного Освобождения» он не мог. Однако мы не видим никаких оснований отбрасывать указания Турского, которыми пользовался Б. И. Николаевский. Остается допустить, что существовало какое-то, относящееся к более раннему времени, соглашение между кружком Заичневского и группою «Набат». Ничего невероятного в этом нет. Имеются указания, что агенты группы «Набат» приезжали в Россию не только в 1878 г., но и ранее. Возможно, что через них-то «Набат» и установил связь с П. Г. Заичневским. Остается выразить сожаление,

---

[323] Б. И. Николаевский. Память последнего «якобинца»-семидесятника (Гаспар-Михаил Турский). «Каторга и ссылка», 1926, № 2. стр. 223—224.

[324] См. статью Е. Н. Кушевой. «Из истории «Общества народного освобождения» в № 4 «Каторги и ссылки» за 1930 г.

что нам неизвестно никаких подробностей относительно их соглашения.

Отрицательное отношение Заичневского к «Земле и воле», о котором мы говорили выше, ярко проявилось во время знаменитой Казанской демонстрации 6 декабря 1876 г. в Петербурге. Заичневский заранее знал о подготовке этой демонстрации. По-видимому, сведения о ней он получил от своих верных последовательниц — М. Н. Ошаниной и М. В. Лавровой, переселившихся к этому времени из Орла в Петербург, где вокруг них сгруппировался небольшой кружок, известный в революционной среде под названием «центра», ввиду «централистического» направления его членов.

Узнав о готовящейся демонстрации, Заичневский едет в Петербург для того, чтобы удержать своих последователей от участия «в подобных безумных и бессмысленных действиях» [325]. Чем же обусловливалось такое резко отрицательное отношение Заичневского к готовившейся демонстрации? Зная его политические взгляды, нетрудно ответить на этот вопрос. Во-первых, Заичневский не верил в то, что эта демонстрация может удасться; ему казалось невероятным, чтобы ее устроителям удалось привлечь к участию в ней такое количество народа, при каком она могла бы получить значение массового революционного выступления; это неверие Заичневского логически вытекало из его отрицательного отношения ко всяким надеждам на активную революционную роль народных масс. Во-вторых, Заичневский, выдвигая на первый план перед революционерами организацию кружков, считал, что публичные проявления революционности, подобно Казанской демонстрации, не могущие привести ни к каким серьезным результатам, приносят в то же время громадный вред революционному делу, ставя революционную организацию под удары правительства и бесплодно вырывая из среды этой организации ряд членов, которые, оставаясь на свободе, могли бы еще принести большую пользу делу.

Неизвестно, удалось ли Заичневскому отклонить своих последователей от участия в казанской демонстрации, но сам он 6 декабря в назначенное время явился в Казанский

[325] В кавычках слова, будто бы сказанные Заичневским орловскому жандарму полковнику Рыкачеву (см. ЦГИАМ, ф. III отд., 3 эксп., 1874, д. 144, ч. 327, лл. 12—13).

собор. Об этом рассказывает в своих воспоминаниях племянница Заичневского О. А. Никифорова-Мацнева. Она присутствовала в Казанском соборе, где, к своему удивлению, увидела П. Г., «лицо которого,— пишет она,— поразило меня своей сосредоточенной серьезностью и какой-то особой торжественностью». Во время последующего нападения полиции на демонстрантов О. А. Никифорова бросилась отбивать свою подругу, схваченную приставом. «Но в тот же момент,— рассказывает она,— ко мне быстро подошел П. Г. Заичневский и, взяв меня за руку, сейчас же перевел на другую сторону Невского... Страшно взволнованная арестом, я никак не могла успокоиться. П. Г., указывая мне на неудачу демонстрации, сказал: «Вы видите, что демонстрация не удалась, чем меньше жертв, тем лучше». Затем он проводил меня на Пески, домой, предупредив, что квартиру нужно очистить, чтобы не скомпрометировать подругу еще больше, так как теперь следует ждать обыска» [326].

После Казанской демонстрации Заичневский на несколько дней остался в Петербурге. 8 декабря он выступил с речью по поводу демонстрации на одном собрании революционной молодежи, состоявшемся на квартире, где жили М. Н. Ошанина и Е. Д. Сергеева [327].

«Своим зычным голосом,— пишет один землеволец в своих неизданных воспоминаниях,— он ругательски ругал устроителей неудачной демонстрации и в особенности нападал на оратора Плеханова, который своей хаотической речью еще усилил этот провал». Заичневский не знал, добавляет автор воспоминаний, что Плеханов присутствовал тут же, но последний не счел нужным возражать Заичневскому.

Об этом же выступлении Заичневского мы находим упоминание в цитированном выше его некрологе, напечатанном в женевских «Материалах»:

«Что особенно отвратило его от «Земли и воли», это Казанская демонстрация, где он увидел прежде всего недо-

[326] А. Никифорова-Мацнева. П. Г. Заичневский на Казанской демонстрации 1871 г. «Каторга и ссылка», 1927, № 5.

[327] Это была известная всему революционному Петербургу того времени квартира «централисток». «Мы, землевольцы,— пишет О. В. Аптекман,— частенько-таки бывали у этой умной, сильной Ошаниной, несмотря на принципиальные наши разногласия» О. В. Аптекман. Общество «Земля и воля» 70-х гг., стр. 305.

статок организации и несерьезность организаторов. Ему удалось как раз к этому времени тайно приехать в Петербург и на одной студенческой квартире он отчитал оратора (делая вид, что не знает, что этот оратор в той же комнате), осмелившегося произнести речь, когда организаторами было решено произносить ее только в том случае, когда соберется на площади тысячи три рабочих. Оратор должен был молча слушать, как Заичневский его клеймил. Заичневский и вообще был против демонстрации» [328].

Г. В. Плеханов в своих воспоминаниях «Русский рабочий в революционном движении» вносит несколько весьма существенных поправок в это сообщение:

«На самом деле,— пишет он,— решение, о котором говорит автор некролога, не только не было принято организаторами Казанской демонстрации, но его никто и не предлагал. На собрании 4 декабря *решено* было, напротив, *действовать, если соберется на Казанской площади хоть несколько сот человек*. Да, иначе нельзя было поступить при тогдашних условиях, *не внося деморализацию в среду революционеров*. Не зная о том, как была подготовлена и организована Казанская демонстрация, Заичневский не мог «отчитывать оратора» за его будто бы неповиновение решениям организаторов. На самом деле он «отчитывал» вовсе не «оратора», а прежде всего всех вообще революционеров-народников за *их ожидание активной поддержки со стороны народа*. Говорил он также и *против демонстрации, но* единственно по причине, которую хорошо разъясняет сам автор некролога. «Всякая демонстрация и террор безусловно им порицались, как прямая помеха организации». И почему «оратор должен был молча слушать» рассуждения Заичневского? Разве потому, что его самого мучила совесть ввиду содеянного им нарушения революционной дисциплины? Но, как я уже сказал, такого нарушения вовсе не было. В действительности «оратор» вовсе и не молчал, но очень возможно, что в течение некоторого времени «молча слушал» до тех пор неслыханное им от *революционера* мнение о неизбежной будто бы инертности народа. Это мнение глубоко поразило его некоторыми своими презрительными нотками» [329].

---

[328] «Материалы для истории революционного движения в России в 60-х гг.», стр. 504—505.

[329] Г. В. Плеханов. Соч., т. III. М., 1923, стр. 151—152.

Конечно, Г. В. Плеханов вполне прав, когда он говорит, что никакого нарушения «оратором» принятого решения относительно произнесения речи не было. Прав он и тогда, когда указывает, что Заичневский нападал не на недостаток организации и несерьезность организаторов, а на самое устройство демонстрации, от которой, по его мнению, революционерам не приходилось видеть никакой пользы. Остается вопрос: отвечал ли Плеханов на выступление Заичневского? Из его слов можно заключить, что «оратор» не молчал. Это расходится с показаниями цитированного нами землевольца и лица, давшего сведения автору некролога. Однако нет никаких оснований не доверять свидетельству Плеханова. Приходится предположить, что утверждавшие противное или забыли о выступлении Плеханова, или покинули собрание до его ответного выступления.

17 декабря 1876 г. Заичневский вернулся в Орел.

Его поездка в Петербург не осталась тайной для начальника орловского жандармского управления полковника Рыкачева, но он узнал о ней с некоторым опозданием; только 13 декабря он телеграфировал в III отделение, что Заичневский скрылся из Орла. Узнав о возвращении Заичневского, Рыкачев поспешил вызвать его к себе для расспросов. 18 декабря Рыкачев доносил в III отделение: «Я вызвал Заичневского на откровенный разговор и узнал: ему было известно о приготовлении к уличным демонстрациям еще до отъезда в Петербург, но он не знал тогда подробностей... Он поехал в Петербург с целью, чтобы уговорить своих знакомых орловских уроженцев не принимать участия в подобных безумных и бессмысленных действиях и будто бы достиг этой цели. На вопрос мой, почему он тогда не сказал о том мне,— отвечал, боялся, что в этом случае не состоялась бы его поездка в Петербург» [330].

Поездка Заичневского в Петербург вызвала весьма неприятную для орловских властей переписку. Выяснилось, что Заичневский ездил по увольнительному свидетельству, выданному ему орловским полицмейстером Говоровым, незадолго до того назначенным на эту должность. Говоров, по-видимому, находившийся в контрах с полковником Рыкачевым, в отступление от принятого ранее

---

[330] ЦГИАМ, ф. III отд., 3 эксп., 1874, д. 144, ч, 327, лл. 12—13.

порядка, выдавал поднадзорным свидетельства об увольнении, не сносясь предварительно на этот счет с жандармскими властями. Этим и объяснялось, почему полковник Рыкачев не узнал о поездке Заичневского своевременно. Говорову за увольнение Заичневского был объявлен выговор. Орловский губернатор генерал-майор Боборыкин, креатурой которого был Говоров, затаил злобу против Заичневского.

К этому прибавился еще один эпизод, еще более восстановивший орловских властей против Заичневского.

В начале 1877 г. губернское земское собрание отказало в выплачивавшейся им до тех пор субсидии в пользу недостаточных учениц местной женской гимназии. По поводу этого отказа либеральной частью орловского общества был устроен в дворянском клубе подписной обед, во время которого происходил сбор денег на пособие бедным воспитанницам гимназии. Заичневский, у которого среди гимназисток было много знакомых, присутствовал на обеде и принимал участие в сборе денег. Это, будто бы, вызвало в Орле слухи, что деньги собирались на революционную пропаганду. «Узнав об этом,— доносил полковник Рыкачев III отделению,— я не замедлил высказать Заичневскому, что он поступил бестактно, что при его положении он не должен был принимать участия в сборе денег на гимназисток и что настоящий его поступок я причисляю к числу неразумных, хотя и вполне уверен, что собранные деньги были употреблены по назначению, но не на пропаганду».

Этот эпизод имел своим последствием увольнение Заичневского от должностей секретаря орловской уездной земской управы и уездного по крестьянским делам присутствия. Орловский губернатор решил избавиться от Заичневского. Воспользовавшись своей поездкой в Петербург во второй половине марта, он возбудил в Министерстве внутренних дел вопрос о необходимости выслать Заичневского из Орла. Свое мнение он мотивировал прежде всего ссылкой на поездку Заичневского в Петербург на Казанскую демонстрацию, о подготовлении которой он знал заранее и на которой присутствовал. Затем, он указал, что орловское общественное мнение обвиняет Заичневского в вредном влиянии на учащуюся молодежь, и добавил, что

жандармское начальство делает Заичневскому разные послабления [331].

Однако на этот раз Заичневский нашел себе неожиданного защитника в лице начальника жандармского управления полковника Рыкачева. В обширном донесении, посланном в III отделение 25 апреля 1877 г., Рыкачев доказывал, что для высылки Заичневского из Орла нет достаточных оснований.

«Я не имею под руками ровно никаких данных, писал он,— для обвинения Заичневского в том, что он поехал в С.-Петербург с целью, чтобы принять личное участие в демонстрации тамошних студентов. Скорее я доверяю его добровольному сознанию относительно целей этой поездки, тем более, что Оловенникова, Лаврова, Простова и другие орловские уроженки, ныне проживающие в С.-Петербурге на женских курсах в Медико-Хирургической Академии, были, сколько мне известно, хорошо знакомы Заичневскому, в особенности Лаврова. Заичневский имел полную возможность уклониться от откровенного разговора со мною и скрыть, во-первых, что еще до отъезда в Петербург ему было известно о приготовлениях студентов к уличным демонстрациям, и, во-вторых, что во время демонстрации 6 декабря он проходил по Невскому проспекту (по тротуару) мимо Казанского собора. В этом случае, конечно, означенное обстоятельство не было бы известно г. орловскому губернатору, так как я заявил ему о нем в декабре минувшего года. Однако же Заичневский этого не сделал, а рассказал обстоятельства дела, как мне кажется, добросовестно. Имея в виду все вышеизложенное и принимая во внимание, что Петр Заичневский вовсе не был привлечен к делу 6 декабря, я не считаю себя в праве отнести

---

[331] В ведомости о поднадзорных по Орловской губернии за 1876 г. губернатор сделал о Заичневском следующую отметку: «Доселе аттестовался хорошо и служил секретарем в орловской уездной земской управе. Председатель оной, человек честный и благонамеренный, лично передавал мне, что, приглядываясь к Заичневскому, он пришел к убеждению, что последний не покидает своих политических заблуждений. В обществе о нем существует то же мнение и, кроме того, общее убеждение, что Заичневский имеет вредное влияние на учащуюся молодежь, особенно орловской женской гимназии (ЦГИАЛ, ф. Канцелярии министра внутренних дел, 1861, д. 114, л. 353).

означенную поездку его в С.-Петербург к политической неблагонадежности».

«Обращаясь затем к вредному влиянию Заичневского на учащуюся молодежь, в чем ныне обвиняет его орловский губернатор, то я также не имею покуда никаких данных в подтверждение этого обвинения. Я даже не могу назвать в настоящее время ни одной личности, на которой проявилось бы это вредное влияние. Я производил здесь несколько дознаний, к которым была привлечена молодежь, учащаяся в орловских учебных заведениях. Заичневский не был даже призываемым к опросу по этим делам. Производя означенные дознания, я, конечно, относился с должным вниманием к обстоятельствам дела, но, однако же, при этом не было даже обнаружено, чтобы Заичневский вращался в среде этой учащейся молодежи».

«За всеми вышеизложенными доводами я по настоящее время не считаю себя в праве отозваться о Заичневском, что он неблагонадежен в политическом отношении. Мой отзыв не в пользу Петра Заичневского, в дополнение сведений, сообщенных о нем губернатором, конечно, может причинить немало вреда означенной личности. Ввиду этого считаю себя обязанным сделать подобный отзыв с особенною осторожностью, то есть только при том непременном условии, если сам буду убежден в том, что Заичневский действительно приносит здесь тот вред, который ему приписывают. А так как по настоящее время я еще не пришел к подобному убеждению, то считаю недобросовестным отозваться во вред Заичневского, вопреки собственных убеждений».

Рыкачев считал также необходимым оправдаться от упрека в том, что он оказывает Заичневскому послабления. «Надзор мой за ним всегда был бдительный,— писал он,— но, конечно, я не имел никакой возможности следить за каждым его шагом. Если же до меня доносились какие-либо сведения о таких поступках или действиях Заичневского, которых не должно дозволять себе лицо, состоящее под надзором полиции по политическму делу, то каждый раз делал ему надлежащие внушения или предостережения».

При этом Рыкачев не упустил случая уязвить полицмейстера Говорова, указав, что тот еще 14 декабря на вопрос Рыкачева о поведении Заичневского отозвался:

«поведения прекрасного»,— и после этого не сообщал ни о каких поступках Заичневского, заключающих в себе признаки государственного преступления, что он должен был бы сделать в силу 23 ст. закона 19 мая 1871 г., если бы таковые поступки были бы ему известны. «Если же по настоящее время я не получил подобного рода сообщений относительно Заичневского,— писал Рыкачев,— то вывод естественен, что таковых поступков и нарушений не было с его стороны»[332].

Вмешательство полковника Рыкачева возымело действие, и, когда в мае 1877 г. министр внутренних дел сообщил III отделению предположение орловского губернатора об удалении Заичневского из Орла, III отделение ответило, что «такая мера была бы усилением назначенного Заичневскому наказания, не вызванным положительными данными о вредном его влиянии на орловскую учащуюся молодежь», и что «удаление Заичневского из Орловской губернии лишит его той нравственной поддержки, которою он пользуется со стороны своих родственников, проживающих в этой губернии».

Таким образом, гроза, угрожавшая Заичневскому, на этот раз была предотвращена, но не надолго.

Скоро полковник Рыкачев сам возбудил вопрос об удалении Заичневского из Орла.

Составляя для III отделения список поднадзорных по Орлу за 1-ю половину 1877 г., Рыкачев обратился к полицмейстеру за имеющимися у него сведениями относительно их поведения. На этот запрос по отношению к Заичневскому Говоров ответил: «О дворянине Петре Григорьевиче Заичневском носится слух, что он пропагандирует между гимназистами и гимназистками». Тогда Рыкачев, указывая полицмейстеру, что, на основании закона 19 мая 1871 г., он, как начальник жандармского управления, обязан приступить к дознанию по сообщенному Говоровым обвинению против Заичневского, просил Говорова дать обстоятельные указания, которые могли бы послужить основанием для начала формального дознания. Говоров ответил, что точных указаний по обвинению Заичневского в пропаганде у него не имеется.

---

[332] ЦГИАМ, ф. III отд. 3 эксп., 1874, д. 144, ч. 327, л. 25.

Негласная проверка Рыкачевым слуха, носившегося в Орле, выяснила, что источником его являются рассказы, с одной стороны некоей Свирщевской о том, что ее дочь подпала под вредное влияние Заичневского и с другой,— двух учителей орловского реального училища о том, что гимназисты и гимназистки собираются на одной квартире для противоправительственной деятельности. Однако Свирщевская оказалась личностью, не заслуживающей никакого доверия; рассказы же учителей реального училища при проверке не подтвердились; к тому же директор училища дал об этих учителях отрицательный отзыв, заявив, что он считает их вредными для училища людьми.

Сообщая о вышеизложенном III отделению, полковник Рыкачев 26 июня 1877 г. писал:

«Из всего вышеизложенного вывод естественен, что в действительности не существует данных, которые могли бы обвинить Заичневского в противоправительственной деятельности. Однако же, общественное мнение приписывает ему таковую и даже обвиняет в бездействии местное жандармское начальство. Может быть, даже и губернское начальство разделяет подобные воззрения. Поэтому я полагал бы полезным удалить Заичневского, хотя временно, из города Орла» [333].

Хотя III отделение и сознавало, что обвинение Заичневского основано на указаниях «лиц, которые по нравственным своим качествам не внушают к себе большого доверия», тем не менее 21 июля 1877 г. оно обратилось к министру внутренних дел с предложением, «ввиду крайнего подозрения и возбуждения местного общества и административных властей противу Заичневского», удалить его из Орловской губернии» [334].

По распоряжению министра внутренних дел Заичневский в августе 1877 г. был переведен в Олонецкую губернию, а по прибытии туда получил назначение в г. Повенец.

В августе 1877 г. Заичневский по распоряжению министра внутренних дел был выслан в г. Повенец Олонецкой губернии. Жизнь в этом захолустном городишке с населением всего в 500 человек была для Заичневского очень тяжела, особенно на первых порах.

[333] ЦГИАМ, ф. III отд., 3 эксп., 1874, д. 144, ч. 327, лл. 32—33.
[334] ЦГИАЛ, ф. Канцелярии министра внутренних дел, 1861, д. 114, л. 358.

Очень скоро Заичневский втянулся в местную жизнь. Он создал в Повенце довольно большую библиотеку, сделавшуюся центром, привлекшим к себе не только ссыльных, но и местную интеллигенцию, особенно молодежь. Вместе с политическим ссыльным Д. П. Сильчевским, позднее известным библиографом, Заичневский в 1879 г. составил и издал «Каталог Повенецкой общественной библиотеки» (Петрозаводск, 1879 г.).

Вскоре, однако, библиотека была закрыта администрацией, давно косившейся на нее, а сам Заичневский «ввиду вредного влияния его на поднадзорных» был переведен в г. Шенкурск.

Здесь Заичневский нашел довольно большую колонию ссыльных, живших дружной семьей. Ими была устроена общая столовая, а при ней читальня, в которой получались лучшие журналы и газеты. И в Шенкурске Заичневский быстро втянулся в жизнь местной интеллигенции и, в частности, ссыльных. Однако пребывание его в этом городе оказалось непродолжительным: в конце 1880 г. ему было разрешено переехать в Кострому, где он прожил около пяти лет.

В Костроме, сравнительно большом городе, Заичневский развернул, как ранее в Орле, конспиративную работу, сгруппировав вокруг себя кружок революционно настроенной молодежи.

М. П. Голубева, познакомившаяся с Заичневским в Костроме и ставшая его горячей последовательницей, в своих воспоминаниях о П. Г. пишет:

«Я помню конспиративную и собственную квартиру его в Костроме. Кто только не заходил туда! Там бывали люди самых различных положений и возрастов. Можно было встретить и учащихся, приезжающих на каникулы из Питера и Москвы, и учащихся в Костроме, и рабочих из типографии Андронниковой, и чиновников, и заезжих актеров, и каких-то барынь, грузчиков с парохода и мальчишек из зеленой лавки... Одни приходили к нему, чтобы послушать его, другие советоваться, что и как им читать, третьи за книгами, четвертые за советами по своим профессиональным, а то и личным делам. И для каждого Заичневский находил ответы, попадая, что называется, в точку» [335].

[335] М. П. Голубева. Воспоминания о П. Г. Заичневском. «Пролетарская революция», 1923, № 6—7, стр. 30.

К сожалению, по недостатку материалов мы лишены возможности подробно осветить эту конспиративную деятельность Заичневского.

Осенью 1885 г. Заичневскому было разрешено возвратиться в Орел.

Оторванный в конце 70-х и в первой половине 80-х годов от столиц. Заичневский мог только издали наблюдать за той напряженной борьбой, которую организовавшаяся в 1879 г. партия «Народная воля» вела против правительства, упорно организуя одно за другим покушения на царя. Зная политические взгляды Заичневского, мы не удивимся тому, что к деятельности «Народной воли» он относился отрицательно. Он полагал, что террористическая борьба, отвлекавшая почти все силы народовольцев, только уводит их от той работы, которую Заичневский считал наиболее целесообразной и эффективной,— от организации заговора в целях захвата государственной власти. В качестве доказательства своей правоты он ссылался на событие 1 марта 1881 г. В этот день народовольцам удалось, наконец, добиться своей цели: Александр II был убит.

Однако смерть царя не привела к тем результатам, на которые рассчитывали народовольцы. Наоборот, она вызвала рост реакции в стране; репрессии правительства усилились, и вести революционную работу стало значительно труднее, чем прежде.

Вторая половина 80-х годов была эпохой глубокого кризиса. «Народная воля», как централизованная, действующая по единому плану организация, была разбита. Уцелели лишь разрозненные кружки, которые делали тщетные усилия восстановить переставший существовать центр и наладить партийную работу. Среди народнической интеллигенции все больше распространяются реформистские настроения; открыто проповедуются призывы ограничиться легальной работой, работой культурнического характера. Теория «малых дел», уверявшая, что «время широких задач» и героизма прошло, пользовалась большим распространением. А революционное направление в лице молодого марксизма только что начало развиваться; приверженцы его насчитывались еще единицами, в лучшем случае десятками.

В это тяжелое и крайне неблагоприятное для революционной работы время Заичневский приехал в Орел. Одна-

ко он не принадлежал к числу людей, смирившихся перед обстоятельствами и готовых опускать руки при встречах с трудностями и препятствиями. Человек уже не молодой,— ему было в это время 43 года,— Заичневский вновь с головой уходит в революционную работу. Он пропагандирует, организует кружки, конспирирует и скоро добивается того, что, говоря словами жандармов, «Орел делается мало-по-малу центром скопления значительного числа неблагонадежных лиц» [336]. Жандармы отмечали, что Заичневский по прибытии в Орел «тотчас же приобрел ввиду своего революционного прошлого особое влияние на молодежь». Как выяснилось впоследствии, ему удалось создать в Орле довольно значительный революционный кружок. Не ограничиваясь этим, Заичневский стремился установить связь с другими городами. Тайно от жандармов, внимательно следивших за ним, Заичневский неоднократно ездил в Москву, Курск и Смоленск, чтобы наладить и там революционную работу.

В Москве Заичневский был связан с несколькими революционными кружками, организованными его последователями: кружком юнкеров, возглавляемым юнкером Романовым, кружком А. И. Орлова в Хамовнических казармах и кружком Л. Арцыбушева (брата упоминавшегося выше В. П. Арцыбушева) среди железнодорожников.

Во время приездов Заичневского в Москву он посещал эти кружки и выступал на их собраниях. В 1889 г. с ним через Орлова познакомился известный впоследствии большевик С. И. Мицкевич, в то время еще не вполне определившийся в политическом отношении. Вместе с Орловым Мицкевич отправился навестить Заичневского в номерах, где он остановился. «Нас встретил,— вспоминал С. И. Мицкевич,— высокий, представительный старик, с очень живым молодым лицом. Среди серых, вялых, «размагниченных» интеллигентов того времени личность Заичневского, его прошлое (многолетняя каторга и ссылка), его молодой пыл и вера в торжество революции, столь необычные в то время, произвели на нас сильнейшее впечатление» [337].

---

336 «Обзор жандармских дознаний за 1889 год», стр. 85.

337 С. И. Мицкевич. О П. Г. Заичневском. «Историко-революционный бюллетень», 1922, № 1, стр. 20.

Чему же учил в это время своих молодых слушателей Заичневский? С. И. Мицкевич сообщает следующее:

«Он говорил, что политическое затишье, переживаемое нами,— временное и уже приходит к концу, что необходимо приступать к революционной работе и что единственный путь к революции — это организация революционных кружков во всех слоях общества; особенно же следует обратить внимание на студенчество и военную среду. Нужно создать крайнюю конспиративную организацию и завоевать власть. После захвата власти временное революционное правительство должно провести сверху социалистические реформы и прежде всего передать крестьянам землю. В крестьянскую революцию он не верил. Он говорил еще, что ошибка временного правительства в 1848 году во Франции была в том, что оно не провело само и немедленно социалистических реформ, а созвало Учредительное собрание, которое и было могильщиком революции. Он ссылался на Бланки и Ткачева, признавая их взгляды правильными».

Аналогичными чертами рисует взгляды Заичневского и М. П. Голубева, которая пишет про него: «Переход в... царство социализма он рисовал нам так: базируясь на недовольстве масс и опираясь на военную силу, мы, революционеры, в подходящий момент должны захватить власть в свои руки, посадить всюду своих комиссаров, издать ряд декретов, провести ряд реформ, которые бы в корне изменили существующий порядок (национализация земли и т. д.). Но при этом Заичневский всегда прибавлял: — Не думайте, друзья, что мы сразу можем войти в царство социализма, да мы и не годимся для этого; нужно вырастить новое поколение; ведь недаром же Моисей водил евреев 40 лет по пустыне, прежде чем ввести их в землю обетованную. Но для того, чтобы суметь захватить власть, мы должны иметь, с одной стороны, строго централизованную организацию, с другой стороны, поддержку и сочувствие во всех слоях общества (разумеется, в тех, которые имеют основание быть недовольными существующим строем); с третьей стороны, опору в войсках, в особенности среди командного состава, ибо солдат большей частью идет за своим офицером» [338].

[338] М. П. Голубева. Воспоминания о П. Г. Заичневском. «Пролетарская революция», № 6—7, стр. 28—29.

Из приведенных нами свидетельств С. И. Мицкевича и М. П. Голубевой видно, что и в 80-х годах, как и в 60-х, Заичневский продолжал смотреть на социальную революцию в основном так же, как и в годы своей молодости. Недооценивая революционной роли масс, он выдвигал на первый план заговорщическую работу тайной организации. Революция рисовалась ему в форме захвата власти революционерами и установления диктатуры в целях осуществления социальной революции.

Как мы уже говорили, Заичневский, живя в Орле, установил связи не только с Москвою, но и с Курском и Смоленском. В первом из этих городов у него имелся довольно многолюдный кружок. В центре его стоял В. П. Арцыбушев, который, проведя первую половину 80-х годов в далеком Верхоянске, куда он был сослан за революционную работу, в середине этого столетия возвратился в Курск, где и сгруппировал вокруг себя сторонников Заичневского.

В курском кружке происходили оживленные дебаты относительно того, где целесообразнее вести революционную работу: в народе или среди интеллигенции. После оживленных споров одержало верх мнение Заичневского, и было решено обратить внимание в первую очередь на интеллигентную молодежь. Кружок имел два гектографа и приступил к организации тайной типографии.

Значительную работу развернул и смоленский кружок последователей Заичневского. В него входили С. Середа, П. Лобза, Н. Добротворский и др. Кружок завел нелегальную библиотеку, наладил сбор денег в пользу ссыльных и лиц, преследуемых правительством, и мечтал — в отступление от принципов Заичневского — об организации террористического акта, рассматривая его, впрочем, не как средство политической борьбы, а как действие, направленное на то, чтобы «разбудить общество от спячки». Работа кружка особенно развернулась после того, как в Смоленск весной 1889 г. переехал член курского кружка землемер И. А. Дьяков, снабженный рекомендательным письмом В. П. Арцыбушева. С его приездом деятельность кружка оживилась. Было решено устроить тайную типографию. Для этой цели член кружка наборщик Янкель Звирин достал из типографии газеты «Смоленский вестник» до пуда шрифта. При помощи того же Звирина

члены кружка С. Середа и П. Хмелевский изготовили 20 листков для сбора денег на революционные нужды. На этих листках было отпечатано:

«От Исполнительного Комитета.

Исполнительный Комитет приглашает русских граждан к пожертвованиям в пользу лиц, пострадавших от насилий русского правительства».

Интересно отметить, что члены смоленского кружка списывались с Заичневским и Арцыбушевым относительно устройства съезда в целях определения программы организации. Однако осуществлению этого плана помешали аресты, в результате которых в 1889 г. организация, налаженная Заичневским, была разгромлена жандармами. Провал этот явился следствием обстоятельств чисто случайного характера.

В марте 1889 г. происходил осмотр вещей у юнкеров Московского пехотного училища. При этом у одного из юнкеров, упоминавшегося выше Романова, были найдены письма к нему от его сестры Аделаиды, проживавшей в Орле. Эти письма, в которых, между прочим, упоминалась фамилия Заичневского, свидетельствовали о стремлении А. Романовой направить умственное развитие ее брата в революционном духе. Начальство училища всполошилось. Романов был арестован.

Жандармы, получив сообщение о письмах, найденных у Романова, поспешили арестовать Аделаиду Романову и Заичневского. При обыске, произведенном у последнего, была захвачена его переписка с различными ссыльными. Постепенно жандармам удалось раскрыть почти всю организацию, созданную Заичневским. Аресты были произведены не только в Москве и Орле, но и в Курске и Смоленске. Общее количество арестованных по этому делу достигало пятидесяти человек.

Около двух лет Заичневский провел в тюрьме в ожидании решения своей участи, после чего был отправлен в ссылку в Восточную Сибирь на 5 лет.

Большую часть этого срока он прожил в Иркутске. Здесь он работал в редакции газеты «Восточная Сибирь», редактором которой в то время состоял бывший народоволец И. И. Попов. В Иркутске Заичневский являлся одним из центров, вокруг которого группировались ссыльные и местная революционно настроенная молодежь; среди по-

следней он организовал кружки наподобие тех, которые были устроены им в Орле и других городах, куда его забрасывала судьба.

«Восточное обозрение» было основано известным сибирским областником Н. М. Ядринцевым. Оно сгруппировало вокруг себя все литературные силы областников во главе с известным публицистом Г. Н. Потаниным. После того, как в 1890 г. Ядринцев отошел от участия в редактировании «Восточного обозрения», усилилась роль в этой газете политических ссыльных. Когда Заичневский приехал в Иркутск, во главе газеты стоял ссыльный, бывший народоволец И. И. Попов. Заичневский вел в «Восточном обозрении» в течение 1894 и 1895 годов иностранное обозрение. Несомненно, что между ним и сотрудниками из числа областников отношения были далеко не мирными, что определялось серьезными расхождениями их друг с другом как в политических взглядах, так и в вопросе о направлении, которого должно придерживаться «Восточное обозрение».

Областники являлись выразителями интересов сибирской буржуазии, страдавшей от конкуренции буржуазии Европейской России, в частности московской, и стремившейся поэтому создать такие условия, которые благоприятствовали бы развитию народного хозяйства Сибири. Принципиально отрицая революционные пути, они выступали сторонниками местной автономии и культурной самостоятельности Сибири. Про них можно с полным основанием повторить то, что И. И. Попов писал относительно их «патриарха» Г. Н. Потанина: «Во главу общественно-политической деятельности он ставил *местные* интересы и доказывал, что пробуждение местного патриотизма и культурная работа на местах правильнее поставят общеполитические проблемы и создадут твердую основу правового демократического порядка»[339]. Естественно, что при наличии таких установок областники стремились сделать «Восточное обозрение» органом, выражающим исключительно местные, сибирские интересы и нужды.

Заичневский, конечно, не мог согласиться с такой постановкой вопроса и с таким ограничением программы га-

[339] И. И. Попов. Минувшее и пережитое. Л., 1924, ч. II, стр. 102—103.

зеты. Он считал нужным, чтобы она отзывалась на события и проблемы не только местные, сибирские, но и общероссийские и мировые. Для него революционное движение в Сибири было частью общерусского движения. Он хорошо сознавал, что это движение тесно связано с движением, происходившим в странах Западной Европы. Исходя из этого, он считал необходимым подробно информировать читателей «Восточного обозрения» о всем происходящем на Западе и, в частности, о западноевропейском рабочем движении. В соответствии с этим он и строил свое иностранное обозрение. Местный патриотизм сибирских областников казался ему явлением весьма узким и чересчур провинциальным. На этой почве между ним и его товарищами по редакции из числа областников происходило немало расхождений и столкновений. Насколько враждебно относились к Заичневскому областники, можно судить по тому показательному факту, что много лет спустя, когда Заичневского давно уже не было в живых, областники не могли вспомнить о нем без злобы и раздражения.

Так, через десять с лишним лет после его смерти, в 1907 г. Г. Н. Потанин писал о «Восточном обозрении» времени сотрудничества в нем Заичневского следующее:

«Заичневский вел газету в узко партийном направлении; он из органа сибирских областных интересов превратил ее в орган той партии, к которой сам принадлежал в Европейской России. Сибирские вопросы из газеты исчезли: вместо них внимание сибиряков занималось длинными рассказами о движении бельгийских рабочих».

По поводу этого отзыва необходимо сказать прежде всего, что и во времена Заичневского «Восточное обозрение» вовсе не уклонялось от освещения сибирских тем и вопросов. Правда, они не занимали в нем того исключительного места, какое принадлежало им во времена Ядринцева. Наряду с ними на страницах газеты можно было встретить освещение и вопросов как внутренней русской жизни, так и международных. Однако от этого газета вовсе не проигрывала в глазах непредубежденных читателей, а только выигрывала.

Прошло еще семь лет. Потанин вновь вспомнил о Заичневском. Не называя его фамилии, он противопоставлял его известному народнику 70-х годов Д. А. Клеменцу,

«Клеменц,— писал он,— широко понял задачи местного сибирского печатного органа. Он не стремился превратить его в орудие пропаганды подобно другому публицисту, *пристроившемуся* в одной из иркутских газет и превратившему последнюю в орган рабочей партии, в газету, издаваемую для петербургских рабочих, чуть ли даже не в газету для бельгийских рабочих» [340].

Одно выражение «пристроившийся», примененное к Заичневскому, нуждавшемуся в ссылке в заработке, показывает, с какой ненавистью относились областники к этому более двух десятилетий до того умершему человеку.

Потанин не был способен понять, что выдвинутые им против Заичневского обвинения звучат скорее как похвала. И при Заичневском «Восточное обозрение», как мы уже указывали, отводило немало внимания и места вопросам чисто сибирским. «Вина» Заичневского заключалась в том, что он считал невозможным ограничиваться исключительно одними этими вопросами и, заведуя иностранным отделом, старался знакомить читателей с западноевропейской жизнью и, в частности, с западным рабочим движением. Органом своей «партии», если бы даже она действительно существовала, чего, как мы знаем, не было, сделать «Восточное обозрение» Заичневский, конечно, не мог: этому воспротивились бы другие члены редакции газеты, не разделявшие его политических взглядов. Но этого мало, даже в иностранном обозрении он не мог подробно развивать свои взгляды, так как это обозрение имело характер фактической информации о событиях, происходивших за границей. Взгляды и симпатии Заичневского проявлялись поэтому преимущественно в подборе тех событий и явлений, которые он хотел осветить с фактической стороны в своем обозрении. Правда, Потанин прав в том отношении, что Заичневский действительно стремился уделять много внимания западному рабочему движению. Однако надо было быть узким и ограниченным областником, чтобы именно *это* вменить ему в вину. Читатели «Восточного обозрения», несомненно, были в выигрыше от того, что Заичневский не сосредоточивал их внимания исключительно на вопросах местного характера,

340 С.-Петербургские ведомости, 1914, № 16 (курсив Б. Козьмина.— *Ред.*).

а стремился знакомить их и с проблемами мирового значения.

В иркутской колонии политических ссыльных Заичневский занимал выдающееся место. И. И. Попов пишет: «Среди ссыльных Иркутска в 1894 г., несомненно, наиболее всех выделялся П. Г. Заичневский... Ростом выше среднего, с большой бородой, в которой проглядывала сильная седина, с длинными седыми волосами, розовым лицом и замечательно мягкими, эластичными движениями, с блестящими, веселыми молодыми глазами, с несколько сиповатым голосом, П. Г. производил приятное, даже обаятельное впечатление. Он был человеком широкого образования, знал несколько языков, был блестящим оратором, интересным, остроумным собеседником; иногда он любил и посмеяться над человеком, а не то послать по его адресу, положим, в мягкой форме, шпилечку. П. Г. был великолепным агитатором и пропагандистом. Без агитации, пропаганды и конспирации он не мог жить — это было его стихией. В Иркутске у него были кружки, организованные среди молодежи» [341].

Таким образом и в Иркутске он не прекращал революционной работы, как и в других городах, где ему пришлось побывать в ссылке.

Жил Заичневский в Иркутске вместе со своим учеником В. Г. Голубевым, впоследствии социал-демократом. Голубев записывал рассказы Заичневского об его прошлом. К сожалению, эти записи до сих пор не найдены. Между тем, они должны представлять громадный интерес для истории нашего революционного движения эпохи первой революционной ситуации.

В Иркутске Заичневский имел обширный круг знакомых, преимущественно среди местной интеллигенции. «С администрацией,— рассказывает И. И. Попов,— у Заичневского были сносные отношения, а Горемыкин (генерал-губернатор.— *Б. К.*) при встречах всегда рассматривал его с любопытством. Как-то раз в общественном собрании Горемыкин даже сам заговорил с П. Г. и оба остались довольны друг другом» [342].

В конце 1895 г. истек срок ссылки Заичневского, и он получил возможность возвратиться в Европейскую Рос-

[341] И. И. Попов. Минувшее и пережитое, ч. II, стр. 216.
[342] Там же, стр. 217.

сию. Не имея права на въезд в столицы, он поселился в Смоленске, где у него было немало знакомых, частью распропагандированных им. И здесь он продолжал революционную работу, группируя вокруг себя молодежь, неспособную примириться с существующим социально-политическим строем. В числе людей, испытавших на себе влияние Заичневского, был, между прочим, известный впоследствии большевик, один из народных комиссаров первого состава И. А. Теодорович. От него пишущему эти строки приходилось слышать восторженный отзыв об умении Заичневского пробуждать в молодежи преданность революционному делу.

Недолго удалось Заичневскому прожить в Смоленске: дни его были уже сочтены. 2 февраля 1896 г. он выступал в кружке своих друзей с рефератом об анархизме, к которому он относился в высшей степени отрицательно, а на следующий день уже слег в постель. Прохворав с полтора месяца, он скончался. Это было 19 марта.

М. П. Голубева, на руках которой Заичневский умер, в своих воспоминаниях о нем пишет:

«Заичневский жил и умер революционером; для него ничего, кроме революции, не существовало; даже в бреду, на смертном одре, он все спорил с Лавровым, кому-то все доказывал, что недалеко то время, когда человечество одной ногой шагнет в светлое царство социализма» [343].

Как мы убедились, вся жизнь Заичневского была отдана служению революции, но верного пути он не нашел *.

---

[343] М. П. Голубева. Воспоминания о П. Г. Заичневском. «Пролетарская революция», 1923, № 6—7, стр. 28.

П. Н. ТКАЧЕВ *

Реформа 19 февраля 1861 г., уничтожив крепостное право, крепкой цепью сковывавшее развитие производительных сил России, открыла дорогу капитализму. Это был первый шаг на пути к превращению монархии царей из государства феодально-дворянского в государство буржуазное. Однако реформа 19 февраля, как и другие реформы, последовавшие за нею (судебная, земская и т. д.) была не просто буржуазной реформой, а буржуазной реформой, «проводимой крепостниками». Сила экономического развития, втягивавшая Россию на путь капитализма, заставила помещиков, в руках которых государственная власть была послушным орудием, приняться за ремонт пышного, но прогнившего насквозь здания крепостнической царской монархии. «Помещики-крепостники,— говорил Ленин,— не могли помешать росту товарного обмена России с Европой, не могли удержать старых, рушившихся форм хозяйства. Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России. Крестьянские «бунты», возрастая с каждым десятилетием перед освобождением, заставили первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить *сверху*, чем ждать, пока свергнут *снизу*» [1].

Итак «великие реформы» 60-х годов были результатом того, что экономическое развитие заставило господствующий класс поступиться частью своих прав и привилегий для того, чтобы сохранить и упрочить остальные. Отсюда — двойственный характер этих реформ, и в частности реформы 19 февраля. «Освободив» крестьянина, она обставила это «освобождение» такими условиями, которые фактически сохраняли власть помещика над крестьяни-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 95.

ном. Приоткрыв путь для капиталистического развития страны, она сохранила в деревне крепостнические пережитки, продолжавшие держать крестьянство в экономическом и политическом закабалении. Население деревни, т. е. громаднейшее большинство русского народа, попало под двойной гнет. Оно продолжало страдать от эксплуатации со стороны помещичьего землевладения. И одновременно его начинало давить развитие капитализма, которому реформа 19 февраля открыла доступ в деревню.

В пореформенной деревне быстрыми темпами развивается малоземелье. Бессильное оплачивать «выкупные платежи» и налоги крестьянство массами бросает землю и отправляется в города в поисках заработка. Так создавалась в России резервная армия пролетариата — первое необходимое условие для свободного развития капиталистической промышленности.

Но капитализм нуждается не только в рабочих, но и в интеллигенции. Она нужна ему как в качестве технического персонала на его фабриках и заводах, так и для обслуживания государственного аппарата.

Вот почему одновременно с возрастанием спроса на силу физическую поднимается спрос и на силу умственную. А где растет спрос, там еще сильнее увеличивается предложение. И вот почему в 60-е годы в России образуются кадры новой интеллигенции, отличной по своему социальному составу от прежней дворянской интеллигенции. Появление этой новой интеллигенции было замечено еще современниками, констатировавшими приход «разночинца» как новой умственной силы, наложившей свой отпечаток на русскую жизнь того времени.

Из кого же состояла эта новая интеллигенция? Состав ее был чрезвычайно пестр и разнообразен. В ней наряду с выходцами из мещанских, купеческих, духовных и даже крестьянских слоев общества мы видим немало дворян, порвавших связь с тем классом, к которому они продолжали принадлежать по паспорту. Еще в первой половине XIX столетия помещичье хозяйство переживало глубокий кризис. Под его влиянием росла задолженность дворянского землевладения и происходило разорение наиболее маломощных в экономическом отношении слоев привилегированного сословия. Земля перестала прокармливать значительную часть дворянства. Приходилось искать

заработков на стороне. А их можно было найти только в городах — на государственной службе и в «свободных профессиях». Порывая с землей, эти выходцы из дворянского сословия порывали связь и со своим классом. Таких деклассированных дворян было немало в рядах «разночинной» интеллигенции. Но еще больше было в ней выходцев из сословий непривилегированных. Мелкий товарный производитель, чувствуя опасность, грозящую его самостоятельному хозяйству со стороны развивающегося капитализма, и бессильный противостоять этой опасности, не подготавливает, как прежде, своих детей к занятию своей профессией, а старается дать им образование, как единственное средство, обеспечивающее их в борьбе за жизнь и открывающее для них доступ в ряды интеллигенции.

С середины 50-х годов социальный состав русского студенчества резко изменяется. Преобладающую роль начинают играть в нем выходцы из «низов», отцы которых в свое время и не мечтали даже о высшем образовании. Демократизация высших учебных заведений и быстрый рост числа учащихся в них приводит к перепроизводству (относительному, конечно) интеллигенции. Предложение умственной силы начинает превышать спрос. Безработица интеллигенции и существование ее на случайный заработок за неимением постоянного — обычные явления в эпоху 60-х годов,— принимающие массовый характер.

Эти явления бросались в глаза мало-мальски внимательному наблюдателю русской жизни того времени.

В журналистике начинаются разговоры о появлении в России «мыслящего пролетариата».

Вышедшая в большинстве своем из народных «низов» новая интеллигенция продолжала чувствовать свою связь с этими низами.

Выразительницей их нужд и чаяний она и выступила.

Выше указано, что «низы» страдали одновременно как от натиска капитализма, так и от недостаточного его развития, задерживавшегося крепостническими пережитками. Они видели своих врагов одновременно и в капиталисте, и в помещике. Отсюда — две характерные черты в миросозерцании интеллигенции, отражавшей интересы массы мелких производителей деревни и города: боевой революционный демократизм, с одной стороны, и утопиче-

ский социализм — с другой. Революционный демократизм был направлен на самодержавно-помещичье государство, поддерживавшее те пережитки крепостничества, которые остались в деревне. Утопические теории, обосновывавшие возможность через старую крестьянскую общину перейти к социализму, минуя капитализм, отражали мечты мелких производителей, стремившихся спастись от гибели, которой грозило им развитие крупной капиталистически организованной промышленности.

Эти два момента, в большей или меньшей степени, мы находим во всех революционных теориях 60-х и 70-х годов.

В этих двух пунктах все они сходились друг с другом, с тем, однако, чтобы в дальнейших своих построениях резко разойтись.

В революционном движении того времени мы видим наличие нескольких различных направлений, начиная с умеренных, сохранявших остатки надежды на возможность мирного преобразования социально-политического строя России, и кончая крайними, не видевшими иного исхода, кроме революции.

Во главе одного из этих направлений, занимавшего крайний левый фланг революционного фронта того времени, стоял П. Н. Ткачев.

1. ЖИЗНЬ И РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Родился Петр Никитич 29 июня 1844 г. в Великолуцком уезде Псковской губернии, в небольшом имении, принадлежавшем его отцу. С детских лет Ткачев, рано потерявший отца, остался на попечении матери, которая, кроме него, должна была воспитать и прокормить еще троих детей. Ребенком Ткачев был отвезен в Петербург и отдан там для обучения во 2-ю гимназию, которую он окончил в 1861 г.

Вспоминая впоследствии гимназические годы, Ткачев отмечал грубый деспотизм, невежество и тупоумие учителей, бессмысленную долбню учебников и бесконечные порки как характерные черты гимназического преподавания того времени. Однако в концу пребывания Ткачева в гимназии атмосфера значительно изменилась. В то время (вторая половина 50-х годов) либерализм входил в

большую моду среди чиновничества, и в этом отношении гимназические учителя не были исключением. Грубая брань по адресу учеников прекратилась, учителя старались быть с ними вежливыми, розги вышли из употребления, палочная дисциплина, царившая ранее, ослабела, чтение «посторонних» книг перестало быть запретным для гимназистов занятием. Гимназисты, все время которых ранее уходило на зубрежку да на дикие шалости, стали проявлять серьезный интерес к литературе и сделались усердными читателями журналов. Это было время расцвета литературной деятельности Чернышевского и Добролюбова, статьи которых, помещавшиеся в «Современнике», вызывали живейший интерес среди молодежи и не только читались, но и горячо обсуждались в ее среде. Находил себе доступ в гимназию и заграничный «Колокол» Герцена, тайно доставлявшийся в большом количестве экземпляров в Россию. Эта литература приучала молодежь критически относиться к «темному царству» современной русской действительности, призывала любить народ и указывала пути для улучшения его участи. На страницах «Колокола» и особенно «Современника» молодежь получала первое знакомство с социалистическими идеями Западной Европы.

Нет сомнения, что Ткачев, как и большинство его сверстников, еще гимназистом познакомился с сочинениями Чернышевского и Добролюбова. И для него, как и для других русских юношей его времени, их статьи были первым источником, из которого он почерпнул представление о социализме. Под влиянием этих писателей у Ткачева выработалось отрицательное отношение к современным ему русским политическим порядкам. Они были его первыми учителями на революционном поприще. Идеи Чернышевского и Добролюбова, а также и Писарева, литературная деятельность которого только что начиналась в те годы, когда Ткачев оканчивал гимназический курс, но имя которого, несмотря на это, уже пользовалось значительной популярностью, оказали на Ткачева весьма значительное влияние, сохранившееся на всю его жизнь.

Из гимназии Ткачев вышел юношей, настроенным революционно и жаждавшим практической деятельности в этом направлении. Случай, благоприятный для того, чтобы от слов перейти к делу, скоро ему представился.

Осенью 1861 г. Ткачев поступил в Петербургский университет. Здесь он с первых же дней попал в гущу студенческих волнений, сходок и протестов. Студенчество было взволновано изданными правительством новыми правилами, затруднявшими доступ в университеты людям недостаточным, лишавшими студентов права устраивать сходки и кассы взаимопомощи и устанавливавшими придирчивый контроль за занятиями студентов.

Добиваясь отмены этих правил, студенты устраивали в университетских аудиториях многолюдные сходки. На лекции профессоров почти не являлось слушателей.

Волнения, происходившие в университете, закончились тем, что несколько сот студентов было арестовано, а университет закрыт на неопределенное время.

Ткачев принимал деятельное участие в студенческих волнениях. 12 октября он находился в толпе студентов, собравшихся около запертого университета и пытавшихся проникнуть внутрь с целью устроить сходку. Это им не удалось. Вся толпа была окружена полицией и арестована.

Вместе с другими арестованными в этот день студентами Ткачев был отправлен в Кронштадтскую крепость, где ему пришлось пробыть около двух месяцев. Пребывание в Кронштадте было для Ткачева хорошей революционной школой. Заключенные там студенты устраивали собеседования на политические темы, пели революционные песни, разыгрывали комические сцены, в которых высмеивалось правительство, читали и переписывали запрещенные стихотворения и т. д. Из числа студентов, побывавших в 1861 г. в Кронштадте и в Петропавловской крепости (где также находилась часть арестованных в связи с университетскими волнениями студентов), вышел ряд участников будущих революционных кружков и тайных обществ.

Пребывание в Кронштадтской крепости укрепило в Ткачева его революционное настроение. По свидетельству его сестры А. Н. Анненской, он уже в то время со всем пылом молодости ненавидел господствующий в России строй и находил, что для обновления страны необходимо ни мало, ни много, как уничтожить всех людей старше двадцати пяти лет.

В 1861 и 1862 гг. по всей Европейской России происходили волнения и бунты крестьян. Крестьянство было

недовольно теми формами, в которых положением 19 февраля 1861 г. была осуществлена отмена крепостного права. От этой реформы оно ждало гораздо большего, чем получило в действительности. Разочаровавшись в полученной «воле», крестьянство признало ее ненастоящей, «обманной», «панской» и стало ожидать взамен ее новой «воли», «мужицкой» — такой воли, в результате которой вся помещичья земля перейдет к крестьянам. Такие ожидания были в то время очень широко распространены в крестьянской среде. Обычно они связывались с наступлением весны 1863 г., к каковому времени по положению 19 февраля 1861 г. должно было быть закончено составление уставных грамот, определявших новые отношения между крестьянами и их бывшими владельцами и устанавливавших, какие именно участки земли должны перейти от помещиков к крестьянам.

Сведения о волнениях, происходящих в деревне, и об ожидании крестьянами «новой воли» получили широкое распространение в обществе. В газетах и журналах того времени печаталось немало корреспонденций и статей об отношении крестьян к реформе 19 февраля и о растущем в их среде недовольстве. Под влиянием этих сведений тогдашние революционно настроенные круги прониклись уверенностью в том, что дни старого порядка сочтены, что в ближайшее время под влиянием растущего недовольства крестьянства царское правительство должно будет или пойти на решительные уступки, или пасть. Революционеры рассчитывали на то, что весной 1863 г., когда крестьяне убедятся окончательно в том, что их надежда на получение «новой воли» не оправдалась, в России произойдет ряд крестьянских бунтов и восстаний, на подавление которых у правительства не хватит сил. Для того, чтобы эти восстания не остались разрозненными и безрезультатными вспышками народного негодования, а привели к победе над царским правительством и помещиками, по мнению революционеров, было необходимо, чтобы революционная интеллигенция оказалась способной в решительный момент встать во главе восстания и направить его по надлежащему пути. Для этого же необходимо, чтобы к весне 1863 г. оппозиционная часть общества оказалась не разрозненной и не распыленной, а сплоченной и организованной настолько крепко, чтобы она

могла возглавить крестьянское движение. Отсюда делался вывод, что первая и главная задача революционной интеллигенции — создание тайной организации, заранее подготавливающей все необходимое для переворота. Под влиянием подобных расчетов и планов в 1862 г. в столицах и провинциальных городах возникают многочисленные революционные кружки, стремящиеся сплотить вокруг себя все оппозиционно настроенные элементы общества.

К одному из таких кружков, группировавшемуся вокруг бывшего студента Леонида Ольшевского, примкнул в начале 1862 г. П. Н. Ткачев. Кружок этот просуществовал недолго. В середине мая того же года Ольшевский по анонимному доносу был арестован. В числе отобранных у него при обыске бумаг было письмо к нему Ткачева. Это послужило поводом к аресту и Ткачева. При обыске у него были отобраны стихотворения на революционные темы и прокламация «Что нужно народу», написанная Н. П. Огаревым и изданная в Лондоне. Ткачев был предан суду и за хранение этой прокламации приговорен к заключению в крепости на три года.

О направлении, которого придерживался кружок Ольшевского, можно судить по рукописной прокламации «К русскому народу», найденной у Ольшевского при его аресте. В прокламации этой, написанной простонародным языком, было обрисовано тяжелое положение, в котором находится русское крестьянство. Заканчивалась прокламация призывом к восстанию.

«То ли дело,— читаем мы в этой прокламации,— когда народ сам управляться станет, когда все будут равны — и мужики, и баре, когда никто не будет обижать другого, землю разделим всю поровну, вот заживем на славу да припеваючи. А время это недалеко, нужно только погадать да рассудить, умом-разумом раскинуть, да топор в руки, и валяй всех угнетателей. Во многих концах святой Руси православный народ готовится приняться за дело и ожидает только, когда час настанет суда за все наши слезы да печали».

«Ведь правда, православные христиане,— говорится в заключение,— хорошо бы быть нам свободными, иметь каждому свой кусок землицы, да не кланяться всем, кто черный кафтан носит. Говорят, что тогда и рекрутчины не будет, а всяк, у кого есть охота, ступай служить, да

землю родную от врагов защищать, а не понравилось, так и домой вернуться можно. Будем же ждать, братцы, да держать ухо востро, чтобы и нам прибавить свою долю труда на свободу православного народа» [2].

При допросе Ольшевский признал, что это воззвание было написано им. Тем не менее авторство Ольшевского возбуждает большие сомнения. Поляк, детство и юность которого прошли в Польше и Белоруссии, Ольшевский вряд ли мог так хорошо знать великорусский народный язык, чтобы суметь составить цитированное нами воззвание. Вот почему невольно напрашивается предположение, не был ли автором прокламации «К русскому народу» Ткачев, который, несомненно, гораздо лучше Ольшевского знал жизнь русских крестьян и их язык. Дружеские отношения, существовавшие между Ольшевским и Ткачевым и сохранившиеся и после отбытия ими наказания, делают вероятным предположение, что Ольшевский признал себя автором прокламации для того, чтобы снять в этом отношении всякое подозрение со своего друга Ткачева.

Еще до того, как Ткачев был арестован по делу Ольшевского, началась его литературная деятельность. С 1862 г. в различных журналах стали появляться его статьи, написанные главным образом на различные юридические и статистические темы. Тяжелое материальное положение, в котором находились в то время как сам Ткачев, так и его семья, заставляло его заниматься и переводческой работой. На широкую литературную дорогу Ткачеву удалось выбраться значительно позднее — в конце 1865 г., когда он становится одним из ближайших сотрудников популярного в то время радикального журнала «Русское слово», а по закрытии его в 1866 г. правительством — созданного на смену «Русского слова» журнала «Дело». Если Ткачев изредка продолжал печатать свои статьи в других органах, то лишь в виде исключения. Основная же его литературная работа, если, конечно, иметь в виду только его легальную литературную деятельность, протекала на страницах «Дела», сотруд-

---

[2] О прокламации «К русскому народу» см. в кн. Б. П. Козьмина «П. Н. Ткачев и революционное движение 1860-х годов» (М., 1922).

ником которого Ткачев оставался до конца 70-х годов. Первоначально Ткачев писал в «Деле» под собственной фамилией, а позднее, в 70-е годы, когда он был эмигрантом, под различными псевдонимами.

Интенсивная литературная деятельность не мешала Ткачеву продолжать заниматься и революционной работой. Вспоминая впоследствии это время, он писал: «С гимназической скамьи я не знал другого общества, как общество юношей, то увлекающихся студенческими сходками, то таинственно конспирирующих, то устраивающих воскресные школы и читальни, то заводящих артели и коммуны, то опять хватающихся за народное образование, за идею сближения с народом и опять и опять конспирирующих; я всегда был с ними и среди них — всегда, когда только меня не отделяли от них толстые стены каземата Петропавловской крепости».

К сожалению, вся эта напряженная и интенсивная революционная деятельность Ткачева остается до сих пор почти неизвестной нам. Известно только, что в 1865 г. Ткачев подвергся кратковременному аресту за участие в демонстрации, устроенной молодежью в театре, где шла пьеса, в которой высмеивались «нигилисты», что в 1866 г. он вновь был арестован в связи с каракозовским делом, но вскоре же освобожден, что в 1867—1868 гг. он был близок с бывшими каракозовцами, организовавшими в Петербурге революционную коммуну, известную под названием «Сморгонская академия». Более подробными, но также далеко не полными сведениями располагаем мы относительно участия Ткачева в нечаевском деле.

Зимой 1868—1869 г. в петербургских высших учебных заведениях происходили сильные студенческие волнения. Как по причинам, их вызвавшим, так и по задачам, которые выдвигались участниками движения, волнения эти были как бы непосредственным продолжением студенческого движения 1861 г., о котором мы говорили уже выше. Как и в 1861 г., студенты добивались предоставления им права собирать сходки, устраивать кассы взаимопомощи и библиотеки, а также смягчения того надзора, под которым они находились в высших учебных заведениях. При этом в 1868—1869 гг. среди студентов образовались две партии. В то время как одна из них, ограничиваясь вышеуказанными требованиями, стремилась

удержать движение в рамках исключительно академических, другая часть студенчества старалась придать движению политический характер и заставить студенческую массу от борьбы за свои собственные нужды перейти к борьбе за освобождение народа от деспотической власти царского правительства. Во главе этой второй части петербургского студенчества стоял приобревший впоследствии громадную известность, а в то время еще никому, кроме ближайших товарищей, не известный революционер С. Г. Нечаев.

Убежденный в том, что положение русского народа настолько тяжело, что в ближайшее время в России неминуемо должен будет произойти ряд крестьянских бунтов, Нечаев находил необходимым заранее готовиться к этому и теперь же создать революционную организацию, которая была бы достаточно сильна для того, чтобы взять на себя руководство приближающейся революцией. Этим всецело определялось отношение Нечаева к студенческим волнениям, происходившим в Петербурге. Для него эти волнения были только средством втянуть молодежь в революционное дело.

Нам неизвестно, когда и при каких условиях познакомились друг с другом Нечаев и Ткачев. Однако мы знаем, что в студенческом движении 1868—1869 гг. они выступают сообща, возглавляя левую, наиболее решительно настроенную часть студенчества.

Для Нечаева, не успевшего еще в то время приобрести известность в революционных кругах, совместная работа с Ткачевым представляла большой интерес. Ткачев, как сотрудник журналов «Русское слово» и «Дело», пользовался уже значительной популярностью среди радикально и революционно настроенных элементов русского общества. Он был известен как автор ряда статей, в которых его революционные и социалистические убеждения нашли достаточно ясное выражение. В революционном подполье того времени Ткачев был своим человеком.

С другой стороны, яркая индивидуальность Нечаева, его громадная сила воли и непоколебимая преданность революционному делу несомненно должны были привлечь к нему внимание Ткачева *. Мы не знаем в подробностях роли Ткачева в движении 1868—1869 гг. Однако несомненно, что она была очень заметной. Квартира Ткачева

являлась центром, где собирались сторонники Нечаева. Вместе с Нечаевым Ткачев вошел в состав комитета, который намеревался принять на себя руководство студенческим движением. Когда от тайных сходок, собиравшихся на частных квартирах, студенты в марте 1869 г. перешли к открытому протесту и стали устраивать свои сходки в аудиториях высших учебных заведений, Ткачев написал прокламацию «К обществу», в которой изложил студенческие нужды и требования. Эта прокламация была тайно отпечатана в легальной типографии, принадлежавшей жене Ткачева А. Д. Дементьевой. Выпуская эту прокламацию, Ткачев рассчитывал привлечь внимание общества к студенческому делу и рассеять те клеветнические измышления, которые распространялись относительно студентов полицией.

О том, какие задачи Ткачев и Нечаев ставили студенческому движению и в каких формах мыслилось ими перерастание этого движения в чисто революционное, мы можем судить по дошедшему до нас документу, носящему название «Программа революционных действий». Кто именно был автором этого документа, мы не знаем. Вернее всего, что он был продуктом коллективного творчества и что Ткачев, как и Нечаев, принимал ближайшее участие в его составлении. Несомненно, что документ этот формулировал взгляды кружка, группировавшегося вокруг Нечаева и Ткачева.

Документ этот составлен в расчете на близость революции, наступления которой авторы склонны ожидать в феврале 1870 г. и к которой они считают нужным деятельно готовиться.

Задачей революции программа ставит полное ниспровержение всего современного общественно-политического строя, основанного на господстве сильного над слабым, богатого над бедным, капиталиста над рабочим. Радикальное переустройство общественных и экономических отношений недостижимо при современном политическом строе. Поэтому первой задачей революционеров должно быть «истребление гнезда существующей власти», т. е. политическая революция.

«*Итак — социальная революция, как конечная цель наша, и политическая как единственное средство для достижения этой цели*», — так формулирует «Программа

революционных действий» задачу, стоящую перед революционной партией.

То обстоятельство, что в истории человеческого общества революции являются постоянно повторяющимся явлением, показывает, по мнению авторов «Программы», что наступление их следует «признать за исторический закон». Задача сознательных революционеров «ускорить это проявление, подготовить его, постараться подействовать на умы таким образом, чтобы это проявление не было для них неожиданностью и они могли бы действовать сознательно, по возможности спокойно, а не под влиянием страсти, с налитыми кровью глазами». Для того чтобы ускорить наступление революции и подготовить ее, революционерам необходимо развить в обществе сознание ее необходимости, или, как формулируют авторы «Программы», «создать возможно большее количество революционных типов». Кроме того, необходимо позаботиться об устройстве революционной организации, которая занялась бы распространением прокламаций, накоплением революционного фонда, установлением связи с европейскими революционными организациями, устройством сходок и «частных протестов». Такие «частные протесты» имеют значение «как предварительная проба, как практический прием для выработки революционных типов», а также как средство сближения отдельных лиц и разрозненных кружков.

Определив таким образом общие задачи революционной партии, «Программа» переходит к изложению самого плана раволюционных действий, рассчитанного на подготовку революции в 1870 г.

До мая 1869 г. деятельность революционеров должна быть сосредоточена в столицах и в университетских городах. За это время должен быть проведен ряд студенческих протестов за право сходок. В то же время революционеры должны начать пропаганду среди городской «голытьбы». С мая деятельность революционеров переносится в провинцию; в это время ведется пропаганда среди разночинцев, семинаристов и провинциальной «голытьбы». Для этой цели большинство членов революционной организации отправляется в народ.

В сентябре оставшиеся в столице «специалисты из лучших литераторов по социальным и естественным наукам» определяют в подробностях устройство революци-

онной организации и правила деятельности ее членов, т. е., другими словами, составляют ее устав, вырабатывают план постановки «частных протестов» в народной массе, определяют «форму будущего устройства государства» и, наконец, устанавливают время для начала восстания. В октябре все решения, принятые «лучшими литераторами», представляются на утверждение членов организации, съезжающихся к этому времени из провинции в Петербург. После этого съезда «должна начаться систематическая, захватывающая всю Русь революционная деятельность организации».

Предвосхищая решения будущего съезда, авторы «Программы» высказывают мнение, что наиболее удобным временем для начала восстания является весна 1870 г. на том основании, что в «случае неудачи восстания в центрах, летнее время будет благоприятствовать сепаративной войне по Волге и Днепру и укрывательству народа целыми массами в лесах».

Таков был план революционной работы, принятый нечаевцами и объясняющий их отношение к студенческому движению 1868—1869 гг. которое с их точки зрения являлось одним из «частных протестов», предусмотренных «Программой революционных действий».

В «Программе» в сжатом виде сформулирован тезис, который впоследствии Ткачев будет подробно развивать и обосновывать на страницах своего журнала «Набат». Это — признание необходимости политической революции как средства для подготовки и осуществления социального переворота.

Осуществить выработанный нечаевцами план не удалось. Самому Нечаеву, участие которого в студенческом движении сделалось известным тайной полиции, пришлось в конце января 1869 г. оставить Петербург; он отправился за границу для того, чтобы установить связь с русской революционной эмиграцией. Открытое выступление петербургского студенчества произошло уже тогда, когда Нечаева не было в Петербурге (март 1869 г.).

Ткачев, выпустивший в это время прокламацию «К обществу», был арестован, так как полиции удалось установить, что прокламация эта была напечатана в типографии, принадлежавшей его жене А. Д. Дементьевой.

Арестованному 26 марта 1869 г. Ткачеву пришлось больше двух лет просидеть в тюрьме в ожидании суда. Как во время следствия, так и на суде Ткачев держался с большой твердостью. Он отрицал и участие свое в студенческом движении, и знакомство с Нечаевым, и причастность к изданию прокламации «К обществу».

Летом 1871 г. Ткачев вместе с другими участниками нечаевского дела предстал перед судом. Узнав, что Дементьева в своих показаниях не только не отрицала того, что прокламация «К обществу» была напечатана в ее типографии, но даже признала себя автором этой прокламации, Ткачев счел необходимым изменить свои первоначальные показания. Продолжая отрицать свою причастность к нечаевской пропаганде, он заявил, что прокламация «К обществу» написана им. Составление этой прокламации Ткачев объяснял желанием помочь студентам, показать что их требования вызываются их действительными нуждами, и тем самым побудить общество относиться сочувственно к студенческому движению. В заявленных студентами требованиях Ткачев, по его словам, видел бессознательное, может быть, проявление бескорыстных мотивов человеческой деятельности, хотя и находящихся на низшей степени развития, но способных при предоставлении им в дальнейшем возможности свободного развития выработаться в один из самых благородных и высоких мотивов человеческих действий, который принято называть стремлением к общему благу. С этой точки зрения Ткачев и расценивал вопрос о студенческих кассах и сходках.

15 июля 1871 г. Петербургская судебная палата признала Ткачева виновным в составлении прокламации, заключающей в себе призыв к недоверию к распоряжениям правительства и к противодействию этим распоряжениям, и приговорила его к тюремному заключению на 1 год и 4 месяца.

По отбытии этого наказания Ткачеву предстояла ссылка в Сибирь, однако вследствие хлопот его матери она была заменена ему высылкой на родину, в Великолуцкий уезд. Вскоре туда к нему приехала Дементьева, отбывшая 4 месяца тюрьмы, к которым она была присуждена по нечаевскому делу, и последующую за тюремным заключением ссылку. В своем великолуцком имении Ткачев прожил до

декабря 1873 г., когда он неожиданно для надзиравших за ним властей скрылся за границу.

Тюрьма и ссылка почти на пять лет оторвали Ткачева от непосредственного участия в революционном движении. Для него эти годы были временем невольного бездействия, крайне тяжелого для такой активной революционной натуры, какую представлял собою Ткачев.

За годы, проведенные Ткачевым в тюрьме и в ссылке, к революционному движению примкнули сотни новых людей, принесшие с собой новую революционную идеологию, в значительной мере являвшуюся отрицанием идей, господствовавших в революционной среде в предыдущее десятилетие. Революционное движение, концентрировавшееся во второй половине 60-х годов главным образом в столицах, перебрасывается в провинцию. Как в столичных, так и в ряде провинциальных городов возникают многочисленные кружки молодежи, начинающей с самообразования и кончающей революционным делом. Избегающие сознательно централизации и организационной связи друг с другом, эти кружки тем не менее очень скоро приходят к сознанию необходимости в той или иной мере согласовать свою деятельность и наладить если не организованное, то идейное объединение своих разрозненных доселе сил. Для этого в первую очередь представлялось необходимым создание печатного органа, который имел бы своею задачей служить выразителем дум и мнений революционной части русского общества. Издание такого журнала в то время было можно наладить только за границей.

Мысль об издании революционного журнала зародилась одновременно и за границей, среди эмигрантов, и в революционных кружках, действовавших в России. Такой журнал появился в 1873 г., когда в Швейцарии начал выходить под редакцией известного эмигранта П. Л. Лаврова орган, принявший название «Вперед!». Ближайшее отношение к изданию его имел петербургский революционный кружок, известный под названием кружка чайковцев.

Издание в то время за границей большого русского журнала было делом весьма нелегким. В частности, очень трудно было подобрать вокруг него контингент достаточно подготовленных сотрудников. В рядах русской эмиграции того времени, если не считать Лаврова и Бакунина, почти не было людей с именем в литературе. Над привлечением

сотрудников инициаторам журнала приходилось очень и очень задуматься. Считаясь с этим, чайковцы решили организовать бегство за границу нескольких лиц, которые представлялись им подходящими для сотрудничества в новом журнале. Одним из этих лиц был Ткачев. И вот в декабре 1873 г. при содействии члена кружка чайковцев Куприянова Ткачеву удалось скрыться за границу.

Вскоре Ткачев был уже в Цюрихе, где издавался «Вперед!». Лавров очень радушно встретил его, рассчитывая на совместную работу. Однако скоро между ними обнаружились разногласия, приведшие к тому, что Ткачев отказался от сотрудничества в журнале Лаврова.

Первое столкновение между Ткачевым и Лавровым произошло из-за статьи, написанной Ткачевым для распространения в народе. В этой статье, так и не увидевшей света, Ткачев следующим образом изображал мужицкую жизнь после социальной революции:

«И зажил бы мужик припеваючи, зажил бы жизнью развеселою. Не медными грошами, а червонцами золотыми мошна бы его была полна. Скотины всякой, да птицы домашней у него и счету не было бы. За столом у него мяса всякие, да пироги именинные, да вина сладкие от зари до зари не снимались бы. И ел бы он и пил бы он, сколько в брюхо влезет, а работал бы, сколько сам захочет. И никто бы, и ни в чем бы неволить его не смел: хошь ешь, хошь на печи лежи. Распречудесное житье» [3].

Статья Ткачева, по свидетельству Лаврова, вызвала всеобщее возмущение сотрудников «Вперед!». Они негодовали на то, что Ткачев изобразил задачу социальной революции в виде «подобной картины обжорства, бездельничества и концентрировки имущества». Лавров отказался печатать статью Ткачева. «Никакое раздражение против существующего подавляющего правительства,— писал он впоследствии,— никакая жажда ускорить революцию не может оправдать в глазах социалиста разжигание в народе страстей хищничества и бездельничания, стремления наслаждаться без труда, наслаждаться эгоистически, наслаждаться, как животное».

Этот инцидент сам по себе не привел к разрыву между Ткачевым и Лавровым, но побудил первого из них поста-

---

[3] П. Л. Лавров. Народники-пропагандисты. Л., 1925, стр. 147.

раться определить точнее свое положение в редакции «Вперед!». Надо при этом иметь в виду, что Ткачев не считал Лаврова человеком, подходящим для редактирования революционного органа. Помня деятельность Лаврова в 60-е годы, когда он сотрудничал в умеренно-либеральном журнале «Отечественные записки» и вел полемику по вопросу о материализме с писателями радикального лагеря Антоновичем и Писаревым, и не имея точного представления о том, насколько изменились в начале 70-х годов, под влиянием знакомства с работой I Интернационала и Парижской Коммуной социально-политические взгляды Лаврова, Ткачев видел в Лаврове человека, чуждого революционному движению, в лучшем случае либерала, а не революционера. Естественно, что такой человек представлялся Ткачеву неспособным быть руководителем органа русской революционной мысли. Ткачев рассчитывал, что, приняв на себя редактирование журнала, Лавров, сознавая свою неподготовленность, будет охотно и внимательно прислушиваться к голосу людей, более, чем он сам, связанных с революционным движением. Однако этого не было. Лавров чрезвычайно ревниво относился к своим редакторским правам. Чем более знакомился Ткачев с постановкой дела в редакции «Вперед!», тем яснее становилось ему, что в основе этой постановки лежит принцип единоначалия, что, говоря словами самого Ткачева, «только одно лицо — полный хозяин дела, только оно одно имеет решающий голос, что все остальные участники могут лишь подавать свои мнения, но не более».

Не соглашаясь примириться с порядками, установленными в редакции журнала, Ткачев сделал попытку определить точно и ясно свои отношения в качестве постоянного сотрудника к редактору. Для этой цели он составил записку, в которой, с одной стороны, изложил некоторые программные соображения, а с другой — наметил изменения, необходимые, по его мнению, в организации редакционной части журнала.

Ткачев требовал «предоставления каждому постоянному сотруднику, сочувствующему журналу, равенства прав и обязанностей во всем, что касается литературной и экономической стороны издания».

Лавров, считая одного себя ответственным за направление журнала, категорически отказался делиться с кем

бы то ни было, и в частности с Ткачевым, своими редакторскими правами.

Тогда Ткачев решил апеллировать к общественному мнению революционных кругов. С этой целью он написал брошюру «Задачи революционной пропаганды в России», в которой изложил свои разногласия с Лавровым. Эта брошюра, вышедшая в свет в апреле 1874 г., была полна резких выпадов против Лаврова, которого Ткачев обвинял в том, что он чужд революционному движению, не понимает стоящих перед этим движением задач и старается революцию подменить мирным прогрессом. Лавров почувствовал себя очень задетым нападением Ткачева и поспешил ответить на него брошюрой «Русской социально-революционной молодежи». В этой полемике между Лавровым и Ткачевым с полной ясностью выявились глубокие идейные разногласия, разделявшие их и делавшие невозможным продолжительное сотрудничество Ткачева в журнале Лаврова. Действительно, оно ограничилось одним лишь «Письмом из Великих Лук», написанным Ткачевым еще в России и напечатанным во втором номере «Вперед!».

После разрыва, происшедшего между Ткачевым и Лавровым в 1874 г., их революционные пути разошлись навсегда, и они встретились лишь тогда, когда Ткачев лежал в гробу, а Лавров выступил с речью на его могиле.

Вскоре после разрыва с Лавровым, а может быть и раньше его, Ткачев сблизился с небольшой группой русско-польских эмигрантов, придерживавшейся взглядов, близких ко взглядам Ткачева. Еще в 1873 г., когда Лавров напечатал в иностранных газетах объявление об издании «Вперед!» с изложением программы, которой будет придерживаться его журнал, эта группа, называвшая себя в то время «Cercle slave» (Славянский кружок), опубликовала заметку, в которой подвергла критике программу Лаврова. В этой заметке, между прочим, было указано, что «ждать инициативы прогресса от большинства — глупость, если не измена». Это указание в краткой форме предвосхищало ту критику «Вперед!», с которой позднее выступил Ткачев в брошюре «Задачи революционной пропаганды в России», где он, подобно членам «Славянского кружка», доказывал, что откладывать революцию, по рецепту Лаврова, до того времени, пока большинство народа научится сознательно относиться к своему положению и

убедится в необходимости насильственными средствами изменить его, значило бы допустить измену революции, подменить революцию мирным прогрессом.

В том же 1873 г. эта же эмигрантская группа выпустила литографированный перевод на русский язык брошюры известного французского бланкиста Эд. Вайяна — «Интернационал и революция». В предисловии к этой брошюре ее издатели, излагая свои взгляды на задачи революционной деятельности, так формулировали их: «Что делать? Ответ прямой: хорошо организованный заговор. Употребление в борьбе всех средств наших врагов». Такая постановка вопроса о задачах революционной партии в основном совпадала с той, которой придерживался и Ткачев.

Свою борьбу против Лаврова эта группа продолжала и после выхода «Вперед!». В 1874 г. она издала несколько карикатурных листков, высмеивавших Лаврова и его последователей. В то же самое время группа отмежевалась и от бакунистов: и против них ею было выпущено несколько карикатур.

Как видим, Ткачев нашел в членах этой группы, во главе которой стояли поляки Каспар Турский и Карл Яницкий, своих естественных политических союзников и даже в значительной степени единомышленников.

Сблизившись с этой группой, Ткачев с конца 1875 г. начал издавать журнал «Набат», выходивший с перерывами до 1881 г. На страницах этого журнала Ткачев впервые получил возможность подробно и открыто изложить и обосновать свои общественно-политические взгляды, а также резко отмежеваться не только от Лаврова и его последователей, но и от другой революционной фракции того времени, руководимой Бакуниным. В отличие от лавристов и бакунистов, Ткачев развил на страницах «Набата» бланкистскую программу революционной борьбы. Создание тайной организации, которая в подходящий момент захватила бы в России государственную власть и, пользуясь ее аппаратом, осуществила бы социалистическое преобразование общества,— вот основное содержание программы Ткачева и той эмигрантской группы, совместно с которой он предпринял издание «Набата».

Резко отмежевавшись от двух господствовавших в то время революционных фракций — лавристов и бакунистов — и постоянно полемизируя с ними, Ткачев поставил

свой журнал в изолированное положение. Политические противники Ткачева не могли простить ему ту страстность, с которой он выступал против них, и обвиняли его в чрезмерном честолюбии и властолюбии. Революционеров 70-х годов отталкивали от Ткачева не только его личные свойства и черты характера, но — и это главное — политическая программа его журнала.

Громадное большинство революционеров того времени не понимало значения политической борьбы и относилось отрицательно к революциям политическим, ограничивающимся только сменою государственной власти и не затрагивающим социальных отношений. С их точки зрения, революции политические не приносили никакой пользы народу, так как в случае успеха их новая государственная власть продолжала давить и угнетать народ так же, как это делала старая. Революционеры 70-х годов мечтали о коренном социальном перевороте, который уничтожил бы весь существующий социальный и политический строй и заменил бы современный государственный аппарат союзом вольных общин.

Для людей, придерживавшихся подобных взглядов, программа «Набата», рассматривавшая политическую революцию в форме захвата власти революционной партией, как первый шаг на пути к социальному перевороту, представлялась вредной ересью, способной сбить революционное движение с правильного пути. Отсюда — крайне отрицательное отношение современников Ткачева ко всякому бланкизму и якобинству, а также ко всей литературной деятельности Ткачева. Еще в самом начале издания «Набата», в 1875 г., видный революционер того времени С. М. Кравчинский писал Лаврову: «Ткачев издает журнал под именем «Набат». В сущности это будет одна мерзость — политическая революция, но она прикрыта, разумеется, социальной». Этот резкий отзыв о «Набате» очень характерен для революционеров того времени, считавших подобно тому же Кравчинскому «в революции все жанры хорошими, кроме якобинского и самодержавного» [4]. Этим определялось вполне отношение современников к Ткачеву и его журналу. Когда Н. А. Морозов, приехав за границу, стал посещать Ткачева, то это вызвало резкий протест со

---

[4] О. С. Любатович. Далекое и недавнее. М., 1930, стр. 57.

стороны его политических друзей, редакторов бакунистского «Работника», считавших всякое сближение с Ткачевым, даже чисто личное, не политическое, изменою революционному делу.

При таких неблагоприятных условиях Ткачеву, конечно, не удалось добиться более или менее широкого распространения «Набата» в революционных кругах. В Россию этот журнал проникал в весьма незначительном количестве вследствие того, что там у Ткачева было очень немного единомышленников, которые могли бы наладить переправу его журнала через русскую границу и взять на себя распространение его по России. Что касается Ткачева, то малая распространенность «Набата» его не смущала.

«Я никогда не придавал особого значения распространению «Набата» в России,— писал Ткачев.— «Набат» был не агитационный революционный листок; его задача состояла лишь в том, чтобы вернуть революционеров к тем единственно практически верным идеям и принципам революционной деятельности, от которых они, под влиянием реакции, под влиянием анархистских и лавровских бредней, стали было открещиваться. Эти идеи и принципы не заключали в себе ничего нового, но их недурно было *напомнить*. И «Набат» мог выполнить (и действительно выполнил) эту задачу, не будучи даже распространен в России. Достаточно было, чтобы с его программой и с основными принципами ознакомились лишь *некоторые* революционные деятели, чтобы среди них он возбудил толки и распри; достаточно было напомнить забытые идеи небольшому числу революционеров, а затем уже сама революционная практика не замедлила доказать разумность, практичность этих идей и распространить их среди большинства революционеров. Я очень хорошо знаю, что в России мало кто имеет в руках «Набат», но о его существовании, о его программе, о его принципах известно было во всех почти революционных кружках» [5].

Не ограничиваясь литературной пропагандой своих взглядов, Ткачев и его товарищи делали неоднократно попытки сплотить вокруг себя как за границей, так и в России единомышленников. Для этой цели некоторые из чле-

---

[5] Цитируется по предисловию Б. П. Козьмина к I т. Избранных сочинений П. Н. Ткачева (М., 1932).

нов кружка, группировавшегося вокруг «Набата», ездили в Россию. Значительных результатов их поездки не имели, так как их деятельность парализовалась враждебным отношением, которое они встречали со стороны революционных кругов. Однако все же кое-какие связи им удавалось налаживать.

Не больший успех имело и Общество народного освобождения, организованное Ткачевым и его единомышленниками. К сожалению, история создания этого общества и дальнейшей его деятельности почти совершенно неизвестна нам.

Те немногие сведения, которыми мы располагаем, сводятся к следующему.

Общество народного освобождения возникло в 1877 г., после того как «набатовцам» удалось прийти к соглашению относительно совместных действий с якобинцами, действовавшими в России. Что это были за якобинцы, определить очень трудно, так как, за исключением отдельных лиц, стоявших на якобинской точке зрения, в России в 70-х годах существовал только один кружок, носивший якобинский характер. Это — так называемый кружок «орлят», организованный в Орле известным революционером П. Г. Заичневским, автором изданной в 1862 г. прокламации «Молодая Россия». Известно, что эта прокламация высказывалась за захват революционерами государственной власти и за установление революционной диктатуры в целях осуществления социального переворота. Таким образом, Заичневский в основном стоял на той же точке зрения, что и Ткачев с «набатовцами». Ткачев несомненно знал, каких взглядов придерживается автор «Молодой России»: еще в 1862 г. ему приходилось встречаться в Петербурге с некоторыми из близких Заичневскому людей. Поэтому естественно предположить, что, налаживая связи с Россией, «набатовцы» по указанию Ткачева обратились в первую очередь к Заичневскому.

Однако большой помощи Обществу народного освобождения кружок «орлят» принести не мог. В 1877 г., когда возникло это Общество, орловский кружок Заичневского перестал существовать. В августе этого года сам Заичневский был выслан из Орла в Олонецкую губернию. Члены же его кружка частью еще до этого разъехались из Орла, частью же были арестованы.

Общество народного освобождения отличалось весьма конспиративным характером. В его уставе был пункт, гласивший: «Член Общества обязан хранить в тайне как существование этого Общества, так и принадлежность к нему известных ему лиц». С разрешения комитета агенты Общества на местах могли входить в другие революционные организации, скрывая от них свою принадлежность к Обществу народного освобождения, но стараясь направить работу этих организаций так, чтобы подчинить их своему влиянию.

Ультраконспиративный характер Общества, основанного «набатовцами», привел к тому, что работа этого Общества и степень его влияния до сих пор остаются неясными для нас. Однако последние исследования показывают, что оно вовсе не было одной сплошной мистификацией, как это было принято раньше думать[6]. Кое-какие связи с Россией у этого Общества несомненно были — особенно на юге России. В частности, можно считать вполне доказанным, что известный революционер И. М. Ковальский, казненный в 1878 г. в Одессе, сотрудничал в «Набате» и был членом Общества народного освобождения[7].

Тем не менее большого практического значения деятельность этого Общества не имела, и число членов его в России было невелико. Но это не исключает того, что известную роль в истории нашего революционного движения Общество народного освобождения сыграло.

В этом отношении интересна попытка сблизиться с Обществом народного освобождения, сделанная весной 1880 г. народовольцами Н. А. Морозовым и Герасимом Романенко[8].

В начале 1880 г. видный член Исполнительного Комитета «Народной воли» и один из редакторов органа, издававшегося этою партиею, Н. А. Морозов, разойдясь по ряду вопросов со своими товарищами по Исполнительному Комитету, эмигрировал за границу. Еще раньше, во

---

[6] Б. Николаевский. Памяти последнего якобинца.— «Каторга и ссылка», 1926, № 2; Е. Н. Кушева. Из истории «Общества народного освобождения».— «Каторга и ссылка», 1931, № 4.

[7] См. указанную выше статью Е. Н. Кушевой, стр. 47—50.

[8] См. об этом подробнее в статье С. Н. Валка: «Г. Г. Романенко» («Каторга и ссылка», 1928, № 11).

время своей первой поездки за границу, Морозов познакомился с некоторыми «набатовцами» и, в частности, с самим Ткачевым. Из знакомства с последним он не вынес такого отрицательного впечатления, которое было обычным в отношениях революционеров того времени к редактору «Набата». Наоборот, в лице Ткачева Морозов встретил умного, талантливого и образованного человека, стоявшего на голову выше рядовых эмигрантов. Очутившись вновь за границей, Морозов счел возможным возобновить свои отношения с «набатовцами». Результатом этого явился проект установления федеративных отношений между «Народной волей» и Обществом народного освобождения. Несомненно, что руководителям этого Общества мысль о сближении с такой сильной и влиятельной организацией, какой была «Народная воля», очень улыбалась. Да и сам Морозов был доволен намечавшимся соглашением. В частности, его прельщала обещанная «набатовцами» помощь: они заявили о своей готовности оказать «Народной воле» содействие путем предоставления ей денежных средств и типографии. Однако предубеждение, господствовавшее в революционных кругах против Ткачева и его товарищей, было по-прежнему настолько велико, что Исполнительный Комитет «Народной воли» решительно уклонился от каких то ни было соглашений с «набатовцами».

Тогда Морозов и примкнувший к нему Романенко стали действовать от своего собственного имени в качестве группы «социалистов-террористов», как они начали себя называть. Они выпустили две брошюры, в которых изложили свои взгляды на задачи революционной борьбы: «Террористическая борьба», написанную Морозовым, и «Терроризм и рутина», принадлежавшую Романенко. Основная мысль, проводимая в этих брошюрах, сводилась к признанию политического террора единственным действительным средством борьбы. Преследования, которым правительство подвергает революционеров, пытающихся вести пропаганду в народе, делает эту пропаганду фактически невозможной. Единственный исход, который Морозов и Романенко видели из этого положения, это — отказ от пропаганды и переход к террористической борьбе, которая должна дезорганизовать, как тогда выражались, правительство и вынудить его пойти на уступки.

Как видим, такая постановка вопроса о средствах революционной борьбы имела в сущности очень мало общего с программой «Набата». Сторонникам организации заговора с целью захвата власти — «набатовцам» мысль об ограничении задачи революционеров одною террористическою деятельностью была совершенно чужда. К тому же в вопросе о самой целесообразности террора, как средства политической борьбы, среди «набатовцев» не было единодушия.

Ткачев был противником индивидуального террора. Он находил, что разрозненные террористические акты ведут только к распылению сил революционной партии и к ее ослаблению. Никаких реальных результатов террористические акты, по его мнению, принести не могут. Единственно, на что соглашался Ткачев,— это на применение террора к шпионам.

Наряду с этим в рядах «набатовцев» существовала и другая оценка террористической борьбы. Представителем ее был К. Турский. Он высказывался за террор во всех его видах. В своих статьях, напечатанных в «Набате» в 1877—1878 гг., он призывал «к устройству вооруженных демонстраций, к устранению жандармов и сыщиков, предающих нас, прокуроров и сенаторов, посылающих на каторгу».

Эти статьи Турского вызвали горячие возражения со стороны Ткачева, который высказывался против напечатания их. Лишь после того, как другие участники группы «Набат» предложили Ткачеву на выбор: или выйти из «Набата», или признать террор, Ткачев уступил. Тем не менее к концу существования «Набата» участие в нем Ткачева не было настолько руководящим, насколько оно было в начале. Этому способствовал переезд Ткачева из Женевы в Париж. Естественно, что, живя в Париже, он не имел уже возможности с прежней активностью участвовать в редактировании «Набата». Тем не менее сотрудничество его в этом журнале не прекращалось; он из Парижа присылал в «Набат» свои статьи. Мало этого. Когда в конце 1880 г. «набатовцы» задумали перенести свою типографию из-за границы в Россию, Ткачев собирался тайно ехать в Петербург, чтобы руководить там изданием «Набата». Однако эта поездка не состоялась, так как переправленная в Россию типография «набатовцев»

тотчас же по доставке ее в Петербург провалилась вместе с подготовленным для печатания материалом для очередного номера «Набата».

Живя в Париже, Ткачев сблизился с французскими бланкистами и принимал участие в издававшейся ими газете «Ni dieu, ni maître» (1880 г.). Однако литературной деятельности Ткачева суждено было в скором времени прерваться. С 1882 г. у него появились признаки психического заболевания. Болезнь (паралич мозга) быстро прогрессировала. Ткачева пришлось поместить в больницу. Последние годы Ткачева были временем постепенного угасания его яркой личности и медленного физического умирания. 4 января (н. с.) 1886 г. его не стало.

На следующий день из больницы для душевнобольных святой Анны небольшая группа — человек двадцать-тридцать — русских эмигрантов и французских революционеров провожала на кладбище гроб Ткачева. Над его могилой произнесли речь сотрудник «Набата» П. В. Григорьев, П. Л. Лавров и вождь французских бланкистов Вайян.

2. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ТКАЧЕВА

Выше уже было отмечено, что Ткачев воспитывался на сочинениях наших великих «просветителей» начала 60-х годов. Их произведения оказали весьма заметное воздействие на его миросозерцание. Влияние идей Чернышевского, в меньшей степени Добролюбова и в особенности Писарева сказалось ярче всего на этических и эстетических взглядах Ткачева. Известно, что в вопросах этики Ткачев был сторонником столь типичного для просветителей-шестидесятников утилитаризма, а в вопросах эстетических он являлся приверженцем реальной критики, считая своими предшественниками в этом отношении Чернышевского, Добролюбова и Писарева [9]. Влияние этих

[9] Об этих взглядах Ткачева см. 4-ю главу моей книжки «П. Н. Ткачев и революционное движение 1860-х годов» (М., 1922), а относительно его эстетических воззрений — мою вступительную статью к сборнику его литературно-критических статей, изданному в 1928 г., а также статьи М. М. Клевенского «П. Н. Ткачев как литературный критик» в № 7—8 «Современного мира» за 1916 г., Г. Лелевича в № 5 «Литературы и марксизма» за 1929 г. и И. Г. Ямпольского, см. «Труды Института новой русской литературы Академии наук СССР», т. I, Л., 1931.

писателей сказалось и на философских воззрениях Ткачева. Противник всякой философии, которую он во всех ее видах считал сплошной метафизикой, Ткачев проявлял явные симпатии к материализму, и притом не в фейербахианской его форме, как это было у Чернышевского и Добролюбова, а в более упрощенной, механистической, «писаревской».

Однако нас в настоящее время интересуют не этические, эстетические и философские воззрения Ткачева, а его общественно-политические взгляды. В дальнейшем речь пойдет о Ткачеве только как о революционном мыслителе.

Обычно принято общественно-политические взгляды Ткачева характеризовать словами: бланкизм, якобинство. Действительно, в его миросозерцании были соответствующие элементы. Влияние Бланки на Ткачева стоит вне сомнений. Проповедуемые Ткачевым захват государственной власти революционным меньшинством при помощи заговора и установление диктатуры этого революционного меньшинства — идеи чисто бланкистские. Недаром сам Ткачев охотно признавал себя учеником Бланки. В речи, которую французская полиция не дала ему произнести в 1881 г. над могилой Бланки, Ткачев так отозвался об этом революционере: «Он был нашим вдохновителем и нашим вождем в великом искусстве заговора, это всеми признанный вождь, который передал нам с революционной верой и упорством в борьбе и презрение к страданиям ее... Для нас Бланки не умер. Обаятельный и симпатичный образ великого мученика неизгладимо запечатлен в наших сердцах, он остается нашим главой, он остается нашим вождем» [10].

Однако Ткачев не был полным и безусловным последователем Бланки. В некоторых весьма существенных пунктах он резко расходился с великим французским революционером.

В социологических вопросах Бланки был последовательным идеалистом, верящим в то, что идеи управляют миром. «Писать историю,— говорил Бланки,— значит рассказать роль сознания и мысли в жизни народов». С его точки зрения, все зло и все несправедливости существую-

[10] Цитирую по кн. М. Доманже. Бланки, М., 1925, стр. 96—97.

щего экономического строя являются результатом нашего невежества.

Распространение образования уничтожает возможность обмана и эксплуатации. Бланки верил, что коммунизм явится результатом исчезновения невежества [11].

Ткачев стоял на совершенно иной точке зрения. Он считал, что не бытие определяется сознанием человека, а сознание — бытием. Еще в 1865 г. Ткачев открыто заявил себя сторонником идей К. Маркса, которые, по его мнению, уже сделались «почти общим достоянием всех мыслящих порядочных людей». «Едва ли умный человек найдет против него (учения К. Маркса.— *Б. К.*) хотя какое-нибудь серьезное возражение»,— писал Ткачев в «Библиографическом листке» журнала «Русское слово» в декабре 1865 г.

Изучение литературного наследства Ткачева (в частности неопубликованных до сих пор его рукописей) показывает, что Ткачев был знаком со взглядами Маркса значительно ранее того, как он в 1865 г. впервые заявил себя его последователем. В написанной (судя по имеющейся под статьею дате) в декабре 1863 г. статье «Юридическая метафизика» Ткачев говорит о тесной зависимости «юридической сферы народного быта» от сферы экономической и о том, что «гражданское право есть не что иное, как известная форма, известное выражение экономической жизни народа». Немного позднее в статье «Экономический метод в науке уголовного права», оставшейся, к сожалению, незаконченной и неопубликованной, он делает попытку установить связь между нормами уголовного права и экономическими отношениями *.

Не одни только юридические явления считал Ткачев стоящими в зависимости от явлений жизни экономической: и политика, и религия, и наука, и нравственность, и миросозерцание людей определяются условиями их экономического быта.

Ткачев так формулировал свои взгляды:

«Вся общественная жизнь во всех ее проявлениях, со всей литературой, наукой, религией, политическим и юридическим бытом есть не что иное, как продукт известных экономических принципов, лежащих в основе всех этих социальных явлений. Данные экономические принципы,

---

[11] См. Б. Горев. Огюст Бланки. М., 1921, стр. 88.

последовательно развиваясь, комбинируют известным образом человеческие отношения, порождают промышленность и торговлю, науку и философию, соответствующие политические формы, существующий юридический быт, порождают, одним словом, всю нашу цивилизацию, делают весь наш прогресс» [12].

Став на такую точку зрения, Ткачев в своих статьях не раз делал попытки установить зависимость отдельных конкретных явлений жизни от экономики. И в этом направлении он достигал подчас весьма интересных результатов. Такова, например, его оригинальная для того времени постановка женского вопроса, который он рассматривает как неизбежный результат экономического развития буржуазного общества и который он считает неразрешимым в условиях капиталистического общества [13]. Не менее интересна попытка Ткачева поставить в связь события так называемой «эпохи великих реформ» в России (т. е. 60-х годов) не с «пробуждением» русского общества, как это обычно делали его современники, а с определенными изменениями хозяйственного быта России, потребовавшими преобразования ее политических учреждений и вызвавшими это самое «пробуждение». Оригинальна та постановка, которую Ткачев дал вопросу о корнях германской реформации. В его глазах, смысл реформации не исчерпывается тем религиозным движением, которое происходило в то время в Германии. Религиозность — это только форма, в которую вылились явления совершенно иного порядка. Для Ткачева реформация — результат столкновения «принципа крепостного права» с «принципом городской промышленности». Другими словами, борьба протестантизма против католической церкви — это борьба городской буржуазии против феодальной аристократии. Аналогичным образом

[12] П. Н. Ткачев. Избр. соч., т. V, стр. 93.

[13] Только полным незнакомством с сочинениями Ткачева и его действительными взглядами можно объяснить утверждение покойного Н. Н. Батурина, что требования Ткачева в женском вопросе «решительно ничем не отличаются от соответствующих требований буржуазных радикалов, феминисток и т. п.» (Н. Н. Батурин. Соч. М.— Л., 1930, стр. 396). Чтобы убедиться в неверности этого мнения, достаточно ознакомиться со статьею Ткачева «Женский вопрос» и его полемикой по поводу этой статьи с «Отечественными записками» (см. П. Н. Ткачев. Избр. соч. т. I, стр. 444, примеч. 54).

Ткачев подходит и к крестьянским войнам в Германии XVI в. События того времени Ткачев исследует с точки зрения борьбы общественных классов, существовавших тогда в Германии: феодалов, крестьянства и городской буржуазии. Для нас такая постановка вопроса привычна: мы именно с этой точки зрения подходим к изучению явлений общественной жизни. Другое дело — современники Ткачева; для них подход Ткачева был необычен. В них он вызывал чувство недоумения, так ясно проявившееся во время вышеупомянутой полемики Ткачева с «Отечественными записками» относительно женского вопроса.

Констатируя сильное влияние идей Маркса на Ткачева, необходимо, однако, отметить, что экономический материализм Ткачева был пропитан психологизмом. По Ткачеву, деятельность как индивидуума, так и общества определяется расчетом — соображениями о личных выгодах. Как человеку, так и обществу свойственно стремление к улучшению своего положения, выражающееся в первую очередь в обеспечении средствами существования; вследствие этого интерес экономический приобретает первенствующее значение. Как видим, в исходном пункте экономический материализм Ткачева сближается с утилитарной системой морали, господствовавшей среди его современников. Как и Ткачев, утилитаристы признавали, что в основе человеческого поведения лежит личный интерес. Наряду с этим следует указать, что, став на позицию экономического материализма, Ткачев в некоторых случаях отрывается от нее. Так, например, в статье «Оптимизм в науке» он высказывает мнение, что возникновение крепостного права в России было исторической «ошибкой», так как оно не вызывалось реальными потребностями общественных классов Русского государства XVII в.: оно было невыгодно как для крестьян, так и для помещиков.

Знакомство с теорией Маркса помогало Ткачеву разобраться в таких вопросах, в которых его современники из радикального лагеря безнадежно путались *.

Известно, например, какой большой популярностью пользовался у нас в 60-х и в первую половину 70-х годов Прудон. Его идеи оказали весьма значительное влияние на русское народничество. Долгое время русские революционеры расценивали Прудона как последнее слово западноевропейской социалистической мысли.

Совершенно иначе относился к Прудону Ткачев. Как видно из опубликованной им в 1866 г. рецензии на книгу Прудона «О французской демократии», революционная фразеология Прудона и громкая слава его как врага буржуазного общества, не ввели Ткачева в заблуждение, и он признал систему «взаимности» Прудона системой буржуазной, а ее автора — гениальным буржуа, гораздо более проницательным и умным, чем те наивные защитники буржуазного строя, которые не идут дальше голой апологии современных социально-экономических порядков. Такая оценка Прудона свидетельствует о большой проницательности Ткачева, однако необходимо оговорить, что в той же самой рецензии Ткачев запутался в вопросе об отношении ценности предметов к труду, затраченному на их производство; его взгляд на этот вопрос расходится со взглядом Маркса.

А вот другой пример.

В 70-е годы в России почти общим признанием в радикальных кругах общества пользовалась так называемая субъективная школа в социологии, главнейшими представителями которой в литературе были П. Л. Лавров и Н. К. Михайловский. Ткачев выступил решительным противником этой школы. В статье «Роль мысли в истории» он подверг резкой критике взгляды Лаврова. Во многом он предвосхищал те возражения, которые субъективная школа встретила позднее, в 90-х годах, со стороны марксистских ее критиков, от которых Ткачева, однако, отделяла наличность психологизма в его взглядах и непонимание им диалектики.

Ткачев полагал, что применение субъективного метода превращает социологию из науки о законах, управляющих развитием изучаемых явлений, в искусство нанизывания изучаемых фактов на нитки субъективных идеалов. В полной мере это относится и к истории, если подходить к ней как к науке.

«Скажите же, бога ради,— спрашивает Ткачев,— какое дело науке до того, что у некого X или Z сложился такой-то нравственный или общественный идеал, такое-то субъективное представление о человеческом прогрессе? Может быть, это идеал прекрасен, это представление возвышенно, но раз историк навязывает их всему человечеству, раз он ищет в исторической жизни народа только то, что имеет к ним непосредственно отношение, раз он выбирает, осве-

щает и комбинирует исторические факты не по их действительной, объективной важности, а по тому, насколько они содействовали «уяснению и затемнению сознанию» его, т. е. историка, «нравственного идеала», он делается моралистом, публицистом, метафизиком, философом, всем, чем хотите, но перестает быть историком... Сущность каждой науки, будет ли то астрономия, биология или история, одна и та же, она всегда имеет дело лишь с законами данных явлений, т. е. с постоянными соотношениями последовательностей и сосуществований» [14].

Ткачев не ограничивается тем, что доказывает неприменимость субъективного метода в науке; он идет далее и вскрывает реакционный характер, свойственный этому методу.

«Все эти иезуиты,— пишет он,— эта страшная инквизиция, пославшая на костер Джордано Бруно, заточившая Галилея, предавшая анафеме всякий проблеск свободной мысли,— разве все это не было лишь логическим неизбежным последствием господствовавшего тогда субъективного отношения к явлениям природы, субъективного метода? Судьи, осудившие Бруно и Галилея, были лишь последовательными проводниками и выразителями этого метода. В нем их полное оправдание» [15].

Отвергая субъективный метод, Ткачев в то же время расходился с Лавровым (и другими народниками) и в вопросе о роли в истории «критически мыслящей личности». В противоположность Лаврову, он считает, что не «теоретическая мысль», а аффекты играют первенствующую роль в истории человечества.

«Критика и знания,— пишет он,— только тогда и «приводят жизнь в брожение», только тогда и создают историю, когда они сопровождаются аффектами, вызываемыми насущными интересами людей,— интересами, возникающими и развивающимися на почве экономических отношений. Отрезанные от этих аффектов, вне данных экономических интересов, они остаются пустыми, мертвыми формулами, абстрактными идеями, не способными сдвинуть ни единого камня в исторически выработавшейся культуре общества. А следовательно, если культура эта изменяется и развивается, то причину этих изменений и этого развития мы

[14] П. Н. Ткачев. Избр. соч. т. III, стр. 200.
[15] Там же, стр. 196.

должны искать не в знаниях и не в критической мысли, а в данных экономических интересах, создающих почву, благоприятствующую претворению знания в убеждение и убеждения в дело. Но если экономические интересы и порождаемые ими эффекты играют в истории более важную роль, чем знания и критика, то отсюда само собою следует, что существенное содержание истории должно определиться первыми, а не последними» [16].

Страстность, с которой Ткачев выступил против социологии Лаврова, и резкость его выпадов объясняются тем, что в философии истории автора «Исторических писем» и «Опыта истории мысли» он видел антиреволюционную философию мирного постепенного прогресса, отвергающую насильственные методы воздействия на общественную жизнь. Это проявилось вполне в той полемике, которую Ткачев вел с Лавровым в заграничной печати по вопросу о задачах революционной деятельности в России [17].

Придавая аффектам, а не уму первенствующее значение в истории человечества, Ткачев в этом отношении расходился не только с Лавровым и Бланки, но и со своими учителями — русскими шестидесятниками, которые верили во всепобеждающую силу разума и считали все бедствия, переживаемые человечеством, результатом его невежества. Расходясь с ними, Ткачев в этом пункте сближался с русскими бакунистами, подобно ему считавшими не ум, а чувство главным «фактором прогресса». Учитывая такую роль «аффектов», «чувства», Ткачев и бакунисты возражали против необходимости для революционеров вести ту предварительную пропагандистскую работу в народе, которую рекомендовал революционерам Лавров. Однако в отличие от бакунистов Ткачев рассматривал аффекты как явления производные, определяющиеся экономическими интересами. Это расхождение было результатом знакомства Ткачева с теорией К. Маркса.

Здесь не место подробно рассматривать в какой мере и в каких отношениях взгляды Маркса были восприняты Ткачевым [18].

---

[16] П. Н. Ткачев. Избр. соч., т. III, стр. 214—215.

[17] Подробно об этой полемике рассказано в моей статье «Ткачев и Лавров» в т. I сб. «Воинствующий материалист» (М., 1924).

[18] Об этом см. главу 3-ю моей книжки «П. Н. Ткачев и революционное движение 1860-х годов». М., 1922.

Мы можем ограничиться общей оценкой влияния Маркса на миросозерцание Ткачева.

Хотя Ткачев и был знаком с сочинениями Маркса, он не мог полностью усвоить идеи последнего. В России его времени не было в наличности тех условий, которые необходимы для распространения марксизма как идеологии промышленного пролетариата.

Это сказалось очень ясно на миросозерцании Ткачева и на его подходе к революционному делу.

Сообразно со своим общим взглядом на роль экономики в социальной жизни Ткачев признавал, что идеи, не вытекающие из экономических условий того общества, в котором они развиваются и распространяются, осуждены оставаться бесплодными. «Хотя,— говорил он,— личная деятельность может разрушить то, что создали века, и проложить новую дорогу для дальнейшего развития человечества, однако она должна все-таки опираться на какие-нибудь реальные общественные элементы, она должна находить поддержку и оправдание в данных условиях экономического быта народа. Без этой поддержки, без этой твердой почвы под ногами она совершенно бессильна, и все, что она ни произведет, будет иметь минутное, эфемерное значение... Истина эта в настоящее время никем не оспаривается, и скоро, вероятно, ее будут заносить в детские прописи».

Казалось бы, что Ткачев твердо стоит на почве признания обусловленности всего исторического процесса существующими экономическими условиями. Однако если это так, то как же мог Ткачев рассчитывать на близость социальной революции в России его времени, в стране, только что сбросившей с себя те узы, которые крепостное право налагало на развитие ее производительных сил? Где находил он те условия, благодаря которым революционные идеи в России не останутся бесплодными? Где искал он те общественные силы, которые могут осуществить социальную революцию?

В России 60-х и 70-х годов, только что вступившей на путь капиталистического развития и имевшей пролетариат, только что начавший формироваться в качестве самостоятельного общественного класса, теория К. Маркса не могла найти себе полного признания. Вот почему семидесятники, среди которых знакомство с «Капиталом» Маркса было распространено довольно широко, не могли

воспринять теорию Маркса в целом, а усваивали из нее только экономическую часть,— главным образом учение о прибавочной стоимости. Социологическая сторона учения Маркса и его революционная теория проникали в Россию того времени с гораздо большим трудом. Этому не противоречит наличность в 70-х годах нескольких попыток обосновать народническое учение о самобытных путях развития России на теории Маркса (П. П. Червинский в 1875—1876 гг. в «Неделе», Г. В. Плеханов в «Земле и воле»). Подобные попытки служат лучшим доказательством того, как мало и как плохо разбирались русские революционеры того времени в теории К. Маркса.

Те же немногие из них, которым удавалось глубже проникнуть в эту теорию и лучше разобраться в ней, попадали в чрезвычайно трагическое положение: придерживаясь последовательно учения Маркса, они не находили вокруг себя той общественной силы, на которую им можно было бы опереться в своих расчетах на социальную революцию. Только стачечное движение второй половины 70-х годов и возникновение чисто рабочей организации, созданной Обнорским и Халтуриным, впервые могли указать русским ученикам Маркса те пути, по которым революционное движение в России пойдет к своей окончательной победе.

Что же оставалось делать ученикам Маркса в России того времени? Покориться неизбежному ходу вещей и покорно ждать, сложа руки, пока Россия догонит в своем экономическом развитии западноевропейских соседей, пока в ней вполне сложатся общественные отношения по типу западноевропейских? Мы знаем, что некоторые из русских «учеников» Маркса в 70-е годы приходили именно к такому фаталистическому, безотрадному заключению. И. И. Попов в своих воспоминаниях рассказывает о некоем Насилове, с которым ему приходилось встречаться в 1877—1878 гг. Этот Насилов «иронически относился к народничеству, отрицал в истории героев и героическое, о мужике говорил пренебрежительно, а все планы строил на рабочих». Он был поклонником К. Маркса и постоянно цитировал его. Признавая, что «геройские выступления отдельных личностей ни к чему, а нужны реальные силы, способные произвести переворот», Насилов решил, что какое бы то ни было событие, «если оно не созрело, нельзя

приблизить, и нельзя его отдалить, если оно назрело». Укрепившись в этом убеждении, Насилов успокоился: он вел разговоры с товарищами, играл в шахматы и «строил планы», в ожидании того времени, когда «событие назреет» [19].

Однако надо было обладать поистине рыбьим темпераментом, чтобы успокоиться на таком решении вопроса. Люди с душою истинных революционеров не могли бы примириться с спокойным и безмятежным выжиданием назревания событий. Дожидаться, пока в России пролетариат разовьется настолько, что найдет в себе силы выступить активно и нанести сокрушительный удар существующему режиму, значило бы для них отказаться от всяких надежд на близость социальной революции и сознательно работать только в расчете на будущее, отделенное от них длинным рядом десятилетий, не ожидая никаких осязательных результатов от своей деятельности в настоящем. Немудрено, что при таких условиях являлось желание поискать в русской действительности какие-нибудь силы, на которые можно было бы теперь же опереться в своей революционной работе, какие-нибудь задатки того, что эта работа принесет плоды не в далеком, туманном будущем, а в ближайшие годы, на глазах того самого поколения, которое приносит в жертву ради этого конечного успеха и свое личное счастье, и даже жизнь.

Так, между теоретическими предпосылками русских учеников Маркса и их практическими выводами начинает обнаруживаться глубочайший разрыв. Вспоминая эпоху 70-х годов, Л. Г. Дейч пишет: «Тогда все почитатели и последователи Маркса придумывали планы «деятельности» в России, не находившиеся ни в малейшей связи с «законом экономического развития общества»» [20]. Так, например, Фесенко, о котором, как об одном из первых последователей Маркса в России, рассказывает в своих воспоминаниях тот же Дейч, на практике подчинялся господствующему мнению о том, что преобладающую роль в социальной революции в России, за ограниченностью в ней контингента рабочих, может сыграть сельское население, в частности сектанты, которым в то время приписывалось, как известно, особливо напряженное революционное настроение.

[19] И. И. Попов. Минувшее и пережитое, ч. 1, стр. 42—43.
[20] Л. Г. Дейч. Г. В. Плеханов, вып. 1. М., 1922, стр. 43.

Что касается Ткачева, то, как и Фесенко, он, с его ярким темпераментом революционера, не мог примириться со спокойным и покорным ожиданием того далекого времени, когда в России разовьется могущественный пролетариат, способный разрушить старый строй и воздвигнуть на его месте новый. Ткачев видел все несправедливости и все темные стороны современного ему социально-экономического и политического строя и ждал возможности отдать свои силы борьбе за ниспровержение его. Однако тот практический вывод, к которому пришел Фесенко, для него был неприемлем.

В революционную активность русского крестьянства он не верил. Нам пришлось уже однажды говорить о том, как Ткачев представлял себе социальную революцию на Западе, в развитых капиталистических странах[21]; из предисловия и примечаний Ткачева к книжке Бехера «Рабочий вопрос» видно, как ставился, по его мнению, вопрос о социальной революции на Западе, в развитых капиталистических странах. Там задача этой революции заключается в разрешении рабочего вопроса через «слияние личности работника с личностью предпринимателя». Движущей силой социальной революции там, по мнению Ткачева, наряду с революционной интеллигенцией является рабочий класс — городской пролетариат в его наиболее обеспеченных, а потому и наиболее культурных и сознательных слоях. При этом для Ткачева, как для всех социалистов-утопистов, не было ясно различие между пролетариатом фабрично-заводским, с одной стороны, и ремесленным — с другой. Говоря о «работниках», он, как все социалисты-утописты, подразумевает представителей и той, и другой части рабочего населения городов.

Что же касается населения деревни, сидящего на земле и кормящегося от нее, то его Ткачев к пролетариату отнюдь не причислял.

В отличие от русских народников 70-х годов, для Ткачева рабочий не был синонимом «трудящегося» вообще.

Он различал пролетариат от крестьянства, и, как мы сейчас убедимся, считал, что обеспеченное земельными наделами крестьянство является классом реакционным, а не революционным.

[21] См. 6-ю главу моей книжки «П. Н. Ткачев и революционное движение 1860-х годов».

В статье «Софистическая статистика», написанной Ткачевым в 1870 г. в Петропавловской крепости и оставшейся не напечатанной *, мы находим следующие рассуждения:

«Мелкая, раздробленная поземельная собственность — это логическое требование и экономический фундамент буржуазного общества. Большепоместность для него невыгодна и опасна; она создает бок о бок с аристократиею фабрики аристократию земли, а внизу, под ногами — массы сельского волнующегося пролетариата. Такая вулканическая почва слишком зыбка и ненадежна для буржуа. Для него во всех отношениях удобнее опираться на массы мелкопоместных собственников, на миллионы этого неподвижного, приросшего к земле, кретинизированного или, выражаясь более деликатным языком, консервативного крестьянства. С такой опорой ему не опасны сотни тысяч пролетариев, волнующихся около его фабрик, он всегда найдет своего Наполеона, которого признают и поддержат сельские кретины и который с их помощью сумеет совладать с беспокойною толпою голодных людей... Проницательнейшие из феодалов давно уже поняли политическое значение частной мелкой собственности. Еще в 1843 году граф Гаспарен писал: «Я не боюсь мелкой собственности в отношении экономическом и сельскохозяйственном; я боюсь ее — в отношении политическом; я боюсь, что она, служа оплотом порядка, не будет оплотом свободных учреждений. Собственность, раздробленная на множество мелких участков, неспособна защищаться. Мелкие собственники слишком разъединены и потому не могут быть ни единовременны, ни единодушны. Тирания справляется с каждым из них порознь, без грому и шуму, хотя бы она отнимала у них их детей, их жатву, свободу их совести». Гаспарен забыл только прибавить, что эти собственники, даже если бы и могли, оппозировать и протестовать не стали бы. Пусть возьмут у них жатву одного, двух, трех лет, лишь бы оставили неприкосновенным их право, их микроскопическую собственность. Пусть возьмут у них детей — лишь бы не тревожили их мирный status quo. А свобода совести? Какое значение она может иметь для кретинизированного человека, мысль которого не идет далее плетня его огорода, для которого весь мир со всеми его бурями и волнениями, радостями и скорбями, со всем

его величием и ничтожеством умещается в тесных пределах каких-нибудь двух акров земли — между гумном и хлевом?»[22].

Из этой цитаты вполне ясно, что в глазах Ткачева «трудовое крестьянство» (в отличие от сельскохозяйственного пролетариата) было надежнейшей опорой буржуазного порядка. Таков был урок, вынесенный Ткачевым из истории революции 1848 года во Франции, когда крестьянство сыграло определенно реакционную роль, явившись главной опорой буржуазного порядка. Помнил, по-видимому, Ткачев и слова «Коммунистического манифеста» об «идиотизме деревенской жизни». Ясно, что при таком взгляде на западноевропейское крестьянство Ткачев никак не мог строить какие-либо революционные расчеты на мелкобуржуазной деревенской массе.

Другими словами, на современном буржуазном Западе социальная революция может быть, по его мнению, только революцией рабочей, а не крестьянской.

Однако в истории Запада была эпоха, когда там, по мнению Ткачева, являлась возможной крестьянская социальная революция. В частности, в Германии такой эпохой была эпоха крестьянских войн XVI в., когда крестьянство выступало в качестве борца «за изменение принципа, лежащего в основе данного социального быта».

Таким образом, вопрос ставится Ткачевым так: в эпоху разложения феодального строя эксплуатируемое земельными собственниками крестьянство является революционной силой; в эпоху же капиталистическую мелкособственническое крестьянство, проникнутое буржуазным духом, служит крепкой опорой буржуазного порядка.

Как видим, Ткачев расценивал роль крестьянства механистически: он не понимал двойственной природы мелкой буржуазии и не замечал тех шатаний между пролетариатом и крупной буржуазией, которые в условиях буржуазного порядка свойственны крестьянству по самой его социальной природе.

Совершенно иначе, чем на Западе, стоит, по мнению Ткачева, вопрос о социальной революции в современной ему России. В «Открытом письме» к Ф. Энгельсу Ткачев прямо заявил, что, соглашаясь с основными социалистиче-

---

[22] П. Н. Ткачев. Избр. соч., т. VI, стр. 40—41.

скими принципами Интернационала, русские революционеры в вопросах практического осуществления этих принципов не могут и не должны быть солидарны с Интернационалом, «по меньшей мере с той фракцией, во главе которой стоят господа Маркс и Энгельс».

Не понимая действительной тактики Интернационала и ошибочно полагая, что его руководители стремятся свести борьбу пролетариата против капитала к борьбе исключительно при помощи легальных средств, Ткачев указывал, что в полицейских условиях русской жизни такая тактика решительно немыслима. Русские политические порядки исключают всякую возможность легальной борьбы. Единственное средство борьбы в России — это конспирация. Однако полицейскими условиями определяется только тактика революционной партии. Расхождение же русских революционеров с Интернационалом выходит, по мнению Ткачева, далеко за пределы вопросов чисто тактического порядка. Своеобразие русских революционных программ является результатом особенностей русского социально-экономического строя по сравнению с Западом.

Тут, однако, нужно указать на отличие Ткачева от других его современников из революционного лагеря. Как и они, Ткачев говорил об особенностях русской жизни, но в отличие от них он придавал этим особенностям иное, чем они, значение. Известна теория Михайловского о «типах» и «степенях» развития. Россия стоит на низшей степени развития по сравнению с Западом, но тип ее развития выше западного. Своеобразие типа ее развития создает возможность для нее непосредственного перехода к социализму, минуя капитализм. В противоположность Михайловскому, Ткачев не находил никаких различий между типами развития России и Запада. Никаких своеобразных, отличных от Запада путей развития история не предуготовила для России. Она идет по той же дороге, по которой шел Запад, но на этой дороге значительно отстает от него. Социальное развитие России подчинено действию тех же самых законов, что и Запада. Отличие России от западноевропейских стран сводится только к различию *степени* их экономического развития. Это — то самое различие, «которое (говоря словами Ткачева) существует между экономическими и политическими условиями общества, только что начинающего делать первые шаги по доро-

ге буржуазного прогресса, и обществом, достигшим высшей, кульминационной точки этого прогресса»[23].

Ткачев ясно видел, что Россия его времени стоит на рубеже господства капитализма. Изучение экономического быта России приводило его к заключению, что в ней уже существуют и упорно развиваются зародыши экономических форм чисто капиталистического характера.

«Смотрите! — писал он в 1875 г. в программе «Набата».— Огонь «экономического прогресса» уже коснулся коренных основ нашей народной жизни. Под его влиянием уже разрушаются старые формы нашей общинной жизни, уничтожается самый *«принцип общины»...* (курсив в тексте). На развалинах перегорающих форм *нарождаются* новые формы — *формы буржуазной жизни,* развивается кулачество, мироедство, воцаряется принцип индивидуализма, экономической анархии, бессердечного, алчного эгоизма»[24].

Другими словами, Россия стоит перед тем, чтобы окончательно вступить в капиталистическую стадию экономического развития.

Но как же возможна в такой стране социальная революция?

В ней возможна, по мнению Ткачева, та самая социальная революция, какая была возможна в Германии XVI в., т. е. революция по содержанию своему крестьянская.

Русское крестьянство, ввиду экономической отсталости России, не заражено еще тем буржуазным духом, который свойственен крестьянству западному. К тому же у русского народа сохранился давно погибший на Западе общинный строй крестьянского землевладения.

Хотя русский народ и невежествен, зато он «проникнут принципами общинного владения»; «он, если так можно выразиться, коммунист по инстинкту, по традиции».

«Идея коллективной собственности,— писал Ткачев в «Открытом письме» к Ф. Энгельсу,— так крепко срослась со всем миросозерцанием русского народа, что теперь, когда правительство начинает понимать, что идея эта несовместима с принципами «благоустроенного» общества, и во

---

[23] П. Н. Ткачев. Избр. соч., т. III, стр. 219.

[24] Там же. Курсив Б. Козьмина.— *Ред.*

имя этих принципов хочет ввести в народное сознание и народную жизнь идею частной собственности, то оно может достигнуть этого лишь при помощи штыков и нагайки. Из этого ясно, что наш народ, несмотря на свое невежество, стоит гораздо ближе к социализму, чем народы Западной Европы, хотя последние и образованнее его»[25].

Но где же те данные, опираясь на которые можно рассчитывать, что социальная революция в России увенчается победой?

Свои надежды на успешность социальной революции Ткачев строил на экономической отсталости России, на низком уровне ее промышленного развития. Недвижимый и движимый капитал не играют в нашей общественной жизни той роли, какую они играют на Западе. Будучи не в состоянии питаться и развиваться на собственные ресурсы и существуя главным образом за счет государственного бюджета, наше помещичье землевладение и наша промышленность находятся в зависимом положении и в силу этого не представляют собою самостоятельной экономической силы. Такой самостоятельной силой в России является только труд, т. е. тот фактор производства, представителем которого в России является мужик. «Только он один,— говорит Ткачев,— дурно или хорошо, но живет на собственный счет, стоит на собственных ногах и не черпает никаких ресурсов из государственного бюджета, но, напротив, сам доставляет ему ресурсы, необходимые для оказания помощи и поддержки остальным факторам экономического производства».

Ни в одной стране, по мнению Ткачева, труд не играет такой большой роли, как в России.

Экономическое слабосилие русского недвижимого и движимого капитала обусловливает и внутреннюю слабость русского государства.

В то время как на Западе государство «обеими ногами упирается в капитал», воплощая в себе определенные экономические интересы, русское государство пока еще «висит в воздухе». Забыв о теории Маркса, последователем которого он объявлял себя, Ткачев пишет: «Наше государство только издали производит впечатление мощи. На самом же деле его сила только кажущаяся, воображаемая.

---

[25] П. Н. Ткачев. Избр. соч., т. III, стр. 91.

Оно не имеет никаких корней в экономической жизни народа, оно не воплощает в себе интересов какого-либо сословия. Оно одинаково давит все общественные классы, и все они одинаково ненавидят его»[26]. Таким образом, Ткачев приходил к признанию надклассового характера русского самодержавия. В этом пункте его взгляды вполне совпадали с воззрениями современных ему народников.

Но если в настоящий момент русское государство слабо, то в очень скором времени оно, по мнению Ткачева, сделается сильным. Это произойдет, когда нарождающаяся буржуазия окрепнет. Тогда государство найдет в ней надежнейшую опору для себя.

«Сегодня,— писал Ткачев,— наше государство — фикция, предание, не имеющее в народной жизни никаких корней. Оно всем ненавистно, оно во всех, даже в собственных слугах, вызывает чувство тупого озлобления и рабского страха, смешанного с лакейским презрением. Его боятся потому, что у него материальная сила, но раз оно потеряет эту силу, ни одна рука не поднимется на его защиту. Но завтра за него встанут все сегодняшние враги, завтра оно будет выражать собою их интересы, интересы кулачества и мироедства, интересы личной собственности, интересы торговли и промышленности, интересы нарождающегося буржуазного мира. Сегодня оно абсолютно нелепо и нелепо абсолютно. Завтра оно станет конституционно-умеренным, рассчетливо благоразумным... Сегодня наши враги слабы, разъединены. Против нас одно правительство со всеми чиновниками и солдатами. Но эти чиновники и солдаты — не более как бездушные автоматы, бессмысленные, слепые и часто бессознательные орудия в руках небольшой кучки автократов. Уничтожьте их и вместо дисциплинированной армии живых врагов вы очутитесь лицом к лицу с нестройной толпой обезглавленных трупов. Следовательно, сегодня единственным сильным и опасным врагом является для нас только эта ничтожная кучка автократов... Это сегодня. Но что будет завтра? Не надейтесь слишком на глупость наших врагов. Пользуйтесь минутой. Такие минуты не часты в истории. Пропустить их — значит добровольно отсрочить возможность социальной революции надолго, быть может, навсегда»[27].

[26] П. Н. Ткачев. Избр. соч., т. III, стр. 91.
[27] Там же, стр. 220—221.

Вот тот ход рассуждений, которым Ткачев приходил к выводу, что «осуществление социальной революции в России не представляет никаких затруднений».

Приведенная нами цитата дает повод для одного недоразумения. Основываясь на ее точном смысле, можно предположить, что возможное торжество буржуазии в России приводило Ткачева к полному пессимизму. Он как бы признает, что буржуазия может упрочиться на веки вечные и что ее победа может исключить *навсегда* наступление социальной революции.

Слово *навсегда* было у Ткачева, по-видимому, просто случайной оговоркой.

В другом месте, в статье «Революционеры-реакционеры», он определенно говорит, что развитие капиталистических отношений в России отсрочит социальную революцию в ней до тех пор, «пока буржуазный прогресс не пройдет того цикла развития, который он в силу неизбежных экономических законов должен пройти», но этого придется ожидать «сотни лет, а может, и более» [28].

Таким образом, залог возможности и успешности социальной революции в современной ему России Ткачев усматривал в «преобладании экономической силы серого мужика над экономическою силою (или, вернее, экономическим бессилием) представителей других факторов производства». При этом, с точки зрения Ткачева, отмеченное им экономическое преобладание мужика отнюдь нельзя рассматривать как преимущество отечественной цивилизации перед цивилизацией «гнилого Запада», как это у нас делают некоторые «патриоты своего отечества». Эти патриоты забывают, что «было время, когда и гнилой Запад пользовался тем же самым преимуществом». Если Ткачев находил возможной социальную революцию в России 70-х годов XIX столетия, то, как мы уже знаем, он признавал, что такая революция ранее была возможна и в других странах, в частности в Германии XVI в.

Чувствуя, что подобная постановка вопроса плохо мирится с признаваемой им самим обусловленностью всего исторического процесса существующим экономическим строем и желая в то же время спасти свои надежды на социальную революцию в России от угрожающей им

---

[28] П. Н. Ткачев. Избр. соч., т. III, стр. 274.

катастрофы, Ткачев оказался вынужденным построить теорию «исторических скачков».

«Всякий экономический принцип,— писал он еще в 1868 г.,— развивается по законам своей логики, и изменить эти законы так же невозможно, как невозможно изменить законы человеческого мышления, законы наших психологических отправлений. В сфере логического мышления невозможно перейти от первой посылки к последней, минуя среднюю, точно так же и в сфере развития данного экономического принципа невозможно перескочить с низшей ступени прямо на высшую через все посредствующие. Всякий, кто пытается сделать подобный скачок, может заранее рассчитывать на неудачу, он только надорвется и понапрасну истратит свои силы. *Совсем другое дело, если он, оставляя в стороне старый принцип, будет стремиться заменить его новым. Его стремления весьма легко могут увенчаться успехом, и в его деятельности не будет решительно ничего утопического*».

Из этого видно, что Ткачев, обосновывая свои взгляды на возможность социальной революции в России, был вынужден допустить ряд отступлений от теории Маркса. В полном противоречии с учением Маркса он признавал, что современное ему русское государство стоит вне зависимости от каких бы то ни было общественных классов. Не поняв того, что социализм может осуществиться только в результате развития и перерождения капиталистического строя, Ткачев был склонен искать зародыши социализма в докапиталистических отношениях, сохранившихся в виде пережитков в русской деревне. Крестьянство он рассматривал как единое целое — как класс, представляющий интересы труда, а не мелкой земельной собственности. Обосновывая возможность социальной революции в России, он выдвигал теорию «исторических скачков», понимаемых им механистически,— как произвольный перерыв закономерного развития общественных явлений. Вот основные отступления Ткачева от теории К. Маркса. Эти отступления объясняют, почему Ткачев, немало воспринявший из учения Маркса, в своей практической революционной деятельности выступал как политический противник Маркса и руководимой им части I Интернационала.

Экономическая отсталость России, слабое развитие в ней фабрично-заводской промышленности, малочисленность и слабость ее рабочего класса — вот причины, не дававшие Ткачеву возможности усвоить теорию марксизма в ее законченном виде, понять ее как классовое учение промышленного пролетариата и сообразно с этим построить план своей революционной деятельности. Вот почему грубую ошибку делают те, кто готов признать Ткачева «первым русским марксистом». Но не меньшую ошибку делают и те, кто, говоря об идейных предшественниках марксизма в России и зачисляя в их ряды не только Чернышевского, но даже отчасти и Герцена, ни словом не упоминают о Ткачеве. Если Ткачев и не был марксистом, то никто в России его времени не воспринял так сильно и так глубоко учения Маркса, как он, за исключением, может быть, Н. И. Зибера, прямого предшественника легальных марксистов 90-х годов, значительно лучше, чем Ткачев, разобравшегося в экономическом учении автора «Капитала», но не понявшего боевого классового характера марксизма.

Там, где в революционных построениях Ткачева кончалось влияние Маркса, там начинался бланкизм, якобинство *.

В крестьянской по своему содержанию социальной революции, проповедником которой являлся Ткачев, главная роль должна была принадлежать не крестьянству, не «народу». Если мужик, по мнению Ткачева, и является в России «единственным представителем реальной экономической силы», то это еще не значит, что он выступит в социальной революции в активной роли.

В этом отношении Ткачев расходился как с приверженцами Бакунина, так и со сторонниками Лаврова. И те, и другие верили, что революцию сделают сами народные массы, что «в народе живет несокрушимая сила, против которой никто и ничто устоять не может» (Бакунин), что «в одном народе есть достаточно силы, достаточно энергии, достаточно свежести, чтобы совершить революцию» (Лавров). Ткачев стоял на иной точке зрения, полагая, что нечего «протягивать руку за помощью туда, куда следует протянуть руку помощи». Свой взгляд на роль народных масс в революции Ткачев подробно изложил еще в конце 60-х годов. Мы имеем в виду его статью «Разбитые иллю-

зии», в которой, рассматривая произведения Решетникова, Ткачев доказывал «совершенную неспособность массы к осмысленному протесту». Тяжелое экономическое положение народа, полная зависимость, в которой интересы труда находятся от интересов капитала, порождают, по мнению Ткачева, в народной массе такие черты, как «однообразие характера», «психическую убогость», «нравственную неразвитость» и т. п. [29]

«Человек массы,— пишет Ткачев,— прежде всего самый узкий эгоист. Причину этого эгоизма следует искать не в его умственной тупости и ограниченности, а в его материальной бедности». Он очень живо чувствует солидарность своих интересов с интересами своих собратий, но тем не менее он никогда не решится заступиться за товарища, зная, что это может угрожать ему самому потерей работы и куска хлеба. «Вследствие этого общий интерес всегда упускается из виду; каждый действует врознь; каждый хлопочет только о себе и каждый проигрывает» [30].

Люди массы могут действовать сообща и солидарно, но для этого необходимо одно условие: твердая уверенность в успехе дела. «Недостаточно,— говорит Ткачев,— чтобы они знали, что их интересы солидарны, недостаточно, чтобы они знали, что, действуя сообща, они могут выиграть; необходимо, чтобы они были уверены, что за них стоит сила и что эта сила поддержит их. Только эта уверенность может объединить их; раз же объединившись, они почувствуют силу и сами в себе» [31].

Неправильно было бы приписывать Ткачеву уверенность в том, что социальную революцию можно произвести *без участия в ней народа*. По этому вопросу Ткачев совершенно ясно высказался в программе «Набата»: «Нападение на центр власти и захват ее в революционные руки, не сопровождающийся народным бунтом (хотя бы и местным), лишь при крайне благоприятных обстоятельствах может привести к каким-нибудь положительным, прочным результатам» [32].

[29] П. Н. Ткачев. Избр. соч., т. I, стр. 340.

[30] Там же, стр. 364.

[31] Там же, стр. 366.

[32] Неправ, по моему мнению, и И. А. Теодорович, который находит противоречие в высказываниях Ткачева о роли масс в революции. «Ткачеву,— пишет он,— не приходило в голову спросить себя: как же связать в одно — утверждение, что без народа нельзя захватить власти, с другим — что и без пропаганды в народе, т. е.

Мало этого, Ткачев считал, что русский народ, «несмотря на его кажущееся отупение», является «инстинктивным революционером». Экономическое и политическое положение, в котором находится народ, настолько тяжело и невыносимо, что он пользуется каждой возможностью, чтобы дать выход накопившемуся в нем чувству озлобления и ненависти к притеснителям. Отсюда — самые разнообразные формы народного протеста: и религиозные секты, и разбойничьи шайки, и поджоги, и отказы от уплаты податей, и различные формы сопротивления властям, и наконец, отдельные восстания («Открытое письмо» Фр. Энгельсу). Но всего этого недостаточно для того, чтобы уничтожить угнетение труда капиталом, чтобы ниспровергнуть существующий строй. Народ протестует, но протесты его «незначительны и разрозненны»; необходимо,

---

без народа, можно сделать насильственный переворот» (И. А. Теодорович. Первое марта 1881 года. М., 1931, стр. 57—58). Действительно, Ткачев не придавал большого значения пропаганде, считая, что она сама по себе не может превратить массу в революционную силу. Для достижения этого необходима не пропаганда, а создание таких условий, чтобы народ почувствовал, что за ним стоит сила и эта сила поддержит его. Народ восстанет, по мнению Ткачева, тогда, когда в нем будет уничтожен страх перед существующей властью, когда он убедится в том, что эта власть в действительности не так сильна, как это кажется. Только тогда народ из *возможной* революционной силы превратится в *действительную,* «из возможного революционера в реального». В подтверждение своего мнения Ткачев указывал, что все народные движения, «от великого восстания рабов в Риме и кончая Парижскою Коммуною... все без исключения имели место лишь тогда, когда в высших, правящих слоях общества царил хаос, беспорядок, безначалие или многоначалие, когда рука власти предержащей начинала дрожать и колебаться». Вот почему Ткачев и говорил о необходимости вызвать в народе «чувство безнаказанности». «Отведите штык, вечно торчащий перед его грудью; сломайте кнут, вечно висящий над его спиною; разожмите руки, крепко сдавившие его горло. Когда он увидит, что та грозная власть, перед которой он привык трепетать и пресмыкаться, в несокрушимую силу которой он привык верить, что эта грозная власть поругана, расстроена, дезорганизована, обессилена,— о, тогда ему нечего и некого будет бояться, и его скрытое недовольство, его подавленное озлобление с неудержимою силою вырвется наружу» («Наши иллюзии»). Поэтому между отрицанием пропаганды (хотя полностью ее значения Ткачев и не отрицал) и признанием невозможности совершить революцию без масс у Ткачева противоречия не было. Разбудить народ он рассчитывал не пропагандой, а боевой работой революционной организации.

чтобы на помощь ему пришла другая сила: сам народ своими силами не сможет освободить себя.

Это во-первых. А во-вторых,— народ, по мнению Ткачева, способен выступить в социальной революции только как «сила разрушительная», а не созидающая. «Народ не может себя спасти,— писал Ткачев в статье «Народ и революция»,— народ, сам себе предоставленный, не может устроить свою судьбу сообразно своим реальным потребностям, *не может провести и осуществить в жизни идею социальной революции»* [33].

Ткачев гораздо более реалистически, чем его современники из революционного лагеря, относился к вопросу о том, какое значение могут иметь для социальной революции так называемые «народные идеалы». В статье «О почвенниках новейшей формации» (1876 г.) он зло высмеивал правоверных народников типа П. Червинского, которые, «создав себе идеальное, чисто фантастическое представление о деревне, как о таком сожитии людей, которое насквозь проникнуто духом общности интересов и человеческой солидарности... утверждают, будто эта фантастическая деревня и есть настоящая, реальная русская деревня». Ткачев видел, что современная ему русская община, испытавшая уже на себе влияние буржуазного прогресса, не только не порождает в народе «духа солидарности и братского единства», но, напротив, благоприятствует скорее развитию духа соперничества и конкуренции» [34].

Поэтому нельзя отводить народу той роли в переустройстве жизни, какая отводилась ему правоверными народниками.

«Предоставьте ему,— писал Ткачев в цитированной выше статье «Народ и революция»,— устроить его жизнь по его собственной воле, и вы увидите, что он не внесет в нее ничего нового, он распространит формы своей жизни, свою общину, свой мир, свою семью на те сферы, из которых они теперь вытеснены влиянием буржуазного прогресса, но этим и ограничится его реформаторская деятельность, и перед нами явится тот же старый крестьянский мир с его заскорузлыми, окаменевшими устоями, с его неподвижным консерватизмом. Народ без руководи-

[33] П. Н. Ткачев. Избр. соч., т. III, стр. 268. Курсив Б. Козьмина.— *Ред.*

[34] Там же, т. IV, стр. 12.

телей не в состоянии построить на развалинах старого мира такой новый мир, какой был бы способен прогрессировать, развиваться в направлении коммунистического идеала»[35].

Кто же должен явиться руководителем народа в его разрушительной и созидательной деятельности? Где та сила, готовая помочь народу и поддержать его, о которой Ткачев писал еще в 1868 г. в «Разбитых иллюзиях»?

Ответ на этот вопрос Ткачев впервые дал в том же 1868 г. в статье «Подрастающие силы». Помогать народу и руководить им должна новая интеллигенция, пришедшая на смену старой дворянской, та мелкобуржуазная интеллигенция, которая получила название «разночинцев». Она по положению своему в обществе представляет собою «нечто среднее между сословием прочно обеспеченным и совсем не обеспеченным». Экономические условия, в которых приходится ей существовать, делают ее врагом существующего строя.

«Умственные занятия и другие тесно с ним связанные отрасли труда служат для него (т. е. этого «сословия» — *Б. К.*) единственным средством к существованию, а так как запрос на продукты подобного труда при таких условиях, при которых живет большинство нашего населения, весьма ограничен, то понятно, что обеспечение этого класса не представляет никакой прочности, никакой солидности. Видя источник своего существования единственно в своей собственной деятельности, в своем личном труде, он не имеет ни малейших оснований питать нежные чувствования к каким-либо другим, посторонним источникам, которые его не поят и не кормят.

Отсюда весьма легко понять, к какого рода теориям и доктринам должен он отнестись всего симпатичнее и какое миросозерцание легче всего ему усвоить»[36].

Что же это за миросозерцание? Это — то миросозерцание, которое признает полную «солидарность человеческих интересов», которое понимает, что «счастье единицы невозможно без счастья всего общества».

Эти мысли, впервые высказанные в 1868 г., Ткачев неоднократно развивал впоследствии. На страницах «Наба-

---

[35] П. Н. Ткачев. Избр. соч., т. IV, стр. 264.
[36] Там же, т. I, стр. 247.

та» он указывал, что революционеры должны строить свои расчеты не столько на мягкотелой, народолюбивой и кающейся перед народом дворянской интеллигенции, не на «больных, лимфатических потомках выродившегося, износившегося, опошлевшего и охолопевшего барства», сколько на «интеллигенции, вышедшей из среды самого народа, из эксплуатируемых, разоренных и задавленных классов общества». Эта часть интеллигенции, с одной стороны, хорошо знает народное горе и понимает насущные надежды народа, а с другой — усвоила теории, выработанные лучшими критическими умами Запада. Это и дает ей право явиться руководителем социальной революции.

«Народным идеалам» Ткачев противопоставлял «социалистическое миросозерцание революционного меньшинства» и признавал, что последнее, как более широкое и революционное, должно господствовать во время революции над первым.

Свои взгляды на роль революционного меньшинства, с одной стороны, и народа — с другой, во время социальной революции, Ткачев сформулировал так:

«Отношение революционного меньшинства к народу и участие последнего в революции может быть определено следующим образом: революционное меньшинство, освободив народ из-под ига гнетущего его страха и ужаса перед властью предержащей, открывает ему возможность проявлять свою разрушительно революционную силу, и, опираясь на эту силу, искусно направляя ее к уничтожению непосредственных врагов революции, оно разрушает охраняющие их твердыни и лишает их всяких средств к сопротивлению и противодействию. Затем, пользуясь своей силой и своим авторитетом, оно вносит новые прогрессивно коммунистические элементы в условия народной жизни».

В этой формуле мы находим все специфические черты революционной концепции Ткачева, которые дают основание считать его представителем бланкизма.

Это, во-первых, признание громадного значения заговорщической организации революционного меньшинства; во-вторых, указание на необходимость захвата этим меньшинством государственной власти в целях перестройки жизни на новых, социалистических началах, и в-третьих, признание диктатуры революционного меньшинства

наиболее действительным средством для осуществления этой перестройки.

В первой половине 70-х годов среди русских революционеров было распространено крайне отрицательное отношение к централизации революционных сил. Революционеры того времени не шли дальше организации разрозненных кружков, ничем не связанных между собою и построенных на началах полной свободы их членов и отсутствия принудительной дисциплины.

«Молодежь, не имевшая никакой политической опытности и знавшая только отрицательные стороны генеральства, склонна была видеть в проповеди централизации и дисциплины замаскированное желание лишить ее свободы самоопределения — этого права, которое, казалось, должно принадлежать каждому развитому человеку,— и подчинить ее новым генералам» [37].

Учитывая это настроение революционной молодежи, те немногие из революционеров, которым не была чужда мысль о необходимости создания сплоченной организации, старались, как свидетельствует современник, по возможности маскировать свою организационную деятельность, чтобы не отпугнуть от себя молодежь [38].

При таких условиях огромной исторической заслугой Ткачева является его настойчивая проповедь создания сплоченной, централизованной партии.

«Успех революции,— писал Ткачев,— возможен только при создании организации, сплачивающей разрозненные революционные элементы в одно живое тело, действующее по одному общему плану, подчиняющееся одному общему руководству,— организации, основанной на централизации власти и децентрализации функций».

Только такая организация способна, по мнению Ткачева, подготовить и осуществить государственный переворот.

«Напротив,— писал он,— организация, рекомендуемая революционерами-утопистами, организация, отвергающая всякую подчиненность, централизацию и признающая лишь федеративную связь между автономными, самостоя-

---

[37] С. Ф. Ковалик. Революционное движение семидесятых годов и процесс 193-х. М., 1928, стр. 115.

[38] Там же, стр. 61.

тельно действующими революционными группами, такая организация не удовлетворяет ни одному из требований боевой организации. Она неспособна к быстрым и решительным действиям; она открывает широкое поприще для взаимной вражды, пререканий, для всякого рода колебаний и компромиссов, она постоянно связана в своих движениях, она не может со строгою последовательностью держаться одного какого-нибудь общего плана, в ее деятельности никогда не может быть ни стройности, ни гармонии, ни единства».

Непригодная для революционной борьбы, такая организация, по мнению Ткачева, имеет антиреволюционный характер: в основу ее положен буржуазный принцип индивидуализма, «ставящий личное выше общего, единичное выше целого, эгоизм выше самоотвержения».

Вот почему на страницах «Набата» Ткачев неустанно призывал русских революционеров к созданию сплоченной организации, доказывая, что для них вопрос объединения является вопросом жизни или смерти.

Народникам 70-х годов социальная революция представлялась в виде взрыва народного возмущения, уничтожающего весь современный социально-политический строй для того, чтобы на месте его создать новый. Этот катаклизм одновременно освободит народ как от угнетения труда капиталом, так и в политическом отношении. В социальной революции погибнет современное государство. «Мы хотим прежде всего окончательного разрушения государства, хотим искоренения всякой государственности»,— говорили Бакунин и его последователи. Что касается Лаврова и лавристов, то и они мечтали о замене государства союзом вольных общин.

Анархизм был господствующим настроением в рядах русской революционной интеллигенции 70-х годов.

Совершенно иначе мыслил социальную революцию Ткачев. В его представлении она должна была быть явлением гораздо более сложным. Социальный переворот — это перестройка заново всех экономических, юридических, общественных, частных и семейных отношений, всех воззрений и понятий, всех идеалов и всей нравственности того общества, в котором этот переворот происходит. Ясно, что такой переворот «не совершается ни в один, ни в два года, что он потребует работы целого поколения, что он является

не ex abrupto, а подготовляется и проводится в жизнь медленно, постепенно шаг за шагом».

При этом социальная революция не уничтожит сразу всех недовольных переворотом общественных элементов. Ее враги останутся, и они и после победы революции не перестанут вести борьбу против нее. Поэтому революционерам на другой день после революции предстоит не только творческая, созидательная работа, но и работа разрушительная, направленная на подавление и уничтожение врагов революции.

Для того чтобы революционеры могли справиться с этой двоякой работой, они должны быть *силой*. А всякая сила есть *власть*. Но власть прочна и могущественна лишь тогда, когда она правильно организована, что достижимо только при централизации каждой отдельной функции власти и дифференцировании этих функций. Но власть, организованная таким образом, есть то, что принято называть *государством*.

Вот почему прежде, чем разрушать государственный аппарат, революционеры, по мнению Ткачева, должны использовать его в целях социальной революции.

Анархисты, видящие в государстве причину существующего социального зла, неправы: это — не причина, а необходимое следствие его. Существование государственной власти обусловливается неравенством людей, и пока неравенство будет существовать хотя бы в какой-нибудь сфере человеческих отношений, до тех пор будет существовать и власть. «Анархия немыслима, немыслима логически (не говоря уже о ее практической невозможности) без предварительного установления абсолютного равенства между всеми членами общества... Никакая революция не может установить анархию, не установив сначала братства и равенства» [39].

Таким образом, до тех пор, пока не осуществлено равенство между всеми членами общества, до тех пор необходимо должно существовать и государство.

С этой точки зрения Ткачев в специальном цикле статей подверг суровой критике теорию анархизма. В этих статьях, представляющих собою, по отзыву Б. И. Горева, «едва ли не лучшее, наиболее сильное и яркое из того, что имеется в революционно-социалистической литературе про-

[39] П. Н. Ткачев. Избр. соч., т. I, стр. 223.

тив анархизма»[40], Ткачев выяснял противоречивость и непоследовательность взглядов Бакунина и других анархистов, а также эклектических построений Лаврова в его книге «Государственный элемент в будущем обществе».

Итак, по мнению Ткачева, государство сделается ненужным и отомрет лишь после того, как среди людей создастся полное равенство, т. е. когда удастся провести в жизнь начала коммунизма. В переходный же период государственная власть — необходимейшее орудие в руках революционной партии.

В свое время Энгельс, полемизируя с Ткачевым, в статье «Sociales aus Russland» трактовал его как правоверного бакуниста. Надо признать, что сам Ткачев в «Открытом письме» к Энгельсу дал достаточный материал для такой трактовки его взглядов. Однако предшествовавшая этому «Письму» литературная деятельность Ткачева в России (статьи «Подрастающие силы» и «Разбитые иллюзии», предисловие и примечания к книге Бехера) и последующая за границей (статьи в «Набате»), которых Энгельс не мог знать, когда он полемизировал с Ткачевым, показывают, насколько неправильно характеризовать Ткачева как анархиста.

Та постановка, которую Ткачев дает вопросу об уничтожении государства, очень далека от анархизма. Ленин в своей работе «Государство и революция» на основании многочисленных высказываний Маркса и Энгельса доказал, что с их точки зрения различие между анархистами и социалистами сводится вовсе не к тому, что первые отрицают государство, а вторые приемлют его, а к тому, что социалисты в отличие от анархистов, во-первых, признают государственную власть необходимым в течение переходного периода орудием для перестройки общества на началах коммунизма, и во-вторых, считают, что государство сделается ненужным и отомрет лишь тогда, когда перестройка общества будет закончена[41]. Поэтому убеждение

---

[40] Б. Горев. К вопросу о бланкизме вообще и русском бланкизме в частности.— Сб. «Воинствующий материалист», т. IV, М., 1925, стр. 111.

[41] «Мы вовсе не расходимся с анархистами,— пишет Ленин,— по вопросу об отмене государства, как *цели*. Мы утверждаем, что для достижения этой цели необходимо временное использование орудий, средств, приемов государственной власти *против* эксплуа-

Ткачева, что в будущем государство осуждено на отмирание, еще не дает права признавать его анархистом. А та критика анархизма, которая была развернута Ткачевым в его статьях в «Набате», показывает, насколько далек был Ткачев от Бакунина и его последователей, несмотря на то, что в некоторых вопросах он сходился с Бакуниным, и несмотря на то, что в полемике между лавристами, отрицавшими возможность немедленного осуществления революции в России, и бакунистами, стоявшими на противоположной точке зрения, Ткачев решительно становится на сторону второго из этих направлений, добавляя, что оно поддерживается «всем, что имеется в нашей революционной интеллигенции молодого, смелого, умного и энергичного».

Мы уже убедились, что если Ткачев в некоторых вопросах сходился с Бакуниным, то в основных своих взглядах он коренным образом расходился с ним.

Вот почему большую ошибку делают те, кто считает, что во многом, если не во всем, Ткачев исходит из идей Бакунина, или рассматривает взгляды Ткачева как одну из «ипостасей» русского анархизма.

Как ни мало последователей было у Ткачева в России, как ни узок был круг единомышленников «Набата», Ткачев возглавлял особое направление мелкобуржуазной русской революционной мысли 70-х годов, стоявшее особняком как от лавризма, так и от бакунизма. В этом — основная причина той отчужденности, в которой находился Ткачев, того враждебного отношения, которое он встречал в революционной среде своего времени и о котором нам пришлось уже говорить выше. Социально-политические взгляды Ткачева настолько расходились с общепринятыми в его время в революционной среде, что рассчитывать на приобретение ими популярности нечего было и думать. Недаром, по свидетельству Л. Г. Дейча, идеи Ткачева приводили «не только в крайнее негодование, но прямо в ужас тогдашних революционеров» [42].

таторов, как для уничтожения классов необходима временная диктатура угнетенного класса». «Только коммунизм создает полную ненадобность государства, ибо *некого* подавлять,— «некого» в смысле *класса,* в смысле систематической борьбы с определенной частью населения» (В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 408, 435).

[42] Л. Г. Дейч. Русская революционная эмиграция 70-х годов. Пг., 1920, стр. 82.

Нужен был опыт «хождения в народ», последовавшего за ним разгрома «социально-революционной партии» и неуспех дальнейших попыток агитационной и пропагандистской деятельности в деревне, чтобы идеи Ткачева начали просачиваться в революционную среду и русские революционеры стали говорить и действовать по Ткачеву, хотя и тогда они не хотели признаваться в этом и продолжали отгораживаться от Ткачева и его «Набата». В первую очередь были восприняты взгляды Ткачева на значение организации в революционном деле. Тайное общество «Земля и воля» было уже почти той самой централизованной и построенной на твердой дисциплине организацией, к созданию которой призывал русских революционеров Ткачев. С кустарничеством в организационных вопросах было навсегда покончено.

Вскоре за этим проникла в Россию и другая идея Ткачева — признание необходимости подготовки захвата власти революционной партией. Эта идея в значительной мере была воспринята «Народной волей». Любопытно, и в историческом отношении очень важно, что сама «Народная воля» на страницах своего партийного органа рассматривала свою программу как синтез ортодоксального народничества (представителем которого в то время являлся «Черный передел») и бланкистских идей «Набата» [43].

Таким образом, литературная и революционная деятельность Ткачева не прошла бесплодно. Вот почему Ткачев имел полное основание в письме к одному своему другу, подводя итоги своей революционной работе, сказать, что он не стыдится ее, а гордится ею.

---

[43] См. статью А. Дорошенко (Н. И. Кибальчича) «Политическая революция и экономический вопрос», помещенную в № 5 «Народной воли» («Литература партии «Народная воля»», М., 1930, стр. 107).

«РУССКОЕ БОГАТСТВО»
(1880—1881 гг.)*

«Русское богатство» было одним из наиболее долговечных русских журналов. Оно просуществовало более сорока лет и перестало выходить в наши дни — после Октябрьской революции. За время существования этого журнала состав его руководителей не раз менялся, а вместе с ним изменялась и его программа. Мы отнюдь не имеем в виду говорить о «Русском богатстве» за все время существования, за все эти сорок с лишним лет. Нас интересует лишь один, сравнительно короткий период истории «Русского богатства» — тот период, когда этот журнал был органом артели, образованной группою литераторов народнического направления.

1

В 1871 г. отставной поручик Н. Ф. Савич начал издавать в Москве газету под названием «Народный листок сельского хозяйства и естествознания». В 1875 г. эта газета была преобразована Савичем в журнал «Русское богатство». Подзаголовок «журнал торговли, промышленности, земледелия и естествознания», имевшийся в то время у «Русского богатства», дает представление о тогдашнем характере этого журнала.

Новый журнал начал выходить с 1876 г. в Москве, но в середине того же года издание его было перенесено в Петербург. Сроки выхода в свет номеров «Русского богатства» были довольно необычные: по три раза в месяц.

Расходился основанный Савичем журнал слабо, подписчиков имел очень мало, и в 1878 г. на 5-м номере выход его приостановился. Савич решил разделаться с журналом и начал отыскивать покупателя. Таковой нашелся

в лице небезызвестного реакционного публициста В. Ф. Пуцыковича, бывшего редактора «Гражданина». Однако Главное управление по делам печати не утвердило Пуцыковича редактором ввиду «не вполне благонадежной его деятельности» по редактированию «Гражданина». Тогда Пуцыкович переуступил свои права на «Русское богатство» владельцу библиотеки в Петербурге Д. М. Рыбакову [1].

Рыбаков добился разрешения на расширение программы журнала и превращение его с 1879 г. в ежемесячный орган типа тогдашних так называемых толстых журналов. Однако нового владельца «Русского богатства» постигла неудача, еще большая, чем его предшественника Савича. Рыбакову удалось выпустить только один номер, и немудрено — содержание этого номера было совершенно случайным; среди авторов, поместивших в нем свои произведения, не было ни одного, обладавшего сколько-нибудь известным именем; напечатанные в нем статьи и рассказы вряд ли могли вызвать в читателе что-либо, кроме скуки. Не спасла журнал Савича и довольно сочувственная встреча его тогдашней либеральной прессой, признавшей, что «новый журнал обещает быть вполне честного и благомыслящего направления» [2].

При таких условиях обновленное «Русское богатство» не могло рассчитывать на успех у публики, и его издатель, почувствовав это, решил, во избежание дальнейших убытков, приостановить издание журнала. Вскоре же, в мае 1878 г., он совсем разделался с ним, продав свое право на издание «Русского богатства» за 300 руб. С. Н. Бажиной, жене известного сотрудника «Русского слова» и «Дела», автора нашумевшей когда-то повести «Степан Рулев», Н. Ф. Бажина. С этого времени и начинается тот период в истории «Русского богатства», которому посвящена наша работа. «Русское богатство» становится артельным журналом.

Инициатором артели и его душою был известный публицист С. Н. Кривенко. Летом 1879 г. Кривенко изложил свой план издания артельного журнала нескольким литераторам, собравшимся у него на даче под Петербургом.

---

[1] В. Евгеньев-Максимов. Из истории «Русского богатства».— «Русское богатство», 1917, № 11—12, стр. 57.

[2] Заурядный читатель (А. М. Скабичевский). Мысли по поводу текущей литературы.— «Молва», 1879, № 114.

Предложение Кривенко было встречено весьма сочувственно, и «вот,— рассказывает в своих воспоминаниях один из участников артели А. М. Скабичевский,— на даче у Кривенко было положено основание артели в виде колоссального трехдневного пиршества» [3].

В то время разрешение на издание новых журналов выдавалось правительством неохотно. Поэтому участники артели решили приобрести какой-нибудь из существующих журналов. Вспомнили о «Русском богатстве». Несколько смущало случайное и мало подходящее для народнического органа название этого журнала, однако, было решено, что лучше иметь журнал с плохим названием, чем не иметь никакого.

Начались переговоры с Бажиной, в результате которых она согласилась передать свой журнал артели.

Чем же руководствовались участники артели, стремясь создать свой собственный литературный орган? Н. С. Русанов, один из членов артели, в своих воспоминаниях так отвечает на этот вопрос:

«В таком органе чувствовалась потребность. Людям этого рода (т. е. писателям радикального направления.— *Б. К.*) было в то время изрядно тесно в существовавших тогда двух больших органах, проводивших подходящее им мировоззрение: «Отечественных записках» и «Деле» (третий радикальный журнал «Слово», имевший одно время большой успех, висел на волоске, или, вернее сказать, над ним висел на волоске дамоклов меч запрещения, каковое вскоре и произошло). Как «Отечественные записки», так и «Дело» велись каждый орган по-своему, но хорошо. И однако сама сравнительная многочисленность радикальных литераторов, которые, конечно, не пошли бы ни в катковский «Русский вестник», ни в стасюлевический «Вестник Европы», полемизировавший тогда с революционерами во внутренних обозрениях Л. А. Полонского, создавала известную монополию для упомянутых двух журналов, делала их редакции чересчур строгими в выборе, а порою до известной степени капризными. Даже такие тонкие ценители и сами первоклассные писатели, как Михайловский и Щедрин, подвергались порою упрекам в пристрастности. Скабичевский и Протопопов жаловались

[3] А. М. Скабичевский. Литературные воспоминания. М.—Л., 1928, стр. 323.

мне, например, каждый на свой лад, что Михайловский, к которому они в то время относились в общем с огромным уважением, не дает им ходу после смерти Некрасова, бывшего, по их мнению, менее придирчивым редактором. Немножко забавный в своем самомнении, Протопопов... запальчиво уверял меня, что Михайловский умышленно свел его на роль рецензента, бракуя все его большие статьи, так как чувствует в нем крупного соперника. Скабичевский же менее шумно, но с большей обстоятельностью, перечислял мне все чисто литературные темы, которые он предлагал Михайловскому, но которые тот неизменно перехватывал для себя: «писал бы по социологии и общественной философии — там он действительно оригинален и велик,— но оставил бы мне, как было при Некрасове, разбор чисто художественных произведений».

«В свою очередь Гаршин,— продолжает рассказывать Русанов,— был очень огорчен тем, что его грациозная сказочка «Attalea Princeps» (которая была помещена позже в нашем артельном «Русском богатстве») была отвергнута Щедриным за ее недоуменный конец — «читатель не поймет и плюнет на все!». Златовратский и даже Успенский, которым Щедрин ужасно дорожил, принесли тоже в «Русское богатство» один или два раза отвергнутые «Отечественными записками» вещи» [4].

Рассказ Русанова в основном подтверждается биографом С. Н. Кривенко, который так описывает возникновение артельного «Русского богатства»:

«К мысли о необходимости завести свой «артельный» журнал С. Н. Кривенко пришел прежде всего, наблюдая далеко не блестящее положение как свое личное, так и особенно таких писателей, которые не пользовались преимуществами какого-либо привилегированного положения. Сам Кривенко, даже будучи уже постоянным сотрудником «Отечественных записок», журнала, прочно поставленного и вполне обеспеченного в материальном отношении, не мог тем не менее считать себя избранником по сравнению с прямыми безработными в области литературы. До 1881 г. С. Н. постоянного жалованья не получал и частенько прямо-таки бедствовал» [5].

---

[4] Н. С. Русанов. На родине. 1859—1882, М., 1931, стр. 230—231.

[5] С. Н. Кривенко.— Собр. соч., т. 1, СПб., 1911, стр. II.

Конечно, отмеченные Русановым и биографом Кривенко причины — тяжелое материальное положение литераторов и разборчивость редакций существующих журналов — сыграли большую роль в деле основания артельного журнала. Но наряду с ними была еще одна причина чисто идеологического порядка.

Организатор журнала С. Н. Кривенко как типичный народник был горячим поклонником «артельного начала», в котором он видел одно из проявлений особенности русской культуры по сравнению с западноевропейской. «Русский человек,— писал Кривенко,— любит жить обществами и действовать «сообща», «за един человек», «голова в голову»». Артель, в смысле «организации совместного сотрудничества и рациональной совместной жизни», по мнению Кривенко, может не только быть отождествлена с западной ассоциацией, но даже явиться «в некоторых случаях, благодаря большему развитию принципов равноправия и круговой поруки, более совершенным видом ее» [6].

В артели Кривенко усматривал прообраз будущего, более высокого по типу, чем современный, строя общественных отношений, и потому он выступал горячим проповедником всякого рода артельных начинаний. «Если бы наша промышленность,— писал он,— была организована на артельных началах, то наверное можно сказать, что быстро достигла бы громадного развития и не нуждалась бы, конечно, в покровительственном тарифе» [7].

При таких взглядах на значение «артельного начала» для Кривенко и людей его типа основание артельного журнала было делом принципиального значения и большого интереса: это являлось попыткой практического осуществления тех идей, с проповедью которых они выступали.

Кто же вошёл в основанную Кривенко артель? Ряд ее участников уже известен нам из приведенной выше цитаты из воспоминаний Русанова: это, помимо самого Русанова, в то время только что начинающего литератора, Скабичевский, Протопопов, Златовратский, Глеб Успенский и Гаршин. По другим источникам мы можем установить, что, кроме них, членами артели были: Н. С. Курочкин, Засодимский, Наумов, исследователь народного быта И. Н. Харламов, Н. Ф. Бажин и, наконец, его жена

[6] С. Н. Кривенко. Собр. соч., т. 1, стр. 214.
[7] Там же, стр. 237.

С. Н. Бажина, грешившая иногда беллетристикой. Возможно, что, кроме этих лиц, в артели были и другие члены, но определить их не представляется возможности.

Обновленное «Русское богатство» начало выходить с 1880 г.[8] Ввиду того, что артель не могла быть официальным издателем журнала, таковым числилась Бажина. Редактором был избран Н. Н. Златовратский.

В № 1 «Русского богатства» редакция поместила сообщение о том, что этот журнал будет выходить по новой программе и что в нем будут помещаться беллетристика, литературная критика, обозрение внутренней и заграничной жизни, общедоступные статьи по всем отраслям знания и хроника открытий и изобретений. «Между прочим,— писала редакция,— будет посвящено внимание вопросам, касающимся источников народного богатства, обычного права и бытовых форм»[9].

Долго ли просуществовала издательская артель и сколько времени продолжал выходить ее журнал?

С. Н. Кривенко сообщает: «Русское богатство» «не имело успеха и, просуществовав два года, было продано Л. Е. Оболенскому»[10]. То же самое подтверждает и А. М. Скабичевский[11]. Однако несомненно, что и тот, и другой ошибаются: артель распалась значительно ранее перехода «Русского богатства» в руки Оболенского. Оболенский сделался издателем этого журнала с начала 1883 г., т. е. через три (а не через два) года по возникновении «Русского богатства». Между тем еще в 1881 г. артель писателей в несколько расширенном составе (как это мы увидим ниже в статье об «Устоях») приобрела новый журнал — «Устои» — и в конце того же года выпустила его первый номер. Совершенно ясно, что артели незачем

---

[8] А. М. Скабичевский в своих воспоминаниях говорит, что в 1879 г. артелью была выпущена одна книжка «в виде пробного шара и чтобы сохранить право издания» («Литературные воспоминания», стр. 323). Это не соответствует действительности: как мы говорили выше, книжка «Русского богатства», вышедшая в 1879 г., была издана Рыбаковым, а не артелью.

[9] К этому редакция сочла нужным добавить, что «издающийся с нынешнего года журнал «Русское богатство» не имеет общего с издававшейся некогда г. Савичем специальной газетой того же имени ни по характеру, ни по программе».

[10] С. Н. Кривенко. Собр. соч., т. 1, стр. LII.

[11] А. М. Скабичевский. Литературные воспоминания, стр. 325.

было бы приобретать новый журнал, если бы в 1881 г. «Русское богатство» продолжало оставаться ее органом... Когда же в таком случае «Русское богатство» перестало быть артельным журналом? Сопоставление различных данных дает основание утверждать, что артель распалась на номере третьем «Русского богатства» за 1881 г. Если до этого времени редактором его был, как нам известно, Н. Н. Златовратский, то с № 4 на смену ему является совершенно новое лицо, не имевшее никакого отношения к артели и не бывшее ее членом,— поэт и библиограф П. В. Быков. В то же время коренным образом изменяется и состав сотрудников журнала. Фамилии почти всех членов артели исчезают со страниц «Русского богатства». Зато появляются новые: В. О. Португалов, А. Н. Мичурин и др. Можно, конечно, предположить, что это — явление случайное, что большинство прежних сотрудников, занятых работой в других журналах, не имело произведений, которые могли бы пойти в артельный журнал. Однако это предположение опровергается следующим фактом: в № 3 «Русского богатства» за 1881 г. появилось объявление о подписке на этот журнал на следующий год, а в этом объявлении был дан список постоянных сотрудников. Просматривая этот список, мы находим в нем фамилии только двух членов артели — Бажина и Засодимского. Остальных в этом списке нет. Таким образом становится несомненным, что отсутствие их произведений в четвертом и следующих номерах «Русского богатства» за 1881 г. не случайно. Очевидно, были какие-то неизвестные нам причины, которые заставили большинство членов артели прекратить сотрудничество в «Русском богатстве» [12]. Все это убеждает нас, что с № 4 этот журнал перестал быть органом артели.

Чем же, однако, объясняются ошибочные указания Кривенко и Скабичевского, которые мы привели выше? Что касается Кривенко, то он с 1880 г. уехал на Кавказ в организованную им интеллигентскую земледельческую артель и отошел от участия в «Русском богатстве».

---

[12] Очевидно, по этой самой причине на страницах «Русского богатства» не появились статьи Протопопова о Салтыкове, рассказ Наумова «Божьи люди» и окончание очерков Глеба Успенского «С места на место», обещанные в объявлении, помещенном в № 2 «Русского богатства» за 1881 год.

Поэтому возможно, что он не был в курсе всех последовавших за его отъездом дел артели. Скабичевский же в своих воспоминаниях ошибся, по-видимому, вследствие того, что он, как это можно предполагать, не прекратил сотрудничества в «Русском богатстве», когда большинство его товарищей по артели отошло от участия в этом журнале. Правда, в 1881 г. никаких статей, подписанных фамилией Скабичевского, в «Русском богатстве» не появлялось. Однако из его воспоминаний мы знаем, что он много писал в этом журнале под псевдонимами, из которых нам известен только один — «А. Питерский». Возможно, что в 1881 г. он печатал свои статьи под другими псевдонимами. Это предположение подтверждается следующим местом из воспоминаний Скабичевского:

«В течение всего 1881 года маленькие каморочки на заднем дворе одного из старых и грязных домов на Знаменской улице, заключавшие в себе редакцию и контору «Русского богатства», были преисполнены тоскливого уныния, царившего в сердцах заправил журнала, а заправилами только и были всего-навсего Бажин с супругою своею Серафимою Никитичной и я. Все прочие члены артели разбрелись кто куда, и вся тяжесть журнала лежала на нас троих» [13].

Таким образом, если в другом месте своих воспоминаний Скабичевский и утверждает, что артельное «Русское богатство» просуществовало два с лишним года, то здесь он подтверждает, что в 1881 г. артель фактически перестала руководить этим журналом.

Поэтому мы считаем правильным наше предположение, что с уходом Златовратского с поста редактора «Русское богатство» как артельное предприятие перестало существовать. Это дает нам основание ограничить пределы нашего исследования двенадцатью номерами «Русского богатства» за 1880 г. и тремя первыми — за 1881 г. Просмотр дальнейших номеров этого журнала за 1881 г. подтверждает правильность такого ограничения: с уходом Златовратского и других членов артели и с приходом в «Русское богатство» новых людей физиономия этого журнала значительно изменилась.

---

[13] А. М. Скабичевский. Литературные воспоминания, стр. 325.

Итак, артельное «Русское богатство» просуществовало всего лишь один год с четвертью. Выходило оно в виде книжек небольшого формата в 15—20 печатных листов. Каждый номер заключал в себе три раздела с особой пагинацией. В первом разделе помещались беллетристика и статьи на научные темы, главным образом, по общественным наукам. Второй раздел был посвящен публицистике, литературной критике, корреспонденциям и библиографическим заметкам и рецензиям. Наконец, третий раздел, гораздо меньший по размерам, чем два первых, носил название «Смесь». В нем мы находим ряд небольших заметок сатирического характера, фельетонов, пародий и т. п. По своему типу и задачам (но, конечно, не по талантливости) этот раздел отчасти приближался к знаменитому «Свистку», помещавшемуся в «Современнике» во времена Добролюбова и Чернышевского.

В беллетристическом отделе «Русского богатства» из членов артели принимали участие Златовратский, Засодимский, Глеб Успенский, Гаршин, Наумов, Скабичевский и Бажин.

Златовратский поместил рассказы: «Деревенский Лир» (№ 1 за 1880 г.), «Строгий» (из «Устоев», № 4 за 1880 г.) и один из своих «деревенских рассказов» (№ 9 за 1880 г.). Засодимский был представлен романами «Степные тайны» (№ 1—7 за 1880 г.) и «Семейное горе» (под псевдонимом «Г. Владимиров» в № 9—12 за 1880 г.), а также рассказом «Штабс-капитан Батурин» (№ 3 за 1881 г.). Глеб Успенский под своим обычным псевдонимом «Г. Иванов» напечатал серию очерков «С места на место» (№ 2, 5, 9 и 11 за 1880 г.). Гаршин, кроме упоминавшейся выше «Attallea Princeps» (№ 1 за 1880 г.), дал рассказ «Люди и война» (№ 3 за 1880 г.). Наумов был представлен рассказами «Кающийся» (№ 1 за 1880 г.), «Горная идиллия» (№ 5—7 за 1880 г.) и «Святое озеро» (№ 1 и 2 за 1881 г.). Что касается Скабичевского, то он напечатал в «Русском богатстве» повесть «Маленькая трагедия среди маленьких людей» (под псевдонимом «А. Питерский», в № 6—8 за 1880 г.). Эта повесть имела свою историю. В 1875 г. Скабичевский приготовил для «Отечественных записок» большой роман «из жизни 60-х годов» — «Было — отжило». Но в то время роман этот не мог быть напечатан из-за цензурных затруднений. Теперь Скабичевский

воспользовался случаем, чтобы сбыть с рук это свое завалявшееся произведение, предварительно значительно сократив его и изменив название. Наконец, Бажин (под псевдонимом «Хо-дов») с № 2 «Русского богатства» за 1881 г. начал печатание своего романа «Лицом к лицу», который растянулся на ряд номеров и закончился, когда артель перестала уже существовать.

Из беллетристов, не состоявших членами артели, в «Русском богатстве» участвовали: Терпигорев-Атава («Стриженые зайцы» из «Оскуднения», в № 8 за 1880 г.), сотрудник «Отечественных записок» Петр Волохов, давший очерк из быта петербургских рабочих «Безрукий» (№ 2 за 1880 г.), и В. И. Дмитриева, напечатавшая рассказ «Ахметкина жена» (№ 1 за 1881 г.). Другие беллетристические произведения, помещавшиеся в «Русском богатстве», подписаны или ничего не говорящими нам в настоящее время фамилиями (например, А. А. Чудновский, автор повести из еврейского быта «Вечный ученик», в № 3 и 4 за 1880 г.) или непроницаемыми — В. Е. — и другими.

Иностранная беллетристика была представлена переводами произведений Ришпэна, Уайлда, Эркмана-Шатриана, Альфонса Додэ и др. В ряде номеров печатались «Воспоминания ссыльного» Симона Майера, парижского коммунара, перенесшего ссылку в Новой Каледонии.

Среди стихотворений, помещенных в «Русском богатстве», мы находим произведения Ник. Курочкина, Л. Трефолева, А. Боровиковского, поэта-крестьянина Саввы Дерунова, А. Барыковой, П. Якубовича и неизвестных: Александра Арсеньева, В. Мака, К. О-лева, Я. Е. Егорова (подписывался «А. Я.») и др.

На научные темы в «Русском богатстве» писали Берви-Флеровский, В. В. Кончевский, Д. Коропчевский, Г. Потанин, Н. Русанов, Харламов, Ядринцев и др.

В отделе публицистики мы находим статьи Златовратского (Н. Оранский), Засодимского (Вологдин, В-л-н, П. З-ский), Кривенко (С. Н.), Протопопова (Горшков), Скабичевского (А. Питерский), Комарова и др. Многие статьи и заметки подписаны инициалами, не поддающимися расшифровке (А. Г., А. С., В. Г., В. Н. и др.). Литературно-критические статьи помещали Протопопов и Скабичевский. Ряд статей на литературные темы подпи-

сан псевдонимами: -ин, П-ий-м, Н.; кому принадлежали они — неизвестно.

Под псевдонимами же шли все статьи и заметки, печатавшиеся в отделе «Смесь». Среди авторов этого отдела наиболее интересен Л. Алексеев. В некоторых номерах он единолично составлял весь отдел «Смесь». Л. Алексеев не прекратил сотрудничества в «Русском богатстве» и по распадении артели. Нельзя не обратить внимания на разносторонность этого автора: помимо сатирических заметок, он писал стихи, рассказы, публицистические статьи и даже поместил одну статью по социологии. К сожалению, никакими сведениями о Л. Алексееве мы не располагаем [14]. Нам даже неизвестно, действительная ли это фамилия автора или псевдоним.

Помимо перечисленных выше авторов, в «Русском богатстве» принимали участие некоторые деятели революционного подполья. Известно, что в этом журнале была напечатана статья Г. В. Плеханова «Поземельная община и ее вероятное будущее» (под псевдонимом Г. Б. *** в № 1 и 2 за 1880 г.), о которой нам придется еще говорить ниже. Участвовал в «Русском богатстве» и известный народник А. И. Иванчин-Писарев. По свидетельству Русанова, он поместил в этом журнале статейку о пушкинском празднике в 1880 г. в Москве [15]. В «Русском богатстве» были напечатаны три статьи об этом празднике. Какая из них принадлежала перу Иванчина-Писарева, сказать трудно, вероятнее всего, «Думы по поводу пушкинского праздника», подписанные псевдонимом «Из деревни» (№ 6 за 1880 г.). Имеются указания на то, что в «Русском богатстве» сотрудничал знаменитый народоволец Н. И. Кибальчич. Этот факт удостоверяет Иванчин-Писарев в своих воспоминаниях о Н. К. Михайловском [16]. Однако проверить это указание Иванчина и, если оно справедливо, найти статьи Кибальчича невозможно, если он и писал в

---

[14] С. А. Венгеров собирался дать о нем заметку в своем словаре русских писателей и ученых, но почему-то не привел в исполнение своего намерения.

[15] Н. С. Русанов. На родине, стр. 259—260.

[16] Рассказав о плане Михайловского систематического использования революционерами легальных журналов, А. И. Иванчин-Писарев продолжает: «Я попал с Кибальчичем в артельный журнал «Русское богатство» и в «Слово»» (А. И. Иванчин-Писарев. Хождение в народ. М.— Л., 1929, стр. 291).

«Русском богатстве», то под каким-нибудь неизвестным нам псевдонимом или даже без подписи.

Ознакомившись с составом сотрудников «Русского богатства», мы убедились, что в этом журнале принимали участие многие из лучших и наиболее талантливых народнических беллетристов и публицистов. Тем не менее успеха среди публики «Русское богатство» не имело. Число его подписчиков выразилось в более чем скромной цифре — 700 [17]. Дело в том, что, несмотря на ряд интересных и ярких статей и беллетристических произведений, которые мы находим в артельном «Русском богатстве», журнал этот, если брать его в целом, не выходил из рамок посредственности. Вину в этом нельзя возлагать на тяжелые внешние условия, в которых находилась во времена царизма русская печать. «Русскому богатству» повезло в том отношении, что его выход совпал с началом пресловутой «диктатуры сердца» Лорис-Меликова, когда узда, наложенная на русскую печать, значительно ослабла.

«В течение 25 последних лет,— вспоминал позднее Кривенко,— я помню только одну кратковременную светлую полосу для литературы — это время Лорис-Меликова» [18].

По-видимому, хотя «Русское богатство» и было журналом подцензурным, цензура не очень преследовала его. Это не значит, конечно, что журнал не испытывал никаких придирок со стороны цензуры. Так, например, известно, что «Внутреннее обозрение», предназначенное для августовского номера «Русского богатства», было запрещено цензором на том основании, что в нем описывалось «безвыходное и бедственное положение» русского крестьянства [19].

Случались и другие придирки, но все же они не были настолько велики, чтобы исключительно ими можно было объяснить бесцветность «Русского богатства». Очевидно, основную причину ее надо искать в каких-то иных обстоятельствах.

В неудаче своего журнала должны были признаться сами члены артели. Один из них, А. М. Скабичевский,

---

[17] С. Н. Кривенко. Собр. соч., т. 1, стр. LI.

[18] Там же.

[19] В. Евгеньев-Максимов. Из истории «Русского богатства».— «Русское богатство», 1917, № 11—12, стр. 58.

в своих воспоминаниях пытается выяснить причину малой успешности и распространенности «Русского богатства».

«Подобного рода предприятие,— пишет он,— могло иметь успех, если бы во главе его стояли писатели, пользующиеся огромной популярностью, вроде Салтыкова, Толстого, Тургенева и т. п., если бы корифеи эти не ограничивались двумя-тремя произведениями в год, а являлись постоянными сотрудниками журнала. Правда, в объявлении, приложенном к первой книжке, были обещаны несколько очень почтенных имен. Но все это были далеко не такие, которые одни, самостоятельно, влекли бы за собой тысячи подписчиков. К тому же и эти писатели не имели никакой возможности постоянно, ежемесячно сотрудничать в журнале даром; существуя исключительно литературным трудом, все лучшее они пристраивали в толстые журналы, в которых их труды оплачивались более или менее щедро, по большей части вперед. Понятно, что в артельный журнал безвозмездно они могли давать по большей части лишь какой-нибудь завалявшийся хлам, да и под этим хламом многие из них не могли подписывать своих имен, будучи обязаны печататься исключительно в журнале, в котором они получали ежемесячное жалованье».

Далее Скабичевский указывает, что если в первых выпусках журнала встречаются еще «кое-какие недурные вещи известных писателей» — Гл. Успенского, Гаршина, Наумова и др., то к концу года фамилии этих авторов попадаются все реже, а в следующем году почти совсем исчезают со страниц «Русского богатства» [20].

Несомненно, что причина неудачи, постигшей артель писателей, отмечена Скабичевским в общем правильно. Их журнал не мог рассчитывать на большое число подписчиков при наличности двух старых и завоевавших симпатии публики журналов радикального направления — «Отечественных записок» и «Дела». Артель, не имевшая почти никаких средств и работавшая в расчете на доходы, которые определяются к концу подписного года, не могла выдержать конкуренции с издателями, обладавшими известным кругом постоянных подписчиков и обеспеченными в материальном отношении. Прав Скабичевский и тогда,

[20] А. М. Скабичевский. Литературные воспоминания, стр. 324.

когда он говорит, что «Русское богатство» не представляло собою ничего выдающегося в литературном отношении. Наряду с несомненно интересными и яркими вещами в нем печаталось много скучных и бездарных произведений, которых их авторам не удавалось пристроить ни в какой иной журнал.

Салтыков, по свидетельству Русанова, однажды сказал Кривенко:

«Да на кой прах, Сергей Николаевич, вы завели эту... водосточную трубу? Как кому приспичит, так сейчас бежит в ваше «Богатство». Этак и те из вас, кто умеет пока писать, совсем разучатся грамоте» [21].

Конечно, этот отзыв Салтыкова далек от полной объективности и беспристрастия. Такого сурового осуждения артельное «Русское богатство» не заслуживало. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить его хотя бы с тем же «Русским богатством», каким оно стало после распадения артели, когда редактирование его перешло к П. В. Быкову и когда интерес к этому журналу совершенно утратился.

Ознакомление с содержанием артельного «Русского богатства» покажет нам, что этот журнал, несмотря на все его недостатки, представляет значительный интерес и имеет несомненное значение для характеристики одной из стадий, пройденных русским народничеством в его развитии.

2

Profession de foi нового журнала, основная установка, которой он собирался придерживаться, определилась уже в № 1 — в обозрении русской жизни, написанном, как мы уже знаем, инциатором артели С. Н. Кривенко. По мнению Кривенко, русскому обществу необходимо обратить особое внимание на внутренние вопросы, так как от разрешения их зависит благосостояние страны. Правда, такой призыв как будто запоздал: в последнее время в нашей литературе и без того много говорилось о народе. Мы уже познакомились с внешней, экономической и бытовой сторонами его жизни. Это, конечно, очень важно, но этим одним не исчерпывается еще вся жизнь народа.

---

[21] Н. С. Русанов. На родине, стр. 231.

«Должно выяснить,— писал Кривенко,— те идеалы, которые носятся в народном сознании, те мысли и чувства, которые с большей или меньшей отчетливостью живут в народной массе. Должно указать, как видоизменялись эти идеалы под влиянием времени и исторических обстоятельств, в каких отношениях находятся эти идеалы к действительности и какие следы действительность в свою очередь кладет на них; должно указать, каким образом народная мысль, зародившись в тайниках народного миросозерцания, самостоятельно выработавшись, сталкивается с нашими культурными мероприятиями; и что происходит от такого столкновения» [22].

Таким образом, основная задача журнала, по мнению Кривенко, заключается в изучении народных, т. е. крестьянских, идеалов и их отражения в жизни народа. Это не значит, что журнал должен замкнуться в более или менее узкий круг русской жизни и отрешиться от всех вопросов, имеющих мировое значение. Это не значит, что он должен закрыть глаза на то, что происходит в Западной Европе.

«Мы можем не восторгаться западноевропейской цивилизацией, глядя на нее с точки зрения высокой справедливости и морали,— писал Кривенко,— мы можем находить основания этой цивилизации очень непрочными, а идеалы — далеко не блестящими. Но игнорировать, не интересоваться этою цивилизацией мы не можем уже по одному тому, что — какова бы она ни была — она добыта потом и кровью» [23].

Программа, кратко намеченная Кривенко, была подробно развита в большой статье официального редактора «Русского богатства» Н. Н. Златовратского — «Народный вопрос в нашем обществе и литературе» (№ 3, 5 и 6 за 1880 г.), напечатанной под псевдонимом «Н. Оранский».

Златовратский отмечает, что с некоторого времени в нашем обществе стало проявляться изменение в отношении к мужику. Если раньше мужик и его жизнь стояли на первом плане, приковывая к себе усиленное внимание общества, то теперь положение стало иным. Сделались обычными жалобы на то, что «мужик одолел», что во имя мужика ошельмован «культурный, благородный и

---

[22] «Русское богатство», 1880, № 1, стр. 87.
[23] Там же.

образованный человек». Такие жалобы доносятся со всех сторон. «Русскому богатству» приходится выступать «в самый разгар антимужицкой реакции в литературе». В подтверждение этого Златовратский ссылается на какого-то автора, который, предлагая редакции «Русского богатства» свой роман, счел нужным «клятвенно уверять, что в числе действующих лиц у него имеется *только один* мужик, да и тот в первой же части умирает» [24].

В чем же причина этой антимужицкой реакции? Кто виноват «в том полуотвращении, которое начинает питать к мужицкому вопросу общество»? По мнению Златовратского, вина в этом лежит на литературе, которая до сих пор смотрела на мужика с «беспринципностью». «Она,— пишет Златовратский,— никогда не была в состоянии подняться до того высокого синтеза, в котором мужик должен явиться логически неизбежным элементом в мышлении и сознании общества; она не могла внести в головы читателей идеи о кровной и неразрывной связи того и другого: она трактовала мужика по большей части только как «податную единицу», надельную душу, или, если и силилась говорить вообще о мужицкой душе, то в таких общих, славянофильско-туманных и бессодержательных фразах, что в уме читателя мужик опять-таки оставался чем-то посторонним, требующим постоянного гуманного сочувствия и содействия — и только» [25].

Нельзя сказать, что в этих рассуждениях Златовратского все вполне ясно. Его упрек по адресу литературы в том, что она относилась к мужику только как «податной единице», явно несправедлив, что несомненно сознавал и сам Златовратский. Не мог же он позабыть о всем том, что за предшествовавшие 20—25 лет сделано в литературе по изучению всех сторон крестьянской жизни, не только бытового и экономического положения крестьянства, но и его обычаев, верований, морали, одним словом, всего того, что укладывалось народниками в их излюбленную формулу «народных идеалов». Но этого мало: неясно было и то, что именно требует Златовратский от литературы, как он представляет себе тот «высокий синтез» с мужиком в качестве его «неизбежного элемента», о котором он говорил. По-видимому, у самого Златовратского не было полной

[24] «Русское богатство», 1880, № 3, стр. 26.
[25] Там же, стр. 27.

ясности на этот счет. В конце же концов, если расшифровать рассуждения Златовратского, то они сведутся к старой, обычной для всех народников идее об оторванности русской интеллигенции от народа и о необходимости для первой из них «слиться» с последним. Таким образом, вопреки мнению Златовратского, ничего нового он не сказал, а ограничился очередной вариацией на старую, изъезженную народниками вдоль и поперек тему. Это становится вполне ясным из дальнейших рассуждений Златовратского.

По его мнению, перед русским обществом стоит дилемма: или интеллигенция должна будет всецело слить свои идеалы и интересы с общинными интересами и идеалами народа, или же, наоборот, взять народ под свою опеку и заставить его принять те бытовые формы, в которых жило и исторически развивалось культурное общество. Вот два возможных, взаимно исключающих друг друга выхода. Никакого компромисса тут быть не может. Самая наличность «народного вопроса» коренится в одновременном существовании двух непримиримо враждебных друг другу начал. Надо выбирать один из двух принципов: или наш крестьянской общинный принцип, или западноевропейский буржуазный принцип.

Вряд ли можно хоть на минуту сомневаться в том, какой из этих принципов выбирает сам Златовратский.

«Мы,— пишет он,— признаем общину в ее полном объеме, со всеми ее логическими последствиями и исключаем всякие шатания, выверты и компромиссы... Мы пламенно желаем ее санкционирования и охраны в ее основных принципах... *Мы... желаем протекционизма для общины*» [26].

Во всех этих рассуждениях Златовратского о двух принципах и их непримиримости по существу нет ничего нового. Он ограничивается повторением того, что давно уже на все лады твердили ортодоксальные народники. Новое появляется в рассуждениях Златовратского тогда, когда он переходит к вопросу о том, почему до сих пор интеллигенции, несмотря на ее пламенное желание, не удалось «слиться» с народом. В самом деле, уже давно в русском обществе стали раздаваться голоса о необходимости уничтожить пропасть, разделяющую интеллигенцию от народа.

[26] «Русское богатство», 1880, № 3, стр. 30—31. Курсив Б. Козьмина.— *Ред.*

Уже давно был провозглашен призыв к интеллигенции раствориться в народном море, воспринять «народные идеалы», зажить той жизнью, какой живет народ. Почему же все эти призывы оставались безрезультатными? Разве не делала интеллигенция неоднократно попыток «слиться» с народом? Почему же эти попытки до сих пор не увенчались успехом? Может быть, самая идея народников была ошибочна?

Нет, отвечает Златовратский на эти вопросы. Народники действительно ошибались, но это была ошибка не в самой идее, а только в «применении» ее.

«Когда перед интеллигентным человеком,— говорит Златовратский,— открылась возможность броситься в безбрежную стихию народной жизни,— он не предполагал того неизмеримого *несоответствия,* какое существовало между теми средствами, какими в данный момент обладал он в качестве интеллигентного человека, и необозримым морем сложного социального процесса народной жизни. Едва интеллигентный человек погрузился в эту стихию, как он моментально *растворился* в ней, потерялся, исчез; стихия поглощала его мгновенно — без пользы для себя, безрезультатно — для него. Он ни на одно мгновение не задержал могучего течения, ни на пядень не в силах был дать ему другое направление, хотя и жутко чувствовал, что это море *народного труда* катило свои волны в бездонную пропасть и все глубже и глубже рыло ее... Интеллигентный человек... забыл, что он не больше как ничтожный пигмей в сравнении с этим океаном, что его вооружение — картонный донкихотский меч и картонные латы; он не понял, что те орудия, те средства, которые были у него достаточны для борьбы с темным царством среди своей семьи, своего общественного муравейника, *за свою* только личность, за *свою* шкуру,— ничтожны и призрачны в борьбе за «народное дело». В своем общественном муравейнике ему достаточно было, конечно, провозгласить принцип *труда* и науки и противопоставить его условиям темного царства — крепостничеству, семейному и общественному гнету: в качестве учителя или учительницы, доктора или акушерки, механика или инженера, адвоката или судьи, литератора или земского деятеля — он легко завоевывал себе относительную личную свободу от посягательства на нее темного царства. Но когда он *только*

в качестве этих поименованных «свободных профессий» явился в народную стихию и возмечтал поднять на свои плечи «бремя народного горя», ему оставалось только или захлебнуться самому в волнах этого народного горя, или... навеки отказаться от «слияния» своих интересов с интересами народа и перейти безвозвратно и без колебаний в «стан ликующих, праздно болтающих, обагряющих руки в крови»... Пусть... *сознает, наконец, интеллигенция, что никогда ей не сделать ничего для «народного вопроса», пока она не решит прежде всего свой вопрос, вопрос интеллигенции, вопрос о правах ума и образования, пока не вооружится она орудиями, соответствующими той великой задаче, какую* она хочет поднять» [27].

«Мы, народники, мы, последовательные общинники, мы, которых преимущественно зовут народолюбцами,— говорит Златовратский в заключение своей статьи,— мы заявляем, что прежде «народного вопроса» должен быть разрешен «вопрос интеллигенции»: *вопрос об элементарнейших правах умственного и образовательного ценза.* Только свободная интеллигенция во всеоружии своих прав и свободной мысли может слить свои интересы с интересами народа и смело и плодотворно взяться за решение задач, логически неизбежно назревших для нашего поколения... «Народный вопрос» был и есть у нас «вопрос интеллигенции». В этом вся суть. Обойти этого положения невозможно. Только свобода и признание прав интеллигенции могут быть гарантией быстрого и плодотворного решения «народного вопроса»» [28].

Итак, интеллигенция заинтересована в правовом обеспечении ее личности, в политических свободах. Вот то новое,— хотя и не оригинальное, что сказал Златовратский по «народному вопросу». В старое время, в первой половине 70-х годов, народники равнодушно и даже враждебно относились к вопросу о политическом освобождении, о правовых гарантиях неприкосновенности и свободы личности. Все это представлялось им буржуазной скверной. Наиболее последовательные из них сознательно и преднамеренно отрекались от всякой мысли о политических свободах и доходили до знаменитой формулы: пусть секут —

---

[27] «Русское богатство», 1880, № 6, стр. 17—19.

[28] Там же, стр. 20. Курсив Б. Козьмина.— *Ред.*

мужика же секут. Но времена изменились. Опыт хождения в народ не пропал даром. Те репрессии, которыми ответило правительство на попытки народнической интеллигенции «слиться с народом», научили многому. В подполье они привели к расколу в народническом лагере, к образованию партии «Народная воля», поставившей своей первоочередной задачей борьбу за политическое освобождение. Те идейные процессы, которые развивались в подполье, как мы видим из статьи Златовратского, отразились и в легальной народнической литературе. Вот почему мы и сказали, что в его новизне не было оригинальности. Тот очередной манифест легальной части народничества, каким была статья Златовратского, становится понятным только на фоне развития революционной борьбы того времени. Это было эхо, повторившее призывы подполья.

Статья Златовратского вызвала ряд откликов в современной прессе. Буржуазный либерал Леонид Полонский в своей газете «Страна» приветствовал статью Златовратского, видя в ней доказательство того, что народники становятся «либералами и больше ничего». «Нашего полку прибыло»,— восклицал Полонский.

«Нельзя не признать, что г. Полонский вполне прав, записав народников „Русского богатства" в свой либеральный полк»,— писала «Неделя» (№ 31 за 1880 г., статья «Что такое народничество?»), представительница оппортунистического оттенка народничества. В статье Златовратского «Неделя» усматривала отречение от народнических идеалов, выразившееся в подмене «вопроса о народе» — «вопросом об интеллигенции».

«Народ ждет от нас удовлетворения своих нужд,— писала «Неделя»,— а мы говорим ему: отстань, не до тебя! дай прежде возможность гг. Полонскому, Краевскому и др. стать на страже... общественной безопасности и здравых идей» [29]. По мнению «Недели», у интеллигенции нет и не может быть интересов особых, самостоятельных. Ее интересы совпадают с интересами народа и вследствие этого растворяются без остатка в них.

В противовес «Русскому богатству» «Неделя» выдвигала следующие два тезиса, в которых, по ее мнению, заключено истинное содержание народничества.

---

[29] «Неделя», 1880, № 31, стр. 982.

Во-первых: «Только коллективная мысль народа может безошибочно определить, что должно считаться практической общественной задачей нашего времени и каково должно быть ее разрешение».

И во-вторых: «Народник ценит коллективную мысль именно потому, что убедился в ее согласии со своими собственными идеалами... Задача интеллигенции состоит в том, чтобы возвести в принципы те указания и стремления народа, которые с точки зрения ее идеала оказываются прогрессивным явлением народной жизни» [30].

«Вот те раз! — отвечал на это В. К. Лаврский на страницах журнала «Мысль» (№ 9 за 1880 г., статья «Народники и Достоевский, бичующие либералов»),— этого мы уже никак не ожидали. Ведь если народнику приходится выбирать желания и стремления народа с точки зрения интеллигентского идеала, то может оказаться, что из всей массы стремлений и желаний народа к этому подойдут два-три стремления, с которыми согласны и либералы, а все остальное окажется враждебным интеллигентному прогрессивному идеалу. Но какое же это народничество! «Что у тебя мне нравится — я возьму, а что не нравится, с тем ты проваливай дальше и добивайся этого сам как знаешь!»».

И далее Лаврский вполне правильно указывал на ясное противоречие в положениях, выдвинутых «Неделею». С одной стороны, она признает *безошибочность* коллективной мысли, а с другой — предоставляет интеллигенции по своему усмотрению *отбирать* одни из стремлений народа и отбрасывать другие.

Для Лаврского точка зрения «Недели» столь же неприемлема, сколько и манифест Златовратского. По его мнению, их народничество одинаково ложно и непоследовательно. Они только притворяются народниками и ничем не отличаются от либералов, желающих, чтобы народ шел по их указке.

«Но есть народники иного сорта,— пишет он,— народники более последовательные... Представителем этого сорта народников является г. Достоевский. Он тем и отличается от народников-западников и от народников-либералов, что берет народ конкретный, как он есть, со всем, что

---

[30] «Неделя», 1880, № 31, стр. 986.

в нем симпатично и не симпатично западноевропейскому либерализму, и этот конкретный народ ставит идеалом интеллигенции»[31].

Если «Неделя» представляла собою народничество, начавшее скатываться в болото оппортунизма и национализма, то в лице Лаврского мы встречаем любопытный тип народника, уже скатившегося в это болото и не без удобства расположившегося в нем.

«В этом широком течении,— писал в 1897 г. Ленин о народничестве,— есть самые различные оттенки, есть правые и левые фланги, есть люди, опускавшиеся до национализма и антисемитизма и т. п., и есть люди, неповинные в этом»[32].

Как мы видим из вышеизложенного, эти различные оттенки существовали в народничестве не только в конце 90-х годов, но и в самом начале 80-х.

Вполне понятно, что «Русское богатство» не могло обойти молчанием похвалу «Страны» и нападки «Недели» и «Мысли». На них оно ответило статьей Л. Алексеева «Почему вскипел бульон и почему мы теперь только обращаем на это внимание», помещенной в № 12 «Русского богатства» за 1880 г.

Прежде всего надо было отмежеваться от либералов «Страны». «Мы не единомышленники с «Страной», а противники»,— заявил Алексеев. Против общего врага эти противники готовы соединиться для совместной борьбы, но их союз — временный.

«Если мы вместе едем в Москву, где вы остановитесь, а я поеду дальше, в Саратов,— писал Алексеев, отвечая Полонскому,— то это вовсе не значит, что я еду в Москву, как и вы: я еду в Саратов, а в Москве буду лишь проездом. Фраза в конце статьи Оранского означает лишь то, что мы — преимущественные народники, некогда считавшие свои пути диаметрально противоположными путям либералов, теперь думаем, что до известной границы и в известной мере эти пути тождественны. Нам с либералами по дороге, но цели у нас разные, а в них вся суть. Там, где либералы скажут: мы достигли своего, почием на

---

[31] Л. О. Народники и Достоевский, бичующие либералов.— «Мысль», 1880, № 9, стр. 87—89.

[32] В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 496—497.

лаврах,— мы скажем: первая ступень пройдена, наша цель — еще далеко впереди»[33].

Несогласен Алексеев и с теми упреками, которые были сделаны «Русскому богатству» «Неделей». В отличие от последней Алексеев полагает, что между интересами народа и интересами интеллигенции нет и не может быть никакого противоречия, никакого расхождения. «Интеллигенция,— пишет он,— настоящая интеллигенция не может быть себялюбивой, не может не быть другом и радетелем народа». Народ, по мнению Алексеева, не всегда ясно сознает свои интересы. В его миросозерцании наряду с хорошими сторонами имеются и темные. Интеллигенция должна прийти на помощь народу.

«Дайте народу свободу слова,— говорит Алексеев — он... будет бессильно биться в потемках теологии и телеологии». Это не значит, что свобода слова народу не нужна. Но «свобода слова принесет народу благо только тогда, когда, пользуясь ею, к нему явится интеллигентный, критически мыслящий субъект и внесет к нему яркий факел положительного знания и дух положительного мышления. Это единственный путь, коим свобода слова может проявить свое благодетельное влияние. Но ведь это и есть свобода слова для интеллигенции»[34].

Как видим, Алексеев твердо стоит на той точке зрения, на которую стал Златовратский. Он подчеркивает необходимость политической свободы и, следовательно, политической борьбы. Однако провести эту точку зрения последовательно «Русскому богатству» не удалось. От прежних предрассудков, от былого недоверия к политической свободе народнику не легко было отделаться.

В тот самый момент, когда «Народная воля» напрягала все свои усилия для того, чтобы нанести царизму последний, смертельный, как ей казалось, удар, в январе 1881 г. «Русское богатство» заговорило с недоверием о том значении, какое «освобождение личности и ее развития от гнета государства» может иметь для улучшения участи народа. А. Комаров в «Хронике внутренней жизни» счел нужным указать, что политическое освобождение «может повести не к радикальному исцелению русского общества от всех зол, а, напротив, к еще большему осложнению болезни».

[33] «Русское богатство», 1880, № 12, стр. 74.
[34] Там же, стр. 61.

В этих опасениях Комарова мы находим рецидив старонароднического страха перед политической свободой, которая может оказаться выгодной только для буржуазии и тем самым принести вред народу. Эту старую народническую идею Комаров обосновывает при помощи тех же самых аргументов, которые приводились в подтверждение ее народниками первой половины 70-х годов. Он указывает, что в условиях существующего экономического гнета, лежащего на народе, освобождение юридическое еще не приведет к освобождению фактическому, что народ фактически будет лишен возможности пользоваться «расширением общественных льгот» [35]. Того значения, которое политическая свобода может иметь для борьбы за экономическое освобождение трудящихся, Комаров не понимает. Самая мысль о таком значении политической свободы чужда ему.

Чтобы политическая позиция, занятая «Русским богатством», была совершенно ясна, необходимо остановиться еще на отношении этого журнала к национальному вопросу вообще и в частности — украинскому. Известно, что 70-е годы были временем расцвета так называемого украинофильства. Вопрос о правах украинской национальности и о возрождении украинской культуры был поставлен в порядок дня, и «Русское богатство» не могло не отозваться на него. Ответ на этот вопрос оно дало в статье Л. Алексеева «Что такое украинофильство?», помещенной в № 2 «Русского богатства» за 1881 г. Ответ был резко отрицательным. По мнению Алексеева, украинское движение — явление, не имеющее реальных корней в действительных нуждах населения Украины. Обосновывая свою точку зрения на украинофильство, Алексеев высказал несколько соображений о значении национального вопроса вообще, и эти собpажения представляют значительный интерес для характеристики народничества того времени.

«Украинофилы — сторонники свободного и нестесненного развития и проявления малорусских национальных свойств,— пишет Алексеев.— Но ведь, кроме этих национальных особенностей, за которые распинается украинофил, у малоросса есть еще брюхо, и притом пустое.

---

[35] «Русское богатство», 1881, № 1, стр. 41—42

голодное — особенность уже не национальная, а общечеловеческая. Украинофил, если только он не абсолютный индеферентист, должен понимать, что удовлетворение первых материальных нужд *важнее развития национальных особенностей*... В наше время, когда экономические вопросы обострились и выступили на первый план, когда их премирующее значение признано почти всеми, только то или иное отношение к этим вопросам может определять партии» [36].

Поскольку на Украине крестьянство продолжает еще пользоваться украинским языком, постольку Алексеев не возражает против введения преподавания на этом языке в народных школах и против создания украинской литературы для народа. Для интеллигенции же этот язык и эта литература не нужны.

«На малорусском языке,— говорит Алексеев,— она не сумеет выразить понятий, доступных современному интеллигентному человеку; всякий образованный малоросс в совершенстве знает русский язык и без труда может пользоваться русской литературой. Что сказали бы вы о человеке, который в наши дни вздумал бы перевести на малорусский язык, ну, хоть бы сочинения Щедрина, Левитова, «Социологию» Спенсера, «Геологию» Ляйеля?... Вы назвали бы его сумасшедшим» [37].

Ошибка украинофилов заключается, по мнению Алексеева, в том, что они преувеличивают значение национальных отличий. Они не понимают того, что в наше время существование или исчезновение этих отличий «ни малейшим образом не влияет на развитие и удовлетворение коренных, существенных духовных и материальных нужд человеческой личности... Тот путь, на который стало человечество, овладев паром, электричеством, книгопечатанием, фатально, неизбежно ведет к уничтожению национальных различий, к слитию национальностей в одно целое».

Вот почему Алексеев полагает, что «возрождение малорусской народности вовсе не нужно». Мало того, оно даже вредно. Оно идет вразрез с направлением нашей эпохи. Украинофильство — движение ретроградное, оно стре-

---

[36] «Русское богатство», 1881, № 1, стр. 27. Курсив Б. Козьмина.— *Ред.*

[37] Там же, стр. 37.

мится вернуться вспять, не обращая внимания на нужды жизни и на ход событий»[38]. Оно отвлекает здоровых и мыслящих людей от «служения тем великим задачам, которые поставлены перед нами историей и которые требуют всего нашего внимания»[39].

Статья Алексеева — яркий пример той путаницы, которая царила в головах народников, или, по крайней мере, части их, относительно национального вопроса. Вслед за Прудоном, отрицавшим национальный вопрос «во имя социальной революции» и на этом основании занявшим в 1863 г. враждебную позицию по отношению к происходившему тогда польскому восстанию, Алексеев пытается критиковать украинофилов с точки зрения «интернационализма», доказывая, что принцип национальности потерял в настоящее время всякое значение. Алексеев не понимал того, что «во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями», что на известном историческом этапе национальное движение, влекущее за собою поднятие культурного уровня угнетенных народностей, является фактом, способствующим «свободной и широкой группировке населения по всем отдельным классам»[40].

Ошибка Алексеева неслучайна, как неслучайной была и ошибка Прудона. Эта ошибка характерна для общественного класса, выразителем интересов которого они выступали. Мелкие товаропроизводители, занимая промежуточное положение в современном обществе, по самой природе своей осуждены на постоянные колебания между лагерем буржуазии и лагерем пролетариата, между революцией и реакцией, между интернационализмом и национализмом. Вот почему в аргументации Алексеева наряду с интернационалистическими нотками порой нам слышен голос великорусского шовиниста. В эпоху первой нашей революции многие доводы, приведенные Алексеевым против украинофильства, были почти дословно повторены великорусскими реакционерами и националистами. Они,

---

[38] «Русское богатство». 1881, № 2, стр. 40.

[39] Там же, стр 44. Статья Алексеева вызвала возражение со стороны М. П. Драгоманова, напечатанное под псевдонимом М. Петрик в № 11 «Русского богатства» за 1881 г.

[40] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 368.

подобно Алексееву, рассматривали украинское движение, как пустую выдумку кучки интеллигентов и уверяли, что возрождение украинского народа немыслимо и «никому не нужно».

3

«Внутреннее обозрение» Кривенко, статья Оранского — Златовратского, ответ Алексеева критикам «Русского богатства» познакомили нас с общей установкой, которой придерживался этот журнал. Мы видели, что это был орган «последовательных народников», ставивших себе в особую заслугу «преимущественное народолюбие». Мы видели также, что эти последовательные народники вынуждены были отойти в весьма важном вопросе о значении политической борьбы от старой позиции правоверного народничества. Наряду с этим мы убедились, что такой отход давался «последовательным народникам» нелегко. Старые взгляды до некоторой степени продолжали сохранять над ними власть, и это сказалось на направлении их журнала как в публицистической, так и в беллетристической его части.

Беллетристика «Русского богатства» занята преимущественно изображением крестьянской жизни, причем изображение это носило специфический характер. Про руководителей этого журнала можно в общем повторить то, что Плеханов однажды остроумно сказал про народника вообще: «Он твердо убежден, что беллетристика должна дать ему лишний случай поблагодарить историю за счастливую самобытность русского народа» [41]. У беллетристов «Русского богатства», как и вообще у беллетристов-народников, преобладают, говоря словами того же Плеханова, «кисло-сладкие изображения исконных, вековых добродетелей крестьян-общинников» [42]. Народники «Русского богатства» убеждены в том, что деревня воспитывает в крестьянине особое чувство братской солидарности, недоступное для других общественных классов. Крестьянин, перенесенный в условия городской жизни, на фабрику и завод, утрачивает это мирское чувство и поддается «разлагающему влиянию индивидуализма».

В этом отношении характерен очерк П. Волохова «Безрукий». «Когда крестьянин, проникнутый принципом

[41] Г. В. Плеханов. Соч. т. X, стр. 58, М., 1927—1936.
[42] Там же, стр. 67.

круговой поруки,— пишет Волохов,— приезжает в первый раз в столицу, он оставляет за собой на дебаркадере железной дороги поговорку: «друг за дружку, а бог обо всех»; становясь рабочим и втягиваясь понемногу в заводскую жизнь, он силою обстоятельств окружающей обстановки принуждается изменить поговорку эту на другую — «сам о себе, а бог, может быть, обо всех» или «моя хата с краю, ничего не знаю» [43].

Как мы видим, Волохову совершенно чуждо сознание того, что завод является лучшей школой классовой солидарности.

Народники «Русского богатства» знают, конечно, что в деревне можно найти немало таких фактов, которые стоят в полном противоречии с их идеализированным представлением о деревне. Однако подобные факты они рассматривают как явления, чуждые деревне, принесенные в нее извне, такие, от которых при добром желании не будет особого труда освободиться. К числу таких явлений относится, например, кулачество.

В рассказе Наумова «Кающийся» выведен раскаявшийся кулак. Когда-то он был «первеющим в округе богачом», потом разорился. «Много богатых мужиков у нас в округе,—рассуждает этот экс-кулак,—а спроси, откуда взялось это богатство? Сколько нищих ходит по миру, чтобы усчастливить их и предоставить им избытошную жизнь, и ты узнаешь, как даются им эти богатства! Такой и я был. Воры они, плуты они непокаянные, и придет тот час, что бог и их накажет и отнимет у них все, как и у меня отнял».

Откуда же взялся в деревне кулак? И чем он держится? Герой рассказа Наумова считает, что в этом виновато исключительно «неразумие» самих крестьян. Связь кулачества с переходом деревни от натурального хозяйства к денежному неясна Наумову настолько же, насколько и изображенному им раскаявшемуся кулаку.

Крестьянство идеализируется не только беллетристами, но и публицистами «Русского богатства». Особенно характерна в этом отношении статья Харламова «Женщина в русской семье» (№ 3 и 4 за 1880 г.), посвященная доказательству того, что городская цивилизация, проникая в деревню, влечет за собой «принижение женской личности»

---

[43] «Русское богатство», 1880, № 2, стр. 115.

и «порчу женского типа в его нравственной основе». Общинной деревне, где в основу семейных отношений положены «любовь и совет», где женщина пользуется полным равноправием с мужчиной, Харламов противопоставляет культурное общество, в котором женщины «даже в лучших экземплярах!» являются *«только рабынями* и ничем больше».

«Община как экономическая единица, имеющая целью полное по возможности и равное удовлетворение потребностей всех своих членов, отражается и на организации семьи общинника. В семье господствует равенство, нет злоупотреблений мужней и отческой властью, потому что господство одной личности над волею и личностью другой противоречило бы общему началу общинной жизни». Харламов убежден в том, что в деревне, «благодаря этому широкому проявлению общинного равенства, благодаря условиям, ограждающим личность от подчинения и гнета, этой личности дается тем самым полная возможность к свободе развития» [44].

Со статьей Харламова, с его верой в свободу женской личности и в равноправие женщины в деревне интересно сопоставить рассказ Т — Z «Самосуд», напечатанный в № 6 «Русского богатства» за 1880 г.

Героиню этого рассказа, — крестьянку Аксинью, ее односельчанки заподозрили, совершенно неосновательно, как потом выяснилось в краже полотна у одной из соседок.

«Обвязали Аксинью холстами всякими и повели по деревне... Ведут ее по деревне, в сковороды бьют и в ноги всем, у кого когда холст какой потерялся, кланяться велят. Иная баба и нивесть когда что потеряла, а и той кланяйся. И всякая баба ее бьет и стыдит и в глаза плюет, а коя еще простить не хочет да издевается всячески...

Натешились бабы. Вконец просмеяли Аксинью. Мужикам тешиться черед пришел. Только отложили этот черед до воскресенья до праздника, значит, до свободного дня, чтобы вволю уж».

В воскресенье Аксинью раздели донага и запрягли в телегу, а мужа ее, с которого предварительно вытребовали ведро вина на угощение «мира», посадили в телегу, дали ему кнут и велели править: «Пожалуй, кати под гору».

---

[44] «Русское богатство», 1880, № 4, стр. 107—108.

«Уж и смеху же было! Бабы, мужики,— все, значит, за телегой, толкают ее и съехали с горы таким манером».

Когда Аксинью выпрягли и освободили, она, не помня себя от пережитых издевательств, бросилась прямо к колодцу — и вниз головой в него. Кое-кто из крестьян хотел достать ее из колодца и попытаться спасти, но староста остановил: «Нельзя! — говорит.— Пусть до станового так будет. Беды еще наживешь, как вынешь»[45].

Читатель «Русского богатства» имел полное основание спросить редакцию, как примирить этот рассказ о печальной судьбе Аксиньи с идеализированным изображением женской доли в деревне, данным Харламовым. Ответ на этот вопрос был очень труден для правоверного народника: приходилось или закрывать глаза на темные стороны деревенской жизни (что, как известно, многие из народников и делали), или же признать, что в деревне далеко не все обстоит благополучно, как следовало бы ожидать по народнической теории. Известно, что именно на этом-то вопросе народничество 70-х годов и разбилось на два различных направления: на народничество оптимистическое, принимавшее за идеал деревню полностью, как она есть, и на народничество критическое, начавшее отличать «мнения» народа, для критически мыслящих интеллигентов не обязательные, от «интересов» народа, которые должны быть высшим руководящим принципом, направляющим всю деятельность интеллигенции.

Сотрудники «Русского богатства», за немногими исключениями вроде Харламова, были ближе к народничеству критическому, чем к оптимистическому. Точка зрения «Русского богатства» на вопрос о «народных идеалах» и «народных началах» яснее всего была выражена М. Протопоповым в статье «Проповедник нового слова» (№ 8 за 1880 г.), посвященной знаменитому выступлению Достоевского на пушкинском празднике в Москве.

«Ах, эти народные начала, народные начала!...— писал Протопопов.— В самом деле, пусть укажут нам точную формулу этих начал, формулу настолько общую, чтобы она выразила собою не местные и временные только, а постоянные и действительно народные начала? И где, в чем искать выражения этих начал? В бытовых формах? В обычном праве? В экономическом строе? Сильно сомневаемся,

45 «Русское богатство», 1880, № 6.

чтобы в любой из этих сфер можно было отыскать начала, общие всему русскому народу, от Перми до Тавриды, а еще более сомнительно, чтобы какие бы то ни было народные начала могли претендовать на неприкосновенность только потому, что они — начала *народные*. Наши западники... понимали это прекрасно, несравненно лучше славянофилов, и, например, защищали общину не потому, что это исконно-русская норма земледелия, а потому, что она удобнее, полезнее, справедливее, по их мнению, нежели форма подворная»[46].

С точки зрения Протопопова, «наш народ, оставаясь в стороне от культуры, успел сохранить в себе те альтруистические инстинкты, благодаря которым человек способен «класть душу свою за друга своя»». Этим он обязан общинному строю своей жизни. Но этот же строй, подавляя развитие индивидуальности, привел к тому, что в народе не выработалось «сознание личности» (как видим, в этом пункте Протопопов коренным образом расходится с Харламовым). «В этих двух обстоятельствах,— говорит Протопопов,— его сила и его слабость, его превосходство над нами и наше превосходство над ним». «Наша грязь к нему не пристала, точно так же, как наши драгоценные завоевания — наше самосознание, наша возмужавшая критическая мысль и т. п. для него пока совершенно недоступны».

Интеллигенция в отличие от народа проникнута высоким сознанием прав своей личности, но зато она «утратила естественное чувство своей солидарности с обществом». Она больна чрезмерно развитым индивидуализмом.

Отсюда — необходимость синтеза, такого синтеза, который слил бы в одно органическое целое тип «общинника» с типом «индивидуума» и сгладил бы «резкую обособленность культурного человека и обезличенность общинника»[47].

С точки зрения необходимости такого синтеза Протопопов подходит к вопросу о «западных учреждениях» (так из цензурных соображений приходилось ему обозначать вопрос о политической свободе).

«Должны ли мы,— спрашивает Протопопов,— игнорировать западные учреждения, потому что они — допустим

[46] «Русское богатство», 1880, № 8, стр. 14—15.
[47] Там же, стр. 17—18.

это — завтра же рухнут, или же в них все-таки, несмотря на их близкую кончину, есть много поучительного для нас?».

«Если учреждениям Западной Европы действительно суждено рухнуть,— отвечает на поставленный им вопрос Протопопов, оговариваясь, что он имеет в виду учреждения *не экономические*,— то отнюдь не в смысле уничтожения выражаемых ими основных принципов, а лишь в смысле большого практического распространения этих принципов, в смысле, так сказать, их демократизации» [48].

С этой точки зрения Протопопов и подходит к оценке выступления Достоевского, потрясающий успех которого может быть объяснен, по его мнению, только как «колоссальное недоразумение, недопонимание». Критерий «самобытности», выдвинутый Достоевским, не выдерживает критики.

«Не то хорошо, что «самобытно»,— пишет Протопопов,— а то, что полезно, честно и для всех благотворно. А понятие «самобытности» отнюдь не заключает в себе этих понятий. Лучше быть умным, добрым, счастливым, как все, нежели тупым, злым и нечестным, как никто» [49].

Полезность, честность и благотворность для всех — таков критерий, при помощи которого Протопопов хочет примирить друг с другом различные общественные группы, национальности и классы.

«Для нас,— пишет он,— нисколько не затруднительно указать на такие интересы, которые одинаково близки и дороги поляку и русскому, и фабриканту, и фабричному: это — интересы развития в людях идей правды и добра, интересы общего развития и просвещения, интересы справедливости и для всех доступного и для всех безобидного благосостояния» [50].

Если Протопопов и другие народники «Русского богатства» отрицали критерий самобытности, то это еще не означало, что, по их мнению, развитие России должно идти тем же самым путем, каким шло развитие западных стран.

Народническая мысль усердно билась над разрешением вопроса о том, должна ли Россия стать капиталистической страной или же в отличие от Запада она перейдет непо-

---

[48] «Русское богатство», 1880, № 8, стр. 28.
[49] Там же, стр. 8.
[50] Там же, стр. 14.

средственно к более высоким и совершенным формам социально-экономической жизни. Мечтая избежать ужасы западного капитализма с его «язвой пролетариата», народники все свои надежды возлагали на существующий в русской деревне общинный строй.

Вопрос о путях развития России имел для народников настолько важное значение, что «Русское богатство», конечно, не могло не высказать своего мнения относительно него. И действительно, неоднократно артельный журнал возвращается к этому вопросу. Уже в первом номере ему было посвящено две статьи: Н. С. Русанова «Проявления капитализма в России» и Г. В. Плеханова «Поземельная община и ее вероятное будущее» [51].

Авторы этих статей по-разному ставили вопрос о путях развития России и по-разному отвечали на него. Будущий марксист Плеханов выступал как правоверный народник; будущий эсер Русанов в то же время находился под сильным влиянием идей Маркса и считал себя его учеником и последователем. Начнем со статьи последнего.

Русанов отгораживался как от народников, питавших непоколебимую уверенность в прочности русского общинного строя и полагавших, что в России нет никаких оснований бояться наступления капитализма, так и от русских «марксистов», которые в приближении капитализма усматривают неизбежное «выражение всеобщего закона человеческих обществ» и вследствие этого убеждены, что России не миновать его. Трудно определить, кого именно имел в виду Русанов, когда он в 1880 г. говорил о русских «марксистах». По-видимому, его аргументация была направлена против Н. И. Зибера, выступавшего в то время в литературе в качестве ученика Маркса и высказывавшегося за неминуемость капитализма.

Русанов находил, что русские марксисты не понимают учения Маркса и извращают его, сближая его идеи с идеями тех буржуазных экономистов, которые верят в существование всеобщих и неизменных для всех народов и времен социальных законов, т. е. тех самых экономистов, взгляды которых подверглись уничтожающей критике со стороны Маркса. В отличие от критикуемых им русских

---

[51] Обе эти статьи не были закончены в № 1; окончание их перенесено в № 2.

марксистов, сам Русанов полагает, что идеи Маркса «имеют значение законов только в применении к обществам, экономические отношения которых аналогичны или имеют явную тенденцию перейти в аналогичные с экономическими отношениями Европы»[52].

Русанов прав в одном пункте. Учение Маркса действительно не имеет фаталистического характера. Маркс не исключал возможности внекапиталистического развития. Однако он допускал его только при наличности определенных условий (победа пролетариата в более развитых в экономическом отношении странах). Между тем эту сторону вопроса Русанов упускал совершенно из вида критикуя русских марксистов.

Оспаривая веру наивных народников в то, что община спасает Россию от капитализма, Русанов, вслед за сим, сам делал еще одну ошибку, показывающую, как недостаточно он понимал взгляды Маркса, последователем которого он себя считал. Он высказывал убеждение, что общинный строй может разлагаться исключительно под влиянием враждебных ему воздействий со стороны. По его убеждению в самой общине не происходит и не может происходить никаких внутренних процессов, следствием которых явится гибель общины. Другими словами, зародыши разложения носятся не в атмосфере самой общины, а «в атмосфере междуобщинных сношений»[53]. Эта точка зрения, не имеющая ничего общего с марксизмом, была обычной у народников, и нам еще придется встретиться с нею.

Устоит ли русская община в борьбе против капитализма или же ей придется сложить перед ним оружие, по мнению Русанова, зависит всецело от того, при каких условиях будет проходить между ними борьба. Если в среде, окружающей нашу общину, имеются явления, аналогичные с теми, которые на Западе привели общину к уничтожению, то ее гибели можно ждать и в России[54].

«Не признавая закона фатальности разложения каждой общины,— пишет Русанов,— мы, однако, утверждаем, что процесс разложения русской общины... станет положением доказанным, если в жизненной сфере России мы най-

---

[52] «Русское богатство», 1880, № 1, стр. 85.
[53] Там же, стр. 90.
[54] Там же, стр. 95—96.

дем существование явлений, аналогичных или имеющих очевидную тенденцию перейти в аналогичные с теми, которые предшествовали возникновению чистокровного капиталистического производства в Западной Европе и послужили для него начальным пунктом»[55].

Имеются ли в России в наличности такие явления? Русанов отвечает на этот вопрос утвердительно. Такими явлениями он считает обезземеление сельских производителей и их переход в пролетариев. Основываясь на многочисленных статистических данных, Русанов указывает на то, что недостаточность земельных наделов и тяжесть повинностей и налогов заставляют крестьян бросать земли и брести, куда попало, в поисках заработка. «На этой почве,— говорит Русанов,— и должно пышно разрастись присвоение чужого неоплаченного труда»[56].

Не лучше, чем в земледелии, дело обстоит и в мелкой кустарной промышленности. Кустари опутаны целой армией крупных и мелких скупщиков. Все большее и большее число кустарей вынуждено бросать свое производство и переходить в ряды пролетариев[57].

Обрисовав в темных красках положение русских крестьян, Русанов следующим образом формулирует свое отношение к вопросу о неминуемости капитализма:

«Мы стоим у преддверия капитализма. Община, при всем своем благодетельном влиянии на народ, когда он более или менее обеспечен, не в состоянии спасти его от «свободомыслящей» буржуазии, коль скоро он находится в неблагоприятных экономических условиях. Напротив, она сама разлагается в силу стремления крестьянского населения отделаться от земли, стремления, вынуждаемого этими же самыми неблагоприятными экономическими условиями,— вот что следует, по нашему мнению, из всего выше сказанного. Это понятно: община предотвращает неравномерное распределение у народа земли, но она бессильна бороться против равномерной эксплуатации народа. *Что должно предпринимать в таком случае, о том не место говорить в этой статье»*[58].

---

[55] «Русское богатство», 1880, № 2, стр. 49.
[56] Там же.
[57] Там же, стр. 63 и сл.
[58] Там же, стр. 87—88. Курсив Б. Козьмина.— *Ред.*

Этими словами Русанов заканчивает свою статью. Очевидно, несмотря на те явления, которые он отметил в экономической жизни России, он считает возможным «предпринять» какие-то меры, которые могут еще спасти общину. Другими словами, для него вопрос о неминуемости капитализма не решен окончательно и безоговорочно. Считавший себя истинным последователем Маркса, Русанов не заметил, что те явления, которые констатированы им в русской деревне, являются не только условиями, *благоприятствующими* проникновению капитализма, но и симптомами того, что капитализм *уже существует* в России. Русанов не понял, что поздно уже мечтать о каких-то мероприятиях, долженствующих отвратить проникновение капитализма в деревню, что капитализм стал не только возможностью, но и фактом, что он подчинил уже своему влиянию крестьянское хозяйство, что сам крестьянин, хозяйство, которого все более и более втягивается в торговый оборот, уже превращался в мелкого буржуа.

Все это осталось непонятным для Русанова, и именно поэтому статья его могла появиться на страницах народнического органа. Однако, хотя Русанов и не сделал того вывода, который вытекал из приведенных им фактов, статья его не могла понравиться правоверным народникам. Русанов свидетельствует, что особенно недружелюбно к его статье отнеслись Бажин и Засодимский. По его словам, они очень энергично возражали против предложения Русанова познакомить читателей «Русского богатства» с теорией Маркса[59]. Однако можно предполагать, что и среди других членов артели, помимо Бажина и Засодимского, Русанов не встретил достаточной поддержки. За это говорит то обстоятельство, что вскоре Русанов прекратил сотрудничество в «Русском богатстве» и сосредоточил свою литературную деятельность всецело в журнале «Дело»[60]. Очевидно, для членов артели была гораздо более приемлема та точка зрения, на которую в вопросе об общине и капитализме стал Г. В. Плеханов.

---

[59] Н. С. Русанов. На родине, стр. 255—256.

[60] В «Русском богатстве», помимо разобранной нами статьи, Русанов поместил только одну статью на сравнительно нейтральную тему — «Из истории русского крестьянства» (№ 4 за 1880 г.), по поводу вышедшей в то время книги Беляева «Крестьяне на Руси».

Статья Плеханова, написанная им, если верить Русанову, по совету Н. К. Михайловского[61], была посвящена вышедшим в то время исследованиям М. М. Ковалевского и московского статистика Орлова[62]. Ковалевский в своей книге «Общинное землевладение» приходит к выводу, что «распадение общинного землевладения происходило и происходит под влиянием столкновений, в которые, рано или поздно, приходят интересы состоятельных и несостоятельных членов общин, с одной стороны, и выделившихся из общины частных владельцев — с другой». Таким образом, в отличие от народников, Ковалевский полагал, что общинный строй неминуемо, рано или поздно, начинает разлагаться в силу экономических процессов, совершающихся внутри его. Что касается Орлова, то он в вышедшем в то время 1-м выпуске IV тома «Сборника статистических сведений по Московской губернии» поместил описание существующих в этой губернии форм крестьянского землевладения. Признавая, что преобладающей формой остается община, Орлов тем не менее констатировал, что в нее закралось уже много элементов, угрожающих ей полным разрушением. В частности он отметил, что в общине происходит борьба между состоятельными и несостоятельными ее членами, что общинный порядок препятствует классовой дифференциации крестьянства, т. е., что в русской деревне происходит то самое явление, которое, по свидетельству Ковалевского, привело к гибели общинный строй в других странах. Естественно, что правоверные народники не могли мириться с выводами Ковалевского и с наблюдениями Орлова. Им необходимо было проверить основательность и силу доводов и аргументов этих авторов. Такую именно задачу и поставил себе Плеханов.

Не отрицая того, что в русской общине заметны «признаки искажения ее коренного принципа», Плеханов, однако, высказывает уверенность, что «при благоприятном стечении обстоятельств» община может иметь прочное будущее. По мнению Плеханова, «сознательно положительное отношение к ней крестьянской массы и интеллигенции страны» может в значительной степени нейтрализовать

---

[61] Н. С. Русанов. На родине, стр. 232.

[62] Эта статья Г. В. Плеханова перепечатана в 1 томе его сочинений, изд. 1923 г., по этому изданию мы и будем ниже ее цитировать.

действие враждебных общинному строю влияний. Если такое отношение окажется налицо, то «община может продержаться до того времени, когда явится необходимость и возможность интенсивной культуры земли, а значит и употребления таких орудий и способов труда, которые потребуют общинной эксплуатации общинного поля».

«Своевременный переход к общинной эксплуатации полей или разрушение в борьбе с нарождающимся капитализмом — такова, по нашему мнению, единственная альтернатива для современной сельской поземельной общины вообще и русской в частности».

Каким из этих двух путей пойдет дальнейшее развитие русской общины, «в значительной степени зависит от правильности понимания нашей интеллигенцией экономических задач родной страны». А так как «симпатии нашей интеллигенции все более и более склоняются на сторону общины», то Плеханов склонен думать, что община выйдет победительницей из борьбы с капитализмом[63].

Итак, от интеллигенции и ее сознательности зависят судьбы русской общины, с одной стороны, и русского капитализма — с другой. Вот — конечный вывод Плеханова. Сравнивая его с прогнозами Русанова, мы можем констатировать, что в вопросе о неизбежности капитализма Плеханов стоял на значительно более оптимистической точке зрения, чем Русанов. Несомненно, что сочувствие большинства членов артели, издававшей «Русское богатство», было на его стороне. Им хотелось верить в прочность общинного склада русской деревни и в возможность для России избежать опасность, грозящую ей со стороны капитализма.

Такое желание их ясно видно из ряда других статей, появившихся в их журнале, а в частности из двух статей В. П. Воронцова (В. В.) «Мысли о будущем помещичьих хозяйств» (№ 10 за 1880 г.) и «В защиту капиталистического пессимизма» (№ 2 за 1881 г.), в которых была дана критика взглядов и доводов Русанова (в первой статье — в скрытой форме, во второй — открыто).

В. В. настроен еще более оптимистически, чем Плеханов. Если последний, веря в победу общины, не исключает, однако, возможности того, что она погибнет в борьбе

---

[63] Г. В. Плеханов. Соч., т. 1, стр. 105—107.

с капитализмом, то В. В. не сомневается в благополучном исходе этой борьбы. «*Капиталистическое производство*,— заявляет он, — *не получит господства в России*». По мнению В. В., развитие капиталистической промышленности встречается в России с рядом таких серьезных препятствий, которые исключают возможность победы этой формы экономической организации. Эти препятствия, по мнению В. В., заключаются в отсутствии внешнего и в слабости внутреннего рынков. На внешних рынках Россия с ее слабо развитой промышленностью не сможет конкурировать с другими более передовыми в промышленном отношении странами. Внутренний же рынок недостаточно емок вследствие низкого уровня благосостояния народной массы.

Русский капитализм осужден вертеться в заколдованном кругу, из которого нет выхода. Искусственная поддержка его приведет только к дальнейшему обеднению массы народа, т. е. к еще большему сокращению внутреннего рынка. Всякие же меры, направленные к поднятию благосостояния народных масс, укрепляют положение «народного производства» и тем самым затрудняют для капитализма конкуренцию с ним. Таким образом, обеспечение самостоятельности крестьянского хозяйства увеличивает затруднения для процветания капиталистического производства как в промышленности, так и в земледелии. «Как ни кинь — все клин!» — заканчивает с удовлетворением В. В. [64].

При таких условиях будущую экономическую организацию России мы, по мнению В. В., должны «вырабатывать самостоятельно, а не заимствовать из политико-экономических книжек, рисующих формы быта, для нас недоступные» [65].

В наше время нет, конечно, нужды подвергать взгляды В. В. критическому разбору. Несостоятельность их была вполне показана в марксистской литературе 90-х годов, и в частности в книге В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», специально посвященной исследованию процесса образования внутреннего рынка для крупной промышленности. Одно только необходимо отметить как характерную для всего народничества черту, ярко проявившуюся

[64] «Русское богатство», 1880, № 10, стр. 81—82.
[65] «Русское богатство», 1881, № 2, стр. 2.

в статьях В. В. Критикуя капитализм, В. В. не давал себе отчета в том, что он критикует не капитализм вообще, а только одну из его форм, — ту, которая, по определению Ленина, соответствует прусскому пути развития капитализма. В. В. не осознавал, что проповедуемая им поддержка «народного производства» также приводит к развитию капитализма, только капитализма иного типа — американского.

Та же самая тенденция обнаруживается с еще большею очевидностью из статьи «Поэзия и философия агрономии», подписанной инициалами В. Б. и помещенной в № 5 «Русского богатства» за 1880 г. Автором этой статьи был известный публицист 60-х и 70-х годов В. В. Берви (Флеровский). Если В. В. нисколько не сомневается в том, что капитализм не является реальной опасностью для России и питает твердую уверенность в конечной победе общинных порядков, то В. Б. настроен не столь оптимистически. Как и Плеханов, он не решается дать категорический ответ на вопрос о судьбах русской общины. Однако, сходясь в этом пункте с Плехановым, Берви расходится с ним во многих других. Плеханов опасность, грозящую существованию общинных порядков, усматривает, как мы уже видели, в развитии некоторых экономических процессов, непримиримо противоречащих принципу общины и делающих победу этого принципа до известной степени сомнительной. Берви же сводит весь вопрос на непонимание русским обществом значения и преимуществ общинных порядков. Плеханов считает, что община может спастись только при вмешательстве интеллигенции, т. е. революционным путем, ибо в политических условиях русской жизни того времени вмешательство интеллигенции не могло осуществиться ни в какой иной форме, кроме революционной. В отличие от Плеханова Берви считает возможным избежать революционный путь и доставить торжество общинным порядкам при помощи мирных мероприятий. Идеалист, не понимавший значения противоположности классовых интересов, Берви верил в то, что крестьяне могут договориться с помещиками «к общему удовольствию». Вот как формулировал он свой взгляд на русскую общину:

«Вопрос об общинном владении землею возник не у нас, он возник на Западе; там эта идея была вымучена тяжкой, безысходной борьбой из-за земли, вымучена только для

того, чтобы убедиться в невозможности ее осуществления на почве этой цивилизации. В беспечной невинности своей мы и не подозревали, что имеем учреждение, которое делает для нас возможным то, что там немыслимо. *При самой посредственной доле здравого смысла и благоразумия этот самый вопрос может быть разрешен у нас тихо, спокойно, даже без тени каких бы то ни было крупных переворотов*... Мы в таком положении, когда мы можем сделать великое дело без всякой борьбы между массой рабочего и наиболее влиятельным слоем высших классов, т. е. *между крестьянством и земледельцами, и даже к общему удовольствию;* нам нужно только приложить немного ума и здравого смысла и побольше порядка и экономии в государственных финансах. Но именно это-то нам и не нравится. Мыслить, соблюдать экономию, это для нас самое непривлекательное блюдо, и я сильно подозреваю, что мы никогда до него не прикоснемся... При таком настроении нашего воображения, конечно, очень трудно ожидать, чтобы из нашего общинного владения вышел какой-нибудь толк»[66].

Статья Берви посвящена главным образом доказательству того, что в сельском хозяйстве мелкое производство крестьянского типа выгоднее и производительнее крупного. Мысль эта на страницах «Русского богатства» развивалась и доказывалась не одним Берви. Ее можно встретить и в других статьях этого журнала, напр., в статье В. В. «Мысли о будущем помещичьих хозяйств»[67] и в статье А. Комарова «К чему могут привести полумеры». «Только на полях крестьянина производительность почвы может достигнуть своего максимума»,— утверждает Комаров[68].

Исходя из признания преимуществ мелкого землепользования, Берви подходит к вопросу о формах, наиболее желательных в сельском хозяйстве России.

Как мы уже знаем, он — сторонник общинного порядка; однако он считает нужным заявить о своем несогласии с «некоторыми немецкими теоретиками (имеется в виду, конечно, К. Маркс.— *Б. К.*), которые сосредоточивают

---

[66] «Русское богатство», 1880 г., № 5, стр. 53—54.
[67] Там же, 1880, № 10, стр. 76.
[68] Там же, 1880, № 11, стр. 61—62.

свои восторги на идее общей сельскохозяйственной работы».

«Земля,— пишет Берви, — *никогда не сделается фабрикой,* напротив, ни в одной работе человеческая индивидуальность не будет проявляться в такой степени, как в сельском хозяйстве, это прямо следует из сложности сельскохозяйственного расчета и из возможности бесчисленных выгодных комбинаций... Преимущество общинного порядка заключается именно в возможности переплетать общую работу с индивидуальной. Один из главных недостатков крупной фермы заключается именно в том, что она поглощает личность и создает исключительное, одностороннее господство общей работы. Общинное же владение может *оставить хозяйство индивидуальным* и в то же время производить общие работы, напр., дренажные, орошения и пр., а главное — иметь общее здание для машин с общим одним паровым двигателем, общую лавку для продажи удобрения и т. д. Это сделает производство несравненно более экономическим, чем теперь, удовлетворит потребности человека влагать в свой труд свой собственный ум и расчет, создаст комбинацию, которую несравненно легче осуществить, чем идею коммунистической работы» [69].

Из этой цитаты видно, что Берви враждебно относится к обобществлению в области земледелия. Он — *сторонник индивидуального хозяйства.* Крестьянин, сидящий на своем клочке земли и обрабатывающий его самостоятельно, силами своими и членов своей семьи, — вот идеал Берви. Какими бы оговорками относительно общих работ и общих зданий ни сопровождал Берви свой проект будущего земельного устройства, этот проект не имеет ничего общего с социализмом: осуществление его не выходит из пределов мыслимого и возможного в рамках буржуазного строя. Сохранение и укрепление индивидуального крестьянского хозяйства открывает широкий доступ в деревню капиталистическим отношениям. Но, конечно, капитализм, развивающийся на такой базе, будет капитализмом американского, фермерского типа.

Статьи Русанова, Плеханова, В. В. и В. Б. дают вполне достаточный материал для определения отношения народников «Русского богатства» к вопросу о путях эконо-

---

69 «Русское богатство», 1880, № 5, стр. 79—80. Курсив Б. Козьмина.— *Ред.*

мического развития России. Все эти авторы сходятся в одном: капитализм — зло, и было бы хорошо, если бы России удалось избежать его, положив в основу дальнейшего развития существующую в ней поземельную общину. Однако все они, за исключением В. В., не имеют твердой уверенности в том, что их пожелания обязательно осуществятся. Они видят опасность, грозящую общине, чувствуют ее серьезность. В этом их отличие от народников-оптимистов, нисколько не сомневавшихся в том, что Россия без труда может итти своим путем и спастись от капитализма. Было время, когда такие оптимисты составляли подавляющее большинство в рядах народников. Однако к концу семидесятых годов молодой русский капитализм добился таких несомненных успехов, что игнорировать его стало уже невозможным. Среди народников под влиянием этого обнаружилось немало скептиков, которые начали не скрывать своих сомнений относительно прочности общинных порядков. Они открыто заявили, что община может быть спасена только при условии поддержки ее со стороны интеллигенции. К числу таких скептиков принадлежали руководители «Русского богатства». Отсюда — их тезис о необходимости «протекционизма для общины», сформулированный в программной статье официального редактора «Русского богатства» Н. Н. Златовратского — Оранского.

Если община не может спастись самостоятельно, если она нуждается в поддержке, если интеллигенция в этом отношении должна прийти на помощь народу, то сам собою возникает вопрос о силе и значении «народных начал и идеалов». И в этом пункте народники были вынуждены отступить со своих первоначальных позиций. Если раньше «народные начала» были в их глазах руководящим идеалом для интеллигенции, то теперь пришлось признать необходимость синтеза этих начал с идеалами, выработанными теоретической мыслью интеллигенции. На такую именно точку зрения и стало, как мы видели, «Русское богатство.

Признание того, что община может быть спасена только при помощи интеллигенции, неизбежно влекло за собой изменение в постановке вопроса о политической борьбе. Чтобы иметь возможность оказать общинному строю необходимую поддержку, чтобы провести в жизнь соот-

ветствующие мероприятия, интеллигенции должно быть предоставлено право голоса в вопросах русской жизни. Интеллигенция должна стать политической силою, а это возможно только при признании за нею политических прав. При таких условиях прежнее индифферентное отношение народников к вопросам политики должно было смениться признанием необходимости политической борьбы. Без осуществления буржуазно-демократических свобод интеллигенция не сможет выполнить свою спасающую роль по отношению к общине. Таков в общих чертах был ход рассуждений, приводивший народников к признанию необходимости политической борьбы.

Что касается «Русского богатства», то, как мы уже убедились, этот журнал в вопросах о значении буржуазно-демократических свобод и гарантий личности далеко отошел от первоначальных народнических позиций. Характерно то, что на его страницах сторонником борьбы за эти свободы выступил такой типичный и оптимистически настроенный народник, каким был Н. Н. Златовратский.

Мы говорили уже, что статья Златовратского являлась откликом на события, развертывавшиеся в подполье и приведшие к образованию партии «Народная воля». Это не значит, конечно, что Златовратский был народовольцем и что «Русское богатство» можно рассматривать, как легальный народовольческий орган. Если «Народная воля» высоко подняла знамя политической борьбы, то одновременно с этим и в других народнических кружках, не связанных с «Народной волей» и даже враждебно настроенных к ней, наблюдался перелом в отношении к политической борьбе. Известно, что даже правоверные народники из «Черного передела», отмежевавшиеся от «Народной воли», должны были отвести в своей программе место политической борьбе.

Отношение к этому вопросу «Русского богатства» показывает, что и в этом пункте в народнической теории обнаружилась глубокая трещина и что пересмотр старой программы народничества происходил не только в подполье, но и в рядах легальной народнической интеллигенции.

Мы говорили уже выше, что артельное «Русское богатство», несмотря на все свои недостатки, заслуживает серьезного внимания. Мы полагаем, что сделанная нами

характеристика этого журнала вполне выявила, в чем именно усматриваем мы интерес, представляемый «Русским богатством» за тот период его существования, о котором нам пришлось говорить. К концу 70-годов, накануне 1 марта, русское народничество вступило в полосу серьезного идеологического кризиса. Начинался пересмотр основных проблем народнической теории. Этот кризис широко отразился на артельном «Русском богатстве», которое, как мы убедились, дает немало ценного материала для изучения критического периода народничества. Вот почему, говоря о судьбах русского народничества, нельзя обойти молчанием артельное «Русское богатство».

«УСТОИ»*
(1881—1882 гг.)

В сентябре 1880 г. молодой историк литературы и литературный критик С. А. Венгеров обратился в Главное управление по делам печати с прошением о разрешении ему издавать ежемесячный литературно-политический журнал под названием «Новь». В декабре разрешение на этот журнал было дано. Однако Венгеров почему-то долгое время не предпринимал ничего, чтобы воспользоваться имеющимся разрешением. Можно предположить, что в его распоряжении не было материальных средств, необходимых для ведения такого сравнительно крупного коммерческого предприятия, каким был толстый ежемесячник Только через 11 месяцев, по получении цензурного разрешения, Венгеров приступил к дальнейшему осуществлению задуманного им предприятия. Это он сделал после того, как связался с некоторыми писателями, артельно издававшими в 1880 и в начале 1881 г. журнал «Русское богатство».

Как нам уже известно, артель, выпускавшая этот журнал, к марту 1881 г. фактически распалась. Руководство «Русским богатством» перешло в другие руки. Большинство членов артели прекратило сотрудничество в этом журнале.

Хотя, как мы уже говорили, дела «Русского богатства», когда оно было артельным журналом, шли из рук вон плохо, и члены артели не получали от своего журнала ничего, кроме убытков, у них тем не менее не пропала охота издавать собственный журнал. Выяснившаяся из опыта «Русского богатства» трудность конкурирования с другими, более обеспеченными в материальном отношении, журналами не останавливала их. Полученный ими практический урок политической экономии пропал даром. Они по-прежнему верили в спасительность «артельного

начала» и в те выгоды, которые может принести практическое осуществление его.

Осенью 1881 г. вернувшийся с Кавказа С. Н. Кривенко вошел в соглашение с Венгеровым о передаче полученного им от цензуры разрешения в пользу артели. Венгеров согласился, оставаясь однако официальным редактором и издателем нового журнала и войдя в артель в качестве члена. В ноябре 1881 г. Венгеров внес залог, установленный законом для изданий, выходящих без предварительной цензуры. Оставалось выполнить последнюю формальность — получить билет на право печатания журнала в типографии. Но тут-то Венгеров и стоявшие за ним члены артели наткнулись на непредвиденные затруднения. Министр внутренних дел, ввиду близких отношений Венгерова к редакции журнала «Слово», «политическая неблагонадежность которого несомненна», поручил начальнику Главного управления по делам печати снестись с директором департамента полиции В. К. Плеве, чтобы выяснить, не признает ли он нужным вызвать к себе Венгерова, потребовать от него объяснений о направлении, которого будет придерживаться новый журнал, и предупредить, что при малейшем обнаружении в журнале «вредных» мыслей он подвергнется соответствующим мерам взыскания.

Плеве со своей стороны нашел, что название, выбранное Венгеровым для своего журнала, «крайне неудобно в виду того, что словом «Новь» один из известных наших писателей определил противоправительственное направление, обнаруживающееся за последнее время в известной части русского общества». Узнав об этом, Венгеров поспешил подать заявление о перемене названия «Новь» на «Устои».

В декабре 1881 г. вышел № 1 «Устоев». Это была тоненькая книжка (в 11 печатных листов) небольшого формата. Очевидно, из-за спешности выпуска номера редакции не удалось собрать достаточного материала. С января следующего года «Устои» начали выходить более или менее регулярно книжками по 15 печатных листов в месяц. Однако наладить полную регулярность в выходе номеров редакции не удалось. «Книжки «Устоев»,— говорит А. М. Скабичевский в своих мемуарах,— вечно запаздывали, то по цензурным придиркам, то по недостатку материала, то по прекращению кредита в типографии,

вследствие чего и происходили такие скандалы, что март и апрель, а затем сентябрь и октябрь вышли двойными книжками под одной обложкой» [1].

Цензура очень внимательно следила за содержанием «Устоев». На № 3 тотчас по его выходе был наложен арест по распоряжению министра внутренних дел. Поводом для этого послужили три статьи, помещенные в этом номере. Две из них (статьи В. В. «Безземельные в Московской губернии» и анонимная статья «Деревенский дневник») говорили о быстро развивающемся крестьянском безземелье и малоземелье и об обременении крестьянства непосильными для него податями. Третьей статьей, привлекшей к себе внимание цензуры, была статья С. А. Венгерова «Ложная сентиментальность»; автору ее было поставлено в вину, что он «осмеивал в крайне неприличной форме правительственную политику во внутренних делах» [2]. Цензор в своем заключении так передает содержание статьи Венгерова: «Отождествляя вместе с Щедриным настоящий период с периодом «торжествующей свиньи», автор высказывает надежду на то, что когда-нибудь да кончится это безобразие, однако, по его мнению, надо позаботиться, чтобы «торжествующую свинью» не заменил «торжествующий волк», т. е. люди с либерально-буржуазными тенденциями. Поэтому Венгеров предлагает народническим партиям сплотиться воедино и сделать дружную атаку на либерализм, который хотя и поставлен в настоящее время в такое положение, что может говорить только вполголоса, но зато силен общественным сочувствием; зато, если только он восторжествует, то станет по всем правилам искусства во главе эксплуатации народного труда и введет всеобщее равенство, которое будет равенством волков и овец».

Из задержанного цензурой № 3 «Устоев» все три указанные статьи, а заодно с ними и повесть Ник. Максимова «Подзаборная», были вырезаны. Ввиду этого редакции пришлось № 3 соединить с № 4 и выпустить их в качестве двойного.

---

[1] А. М. Скабичевский. Литературные воспоминания. М.—Л., 1928, стр. 326.

[2] Цензурные материалы по «Устоям» опубликованы С. Переселенковым в статье «К истории журнала «Устои»» («Современник», 1923, № 2, стр. 151—159).

Сильно пострадал от цензуры и 8-й номер «Устоев». Из него был удален ряд статей. Среди изъятых была статья Д. Овсянико-Куликовского «Параллели и контрасты», автор которой, сравнивая мистицизм Вл. Соловьева с мистицизмом русских сектантов, отдавал предпочтение последнему на том основании, что сектанты в отличие от Соловьева не отгораживаются от общественных идеалов и от вопросов о материальном благополучии. Далее была изъята статья статистика Щербины «К вопросу о земледельческой технике и усовершенствованиях», в которой много говорилось о материальном убожестве крестьянина, об его малоземелье и о тяжести податей. Судьбу статей Куликовского и Щербины разделили «Внутреннее обозрение», в котором правительство упрекалось в непроизводительном бросании денег на «пир промышленности», и заметка Я. Абрамова «Жертва Молоху», автор которой, говоря о стачке рабочих на Кренгольмской мануфактуре, явно становился на сторону рабочих.

Приведенные нами примеры свидетельствуют о крайней придирчивости цензуры к «Устоям» и дают представление о том, в каких тяжелых условиях приходилось работать редакции этого журнала. Немудрено, что цензурные преследования, а также и тяжелое материальное положение (по свидетельству Скабичевского у «Устоев» было не более 500 подписчиков) заставили редакцию, дотянув до конца подписного года, прекратить выпуск журнала.

Таким образом, «Устои» выходили всего лишь в течение одного года и одного месяца (с декабря 1881 г. по декабрь 1882 г.).

Что касается утвержденной властями программы журнала, то она сводилась к следующим разделам:

I. Беллетристика, оригинальная и переводная.

II. Научный отдел: статьи по вопросам естественных, общественно-политических и исторических наук.

III. Критика.

IV. Внутренний отдел: статьи по вопросам внутренней жизни, летопись событий, корреспонденции, судебные отчеты.

V. Политический отдел: обозрение жизни иностранных государств.

VI. Фельетон: очерки современной русской и западной жизни.

VII. Театр и музыка.

VIII. Смесь: краткие сообщения и мелкие заметки.

IX. Объявления.

Не надо думать, что эта программа полностью выдерживалась, некоторых из перечисленных отделов мы вообще не находим в «Устоях». Так, например, отдел «Театр и музыка» отсутствовал совершенно; не было политического отдела в смысле регулярного обозрения жизни иностранных государств.

В действительности книжка «Устоев» делилась на два больших отдела, с особой пагинацией каждый. В первом отделе мы находим беллетристику и статьи научного содержания. Во втором — помещались критические статьи, внутреннее обозрение, отдельные заметки по вопросам русской, а иногда и иностранной жизни, статьи, имевшие характер фельетонов, и, наконец, рецензии.

Переходя к вопросу о сотрудниках «Устоев», мы прежде всего выясним состав артели, руководившей изданием этого журнала.

В объявлениях о выходе «Устоев» мы находим следующее сообщение:

«Журнал «Устои» издается литературным кружком, в состав которого входят: Я. В. Абрамов (Федосеевец), М. Н. Альбов, С. А. Венгеров, В. М. Гаршин, С. Н. Кривенко, Н. М. Минский, Н. И. Наумов, Н. Я. Николадзе, М. А. Протопопов (Н. Морозов), Л. З. Слонимский».

Таков был приблизительно состав артели, издававшей «Устои». Мы говорим приблизительно, потому что нам известно, что в состав артели, кроме перечисленных выше лиц, входили В. И. Семевский, Н. С. Русанов и А. М. Скабичевский. А это дает основание допустить, что в артели могли быть и еще какие-нибудь члены, имена которых также не попали в объявление. Как мы видим, основной состав новой артели был тем же, что и артели, издававшей «Русское богатство». Тем не менее мы не находим в ней ряда членов прежней артели (не говоря уже о супругах Бажиных, нет здесь Н. Н. Златовратского, Засодимского и др.). Зато явилось несколько новых лиц: Абрамов, Альбов, Венгеров, Минский, Николадзе, Семевский и Слонимский. Круг сотрудников «Устоев» не исчерпывался только членами артели. В журнале принимали участие и другие писатели. В этом мы сейчас убедимся, перейдя к ознакомлению с различными разделами журнала.

Начнем с беллетристики. Члены артели печатались в этом отделе сравнительно мало. Альбов дал «Главу недоконченной повести», Гаршин — рассказ «То, чего не было», Минский — четыре стихотворения, Наумов — три рассказа («Фургонщик», «Обездоленный» и «Нефедовский починок») и, наконец, Абрамов (под своей фамилией и под псевдонимом «Федосеевец») — ряд очерков.

Из известных писателей, не состоявших членами артели, в беллетристическом отделе «Устоев» печатались: К. Баранцевич (повесть «Чужак» и рассказ «Мятель»), М. Белинский (И. Ясинский) («Грезы. Эскиз романа»), С. Елпатьевский (рассказ «К истории унылых людей»), Н. Златовратский («Деревенская пророчица»), В. Берви-Флеровский (рассказ «Философия Стеши») и Д. Мамин-Сибиряк («На рубеже Азии»).

Наряду с этими известными именами попадаются фамилии, ничего нам не говорящие: П. Безымянного, М. Валицкой, Н. Курбатова, Н. Познякова, О. Стремоуховой, А. Фронштейна, Л. Штамера. Многие произведения подписаны инициалами, не поддающимися в настоящее время расшифровке: А. Г., В. П., М. Р., И. Б-в, М. П-ва и др.

Что касается стихотворений, то на страницах «Устоев» мы находим произведения Ник. Курочкина, Надсона, Плещеева, Мартова, Фофанова, Якубовича, С. Бердяева, В. Лихачева и др. Согрешил одним стихотворением и Скабичевский (Алкандров).

В научном разделе «Устоев» сотрудничали: Иванюков, Лучицкий, В. Семевский, В. Святловский, Янжул и др. В числе сотрудников значились, но статей дать не успели: Алексей Веселовский, А. Ефименко, Ключевский, Стороженко, Тимирязев, Эрисман и др.

Для характеристики беллетристического раздела «Устоев» важно отметить, что наряду с повестями и рассказами в нем помещались в большом количестве произведения, имеющие характер очерков, главным образом из крестьянской жизни. Как известно, это — черта, свойственная всей народнической прессе.

Наряду с оригинальными произведениями мы находим в «Устоях» переводы произведений иностранных писателей: Мопассана, Брет-Гарта, Килланда и др. Но переводов помещалось сравнительно немного.

Литературной критике «Устои» отводили сравнительно немного места. Главным поставщиком их в этом отношении был Скабичевский, писавший в «Устоях» под псевдонимом «Алкандров». Он довольно регулярно вел отдел, озаглавленный «Жизнь в литературе и литература в жизни». В сущности статьи Скабичевского даже трудно назвать литературно-критическими; скорее, это — нечто среднее между публицистикой и литературной критикой. Кроме статей Скабичевского, мы находим в «Устоях» только три статьи на литературные темы: это статья Н. Морозова (Протопопова) «Снеговые вершины Альп» (№ 3-4, 1882 г.), статья «Шекспир в наше время», подписанная псевдонимом «П. Слепышев», и, наконец, статья неизвестного автора, подписавшегося «С-ов», «Белинский в наше время».

Более или менее регулярно печаталось в «Устоях» анонимное «Внутреннее обозрение». Все данные говорят за то, что его вел С. Н. Кривенко [3]. Только в одном номере (№ 3-4) «Внутреннее обозрение» было подписано «А. К-ов»; кто был его автором, нам неизвестно.

Помимо «Внутреннего обозрения» в «Устоях» печатался ряд статей и заметок, освещавших отдельные вопросы русской и иностранной жизни. Несколько статей такого типа дал Н. Морозов (псевдоним М. А. Протопопова). Он писал и о речи, произнесенной генералом Скобелевым в Париже, и о бюрократии в связи с выходом книги Заблоцкого-Десятовского о графе Киселеве, и по женскому вопросу.

Кроме Протопопова статьи и заметки публицистического характера давали Венгеров, В. В., Николадзе, Минский (подписавшийся N. W.), известные статистики Погожев и Щербина и ряд авторов с ничего не говорящими в настоящее время фамилиями. Несомненно, что значительное участие в публицистическом отделе «Устоев» принимал Н. С. Русанов. В своих воспоминаниях он говорит, что вследствие перегруженности С. А. Венгерова различными работами, главный труд по редактированию «Устоев» выпал на Кривенко и на него самого — Русанова [4]. Однако

[3] В биографии Кривенко, помещенной в первом томе собрания его сочинений, мы находим указание на то, что Кривенко был «постоянным хроникером» в журналах «Слово» и «Устои». С. Н. Кривенко. Собр. соч., т. 1, СПб., 1911, стр. XLI.

[4] Н. С Русанов. На родине. М., 1931, стр. 280.

за подписью его ни одной статьи в «Устоях» напечатано не было.

Особенное внимание было обращено редакцией «Устоев» на изучение крестьянской жизни в различных ее проявлениях. Здесь мы находим статьи на следующие, например, темы: «О крестьянском самоуправлении», «Крестьяне в Северо-западном крае», «Сравнение хозяйства крестьян тамбовского и нассаусского» (автор В. В.), «Отчего крестьяне предпочитают «свою» школу земской», «Передача и обращение народных знаний» и другие.

Особо необходимо отметить участие в «Устоях» эмигрантов. В числе сотрудников этого журнала мы находим П. Л. Лаврова, И. И. Добровольского и В. А. Зайцева. Лаврову принадлежит подписанная псевдонимом «П. Слепышев» статья «Шекспир в наше время», о которой мы упоминали выше. Им же за подписью П. М. была помещена в № 12 за 1882 г. статья «Теоретики сороковых годов в науке и в верованиях».

И. И. Добровольский поместил в № 3-4 «Устоев» за 1882 г. «Научную хронику», подписанную: «И. Д.» [5].

Что касается В. Зайцева, то в приложении к «Устоям» печатался переведенный им с итальянского языка роман Дж. Ровани «Сто лет». Возможно предполагать, что Зайцевым, кроме того, была написана статья «Социальное положение Италии» (№ 9-10, 1882 г.), подписанная псевдонимом «Лени».

Наконец, необходимо отметить, что в списке сотрудников «Устоев» числился П. Лафарг, и не только числился: в «Устоях» была напечатана его большая статья «Движение поземельной собственности во Франции» (№ 1 за 1881 г., № 3-4 и 5 за 1882 г.). Из переписки Н. Даниельсона с К. Марксом известно, что эта статья Лафарга предназначалась первоначально для журнала «Слово» и только вследствие гибели этого журнала была передана Даниельсоном в «Устои». Редакция «Устоев» очень ценила сотрудничество Лафарга. «Издатель убедительно просит его послать продолжение работы и стать сотрудником журнала»,— писал 10/22 января 1882 г. Даниельсон Марксу [6].

---

[5] См. автобиографию И. И. Добровольского в сб. ««Русские ведомости», 1863—1913 гг.» М., 1913, стр. 126.

[6] Переписка К. Маркса с Николаем —оном,— «Летописи марксизма», 1930. 11 (XII), стр. 129.

2

При прошении о разрешении издавать журнал «Новь» С. А. Венгеров приложил весьма любопытную объяснительную записку. В ней он развивал программу своего будущего журнала.

По мнению Венгерова, в России, «поистине крестьянском государстве», на первом месте должно стоять «желание быть полезным народу, не народу в обширном смысле нации, а народу в тесном смысле серого мужика». Однако на пути к осуществлению этого желания стоит одно, чрезвычайно важное, препятствие. Это — «страшное раздвоение между интеллигенцией и народом», породившее «полное взаимное непонимание и пренебрежение». Раздвоение это обусловливается «своеобразным ходом цивилизации в нашей стране». В «полном пренебрежении к сложившейся веками народной душе» Венгеров винит и западников, в частности Белинского, и «социалистов наших, пошедших «в народ» с твердым убеждением, что мужику достаточно прочесть «Сказку о четырех братьях» или «Хитрую механику» и он выбросит за борт все свое миросозерцание, выработанное целым рядом поколений». «Ближе к делу,— по мнению Венгерова,— подошли славянофилы. Они, по крайней мере, объявили полную готовность подчиниться народным идеалам... Глубоко симпатично и глубоко знаменательно для нашей общественной мысли было желание славянофилов стать костью от кости народа и плотью от плоти его». Однако «при отыскании народных идеалов славянофилы ударились в крайнюю фантастичность и приписали народу много такого, что никогда не было характерным для народной души».

Вот почему на развалинах западничества и славянофильства должно было возникнуть новое течение.

«Новое течение,— писал Венгеров,— еще не окрещено никакою кличкою, но оно несомненно существует в русском обществе, выражается в целом ряде исследований, касающихся быта народа, и, нет сомнения, увеличит число своих приверженцев именно теперь, когда бо́льшая свобода печати (не забудем, что это писалось в дни «диктатуры сердца» Лорис-Меликова.— *Б. К.*) уменьшит ореол разных утопий и фантазий и придаст цену реальным, практическим стремлениям. Редакция «Нови» постарается быть вырази-

тельницей этого нового чисто практического направления. Народ, по мнению редакции, может быть уподобен нови, то есть невспаханной черноземной целине, которую нужно глубоко пробрать, если желаешь, чтобы посеянные семена дали хорошие всходы. Все прежние направления русской общественной мысли: и западничество, и славянофильство, и социализм,— все они брали народную новь поверхностно, не опускались в глубь народного духа, и поэтому народ совершенно не поддался интеллигентным влияниям» [7].

От желающих проникнуть в народную душу потребуется продолжительная подготовительная работа. «Изучать, изучать и изучать — вот девиз «Нови». Только долгим, всесторонним, добросовестным изучением можем мы дойти до уразумения народной души, и, только уразумевши ее, можем мы действительно послужить народному благу». Но, добавляет при этом Венгеров, уже теперь у нас есть уверенность в том, что «самое добросовестное изучение только подтвердит высокое мнение о прекрасных качествах народа, проявляющееся даже при мимолетном знакомстве с ним», а также, что «нигде так легко не может быть достигнуто народное благо, как именно в России, с ее отсутствием сословной розни, с ее обширным, еще далеко не культивированным протяжением».

«Что касается других отделов,— заканчивает Венгеров свою объяснительную записку,— то в них редакция «Нови» постарается избегать фантазий и держаться действительности. Вот почему она в беллетристике постарается дать ряд картин действительной жизни, а в критике будет остерегать своих читателей как от излишнего идеализма в искусстве, так и от тех теорий, которые, совершенно не понимая человеческой натуры, считают все «поэтическое» вредными побрякушками» [8].

Венгеров предполагает, что он выступает в качестве глашатая какого-то нового направления русской общественной мысли, уже существующего, но пока еще не оформившегося и не имеющего никакой «клички». Это новое направление он старается отгородить от всех существовавших ранее, в том числе и от того народниче-

[7] С. Пересленков. К истории журнала «Устои».— «Современник», 1923, № 2, стр. 151—152.

[8] Там же, стр. 153.

ского социализма, под знаком которого прошло хождение в народ. Однако несомненно, что направление, представляемое Венгеровым, не является каким-то совершенно новым общественным течением. Это — лишь этап в последовательном логическом развитии народнической теории. Венгеров только досказывает то, о чем начали говорить народники после неудачного опыта хождения в народ. Развернем хотя бы «Землю и волю» 1878—1879 гг.: в ней мы найдем те самые мысли, которые лежат в основе записки Венгерова.

«Мы говорили народу до сих пор на непонятном народу языке».

«Наши пропагандисты-революционеры сохранили в себе еще слишком много следов того интеллигентного слоя, из которого вышли».

«Успешна... будет наша работа в среде народа, если мы действительно станем *народными людьми*».

Основанием программы «должны быть народные идеалы, как их создала история в данное время и в данной местности».

«Нам незачем особенно заботиться о выработке идеалов будущего строя, потому что в исконных желаниях русского народа мы уже имеем очень солидный фундамент для постройки общественного порядка, неизмеримо высшего, чем ныне существующий».

«Бросим иноземную, чуждую нашему народу форму наших идей, заменим ее тою, которая ему свойственна, близка и родственна. Пришло время сбросить с социализма его немецкое платье и одеть в народную сермягу» [9].

Вот выводы, к которым пришло революционное народничество в результате своих попыток войти в непосредственное соприкосновение с народной средой — с деревней.

Жизнь показала, что мужик остался глух к проповеди социализма. Отсюда вывод: действуя в народе, надо отказаться от пропаганды социализма и заменить ее агитацией на почве практических интересов деревни; надо отказаться от западного социализма и заменить его идеалами, существующими в народе. Но для этого необходимо прежде всего изучить народную душу, стремления, желания и интересы народа. Вот — чисто практическая задача, выдви-

[9] «Революционная журналистика семидесятых годов», под ред. В. Богучарского, Ростов н/Д., 1907, стр. 76, 236, 77, 237.

гавшаяся перед новым поколением народнической интеллигенции. Эту самую задачу и хотел поставить своему журналу С. А. Венгеров. Вот почему он был бы более прав, если бы говорил не о новом направлении общественной мысли, а о новом этапе в развитии народнической идеологии.

При ознакомлении с запиской Венгерова возникает вопрос: можно ли рассматривать ее как программу всей той артели, которая издавала «Устои», или же она является выражением личных взглядов самого Венгерова.

Опубликовавший эту записку С. Переселенков дает следующий ответ на этот вопрос:

«Трудно предположить, чтобы эта записка была единоличным делом С. А. Венгерова. Составлена она от имени редакции и выражает без всякого сомнения общее настроение целого кружка, стоявшего во главе журнала» [10].

Ни в коем случае нельзя согласиться с такой точкой зрения. Мы уже знаем, что в то время, когда Венгеров подавал прошение о разрешении «Нови», с приложенной к этому прошению объяснительной запиской, он не был еще связан с артелью, ставшей впоследствии во главе «Устоев». Эта артель имела тогда свой собственный журнал, и у нее не было никаких оснований интересоваться предприятием Венгерова. Вот почему, вопреки мнению С. Переселенкова, мы полагаем, что было бы ошибкой рассматривать записку Венгерова как выражение мнений артели. Это подтверждается, между прочим, одним косвенным указанием Русанова. Говоря о роли Венгерова в «Устоях» он добавляет, что Венгеров — «хотя и еврей, был наиболее влюбленным в русский народ, наиболее «устоистым» из всей нашей редакции «Устоев»» [11].

Таким образом, полной идейной солидарности между Венгеровым и артелью не было. В редакции «Устоев» Венгеров занимал несколько обособленное место. Поэтому, как ни интересна записка Венгерова, по ней нельзя судить о действительном направлении «Устоев».

3

Уже по самому составу артели, издавшей «Устои», можно убедиться, что это был журнал народнического

[10] С. Переселенков. К истории журнала «Устои».— «Современник», 1923, № 2, стр. 153.

[11] Н. С. Русанов. На родине, стр. 280.

направления. Название журнала заставляет предполагать, что вокруг него объединилась та часть народнической интеллигенции, которая сохраняла в полной мере веру в «устои» русской жизни и убеждение в их прочности и непоколебимости. При первом ознакомлении с журналом это предположение подтверждается целым рядом высказываний его сотрудников по различным проблемам.

В ряде вопросов «Устои», как мы сейчас убедимся, стоят на традиционной народнической точке зрения. Как все народники, сотрудники «Устоев» веруют в своеобразие путей экономического и социального развития России и не смущаются тем, что жизнь на каждом шагу вступает в противоречие с этою их верою.

Краеугольным камнем, на котором держится вся русская жизнь, по мнению «Устоев», является крестьянство. «Вся наша общественная жизнь,— пишет некий С., автор статьи «Крестьяне в Северо-западном крае»,— находится в тесной зависимости от жизненной обстановки и настроения этой (крестьянской.— *Б. К.*) массы. Нет ни одного явления ни в политической, ни в социальной жизни целой страны и всех классов ее наследия, которое можно было бы понять, не принимая во внимание состояния массы... Политическое устройство, религиозный быт, семейные отношения и т. п. стороны нашей жизни держатся и экономическим строем, и мировоззрением крестьянства» [12].

Как и все народники, сотрудники «Устоев» не замечают роста русской буржуазии, увеличения ее влияния на жизнь страны. Они высказывают уверенность, что «крупное капиталистическое производство у нас немыслимо», что оно поддерживается исключительно искусственными подпорками в виде правительственных субсидий, гарантий и концессий. Скабичевский выражает даже сомнение в том, существует ли вообще буржуазия в России, находя, что это — вопрос пока еще спорный [13].

Другие сотрудники «Устоев», если и допускают существование у нас буржуазии, то считают ее не имеющей ни корней в настоящем, ни каких-либо надежд в будущем. Так, например, Слонимский, рецензируя книгу В. В. «Судьбы капитализма в России», вполне соглашается с ее автором относительно «бесплодности всяких капиталистических

[12] «Устои», 1881, № 2, стр. 93—96.
[13] «Устои», 1882, № 1, стр. 78.

усилий на русской почве». Собранные В. В. данные, по мнению Слонимского, «красноречиво подтверждают мысль о мертворожденности капитализма в России, об отсутствии у нас элементарных условий для его действительного упрочения и о полной зависимости его от субсидий и поддержек правительства»[14].

В этом выводе В. В. Слонимский находит «значительную долю утешения для будущего». «Значит,— умозаключает он,— России вообще не суждено пройти капиталистическую стадию развития, сопряженную с столь мучительными явлениями в Западной Европе — с безнадежным пауперизмом рабочих масс, превращенных в простые орудия производства... Если нас минует чаша сия, если не добиться нам расцвета капитализма в среде русского народа, если мелкие крестьянские промыслы ни в коем случае не могут быть заменены крупною капиталистическою организациею, то остается лишь поскорее отречься от ошибочной политики прежнего времени и перейти на единственно возможный у нас путь самостоятельного народного развития на началах крестьянского общинного землевладения. Поворот этот неизбежен после разорительных опытов и блужданий недавнего прошлого; и сознание этой неизбежности должно внушить бодрость бойцам народных идеалов, запуганным было кажущимися успехами капитализма»[15].

Интересно отметить, что, отрицая возможность развития капитализма в России, Слонимский пытается опереться на мнение Маркса. Ошибаются, по его мнению, те последователи Маркса, которые считают неизбежной победу капитализма в России. Они забывают при этом, что Маркс говорит об определенном историческом процессе, результаты которого подготовлены совокупностью предшествующих причин и условий, давших известное направление народной жизни. Но Маркс никогда не утверждал, что все народы подвергаются действию одних и тех же факторов и шествуют по одному и тому же пути, независимо от природных и исторических условий. Что касается России, то в ней как раз и не существует тех условий, которые везде предшествовали развитию капитализма,— нет многолюдного безземельного класса рабочих, нет значительного сбыта, что обусловливает невозможность конкурировать с

[14] «Устои», 1882, № 3-4, стр. 114—115.
[15] Там же, стр. 115.

более развитою промышленностью других европейских стран, нет также и не может быть легких и дешевых сообщений при громадных наших расстояниях. «Таким образом,— заключает Слонимский,— можно было теоретически предсказать неприменимость крупного производства к русским условиям, следуя именно учению Маркса и его последователей» [16].

Наилучшую гарантию от развития у нас капитализма народники «Устоев», как и все народники вообще, усматривают в общинном строе русской деревни. В их глазах община является не только формой землевладения и землепользования, но и организацией, регулирующей всю крестьянскую жизнь в целом.

Рецензент брошюры С. Капустина «Что такое поземельная община?» вполне согласен с этим автором относительно того, что термин «поземельная» к русской общине неприменим. «Община,— пишет он,— охватывает решительно все явления деревенской жизни,— личные, семейные и общественные, материальные, умственные, нравственные и т. д. И притом главным основным началом, регулирующим общинные порядки..., являются трудовое начало, начало личного труда. Нет такого действия в крестьянской жизни в ее самоуправлении, в быте каждой семьи, наконец, в жизни каждой отдельной личности, в ее притязании на какое-либо право, где бы это начало ни являлось в смысле управляющего начала» [17]. В глазах сотрудников «Устоев» община — лучшая, наиболее совершенная форма социальной жизни, так как она наиболее соответствует основным условиям быта земледельческого населения.

Автор статьи «О крестьянском самоуправлении», подписанной С. (им был известный народнический экономист-историк П. А. Соколовский), указывает, что община основана на экономическом и правовом равенстве всех ее членов и на самоуправлении по началам справедливости. В этом и заключается ее преимущество перед другими формами общественной жизни. По самой сущности общинного устройства в нем не может быть ни «широкого простора проявления эгоизма и произвола отдельных лиц», ни

---

[16] «Устои», 1882, № 3-4, стр. 116—118.
[17] «Устои», 1882, № 11, стр. 75

«борьбы противоположных интересов». Интересы всех членов общины по самой природе ее солидарны.

«Община, — говорит тот же автор, — представляет лучшую школу для выработки форм общественной жизни; она открывает достаточный простор для деятельности мысли и дает таким образом возможность выдвинуться лучшим силам, предоставляя им в то же время постоянные случаи для приложения своих способностей... Приучая своих членов к самодеятельности в сфере домашних интересов, община заставляет их в общественной жизни подчиняться требованиям целого, что весьма важно для всякого союза вообще, а экономического в особенности... На нее (общину) можно смотреть и как на начальный курс самоуправления...» [18].

Народники «Устоев» убеждены в том, что общинный принцип и трудовое начало вырабатывают в крестьянах высокие нравственные качества и свойства характера, отличающие крестьянство от других классов общества. Они верят в неисчерпаемый источник сил и возможностей, заложенных в народе, и сожалеют лишь о том, что эти силы и возможности до сих пор не находят себе достаточного применения.

В этом отношении характерен рассказ Федосеевца (Абрамова) «Механик». Герой рассказа Зацепин, выходец из крестьянской семьи, с детства попал в трактирную кабалу и дослужился до места кабацкого сидельца в одном селе. Но это кабатчик особенный: с юных лет он увлекается чтением, интересуется химией и физикой, мучается над вопросом, отчего существует в мире зло и как сделать, чтобы все были счастливы. Зацепин мечтает о введении машин в мужицкое хозяйство, о коллективной продаже крестьянами продуктов своего хозяйства в целях борьбы с перекупщиками и о различных усовершенствованиях в технике виноделия, которым занимаются несколько соседних сел. Не пожалев ярких красок на изображение своего героя, Абрамов умозаключает:

«Во всяком случае Зацепин представляет собой могучую силу и по умственным способностям, и по характеру. И невольно думается: какую громадную пользу принесли

---

[18] «Устои», 1882, № 2, стр. 73—74.

бы России Зацепины, если бы они были пристроены к действительно полезному делу» [19].

После этого нас не удивит отрицательное отношение «Устоев» к известному «Сказу о тульском левше и стальной блохе» Н. Лескова. Рецензент воспринял этот «сказ» как оскорбительную насмешку. «Если бы автор, — пишет он, — потрудился присмотреться к тому классу русского народа, который он, сидя в кабинете, предал глумлению своей книжкой, классу, из которого выходили, выходят и будут выходить замечательные люди, он оставил бы в покое старую поговорку о подкованной блохе. Не на то только годен русский ум, русская душа и энергия, чтобы чужих блох подковывать...» [20].

Итак, казалось бы, все обстоит благополучно: общинный строй крепок и прочен, капитализм не имеет никаких шансов на развитие в России, в народе заложен неисчерпаемый источник высоких нравственных и умственных задатков. Другими словами,— перед нами народническая теория в ее самой ортодоксальной, оптимистической разновидности. Но это только на первый взгляд. Вчитываясь в номера «Устоев», мы убеждаемся, что для народнического оптимизма реальная жизнь дает очень мало оснований. На каждом шагу мы натыкаемся на мысли и факты, стоящие в непримиримом противоречии с торжественно провозглашаемой теорией.

Возьмем хотя бы вопрос о капитализме. Как мы видели, по убеждению сотрудников «Устоев», русский капитализм — искусственное явление, не имеющее под собою реальной почвы и существующее исключительно вследствие поддержки его правительством.

Но вот что рассказывает внимательный наблюдатель русской жизни (мы имеем в виду очерк Абрамова «В степи» в № 1 за 1882 г.):

«В нашей местности, на самом крайнем юге России (речь идет о Кубани.— *Б. К.*), деревенский кулак — совсем не то, что представляет собою кулак средней или северной полосы России. Наш кулак и по названию не кулак, а коммерсант; по существу же своей власти, силы и влияния он является владетельным князем прошлого сто-

---

[19] «Устои», 1881, № 1, стр. 76

[20] «Устои», 1882, № 1, стр. 61.

летия, который зачастую распоряжается судьбою *двадцати тысяч* человек... Отличие нашего кулака от великорусского бросается в глаза при первом взгляде на его наружность, а также на его житье-бытье. Прошло то время, когда наш кулак одевался если не по-мужицки, то совершенно так, как одевается мелкота, заурядные мещане. Если теперь можно увидеть сельского коммерсанта в длиннополом сюртуке, чуйке или поддевке, то это не более как анахронизм, явление, отжившее свой век и уцелевшее совершенно случайно. Большинство же «коммерсантов» одето совершенно иначе. В этом случае тон «задают» приказчики и разные гешефтмахеры города Ростова, где «коммерсанты» бывают очень часто по своим делам. Таким же изяществом отличается и жилище «коммерсанта». Здесь вы не встретите ни вони, ни грязи. Напротив, в жилище «коммерсанта» чисто, светло, просторно. Обыкновенно дом коммерсанта представляет собою громадное здание, со множеством комнат... В комнатах у коммерсанта вы не встретите ни сонников, ни оракулов, а взамен их найдете периодические издания. «Для семейства» коммерсант выписывает какое-нибудь издание с «выкройками и модами», а для себя ежемесячный журнал и газету. Коммерсант — ультралиберал и потому выписывает не «Русский вестник» и даже не «Вестник Европы», а «Дело» или «Слово». Из газет он тоже выбирает что-нибудь позабористее, а для воскресных чтений всему предпочитает «Неделю». Либерализм коммерсанта выражается не в одном только выборе журнала и газеты, но и в свободомыслии по поводу разного рода вопросов. Свободомыслие обнаруживает коммерсант и по отношению религии... В церкви он бывает редко: ходить в нее часто начинает считаться дурным тоном... В своих отношениях к детям коммерсант остается верен началам либерализма: он, учившийся на медный грош, «вполне сознает пользу просвещения» и отдает своих детей в гимназию» [21].

Мы привели эту обширную выдержку из очерка Абрамова потому, что она представляет, по нашему мнению, весьма значительный интерес и показывает, насколько наивны были уверения народников насчет искусственности русского капитализма. Кулак, обрисованный Абрамо-

---

[21] «Устои», 1882, № 1, стр. 133—136.

вым, — фигура, крайне характерная в этом отношении. Без всяких субсидий и гарантий со стороны правительства он сумел так упрочить свое материальное благосостояние, что втянутое, благодаря его деятельности, в товарный оборот население громадной области оказывается почти в кабальной зависимости от него. К чему приводит работа европеизированного кулака, хорошо понимает сам Абрамов.

«Двадцать лет тому,— пишет он,— в нашей местности не было мужицкого двора, который не имел бы, по крайней мере, десятка овец. Теперь же местные статистики вдруг открыли удивительный факт, что более половины крестьянских дворов не имеет даже по одной овечке. Причина такого ужасного регресса в народном благосостоянии заключается... исключительно в деятельности господ коммерсантов...» [22].

Это признание Абрамова очень ценно. Абрамов принужден констатировать, вопреки другим авторам «Устоев», что крестьянское хозяйство пасует перед молодым русским капитализмом. Правда, Абрамов противопоставляет своего кубанского кулака великорусскому. Но мы хорошо знаем, что процесс превращения деревенского кулака в европеизированного буржуа наблюдался не только на Кубани, но и во всей России, может быть, только не в таких ускоренных темпах, вследствие чего в других местностях этот процесс не бросался так сильно, как на Кубани, в глаза наблюдателю.

Итак, оказалось, что «устои» не предохраняют крестьянство от экспансии капитала. Капитал не только проник в деревню, но и изуродовал весь строй деревенской жизни, изменил деревенские обычаи, навыки, моральные представления и т. д. Герой цитированного выше очерка Абрамова «В степи», от имени которого ведется рассказ, очень ярко описывает свои впечатления от деревенской жизни:

«Первые годы, прожитые мною в деревне, я только и делал, что восхищался. Восхищался как всем строем деревенской жизни, так и его частностями. Причин такого моего отношения к деревенской жизни было много. Во-первых, я родился и вырос в городе, и притом в среде, где

---

[22] «Устои», 1882, № 1, стр. 142.

всего больше преобладают принципы: «процент», «не обманешь — с голоду помрешь» и т. п., словом, в коммерческой среде... В деревне совершенно не понимали слова «процент», да и самое понятие, соответствующее этому слову, как-то отсутствовало. В деревне, в противоположность городу говорили: «обманом не проживешь», «совесть — не порог, через не переступишь», «на миру с голоду не помрешь» и т. п. Словом, контраст между городом и деревней, контраст, в котором все преимущества были на стороне деревни (по крайне мере, так казалось мне тогда), поразил меня и невольно заставил полюбить деревню. Второю причиною моих восхищений была моя молодость, моя неопытность. Я многого не замечал, многое просматривал, наконец был склонен видеть хорошее и не замечать дурного... Наконец, в самой деревне тогда еще сохранялось многое такое, что теперь или совсем исчезло или мало-помалу исчезает и что не могло не привлечь все мои симпатии к деревне» [23].

Но скоро картина деревенской жизни изменилась настолько, что рассказчик увидел воочию то, чего он раньше не замечал.

Разорение и закабаление деревенского населения «коммерсантами» привело к тому, что мужик начал дорожить каждою копейкою и искать всяческих путей наживы. Старые, столь симпатичные рассказчику обычаи, вроде, например, обычая не брать денег за ночевку и хлеб, стали исчезать из деревни.

«Таким образом...,— говорит герой Абрамова,— падал на моих глазах старый строй деревенской жизни... Вместе с этим исчезало и мое восхищение деревней. Печальнее всего было то, что утрата деревнею *человеческих,* гуманных обычаев и привычек не вознаграждалась ровно ничем. Правда, рядом с нуждою и зарождением среди мужиков крайне эгоистических инстинктов в деревню стала проникать критическая мысль, возникло желание устроить жизнь на лучших основаниях, начались поиски этого лучшего. Но деревенская жизнь к тому времени была уже так безобразна, что раз начавшаяся критика мысли, направляемая этою жизнью, приводила к самым отвратительным результатам» [24].

[23] «Устои», 1882, № 2, стр. 154.
[24] Там же, стр. 162.

Такое же точно разочарование пережил герой другого рассказа Абрамова «Гамлеты — пара на грош». Он был учителем в одной кубанской станице, увлекался своим делом и, как подобало народнику-интеллигенту, страстно любил народ и восхищался его обычаями и укладом жизни. Однако когда он пожил в станице и ближе присмотрелся к тому, что вокруг него происходит, он с ужасом убедился, «что в станичной жизни, под ее видимой патриархальностью, царила самая бессовестная эксплуатация, самый бесшабашный разбой и что в этом разбое принимали участие почти все казаки, показавшиеся мне такими славными, добрыми, хорошими людьми».

«И что всего ужаснее,— говорит этот разочарованный народник,— это то, что когда я понял, какие разбойники были все эти добродушные улыбающиеся старики и солидные казаки, я в то же время ясно видел, что в сущности они были все-таки добрыми людьми» [25].

Другими словами, он убедился, что дело — не в их нравственных качествах, а в наличности каких-то объективных условий, заставляющих «добрых и хороших» людей обращаться в эксплуататоров и разбойников. Было бы ошибкой думать, что это разочарование в деревне — черта, свойственная исключительно героям очерков и рассказов Абрамова (имеющих, кстати сказать, несомненное автобиографическое значение) и порожденная специфическими условиями жизни на Кубани. То, что Абрамов говорит о Кубани и о своих героях, то Алкандров (Скабичевский) повторяет по отношению ко всей России и ко всей народнической интеллигенции («Литература в жизни и жизнь в литературе») [26].

«60-е годы, — пишет Скабичевский, — этот абстрактный период нашего умственного движения... завещали нам ряд обольстительных иллюзий, с которыми нам приходится ныне разделываться... В каждом мужике и бабе мы предполагали полную солидарность со всеми нашими дорогими убеждениями и были уверены, что стоит нам появиться в народной среде и произнести там несколько слов, как сейчас же все таящиеся в глубине народной души несознанные инстинкты тотчас же всплывут наружу, получат определенную формулировку, нас, конечно, тотчас же под-

[25] «Устои», 1882, № 12, стр. 70.
[26] «Устои», 1882, № 2, стр. 43—49.

хватят на руки и понесут, как каких-нибудь прометеев. Но первое практическое столкновение с народною средою, первое ознакомление с конкретными фактами народного быта должны были неминуемо поставить изучателей и наблюдателей в полное недоумение».

Скабичевский вспоминает, что не так давно — лет 5 тому назад — ему пришлось резко нападать на Гл. Успенского, когда тот выступил в роли разоблачителя иллюзий. Теперь он готов подписаться под всем тем, что рассказывает Успенский. Это изменение в оценке произведений Успенского Скабичевский объясняет тем, что раньше он не замечал еще «вопиющего противоречия фактов деревенской жизни с привычною табличкою умножения». Теперь же это противоречие стоит для него вне всяких сомнений.

В другой своей статье Скабичевский ставит вопрос более конкретно. «Я не отрицаю,— говорит он,— существования у нас очень твердых и незыблемых устоев, не надо и говорить о том, что устои эти следует искать в народе, в смысле массы крестьян-земледельцев, которыми все держится на Руси и на которых, как на столбах гранитных, держится и сама Русь. Но нельзя в то же время упускать из внимания, что и в народе замечается в свою очередь хаотическое брожение, исхода которого никто не может предвидеть. Не доказывают ли нам все наши лучшие исследователи народного быта, что патриархальной общине грозит распадение, новая община на рациональных началах находится в состоянии, совершенно еще не определившемся; семейный быт распадается; религиозные верования представляют новое и сложное явление целого ряда сектаторских движений; одна часть народа бросает землю и бежит в города, наполняя их массами городского пролетариата, другая часть готова сейчас же забрать весь свой скарб и, покинув родные пепелища, идти за тридевять земель искать благодатных стран с медовыми реками и кисельными берегами» [27].

Так говорит Скабичевский. И что значат его слова как не замаскированное признание того, что «устои» начали расшатываться?

Если быт деревни стал колебаться в самых его основах, то не лучше обстоит дело и с так называемой интеллигенцией.

[27] «Устои», 1882, № 1, стр. 77—78.

Сотрудники «Устоев» придерживаются общего для всех народников взгляда на интеллигенцию как на «совершенно особенный, отдельный, междусословный слой людей, исключительно работающих мозгом»[28] (определение из статьи Алкандрова). Интеллигенция — «естественный продукт долгого и трудного исторического процесса». «Мы не кто-нибудь,— говорит Протопопов («Медь звенящая»),— не какие-то оглашенные пасынки своей страны, sans foi ni loi, мы родные дети и, смеем сказать, не худшие дети»[29].

«Интеллигенция — мозг нации и в силу этого лучший союзник народа в его борьбе с эксплуатацией и гнетом, «— Implicite,— говорит Венгеров («Литературные заметки»),— народничество есть достояние всей мало-мальски порядочной части русской интеллигенции, мало-мальски нравственно чутких людей, сознавших свой великий неоплатный долг перед теми, на чьих плечах была вынесена на свет божий русская гражданственность»[30].

Задача интеллигенции — быть выразительницей народных интересов. Но вот беда: оказывается, что народ не понимает интеллигенцию и сторонится от нее.

Интеллигенция мучительно ищет средства и способы загладить ту вину, которую она чувствует за собой перед народом. Ведь что такое вся народническая литература, как не «покаянное рыдание лучших элементов русского общества»? — говорит Венгеров (рецензия на книгу Златовратского «Деревенские будни»)[31].

А народ до сих пор видит в интеллигенте в лучшем случае постороннего, чужака, а в худшем — врага. Это вполне ясно для сотрудников «Устоев». Один из них, Минский, говорит:

«Русского человека постигла участь действительно трагическая. В то время, когда повсюду суесловили о любви к ближнему, русский человек полюбил ближнего в самом деле и решил, что, чем сверлить попусту воздух, лучше пойти и отдать свою любовь тому страждущему ближнему, который в ней нуждается. Но ближний этот не понял его и отверг его любовь. Была одна дорога — неужели же она заказана? Неужели в самом деле ближний никогда его

---

[28] «Устои», 1882, № 2, стр. 25.
[29] Там же, стр. 130.
[30] Там же, № 9-10, стр. 89.
[31] Там же, № 3-4, стр. 130.

не поймет, и нет языка, на котором они сговорились бы? Вот о чем тоскует русский человек, и вот на какую думу он ждет ответа»[32].

О том же самом отчуждении интеллигенции от народа и об их взаимном непонимании говорит и Баранцевич в своей повести «Чужак». Герой этой повести народник Радунцев женился на неразвитой и необразованной крестьянке. Опыт этот оказался для Радунцева очень горьким, и в результате его он убедился, что, несмотря на все свои усилия, в народной среде он — чужак.

И вот приходится сделать вывод, что, если интеллигенция и стремится слиться с народом и стать выразительницей его интересов, то это совершенно не удается ей. Недаром в глазах Баранцевича его герой Радунцев — человек, осужденный вечно «метаться из угла в угол, лихорадочно гоняясь за призраком своего воображения»[33].

Но этого мало. Гораздо хуже то, что народники принуждены констатировать, что в рядах самой интеллигенции не все обстоит благополучно, что говорить о ней как об однородном целом нельзя, что в ней имеются люди, иначе, чем народники, относящиеся к судьбам народа.

Мы упоминали выше о герое рассказа Абрамова «Гамлеты — пара на грош», бежавшем из деревни под влиянием разочарования в народе. Возвращение в город и жизнь в нем усилили разочарованность этого российского Гамлета. Много людей повидал он и со многими взглядами и теориями познакомился во время поисков за разгадкой своих мучительных сомнений, пока наконец не наткнулся на такую систему взглядов, которая «сразу отучила» его «от беганья по проповедникам».

«Правда,— рассказывает он,— эта последняя система стояла особняком от всех других: она была полна жестокости, не стихийной, зоологической, а сознательной и притом направленной против всего мира. Эта встреча переполнила чашу моего терпения».

«Это были «последовательные *марксисты»*. По крайней мере, они сами себя так называют, хотя Маркс трижды проклял бы их, если б знал о их существовании. Их учение очень интересно. Вот как они развивали мне его:

---

[32] «Устои», 1882, № 2, стр. 141—142.
[33] Там же, стр. 46

«Маркс доказал, что всякое общество должно пройти через период господства капитала и что капиталистический строй носит в самом себе и причины своего разрушения и задатки нового, лучшего строя. Мир только тогда *обновится,* когда человечество обратится в скопище бездомных, нищих пролетариев, работающих на кучку счастливцев; только тогда человечество сознает причины зла, только тогда оно поймет необходимость переустройства жизни на новых началах. И потому давайте работать для скорейшего приведения человечества в состояние пролетариата, для скорейшего разорения и закабаления народа. Давайте заводить фабрики, заводы, давайте заниматься сельским хозяйством, с единственною целью — хорошенько поприжать народ, хорошенько пограбить его, не так, как его теперь грабит кулак, по-домашнему, бессистемно, а по всем правилам и указаниям науки, тогда он поймет, где причины зла... Нужды нет, что народ выродится, что его кишечный канал станет вдвое длиннее натурального, что он весь обратится в сифилитиков,— нет нужды! Зато народ тогда *поймет*!...

Эта встреча была последним моим приключением. С тех пор я лег. Лежу и слушаю канареек...» [34].

Мы знаем, что в начале 80-х годов не только за границей, в эмиграции, но и внутри России начали образовываться кружки людей, воспринявших учение Маркса и понявших, что Россия, вступившая уже на путь развития капитализма, должна пройти его, прежде чем достигнет социализма. Но мы знаем также, что к этим учениям Маркса характеристика, данная Абрамовым, неприложима ни в какой мере: не о том, чтобы поприжать и пограбить народ, мечтали они, а о том, чтобы поднять классовое сознание молодого русского пролетариата и организовать его борьбу с капиталом.

Конечно, можно допустить предположение, что Абрамов — сознательно или бессознательно — клеветал на русских учеников Маркса. Но вряд ли это так. У нас нет оснований сомневаться в том, что Абрамов изображал каких-то действительно существовавших в его время людей — правда, не имеющих ничего общего с настоящими последователями Маркса. Почему не допустить, что это

---

[34] «Устои», 1882, № 12, стр. 77

были «марксисты» в кавычках, предвосхищавшие почти на полтора десятка лет П. Б. Струве с его призывом «вывариться в фабричном котле». Как впоследствии Струве и другие легальные марксисты, являвшиеся по существу своему теоретиками развивающейся русской буржуазии, стремились в идейной борьбе с мелкобуржуазной теорией народничества использовать марксизм, так и в начале 80-х годов могли существовать люди, у которых «марксизм» только прикрывал их буржуазную природу.

Но если это так, то очевидно, что уже в то время русская интеллигенция перестала быть такою однородною группою, какою она продолжала быть в представлении народников. Другими словами, в начале 80-х годов мы находим в России наряду с интеллигенцией мелкобуржуазной такие слои интеллигенции, которые начинают ориентироваться на буржуазию и на развитие капитализма. Народник Абрамов подметил нарождение этой новой интеллигенции, но осмыслить этого явления не смог. Таким образом, как и в вопросах о капитализме и об общине, в вопросе об интеллигенции мы находим несовпадение народнической теории с реальною действительностью. Другими словами, и в этом пункте народничество начинало давать уже трещину. После этого нас уже не удивят неоднократно высказывавшиеся сотрудниками «Устоев» жалобы на отсутствие положительных идеалов и на идейный хаос, в котором находится русское общество.

Начиная в «Устоях» серию статей, обозревающих современную литературу, Алкандров (Скабичевский) считает необходимым отметить, что русская жизнь «обнаруживает все признаки переходного состояния и соединенного с ним хаотического брожения». «Нет ни одного явления,— констатирует он,— на которое можно было бы положиться как на нечто прочное, установившееся, составившее обыденную норму жизни». Такой же хаос, как и в жизни, наблюдается, по его свидетельству, и в литературе; и здесь нет ничего устоявшегося, оформившегося. «Понятно,— говорит Скабичевский,— что и литературный обозреватель в свою очередь является сбитым со всех прежних прочных позиций и точно также растерявшимся, как растерялись все русские люди» [35].

---

[35] «Устои», 1881, № 1, стр. 78—89

Другой автор «Устоев», некий С-ов в статье «Белинский в наше время» жалуется на то, что в русском обществе не существует в настоящее время «того живого идеала, который охватил бы собою смутные социально-нравственные и народнические движения нашего времени, выразил бы высший смысл современной жизни» [36].

Третий автор «Устоев» — Н. Минский (««Новое слово» г. Соловьева», 1881, № 2) старается разобраться в том, почему молодежь так жадно прислушивается к каждому слову Вл. Соловьева. Минского удивляет самая обстановка, в которой проходят публичные выступления этого философа. «В шестидесятые годы,— говорит он,— такую толпу могла бы собрать только лекция по физиологии, в семидесятые — по политической экономии, а вот в начале 80-х годов почти вся университетская молодежь спешит послушать лекцию — о христианстве!».

В чем же дело? Что гонит молодежь в аудиторию Соловьева? — спрашивает Минский и находит ответ в том же отсутствии прочного идеала, о котором говорят другие сотрудники «Устоев». «Дело в том,— пишет он,— что душа русской молодежи в последнее время вконец истомилась, истосковалась и, как манны небесной, жаждет обобщающего слова. Идеалы шестидесятых годов оказались узкими, идеалы семидесятых годов — практически почему-то неосновательными, и вот молодежь с горьким тяжелым опытом двух поколений на душе, в мучительном раздумье стала на распутье и ждет нового слова и ищет новых путей. Для молодежи, и вместе с тем для всего нашего развития, настал критический момент, имеющий глубокое значение».

«Настоящее поколение,— поясняет далее свою мысль Минский, — нуждается в слове, которое бы обобщило дело, в идеале, который бы упорядочил и осветил нашу деятельность, в руководителях, которые бы шли вперед» [37].

В поисках за такими словами и руководителями молодежь и мечется от Вл. Соловьева к Льву Толстому, а от Толстого ко всяким другим «обобщителям».

Но народники «Устоев» принуждены констатировать, что наряду с этой бестолково мечущейся молодежью есть и другая, которая настолько разочаровалась во всем, что

---

36 «Устои», 1882, № 11, стр. 81.

37 «Устои», 1881, № 2, стр. 73

метаться уже перестала. Это — люди, разбитые жизнью, бессильные, неспособные ни на какое дело. Одним из них является тот герой рассказа Абрамова, который после встречи с «последовательными марксистами» лег на кровать и занялся слушанием канарейки. А между тем у этого героя была пора увлечений и порывов. Но эта пора уже прошла, не оставив после себя ничего, кроме полной разочарованности. И вот он, лежа на кровати, предается размышлениям. «Мир давно прошедшего, давно пережитого! Но разве все это было так давно? Увы, нет, всего только три-четыре года тому назад. Но для меня все это действительно — давно прошедшее... Эти немногие годы я жил быстро, ужасно быстро, и вот теперь, имея всего двадцать четыре года от роду, я уже старик, уже отжил свой век и уже думаю о смерти... И что это будет, к чему все это приведет? Когда же, наконец, рассеется этот всегубящий мрак и блеснет свет, явится рука, которая укажет нам пути, и послышится голос, который скажет нам: Живите, работайте и будьте счастливы!...» [38].

Таков Гамлет Абрамова. Он — не случайность, не одиночка. Обозревая современную литературу, Скабичевский находит таких же Гамлетов и у Осиповича-Новодворского, и у Гл. Успенского, и у Вс. Гаршина. И он спрашивает: «Что сей сон значит?».

Рассматривая рассказ Гаршина «Attalea princeps», Скабичевский дает следующий ответ на этот вопрос: ««Attalea princeps», с ее стремлением к чистому воздуху и небесному простору, с ее призывом ко всем прочим растениям «расти» выше и шире, очевидно, олицетворяет собою передовую и лучшую часть нашей интеллигенции. Интеллигенция эта по своим идеям, представляющим продукт иной, высшей цивилизации, действительно, является среди нас словно каким-то заморским растением, хиреющим в тесных оранжерейных рамках нашей жизни. Напрасно взывает она, чтобы окружающие ее растения стремились на простор воздуха и света. Никто ей не внемлет или отвечает одними презрительными восклицаниями: «несбыточная мечта! вздор! нелепость!» и т. п. Когда же она одна решается выступить из затхлых сводов оранжереи на простор полей и лугов, действительно, что же до сих пор встречало

[38] «Устои», 1882, № 12, стр. 54.

и встречает ее, как не горькое разочарование? Вместо тепла и света, т. е. вместо того восторженного привета, который она надеется встретить за пределами оранжерейных стен, на нее начинает дуть со всех сторон морозный ветер нашего самобытного невежества; мгла и сырость наших отечественных болот прохватывает ее до костей... Вспомните, обходилось ли хоть одно светлое мгновение, хоть один восторженный и смелый порыв нашей интеллигенции (например, шестидесятые годы) без того, чтобы дело не кончалось все одним и тем же восклицанием: «Только-то? И это все, из-за чего томились и страдали мы так долго?» С этим восклицанием уходит у нас в могилу чуть ли не каждый истинно интеллигентный человек, чуть ли не каждое поколение». Таким образом, заключает Скабичевский, наш современный пессимизм вызывается не теми или другими частными обстоятельствами, а суммою всех условий нашей жизни. Гаршин, по его мнению, «тысячу раз прав в своем гамлетизме; гамлетизм — это отнюдь не случайное, личное качество автора и не пустой каприз больной фонтазии, а болезнь, общая всем нам» [39].

Итак, «устои» пошатнулись. Руководящего идеала нет. Народ не понимает интеллигенции. Интеллигенция на опыте убедилась в своем бессилии. Вот каков итог. Немудрено, что при таких условиях на журнале «Устои» лежит печать острого и горького пессимизма. Это — характернейшая черта «Устоев», с особой яркостью отразившаяся на поэзии этого журнала.

Гляжу назад с мучительною болью,
Гляжу вперед с бессильною враждой...
Я утомлен Гамлета жалкой ролью,
Я пристыжен бесплодною борьбой!..

— жалуется П. Якубович («Из дневника», № 12).

В небесной глубине — ни проблеска зари,
Волшебницы улыбки и привета,—
И тщетно жаждет грудь живительной струи...
Ах, как еще далеко до рассвета!

—вторит Якубовичу В. С. Лихачев («Бессоница», № 8).

---

[39] «Устои», 1882, № 8-9, стр. 31.

Злые сомнения нам жизнь отравили,
Страждут и разум и чувства...
Служит наука успеху и силе,
Роскоши служит искусство.
Что нам, что область бесстрастной науки
Всем открывает объятья?
Тяжких лишений и узы и муки
Чувствуют меньшие братья.
Нет, бедняку невозможна дорога
К чистым источникам знанья:
Учат его неустанно и строго
Только нужда да страданье.
Их уничтожить — вот наша задача,
Мы же и *слабы и хилы.*
Плыть через море народного плача
Нет ни уменья, ни силы,

— пишет третий поэт «Устоев» Н. Бобылев (№ 5). И даже в тех редких случаях, когда поэты «Устоев» обращаются к читателям со словами ободрения, эти слова звучат похоронным маршем.

Как жизни ни горька отрава,
До дна свой кубок бодро пей.
Не дай унынию лукаво
Душою овладеть твоей.
Терпи без скорби неуместной,
Сумей и *в зле добро найти* [40]
И твердо верь: для мысли честной
Не все заказаны пути,

— убеждает современников Ник. Курочкин («Современному поэту», 1882 г., № 1). Однако несомненно, что сам Курочкин хорошо понимал, что его советы «терпеть без скорби и в зле искать добра» вряд ли могут ободрить и утешить кого-либо. Он помнил, что не с такими призывами обращались поэты к молодежи в недавнюю героическую эпоху народничества. Не к терпению и вере звали они тогда, а к

---

[40] Курсив Б. Козьмина.— *Ред.*

подвигу, к борьбе и победе, в близости которой они были уверены [41].

Когда вышел первый номер «Устоев», Буренин в «Новом времени» отметил, что новый журнал отличается большой умеренностью. Кривенко был вынужден согласиться с этим. «Мы не отрицаем,— писал он,— что первая книжка «Устоев» умеренна, даже очень умеренна». В объяснение этого Кривенко ссылался на тяжелые цензурные условия, при которых никак не научишься «невинность сохранять и капитал наживать, не заслуживать упрека в умеренности и в то же время не дрожать за каждую свою строку».

Конечно, в этом указании Кривенко была значительная доля истины, но во всяком случае — не вся истина. Одними цензурными условиями, как бы тяжелы они ни были, умеренности «Устоев» не объяснишь. Эта свойственная им черта стояла в несомненной связи с тем пессимизмом и гамлетизмом, о которых мы уже говорили, и вызывалась не столько цензурными условиями, сколько обстоятельствами совершенно иного порядка.

Вспомним, в какое время начали и кончили выходить «Устои». К декабрю 1881 г. стало совершенно ясно, что правительство нового царя взяло твердый курс на реакцию. С другой стороны, было ясно и то, что «Народная воля», добившаяся 1 марта 1881 г. того, к чему она так долго и упорно стремилась, ничего в сущности этим не достигла и ничего не выиграла в результате своего успеха. В составе редакции «Устоев» было много людей, связанных с «Народной волей» и в той или иной мере соприкасавшихся с ее деятельностью. Таковы Кривенко, Русанов, Якубович, Протопопов, Минский, Венгеров. По своим связям они несомненно знали то, о чем еще не догадывались рядовые обыватели, а именно, что в результате 1 марта «Народная воля» была обессилена и обескровлена, что

[41] Правда, в № 9-10 «Устоев» была напечатана «Весенняя сказка» П. Якубовича, проникнутая бодрым настроением и намекавшая на близость революции. Однако необходимо иметь в виду, что это стихотворение было написано до 1 марта 1881 года и, если оно не появилось в печати тогда же, то только потому, что сборник, для которого оно предназначалось, был задержан цензурой. Таким образом, это стихотворение ни в какой мере не может характеризовать послепервомартовские настроения народнической интеллигенции.

почти все ее руководители оказались или на виселице, или в тюрьме, а немногим оставшимся на свободе пришлось, спасаясь от преследований правительства, перебраться из Петербурга в Москву, а некоторым и еще подальше. Ясно, что при таких условиях было не время для бодрого тона и ярких призывов к борьбе. Жизнь заставляла руководителей «Устоев» быть умеренными. Но этого одного недостаточно для того, чтобы вполне объяснить пессимизм и умеренность «Устоев». Корни их лежат глубже; их надо искать не только в политической обстановке, сложившейся в России ко времени выхода «Устоев», но и в процессах, совершавшихся в то время в экономике страны.

«Устои» — журнал с ярко выраженной народнической программой. Это ясно. Ясно и то, что сущность народничества «Устоев», как и всякого народничества вообще, лежит, говоря словами Ленина, «в представительстве интересов и идей русского мелкого производителя» [41]. С другой стороны, ясно и то, что «Устои» — лишь один из этапов в развитии народнической идеологии, понять который мы можем, лишь учитывая всю длительную эволюцию, проделанную народничеством с момента его зарождения и до момента его вырождения и являвшуюся идеологическим отражением изменений, происходивших в жизни мелкого производителя. Народничество возникло и начало слагаться в законченную доктрину в эпоху слабого развития капитализма в России. В то время крестьянство было еще очень мало втянуто в товарный оборот, и капитал почти еще не проникал в деревню. Тогда «устои» крестьянской жизни — ее община и мир — действительно были еще крепкими и не начинали колебаться. Но постепенно картина менялась. Капитал все больше и больше проникал в деревню и производил пертурбацию в деревенской жизни. Народнической идиллии приходил конец. Происходил процесс постепенного «раскрестьянивания», по выражению Ленина [42], крестьян, превращения их из крестьян в мелкую буржуазию. Крестьянство расслаивалось. Внутри самой общины росла молодая буржуазия. Деревня становилась ареной внутренней классовой борьбы. «...Борьба имущих с неимущими,— писал Ленин в «Что такое „друзья

---

[41] В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 384.
[42] Там же, стр. 215.

народа",— идет в России везде, не только на фабриках и заводах, а и в самой глухой деревушке, и везде эта борьба есть борьба буржуазии и пролетариата, складывающихся на почве товарного хозяйства» [43].

Этот процесс классового расслоения деревни к 90-м годам стал несомненным и бросающимся в глаза фактом. К этому времени капитал уже вполне подчинил себе деревню, втянув ее в товарный обмен. Однако этот процесс начался гораздо ранее 90-х годов. Яркие признаки его были заметны уже в 80-е и даже в 70-е годы. В этом мы могли убедиться хотя бы из изучения того журнала, о котором у нас идет речь. Мы видели, как народнические писатели должны были зафиксировать ряд фактов, свидетельствующих о начавшемся разложении старого деревенского быта. Они не всегда давали себе отчет в действительном смысле этих фактов. Они не понимали, насколько эти факты противоречат их программам и теориям. Однако смутное сознание того, что дело идет не так, как оно должно было бы идти по теории, у них, несомненно, было налицо. В этом — глубочайший источник их разочарованности, пессимизма, гамлетизма и т. п.

Перерождение деревенской жизни вызвало соответственное перерождение народнической идеологиии. Революционность народничества 70-х годов и оппортунизм 90-х характеризовали начальный и конечный моменты этого перерождения. «Из политической программы, рассчитанной на то, чтобы *поднять крестьянство* на социалистическую революцию *против основ современного общества*,— выросла программа, рассчитанная на то, чтобы заштопать «улучшить» положение крестьянства *при сохранении основ современного общества»* [44]. И вот к 90-м годам «наивные иллюзии мещанского социализма,— говорит Ленин,— уступили место практической трезвенности мещанских прогрессов» [45].

И этот процесс, закончившийся к 90-м годам, начался значительно ранее — в 70-х годах, не говоря уже о 80-х.

Появление журнала «Устои» с его политической умеренностью, с отсутствием у него ярких призывов к борьбе, с его признаниями в своем бессилии и в своей

[43] В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 215.
[44] Там же, стр. 246.
[45] Там же, стр. 268.

ненужности было одним из признаков начинающегося разложения. В этом отношении журнал «Устои» — явление в высшей степени характерное. Оно свидетельствовало о том, что народничество вступает в ущербный период своего существования.

«Наши планы и стремления,— говорит про себя герой рассказа И. Б-ва «Прихлебатель», помещенного в № 9-10 «Устоев», — уже сузились до желания выиграть в ералаш рубля полтора, а затем сытно и плотно покушать. Наши интересы сосредоточились на домашнем обиходе, на мелочных треволнениях донельзя однообразной жизни.., на сплетнях, которые мы охотно выслушиваем и осторожно распространяем. Мы почти дошли до убеждения, что самые разумные и счастливые люди те, *изба которых находится с краю*, которые уже сумели состряпать для себя покойное Монрепо, где и успокоились с миром» [46].

А между тем и у этого опустившегося человека были в прошлом минуты, когда он мечтал «жить для других», «помогать бедным и слабосильным» и т. п.

---

[46] «Устои», № 9-10, стр. 105—106. Курсив Б. Козьмина.— *Ред.*

ГЕРЦЕН, ОГАРЕВ И «МОЛОДАЯ ЭМИГРАЦИЯ»*

В шестидесятые годы прошлого столетия состав русской политической эмиграции значительно изменился по сравнению с прежним. Наряду со «старой» эмиграцией, дворянской по своему происхождению, образуется новая эмиграция, «молодая», отличавшаяся от старой по своему социальному происхождению. Она состояла из представителей тех «разночинцев», выступление которых на историческую арену в качестве активной политической силы является характерной чертой этой эпохи. Среди «молодых» эмигрантов мы находим людей, принимавших непосредственное и деятельное участие в революционных событиях, происходивших в России. Некоторые из них были вынуждены скрыться за границу из-за неминуемо грозящего им в России ареста. Другие бежали за рубежи царской империи из тюрьмы и ссылки. В среде «молодой эмиграции» можно было встретить и участников студенческого движения, бурно прокатившегося осенью 1861 г. по университетским городам России (Н. И. Утин, И. И. Кельсиев, Е. К. Гижицкий), и членов крупнейшей революционной организации 60-х годов — тайного общества «Земля и Воля» (М. С. Гулевич и тот же Утин), и участников казанского заговора 1863 г. (С. Я. Жеманов, А. Я. Щербаков), и людей, привлекавшихся по другим политическим процессам того времени (Н. И. Жуковский, М. К. Элпидин). Эта молодежь воспиталась на сочинениях Чернышевского и Добролюбова и с гордостью называла себя их учениками.

Наряду с эмигрантами, покинувшими Россию в результате своего активного участия в революционных организациях и выступлениях, в кружках эмигрантов можно было встретить людей, легально уехавших из России и не имевших в виду порывать связи с нею и отказываться от

возвращения на родину. Это были частью молодые люди, отправившиеся на Запад в целях закончить свое образование в западноевропейских университетах, а частью туристы, покинувшие на время Россию для того, чтобы подышать «свободным» воздухом Западной Европы, познакомиться с ее политическими порядками, а при случае — и без особой опасности для себя — дать исход своему оппозиционному настроению. Такие люди более или менее открыто принимали участие в различных предприятиях эмиграции. По словам одного из тогдашних эмигрантов, впоследствии раскаявшегося и вернувшегося в Россию, К. Маркс однажды сказал про людей этого типа: «Между русскими встречаются странные личности, они живут за границей, называют себя эмигрантами, говорят не иначе как под секретом; несмотря на то, что называют себя эмигрантами, боятся на каждом шагу скомпрометироваться, а потом, смотришь, возвращаются себе в Россию и живут себе там преспокойным образом» [1].

Тяга русской молодежи в заграничные университеты особенно усилилась в 1861 — 1862 гг. под влиянием закрытия правительством, в связи со студенческими волнениями осени 1861 г., Петербургского университета. Это явление даже обратило на себя внимание следственной комиссии, учрежденной правительством в 1862 г. для расследования дел о политических преступлениях. Председатель этой комиссии кн. Голицын во всеподданнейшем докладе, поданном царю 30 июня 1862 г., между прочим писал: «Усилившиеся под предлогом усовершенствования в науках поездки за границу многих студентов и других лиц учебного ведомства составляют для них большею частью... одну лишь возможность быть в личных сношениях с находящимися там русскими и иностранными изгнанниками. Поль-

---

[1] «Русские эмигранты».— «Московские ведомости», 1873 г., № 12. Автором этой статьи, напечатанной без подписи, был упомянутый выше Е. К. Гижицкий, деятельный участник студенческого движения 1861 г. в Москве, сосланный в связи с этим в Мензелинск и бежавший оттуда в мае 1863 г. за границу. После напечатания статьи «Русские эмигранты», полной сплетен и клеветы на эмиграцию, он получил разрешение вернуться в Россию, о чем ранее хлопотал безуспешно. Его перу принадлежат содержательные и интересные, несмотря на свою тенденциозность, воспоминания о московском студенческом движении 1861 г., напечатанные в 1874 г. в «Гражданине».

зуясь сим случаем, они заимствуются от этих людей вредными для правительства идеями и по возвращении в Россию рассеивают здесь различные ложные убеждения»[2].

В приведенную цитату необходимо ввести одну серьезную поправку. Увлеченный мыслью, что источник «революционной заразы» надо искать не в России, а за границею, кн. Голицын чрезмерно преувеличивает значение эмиграции. Подавляющее большинство молодежи, отправляющейся в заграничные университеты, еще на родине успевало проникнуться «вредными для правительства идеями» и приезжало на Запад с более или менее сложившимся миросозерцанием. В идейном отношении русским заграничным студентам нечего было уже брать от эмиграции. К тому же издания герценовской типографии пользовались настолько широким распространением в тогдашней России, что большинство молодежи уже на родине было знакомо с ними.

Несмотря на указанную нами ошибку, приведенная выше цитата из доклада Голицына представляет большой интерес, показывая нам, что уже летом 1862 г. скопление русской учащейся молодежи за границей обратило на себя внимание органов русского политического розыска и что уже тогда этим органам стала известна связь, установившаяся между учащейся молодежью и эмигрантами.

Влияние Герцена и широкая популярность его изданий еще и в эти годы находились в апогее. Молодые русские революционеры не могли не ценить деятельности человека, посвятившего все свои силы революционной пропаганде. Однако в их среде уже тогда были люди, отнюдь не сознававшие себя полными единомышленниками издателя «Колокола» и сумевшие разглядеть в его деятельности наряду с сильными и слабые стороны. Молодежь, воспитавшаяся на сочинениях Чернышевского, не могла не ставить Герцену в вину его колебаний между демократией и либерализмом и его упорных надежд на возможность убедить царское правительство в необходимости коренных реформ русской политической жизни. Если в первые годы царствования Александра II, когда курс нового правительства недостаточно еще выяснился, Чернышевский, который, по его собственным словам, «уже имел тогда образ мыслей,

[2] ЦГИАМ, ф. III отд., 1 эксп., 1862, д. 239, ч. 10; Доклад следственной комиссии, лл. 53—54.

не совсем одинаковый с понятиями Герцена, и, сохраняя уважение к нему, уж не интересовался его новыми произведениями»[3], был блистательным исключением в рядах русской интеллигенции, то к концу 50-х годов положение значительно изменилось в этом отношении. Резкие выступления Герцена в 1859 и 1860 гг. против Чернышевского и его политических друзей многим открыли глаза. Чрезвычайно характерный в этом отношении эпизод мы находим в «Дневнике» Добролюбова. Известно, как был поражен и оскорблен Добролюбов статьею Герцена «Very dangerous!!!». Бывший до этого горячим поклонником издателя «Колокола», он заносит в свой дневник (5 июня 1859 г.) следующую негодующую тираду по его адресу: «Однако, хороши наши передовые люди! Успели уже пришибить в себе чутье, которым прежде чуяли призыв к революции, где бы он ни слышался и в каких бы формах ни являлся. Теперь уж у них на уме мирный прогресс при инициативе сверху, под покровом законности». Однако не на эти взволнованные строки Добролюбова хотели бы мы обратить внимание читателей, а на следующий за ними рассказ Добролюбова о том, как реагировал на статью Герцена приятель Чернышевского и Добролюбова доктор И. М. Сорокин: «смеется и отзывается неуважительно о всем «Колоколе», попрекая им Герцена. Уверяет, что молодые люди понимают тенденции «Современника» и им сочувствуют»[4]. Эта запись Добролюбова чрезвычайно показательна. На примере доктора Сорокина мы можем убедиться, что еще до выступления Герцена против круга «Современника» в России были уже люди, скептически относившиеся к «Колоколу» и его издателю и ценившие тенденции «Современника» больше, чем идеи Герцена. Другими словами, уже тогда в кругах русской революционно настроенной молодежи наряду с безусловными поклонниками «Колокола» были и его противники. При этом по мере развертывания революционной борьбы число их возрастало с каждым годом. Поэтому нас не удивит прямой и резкий выпад против «Колокола» и его издателя, который мы находим на страницах знаменитой проклама-

[3] «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова», М., 1890, стр. 319.

[4] Н. А. Добролюбов. Дневники. 1851—1859 гг., под ред. В. Полянского, изд. 2. М., 1932, стр. 256—257.

ции П. Г. Заичневского «Молодая Россия» (май 1862 г.). Несмотря на свое «глубокое уважение к А. И. Герцену как публицисту, имевшему на развитие общества большое влияние, как человеку, принесшему России громадную пользу», автор прокламации заявляет, что ««Колокол» не может служить не только полным выражением мнений революционной партии, но даже отголоском их». Указывая на «конституционный» характер «Колокола», Заичневский писал далее о Герцене: «Его надежды на возможность принесения добра Александром или кем-нибудь из императорской фамилии; его близорукий ответ на письмо человека, говорившего, что пора начать бить в набат и призвать народ к восстанию, а не либеральничать [5]; его совершенное незнание современного положения России, надежда на мирный переворот; его отвращение от кровавых действий, от крайних мер, которыми одними только можно что-нибудь сделать — окончательно уронили журнал в глазах республиканской партии» [6].

В этих словах «Молодой России» в краткой форме выражены все те упреки и обвинения, которые впоследствии пришлось выслушать Герцену со стороны представителей «молодой эмиграции». Однако не надо забывать, что «Молодая Россия» стояла на крайнем левом фланге и что далеко не все русские революционеры того времени были согласны с ее направлением. Нельзя игнорировать и того обстоятельства, что еще летом 1862 г. из среды русской революционной молодежи раздались голоса в защиту Герцена, травимого агентом русского правительства Шедо-Ферроти. Мы имеем в виду изданную в это время в Петербурге прокламацию студента П. С. Мошкалова «Русское правительство под покровительством Шедо-Ферроти» и другую прокламацию аналогичного содержания, написанную Д. И. Писаревым, но не увидевшую в то время света ввиду разгрома тайной типографии, в которую она была направлена для отпечатания [7].

---

[5] Имеются в виду «Письмо из провинции» к Герцену «русского человека», напечатанное в № 64 «Колокола» за 1860 г., и до сих пор многими ошибочно приписываемое Чернышевскому, и ответ Герцена на это письмо.

[6] «Политические процессы 60-х гг.», М.-Пг., 1923, стр. 263—264

[7] Отметим, что редакторы избранных сочинений Д. И. Писарева в 2-х томах (Гослитиздат, М., 1934), включая его прокламацию в т. I своего издания (стр. 321—326), почему-то сочли необхо-

В дальнейшие годы популярность Герцена среди русских революционных кружков продолжала падать. Не без ехидного злорадства один из политических противников Герцена писал ему в 1864 г.: «Если б только вы могли невидимкою побывать в России и застать врасплох вашу школу? Вы увидели бы, как 14-летние гимназисты улыбаются, глядя, как еще проступает в Герцене старый человек» [8]. Если в этих словах и имеется доля шаржа, то в основном все же правильно констатируется падение популярности Герцена среди русских революционеров, резко отразившееся в первую очередь на распространении его изданий в России. Молодые революционеры перестают интересоваться тем, что пишет Герцен. Это было жестоким ударом для издателя «Колокола».

Естественно, что антигерценовские настроения росли не только среди революционеров, остававшихся в России, но и среди эмигрантов. На этой почве между Герценом и «молодыми» эмигрантами произошел ряд столкновений, закончившихся полным разрывом. Однако столкновениям и разрыву предшествовал ряд попыток сблизиться с Герценом на деловой революционной почве и сработаться с ним. На этих попытках мы в первую очередь и остановимся.

1. РУССКАЯ ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКАЯ КОЛОНИЯ 1861—1863 гг. И ГЕРЦЕН [9]

В 1863 г. III Отделение, отмечая тягу русской молодежи в заграничные учебные заведения, констатировало, что особенное скопление русских находится в Гейдельберге, Карлсруэ и Цюрихе. По сведениям III Отделения, в Гейдельберге в это время находилось 60 русских студентов (не считая поляков) [10]. Однако просматривая список этих

димым придать ей название прокламации Мошкалова. В действительности же прокламация Писарева не имела никакого заглавия.

[8] Письмо Ю. Ф. Самарина Герцену от 3 августа 1864 г.— «Русь», 1883, № 1.

[9] О русской колонии в Гейдельберге см. М. Волзовский. Из Гейдельберга.— «Библиотека для чтения», 1864, № 4—5; У. Из Гейдельберга,— «Библиотека для чтения», 1864, № 6; С. Сватиков. Русские студенты в Гейдельберге.— «Новый журнал для всех», 1912, № 12; Ю. Кашкин. В Гейдельбергском университете — «Голос минувшего», 1923, № 2.

[10] См. записку III отделения, датированную 30 мая 1863 г.— ЦГИАМ, ф. III отд., 1 эксп., 1863, д. 2. В Политехнической школе в

60 студентов, мы не находим в нем ряда лиц, о пребывании которых в Гейдельберге нам известно из других источников. Таким образом, действительное число русских студентов в Гейдельберге было значительно больше. Недаром один современник впоследствии писал: «В то время Гейдельберг был городом, переполненным русскими, особенно учащейся и неучащейся молодежью. Она встречалась массами на каждом шагу» [11]. Действительно, и на улицах Гейдельберга, и в табльдотах гостиниц, и в университете, и в кафе, и в театре русский язык преобладал над всеми другими, даже над немецким.

Выбору русскими этого маленького городка способствовали, во-первых, дешевизна жизни в нем по сравнению с более крупными городами, а во-вторых, то обстоятельство, что Гейдельбергский университет славился в то время блестящим составом своих преподавателей. Достаточно указать, что среди его профессоров были такие знаменитости, как физиолог Гельмгольц, химик Бунзен, физик Кирхгоф, историк Шлоссер, юристы Блунчли и Миттермайер.

Вот почему скопление русской молодежи в Гейдельберге в 1862 г. было настолько велико, что этот город стал как бы наполовину русским.

Среди живших в то время в Гейдельберге русских находились люди, еще в России принимавшие участие в революционных конспирациях, как, например, В. И. Бакст — видный деятель студенческого движения, еще в 1861 г. заподозренный в том, что он печатал прокламации в принадлежавшей ему легальной типографии в Петербурге, и В. Ф. Лугинин, состоявший, по сообщениям А. А. Слепцова и Л. Ф. Пантелеева, членом организации, выпускавшей прокламации «Великорусс» [12]. Наряду с этим в Гейдельберге было много людей, приобретших впоследствии известность на различных поприщах, как-то: будущий

Карлсруэ III Отделение насчитывало русских студентов 51, но из них с русскими фамилиями было лишь 5—6 человек; остальные же — немцы русского подданства. Студенты Карлсруэ в отличие от гейдельбергских студентов не принимали близкого участия в делах эмиграции.

[11] В. И. Модестов. Заграничные воспоминания.— «Исторический вестник», 1883, № 2, стр. 399.

[12] А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем под ред. М. К. Лемке, т. XVI, стр. 72 (далее — Соч.); Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого, ч. I, стр. 327.

лаврист, сотрудник «Вперед» А. Л. Линев, Н. Д. Ножин, оказавший большое влияние на умственное развитие Н. К. Михайловского, его друг А. П. Мальшинский, в то время ярый революционер, а впоследствии издатель журнала «Вольное слово», организованного на средства «Священной дружины», граф П. П. Шувалов, один из организаторов этой самой дружины, известный впоследствии поэт К. К. Случевский, тоже известный впоследствии реакционный публицист, сотрудник «Московских Ведомостей» и «Нового Времени», близкий к кругам политической полиции Г. С. Веселитский-Божидарович, в то время настроенный очень радикально (если только он уже тогда не был провокатором, подосланным III Отделением), будущие видные ученые — В. И. Сергеевич, В. И. Герье, Е. В. де-Роберти, А. О. Ковалевский и др.

Центром, где собиралась вся жившая в Гейдельберге русская молодежь, являлась читальня, организованная весной 1862 г. В этой читальне наряду с легальными русскими книгами и журналами можно было найти издания Герцена, малодоступные в России социалистические сочинения и книги немецких материалистов Бюхнера, Молешотта и Фогта. Читальня, организованная по инициативе братьев Бакстов, Лугинина, Линева, Веселитского и др., была в то же время своего рода клубом, где постоянно собиралась русская молодежь и где устраивались собрания, на которых, по сведениям III Отделения, «произносились демагогические и коммунистические речи».

Сообщая в письме к одному из своих знакомых об открытии русской читальни, Линев писал, что цель ее — «выработка, осмысление либеральных идей, возможное распространение их между приезжающими молодыми людьми». «Читальню эту,— сообщал Линев,— завели несколько действительно развитых людей, принадлежавших к партии так называемых «красных», которые, будучи хорошими знакомыми Герцена и вообще всех трех лондонских старичков (т. е. Герцена, Огарева и Бакунина.— *Б. К.*) и видя, какое освежающее влияние делает беседа с такими личностями, как Герцен, хотели и в Гейдельберге устроить такое же общество, дабы поддержать, пропагандировать и укреплять его направление» [13]. Членов

[13] А. И. Герцен. Соч. т. XV, стр. 475.

читальни было до шестидесяти; в их число, по свидетельству того же Линева, принимались только лица, известные своим либеральным направлением.

Из письма Линева видно, что Герцен пользовался еще значительным авторитетом среди гейдельбергского студенчества. Их уважение и симпатии к издателю «Колокола» ярко проявились, когда Гейдельберг посетил сын Герцена. В честь молодого Герцена был устроен торжественный обед, сопровождавшийся произнесением приветственных речей. Ораторы подчеркивали, что в лице сына они чествуют отца. Таким образом, гейдельбергский обед принял характер политической демонстрации против русского правительства. Но это была не единственная демонстрация, устроенная русскими гейдельбержцами. В 1862 г. в Гейдельберг приехал граф Путятин, бывший министр народного просвещения, по распоряжению которого в 1861 г. был закрыт Петербургский университет. Узнав о приезде Путятина, русская молодежь устроила кошачий концерт перед гостиницей, в которой он остановился. Перепуганный Путятин поспешил покинуть Гейдельберг [14].

Много разговоров в свое время вызвал также суд, устроенный гейдельбергской молодежью над И. С. Тургеневым по случаю выхода его романа «Отцы и дети», в котором молодежь усмотрела «клевету на молодое поколение». Поставленный в известность о предстоящем суде, Тургенев счел необходимым представить гейдельбержцам свои объяснения и оправдания. В письме к одному из них, К. К. Случевскому, он уверял, что его роман «направлен против дворянства». «Мне очень было приятно слышать,— писал он позднее тому же Случевскому,— что молодые не окончательно меня осудили; я могу сказать только то, что каков я был до сих пор, таков и остался,— и если меня любили прежде, то разлюбить пока еще не за что» [15].

Для характеристики политического настроения гейдельбергских студентов стоит упомянуть также и о том, что, узнав о ране, полученной Гарибальди во время одного из сражений, они обратились к знаменитому хирургу Н. И. Пирогову, жившему в то время в Гейдельберге,

---

[14] Там же, стр. 474—475; «Воспоминания протоиерея Базарова».— «Русская старина», 1901, № 8, стр. 241—242.

[15] Письма И. С. Тургенева к К. К. Случевскому опубликованы в «Щукинском сборнике», вып. VII, М., 1907 стр. 319—322

с просьбою поехать в Италию и произвести Гарибальди операцию. При этом они собрали между собой тысячу франков на поездку Пирогова, от которой тот, однако, отказался [16].

Если к сказанному выше прибавить, что гейдельбергские студенты производили сборы денег в пользу эмигрантов и на «русское дело» (как они выражались), размножали при помощи литографского камня и от руки адрес царю, написанный Огаревым, с требованием конституции, а также письма Огарева по поводу политического и экономического положения России, и, наконец, пользуясь своими связями с родиной, переправляли эти документы туда для распространения, то станет ясно, какую интенсивную в политическом отношении жизнь вела в то время русская гейдельбергская колония.

Несомненно также и то, что члены этой колонии принимали участие в выходившей в то время за границей русской эмигрантской прессе, в частности в изданиях Герцена (например, «Письмо из Гейдельберга», № 169 «Колокола»), в «Свободном слове» Л. Блюммера и в журнале «Правдивый», издававшемся в Лейпциге книгопродавцем В. Гергардом и выходившем первоначально при ближайшем участии кн. П. Долгорукова, а затем, после ссоры последнего с издателем, переименованном в «Правдолюбивого». Так, например, статья «О петербургских пожарах», помещенная в № 8 «Правдолюбивого», была написана гейдельбержцем С. Т. Константиновым [17].

Наладили гейдельбергские студенты и некоторые издательские предприятия. В цитированной выше записке III Отделения от 30 мая 1863 г. упоминается, что студент Н. Л. Владимиров, изучавший в Гейдельберге философию, участвовал в переводе на русский язык и в распространении какой-то книги Л. Фейербаха. Это сообщение дает основание думать, что изданная в 1862 г. в Гейдельберге книга Фейербаха «Сущность религии» (перевод Федоровского) была переведена гейдельбергскими студентами.

---

[16] А. И. Герцен. Соч. т. XIX, стр. 80.

[17] См. показания Константинова.— ЦГИАМ, ф. Высочайше учрежденной следственной комиссии, 1866 г., д. 311, «О лицах, участвовавших в деятельности русской читальни, устроенной в Гейдельберге», лл. 30—34.

В 1862 г. в Гейдельберге вышел первый (и единственный) номер «Летучих Листков». Это — книжечка небольшого формата в 78 страниц. В ней перепечатаны три прокламации «Великорусс», «Ответ Великоруссу» Н. А. Серно-Соловьевича, опубликованный в «Колоколе», ответ на этот «ответ» Огарева (также из «Колокола») и, наконец, известная прокламация Н. В. Шелгунова «К молодому поколению». В предисловии издатели «Летучих Листков», объясняя мотивы, побудившие их перепечатать выпущенные в России прокламации, писали: «Значение этих листков при настоящем положении дел в России так важно, что повторение их не нуждается в оговорке». Кем были изданы «Летучие Листки», неизвестно, но в литературе имеется указание на то, что к изданию их были причастны братья Баксты [18].

Мечтали гейдельбергские студенты и о создании собственного журнала.

В одном из писем А. Л. Линева к упоминавшемуся выше С. Т. Константинову рассказывается о попытке гейдельбержцев организовать журнал. Редактором его намечался проживавший в Гейдельберге Петр Васильевич Новицкий, уже выступавший в качестве литератора в русской легальной прессе [19].

«Друг и приятель Альбертини,— писал Линев про Новицкого, — он имеет связи в Петербурге, в литературном кружке, и в Сибири, где Новицкий служил, и в Малороссии, и по берегам Волги, и в славянских землях. Он задумал журнал славянский, следящий за событиями славянского мира, журнал, знакомящий с практическими выполнениями и осуществлениями жизненных вопросов». Новицкий, по словам Линева, готов, «побывав и поездив около месяца в России, осетить всю ее сетью корреспондентов» [20].

Допрошенный в 1866 г. по поводу этого письма в высочайше учрежденной следственной комиссии, Линев показал: «Во время моего знакомства с г. Новицким он

---

[18] А. Е. Кауфман. За кулисами печати.— «Исторический вестник», 1913, № 7 стр. 110.

[19] В 1863 г. в № 6 «Современника» Новицкий напечатал свои школьные воспоминания «Кое-что из жизни заскамейной». Впоследствии он сотрудничал в газетах «Голос» и «Новости» и одно время был редактором второй из них.

[20] ЦГИАМ, ф. Высочайше утвержденной следств. комиссии, 1866 г., д. 311, лл. 25—27.

однажды выразил свое неудовольствие на направление заграничной русской прессы, нападая на ее болтовню и философствование — либеральное без основы в действительных фактах и познания русской жизни. Уж, если бы издавать за границей журнал, заметил г. Новицкий, то помещать сведения о русской жизни, злоупотребления и другие пороки в России, не вдаваясь в теоретические вопросы»[21].

Издание журнала, проектированного Новицким, не осуществилось. Линев уверяет, что это произошло из-за отказа упоминавшегося выше издателя Гергарда, которому было предложено принять на себя издание нового русского журнала. Однако можно подозревать, что была и другая причина, помешавшая Новицкому приняться за выполнение своего намерения. Дело в том, что среди эмиграции появились подозрения (основательные или нет, до сих пор не выяснено) относительно связи Новицкого с русской тайной полицией. Л. Блюммер опубликовал его фамилию в своем «Свободном слове» в списке русских шпионов. Новицкий выразил негодование по этому поводу и пытался оправдываться, но неудачно. Выяснилось, что он возбудил против себя подозрения еще в Петербурге, когда осенью 1861 г. во время студенческого движения, облыжно выдавал себя за депутата одного высшего учебного заведения и пытался на этом основании проникнуть в Центральный кружок, руководивший движением. Тогда же его заподозрили в предательстве студенческой сходки, собравшейся 5 октября на квартире Н. В. Альбертини. Конечно, после опубликования этих фактов всякие разговоры о Новицком как о редакторе будущего журнала должны были прекратиться[22].

Наладить издание своего журнала гейдельбергским студентам удалось только в 1863 г. Однако к этому времени политическая обстановка значительно изменилась, и это отразилось на настроении части русского студенчества в Гейдельберге.

В январе вспыхнуло польское восстание. Среди гейдельбергских студентов было немало поляков. Они поспешили

[21] ЦГИАМ, ф. Высочайше утвержденной следств. комиссии, 1866 г., д. 311, лл. 70 и сл.

[22] Подробнее о подозрениях насчет Новицкого см. «Свободное слово», 1862, № 7—8; в № 151 «Колокола», в «Листке, издаваемом кн. П. Долгоруковым», 1862, № 2, стр. 14—15, и 1863, № 5, стр. 37—38.

уехать в Польшу, чтобы принять участие в вооруженной борьбе с русским царизмом. Некоторым из них, как, например, Оскару Авейде, Гауке и др., было суждено сыграть видную роль в начавшемся восстании.

Среди русских студентов в Гейдельберге были люди искренне сочувствовавшие польскому делу и желавшие активно помогать восставшим. Студент-медик П. И. Якоби отправился в Польшу, работал там в качестве врача при одном из повстанческих отрядов и был ранен. По сведениям III Отделения, ездили также в Польшу упомянутый выше Н. Л. Владимиров и Ф. Д. Гриднин. Среди оставшихся в Гейдельберге производился денежный сбор в пользу раненых поляков-повстанцев. Подписной лист, вывешенный в читальне, послужил поводом для раскола среди гейдельбергских студентов. В ответ на подписку в пользу поляков несколько студентов во главе с В. И. Герье открыли подписку в пользу семей убитых русских солдат.

С этого момента русская колония в Гейдельберге раскололась на две партии. Одна из них, называвшаяся «петербургской» (или «герценистами»), сочувствовала восстанию, связывая с его успешным исходом надежды на освобождение России. Другая — «московская» (или «катковисты») — была настроена шовинистически и шумно приветствовала каждую победу русских войск над поляками. Взаимоотношения между этими двумя партиями приняли чрезвычайно резкий характер. Столкновения происходили на каждом шагу. Вскоре партийная борьба обострилась до такой степени, что у «герценистов» явилась мысль об издании полемическо-сатирического органа, направленного против «катковистов». Так возник журнал с двойным французско-русским названием «A tout venant je crache — Бог не выдаст, свинья не съест».

Номера этого журнала до нас не дошли. По крайней мере, С. Г. Сватиков, специально изучавший историю русской читальни в Гейдельберге, не мог найти ни одного номера. Поэтому, говоря об этом журнале, приходится довольствоваться лишь теми сведениями, которые удалось собрать о нем Сватикову из расспросов современников [23].

---

[23] См. С. Г. Сватиков. Из воспоминаний о Е. В. де-Роберти.— «День», 1915, № 119. Номера «A tout venant je crache» обнаружены в настоящее время. См. публикацию А. Я. Черняка

Основателями гейдельбергского журнала были известный впоследствии философ-позитивист и социолог Е. В. де-Роберти и его два товарища — А. О. Преженцов, впоследствии сотрудник «С.-Петербургских ведомостей» и «Северного вестника» В. Корша, в которых он писал по экономическим и этнографическим вопросам, и один из братьев Сабуровых (по-видимому, Я. В. Сабуров, близкий друг А. А. Серно-Соловьевича по Александровскому лицею, а впоследствии сенатор). Журнал издавался на средства де-Роберти. За отсутствием в Гейдельберге русской типографии он печатался в Лейпциге. Рассылался он всем членам русской колонии в Гейдельберге, Герцену, И. С. Тургеневу (который упомянул впоследствии об этом журнале в XXVI главе «Дыма») и др.

Сколько вышло номеров «A tout venant je crache», в точности неизвестно. С. Сватиков в двух статьях, в которых он рассказывает об этом журнале, сообщает, что вышло семь номеров [24], а в третьей — шесть [25]. М. Волзовский же, напечатавший в 1864 г. в «Библиотеке для чтения» заметку о русской колонии в Гейдельберге, говорит только о трех номерах [26].

Как видно из самого названия журнала, его издатели придавали ему остро полемический характер. Основной его целью было высмеивание политических противников.

Круг сотрудников был весьма ограничен. Публицистический отдел взял на себя де-Роберти, а стихи,— «очень бойкие, хлесткие и жестокие», по отзыву современника, писал Преженцов. Участвовали ли в журнале другие лица, неизвестно.

О политической физиономии гейдельбергского журнала можно судить по одной статье де-Роберти о польском вопросе, предназначавшейся для журнала (была ли она помещена в нем или осталась ненапечатанной, неизвестно). По сообщению Сватикова, нашедшего рукопись этой статьи в архиве гейдельбергской читальни, автор статьи

«Журнал русских студентов в Гейдельберге».—«Вопросы литературы». 1959, № 1, стр. 173—183. (*Примечание редакции*).

[24] С. Г. Сватиков. Указ. соч.; его же. Русские студенты в Гейдельберге.— «Новый журнал для всех», 1912, № 12, стр. 76.

[25] С. Г. Сватиков. Студенческая печать с 1755 по 1915 год.— Сб. «Путь студенчества», М., 1916, стр. 220.

[26] М. Волзовский. Из Гейдельберга.— «Библиотека для чтения», 1864, № 4—5, стр. 24.

доказывал, что освобождение России невозможно без освобождения Польши.

Не лишены интереса обстоятельства, вызвавшие прекращение журнала. По данным Сватикова, отношения издателей «A tout venant je crache» с «катковистами» обострились до такой степени, что де-Роберти и Преженцов оказались вынужденными послать вызов на дуэль своим противникам. Те согласились драться только на эспадронах (по немецкому студенческому обычаю), а не на пистолетах, как настаивали де-Роберти и его товарищи. Тогда последние вывесили в читальне объявление об отказе «катковистов» от предложенной им дуэли. Вмешалось узнавшее об этом университетское начальство. Оно признало де-Роберти и Преженцова виновными в вызове на дуэль на запрещенном оружии и уволило их на один год из университета. Таким образом, издателям «A tout venant je crache» пришлось расстаться с Гейдельбергом, и их журнал перестал выходить [27].

Конечно, журнал де-Роберти и его товарищей, ограничившийся в значительной мере освещением местных гейдельбергских вопросов, был доступен и интересен только сравнительно узкому кругу читателей.

Раздоры среди студенчества отразились на судьбе русской читальни. Часть членов во главе с В. Ф. Лугининым и Л. Модзалевским стала настаивать на преобразовании читальни из закрытого клуба с строгим отбором членов, каким она была первоначально, в открытый для всех желающих кабинет для чтения. Протестантам удалось собрать большинство, и их точка зрения восторжествовала. Недовольные преобразованием читальни Бакст и другие представители левого крыла студенчества отказались принимать участие в ее дальнейшей судьбе [28]. Вскоре после

---

[27] Иначе передает обстоятельства, предшествовавшие прекращению журнала и увольнению де-Роберти и Преженцова из университета, корреспондент «Библиотеки для чтения». По его словам, на похоронах одного студента «наши соотечественники вели себя, нельзя сказать, чтобы прилично, они продолжали «борьбу партий». В результате этого три представителя петербургской партии, в том числе и издатель журнала (несомненно имеется в виду де-Роберти.— *Б. К.*) были посажены университетским начальством в карцер, и им грозит увольнение из университета». У. Из Гейдельберга.— «Библиотека для чтения», 1864, № 6, стр. 19.

[28] Об этом см. ЦГИАМ, ф. III отд., 1 эксп., 1863 г., д. 2.

этого читальня, утратившая свое прежнее значение, захирела. А затем, после того как Петербургский университет был вновь открыт, значительно сократилось и число русских студентов в Гейдельберге [29]. Наиболее скомпрометированные в политическом отношении студенты, не решаясь возвратиться в Россию, перешли на положение эмигрантов (Бакст, Якоби др.) и по окончании курса переселились в Швейцарию.

Из всего сказанного выше выясняется, с каким сочувствием относилось левое крыло гейдельбергской русской молодежи к Герцену и его деятельности. Однако иногда и среди представителей этого крыла можно было услышать разговоры в неблагоприятном для Герцена духе. Слухи о них доходили до самого Герцена. Это видно из его письма к сыну от 21 декабря 1861 г., в котором он, говоря о «гейдельбергских друзьях», передавал: «До меня доходили слухи, что в Гейдельберге говорили о том, что я страшно богат, и о том, что трачу чорт знает как. Из этого делали вроде упрека, что я не больше делаю для общего дела. Ты знаешь все мои дела и можешь говорить. Надобно же какое-нибудь разделение труда — я вытяну свою лямку, но один за всех не могу» [30]. Таким образом, уже в самом начале существования русской гейдельбергской колонии по адресу Герцена начали раздаваться упреки, которые ему неоднократно пришлось выслушать и позднее.

2. РУССКАЯ ТИПОГРАФИЯ В БЕРНЕ

В 1862 г. среди русской эмиграции появляется несколько новых лиц. Наиболее выдающимся из них был А. А. Серно-Соловьевич. Вместе с братом своим Николаем он стоял в центре петербургского революционного движения 1861 — 1862 гг. В 1861 г. он принимал участие в распространении прокламации Шелгунова «К молодому поколению». В том

[29] Л. Г.— автор корреспонденции из Гейдельберга, помещенной в № 135 «Голоса» за 1870 г.,— сообщал, что количество русских студентов в этом городе резко понизилось по сравнению с началом 60-годов; русская читальня уцелела, но влачила жалкое существование. Корреспондент с удовлетворением отмечал, что «изданий, вроде полуразбитого «Колокола» или яростной «Народной расправы», в читальне, конечно, не получается».

[30] А. И. Герцен. Соч., т. XI, стр. 373.

же году он вел агитацию за поддержку студенческого движения настроенными оппозиционно по отношению к правительству кругами петербургского населения. Будучи связанным с Герценом, весной 1862 г. А. А. Серно-Соловьевич ездил в Кенигсберг для налаживания переправки в Россию зарубежной литературы. Как и его брат Николай, он был близок с Чернышевским. Совместно с братом он принимал деятельное участие в организации тайного общества «Земля и Воля». Расстроенное здоровье заставило его весной 1862 г. уехать для лечения за границу [31]. В этой поездке его провожал его друг А. А. Черкесов, также достаточно яркая фигура в революционном Петербурге того времени, хотя его больше знали как издателя и владельца книжного магазина, служившего одним из центров сосредоточения петербургской оппозиционной интеллигенции.

В июне 1862 г. выехал за границу москвич Виктор Иванович Касаткин, которому также суждено было играть довольно заметную роль в делах русской эмиграции. Страстный библиофил, собиратель редких книг, портретов и рукописей, Касаткин был причастен к литературе; в 1858—1859 гг. он принимал деятельное участие в журнале «Библиографические Записки». В Москве Касаткин был близок с сыновьями знаменитого артиста М. С. Щепкина, поддерживал знакомство с Н. Х. Кетчером, профессором И. К. Бабстом, поэтом П. В. Шумахером, исследователем народного творчества А. Н. Афанасьевым, декабристом М. И. Муравьевым-Апостолом. Особенно же он был дружен с И. Е. Забелиным, известным историком, и с сыном декабриста Е. И. Якушкиным, впоследствии известным исследователем обычного права. Встречался Касаткин и с Чернышевским, который в 1857 г. писал о нем И. К. Бабсту: «Особенно понравился мне Касаткин» [32].

Большой поклонник Герцена, Касаткин еще до эмиграции мечтал о том, чтобы наладить правильную и регуляр-

---

[31] Революционная деятельность А. А. Серно-Соловьевича подробно освещена в моей статье «А. А. Серно-Соловьевич в I Интернационале и в Женевском рабочем движении», напечатанной в «Историческом сборнике» Академии наук СССР, кн. V, стр. 77—123.

[32] Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие, т. II. М.— Л., 1928, стр. 322.

ную доставку его изданий в Москву и распространять их по умеренным ценам. Это видно из неопубликованного письма И. Е. Забелина Е. И. Якушкину от 9 января 1860 г. «Виктор Иванович,— сообщал Забелин,— писал ко мне о своем проекте касательно покупки и доставки лондонских изданий и при этом убежден, что его проект вещь вовсе не утопическая. Он нашел какого-то немца, через которого все это будет устроено. Но я понимаю, что все это вздор, что это весьма трудно и опасно. Не знаю, как вы будете думать. Он говорит, что и к вам писал об этом»[33]. Несмотря на скептическое отношение Забелина к проекту Касаткина, последний не хотел отказаться от него. По-видимому, стремление осуществить этот проект было одной из причин заграничной поездки Касаткина в 1860 г. Он явился в Лондон, чтобы познакомиться с Герценом и Огаревым, и весьма понравился им своим горячим энтузиазмом в деле вольного русского слова. Из публикуемых в 39—40 томе «Литературного наследства» писем Огарева к Герцену видно, что Касаткин в бытность свою в Лондоне занимался подготовкой вышедшего в 1861 г. под редакцией Огарева сборника «Русская потаенная литература XIX столетия». Большой знаток рукописной русской поэзии, Касаткин, конечно, мог оказать большую помощь Огареву в работе над этим сборником. Весьма вероятно, что он доставил даже часть материала для него.

Неизвестно, насколько удалось Касаткину наладить регулярное получение лондонской литературы в Москве. Но несомненно, что по возвращении из-за границы он не без успеха занимался распространением портретов Герцена и Огарева и их изданий. Это видно из неопубликованного письма его к Е. И. Якушкину от 14 мая 1861 г., в котором он, между прочим, писал: «На днях к посылке в Ярославль (где в то время жил Якушкин — *Б. К.*) я присоединил вам карточку с лицами А. И. (Герцена) и Н. П. (Огарева). Это была последняя и я не без труда сберег ее для вас от хищнических нападений разных господ. Читали вы № 89, где статья Огарева, если нет, то я захвачу его с собой; мне страх хочется потолковать с вами об этой статье. Постараюсь захватить и другие новости; лю-

[33] Местонахождение письма неизвестно.

бопытного бездна и во 2-м т[оме] сборника и в 6-й книге» [34].

Настоящее письмо свидетельствует, что Касаткин и по возвращении в Москву продолжал поддерживать связь с Герценом. Это подтверждается и тем, что тайно приезжавший в Россию в мае 1862 г. В. И. Кельсиев, будучи в Москве, связался с Касаткиным. Вне сомнения стоит также и то, что Касаткин знал о возникновении тайного общества «Земля и Воля» и, по всей вероятности, перед отъездом за границу в 1862 г. успел примкнуть к нему. Это подтверждается следующими соображениями: в конце весны 1862 г. член центрального комитета «Земля и Воли» А. А. Слепцов предпринял по поручению комитета поездку по России для того, чтобы установить связи с провинцией и организовать там отделения тайного общества. В целях конспирации Слепцов путешествовал под видом агента образовавшегося в Петербурге легального общества для распространения книг для народного чтения и учебных пособий. В бытность в Москве он посетил Касаткина и с рекомендательным письмом последнего направился в Ярославль к Якушкину [35]. Имеются некоторые основания предполагать, что Е. И. Якушкин отнесся сочувственно к миссии Слепцова и согласился примкнуть к «Земле и Воле».

Как Серно-Соловьевич и Черкесов, так и Касаткин ехали в 1862 г. за границу без намерения эмигрировать. Однако в их отсутствие произошли события, заставившие их остаться за границей. Дело в том, что правительству стало известно о тайном приезде в Россию Кельсиева, и это повлекло за собою многочисленные аресты в Петербурге и в Москве (в числе арестованных был и Н. А. Серно-Соловьевич), закончившиеся так называемым процессом о сношениях с «лондонскими пропагандистами». Сношения А. А. Серно-Соловьевича и Касаткина с Кельсиевым были открыты, и русское правительство предложило им (а также и Черкесову, замешанному в это дело) вернуться в Россию. И тот и другой отказались сделать это и были заочно приговорены к лишению всех прав состояния и изгнанию из России навсегда. Что касается Черкесова, менее скомпрометированного по делу, то он просил отсрочить ему

---

[34] Касаткин перечисляет в этом письме № 89 «Колокола» со статьей Огарева «На новый год», 2-ую книжку «Исторического сборника Вольной русской типографии в Лондоне» (Лондон, 1861) и шестую книжку «Полярной Звезды».

[35] «Литературное наследство», т. 41—42, стр. 49—50.

возвращение в Россию, ссылаясь на расстроенное здоровье. Это дало ему возможность остаться за границей и принимать деятельное участие в делах эмиграции до августа 1865 г., когда он добровольно возвратился в Россию и расплатился за свои заграничные похождения кратковременным арестом и подчинением надзору полиции.

Летом 1862 г. бежали за границу от ареста, грозившего им по делу о раскрытой правительством в Петербурге тайной типографии, огранизованной студентом П. Д. Баллодом, Н. И. Жуковский и П. С. Мошкалов, автор упомянутой выше прокламации «Русское правительство под покровительством Шедо-Ферроти». Что касается Мошкалова, то, пробыв некоторое время в Лондоне, он переехал в Америку, где и прожил до 1871 г., когда получил разрешение на возвращение в Россию. Вследствие этого в делах русской эмиграции он непосредственно участия не принимал. В ином положении оказался Н. И. Жуковский. Первые годы своего пребывания за границей он всецело посвятил делу транспортирования герценовских изданий в Россию. Для этой цели он, по указанию Герцена, поселился в Германии, Дрездене, и лишь во второй половине 60-х годов переехал оттуда в Швейцарию.

Наконец, надо упомянуть и о том, что в декабре 1861 г. в Лондоне появился бежавший из Сибири М. А. Бакунин, которому, как мы увидим ниже, было суждено сыграть весьма заметную роль в истории тогдашней эмиграции. Человек того же поколения, что и Герцен, Бакунин не примкнул вполне к позиции, занятой Герценом, хотя и поселился на первых порах в Лондоне же. Взаимоотношения Бакунина с Герценым и Огаревым выходят за рамки нашей темы, и потому мы коснемся их лишь постольку, поскольку это необходимо для выяснения роли Огарева в столкновении Герцена с «молодой эмиграцией».

Хотя Бакунин и уверял Герцена и Огарева, что его твердое намерение — «быть третьим» в их союзе, однако он не скрывал, что деятельность издателей «Колокола» не вполне его удовлетворяет. «В целях,— писал им Бакунин,—мы, кажется, совершенно согласны, расходимся только, может быть, в путях и средствах». На эту тему между Бакуниным и издателями «Колокола» не раз происходили разговоры, завершившиеся по обоюдному согласию следующей формулировкой их взаимоотношений. «Вы правы,

друзья.— *Дружеское и союзное «возле»*.— Вот то отношение, в котором я должен стоять к вам» [36].

Однако такое отношение оказалось непрочным. Через год Бакунин констатировал, что этот год «прошел в глубокой семейной борьбе». Его письмо к Н. И. Жуковскому отчетливо вскрывает линии разногласий между ним и Герценом. «Герцен,— писал Бакунин,— великолепно поставил и продолжает отстаивать русское дело перед европейской публикой, но во внутренней практике он неисправимый скептик и действует на нее не только не поощряющим, но деморализующим способом».

Бакунин находил направление «Колокола» слишком «отвлеченным, литературным». Он обвинял Герцена в кокетничании с «императорством» и в уклонении от «дела практического» и объяснял это тем, что в Герцене «на революционного деятеля... решительно недостаточно материала» [37]. При этом Бакунин отмечал, что в спорах с Герценом Огарев в ряде случаев становился на сторону его, а не Герцена. Это утверждение Бакунина подтверждается и самим Герценом. Как ни близок и дружен он был с Огаревым, полного единомыслия между ними не было. Герцен был сторонником длительной пропаганды (или «проповеди», как он выражался); Огарев же доказывал необходимость агитации. Герцен, по его собственному признанию, возражал против агитационных статей Огарева, находя в них элемент демагогии [38]. Под влиянием этого его отношения с Огаревым принимали иногда настолько тяжелый характер, что в начале 1864 г. Герцен занес в свой дневник такие полные скорби строки: «Даже те связи, которые длились всю жизнь, подаются. Мы понижаемся в глазах друг друга» [39]. Эти расхождения между Бакуниным и Герценом, а также между Герценом и Огаревым отразились, как мы увидим ниже, и на истории их взаимоотношений с «молодой эмиграцией».

Подъем революционного движения, наблюдавшийся в России в 1861—1863 гг., возникновение тайного общества «Земля и Воля», пытавшегося раскинуть сеть своих отде-

---

[36] «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», СПб. 1906, стр. 194—195.

[37] А. И. Герцен. Соч., т. XVI, стр. 230—231.

[38] Там же, стр. 232—233.

[39] Там же, т. XVII, стр. 215.

лений по всей России, широко распространенные среди русских революционеров надежды на то, что весной 1863 г. к тому времени, когда будет закончено составление уставных грамот и крестьянство окончательно убедится в неосновательности расчетов на получение «воли» сверху, в России произойдет неминуемая крестьянская революция, — все это диктовало русской эмиграции необходимость широкого развития деятельности, направленной на подготовку восстания в России и на обеспечение его успешного исхода. Эта деятельность в условиях эмигрантского существования могла развиваться в трех направлениях: во-первых, сбор денег на нужды революционного дела, во-вторых, налаживание постоянных и, по возможности, обеспеченных от провала связей с Россией, в-третьих, создание агитационной литературы в количестве, соответствующем быстро возросшей потребности в ней, ощущавшейся в России. Подпольные типографии, возникавшие в то время внутри страны, по самым условиям своей работы не могли в полной мере обеспечить действующие в России революционные организации потребной для них пропагандистской и агитационной литературой; при таких условиях русский вольный станок за границей приобретал особенно большое значение.

Еще в мае 1862 г. Герцен на страницах «Колокола» заявил «в ответ на несколько писем, полученных из России», о своей готовности учредить при редакции «Колокола» сбор денег, «предназначаемых *на общее наше русское дело*» [40]. Так возник так называемый «Общий фонд». Средства этого фонда предназначались в первую очередь «для пособия русским эмигрантам, число которых возрастает благодаря безумному террору, царящему в Петербурге» [41], а затем на нужды революционной пропаганды. Поступления в фонд были двоякого рода. Во-первых, предусматривалось самообложение эмигрантов (конечно, имущей части их); предполагалось, что люди с доходом до 2000 р. будут отчислять 5%, а с большим доходом — 10%; для семейных делалась скидка вполовину [42]. Во-вторых, ожидались взносы от русских людей, живущих за границей или путешествующих по Западной Европе, а также пожертвования из

[40] А. И. Герцен. Соч., т. XV, стр. 129.
[41] Там же, стр. 369.
[42] Там же, стр. 474.

России. Однако поступления в «Общий фонд» протекали слабо. Герцен не раз жаловался, что поступающих денег не хватает даже на помощь нуждающимся эмигрантам [43], а в сентябре 1863 г. с грустью констатировал, что «в Общем фонде не только ничего нет, но дефицит растет с необходимостью поддерживать русских, не имеющих возможности возвратиться в Россию» [44].

В этом слабом успехе «Общего фонда» нет ничего удивительного, если мы вспомним, что наша эмиграция в большинстве своем состояла из людей нуждающихся; посторонние же пожертвования были явлением случайным, а в 1863 г. под влиянием развития реакционных настроений в русском обществе, в связи с польским восстанием, даже явлением редким. Приток денег в «Общий фонд» почти совершенно прекратился, а касса его опустела.

Другим делом, сильно интересовавшим эмигрантов, было налаживание связей с Россией. Мы уже упоминали о том, что Н. И. Жуковский был отправлен для этой цели в Дрезден. С аналогичным поручением в октябре 1862 г. был послан сперва в Константинополь, а затем в Тульчу, на границу с Россией, В. И. Кельсиев, к которому в 1863 г. присоединился бежавший из России его брат И. И. Кельсиев, видный участник московского студенческого движения 1861 г. В северной Германии работал В. И. Бакст. В Италии такую же работу вел известный впоследствии публицист, географ и социолог Лев Ильич Мечников. Он с 1858 г. находился вне пределов России, сражался в войсках Гарибальди, но только теперь начал принимать участие в делах русской эмиграции, взяв на себя налаживание морских связей между Италией и Одессой, в чем ему одно время помогал бывший студент Гейдельбергского университета барон А. Ф. Стюарт, уроженец Бессарабии, имевший знакомства в Одессе.

Наконец, М. А. Бакунин во время пребывания своего в 1863 г. в Швеции налаживал сношения через шведско-финляндскую границу. Как видим, работа в общем велась довольно интенсивно, и результаты ее на первых порах были весьма благоприятные. Этому способствовало то обстоятельство, что с начала польского восстания, вспыхнувшего в январе 1863 г., русская граница с Пруссией и

[43] Там же, стр. 369, 474, 545.
[44] Там же, т. XVI, стр. 489.

Австрией оказалась фактически открытой. В результате заграничная русская печать начала в большем, нежели ранее, количестве проникать в Россию.

В связи с развитием в эти годы широкого революционного движения в России спрос на революционную литературу, издававшуюся за границей, как мы уже отмечали выше, сильно возрос. Как ни велика была продукция герценовской типографии, она оказывалась недостаточной для удовлетворения спроса, поступавшего из России. При таких условиях вполне естественной была мысль о создании за границей еще одной русской типографии.

Эта мысль была приведена в исполнение уже известным нам В. И. Бакстом, основавшим, по-видимому, в конце осени 1862 г. русскую типографию в Берне. Как это ни странно, существование этой типографии до сих пор оставалось неизвестным нашим исследователям, хотя некоторые документы, содержавшие в себе упоминание об этой типографии, были давно уже опубликованы. Основываясь как на этих документах, так и на некоторых других, которые впервые печатаются в 41—42 томе «Литературного наследства», мы попытаемся изложить историю этого эмигрантского начинания. Однако необходимо теперь же оговориться, что те сведения, которыми мы в настоящее время располагаем относительно бернской типографии, настолько скудны, что не дают возможности дать сколько-нибудь полную картину судьбы этой типографии.

А. А. Слепцов рассказывает, что, приступив к организации тайного общества «Земля и Воля», Н. А. Серно-Соловьевич обратил особенное внимание на собиравшегося ехать в Гейдельберг Бакста, которому, как добавляет Слепцов, «была обеспечена помощь Лугинина». «Он [т. е. Бакст],— пишет Слепцов,— ехал не столько для научных занятий, сколько для огранизации доставки лондонских (тогда, в сущности, единственных) изданий в Россию, на что В. Ф. [Лугинин] обещал не пожалеть части своих (вернее отцовских) громадных средств» [45]. И действительно, как мы уже упоминали, Бакст привел в исполнение это намерение, приняв на себя организацию транспортирования герценовской литературы через русско-прусскую границу. Отдав свои силы этому делу, Бакст должен был

---

[45] А. И. Герцен. Соч., т. XVI, стр. 74.

убедиться в том, что лондонская типография не в силах справиться с выпавшей на ее долю задачей.

Бакст имел опыт в типографском деле. В Петербурге он владел типографией. Естественно, что и за границей ему пришла мысль вновь приняться за знакомое дело. Откуда же он достал деньги на устройство типографии? По-видимому, не от Лугинина, с которым, как мы уже знаем, он в Гейдельберге разошелся в связи с вопросом о роли русской читальни. Имеются основания предполагать, что средствами, необходимыми на устройство типографии, снабдил его другой товарищ по Гейдельбергу, упомянутый выше барон Стюарт, человек весьма состоятельный. За это предположение говорит то обстоятельство, что распорядителем шрифта, оставшегося после ликвидации бернской типографии, в эмигрантских кругах, как это видно из неопубликованных писем Н. И. Утина к Герцену и Огареву, наряду с Бакстом считался и Стюарт.

Бернская типография, как упомянуто уже выше, возникла в конце осени 1862 г. По крайней мере, С. Тхоржевский в письме к В. И. Касаткину от 4 ноября 1862 г. говорит об этой типографии как об уже существующей [46].

По-видимому, по открытии типографии Бакст встретился с какими-то препятствиями, мешавшими нормальному развертыванию его работы (см. письмо Касаткина к Герцену) [47]. Возможно, что и денег у Бакста не хватало, а возможно,— и это вероятнее всего — что он испытывал недостаток в литературном материале. Поэтому среди

[46] Это письмо Тхоржевского см. А. И. Герцен. Соч., т. XV, стр. 541. Впрочем, М. К. Лемке воспроизводит его с пропусками, которые мы считаем нужным восстановить. После абзаца, кончающегося словами «без денег etc., etc.», следовало: «Черкасов вместе с Серно-Соловьевичем уехал [из Лондона] в Париж и с ним в Неаполь. Мих[аил] Алек[сандрович Бакунин] здоров и делен. Насчет записок декабристов, если будут печатать в Лондоне, непременно Чернецкий сделает так, как Вам нужно; но вещь еще не решена. (Касаткин просил отпечатать для него несколько экземпляров этой книги на бумаге различных цветов). После абзаца, кончающегося словами: «продал в Берлин», следовало: «4-ый т[ом] Раскольников на днях выйдет. Я, слава богу, здоров — дай бог только дела как-нибудь устроить и *переслать оружие* (подчеркнуто Тхоржевским.— *Б. К.)*. Вчера на радости много глупостей я наделал, и потому сильно голова болит. Жду от вас ответа и жму руку вам. Станислав». (См. ЦГИАМ, ф. Высочайше утвержденной 1866 следственной комиссии, д. 67).

[47] «Литературное наследство», т. 41—42, стр. 53—55.

эмигрантов, живших в Швейцарии, возникла мысль о соединении бернской и лондонской типографий в единое предприятие. Для переговоров по этому вопросу с Герценом и его товарищами отправились в Лондон А. А. Серно-Соловьевич и А. А. Черкесов. В результате переговоров сложился план, который С. Тхоржевский следующим образом излагает в цитированном уже письме к Касаткину: «Из разных предположений, и с Вашей стороны и со стороны бернской типографии, вышел на скорую руку план не только соединения двух враждебных типографий, но основания общества издательства всех сочинений и «Колоколов», так что где бы они ни печатались, то все равно будет и для одной и для другой стороны. В обществе примут участие главное: Николай Платонович, Александр Иванович с сыном, Чернецкий, Бакст, я и вы, как книгопродавцы: Серно-Соловьевич, А. А. Черкесов и еще двое или трое денежных людей. Общество будет основано на акциях, т. е. соответственно взносу, барыш от получаемых из «издавництва» «Колокола» и всех нужных книг[48] люди специальные, как типографы и другие, должны получать жалованье, которое, разумеется, нужно на содержание. Мы, если захотите, будем заниматься и торговлею книжною, которая не взойдет в общество, но это другой вопрос. «Колокол», как и всегда, должен принадлежать А[лександру] И[вановичу], но общество будет печатать и продавать сколько угодно, а редакция будет отдельно вознаграждена, кроме барыша, который редакция« будет иметь, как акционерка. Это все — проект, составленный вчера мною и Серно-Соловьевичем вечером, за несколько часов перед его отъездом, а утром был только проект соединения типографий, в котором только должны были участвовать А[лександр] И[ванович], Чернецкий и Бакст. В этом проекте я видел всю тяжесть на А[лександре] И[вановиче], а потому мысль этого обширного проекта надобно развить как можно скорее и, разумеется, отдать одному дельному законодателю заметить на параграфы. Что вы об этом думаете и как хотите участвовать?»[49].

Об этом проекте Касаткин узнал не только из письма Тхоржевского, но и от Серно-Соловьевича и Черкесова, которые на пути из Лондона в Неаполь, куда Серно-

[48] Так в оригинале.— *Ред.*

[49] «Литературное наследство», т. 41—42, стр. 52.

Соловьевич ехал для лечения, заезжали в Женеву и 7 и 8 ноября вели переговоры с Касаткиным. Сообщая об этом Герцену, Касаткин писал: «Результаты наших совещаний, в виде основных положений проекта, я посылаю Тхоржевскому, который и сообщит вам его. Рассмотрите и обсудите его сообща, по возможности во всех отношениях. Все ваши замечания, изменения, соображения потрудитесь сообщить мне или Баксту для уведомления о том С[ерно]-С[оловьевича] и дальнейшей разработки проекта. Пока еще нет денег, но все, в том числе и я, надеемся, что они скоро будут... До тех пор положение обеих типографий и книжного дела должно остаться *in status quo*. По моему мнению, Бакст в настоящем положении не может ничего сделать; всякие поддержки бесполезны и ни к чему не приведут. От осуществления же проекта дело принимает, с самого начала его, совершенно другой и, можно заранее сказать, хороший оборот. Так как большинство шансов за то, что деньги будут, то, не теряя времени, следует обсудить и развить проект во всех подробностях, чтобы иметь возможность с начала же нового года приступить к его осуществлению» [50]. К сожалению, никаких подробностей относительно содержания проекта, упоминаемого Касаткиным в только что цитированном письме, мы не знаем. Известно только, что в процессе его обсуждения возникло предположение рассматривать задуманное объединенное издательство в качестве заграничного предприятия тайного общества «Земля и Воля», на что ее представитель А. А. Слепцов, находившийся в то время за границей, дал согласие. Известно также, что проект «акционерной компании» не осуществился. Можно предполагать, что одной из причин этого — а, может быть, и главной — было отрицательное отношение к нему Герцена.

Прежде чем говорить об этом, познакомимся с тем, как реагировал на проект слияния типографии Огарев. В письме к Бaксту от 15 декабря 1862 г. он писал: «Я прихожу к тому убеждению, что компании типографии, если будут пути (т. е. связи для транспортирования литературы в Россию), лучше, безопаснее соединить в Лондоне, чем на материке, а в ценах разницы не будет...

[50] «Литературное наследство», т. 41—42, стр. 53.

Большое предприятие вне Англии, где бы то ни было, при предстоящей истории легко подвести под секвестр и разом лишиться и фонда, и типографии на континенте, а между тем, лондонская типография окажется уменьшенною, так что вместо добра, выйдет худо» [51].

Таким образом, принципиальных возражений против проекта слияния у Огарева не было. Он предлагал только, чтобы все предприятие было сосредоточено в Лондоне, находя, что политические порядки Англии дают больше гарантий развития дела, нежели порядки других стран.

Иначе относился к проекту Герцен. В этом вопросе он коренным образом разошелся со своим другом. 15 февраля 1863 г. он писал Огареву: «*Volo videre, quo modo acdificatis*» (хочу видеть, как вы строите — *Б. К.*). Пусть же они докажут, что *они — сила,* что мы с ними и со всеми, кто идет тем же путем,— это они знают. Но, стоя на построенном нами фундаменте одиноко, пока не убедимся, что их прочнее, мы не будем увлечены в *fiasko* или нелепость. Служить им я буду, но прежде чем брать солидарную ответственность, хочу видеть их журнал, их *profession de foi*. Ведь «Земля и Воля» — не все, и в «Молодой России» то же было... А потому я не знаю, чего именно ты хочешь от меня. Смешать 0 нашего фонда с 0 их? Можно. С(лепцов) (?) говорит, что мы можем распоряжаться, а С. приедет да задаст такую гонку. Это даже Бакунин не принимает» [52].

Из этого письма видно, что, возражая Огареву, Герцен приводил ряд доводов против предложенного ему проекта.

Во-первых, он выражал неверие в силы представителей молодой эмиграции и в их способность справиться с делами.

Во-вторых, он боялся объединять свою типографию с бернской, чтобы не потерять самостоятельности.

В-третьих, он не хочет ставить свое дело в зависимость, хотя бы и минимальную, от тайного общества «Земля и Воля», не полагаясь на обещания А. А. Слепцова, который не производил на Герцена впечатления серьезного политического деятеля (да и действительно не был им), не вмешиваться в дела издательства и типографии. Поэтому он выдвигал возражения, что «Земля и

[51] А. И. Герцен. Соч., т. XV, стр. 568.
[52] А. И. Герцен. Соч., т XVI, стр. 68—69.

Воля» не представляет всего русского революционного движения.

В-четвертых, Герцена смущала материальная сторона дела, так как он знал, насколько недостаточны имущественные средства эмигрантов, и опасался, что в случае проектируемого слияния все материальные тягости лягут на одного или почти одного его.

Отвергнув предложенный ему проект, Герцен, однако, не уклонился от поддержки бернской типографии как материальными средствами, так и личным сотрудничеством.

Посылая в марте 1863 г. Касаткину 50 фунтов стерлингов, Герцен добавлял: «Печатайте без счета, а коммуникации будут вскоре восстановлены. Революция не только не *погасла,* но увеличилась; вести из России благоприятны, и наши труды не пропадут даром». В другом письме к тому же Касаткину (4 апреля того же года) Герцен писал: «Не уставайте, развивайте наши мысли... торопитесь печатать — первые оттиски в Лондон» [53].

Эти письма Герцена дают основание предполагать, что Касаткин состоял при бернской типографии чем-то вроде представителя Герцена.

Что касается литературного сотрудничества Герцена с бернской типографией, то оно выяснится для нас, когда мы будем говорить о продукции этой типографии. А пока остановимся еще на материальной стороне дела.

Ниже мы помещаем денежный отчет, который Бакст в марте 1863 г. послал Огареву [54]. Уже самый факт его посылки свидетельствует о том, что бернская типография в материальном отношении зависела от Лондона. Однако средства ее, естественно, не ограничивались тем, что она получала от Герцена. В числе жертвователей отчет указывает и «барона», т. е. Стюарта, и Лугинина, и гейдельбержцев, приславших деньги через Серно-Соловьевича, и какого-то «М. Ив.» и Якушкина (из сказанного выше об отношениях Е. И. Якушкина с Касаткиным ясно, что именно он упоминается в отчете).

Что же печатала бернская типография? Если мы будем искать в каталогах революционной литературы издания того времени, вышедшие в Берне, то все наши

---

[53] А. И. Герцен. Соч., т. XVI, стр. 74.

[54] «Литературное наследство», т. 41—42, стр. 64.

поиски останутся безрезультатными; таких изданий не существует. К счастью, мы имеем и другие пути для установления бернской продукции.

15 декабря 1862 г. Герцен запрашивал Бакста: «Принялись ли вы за Пиотровского и что напечатали. Вы больше пишете об общих вещах, а нам нужны детали» [55]. В письме Бакста к Огареву от 22 марта 1863 г. мы читаем: «Предисловия Пиотровского еще нет, и мне сильно достается за остановку в работе» [56].

Пересматривая русские заграничные издания 1863 г., мы находим книгу: «Записки Руфина Пиотровского. Россия и Сибирь. 1843—1846. Norrkoeping. Eric Biornstrom. 1863» [57]. На 4-й странице обложки этой книги мы находим

[55] А. И. Герцен. Соч., т. XV, стр. 568.

[56] «Литературное наследство», т. 41—42, стр. 64.

[57] Запискам Пиотровского в этом издании предпослано предисловие, подписанное: «Великоруссы». В этом предисловии объясняется цель издания записок Пиотровского в русском переводе. «Желая познакомить русских читателей с записками польских изгнанников и биографией польских мучеников, мы предприняли перевести или сократить с польского самые замечательные из них... Записки польских изгнанников... дадут понятие о том состоянии, в которое ввергнута несчастная польская нация, угнетенная, задавленная, растерзанная, но не уничтоженная и не порабощенная».

Далее автор предисловия обвиняет русское общество в том, что оно позволяет правительству безнаказанно угнетать поляков.

«Мы, русские, говорим беспрестанно: правительство думает прикрыть отвлеченным и широким словом собственную несостоятельность, слабость, бессознательность и постыдное малодушие. Но что такое правительство? Ведь оно не состоит из одного Александра Николаевича, который несмотря на многие свои недостатки, не только не кровопийца и не изверг, но даже добрый человек, неспособный сам рубить безоружный народ, колоть штыками детей и женщин, засекать нагайками до полусмерти. Правительство не состоит также из одних министров, многие из которых люди честные и порядочные. Правительство — это совокупность множества людей, занимающих видные и невидные места, следовательно, это значительная часть самого нашего общества». В русском обществе широко распространен один «предрассудок». «Он опирается на мнимом т[ак] наз[ываемом] величии России, которое понимается совершенно превратно и состоит только в том, чтобы ценою крови, общего презрения и негодования всего образованного мира сохранить неприкосновенно свои прежние завоевания, настоящие свои границы... Как будто из того, что мы проливали кровь желая захватить чужое, следует опять лить кровь, чтобы сохранить чужое... Пусть рус[ские] чит[атели] не смущаются и умеют понять ненависть поляков к москалям... Поляки не имеют понятия

сообщение: «Печатаются: «Концы и начала Искандера».

Далее, в письме от 15 ноября 1868 г. Касаткин писал Герцену: «Ваши «Концы и начала» следовало бы оттиснуть отдельной брошюрой, разрешите это Баксту. Книжечка скоро окупится и доставит многим новое наслаждение» [58]. А в только что цитированном письме Бакста к Огареву мы находим следующие строки: «Статьи Александра Ивановича печатаются, начато с «Концов и начал». Нельзя ли прибавить предисловие А[лександра] Ив[ановича], которое давно обещано» [59].

Среди заграничной русской книжной продукции 1863 г. имеется книга: «Искандер. Концы и начала. С предисловием автора. Norrkoeping. Tryckthos. Eric Birnström, 1863».

Надеемся, что после всего сказанного не может быть никаких сомнений в том, что обе обнаруженные нами книги были отпечатаны в бернской типографии. И ссылка на норвежское местечко Норкепинг, и никому неведомый (а вернее всего и несуществующий) Эрик Бьорнстром были лишь удачными приемами маскировки. Когда это было выяснено, Е. Н. Кушевой путем сравнения шрифтов

о русских, из русских они знают только начальников, грабителей и извергов, которых им присылает петербургское правительство... Всякий, у кого в груди бьется честное сердце,— продолжает автор предисловия,— у кого в голове есть ум, не отуманенный теориями солдатского самоуправства, поймет, как унизительны и позорны для всей нашей нации неистовства армии и беззакония и жестокости администрации... Мы бы желали, чтобы молодые люди наши, прочитав страницы, преисполненные любви к отечеству, научились воздавать честь и почет тем, которые безвестно, один после другого, умирали за независимость, свободу и благо родины, чтобы одушевленные теми же чувствами, приготовились в случае нужды итти бестрепетно на мучения и казнь за то же святое дело».

Кто был автором этого предисловия, неизвестно.

Он упоминает о своем «долгом пребывании в Варшаве» и, говоря о петрашевцах, причисляет себя к «современникам и ровесникам этих благородных сынов России». В рядах тогдашней эмиграции был лишь один «ровесник» петрашевцев — это В. И. Касаткин, родившийся около 1831 г. Жил ли он «долгое» время в Варшаве, неизвестно, так как биография его до сих пор не изучена. Неопубликованные письма его к Е. И. Якушкину показывают, что он владел польским языком. Таким образом, возможно, что предисловие к запискам Р. Пиотровского было написано им. Однако это только догадка, настаивать на которой нет оснований.

[58] «Литературное наследство», т. 41—42, стр. 54.

[59] Там же, стр. 63.

удалось установить, что кроме указанных двух книг в бернской типографии в 1863 г. был отпечатан ряд прокламаций (что, между прочим, подтверждается упоминанием о «листах», отпечатанных в Берне, в письме Касаткина к Огареву от 12 марта 1863 г.) [60] и две брошюры: «Послание» и «Свободные русские песни». [61].

На некоторых из этих изданий мы также находим следы маскировки: на одних в качестве места печатания указаны Петербург и Москва, другие же имеют ложные даты цензурного разрешения. Некоторые из прокламаций, несомненно, написаны Огаревым.

Все указанные издания вышли в свет в течение первой половины 1863 г. Во второй половине этого года деятельность типографии замирает. И это вполне понятно, если мы вспомним, что весна 1863 г. обманула ожидания русских революционеров на повсеместное восстание в России, что к лету предстоящее поражение польского восстания стало ясно для всякого объективного наблюдателя, что деятельность «Земли и Воли» к этому времени почти совершенно замерла (вспомним, что еще 1 мая 1863 г. Герцен писал Огареву: «Миф «Земли и Воли» должно продолжать потому уже, что они сами поверят в себя. Но что теперь «Земли и Воли» нет еще, это ясно» [62] и что, наконец, под влиянием реакции, восторжествовавшей в русском обществе, спрос внутри России на заграничную русскую литературу катастрофически упал. К сожалению, определить точно время ликвидации русской типографии в Берне мы не имеем возможности. Надо думать, что летом 1863 г. она перестала существовать.

В заключение отметим, что между Касаткиным и другими эмигрантами, причастными к бернской типографии, происходили какие-то недоразумения и столкновения, которые не могли не отражаться и на отношениях эмигрантов к Герцену. Посетив в конце ноября 1863 г. Женеву, Герцен имел случай убедиться, что «Касаткин — мелочный человек» и что эмигранты «страшно обозлены против него». «Не знаю,— писал Герцен Огареву,— помирил

---

[60] «Литературное наследство», т. 41—42, стр. 60—61.

[61] Е. Н. Кушева. Революционные прокламации женевской типографии 1869—1870 гг.— «Литературное наследство», т. 41—42, стр. 92—102.

[62] А. И. Герцен. Соч., т. XVI, стр. 241.

ли я, но, кажется, свел на приличную ногу. Касаткин виделся у меня с Бакстом, при прощании в зале железной дороги я именем Николая, Лондонского миротворца (т. е. Огарева —*Б. К.*), просил их забыть вздор — обещали постараться»[63]. Однако, как мы убедимся ниже, из этих стараний ничего не вышло.

3. ЖЕНЕВСКИЙ СЪЕЗД ЭМИГРАНТОВ

В 1863 г. в рядах русской эмиграции появился ряд новых людей. Наиболее видным из них по своей роли в революционном движении был Н. И. Утин. Несмотря на свою молодость, он имел уже за собой весьма значительный опыт революционной работы. В 1861 г. Утин был одним из руководителей студенческого движения в Петербурге, за что поплатился арестом. Позднее он вошел в тайное общество «Земля и Воля» и был членом ее центральнго комитета. Предупрежденный о грозящем ему аресте, Утин в мае 1863 г. поспешил скрыться за границу. В августе он приехал в Лондон и поселился там. Герцен принял его весьма радушно и оповестил в «Колоколе» об его удачном побеге[64]. Живя в Лондоне, Утин сблизился с редакцией «Колокола». В одном из позднейших писем своих к Огареву он вспоминал: «Я помню ваше общее дорогое для меня предложение участвовать в редакции «Колокола» вместе с моим другом Зрачковым... Но редактировать отказался, как вы помните»[65]. В достоверности сообщаемого Утиным факта, конечно, не может быть никаких сомнений. Очевидно, что в конце 1863 г. Герцен и Огарев, обеспокоенные быстро снижавшимся спросом на издания, решили привлечь в редакцию «Колокола» двух представителей «Земли и Воли», находившихся в то время за границей — Утина и М. С. Гулевича (Зрачкова), в том же 1863 г., что и Утин, покинувшего Россию. По-видимому они рассчитывали, вступив в более тесные сношения с представителями «Земли и Воли», поднять популярность «Колокола» среди революционеров, действующих в России. Мало этого, существовал

---

[63] А. И. Герцен. Соч., т. XVI, стр. 538 и 540.

[64] Там же, стр. 436.

[65] Цитируемые в нашей работе неизданные письма Утина к Герцену и Огареву в фотокопиях находятся в Литературном музее.

даже проект поставить на «Колоколе» девиз «Земля и Воля». Однако Утин (в письме к Огареву от 23 декабря 1863 г.) категорически возражал против такой «ужасной вещи», указывая, что его петербургские «друзья пишут о *необходимости* переменить открытый образ действия на тайный», и что петербургское правительство может воспользоваться этим девизом для того, чтобы попавшихся в его руки членов «Земли и Воли» «казнить за «Колокол», как за домашние прокламации». «Колокол» с девизом «Земля и Воля»,— пояснял свою мысль Утин,— непременно примется за орган тайного общества «Земля и Воля», а об этом обществе друзья умоляют умалчивать» В этом инциденте поистине не знаешь, чему больше изумляться: наивности ли Герцена и Огарева, вознамерившихся опереться на «Землю и Волю», которая, как им было известно, фактически уже не существовала, или же своеобразной аргументации Утина. Во всяком случае, этот факт лишний раз свидетельствует о растерянности, охватившей русскую эмиграцию в конце 1863 г. под впечатлением роста реакции в России.

Почему Утин отказался войти в редакцию «Колокола» если не в качестве представителя «Земли и Воли», то хотя бы как частное лицо, остается не вполне ясным, но несомненно, что предположенная комбинация не осуществилась именно из-за его нежелания. Это подтверждается свидетельством самого Герцена, приводимым неким «иркутским купеческим сыном» Николаем Пестеревым. Допрошенный в 1867 г. в следственной комиссии Пестерев, между прочим, рассказал, что в 1864 г. он ездил за границу, где познакомился с эмигрантами, в том числе и с Герценом. При встрече Герцен спросил Пестерева, что говорят о «Колоколе» в России. «Я отвечал,— рассказывал Пестерев,— что последнее время Россия «Колокола» не видит почти, а на смену вас у нас есть свой публицист: это — Чернышевский. «Колокол» ваш уж для нас плох, а главное — мода на вас прошла».— «Да, это я вижу,— ответил Герцен,— ни посетителей у меня последнее время нету и издание совсем не идет. Хоть бросай. Сведений из России тоже не получаю. Даже журналы и газеты запаздывают, да и работаем только вдвоем с Огаревым. Он же больной. Что тут сделаешь? Сын у меня совсем ученый, политики просто не понимает. Предлагал было Утину.

тот отказался. Как же тут винить меня? Пусть приедет Чернышевский. Я с руками передам ему мой станок. А что, ведь, от вас (т. е. из Сибири) уйти можно? Бакунин ушел же. Но не всем бакунинское счастье: того ведь сами в порт сдали да на своей лодке на американский пароход и перевезли»[66].

Известную роль в отказе Утина войти в редакцию «Колокола» могло играть то, что статьи которые он писал, не получали доступа на страницы «Колокола». В письме от 11 ноября 1863 г. Герцен писал Огареву: «Статья Утина только в конце может быть помещена, т. е. где он говорит о «Земле и Воле», но лучше подождать»[67]. В результате эта статья напечатана не была. В конце того же года Утин написал для «Колокола» статью «На новый год (Семья гонимых)», в которой, по его словам, разбирал новый университетский устав. Эта статья также в печати не появилась. Это дает основание отнестись с доверием к сообщению Утина, переданному тем же Н. Пестеревым, что причиной его отказа было его несогласие с Герценом «по програме изданий».

Вскоре Утин покинул Лондон и переехал в Швейцарию, которая все больше притягивала к себе русских эмигрантов.

В 1863 г. бежали за границу два видных участника московского студенческого движения 1861 г., один — И. И. Кельсиев — из тюрьмы, другой — Гижицкий — из ссылки. О Кельсиеве мы уже упоминали и говорили, что он отправился в Тульчу на помощь брату; однако ему недолго удалось поработать в эмиграции: в июне 1864 г. он умер от тифа. Где провел свои эмигрантские годы Гижицкий, в точности неизвестно. В документах, касающихся деятельности русской эмиграции 60-х годов, его имя не упоминается. Однако его упомянутая выше статья в «Московских Ведомостях» показывает, что он был в курсе эмигрантских дел и склок.

Наконец, отметим появление за границей в начале 1864 г. известного впоследствии русско-грузинского публициста Н. Я. Николадзе. Хотя формально он и не был эмигрантом, так как уехал за границу с разрешения правительства, а в 1868 г. свободно возвратился в Россию, в

---

66 ЦГИАМ, ф. III отд., 1 эксп., 1867, д. 302.

67 А. И. Герцен. Соч., т. XVI, стр. 516.

делах эмиграции он играл большую, хотя, как мы увидим ниже, не всегда красивую роль. Революционное прошлое Николадзе исчерпывалось тем, что в 1861 г. он, будучи студентом первого курса Петербургского университета, принимал некоторое участие в студенческом движении, за что и поплатился полуторамесячным заключением в Кронштадтской крепости. Лично знакомый с семьей Чернышевского, Николадзе любил много рассказывать о своей близости к великому революционеру. Это, конечно, весьма импонировало его слушателям[68].

К концу 1863 г. для всех было ясно, что революционный подъем, пережитый Россией в предыдущие годы, находится на исходе. Польское восстание было жестоко подавлено. Надежды на близость крестьянской революции рассеялись. Русские революционные организации частью подверглись разгрому, частью же, как например «Земля и Воля», сами ликвидировались, не видя возможности продолжать свою работу. Как никогда, процветало ренегатство; те, кто были вчера еще ярыми оппозиционерами, сегодня круто поворачивали вправо, а часто становились открытыми прислужниками реакции.

В таких условиях перед эмиграцией стал вопрос, в каком направлении ей надлежит развивать свою дальнейшую деятельность. В «Колоколе» от 1 января 1865 г. (№ 193) Герцен дал вполне четкий ответ на этот вопрос: «Пропаганда,— писал он,— явным образом разбивается надвое: с одной стороны, слово, совет, анализ, обличение, теория; с другой — образование кругов, устройство путей внутренних и внешних сношений. На первое мы посвящаем всю нашу деятельность, всю нашу преданность, второе не может делаться за границей»[69]. Таким образом, Герцен ограничивал задачу эмиграции исключительно литературной деятельностью или, другими словами, печатной пропагандой революционных идей. Естественно, что представители

---

[68] Гижицкий писал о Николадзе: «В Женеве он выдавал себя за какого-то таинственного эмигранта, который даже и словом не может намекнуть на свое политическое преступление. А между тем, все его политическое преступление состояло в том, что он в Петербурге был знаком с одним политическим преступником (т. е. Чернышевским)» («Московские ведомости», 1873, № 14, статья «Русские эмигранты»).

[69] А. И. Герцен, Соч., т. XVIII, стр. 3.

«молодой эмиграции» не могли согласиться с такой постановкой вопроса.

Они не находили возможным обращаться с пропагандой только к случайным русским путешественникам по Западной Европе. Они хотели воздействовать на русское общество. А для этого было необходимо не только издавать революционную литературу, но и изыскивать пути для продвижения ее в Россию. Организацию «внешних сношений» они безусловно считали делом эмиграций. В сущности, с этим не мог не согласиться в глубине души своей и сам Герцен, который и как писатель, и как издатель был заинтересован в том, чтобы его голос доходил до России, в том, чтобы его издания распространялись среди русского общества.

Однако «молодая эмиграция» шла дальше. Учитывая отсутствие в России после ликвидации «Земли и Воли» центра, работающего над собиранием и объединением революционных сил, имеющихся в стране, представители «молодой эмиграции» считали, что такую задачу эмигрантам приходится взять на себя. Отражая эту точку зрения, Н. И. Утин 9 июля 1864 г. писал Огареву: «На сию минуту, когда в самой Росии нет центра, вы должны понять, какую важность получает здесь заграничный очевидный (т. е. открыто существующий) центр — это *оплот силы, оплот веры в силу*... Мы должны сгруппироваться в маленький центр, *нисколько не имеющий притязания руководить* деятельностью в России, но всегда готовый служить живым узлом для связи не сходящихся между собою кружков и даже личностей». Если эмиграции удастся создать такой центр, то ясно, что «Колокол» и вообще издательство Герцена должны стать в зависимое от него положение, должны из личного дела Герцена с Огаревым превратиться в дело общеэмигрантское. Эмигранты, другими словами, полагали, что Герцен и Огарев должны «принять в общую работу» всех их. 9 июля 1864 г. Утин отправил Огареву программу преобразования «Колокола». К сожалению, эта программа до сих пор неизвестна, но несомненно, что она была составлена именно в только что указаном духе.

Анонимный автор некролога А. А. Серно-Соловьевича, напечатанного в 1869 г. в журнале Утина «Народное дело» (вернее всего — сам Утин), вспоминал: «В конце 1864 г. он принял энергическое участие в стремлении

«молодой эмиграции» создать в Женеве тесный круг, который своею готовностью и положением мог бы служить постоянною помощью друзьям-пропагандистам в России. Это стремление рушилось тогда отчасти вследствие разлада «молодой эмиграции» со «старой», вследствие неумения или нежелания «старой эмиграции» соединить вокруг себя «молодую»; отчасти вследствие бывшей разнородности и недостатка наличных материальных и нравственных сил в самой «молодой эмиграции» для создания самостоятельного органа» [70].

В этой цитате вкратце изложена история женевского съезда русских эмигрантов, состоявшегося в конце декабря 1864 г.— в начале января 1865 г. Прежде чем рассказывать об этом событии, имевшем весьма большое значение в жизни русской эмиграции, необходимо остановиться на том, в каком направлении развивались в течение второй половины 1863 г. и в 1864 г. взаимоотношения Герцена и «молодой эмиграции».

Было время, когда Лондон неудержимо притягивал к себе всех русских, приезжавших за границу. Было время, когда Герцен не знал отбоя от посетителей, жаждавших познакомиться с человеком, имя которого гремело тогда по всей России. Теперь это время прошло. Никому и в голову не приходило заезжать в Лондон только для того, чтобы посмотреть на Герцена. Даже те русские, которых судьба заносила в Англию, не только не стремились посетить Герцена, но, наоборот, всячески избегали его, чтобы не компрометировать себя в глазах русской тайной полиции. Теперь посетители, рисковавшие нарушить покой Герцена, были очень редким явлением. Даже эмигрантов Лондон не привлекал. Они сосредоточивались главным образом в Швейцарии и отчасти, в меньшей степени, в Париже и в Италии.

При таких условиях, а также при все возрастающей дороговизне в Лондоне, на которую неоднократно жаловался Герцен, указывая, что она чрезвычайно затрудняет содержание «Вольной русской типографии», почти переставшей приносить какие-либо доходы [71], у Герцена

---

[70] «Народное дело», 1869, № 7—10, стр. 110.
[71] А. И. Герцен. Соч., т. XVII, стр. 56, 158.

возникла мысль перенести свою типографию из Англии на континент.

Поездка, предпринятая Герценом осенью 1863 г. по Италии и Швейцарии, способствовала тому, что эта мысль укрепилась в нем.

Во Флоренции Герцен нашел целую русскую колонию, которая устроила в честь его парадный обед. На обеде он встретился с Л. Мечниковым и Стюартом и вел с ними переговоры относительно организации доставки лондонских изданий в Россию.[72]

Оттуда Герцен проехал в Женеву. Там он встретился со многими русскими. Некоторые из них специально приехали в Женеву из других городов Швейцарии, чтобы повидаться с ним. В Женеве около него собрался ряд эмигрантов: Бакст, Касаткин, Черкесов, А. А. Слепцов и др. На совещаниях, происходивших между ними и Герценом, они поставили вопрос о необходимости переезда в Швейцарию Л. Чернецкого в целях возобновления работы свернутой к тому времени бернской типографии. Эта мысль, по выражению Герцена, «сделала фурор» среди присутствующих. Было решено, что в мае 1864 г. лондонская типография переносится в итальянский городок Лугано[73].

Герцен уехал из Женевы весьма довольный. «Всех русских... я нашел лучше, чем ждал»,— писал он Огареву[74].

Однако по возвращении в Лондон Герцен начал сомневаться в целесообразности принятого в Женеве решения. Огарев, возражавший против переноса типографии на континент, раздувал в нем скептическое отношение к этому делу. Колебания продолжались более года. Как известно, Герцен расстался навсегда с Лондоном не в мае 1864 г., как было договорено в Женеве, а лишь 15 марта 1865 г.

Какие же соображения заставляли Герцена задумываться вновь и вновь над принятым решением? Во-первых, Герцен боялся торжества реакции в Западной Европе и опасностей, связанных с этим для его типографии. Зависимость от решений и капризов Наполеона III, в состоянии которой оказалась объединенная Италия, с одной стороны, и возрастающее всемогущество Бисмарка, с другой,

---

[72] А. И. Герцен. Соч., т. XVI, стр. 515, 538.
[73] Там же, стр. 540, 542.
[74] Там же, стр. 538.

учитывались Герценом и заставили его признать, что Италия, которая легко может стать ареной военных действий, место, мало подходящее для устройства русской типографии [75].

Во-вторых, Герцен, несомненно, опасался и того, что переезд его на континент приведет к усилению вмешательства русских эмигрантов в дела его типографии. Недоверие к представителям «молодой эмиграции» все более возрастало в Герцене. Это видно хотя бы по отношению его к Н. И. Утину. Когда Огарев однажды указал ему, что в Утине надо беречь представителя «Земли и Воли», Герцен раздраженно ответил: «Не поберечь ли «Землю и Волю» в себе прежде, чем в других?» — намекая, что им с Огаревым «Земля и Воля» обязана большим, нежели Утину. И добавил, что не понимает «удовлетворимости» Огарева относительно Утина. В другой раз он писал Огареву про Утина: «Мне не нравится тон институтской câlinerie (лести) его и твоих писем, а ты мне не позволяешь находить, что ты дешево отдаешься... Есть вещь, снимающая разом даль людей, это (если хочешь понять — поймешь) — помазание, его в Утине я не вижу» [76]. Это пока еще не мешало, однако, тому, что внешне отношения Герцена к Утину сохраняли вполне дружественный характер. Даже одну статью Утина Герцен решился напечатать в 1864 г. в «Колоколе»; впрочем, отказать в это было трудно, так как свою статью Утин посвятил Чернышевскому, отзываясь ею на его осуждение к каторжным работам.

В марте 1864 г. А. А. Черкесов выдвинул проект создания, наряду с «Колоколом», еще одного русского журнала, желая придать ему общеэмигрантский характер. Черкесов предложил Герцену принять на себя редактирование этого журнала, но Герцен отказался наотрез. Поясняя мотивы отказа, Герцен писал Мальвиде Мейзенбуг: «Как объяснить то обстоятельство, что эти самые молодые люди, живущие дома и за границей, не обладают ни силою, ни талантом, ни любовью, ни настойчивостью, необходимыми для руководства периодическим изданием? Мы дадим статью, мы дадим типографию и Чернецкого — пусть только начнут. Бесплодие русской литературы поразительно, это — бесплодные пустыни. Скажите Черкесову, что мы

[75] А. И. Герцен. Соч., т. XVII, стр. 344.
[76] Там же, стр. 63—64, 69.

согласны сотрудничать, но редактирования (морального и физического) на себя не возьмем» [77].

Из этого письма видно, насколько Герцен уже в это время не доверял русской эмиграции и как низко расценивал он ее силы и способности.

Замедление перевозки лондонской типографии на материк не могло не беспокоить «молодую эмиграцию». В июне 1864 г. Утин сделал попытку убедить в необходимости этого шага Огарева, который, как упомянуто выше, долго противился переезду. Утин писал Огареву: «Я с вами совершенно несогласен в том, что вы пишите о бесполезности для дела своего переезда. Тысячу раз неправда!!! Ваш переезд сюда принесет весьма солидную пользу и нашему делу, и вам лично, т. е. вашему имени, как пропагаторов; а возвращение вашему имени престижа или, простите, того полного уважения, которое было еще недавно, т. е. *два года* тому назад — это дело нашей общей пользы» [78].

Конечно, и это письмо Утина не могло рассеять сомнений Герцена, а скорее укрепляло их. Указание на утрату «престижа» и «полного уважения» не могло быть приятно ни ему, ни Огареву, и только заставило их еще больше колебаться относительно пользы переезда. По-видимому, они предложили представителям «молодой эмиграции» устроить свою собственную типографию, обещая ей поддержку при том условии, если в ее делах примет участие Касаткин. Такой проект не мог прийтись по душе женевским эмигрантам. Их взаимоотношения с Касаткиным были более, чем холодные. Этот раздражительный, придирчивый и мелочный человек успел восстановить против себя всех товарищей по эмиграции. В письме к Огареву (4 августа 1864 г.) Утин указывал, что Касаткин «имеет слишком много скверного самолюбия и очень много способности причинять сплетни и ссоры». При этом Утин ссылался на Стюарта, признавшего невозможным устройство вместе с Касаткиным типографии. Далее Утин сообщал, что Стюарт готов предоставить Герцену и Огареву, буде они пожелают, открыть типографию в Женеве, шрифты, очевидно сохранив-

---

[77] А. И. Герцен. Соч., т. XVII, стр. 144—145.

[78] Цитируются по фотокопии, находящейся в Литературном музее.

шиеся у него от бернской типографии, а также кредит, которым он пользуется во Франкфурте.

На следующий день по отправке этого письма Огареву Утин решил писать на ту же тему Герцену. В своем письме он вновь возражал против привлечения Касаткина, настаивая, чтобы заведывание типографией было возложено на Чернецкого и вновь приводил предложение Стюарта.

Переговоры принимали такой характер, что обе стороны почувствовали необходимость личной встречи для окончательного выяснения своих взаимоотношений. Герцену нужно было вплотную приглядеться к эмигрантской среде в Женеве, чтобы учесть все плюсы и минусы перевозки типографии в этот город. Эмигранты рассчитывали при личном свидании добиться от Герцена того, чего не удавалось достичь путем письменных сношений. Так возникла мысль об устройстве в Женеве эмигрантского съезда. Перед приездом Герцена в Женеву Утин отправил ему обширное письмо, в котором пытался заранее подготовить почву для соглашения. В этом письме он выдвигал четыре задачи, стоящие перед эмиграцией: 1) пропаганда, 2) установление регулярных сношений с Россией, 3) налаживание связей с людьми, могущими принести пользу революционному делу, и 4) конституирование и увеличение «Общего фонда». При этом Утин добавил, что первоочередными он считает первую и четвертую из этих задач.

Коснувшись вопроса о превращении «Колокола» в общеэмиграционный орган, Утин писал: «Вы этим самым указали бы на *солидарность* партии или, вернее, группы революционной... За каждым словом *такого* «Колокола» чувствовалась бы и друзьями и врагами *сила,* не личная, не индивидуальная, а обобщенная, совокупная, сплоченная *теперь* из десятка или двух людей, а скоро, при положительном вызове деятельного сочувствия в самой России, сила, сплоченная из всего, что есть живого и революционного в России, а с такой силой пришлось бы *считаться».* При несогласии Герцена с этим планом женевским эмигрантам, по словам Утина, не остается ничего другого, как основать свой журнал. «Разве не поразительно печально,— писал Утин,— было бы явление двух органов в такой небольшой среде, разве тупоумные враги не торжественно глумились бы над каким-то разрывом между ними, а ведь это был бы, в таком случае, разрыв между учителем и

учениками, но учитель не для того мог отдавать свою жизнь на поучение, а ученики не того имели право ожидать».

Переходя к вопросу денежному, Утин писал: «Ваш карман слишком уже достаточно служил общему делу, мы хотели бы все принять равную долю участия и на себя; некоторые из нас имеют большие средства, другие — хоть малые; мы хотим, во-первых, сделать для начала одновременный вклад в «Общий фонд» и затем определить ежемесячный взнос. Этих средств, однако, вряд ли было бы достаточно для прочного обстройства всего». Ввиду этого Утин предлагал использовать хранившийся у Герцена так называемый «бахметевский фонд». История этого фонда общеизвестна, и мы не считаем нужным говорить о ней. Отметим только, что представители «молодой эмиграции» рассматривали его как достояние «революционного дела» и потому настаивали на употреблении его на нужды эмиграции. Герцен же не находил возможным касаться этого фонда.

Мы остановились на письме Утина потому, что при скудности известий, дошедших до нас о женевском съезде, это письмо приобретает исключительную ценность. Оно позволяет установить, какие именно вопросы дебатировались в Женеве и в каком направлении шло обсуждение их.

Герцен приехал в Женеву 28 декабря. Здесь он нашел уже многих эмигрантов, хотя некоторые из них подъехали позже Герцена. Кто же принимал участие в Женевском съезде?

Утин в цитированном выше письме указывал, что в Женеву кроме него самого уже собрались следующие эмигранты: Мечников, приехавший из Италии, Якоби, бросивший «свои спешные занятия в Цюрихе для того, чтобы приехать сюда, на общий съезд», Серно-Соловьевич, Жуковский, Гулевич, тот, «который привозил к вам летом мужичка» (кого имеет в виду Утин, определить не удалось.— *Б. К.*) и «все остальные» (т. е., очевидно, эмигранты, постоянно проживавшие в то время в Женеве.— *Б. К.*).

Из писем Герцена видно, что в переговорах также участвовали сын Герцена, Касаткин, Усов, Лугинин, Ковалевский, Шелгунова. Возможно, что кроме этих лиц присутствовали Черкесов, близкий друг и неразлучный спутник Серно-Соловьевича, и Бакст со Стюартом, заинтересованные в использовании хранящегося у них шрифта бернской

типографии. Наверное, их-то и подразумевал Утин под «всеми остальными». Участвовал ли в съезде Николадзе, остается невыясненным, но вряд ли: в 1864 г. и начале 1865 г. он жил в Париже и не был еще так тесно связан с женевскими эмигрантами, как позднее.

Итак, на съезде присутствовало человек пятнадцать.

Остановимся на тех участниках съезда, о которых нам еще не приходилось говорить, а также на Лугинине (это необходимо, чтобы выяснить его позицию на съезде).

Лугинин знаком уже нам по его деятельности в Гейдельберге. Это был сын богатейшего помещика Ветлужского уезда Костромской губернии (о размерах его имения можно судить по тому хотя бы, что после освобождения крестьян и отвода им земельных наделов у Лугинина-отца оставалось 200 тыс. десятин земли[79]. В. Ф. Лугинин родился в 1834 г. Он получил прекрасное воспитание, окончил Артиллерийскую академию, участвовал в Крымской войне, на Дунае и в Севастополе, где, между прочим, познакомился с Л. Н. Толстым; затем вернулся в Петербург и вышел в отставку. В Петербурге он сблизился с левыми общественными кругами и был знаком с Чернышевским, который с несомненной симпатией изобразил его в «Прологе» под фамилией Нивельзина. Мы упоминали уже, что Лугинин был причастен к изданию в 1861 г. прокламаций «Великорус». В марте 1862 г. он уехал в Гейдельберг, чтобы заниматься химией. За границей он прожил до 1867 г. В эти годы он был очень близок к Герцену, который отзывался о нем как об единомышленнике. Полного единства во взглядах между ним и Герценом, однако, не было. Это обнаружилось еще в 1862 г., когда Лугинин, поддерживая И. С. Тургенева, возражал против проекта адреса царю, составленного Огаревым. Лугинин жил за границей не только из-за своих научных занятий, но и из ненависти к диким полицейским порядкам, царившим на его родине. Сообщая своему приятелю проф. Г. М. Цехановецкому о намерении вернуться в Россию весной 1864 г., Лугинин считал нужным оговориться: «Это, впрочем, если дело поправится и дикий московский фанатизм немного

[79] А. И. Герцен. Соч., т. XVIII, стр. 150. Об отце Лугинина см. в т. 16—18 «Литературного наследства», 1934, стр. 657—678, где помещены отрывки из его дневника, в которых Ф. Н. Лугинин рассказывает о своих встречах в Кишиневе с Пушкиным.

уляжется, а то теперь там делать нечего, только праздным протестом испортишь дело в будущем и потеряешь возможность быть полезным» [80]. Наряду с ненавистью к самодержавию, другой характерной чертой Лугинина было высокомерно-пренебрежительное отношение к русскому народу. Об этом можно судить по дневнику А. П. Сусловой, которая встречалась с Лугининым в 1864 г. в Париже. Суслова рассказывает, что однажды у нее был спор с Лугининым и Усовым о русской национальности, «оказалось, что они ее не уважают». При этом Лугинин заявил, что «с большим бы удовольствием послужил бы во Франции или Англии, но остается в России, потому что знает русские обычаи и русский язык, но с русскими ничего общего не имеет, ни с мужиком, ни с купцом, не верит его верованиям, не уважает его принципов». О космополитизме Лугинин говорил, что это «очень хорошая вещь; не все ли равно, что желать добра русскому, что французу» [81]. Итак, ни социалистом, ни сторонником крестьянской революции Лугинин не был. Его можно причислить скорее к конституционалистам и либералам, более последовательным и менее оппортунистичным, чем большинство русских либералов.

И в дневнике Сусловой, и в письмах Бакунина и Салиас [82], и очень часто в письмах Герцена рядом с фамилией Лугинина стоит фамилия Усова (иногда только У.). Это и есть тот Усов, который присутствовал на женевском съезде. Ни М. К. Лемке, ни другие исследователи, комментировавшие документы, в которых упоминается об Усове, не давали пояснений относительно того, кем был этот Усов. Только А. С. Долинин в примечаниях к дневнику Сусловой, основываясь на упоминании Герценом об уроках по математике, которые брал у Усова Огарев [83], высказал

---

[80] ЦГИАМ, ф. III отд., 1 эксп. Дело следственной комиссии, 67, письмо от 10 мая 1863 г.

[81] А. П. Суслова. Годы близости с Достоевским. М., 1928, стр. 87. 26 августа 1866 г. Герцен писал сыну о Лугинине: «Он в крайнем озлоблении против России, хочет поселиться в Париже и, «если можно», постарается забыть по-русски» (А. И. Герцен. Соч., т. XIX, стр. 44); почти в тех же выражениях сообщает Герцен о Лугинине в письме Огареву от 27 августа 1866 г. (там же, стр. 45—46); «Лугин[ин] в страшном фанатическом озлоблении на Россию; назад ехать не хочет и старается забыть по-русски».

[82] «Летописи марксизма», 1927, № 3, стр. 92, 94, 97.

[83] А. И. Герцен. Соч., т. XVII, стр. 333.

предположение, что этим Усовым был инженер путей сообщения Петр Степанович Усов (1832—1897), автор «Курса строительного искусства» (1860 г.) [84]. Однако это предположение совершенно ошибочно. Интересующим нас Усовым был Степан Александрович Усов (1825—1890). Остановимся вкратце на биографии этого дружески относившегося к Герцену и Огареву человека, чтобы доказать, что именно он упоминается в письмах Герцена и в дневнике Сусловой.

С. А. Усов получил образование в Московском университете; по окончании его поступил в Михайловское артиллерийское училище, из которого вышел в 1848 г. и участвовал в походе в Венгрию. Затем он был преподавателем в кадетском корпусе в Москве, а в 1853 г. по собственному желанию пошел на войну. Командуя Казачьей ракетной батареей, он участвовал в осаде и штурме Карса. После войны он неоднократно ездил в служебные командировки за границу и некоторое время исполнял должность русского военного агента в Англии. В 1862 г. он был назначен членом артиллерийского комитета и редактором «Артиллерийского журнала». Однако в следующем году Усов оставил военную службу (весьма вероятно, что он не хотел принимать участия в подавлении польского восстания) и уехал за границу. Вернулся Усов на государственную службу в 1867 г., получив должность профессора Артиллерийской академии. В Петербурге он сблизился с редакцией газеты «Неделя», бывшей в те годы органом радикального направления. Он присутствовал на собраниях редакции и оказывал ей материальную помощь. Редактор «Недели» П. А. Гайдебуров отзывался об Усове как о «серьезном, почтенном и широко образованном человеке» [85]. Помимо Артиллерийской академии Усов преподавал физику в Военно-медицинской академии, в Инженерной академии и на Высших женских курсах. В 1880 г. он был произведен в генерал-майоры, а с 1884 г. и до смерти состоял помощником начальника Главного управления почты и телеграфов.

---

[84] А. П. Суслова. Годы близости с Достоевским. М., 1928, стр. 186.

[85] П. А. Гайдебуров. Из прошлого «Недели». «Книжки «Недели», 1893, № 1, стр. 16.

Известный физик О. Д. Хвольсон отзывался об Усове как о «блестящем преподавателе» и как о человеке, соединявшем «в одном лице храброго воина, глубокого ученого, в смысле знатока наук теоретических, и человека практики, прекрасно понимавшего технические применения науки». О годах своего пребывания за границей Усов, по словам Хвольсона, всегда вспоминал с любовью. В «Париже он слушал лекции у таких светил, как Ламэ, и принимал участие в целом ряде классических работ Реньо над теплоемкостью газов, над скоростью звука и т. д.[86]

Однако Усов интересовался не только физикой, но и политикой. С Герценом он познакомился еще в 1859 г. в бытность свою в Англии. Перечисляя в письме к Огареву от 21 ноября этого года своих посетителей, Герцен упоминает Усова, добавляя «с пушки и Карса»[87]. Смысл этого добавления совершенно ясен для нас, после того как мы ознакомились с биографией С. А. Усова. О политических взглядах Усова мы можем судить по дневнику Сусловой и по письмам Герцена. Из приведенной выше выдержки из дневника Сусловой нам уже известно, что Усов разделял взгляды своего друга Лугинина. В другом месте своего дневника Суслова рассказывает о споре, который однажды произошел у нее между Усовым и Е. И. Утиным, братом эмигранта, известным впоследствии адвокатом-дельцом и либеральным публицистом. В то время, к которому относится рассказ Сусловой (1864 г.), Утин любил рисоваться радикализмом своих взглядов и своими симпатиями к революции. В разговоре с Усовым он отозвался об англичанах, как об узколобой нации. Усов на это возразил, что «в Англии до того распространена свобода, что едва ли где может быть». Тогда Утин сослался на тяжелое положение английских рабочих. Усов отвечал, что рабочие в Англии, «живут лучше наших чиновников», что, по его мнению, в Англии «каждый работник может быть собственником» и что, наконец, правительство не должно вмешиваться в отношения между предпринимателями и рабочими. При этом Усов говорил: «Я не поклонник револю-

---

[86] О. Хвольсон. Степан Александрович Усов.— «Русская школа», 1890, № 8; об Усове см. также «Исторический вестник», 1890, № 10, стр. 277, и Д. Д. Языков. Обзор жизни и трудов русских писателей и писательниц, вып. X, М., 1907, стр. 76.

[87] А. И. Герцен. Соч., т. X, стр. 154.

ции, мне кажется, давно было пора бросить эту мысль, что революцией только и можно добиться путей; конечно, в стране, как Россия, где шестьдесят миллионов жителей невежд, и если между ними один образованный, и ему затыкают горло, всякое средство хорошо, но там, где есть хоть какие-нибудь задатки, непростительно... Нам нужна революция. (Я не радуюсь революции, но смотрю на нее, как на печальную необходимость)» [88].

Что касается Герцена, то в одном из писем к Огареву он называл Усова «чистейшим конституционалистом» и сообщал, что Усов «сильно ругает» «Колокол» (несомненно, за проповедь социалистических идей.— *Б. К.*). В другом письме к тому же Огареву Герцен писал: «Усов уважает нас лично и tant sois peu (хотя немного) любит, но он ни в чем не согласен с нами, кроме в скептической закраине. Народ, страну он не ненавидит» [89].

Из этого видно, что Усов был не только другом, но и полным единомышленником Лугинина.

В. О. Ковалевский, впоследствии известный геолог и палеонтолог, как и Усов, не был эмигрантом. Из России он приехал незадолго до женевского съезда и был приглашен на него, по-видимому, в качестве представителя петербургских революционных кружков, с которыми Ковалевский был связан.

Не принадлежала к числу эмигрантов и Л. П. Шелгунова, жена известного публициста Н. В. Шелгунова. Она жила в Швейцарии не по политическим причинам, а по увлечению А. А. Серно-Соловьевичем. За границей она занималась тем, что содержала пансион сперва в Цюрихе, позднее в Женеве [90]. Не по политическим убеждениям

---

[88] А. П. Суслова. Годы близости с Достоевским, стр. 103—104.

[89] А. И. Герцен. Соч., т. XVIII, стр. 58, 71.

[90] Не лишенное интереса сообщение о пансионе Шелгуновой мы находим в неопубликованном дневнике Ф. Н. Лугинина, который попал в ее пансион в 1865 г., когда она переехала уже в Женеву; в этом пансионе в то время жил В. Ф. Лугинин, на свидание с которым и приехал его отец. Ф. Н. Лугинин, по приезде в Женеву 27 июля 1865 г., отправился на дачу «Oltomare» по адресу сына. «Володи,— пишет он,— я не нашел, он поутру отправился в горы на экскурсию, но я был удивлен, что меня встретили все русские, и, именно, один молодой человек Черкесов показал мне прекрасную комнату, приготовленную мне Володей. Оказалось, что это русский пансион, в котором живет несколько приятелей Володи, и где Володя поселился. Дача прекрасная, дом в саду с большими

своим, а из привязанности к Серно-Соловьевичу она во всем поддерживала его мнения.

Из всех участников женевского съезда Герцен мог найти себе поддержку только в Касаткине, прозванном эмигрантами «герценовской цепной собакой»[91], Лугинине и Усове. Утин, Серно-Соловьевич, Якоби, Гулевич, Шелгунова, Черкесов, Бакст и Стюарт, несомненно, выступали против него. Не ясна позиция Мечникова, и до и после съезда бывшего постоянным сотрудником «Колокола», Жуковского, об отношениях которого к Герцену нам ничего не известно, и Ковалевского, который относился к Герцену с большим уважением и в 1886 г. переиздал в России его роман «Кто виноват?». Во всяком случае, с их стороны Герцен не мог встретить такой резкой оппозиции, как со стороны других участников совещаний.

каштанами, грецкими орехами, и другими большими деревьями. Содержит этот пансион одна русская госпожа Шелгунова (sic!), которая теперь в отсутствии, и пансионом этим теперь заправляет одна княгиня Голицына, молодая дама, которой Черкесов и представил меня. Черкесов — русский помещик, давно уже живущий за границей. Мы ходили с ним гулять по даче и в самый город Женеву. Потом меня покормили часу в 7-м и часу в 8-м пили чай под председательством княгини Голицыной: я, Черкесов и еще один русский — Якоби. Часу в 10-м пришел я в свою комнату... Часу в 12-м уже возвратился Володя из своей горной экскурсии... У Володи своя комната вместе с Черкесовым». Далее старик Лугинин сообщает, что, кроме перечисленных лиц, в пансионе жили поляк Ржонсницкий, одно английское семейство и русский, по фамилии Раевский. На другой день отец и сын Лугинины в сопровождении А. А. Черкесова ходили к банкиру и по дороге встретили Герцена. «Володя с Черкесовым остановились разговаривать с ним; Герцен заговорил и со мною и подал мне руку; в разговор с ним я вступил, т. е. перемолвились несколькими словами, но от принятия руки его для... (одно слово неразборчиво) уклонился». Характерно, что старик Лугинин, прожив в пансионе Шелгуновой полмесяца, не понял, кто его окружает. Ему осталось неизвестным, что Ржонсницкий — польский эмигрант, что Черкесов называл себя «помещиком» лишь потому, что у его родителей был участок земли в Новгородской губ., и что «княгиня Голицына» — сестра известного сотрудника «Русского слова», а позднее эмигранта В. А. Зайцева, фиктивно вышедшая замуж за кн. А. С. Голицына (причастного к некоторым предприятиям петербургских революционных кругов того времени), а затем оставившая мужа и сделавшаяся женой П. И. Якоби, вместе с которым она и жила в Женеве.

[91] Е. К. Гижицкий. Русские эмигранты.— «Московские ведомости», 1873, № 14.

Вспоминая впоследствии о женевском съезде, Л. И. Мечников рассказывал: «„Молодая эмиграция“ требовала, чтобы редакция газеты зависела от целой корпорации эмигрантов, которой должен был быть передан и фонд Бахметева и еще сумма, обеспечивающая «Колокол». Герцен, основываясь главным образом на том, что «Колокол» есть литературное дело, а из молодых эмигрантов мало кто доказал свои способности к литературе, не соглашался выпустить редакцию «Колокола» из своих рук, хотя обещал печатать подходящие писания эмигрантов, даже платить за них гонорар и допустить постоянных сотрудников газеты в совет редакции, но не соглашался передать газету и фонды в руки корпорации, не представляющей никаких гарантий своей умелости и прочности» [92].

Письма Герцена позволяют внести ряд существенных добавлений в это краткое сообщение Мечникова. 30 декабря Герцен писал Н. А. Огаревой: «Юные птенцы клюют старого пеликана, и хотят все делать так, чтобы делали все мы — это не из дурной цели». На следующий день он вновь пишет Огаревой: «Переговоры об журнале, обо всем идут медленно, и я не знаю, уеду ли я прежде 8-го».

2 января Герцен сообщал Огареву: «Шлюсь на Лугинина и Усова, что я больше уступал возможного и справедливого, но они все что-то хлопочут и интригуют. В последние два дня я увидел, что несмотря на palazzo, приисканное Касаткиным (для Герцена и его типографии. — *Б. К.*), Женева невозможна, по крайней мере, почти невозможна от этих праздных интриганов. Может, они и добрые люди, но самолюбие все потемнило».

Письмо от 4 января тому же Огареву показывает, что после длительных переговоров и споров стала намечаться возможность прийти к соглашению. Герцен считал даже переговоры законченными.

«Здесь я покончил мирно, — сообщил Герцен. — Молодые люди отказались (откровенно ли или нет) от своих требований и обещали горы работ и кореспонденций к 1 мая. Помощи по типографии и пр. от них ждать нечего, скорее Касаткин сделает что-нибудь. Мне с ними ужасно

---

92 «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», Женева, 1896, стр. 530.

скучно,— все так узко, ячно, лично и ни одного интереса ни научного, ни, в самом деле, политического; никто ничему не учится, ничего не читает. Утин хуже других по безграничному самолюбию... Не говоря о Касаткине, Лугинин, Усов смотрят хуже меня. Ковалевский гораздо лучше других. После всех переговоров, «заседаний» и пр., родилась следующая программа, которую я тебе посылаю. Такую программу и подобную можно составить mille e tre (тысячу и три) в день. Я на нее совершенно согласился. Что «Колокол» издавать в Лондоне при новом взмахе в России нельзя, это для меня ясно. Здесь перекрещиваются беспрерывно едущие из и во Францию, из и в Италию, здесь многие живут и пр. Но что мы будем делать с милой оравой этой, я не знаю» [93].

К сожалению, программа, о которой упоминает Герцен, до сих пор неизвестна. Впрочем, практического значения она не приобрела. 7 января Герцен писал Огареву: «Женевские щенята в последнюю минуту отказались от всего (по приказу из Цюриха), — да чорт же с ними, наконец». На следующий день он сообщил Огареву подробности относительно срыва налаженного соглашения. «После ежедневных прений и разговоров, в которых под скрытой симпатией и уважением крылась мелкая оппозиция и желание захватить в свои руки «Колокол» и деньги Бахметева, после программы, которую я послал тебе, — за час до моего отъезда является один из них с заявлением, что цюрихские господа несогласны (Серно-Соловьевич — главный противник наш, Якоби и Шелгунова), что они стоят на своем: «Колокол» издавать по большинству голосов или издавать журнал на Бахметевские деньги. Итак, что предвидел Лугинин, что говорил Касаткин, — все оправдалось. Пора же, наконец, и тебе окончательно вразумиться на их счет. У них нет ни связей, ни таланта, ни образования; один Мечников умеет писать; им хочется играть роль, и они хотят употребить нас пьедесталом. Я доказал им, до чего идет моя уступчивость. Лугинин и Касаткин дивились мне. Ну, и баста. Ты знаешь, у меня никогда не лежало к ним сердце, — у меня есть свое чутье... Женева при разрыве с этими господами делается превосходным местом. Они надоели бы как горь-

[93] «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», стр. 532.

кая редька. Au reste, я твоим личным вкусам не хочу препятствовать, но работать с ними нельзя» [94].

Итак, из женевских переговоров ничего не вышло. Герцен уехал из Женевы (6 января), возмущенный несправедливыми, по его мнению, притязаниями эмигрантов. «Молодая эмиграция» негодовала на Герцена за его нежелание пойти навстречу ее законным, как ей казалось, пожеланиям. Это еще не было полным разрывом между «отцами» и «детьми» русской эмиграции, но предвещало его близость. И когда этот разрыв произошел, один из представителей «молодой эмиграции» бросил Герцену в лицо резкий протест против его поведения в Женеве.

«А молодая эмиграция и ваши отношения к ней?... — писал он.— Когда эти юноши со святыми ранами, о которых вы проливали слезы, сделались вдруг эмигрантами и, спасаясь в Швейцарии от каторги и виселицы, ободранные и голодные, обратились к вам, вождю, миллионеру и неисправимому социалисту, обратились не с просьбой о насущном хлебе, а с предложением общей работы, вы отвернулись и с гордым презрением отвечали: «Что это за эмиграция? Я не признаю эмиграции! Не надо эмиграции!»» [95].

4. РАЗРЫВ И ПОПЫТКИ СБЛИЖЕНИЯ

Во второй половине 60-х годов ряды русской эмиграции увеличились новыми беженцами из России.

В конце 1865 г. в Швейцарии появился М. К. Элпидин, которому предстояло играть заметную роль в делах русской эмиграции. Это был видный участник студенческого движения и революционных кружков Казани. В 1863 г. он был арестован за распространение прокламации «Долго давили вас, братцы». В июле 1865 г. ему удалось бежать из казанской тюрьмы и благополучно переправиться через русскую границу [96].

В 1866 г. из Казани же бежали два товарища Элпидина по революционному кружку — С. Я. Жеманов и

---

[94] А. И. Герцен. Соч., т. XVII, стр. 431, 432; т. XVIII, стр. 5—6, 8—9.

[95] А. А. Серно-Соловьевич. Наши домашние дела. Ответ г. Герцену на статью «Порядок торжествует». Веве, 1867.

[96] Об Элипидине и его деле см. Б. П. Козьмин. Революционное подполье в эпоху «белого террора». М., 1929, стр. 11—13.

А. Я. Щербаков. Оба они были арестованы по делу о казанском заговоре 1863 г. и оба были приговорены к каторжным работам, от которых им удалось спастись бегством.

В том же 1866 г. бежал за границу бывший офицер В. А. Озеров, организовавший в России бегство известного польского революционера, в будущем главнокомандующего войсками Парижской Коммуны, Ярослава Домбровского и его жены. Биография Озерова весьма мало известна, однако несомненно, что это был незаурядный человек. Рекомендуя его Герцену, Домбровский писал: «Ротмистр Озеров принадлежит к числу тех светлых личностей, которые мечтали в России о свободе и с самоотвержением боролись против катковщины... Вы найдете в Озерове честного и мыслящего человека, горячего патриота, предприимчивого конспиратора и смелого агента. Таких, как он, людей немного, и мне остается только поздравить вас с находкой и пожалеть от души, что Озеров не поляк» [97].

Озеров поселился в Париже и до переезда своего в 1870 г. в Швейцарию участия в делах русской эмиграции почти не принимал.

В том же 1866 г. появился в Швейцарии молодой поэт Н. А. Вормс. Эмигрантом он не был и явился за границу для лечения. Однако он сошелся с эмиграцией и имел резкое столкновение с Герценом, о котором будет упомянуто ниже.

В конце 1868 г. или в начале 1869 г. в Швейцарии появились Антон Трусов, супруги Бартеневы и О. С. Левашева, сестра жены Н. И. Жуковского. Все эти лица примкнули к кружку Н. И. Утина и вместе с ним явились в 1870 г. организаторами Русской секции I Интернационала.

Наконец, необходимо упомянуть о переезде осенью 1867 г. в Швейцарию М. А. Бакунина. До этого он провел ряд лет в Италии и с 1863 г. близкого участия в делах русской эмиграции не принимал. В Швейцарии в качестве революционера, пользующегося мировой известностью, он невольно стал центром, вокруг которого группировалась значительная часть русской эмиграции. Появление Бакунина в Швейцарии явилось новым фактором во взаимоот-

---

[97] Сб. «Звенья», кн. 6-я. М., 1936, стр. 396—397.

ношениях Герцена с «молодой эмиграцией», отнюдь не способствовавшим их оздоровлению.

Как мы говорили уже в предыдущей главе, на женевском съезде между Герценом и эмигрантами едва не состоялось соглашение, осуществиться которому помешал только протест цюрихчан — наиболее непримиримо настроенной по отношению к Герцену части «молодой эмиграции». Поэтому неудачный исход женевских переговоров не повлек за собою полного разрыва между Герценом и «молодой эмиграцией» в целом. С частью эмигрантов Герцен продолжал поддерживать и личные, и литературные связи. Можно сказать более: никогда ранее в «Колоколе» не появлялось столько статей эмигрантов, как в 1865—1866 гг. Л. И. Мечников продолжал, как и раньше, сотрудничать в герценовском журнале. На страницах его появляется ряд статей Н. Я. Николадзе. Вскоре после прибытия Элпидина в Женеву Герцен напечатал его статью о казанском заговоре. В 1866 г. в «Колоколе» печатаются статьи Вормса [98]. Этим не исчерпывалось сотрудничество «молодых эмигрантов». Несомненно, были и другие статьи, написанные ими, но по недостатку данных мы не имеем возможности установить их авторов. Таким образом, Герцен в известной степени сдержал свое обещание, данное в Женеве, привлечь молодежь к более близкому участию в своем журнале. Но это, как мы увидим ниже, привело лишь к дальнейшему ухудшению его отношений с ними. Иначе обстояло дело с другим обещанием, которое Герцен, по-видимому, также давал во время женевских совещаний — относительно превращения его типографии в акционерное предприятие. Немедленно после выезда из Женевы он сообщил Огареву: «Про типографию на акциях я писал — это пойдет, *но с другим кругом*» [99]. Другими словами, «молодую эмиграцию» Герцен решил отстранить от участия в этом деле. Вместе с этим, несмотря на протест со стороны Огарева, он решил сделать Касаткина своим помощником по типографии: «Заведовать морально буду я, голландской сажей — Чернецкий, Касаткин — associé (компаньоном.— *Б. К.*)». Герцену хотелось

[98] О сотрудничестве эмигрантов в «Колоколе» см. в обзоре М. Клевенского. «Герцен — издатель и его сотрудники».— «Литературное наследство», т. 41—42, стр. 572—621.

[99] А. И. Герцен. Соч., т. XVIII, стр. 10. Курсив наш.— *Б. К.*

сложить на Касаткина всю экономическую часть дела, как чисто техническую на Чернецкого [100]. Итак, были выпущены акции стоимостью в 200 франков [101]. Как видно из правил акционерного общества, учредителями его были, помимо Герцена и Огарева, Касаткин, Чернецкий, Долгоруков и В. Стрельцов, т. е., по-видимому, В. Ф. Лугинин (правила эти хранятся в рукописном отделении Библиотеки им. Ленина). Как и следовало ожидать, акции расходились туго; об этом можно судить по следующей фразе Герцена в одном из писем к Огареву: «По очень дельному совету Тхоржевского, посылаю две акции типографии; передай их кн. Долгорукову на всякий случай: может и подвернется кто» [102]. Одна акция была приобретена Усовым.

От превращения в акционерное предприятие дела типографии не пошли лучше. Она не окупала расходов на ее содержание. Пришлось из русской типографии превратить ее в интернациональную; были приобретены польский, сербский, французский и английский шрифты. В «Колоколе» (от 1 января 1866 г. № 211) появилось объявление, сообщавшее, что «типография снабжена новыми шрифтами и может ручаться не только за точное и красивое выполнение, но и за сравнительную дешевизну заказов» [103]. Таким образом, знаменитая «Вольная русская типография» становилась коммерческим предприятием, Герцен передал ее в собственность Л. Чернецкого.

Дела типографии осложнялись еще и тем, что в 1866 г. она утратила свое монопольное положение. В этом году в Женеве же возникла другая русская типография, основанная М. К. Элпидиным.

В еще более жалком состоянии, чем типография, находился «Общий фонд», основанный при редакции «Колокола». Пожертвования и взносы поступали в него очень редко. Особенно после того, как «молодая эмиграция» основала в 1865 г. свою собственную кассу взаимопомощи.

Если верить Гижицкому, поводом для учреждения этой кассы послужило столкновение, происшедшее между Гер-

---

100 А. И. Герцен. Соч., т. XVIII, стр. 14 и 82.

101 Образец такой акции напечатан там же.— А. И. Герцен. Соч., т. XVIII, стр. 58.

102 Там же, стр. 57 и 60.

103 Там же, стр. 305.

ценом и другим эмигрантом, которого Гижицкий обозначает буквой «Л». Последний просил у Герцена заимообразно 120 франков из «Общего фонда». Герцен отказал, соглашаясь выдать только половину. «Л» передал этот инцидент на суд эмигрантов. «Кровный враг» Герцена Якоби созвал всех эмигрантов, которые и решили создать кассу взаимопомощи особо от «Общего фонда»[104].

История этой кассы известна нам очень мало. Распорядителем кассы был избран Мечников, а кассиром — Николадзе. Поступления кассы состояли из ежемесячных взносов, которыми были обложены все ее члены, и из единовременных пожертвований. Герцен был членом этой кассы и вносил в нее по 50 р. в месяц. Ссуды выдавались срочные и бессрочные. О размерах средств, которыми располагала касса, можно судить по ее отчету с 1 сентября 1865 г. по 1 января 1866 г., напечатанному в № 213 «Колокола» от 1 февраля 1866 г. За это время поступило 613 франков 70 сантимов; израсходовано 434 франка. Были, хотя и незначительные (45 руб.), поступления из Петербурга.

Касса взаимопомощи просуществовало недолго. В ней обнаружилась недостача денег. Судя по брошюре А. А. Серно-Соловьевича «Микола-публицист» (Женева, 1868 г.), виновником был кассир Николадзе. Неизвестно, как объяснял он случившееся, но, в конце концов, эмигранты простили ему растрату. Кончилась эта история тем, что Мечников все оставшиеся в кассе деньги передал в «Общий фонд» Герцена. Ко времени ликвидации кассы ее средства составляли 257 франков наличными и 212 франков обязательствами получивших ссуду[105]. Это произошло в сентябре 1866 г. «Общий фонд» не надолго пережил эмигрантскую кассу. В «Колоколе» от 15 мая 1867 г. было помещено объявление о ликвидации «Общего фонда». Причиной этого были какие-то обвинения, возникшие в связи с «Общим фондом» против Герцена среди эмигрантов. В письме к Г. Н. Вырубову Герцен писал, что он уничтожил фонд, «благодаря нахальству эмиграчей»[106]. Это было, конечно, большой неприятностью для нуждающихся эмигрантов. Хотя «Общий фонд» и располагал весьма

---

[104] «Московские ведомости», 1873, № 12.
[105] А. И. Герцен. Соч., т. XIX, стр. 64.
[106] Там же, стр. 315, 317.

ограниченными средствами, однако некоторую помощь нуждающимся он все же оказывал. Об этом можно судить по тому хотя бы, что ко времени ликвидации фонда задолженность ему эмигрантов достигла 1400 франков. Надо отметить, что и после ликвидации фонда Герцен продолжал оказывать некоторую материальную помощь эмигрантам из своих личных средств.

Столкновения между Герценом и «молодой эмиграцией» происходили и на почве сотрудничества эмигрантов в «Колоколе». Так, например, Элпидин сделался непримиримым врагом Герцена после того, как Герцен отказался принять его, когда он явился за получением гонорара, предложив ему прийти для этой цели в приемный день [107]

Еще более неприятная история произошла между Герценом и Н. Вормсом, не предупредившим Герцена о своем желании получить за напечатанную в «Колоколе» статью гонорар (обычно статьи в «Колоколе» и других изданиях Герцена не оплачивались). Когда Герцен узнал о недовольстве Вормса, он предложил ему 200 франков и несколько экземпляров «Колокола» для сбыта [108].

Столкновения между Герценом и «молодой эмиграцией» происходили не только на личной почве, но и на идейной. Молодежь была недовольна направлением, в котором ведется «Колокол». Некоторые выступления Герцена и Огарева вызывали горячее негодование среди молодых эмигрантов.

Одним из таких выступлений была статья Герцена «Иркутск и Петербург», которой он отозвался на покушение Каракозова на Александра II. Герцен резко выступил против индивидуального террора. «Только у диких и дряхлых народов,— писал он,— история пробивается убийствами». Каракозова Герцен называл «сумасшедшим» и «фанатиком» [109].

По словам Герцена, после этой статьи он получил ряд анонимных ругательных писем. «Меня,— сообщал он сыну,— хотят опубликовать как изменника... и наказать... за то, что я Каракозова назвал «сумасшедшим» [110]. Эмигрант

---

[107] «Московские ведомости», 1873, № 14.

[108] См. письмо Герцена Вормсу. А. И. Герцен. Соч., т. XIX. М. К. Лемке не удалось установить фамилию адресата этого письма.

[109] Герцен Соч., т. XVIII, стр. 374—381.

[110] Там же, стр. 415—416.

Гулевич, по сведениям III Отделения, обвинял Герцена, говоря, что ему надо было «не выставлять Каракозова сумасшедшим, а писать в таком духе, чтобы кровь кипела и рука не дрогнула взвести курок еще раз» [111]. Обвинения против Герцена проникли и в печать. В Швейцарии появились две прокламации, изданные на французском языке, одна от имени лондонского, другая — московского комитетов «Космопоэтического Общества Стражей Истинных Познаний». Это были документы бредового характера. В них Дмитрий Каракозов провозглашался «сыном божиим», «истинно великим Человеком», совершившим «величайший из подвигов». Герцена авторы прокламаций приглашали отречься от своей статьи, предупреждая: «В противном случае он будет объявлен предателем *Творца* и человечества, как самый ярый защитник политики монархизма» [112]. По-видимому, эти прокламации вышли из каких-то религиозно настроенных кругов польской эмиграции, но есть основания предполагать, что некоторое отношение к ним имел и Элпидин. К чести Герцена следует отнести, что он решил игнорировать эти прокламации и ничего не отвечать на них: «на первую минуту это сердит, но потом смешно» [113]. Впрочем, он счел нужным объяснить, что слову «фанатик» он отнюдь не придавал «смысла бранного», а позднее, отзываясь на покушение поляка Березовского на того же Александра II, написать: «Ни вопль безумных крикунов, ни брань сильных мира сего не заставят нас ни превозносить этого рода попыток, влекущих за собою страшные бедствия, ни произнести слова осуждения мученикам, которые обрекают себя на смерть и которых совесть чиста, именно потому, что они фанатики» [114].

Не меньший шум и протесты со стороны польских и русских эмигрантов вызвала статья Огарева «Продажа

[111] Там же, стр. 218.

[112] Эти прокламации см. А. И. Герцен. Соч., т. XVIII, стр. 383—386. М. К. Лемке высказывал предположение, что автором прокламации был эмигрант, маниак А. М. Колобов, который в 1876 г. издавал в Женеве «политико-религиозный» журнал «Вестник правды». Это предположение совершенно ошибочно, так как Колобов эмигрировал лишь в начале 1876 г., а в 1866 г. находился в России. В 1867 г. он был выслан в Кадников за пропаганду сектантского учения Пушкина.

[113] А. И. Герцен. Соч., т. XVIII, стр. 432.

[114] Там же, т. XIX, стр. 61, 351.

имений в Западном крае», напечатанная в № 229 «Колокола» и посвященная принудительной продаже русским правительством земель польских помещиков, принимавших участие в восстании 1863 г. Эта мера, направленная на насильственную руссификацию края, не вызывала принципиальных возражений со стороны Огарева, наивно усмотревшего в ней отступления от «религии собственности» и выразившего надежду, что «немного погодя русским дворянам будет приказано продать свои земли не дворянам — и вот осуществится давно желаемая *ликвидация сословий»*. При этом Огарев давал русскому правительству совет передавать польские помещичьи земли не русским дворянам и чиновникам, как оно делало, а крестьянам, или местным, или готовым вследствие малоземелья переселиться из внутренних губерний в Западный край.

Эта статья Огарева вызвала целую «катавасию», по выражению Герцена. «Поляки здешние,— писал он Н. А. Герцен, — ужасно огорчились статьей Огарева,... назначили комиссию, хотят писать адрес, протест во французских журналах, говорят, что мы не лучше Каткова и пр.» [115]. Протестовали не только поляки, но и русские эмигранты. Серно-Соловьевич издал брошюру «Question polonaise. Protestation d'un Russe contre le Kolokol», перевод которой на русский язык читатель найдет в 41—42 томе «Литературного наследства». Отсутствие протеста со стороны Огарева против руссификаторской политики и его странная уверенность в том, что русское правительство займется «ликвидацией сословий», не могли не возмутить Серно-Соловьевича. Этим объясняется страстность, с которой он выступил против статьи Огарева. Герцену пришлось взять под защиту своего друга и попытаться завуалировать его более чем неудачное выступление. В статье «Нашим польским братьям» Герцен писал: «Абсолютное, неотчуждаемое право польской национальности было всегда для нас догмой» [116].

Были и другие пункты идейных разногласий, отделявших Герцена и Огарева от остальной эмиграции. Они выяснятся, когда мы будем говорить о резком выступлении Серно-Соловьевича против Герцена, а до этого нам необходимо остановиться на одной попытке наладить совместную

[115] А. И. Герцен. Соч., т. XIX, стр. 94.
[116] Там же, стр. 96—97.

работу Герцена с частью «молодой эмиграции». Вопрос вновь возник об издании общего журнала или «Revue», как выражались участники переговоров.

Толчок к началу этих переговоров, быть может, дал сам Герцен, напечатавший в конце 1866 г. в № 222 «Колокола» заметку, в которой он, указывая на тяжелые цензурные условия в России, приглашал русских литераторов и журналистов вспомнить о возможности печатать свои произведения за границей. «Всего лучше было бы,— писал он,— основать большое «Revue», рано или поздно необходимость доведет же до периодического издания за границей» [117].

Инициатива переговоров исходила от Мечникова и Жуковского. Они считали, что создание русского заграничного журнала должно быть делом эмигрантов. Литераторы, живущие в России, могут присылать материалы для этого журнала, но требовать от них, чтобы они сами организовали его — невозможно. Исходя из этого, они в январе 1867 г. вступили в переговоры с Огаревым, предлагая ему и Герцену совместно с ними издать пробный сборник и посмотреть, какой прием будет оказан ему в России. Момент для выпуска пробного сборника они считали особенно удобным потому, что приближалось открытие всемирной выставки в Париже, в связи с чем за границу ожидался большой наплыв русских туристов. К Мечникову и Жуковскому присоединился Н. И. Утин, которому случайная встреча с Герценом в Базеле, дала, как он сообщил Огареву, основание надеяться на возможность наладить совместную работу с издателями «Колокола».

Огарев с радостью ухватился за это предложение и поспешил сообщить о нем Герцену, находившемуся в это время во Флоренции. В издании предположенного сборника, который в случае успеха первого номера должен был превратиться в журнал, выходящий четыре раза в год, Огарев видел воссоздание «Полярной Звезды», не выходившей с 1861 г. Он предполагал, что этот сборник сохранит старое название, когда-то столь популярное в России. Огарев был уверен в успехе нового издания. Он считал, что выход его позволит превратить «Колокол» в «газету с политическими статьями и обличительной смесью», новый же

---

[117] А. И. Герцен. Соч., т. XVIII, стр. 429—430.

журнал станет теоретическим органом «с научно-социальным направлением». «Заметь, — писал он Герцену, — что revue не в пику «Колоколу» пойдет, а напротив того, поставит его, как газету, а сама сосредоточит учение, т. е. тут является газета и книга. Я при этой мысли чувствую прибавление силы» [118].

Ответ Герцена чрезвычайно огорчил Огарева. Герцен писал: «Итак... старая штука повторяется: revue будут издавать *общими* силами, но так, что деньги и статьи *будут наши*. Да, ведь, если б мы хотели издавать, зачем же было нам спрашивать или ждать Утина? Где доказательство яростного желания читать заграничные издания? И если оно есть, как же не найдут капиталисты in spe, как Утин, кредиту помимо нас? Это была штука, и ты опять попался в нее... Может, и грех, но денег я не могу дать». «Я всегда найду,— добавлял далее Герцен,— сотню человек, которые на даровых прогонах поедут в храм бессмертия и лавров, обернутые «Полярной звездой»» [119].

Огорченный отказом Герцена, Огарев поспешил разъяснить своему другу, что он не вполне точно понял предложение Мечникова, Жуковского и Утина. Последние совсем не рассчитывали на карман Герцена, они надеются на получение денег из России и предлагают, чтобы каждый автор оплачивал расходы по напечатанию своей статьи. До тех пор, пока они не получили денег из России, Огарев просил Герцена дать им взаймы 1000 франков из бахметевского фонда [120].

Уступая настояниям своего друга, Герцен согласился дать заимообразно просимую Огаревым сумму, вновь, однако, подчеркивая, что он абсолютно не верит в успех задуманного предприятия. «Затем я спрашиваю,— писал он,— где статьи? Чьи статьи? Ведь эти милые юноши — большею частью юноши бездарные. Revue не пойдет, потребности на него нет» [121].

Итак, Герцен был согласен дать деньги. Почему же предположенный журнал все же не осуществился? Дело в

---

[118] См. письмо Огарева от 7 февраля 1867 г.— «Литературное наследство», т. 39—40, стр. 429.

[119] А. И. Герцен. Соч., т. XIX, стр. 226—227.

[120] См. письмо Огарева от 4 марта 1867 г. «Литературное наследство», т. 39—40, стр. 434.

[121] А. И. Герцен. Соч. т. XIX, стр. 236, 239.

том, что в переговорах выяснилась одна сторона дела, которую Огарев старательно обходил в своих письмах к Герцену — политическое расхождение между участниками переговоров. В письме к Герцену от 7 февраля Огарев уверял своего друга, что Мечников и Утин «явились с предложением и желанием *не выходить из-под нашего флага*»[122]. В действительности дело обстояло совершенно иначе. Во время переговоров Утин упорно настаивал на необходимости предварительной выработки программы будущего журнала. При этом он указывал, что у «Колокола» за последнее время нет никакого направления, что он «свелся на *личный* орган», ведущийся вне связи с современными событиями в России. Не довольствуясь этим, Утин считал необходимым отметить пункты разногласий, существующих между Герценом и Огаревым, с одной стороны, и «молодой эмиграцией», с другой. Во-первых, Утин возражал против обращений Герцена в «Колоколе» с письмами к Александру II. Мы, писал он Огареву, «отвергаем возможность какого бы то ни было обращения к Зимнему Дворцу». Во-вторых, он строго осуждал известную нам статью Огарева о продаже польских имений в Западном крае. Он указывал на недопустимость одобрять петербургское правительство даже в том случае, если бы оно вздумало превратить Польшу в «социалистическую фаланстерию». «Польская земля должна быть свободна от русского ига и только до этого нам есть дело»,— писал он. Наконец, Утин настаивал на том, чтобы Герцен и Огарев изменили свое отношение к «молодой эмиграции»: «Пора перестать отвергать с пренебрежением юношей, наоборот, вы должны употребить все силы, чтобы извлечь пользу для вашего органа из каждого из нас». В другом письме к Огареву Утин доказывал необходимость предварительной выработки программы будущего журнала, против чего возражал Огарев, мотивировавший свое предложение тем, что договаривающиеся стороны расходятся друг с другом по направлению на 9/10.

Конечно, при таких условиях трудно было рассчитывать на успешный исход переговоров. К началу апреля 1867 г. вполне выяснилась безнадежность затеянного предприятия, и переговоры прекратились, приведя только к

[122] «Литературное наследство», т. 39—40. Курсив Б. Козьмина.— *Ред.*

росту недовольства Герценом и Огаревым среди молодых эмигрантов. «Мечников и все на меня дуются», — сообщал Герцен 25 апреля Н. А. Огаревой [123].

В то время, как Огарев вел переговоры с Утиным и его товарищами, в типографии Элпидина набиралась и печаталась брошюра А. А. Серно-Соловьевича «Наши домашние дела», вызвавшая полный разрыв Герцена с «молодой эмиграцией». Эта брошюра была ответом на статью Герцена «Порядок торжествует», напечатанную в № 230, 231—232 и 233—234 «Колокола» [124]. Однако Серно-Соловьевич не ограничивался полемикой против этой статьи, а давал общую — и притом очень резкую — характеристику политической деятельности Герцена.

Написав свою брошюру, Серно-Соловьевич первоначально обратился для напечатания ее в «Вольную русскую типографию», но получил отказ [125]. Тогда он прибег к помощи Элпидина.

Ученика и последователя Чернышевского, Серно-Соловьевича в статье Герцена больше всего затронуло то место, где Герцен говорит о Чернышевском. Упомянув о «русском социализме», идущем «от земли и крестьянского быта, от фактического надела и существующего передела полей, от общинного владения и общинного управления», Герцен противопоставлял ему «теории чисто западного социализма», развиваемые «с огромным талантом и пониманием» Чернышевским. «Это раздвоение, совершенно естественное, лежащее в самом понятии, вовсе не представляло антагонизма. Мы служили взаимным дополнением друг друга» [126].

На это утверждение Герцена Серно-Соловьевич и обрушился с особой силой.

«Вы дополняли Чернышевского! — писал он,— нет, г. Герцен, теперь уже поздно прятаться за Чернышевского... Между вами и Чернышевским нет, не было и не могло быть ничего общего. Вы — два противоположные элемента, которые не могут существовать рядом друг возле

---

[123] А. И. Герцен. Соч., т. XIX, стр. 275.

[124] Там же, стр. 103—133.

[125] Этот факт устанавливается неопубликованным письмом Н. И. Утина к Н. П. Огареву от 14 февраля 1867 г. (Фотокопия хранится в Литературном музее).

[126] А. И. Герцен. Соч., т. XIX, стр. 128.

друга; вы представители двух враждебных натур, не дополняющих, а истребляющих одна другую, до того расходитесь вы во всем — от миросозерцания и до отношения к самим себе и людям, от общих вопросов до малейших проявлений частной жизни».

Серно-Соловьевич выдвинул ряд тяжелых обвинений против Герцена. Он упрекал его в неверии в революцию, в преувеличении значения реформаторской деятельности правительства, в неуместности его многочисленных писем к Александру II, в отказе от своих прежних симпатий к польскому делу, в его несправедливом отзыве о Каракозове и т. д.

Многое в обвинениях Серно-Соловьевича представлялось вполне правильным. Так, Герцен действительно до конца своей жизни не понял, что революция является единственным средством изменения существующего социально-политического строя в интересах трудящихся. «Мысль о перевороте без кровавых средств нам дорога»,— писал он в статье «Порядок торжествует» [127]. Правильно было указание и на надежды Герцена подтолкнуть русское правительство на путь реформ. Правильно было и упоминание о недопустимости писем Герцена к царю, тех его бесчисленных и слащавых писем, которых, по выражению В. И. Ленина, «нельзя теперь читать без отвращения» [128]. А между тем последнее из этих писем было написано Герценом в 1866 г., после покушения Каракозова. И в нем, как и в предыдущих письмах, Герцен приглашал царя одуматься и отказаться от реакционной политики. Еще в 1866 г. Герцен сохранял остатки надежды на добрую волю Александра II, объясняя его непоследовательность и реакционные меры тем, что он «кругом обманут» окружающими. «Трудно же,— признавался Герцен,— окончательно расстаться с мыслью, что вы вовлечены другими в тот исторический грех, в ту страшную неправду, которая совершается возле вас» [129].

Серно-Соловьевич был прав, нападая на либеральные иллюзии Герцена и указывая на его колебания в сторону либерализма. Но он был неправ в том, что не хотел признать за Герценом *ничего*, кроме этих колебаний и

[127] А. И. Герцен. Соч., т. XXI, стр. 126.
[128] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 12.
[129] А. И. Герцен. Соч., т. XVIII, стр. 406—407.

иллюзий. Ненависть к Герцену не давала ему возможности понять, что, каковы бы ни были разногласия между Герценом и Чернышевским, они, однако, стояли по одну сторону баррикады, сражаясь против общего врага. Он назвал Герцена «мертвым человеком» и утверждал, что «молодое поколение» давно опередило его «целой головой» в понимании вещей и событий и «отвернулось с отвращением» от него. «Я давно перестал,— писал Серно-Соловьевич,— если не совсем читать, то, по крайней мере, интересоваться вашим листком: избитые, давно знакомые звуки, риторические фразы и возгласы, старые вариации на старую тему, остроты, иногда довольно удачные, но большею частью пошлые, общие места о «Земле и Воле» — все это слишком приелось, наскучило и даже опротивело... Вы — поэт, художник, артист, рассказчик, романист, вы все, что хотите, только не политический деятель, и еще менее теоретик, основатель школы, учения... Вы захотели сделаться Чернышевским, и с этих-то пор и началось ваше падение».

Таким языком никто и никогда еще не разговаривал с Герценом. Страстность, с которой была написана брошюра Серно-Соловьевича, являлась ее слабым местом. Негодование не давало возможности автору брошюры за слабыми сторонами и недостатками Герцена разглядеть положительные стороны того дела, которому Герцен посвятил всю свою жизнь. Историческая роль Герцена осталась непонятой Серно-Соловьевичем.

Страстный тон его брошюры и то высокомерное презрение по отношению к Герцену, которым она была пропитана, вывели Герцена из себя. Свое негодование на автора брошюры он распространил на всю «молодую эмиграцию», на все молодое поколение революционеров. Тяжело читать в письмах Герцена к его друзьям его злобные выпады и грубые ругательства, которыми он начал осыпать молодых эмигрантов.

«Любезнейший Бакунин, Серно-Соловьевича посылаю,— писал Герцен 30 мая 1867 г. — Он наглый и сумасшедший, но страшно то; что большинство молодежи *такое* и что мы все помогли ему *таким быть*... Это — не нигилизм; нигилизм явление великое в русском развитии. Нет, тут всплыли на пустом месте халат, офицер, писец, поп и мелкий помещик в *нигилистическом* костюме. Это — мошенники, оправдавшие своим сукиносынизмом меры прави-

тельства, невежды, на которых Катковы, Погодины, Аксаковы etc. указывают пальцами. Это — люди, которые обратили на меня втрое больше ненависти, чем на Скарятина, говоря просто, что они завидуют, что они хотели бы обобрать и что они не могут переварить художественной стороны статей. Ты и Огарев, вы этих скорпионов откармливали млеком вашим... Им будущности нет, это — меньший венерический брат, который умрет и на его могиле встретится старший с еще более меньшим» [130].

Если посылая Бакунину это письмо, Герцен надеялся найти сочувствие с его стороны, то эта надежда оказалась ошибочной. Бакунин вполне справедливо указал Герцену на то, что он в своем негодовании на Серно-Соловьевича выходит за пределы допустимого. «Признаюсь,— писал он,— твое письмо испугало меня, не за Серно-Соловьевича, а за тебя. В твоей злости против него слышится что-то старческое. Я готов верить, что Серно-Соловьевич написал против тебя скверную пасквиль, и что твое негодование против него справедливо. Но ты ругаешь не одного его и даже не одних его женевских однолетников эмигрантов... Нет, Герцен, каковы бы ни были недостатки настоящего молодого поколения, оно чрезмерно выше Катковых и Погодиных, твоих Аксаковых и Тургеневых,— так выше, что указывание на него пальцем всех этих блудных стариков служит ему в честь, а не в бесчестие, и ничто в мире, кроме самой, естественно и по необходимости, гнусной природы правительства и не может оправдать гнусных мер наших правителей» [131].

Упреки Герцена по адресу всей «молодой эмиграции» были тем более несправедливы, что полного одобрения с ее стороны брошюра Серно-Соловьевича не получила. Были среди эмиграции люди, вполне одобрявшие Серно-Соловьевича, как, например, Элпидин, напечатавший его брошюру, но таких, по-видимому, было меньшинство. В одном из писем к Герцену Огарев сообщал, что М. С. Гулевич, узнав о предстоящем выходе брошюры Серно-Соловьевича, был «взволнован негодованием» и что польский эмигрант Мерчинский высказывался против нее [132]. Л. И. Мечников

[130] А. И. Герцен. Соч., т. XIX, стр. 331—332.

[131] «Письма Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», стр. 314—315.

[132] Письмо от 25 января 1867 г.— «Литературное наследство». т. 39—40, стр. 426.

также относился к ней отрицательно. Герцен писал Огареву: «Предложи-ка Мерчинскому протестовать и Мечникову... Я со своей стороны их молчание приму за согласие с Серно-Соловьевичем и *раззнакомлюсь*... Быть с нами знакомым и пускать этого мошенника к себе в дом — двуличность» [133]. Н. А. Огаревой Герцен сообщал по поводу брошюры Серно-Соловьевича: «Все здешние (женевские эмигранты) кричат против нее (кроме Элпидина и Николадзе), и никто не осмеливается *протестовать*» [134]. Автор анонимной брошюры о Герцене, выпущенной по поводу его смерти в 1870 г. в Лейпциге, сообщает, что даже ближайшие друзья Серно-Соловьевича (очевидно, в первую очередь П. И. Якоби) не одобряли его брошюры «в форме» [135]. Но Герцену этого было мало, ему хотелось, чтобы оскорбительная для него брошюра вызвала публичный протест, и, не встречая его, он переносил свое негодование с автора брошюры на всю эмиграцию. Даже отношение Огарева к выступлению Серно-Соловьевича казалось Герцену обидным для него. «Он, как разбуженный лунатик,— жаловался Герцен Мальвиде Мейзенбуг на Огарева,— почти не замечает того, что происходит вокруг него... доброта его может вывести из себя» [136].

Герцен не скрывал своего озлобления против «молодой эмиграции», и это привело к тому, что он и Огарев оказались в полной изоляции; почти всякие сношения между ними и другими эмигрантами были прерваны. Насколько велика была их отчужденность от общеэмигрантской среды, можно судить по такому хотя и маловажному, но чрезвычайно характерному факту: сообщая Герцену о том, что на похоронах Касаткина он встретился с Элпидиным и Николадзе, Огарев добавлял как нечто заслуживающее быть особо отмеченным, что они подошли к нему и поздоровались. Примиренчески настроенный Огарев воспользовался этим, чтобы высказать взгляд на Элпидина и Николадзе. «Что за удивительные нелепцы,— писал он,— вглядись и увидишь, что право недурные люди, т. е. не злые.

---

133 А. И. Герцен. Соч., т. XIX, стр. 192.

134 Там же, стр. 293.

135 Б. П. Козьмин. Анонимная брошюра о Герцене. 1876 г.— «Литературное наследство», т. 41—42, стр. 165—174.

136 А. И. Герцен. Соч., т. XIX, стр. 308.

благонамеренные, добродушные»[137]. Однако на Герцена сообщение Огарева не произвело желаемого Огаревым впечатления. «В благонамеренность Николадзе и его добродушие не верю; в том, что Элпидин нелеп, согласен»[138].

С течением времени острота первоначального впечатления, произведенного на Герцена выступлением Серно-Соловьевича, постепенно сглаживалась. То изолированное положение, в котором оказались он и Огарев, стало неприятно не только болезненно страдавшему от всего происшедшему Огареву, но и самому Герцену. Этим объясняются две попытки Герцена вновь завязать сношения с «молодой эмиграцией» и наладить в той или иной мере совместную работу с ее представителями. Об этих попытках нам до сих пор известно очень мало, но самый факт их стоит вне сомнения. Попытаемся сгруппировать те сведения, которыми мы располагаем, и мы увидим, насколько важны и показательны для настроений Герцена в последние годы его жизни были эти попытки. Но прежде необходимо напомнить некоторые события, происшедшие в то время в рядах «молодой эмиграции».

В сентябре 1867 г., как нам уже известно, приехал в Швейцарию М. А. Бакунин. Он поселился на берегу Женевского озера, в Веве, в доме, где жили русские эмигранты; Утин с женой, Жуковский с женою и О. С. Левашева. Вокруг Бакунина сгруппировался кружок, в который помимо перечисленных лиц вошли супруги Бартеневы, Ант. Трусов, Жеманов, Щербаков и Элпидин. На деньги О. С. Левашевой был организован русский журнал «Народное дело», первый номер которого вышел в сентябре 1868 г.

В наши задачи не входит изложение истории этого журнала, и мы можем ограничиться лишь указанием на то, что № 1 «Народного дела», написанный почти целиком Бакуниным, вызвал резкие разногласия среди членов кружка, в результате которых Бакунин, а вслед за ним Жуковский и Элпидин, порвали с этим журналом. «Народное дело» оказалось в руках Утина, который намеревался продолжать это издание. Однако трудность заключалась в том, что с уходом Элпидина журнал лишился типографии, в которой был отпечатан его первый номер. Благодаря

---

[137] См. письмо от 1 января 1868 г.— «Литературное наследство», т. 39—40, стр. 483.

[138] А. И. Герцен. Соч., т. XX, стр. 128.

энергии Ант. Трусова это затруднение удалось преодолеть. Группа «Народного дела» организовала свою собственную типографию. Таким образом, в Швейцарии возникла еще одна русская типография.

Учитывая печальное положение, в котором в это время находилась типография Чернецкого, страдавшая от недостатка работы, Герцен, в середине мая 1869 г. вернувшийся из путешествия в Женеву, обратился к Утину письменно и через Щербакова, который в то время занимался преподаванием одной из дочерей Герцена, с предложением соединить типографию Чернецкого с типографией «Народного дела». Если принять во внимание, что еще в феврале того же года Герцен в одном из писем к Огареву отзывался об Утине, как о «самом лицемерном из наших заклятых врагов» [139], то важное значение этого шага Герцена станет вполне ясным. Но этого мало: одновременно с этим Герцен направил в редакцию «Народного дела» какую-то свою статью, которая, однако, осталась ненапечатанной, по-видимому, вследствие того, что начатые Герценом переговоры, как сейчас увидим, успехом не увенчались [140].

Обращаясь к Утину со своим предложением, Герцен добавлял, что за «Народным делом» сохранялось бы «право печатать всякую брань против него», Герцена. Отвечая на это, Утин в письме, формально адресованном Трусову, но рассчитанном на то, что Трусов ознакомит Герцена с содержанием этого письма, писал: «Это, конечно, шутка, и ты можешь уверить А. И. Герцена, что мы никогда никакой брани и без того не позволим себе против него; мы ценим его 17-летний труд, мы ценим ту

---

[139] А. И. Герцен. Соч., т. XX, стр. 164.

[140] 11 августа 1869 г. Герцен писал Огареву о Трусове, бывшем секретарем «Народного Дела»: «Вели ему сказать, что за минованием интереса, я прошу возвратить мою статью (Соч., т. XXI, стр. 422—423). В другом письме, от 13 декабря 1869 г., Герцен просил Огарева достать через Жуковского рукопись его статьи, «которую Утин обещал напечатать, или хоть набор, который я поправлял». При этом Герцен добавлял: «После тридцатилетнего путешествия по блатам и дебрям журналистики, русской и парижской, я в первый раз встретил грубый прием своей статьи, идущий до того, что редакция *даже не извинилась в непомещении* и не отметила, что она имела статью. Это делал Бюлоз, Делеклюз, не говоря о Прудоне. Этого не сделал канцлер редакции Трусов». (А. И. Герцен Соч., т. XXI, стр. 535).

выдержку, которой хватило у него и которой не хватает у других; мы можем итти теперь более резким путем, он сам сознает это, и он чрезвычайно честно и искренне уступает нам ведение пропаганды и высказывает сочувствие нашему делу — такое отношение не многие умели сохранить к делу и обыкновенно старые деятели относились озлобленно и насмешливо к молодым; это озлобление мы встретили даже в Бакунине, несмотря на его fausse bonhomie, но мы не встретили такого озлобления в Герцене, и это обстоятельство должно еще укреплять наше решение относиться к нему с тем уважением, которое заслуживает 17-летний труд на пользу дела и свободы, хотя бы это дело, или вернее практический путь к совершению этого дела понимался им иначе чем нами, сообразно с ходом времени и обновлением поколений»[141].

А вслед за этим Утин выдвигал вопрос, который постоянно служил одним из поводов для разногласий между Герценом и «молодой эмиграцией».

«При начале дела,— писал Утин,— требуются большие средства, и если б Герцен знал, что стоило устройство путей в Россию, которых до сих пор там тщетно добивались и которых мы, наконец, добились, если б он знал, что стоит завязывание связей на всех пунктах в России и поддержка многих поистине полезных людей, то он увидел бы, как мы стеснены еще, несмотря на готовность отдать все свои средства, и как быстрее пошло бы дело на всех пунктах, если бы мы обладали теперь средствами бо́льшими, чем все наши».

Конечно, в этих словах Утина фантазия преобладала над действительностью. Никаких серьезных связей с Россией и русскими революционными кругами у редакции «Народного дела» в это время еще не было. Но дело не в этом, а в том, что Утин писал приведенные слова в подкрепление высказанного им пожелания об употреблении бахметевского фонда на поддержку «Народного дела»[142].

Поскольку переговоры, завязанные Герценом, наткнулись на этот пункт, неудача их была предрешена, Герцен

---

[141] Цитирую письмо Утина по фотоснимку с заверенной Трусовым и пересланной им Герцену копии этого письма. Фотоснимок хранится в настоящее время в Литературном музее.

[142] Та же копия.

и на этот раз отказался от использования бахметевских денег, указав, что эти деньги были даны «на полное, безусловное распоряжение» его и Огарева и что он не считает себя обязанным давать кому бы то ни было отчет в них, кроме «давшему господину и своей совести» [143].

О другой примирительной попытке, сделанной Герценом, нам известно еще меньше, чем о первой. В. Ф. Лугинин рассказывал М. О. Гершензону о том, что «незадолго до смерти Герцен в Женеве при нем вел переговоры с Якоби, Жуковским и Серно-Соловьевичем о совместном возобновлении «Колокола»» [144]. Как ни маловероятно на первый взгляд это сообщение, не верить ему у нас нет оснований. В. Ф. Лугинин был человеком, с большим расположением относившимся к Герцену и в его спорах с представителями «молодой эмиграции» поддерживавшим Герцена. Это одно говорит уже за достоверность его сообщения. Косвенным подтверждением справедливости этого сообщения могут служить следующие слова автора уже цитированной нами анонимной брошюры, посвященной памяти Герцена: «Отрадно заявить, что Герцен в последние дни еще сочувственно говорил об одном честном молодом деятеле, так рано умершем в Женеве, который в свое время высказал ему много горького из-за любви к правде» [145]. Несомненно, что автор брошюры имел при этом в виду А. А. Серно-Соловьевича, умершего в августе 1869 г.

Если принять во внимание, что В. Ф. Лугинин, возвратившийся в Россию в 1867 г., отправился вновь за границу в конце октября 1868 г., а в июле 1869 г. вернулся в Петербург, переговоры, свидетелем которых он был, можно отнести на лето или, точнее, на июнь 1869 г. [146]

Эти две примирительные попытки Герцена показывают, что под конец жизни он понял, что в его столкновениях

---

[143] См. письмо Герцена Утину (А. И. Герцен. Соч., т. XXI, стр. 414—415). Публикуя это письмо, М. К. Лемке не установил, кому оно адресовано, и потому напечатал его как письмо «к неизвестному».

[144] М. О. Гершензон. Письма к брату, М., 1927, стр. 150—151.

[145] Б. П. Козьмин. Анонимная брошюра о Герцене 1870 г.— «Литературное наследство», т. 41—42, стр. 176.

[146] Сведения о времени заграничной поездки В. Ф. Лугинина заимствуем из неопибликованного дневника его отца.

с «молодой эмиграцией» правда не всегда была на его стороне. В заключение нам остается рассказать об отношении Герцена и Огарева к нечаевской эпопее, омрачившей последние дни жизни Герцена.

5. ГЕРЦЕН И ОГАРЕВ В НЕЧАЕВСКОЙ ЭПОПЕЕ

1868 — 1869 гг. были весьма тяжелыми для Огарева. Любимое дело его — издание «Колокола» — гибло на его глазах. Связи с Россией отсутствовали. Своего старого друга, Герцена, он почти не видел, так как тот большую часть времени проводил в разъездах по Западной Европе и в Женеву заглядывал лишь не надолго. Другие эмигранты держались в стороне от него. Они сходились, затевали общие предприятия, налаживали издание книг и журналов, вели ожесточенные политические споры и, убедившись в невозможности договориться, расходились друг с другом, как враги. Сведения обо всем этом доходили до Огарева урывками и с большим опозданием. Достаточно просмотреть его письма этих лет к Герцену, чтобы убедиться, как мало был осведомлен Огарев в делах женевской эмиграции.

При таких условиях он чувствовал себя покинутым всеми, никому не нужным стариком, которому люди следующего поколения отказывают в признании заслуг перед революцией. Но если «дети» не понимали и не хотели понять, как думал Огарев, своих «отцов», то, может быть, новое поколение, «внуки», пришедшие на смену «детей» окажутся более объективными и справедливыми и воздадут должное своим «дедам» по революции? Эту мысль неоднократно развивали как Огарев, так и Герцен.

«Базаровы пройдут... и даже очень скоро,— писал Герцен. Это — слишком натянутый, школьный, взвинченный тип, чтоб ему долго удержаться... И я глубоко убежден, что мы с детьми Базарова встретимся симпатично, и они с нами — «без озлобленья и насмешки»» [147].

Между тем из России после долгого промежутка глубокой реакции стали доноситься слухи, свидетельствующие о начинающемся общественном пробуждении. В некоторых местах России происходили крестьянские волнения, сведения о которых проникали даже в легальную печать. Оп-

[147] А. И. Герцен. Соч., т. XXI, стр. 229 и 231.

позиционная пресса («Отечественные записки», «Неделя», «Дело») заговорила более резким языком, нежели в предыдущие годы. В Петербурге с конца 1868 г. начались студенческие волнения, в марте следующего года принявшие весьма значительные размеры и сопровождавшиеся закрытием ряда высших учебных заведений и высылками из Петербурга десятков студентов. После долгого промежутка вновь появилась в России печатная прокламация: она излагала требования волнующегося студенчества. И Герцен, и Огарев с глубоким интересом следили за событиями, развертывающимися в России. «В Петербурге опять история со студентами,— писал Герцен 12 апреля 1869 г. сыну.— Медицинская академия закрыта; беспорядки были в университете, Технологическом институте и Земледельческой академии. Недурно» [148]. «Заметь,— сообщал Огарев Герцену, слепо поверив в дошедшие до него преувеличенные слухи,— что в Архангельской губернии 600 000 (т. е. полгубернии) взбунтовалось с голода. Пришли солдаты и был карнаж... А это не одно место, а происходит повсюду» [149].

31 марта 1869 г. в жизни Огарева произошло событие, которому он придал большую важность. Вот что он сообщал на следующий день Герцену:

«Вчера пришло на твое имя письмо с просьбой напечатать послание к студентам от одного студента, только что удравшего из Петропавловской крепости. Послание, может, немножко экзальтировано, но не печатать нельзя; *по моему глубокому убеждению оно, во всяком случае, поворачивает на воскресение заграничной прессы*. В печать я отдал сегодня, а подробности лучше сообщу с Тхоржевским. Мне так что-то страшно». А через день он вновь писал Герцену: «А студенческое послание... очень юно, очень юно, тем не менее напоминает и свою молодость и подает надежду на новые силы» [150].

---

[148] А. И. Герцен. Соч., т. XXI, стр. 364.

[149] См. письмо от 30 апреля 1869 г., «Литературное наследство», т. 39—40, стр. 554.

[150] Письма от 1 и 3 апреля 1869 г., см. стр. 545—546. Послание к студентам, полученное Огаревым и им направленное немедленно в типографию,— прокламация «Студентам университета, Академии и Технологического института в Петербурге», подписанная — «Ваш Нечаев». Эта прокламация перепечатана в «Правительственном вестнике», 1871 г., № 163, в отчете о процессе нечаевцев и в статье С. Сватикова «Студенческое движение 1869 г.», в сборнике «Наша страна», СПб., 1907, стр. 228—231. Вопреки предположениям

Почему же письмо, полученное Огаревым (автором его был С. Г. Нечаев), произвело на него такое сильное впечатление, что он воспылал надеждами на возрождение заграничной революционной прессы? Зная Нечаева, мы можем без риска впасть в ошибку, предположить, что уже в этом письме он, как это делал впоследствии, выдавал себя не просто за студента, пострадавшего в связи со студенческими волнениями, а за представителя могущественного и таинственного революционного комитета, якобы существующего в Петербурге и руководящего всем студенческим движением. Это давало Огареву основание предполагать, что в лице Нечаева он приобретает связь с самым центром революционного движения в России. Подкупало его и то обстоятельство, что чудесно якобы спасшийся из Петропавловской крепости студент обратился за содействием не к Бакунину, не к «молодой эмиграции», а к Герцену. Очевидно, думал Огарев, «внуки» лучше поняли и справедливее оценили «отцов», нежели, «дети».

В начале апреля явился в Женеву и сам Нечаев. Огарев познакомил его с Бакуниным. «Не думаю, чтоб было что очень широко развитое, но развита энергия и много узнается и увидится нового», — такими словами Огарев выразил свое впечатление от встречи с Нечаевым и от его рассказов о русских людях. Во всяком случае, разговоры с Нечаевым укрепили в Огареве те мысли, которые уже ранее зародились у него. «Из слов приезжего,— писал он Герцену,— из теперешнего преследования студентов, закрытия Медико-хирургической академии, преследования «Недели» [151] и пр. очевидно, что заграничная печать скоро понадобится» [152].

Несомненно, под впечатлением разговоров с Нечаевым у Огарева зародилось намерение отозваться от лица старого поколения эмигрантов на студенческое движение, и он написал прокламацию, озаглавив ее «От стариков молодым

некоторых историков, доказывавших, что эта прокламация была в действительности написана, не Нечаевым, а Бакуниным, письма Огарева к Герцену бесспорно устанавливают, что автором ее был Нечаев и что она была написана им до знакомства с Бакуниным.— Курсив Б. Козьмина.— *Ред.*

[151] Газета «Неделя» в это время была приостановлена правительством.

[152] Письмо от 7 апреля 1879 г.— «Литературное наследство», т. 39—40, стр. 547.

друзьям»[153]. По мысли Огарева, эта прокламация должна была выйти за подписями Герцена, его и Бакунина. Но здесь ждало его первое разочарование. Герцен жестоко раскритиковал его прокламацию и посоветовал пустить ее без подписи[154]. Подчиняясь этому указанию, Огарев должен был снять и заголовок прокламации, неуместный при ее анонимном характере[155].

Огорченный всем этим, Огарев, не хотел, однако, отказаться от своего намерения и начал писать вторую прокламацию по поводу студенческих волнений. На этот раз прокламация была им названа «Наша повесть»[156]. «Умоляю тебя,— писал Огарев Герцену 28 апреля 1869 г.,— прислать согласие на подпись, ибо иначе, по моему мнению, это будет просто позор, ибо вместо вызова значит обессилить юношество... Если мы не поднимем словом дух юношества, — это будет просто подло. Неужели же ты и тут не дашь подписи»[157]. «Огарев все шалит,— писал Герцен сыну по получении этого письма Огарева.— Закусил удила да и только — шумит, бранится, еще написал манифест. Что с ним это? Ведает бог, да Бакунин»[158]. Однако, хотя Герцену и вторая прокламация не нравилась, он, не желая окончательно огорчать своего друга, скрепя сердце, дал согласие подписать ее[159].

Издание этих прокламаций Огарев находил недостаточным. Подстрекаемый Нечаевым и Бакуниным, он считал необходимым организовать целую агитационную компанию и, пользуясь связями с Россией, которые имелись у Нечаева, наладить широкое распространение же-

---

[153] Проект этой прокламации мы находим в письме Огарева Герцену от 12 апреля 1869 г„ см. там же, стр. 548.

[154] См. письмо Герцена Огареву 16 апреля 1869 г. (А. И. Герцен. Соч., т. XIX, стр. 365—366).

[155] Эта прокламация («Русские студенты») неоднократно перепечатывалась («Правительственный вестник», 1871, № 163, сб. «Наша страна», стр. 223—224 и др.). Обычно она ошибочно приписывалась Бакунину.

[156] Прокламация «Наша повесть» мало кому из исследователей известная, перепечатывается в т. 41—42 «Литературного наследства», в составе публикации Е. Н. Кушевой, стр. 121.

[157] См. там же, т. 39—40, стр. 554.

[158] А. И. Герцен. Соч., т. XXI, стр. 372.

[159] А. И. Герцен. Соч., том XXI, стр. 374—375. Подробнее об этом см. в комментариях Е. Н. Кушевой к «Нашей повести», стр. 127—128.

невских прокламаций по России. Но для этого нужны были большие деньги, а деньги находились у Герцена. Огарев считал, что теперь более чем когда-либо надлежит пустить в ход бахметьевский фонд. Поэтому он с нетерпением ожидал приезда Герцена в Женеву. Он сознавал, что в исходе переговоров о фонде многое зависит от впечатления, вынесенного Герценом от Нечаева при личной встрече с ним. В то же время, он не мог не понимать, что у Нечаева мало шансов привлечь к себе симпатии Герцена и завоевать его доверие. Поэтому он хотел заранее подготовить Герцена к встрече с Нечаевым. «Мой мужичок,— писал он Герцену,— тебе с первого взгляда, пожалуй, не понравится; мы с ним и сблизились только весьма постепенно; манеры у него уже совсем мужицкие. Но ведь выносим же мы бурмистров Плат[она] Богд[ановича] (Огарева-отца — *Б. К.*), Ив[ана] Ал[ександровича] (Яковлева, отца Герцена — *Б. К.*), Ал[ексея] Ал[ексеевича] (Тучкова — *Б. К.)* — почему же не вынести мужика-юношу, который, вероятно, не уцелеет. А останавливать его я без сомнения не стану» [160]. Вряд ли такая своеобразная аргументация могла показаться убедительной Герцену, который с полным основанием мог ответить, что ни ему, ни Огареву никогда и в голову не приходило заниматься революционными конспирациями с бурмистрами своих отцов. Скорее наоборот, приведенные строки Огарева могли заставить Герцена особо насторожиться по отношению к Нечаеву. Надо сказать, что к тому же и прокламация Нечаева к студентам не произвела на Герцена благоприятного впечатления. «Прокламация к студенчеству, не того, просто шлехтердыревато (т. е. плохо — *Б. К.*)»,— писал он [161].

Герцен приехал в Женеву 10 мая, и тут начались переговоры между ним, Огаревым, Нечаевым и Бакуниным о бахметевском фонде. Как и предчувствовал Огарев, Нечаев Герцену не понравился. «Редко кто-нибудь был так антипатичен Герцену,— пишет Н. А. Огарева-Тучкова,— как Нечаев. Александр Иванович находил, что во взгляде последнего есть что-то суровое и дикое» [162].

[160] Письмо от 5 мая 1869 г.— «Литературное наследство», т. 41—42, стр. 557.

[161] А. И. Герцен. Соч., т. XXI, стр. 356. М. К. Лемке ошибочно относит этот отзыв к прокламации Огарева «Русские студенты».

[162] Н. А. Огарева-Тучкова. Воспоминания, Л., 1929, ср. 411. Т. П. Пассек со слов той же Н. А. Огаревой, пишет: «Нечa-

При этом надо добавить, что Герцен не мог не знать того, что было известно всей женевской эмиграции, а именно, что бывший в то время в Женеве М. Ф. Негрескул (зять П. Л. Лаврова), человек, тесно связанный с петербургскими революционными кругами, категорически утверждал, что Нечаев лжет, выдавая себя за представителя тайного общества, существующего в России. Негрескул, не стесняясь, заявлял всем эмигратам, что Нечаев — шарлатан, что он арестован никогда не был и потому бежать из Петропавловской крепости не мог, что Нечаева надлежит опасаться и ни одному слову его верить нельзя [163]. Огарев и Бакунин не поверили разоблачениям Негрескула: первый — потому, что боялся расстаться с иллюзиями, которыми тешил себя, второй — из-за желания использовать Нечаева в личных политических целях как представителя основанного Бакуниным Альянса в России. На Герцена же Негрескул произвел впечатление «человека верного» [164], со словами которого нельзя не считаться.

На предложение использовать бахметевский фонд в целях агитации Герцен ответил отказом. Он опасался, что эти деньги послужат в руках Бакунина и Нечаева к бесполезной для дела гибели многих людей в России. Тогда Огарев заявил: «Но ведь деньги даны под нашу общую расписку, Александр, а я признаю полезным их употребление, как говорят Бакунин и Нечаев» [165]. В конце концов Герцену пришлось пойти на компромисс. Он решил предоставить Огареву распорядиться по его усмотрению половиною бахметевского фонда [166].

Таким образом, задуманная Огаревым, Нечаевым и Бакуниным агитационная кампания получила материальную базу. В наши задачи не входит рассказывать подробно о том, как протекала эта кампания. Нам достаточно

ев был до того антипатичен Герцену, что он постоянно отдалял его и никогда не допускал в свое семейство. Если же Нечаев появлялся у него в доме, то говорил своим: «Ступайте куда хотите — вам незачем видеть эту змею». (Т. П. Пассек. Из дальних лет, т. III. СПб., 1889, стр. 143).

[163] Подробнее об этом см. Б. П. Козьмин. С. Г. Нечаев и его противники в 1868—1869 гг.— Сб. «Революционное движение 1860-х годов», М., 1932, стр. 204—216.

[164] А. И. Герцен. Соч., т. XXI, стр. 377.

[165] Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания, стр. 409.

[166] А. И. Герцен. Соч., т. XXI, стр. 409, 411—412.

отметить лишь те моменты ее, которые непосредственно связаны с Огаревым и Герценом.

Прежде всего необходимо констатировать, что участие Огарева в этой кампании было гораздо большим, чем предполагали до сих пор исследователи, касавшиеся этого вопроса. В 1869 г. кроме двух указанных выше прокламаций Огарева были выпущены его брошюра «В память людям 14 декабря 1825 г.», с призывом к русскому войску принять участие в восстании, и листок со стихотворением Огарева «Студент», которое, как известно, по предложению Бакунина было посвящено Нечаеву, хотя по содержанию своему не имело ничего общего с ним. С большой долею вероятия Огареву же можно приписать еще две прокламации, вышедшие в том же году: «Гой, ребята, люди русские», и «Что же братцы!» [167].

Не столько эти произведения Огарева, сколько пресловутый «катехизис» Бакунина, листок «Народная расправа», призывавший к кровавой революции в целях истребления всяких признаков «государственности», и другие прокламации Бакунина вызвали резкий протест со стороны некоторой части женевской эмиграции, а именно: Утина и его группы. В № 7—10 «Народного дела» (ноябрь 1869 г.) был помещен весьма резкий «запрос» Герцену, Огареву и Бакунину по поводу их причастности к агитационной кампании Нечаева. Отзываясь о названных прокламациях, как о «тупоумных листах» заключающих в себе «непристойную игру с великим, святым делом революции» и способных вызвать «отвращение» во всяком «трезвом и серьезном человеке», авторы запроса писали:

«Дикое невежество рядом с нахальным хвастовством, самовосхваление небывалыми фантастическими подвигами — рядом с завистливым ляганием во все прошлое погибших борцов; нерасчетливые или слишком рассчитанные провокации — рядом с кровавыми посулами и инквизиционными угрозами, и не только отъявленным врагам свободы, но решительно всем и каждому, кто посмеет не поверить этим доблестным рыцарям в их уверениях, что

---

[167] Обе эти прокламации впервые перепечатываются в т. 41—42 «Литературного наследства». В комментариях к ним Е. Н. Кушевой дано обоснование вероятного авторства Огарева (См. стр. 129—131, 139—145).

они *берутся* сломать все существующее всеразрушающим кровопролитием, ядом, ножом, петлею, огнем и т. д. и т. д. и кто не пойдет по их приглашению в разбойничий мир, обитающий в лесах, городах, деревнях, бесчисленных острогах империи — в этот единственный, нераздельный, крепко связанный мир, в котором «одном только существует издавна *настоящая революционная конституция»*...— бред беззубого старчества с бормотаньем доморощенных Митрофанов — вот что мы встречаем в этих листах, очевидно принадлежащих одному и тому же коллективному перу». В заключение авторы запроса спрашивали, солидарны ли старые эмигранты с названными листками, и предлагали им страницы «Народного дела» для ответа на этот запрос [168].

Конечно никто из старых эмигрантов этим предложением не воспользовался «Прочел я глупый «Запрос» в «Народном деле»,— писал Герцен Огареву.— Тебе и Бакунину будет больно, что мое имя замешано в деле против которого я протестовал всеми силами. Оно было нелепо» [169]. Действительно, Герцен имел право считать себя непричастным к нечаевской агитационной кампании, против которой он не раз протестовал, остроумно называя бакунинско-нечаевские прокламации *«печатными затрещинами»* [170].

Агитационная кампания 1869 г., а также поездка Нечаева в Россию в августе 1869 г. в целях организации тайного общества «Народная расправа», исчерпали поступившую в распоряжение Огарева часть бахметевского фонда. На продолжение агитации необходимо было изыскать новые средства. Но ставить этот вопрос перед Герценом Огарев не решался. Он выжидал возвращения Нечаева. О том, что делал Нечаев в России, Огарев осведомлен не был. Поэтому в нем вызвали большую тревогу начавшие доходить за границу в конце 1869 г. слухи о многочисленных арестах, производимых в Петербурге и в Москве. Уцелел ли Нечаев и удастся ли ему спастись — эти вопросы волновали и Огарева и Бакунина, также утратившего связь с Нечаевым. Но вот, наконец, в первых числах января от Нечаева пришло письмо, а вслед за ним

[168] А. И. Герцен. Соч., т. XXI, стр. 534.
[169] Там же, стр. 409.
[170] Курсив Б. Козьмина.— *Ред.*

и он сам явился в Женеву. При известии об этом Бакунин «так прыгнул от радости, что чуть было не разбил потолка старою головою» [171]. Несомненно, что и Огарев, искренне полюбивший Нечаева, был рад не меньше.

Еще в письме, предшествовавшем появлению Нечаева в Женеве, Нечаев сообщил Огареву о своем желании видеться с Герценом. Огарев поспешил уведомить об этом своего друга, жившего в то время в Париже. Герцену было не трудно догадаться, зачем он понадобился Нечаеву и он ответил Огареву: «Я буду очень рад, если Бой (Нечаев) выздоровеет (избежит ареста), но видеться мне с ним не нужно» [172].

Как ни категоричен был этот отказ Герцена от свиданья с Нечаевым, он, несомненно, не остановил бы последнего. Посещение Нечаевым Герцена не состоялось лишь вследствие смерти Герцена.

После смерти Герцена бахметевский фонд поступил в распоряжение его детей, которым в сущности было нечего делать с этими деньгами, так как революционной деятельностью они не занимались и заниматься не предполагали. Бакунин, вслед за Нечаевым, настаивал, чтобы Огарев требовал от детей Герцена выдачи денег. «Это не *только твое право, но и твой священный долг и перед* этим долгом падают все деликатности отношений. В этом деле ты должен высказать римскую строгость» [173]. Как известно, наследники Герцена согласились передать остаток бахметевского фонда Огареву. Таким образом, продолжение агитационной кампании было обеспечено.

В 1870 г. Нечаев и компания издали ряд прокламаций, адресованных различным слоям русского общества, тем слоям, которые, по мнению авторов этих прокламаций, должны находиться в оппозиции существующему в России политическому порядку. Здесь были воззвания, обращенные к дворянству, купечеству, к «сельскому духовенству», мещанству, студенчеству, к украинцам («Лист до

---

171 «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», стр. 360.

172 А. И. Герцен. Соч., т. XXI, стр. 549. По сообщению Т. П. Пассек, Герцен боялся, что Нечаев убьет его, получив отказ в выдаче остатка бахметевского фонда. (Т. П. Пассек. Из дальних лет, т. III, стр. 143).

173 «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», стр. 369.

громади») и к женщинам. Прокламации эти носили мистификаторский характер. Прокламация к дворянству, адресованная к фрондирующим из-за отмены крепостного права крепостникам, имела подпись: «Потомки Рюрика и Партия Российского независимого дворянства». Прокламация к купцам вышла за подписью «Конторы Компании вольных русских купцов», а мещанам — «Думы всех вольных мещан». Прокламация к духовенству была подписана «Истинными пастырями». Все эти прокламации были построены на возбуждении классовых и групповых интересов тех, к кому они были обращены [174]. Помимо этого, на деньги, полученные от наследников Герцена, было решено возобновить издание «Колокола», но об этом нам придется говорить ниже.

Кто был автором этих прокламаций, установить невозможно. Лишь две из них были подписаны авторами: одна — Нечаевым (к студентам), другая — Огаревым («Будущность», посвященная памяти Герцена и по содержанию своему стоящая особняком от других прокламаций 1870 г.). Однако несомненно, что участие Огарева не ограничивалось составлением одной прокламации. Можно утверждать, что самый план одновременного обращения к различным классам и группам русского общества принадлежал *именно ему*. Дело в том, что такое круговое обращение с рядом прокламаций не было новостью. Оно лишь воспроизводило то, что Огарев пытался сделать еще в 1861—1862 гг., когда им был написан и издан ряд воззваний: «Что нужно народу», «Что надо делать войску», «Что нужно помещикам», «Что надо делать духовенству». Таким образом, агитационная кампания 1870 г. в расширенном виде воспроизводила попытку, предпринятую Огаревым непосредственно вслед за отменой крепостного права. Нечаев (и Бакунин) только привнес в этот старый план Огарева свойственные ему элементы лжи, мистификации и неприкрытого упора на шкурные интересы тех групп населения, которые были

---

[174] Ряд этих прокламаций впервые перепечатывается в т. 41—42 «Литературного наследства»; см. стр. 140—141. Прокламация к дворянству (в двух вариантах) была перепечатана мною в «Красном архиве», 1927, т. XXII. Прокламацию Нечаева «Русским студентам» см. в «Красном архиве», 1928, т. XXXIII. «Лист до громади» был воспроизведен в № 2 «Колокола», 1870.

затронуты агитацией. В этом отношении Огарев, лишившийся в лице Герцена благоразумного советчика, оказался всецело в руках Нечаева и того фантастического русского революционного комитета, именем которого, для придания себе большего авторитета, постоянно прикрывался Нечаев.

Помимо издания прокламаций, Нечаев и Огарев, как сказано выше, наладили выход возобновленного «Колокола». Всего ими было выпущено шесть номеров: первый из них с датой «2 апреля», а последний — «9 мая 1870 г.». Возобновленный «Колокол» имел подзаголовки: «Орган русского освобождения, основанный А. И. Герценом (Искандером)» и «под редакцией агентов русского дела» [175]. В начале первого номера было напечатано следующее письмо Огарева:

«Новой редакции «Колокола».

Передаю Вам новое издание «Колокола» с глубоким убеждением, что вы его примете с полной преданностью делу Русской Свободы.

Вы не измените знамени, поставленному Герценом, при котором каждый свободомыслящий человек мог заявлять свое мнение и направление, разумеется, без всякого ущерба для главной цели — освобождения России.

В этом мы никогда не можем разойтись, и я до конца моей жизни остаюсь вашим преданным сотрудником».

Помимо этого письма в редакцию, Огарев поместил в возобновленном «Колоколе» ряд статей: «Памяти Герцена», в № 3, «Проект усиления губернаторской власти в России», в № 5, «Сплотитесь дружно!», в № 6. Все эти статьи шли под его фамилией. Было ли им напечатано еще что-нибудь без подписи, неизвестно. Несомненно, однако, что роль Огарева не ограничивалась простым сотрудничеством. Он принимал участие и в редактировании «Колокола». Документальное подтверждение этого мы находим в донесениях III Отделению его агента Романа, проживавшего в то время в Швейцарии под фамилией гр. Потоцкого и сумевшего втереться в доверие к Огареву. 8 апреля Роман доносил, что Огарев приглашал его сотрудничать в «Колоколе» и «просил написать что-либо о состоянии армии». В другом донесении Роман приводил письмо,

[175] Все эти 6 номеров были переизданы в 1933 г. издательством политкаторжан.

полученное им от Огарева. «Разумеется,— писал последний,— присылайте статьи поскорее, только адресуйте не мне, а в редакцию» [176]. Из этого ясно, что Огарев играл в «Колоколе» большую роль, нежели простого сотрудника.

Участвовал в «Колоколе» и Бакунин. Он напечатал там статью о панславизме (во втором прибавлении к «Колоколу», выходившем на французском языке) и письмо в редакцию (в № 2). Живший в то время в Локарно и бывавший в Женеве лишь наездами, Бакунин не мог принимать постоянного участия в «Колоколе». К тому же, как мы увидим, он был недоволен направлением этого журнала.

Кроме того, по свидетельству Элпидина, в «Колоколе» участвовали, незадолго до того эмигрировавший из России В. А. Зайцев и Н. И. Жуковский [177]. Первому из них принадлежит статья «Современное положение русской прессы» (в № 5 и 6), а второму можно приписать подписанную буквой «Ж» статью «Беда от царских ласк, или тирольские шляпы» (в № 6). Другие сотрудники «Колокола» до сих пор не выяснены.

Характерно, что К. Маркс, первоначально предполагавший, что руководящую роль в «Колоколе» играет Бакунин, ознакомившись лучше с направлением этого издания, пришел к иному заключению. «При более внимательном знакомстве оказалось, что редактором является Огарев» [178]. Мы уже знаем, что на этот раз Маркс не ошибся. Однако Огарев как редактор был связан необходимостью починяться указаниям Нечаева и фиктивного комитета, представлявшего «Русское дело», в существовании которого Огарев слепо верил. Это верховное руководство Нечаева не могло, конечно, не отразиться на характере возрожденного «Колокола» и на его общем направлении.

Программа «Колокола» во многом представляется загадочной, особенно если ее сравнивать с программными заявлениями указанных выше прокламаций и брошюр, изданных Нечаевым в компании с Огаревым и Бакуниным.

---

176 Р. М. Кантор. В погоне за Нечаевым. Л.— М., 1956, стр. 66 и 78.

177 Библиографический каталог. Профили редакторов и сотрудников. Женева, 1906, стр. 12.

178 Письмо Маркса к Энгельсу от 11 мая 1870 г. К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 341.

В статье «К русской публике», помещенной в № 1 «Колокола», редакция заявляла, что ее журнал стремится стать органом «всех честных людей, желающих искренно преобразования и освобождения России, всех, кто недоволен настоящим порядком и ходом вещей». Все эти люди должны сплотиться для преследования одной задачи — для борьбы против самодержавия. «Теперь для всех людей честной и доброй воли в России предстоит только одно важное дело: изменение существующего порядка». Эта мысль проводится на протяжении всех номеров «Колокола». «Силы должны быть сконцентрированы и направлены на одну точку. Эта точка — империя»,— читаем мы в передовой статье № 2. В сплочении всех «честных» людей редакция видит средство избегнуть народной революции, грозящей России. «Никогда еще государство не находилось в такой опасности, как теперь,— пишет редакция в передовой статье № 1...— Нам всем грозит страшная катастрофа снизу. Все чувствуют быстрое приближение этой неминуемой катастрофы... Все с ужасом предвещают беду, а между тем никто не делает ничего для того, чтобы спасти себя и Россию от стихийного переворота, от ужасов революции, тем более кровавой и беспощадной, что, по утверждению многих, время парламентаризма прошло, что конституционная монархия отжила или отживает свое время даже на Западе и что представительная система вообще должна будет скоро уступать место прямому управлению народа». Однако редакция уверена, что для России еще не наступило время ставить этот вопрос «так глубоко». С ее точки зрения для России представляет важность и интерес совсем другой вопрос: может или не может самодержавие превратиться в конституционную монархию путем мирных, легальных реформ (передовая, «Колокол», № 4).

Выдвигая такую скромную и умеренную программу, редакция «Колокола» открыто заявляла: «Особенный радикализм принципов, о котором так хлопочут люди, занимающиеся одними теориями, кажется нам теперь несвоевременной роскошью. Золотые сны и заоблачные мечтания о медовых реках и кисельных берегах не пойдут на ум людям, задавленным императорской лапой. Для всякого серьезного русского в настоящее время первое дело — освобождение от императорского абсолютизма, так или иначе. Дело это так важно и обще, и так

насущно необходимо, что положительно исключаются всякие другие вопросы... Вот почему должны мы теперь считать все теоретические разглагольствования о принципах, мало того, бесполезными, но и положительно вредными, действующими растлевающим образом на среду лучших русских людей» (примечание редакции к письму одного из корреспондентов старого «Колокола» в № 3). Провозглашая примат практики над теорией, редакция пренебрежительно отзывается о том замечательном умственном движении, которое происходило в России в 60-х годах. «Чего,— пишет она в № 1,— не переболтали мы в течение четырнадцати лет нынешнего царствования? Каких не развили теорий и в науке, и в политике, и в государственной экономики, и в социализме — а сделали что?»

В заключение характеристики направления «Колокола» 1870 г. отметим, что в передовой статье № 4 мы находим яркий панегирик братьям Милютиным. Н. А. Милютин изображается здесь как истый демократ, исполненный самыми благими намерениями, допустивший в своей деятельности лишь одну ошибку: «он хотел освобождать путем императорской власти». Столь же искренним демократом представляется редакции и его брат, военный министр Д. А. Милютин. «Можно сказать,— пишет редакция,— что со времен Петра и Екатерины никто не сделал так много для войска, как Дм. Милютин. Он улучшил положение солдат, освободил их, хоть отчасти, от начальственного воровства и от варварских наказаний; уменьшил расход, увеличил силу армии, дал ей новую, более разумную организацию, вооружил ее новым оружием и пекся серьезно об образовании способных и дельных офицеров. Одним словом, он поставил на ноги русскую военную силу, оказавшуюся столько ничтожной в Крымской кампании, равно как и польском восстании, но сделавшуюся потом силою действительною благодаря только его усилиям».

Нечаев и Огарев, восхваляющие Д. Милютина, укрепление мощи царской армии, этого оплота деспотизма! Что это могло обозначать? И как, вообще, согласовать программные установки «Колокола» с содержанием прокламаций, перечисленных нами?

Тут — ограничение самодержавной власти царя, как венец всех стремлений и желаний. Там — полное разрушение всякой государственности и создание на ее

развалинах вольных общин. Здесь — стремление сплотить все оппозиционные элементы населения России. Там — объявление врагами всех, кто не разделяет полностью нечаевско-бакунинских планов и фантазий. Здесь — насмешливое и пренебрежительное отношение к «радикализму принципов» и к «заоблачным мечтаниям». Там — безудержная революционная фраза и нарочитая рисовка «левизной» своих воззрений. Здесь — стремление предотвратить «ужасы» народной революции. Там — призывы к восстанию и террору. Здесь — гимны в честь либеральных бюрократов типа братьев Милютиных. Там — угроза кровавой расправой всем прислужникам царизма. — Что же означают эти странные противоречия, ставящие в тупик исследователей, которым приходится касаться вопроса о нечаевском «Колоколе»? Нельзя сказать, чтобы те объяснения, которые до сих пор давались этим противоречиям, были бы убедительны.

Ссылаясь на желание редакции возрожденного «Колокола» поддерживать герценовские традиции и вести журнал в том же направлении, в котором он велся при Герцене. Говорили о влиянии дочери Герцена Натальи Александровны, которую Огареву и Нечаеву удалось отчасти завлечь в свои конспирации. Однако и то и другое объяснение не выдерживают критики. Первое — потому что направление «Колокола» 1870 г., как мы уже убедились, далеко не было тем, каким было направление герценовского «Колокола». Герцен перевернулся бы в гробу, если бы мог узнать о том, что пишется в возрожденном «Колоколе».

Второе — потому, что Н. А. Герцен отнюдь не была в глазах Огарева и особенно Нечаева таким ценным сотрудником, чтобы ради нее они стали бы вести журнал в направлении, не соответствующем их собственным видам.

Для того, чтобы разгадать загадку «Колокола» и уяснить смысл его направления, по нашему мнению, надо рассматривать его не изолированно, а в связи со всей нечаевской агитационной кампанией, частью которой являлся этот журнал. Говоря о прокламациях 1870 г., мы указывали, что они были адресованы к различным классам и группам русского общества. Пересматривая эти прокламации, мы видим, что авторы их, не позабыв о дворя-

нах-крепостниках, купцах и сельских попах, почему-то совершенно игнорировали либеральную часть русского общества, со стороны которой они имели, во всяком случае, большие основания ожидать оппозиции правительству, нежели, например, со стороны купечества. Под либеральной частью русского общества мы подразумеваем и либерально настроенные слои дворянства, мечтавшие об «увенчании здания» правительственных реформ, т. е. о конституции, и буржуазную интеллигенцию, становившуюся в то время заметной по своему значению общественной силой и, наконец, передовые слои купечества, умственный горизонт которых не ограничивался интересами кармана и которые понимали необходимость европеизирования русских политических порядков. Взывать к оппозиции этих слоев русского общества во всяком случае было больше оснований, чем обращаться к замоскворецким Тит Титычам и сельским попам.

Вот это-то недостающее звено в агитационной кампании 1870 г. и было восполнено «Колоколом». И так как содействие либеральной части общества или, по крайней мере, переход ее от скрытой оппозиции к открытой и действенной представлялся весьма существенным фактором в той «смуте», которую должна была, по мысли ее организаторов, вызвать в России их агитация, то естественно, что они уделили этой части русского общества большее внимание, чем другим, и не ограничились по отношению к ней одной прокламацией, а наладили издание специального журнала. Относительно революционно настроенных слоев русского общества Нечаев и Огарев заботились менее: эти слои и так находились в оппозиции и потому в агитационном воздействии на них нуждались менее других; к тому же и они не были оставлены без внимания — для них предназначались два номера «Народной расправы».

Если стать относительно «Колокола» на такую точку зрения, то становятся вполне понятными все особенности этого журнала, вплоть до восхвалений братьев Милютиных. Программа «Колокола» не была программой Огарева и Нечаева; это была программа, приноровленная ко взглядам и вкусам русских либералов. Редакторы «Колокола», несомненно, были уверены, что их журнал произведет надлежащее впечатление на тот круг читателей, для которого он предназначался.

Когда прокламация, адресованная к дворянству, призывала дворян бороться за установление дворянской олигархии в России, ее автор (или авторы) излагал не свои стремления, а стремления, которые, по его мнению, свойственны адресатам этой прокламации. Когда в другой прокламации мы находим жалобы на недостаточное ограждение интересов купечества существующим таможенным тарифом, то, ясно, что этот прием был специально предназначен для более эффективного воздействия на купечество. При таких условиях и в «Колоколе» надо было говорить о предметах, могущих заинтересовать читателей, а вовсе не о тех, которые интересовали самих Огарева и Нечаева. С каждой группой русского общества нужно было вести разговор о вопросах, ей близких, и языком, для нее понятным. Организаторы агитационной кампании и старались достичь этого. Правда, это им плохо удавалось (надо было обладать большей наивностью, чтобы верить в возможность достижения эффекта при помощи изданных ими прокламаций), но они делали все, что могли, в меру своего понимания.

Как мы уже указывали, № 6 «Колокола» вышел 9 мая, после чего издание «Колокола» приостановилось. Причины этого до сих пор не вполне выяснены. Возможно, что в этом деле известную роль сыграло вмешательство Бакунина.

Еще в № 2 «Колокола» было напечатано его письмо в редакцию, в котором Бакунин, живший в то время в Локарно и потому лишенный возможности принимать непосредственное участие в делах «Колокола», писал: «Прочитав со вниманием первый номер возобновляемого вами «Колокола», я остался в недоумении. Чего вы хотите? Ваше знамя какое? Ваши теоретические начала какие, и в чем именно состоит ваша последняя цель? Одним словом, какой организации желаете вы в будущем для России? Сколько я ни старался найти ответ на этот вопрос в строках, и между строками вашего журнала, признаюсь и скорблю, что я ничего не нашел. Что вы такое? Социалисты или поборники эксплуатации народного труда? Друзья или враги государства? Федералисты или централизаторы?».

От этих сомнений Бакунина редакция «Колокола» отмахнулась мало вразумительной фразой: «Редакция позволяет себе думать, что при единодушном ведении борьбы

с существующим порядком важность самого дела сгладит и примирит все противоречия между серьезными людьми разных партий». Конечно, эти слова не были достаточным ответом на прямо поставленный Бакуниным вопрос. Однако из самого содержания последующих номеров «Колокола» Бакунин мог точно выяснить себе программу этого журнала и убедиться, что она не имеет ничего общего с программой самого Бакунина. Это не могло не вызвать горячих протестов со стороны последнего. Он, по-видимому, писал по этому поводу Огареву, и заставил его серьезно задуматься, правильно ли и целесообразно ли ведется «Колокол». В ответ на его сомнения Нечаев ограничился руганью по адресу Бакунина и насмешками над ним [179]. Однако на Огарева это не подействовало. Он слишком давно и хорошо знал Бакунина, чтобы разорвать свою дружбу с ним, и потому он стал настаивать на необходимости изменить программу «Колокола». Эмигрант С. Серебренников в своей записке о Нечаеве сообщает, что по требованию Бакунина «Колокол» должен был сделаться «открытым и чистосердечным» органом «социализма» [180]. Этим и объясняется приостановление «Колокола». Однако наладить вновь издание этого журнала с измененной программой не удалось.

Попытки Нечаева дискредитировать Бакунина, надо думать, произвели на Огарева тяжелое впечатление. К этому присоединились и другие факты, понизившие авторитет Нечаева в глазах Огарева. Во-первых, не довольствуясь получением бахметевского фонда, Нечаев намеревался требовать от наследников Герцена проценты на него за все время нахождения денег в распоряжении Герцена, обвиняя последнего в «скрытии» этих процентов [181]. Во-вторых, Нечаев стал подговаривать Генри Сэтерленда, к которому Огарев относился, как к сыну, вступить в бандитскую шайку, которую Нечаев намеревался организовать в целях ограбления туристов, путешествующих по Швейцарии.

Под влиянием этих фактов Огарев присоединился к требованию Бакунина (у которого были и свои причины быть недовольным Нечаевым), чтобы Нечаев покинул

---

[179] «Записка Семена Серебренникова». «Каторга и ссылка», 1934, № 3, стр. 42.

[180] Там же, стр. 20.

[181] Там же, стр. 46.

пределы Швейцарии. Нечаев согласился, но перед отъездом украл у Огарева, Бакунина и Н. А. Герцен ряд документов, которые, по мнению Нечаева, могли компрометировать этих людей. В сентябре 1870 г. Огарев узнал об издании Нечаевым в Лондоне № 1 журнальчика «Община», в котором было помещено открытое письмо Нечаева к Бакунину и Огареву с требованием передачи ему оставшейся у Огарева части бахметевского фонда. В этом письме Нечаев отказывался «от всякой политической солидарности» со своими бывшими сотоварищами по агитационной работе и выражал надежду, что они никогда более не выступят «как практические деятели русской революции». В передовой же статье «Общины» Огарев прочитал следующие строки:

«Поколение, к которому принадлежал Герцен, было последним, заключительным явлением либерального барства. Его теоретический радикализм был тепличной цветком, пышно распустившимся в тепличной температуре обеспеченной жизни и быстро увядшим при первом соприкосновении с обыкновенным реальным воздухом практического дела. Они критиковали, осмеивали существующий порядок с язвительной ловкостью, утонченным политическим языком. Их занимал самый процесс этой критики. Они были довольны своими ролями».

Вот как любимый Огаревым «внучек» понял и оценил своего «деда» по революции.

В одном из писем к Т. Куно Энгельс писал: «Нечаев... либо русский агент-провокатор, либо, во всяком случае, действовал как таковой» [182]. Мы знаем теперь, что агентом-провокатором Нечаев не был, но что он «действовал как таковой», это несомненно. Человек, бесспорно преданный делу революции и отдавший на служение ей всю свою жизнь, Нечаев принес революционному делу больше вреда, чем пользы. Широко практикуемые им ложь и мистификации, его стремление подчинять всех своей воле, его нетоварищеское отношение к тем, с кем ему приходилось работать, вносили дезорганизацию в немноголюдную в его время среду революционных деятелей. Эти черты Нечаева ярко проявились в его взаимоотношениях с Огаревым. В одном из писем к Огареву Бакунин писал о своем и его

---

[182] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVI, стр. 208.

участии в нечаевской эпопее: «Нечего сказать, были мы дураками, и как бы Герцен над нами смеялся, если бы был жив, и как бы он был прав, ругаясь над нами» [183].

К сожалению Бакунин и Огарев поняли это слишком поздно.

Что же касается Огарева, то на него нечаевская история произвела столь сильное впечатление, что он навсегда отказался от всякого участия в революционной работе, хотя и не перестал живейшим образом интересоваться судьбами революционного движения в России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В пятидесятых и в начале шестидесятых годов Герцен и Огарев в своей политической деятельности не свободны были от ряда иллюзий. Считая дворянство наиболее развитым, сознательным и просвещенным классом в России, они полагали, что в силу этого именно ему суждено играть руководящую роль в политической жизни страны. Однако глубокая общественная реакция, вызванная в России польским восстанием 1863 г., заставила их пересмотреть свою точку зрения. Первым из них заговорил на эту тему Огарев. Еще в 1863 г. он заявил, что будущее России находится в руках так называемых разночинцев; в силу своей близости к народу они призваны быть идейными политическими вождями народной массы. «С понижением дворянства,— писал Огарев,— силою, умственною силою становятся разночинцы» [184]. К этой точке зрения присоединился и Герцен. В 1864 г. в статье «VII лет» он заговорил о *«новой России»,* о «среде, затерянной между народом и аристократией». «Она состоит,— писал он,— из всего на свете — из разночинцев и поповских детей, из дворян-пролетариев, из приходских и сельских священников, из кадет, студентов, учителей, художников; в нее рвутся пехотные офицеры и иной кантонист, писаря, молодые купцы, приказчики... в ней образцы и осколки всего плавающего в России над народным раствором». Этой среде

[183] «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», стр. 402.

[184] См. об этом подробнее в моей вступительной статье к публикации «Из публицистического наследия Н. П. Огарева», в т. 39—40 «Литературного наследства», стр. 310.

Герцен отводит важную общественную роль. «Ей достается великое дело развития народного быта из неустроенных элементов его зрелой мыслью и чужим опытом. Она должна спасти народ русский от императорского самовластия и от *него самого*» [185]. Разночинцы — единственная гавань, в которую можно спрыгнуть с тонущего дворянского судна» [186].

С представителями этой «новой России» Герцену и было суждено встретиться в 60-х годах в эмиграции. Казалось бы, в них он должен был найти естественных помощников и продолжателей своего дела. Однако этого не вышло. Встреча революционеров из дворянства с революционерами-разночинцами закончилась разрывом и взаимным озлоблением. И общий строй их жизни и их политические убеждения помешали им сблизиться. Разночинцы принесли с собой глубокую ненависть к дворянству и резкое отрицание всей дворянской культуры, а в Герцене и Огареве они обнаружили слишком много черт, напоминавших об их социальном происхождении. Вина в неумении сработаться в видах общей борьбы за дело революции падает на обе стороны. Если Герцен неприязненно, и даже враждебно, отнесся к вполне естественным особенностям того общественного слоя, из которого вышли представители «молодой эмиграции», то и последние также несут ответственность за разрыв, поскольку они, не понимая важного значения идейного «наследства», не хотели взять из дворянской культуры даже того, что было в ней безусловно ценного. При таких условиях мелочи, которые не имели никакого реального значения, на которые не следовало бы обращать внимания, приобретали часто в глазах обеих сторон чрезмерную важность.

«Общее между нами было слишком *обще*...— писал Герцен в «Былом и думах» о молодых эмигрантах.— О серьезном влиянии и думать было нечего. Болезненное и очень бесцеремонное самолюбие давно закусило удила. Иногда, правда, они требовали программы, руководства, но при всей искренности, это было не в самом деле. Они ждали, чтобы мы формулировали их собственное мнение, и только в том случае соглашались, когда высказанное нами нисколько не противоречило ему. На нас они смотрели, как

---

185 А. И. Герцен. Соч., т. XVII, стр. 298—299.
186 Там же, т. XVIII, стр. 106.

на почтенных инвалидов, как на прошедшее, и наивно дивились, что мы еще не очень отстали от них»[187]. Нельзя отрицать наличности в этих словах Герцена большой дозы правды. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить характерное свидетельство Л. И. Мечникова о существовании в молодой эмиграции людей, которые ставили Герцена как писателя ниже... Элпидина. «... У Элпидина,— говорили они,— только нет остроумия Герцена, но зато сколько же взятых с крестьян денег истрачено на литературное воспитание Герцена»[188].

«Большею частью они,— писал Герцен про молодых эмигрантов,— не имели той выправки, которую дает воспитание, и той выдержки, которая приобретается научными занятиями. Они торопились в первом задоре освобождения сбросить с себя все условные формы и оттолкнуть все каучуковые подушки, мешающие жестким столкновениям. Это затруднило все простейшие отношения с ними»[189].

И в этих словах Герцена нельзя отрицать доли правды. Хорошо известно, что нарочитой грубостью нравов и выражений разночинцы 60-х годов старались подчеркнуть свое отрицание культуры господствующего класса. Это было явление временное, но для эпохи 60-х годов весьма характерное. Очень показательную, хотя, несомненно, и шаржированную картину нравов русских эмигрантов той поры мы находим в воспоминаниях П. Д. Боборыкина. В конце 60-х годов на одном из конгрессов Лиги мира и свободы он встретился с Н. И. Утиным, которого знал еще по Петербургу. Утин был окружен молодыми дамочками и девицами. «Они все,— рассказывает Боборыкин,— говорили друг другу «ты» и употребляли особый жаргон, окликая себя: «Машка!», «Сашка!», «Варька!». Мне привелось долго вбирать в себя этот жаргон, очутившись с ними в одном вагоне, уже после конгресса. Всю дорогу они желали «épater» (как говорят французы) умышленной вульгарностью своих выражений. Дорогой они ели фрукты. И все эти дамы не иначе выражались, как: «Мы лопали

---

[187] А. И. Герцен. Соч., т. XIV, стр. 413.

[188] «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», стр. 322—323.

[189] А. И. Герцен. Собр. соч., т. XIV, стр. 419.

груши» или «Мы трескали яблоки». Немало был я изумлен, когда года через два в Петербурге встретился в театре с одной из этих дам «лопавших» груши, которая оказалась супругой какого-то не то предводителя дворянства, не то председателя земской управы. Эта короста со многих слетела, и все эти Саньки, Машки, Варьки сделались, вероятно, мирными обывательницами» [190].

Герцена не могла не возмущать такая подчеркнутая грубость и он был склонен придавать ей чрезмерное значение, не понимая, что подобная «болезнь левизны» — явление скоропреходящее. Художнику Н. Н. Герцен жаловался на то, что в Женеве без всякой надобности эмигранты кричали ему через улицу: «Герцен! Герцен! Будете дома?», чтобы только показать: «Вот как мы его третируем» [191]. А между тем весьма возможно, что у окликавших Герцена вовсе и не было такого намерения, что они и не подозревали о возможности быть понятыми так, как понял их Герцен.

Подобные бытовые мелочи без всякой нужды осложняли взаимные отношения и углубляли рознь, выросшую на почве идейных расхождений. Мы говорили уже о страшном озлоблении Герцена против эмигрантов, доведшего его до ряда глубоко несправедливых отзывов и прямых ругательств по их адресу. Однако мы знаем и то, что под конец своей жизни Герцен нашел в себе силы преодолеть свое озлобление. Характерно, что при этом он обратился к людям, которых считал самыми заклятыми своими врагами: Утину, Серно-Соловьевичу и Якоби. Такой выбор не был случайным: Герцен хорошо понимал, что эти три человека были наиболее крупными и серьезными людьми в рядах «молодой эмиграции».

С другой стороны, и среди «молодой эмиграции» наметился перелом в отношениях к Герцену. Об этом свидетельствует цитированная анонимная брошюра, посвященная памяти Герцена. Автор ее высоко расценивал и личность и политическую деятельность Герцена. Он писал:

«Вся жизнь его представляет удивительно гармоническое целое, угловатости, приходившие извне, сглажи-

---

[190] П. Д. Боборыкин. За полвека. М.— Л., 1929, стр. 335—336.
[191] В. Ч. Чешихин-Ветринский. А. И. Герцен, СПб., 1908, стр. 406.

вались, перерабатывались и не нарушали цельности характера Герцена... Явятся другие, с горячей любовью к делу, люди честные, энергичные, но того значения, которое имел «Колокол», не будет иметь ни один обличительный орган, какое бы ни имел крайнее направление. Сила влияния Герцена с 1858 по 1868 год заключалась именно в той сдержанности, упругости его мысли, пластичности выражения ее; он таил в душе подчас накипавшее негодование, чтобы не истратиться до поры напрасной злобой на лиц, которые держали судьбы народа: во имя этого народа он сдерживал себя, говоря с царем»[192].

Конечно, не все эмигранты и после смерти Герцена разделяли такую точку зрения на него. Там не менее, анонимная брошюра — явление симптоматическое. Она служит доказательством того, что и среди «молодой эмиграции» начинало складываться более справедливое и объективное отношение к личности и деятельности Герцена.

---

[192] Автором этой брошюры был, по всей вероятиям, Варфоломей Зайцев; см. мою публикацию «Анонимная брошюра о Герцене 1870 г.». «Литературное наследство», т. 41—42, стр. 164 и сл.

А. И. ГЕРЦЕН В ИСТОРИИ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ*

«Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы» [1]. В истории этих мучительных идейных поисков передовой русской мысли одно из самых видных мест принадлежит А. И. Герцену. На такое место дает ему право и глубина его мысли, и исключительный блеск его литературного таланта, и смелость, с которой он умел ставить коренные проблемы миросозерцания, и безбоязненная последовательность, проявленная им в беззаветном служении народу.

Герцену не выпало на долю найти правильную революционную теорию, искать которую он не переставал в течение всей своей жизни. Тем не менее за ним остается громадная историческая заслуга, заключающаяся в том, что он, независимо от Маркса и Энгельса, но одновременно с ними поставил ряд вопросов всемирно-исторического значения. Вот почему нас не удивит, что В. И. Ленин, прекрасно сознававший все ошибки, сделанные Герценом, тем не менее счел возможным дать исключительно высокую оценку его теоретической мысли. «В крепостной России 40-х годов XIX века,— писал Ленин про Герцена,— он сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени» [2].

Говорить о значении Герцена в истории русской общественной мысли — значит говорить в первую очередь об

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 9.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 9—10.

его отношении к двум основным и тесно связанным между собою проблемам, стоявшим перед этой мыслью: к проблеме революции и к проблеме социализма. Этим определяется задача нашей работы: революция и социализм в понимании Герцена — такова ее тема.

Как указывал Ленин, Герцен, подобно декабристам, был представителем дворянского периода в истории революционного движения в России. В этом указании Ленина отмечены два момента, имеющие большое значение для правильного понимания сущности и особенностей революционности Герцена. Это, во-первых, дворянский характер этой революционности и, во-вторых, то обстоятельство, что, следуя за декабристами, Герцен не мог не учитывать значения их революционного опыта. К этому необходимо добавить третий момент, также весьма важный: замыкая дворянский период истории революционного движения, Герцен на своем политическом пути должен был встретиться с представителями следующего периода — разночинского — и определить свое отношение к ним.

Герцен смотрел на себя, как на продолжателя дела декабристов. На всю жизнь сохранил он культ «людей 14 декабря». В его глазах они были «фалангой героев», «богатырями, кованными из чистой стали с головы до ног» [3].

В чем же видел Герцен причину неудачи восстания 14 декабря? Почему он считал, что участники этого восстания, начиная его, шли на явную и неминуемую гибель? На эти вопросы Герцен дал ответ, показывающий, что исторический опыт декабристов им был истолкован правильно. Декабристы, указывал он, проиграли свое дело потому, что «массы не были с ними» [4]. «Народ остался равнодушным зрителем 14 декабря» [5]. Итак, без поддержки масс революция не может рассчитывать на удачу. Этот урок был вынесен Герценом из событий 1825 г. «Я не верю,— писал он,— ни в какую революцию в России, кроме крестьянской» [6]. Таким образом, революционная мысль Герцена сделала большой шаг вперед по сравнению с его предшественниками-декабристами. В отличие от них Герцен не верил в

---

[3] А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем под ред. М. К. Лемке (далее — Соч.), т. XV, стр. 280.
[4] А. И. Герцен. Соч., т. IX, стр. 32.
[5] А. И. Герцен. Соч., т. VI, стр. 364.
[6] Там же, стр. 114.

военные заговоры, в пронунциаменто, в революции, совершаемые инициативным меньшинством в целях облагодетельствования инертного и апатичного большинства.

«...Герцен принадлежал к помещичьей, барской среде. Он покинул Россию в 1847 г., он не видел революционного народа и не мог верить в него»[7]. Эти слова Ленина объясняют политическую позицию и тактику Герцена, всю его непоследовательность, ошибки и колебания. Для революции необходимы массы, Герцен это понимал, а революционных масс в России его времени он не видел.

Герцен, конечно, знал, что крестьяне относятся чрезвычайно враждебно к своим владельцам, что в деревне идет постоянная война между помещиками и их крепостными. Недаром в романе «Кто виноват?», рисуя образ дворянина-крепостника Карпа Кондратьевича, Герцен изображал его в роли «полководца», постоянно воюющего с «непокорными крамольниками» и стремящегося нанести врагу «наибольшее число ударов». Знал Герцен и то, что в разных местах России «среди общей немоты крестьян»[8] происходят убийства крепостными их помещиков и управляющих, поджоги дворянских усадеб, отказы выполнять барщину, повиноваться распоряжениям властей и т. п., но он не был склонен придавать этим протестам против помещичьего произвола большое значение, он видел в них лишь разрозненные факты, которых было недостаточно, чтобы поверить в близость крестьянской революции. Вспоминая впоследствии свою молодость, Герцен писал: «Безучастно молчал большой *мир* народа... Его время *не пришло*»[9]. Герцен убежден, что русское крестьянство крепко спит, и ему было «трудно поверить», что народ проснулся[10].

Но народ, по мнению Герцена, не только «спал», он с недоверием относился к тем, кто хотел пробудить его. Оторванность образованных слоев русского общества от народа и сознание невозможности преодолеть разделяющую их пропасть доставляли Герцену много горьких дум и нравственных страданий. Безмолвие и долготерпение народа порой порождали в Герцене чувство безнадежности, близкое к отчаянию. Он начинал считать себя не вовремя

---

[7] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 12.
[8] А. И. Герцен. Соч., т. III, стр. 323.
[9] А. И. Герцен. Соч., т. XIII, стр. 30.
[10] А. И. Герцен. Соч., т. III, стр. 148.

родившимся. «Мы — вне народных потребностей,— писал он в 1843 г.,— и наше дело — отчаянное страдание» [11]. «Для настоящего поколения только и будут одни слезы и плахи» [12]. «Будущее нам лично ничего не предвещает, разве — гонения, усугубленные, и опять скуку бездействия» [13]. «За что мы рано проснулись? — спать бы себе, как все около» [14]. «Поймут ли, оценят ли грядущие люди весь ужас, всю трагическую сторону нашего существования? А между тем наши страдания — почка, из которой разовьется их счастье» [15].

Эти выдержки из дневника Герцена вполне объясняют, почему он и его товарищи по революционному кружку мало верили в возможность дожить до победы. «Странная вещь,— пишет Герцен в «Былом и думах»,— что почти все наши грезы оканчивались Сибирью или казнью и почти никогда — торжеством» [16].

Герцену, не уверенному в возможности дожить до победы народа над его угнетателями, были близки и понятны и «мрачная и безнадежная», по его выражению [17], философия русской истории, изложенная в знаменитом «Философическом письме» Чаадаева, и исступленные проклятия родине, срывавшиеся с уст бежавшего из николаевской России Печорина, и безудержный разгул полежаевского Сашки, и Лермонтов, не понимавший, по выражению Герцена, «возможности ни борьбы, ни приспособления» и после опыта декабристов не веривший «в плодотворность жертвы» [18].

Понимая мысли и чувства этих людей, Герцен, однако, не пошел теми путями, которыми шли они. Он избрал свой путь, отличный от их, и этот путь в исторических условиях того времени был единственно правильным. Сомнение в возможности победы не оставило его. Он был готов пострадать за народ, чтобы послужить примером для следующих поколений.

---

[11] А. И. Герцен. Соч., т. III, стр. 107—108.
[12] Там же, стр. 310.
[13] Там же, стр. 354.
[14] Там же, стр. 106.
[15] Там же, стр. 41.
[16] А. И. Герцен. Соч., т. XII, стр. 77.
[17] А. И. Герцен. Соч., т. IV, стр. 371.
[18] А. И. Герцен. Соч., т. VII, стр. 373.

В отличие от Чаадаева, Печорина, Лермонтова, Герцен был страстным политическим борцом. «Моя натура по преимуществу социабельная,— писал он.— Я назначен собственно для трибуны, для форума, как рыба для воды»[19]. Вот почему ни литературная работа, ни страстные идейные споры в московских салонах не могли, по выражению Герцена, «наполнить всего». Оставалась «ненаполненная доля души». Эта неудовлетворенность Герцена поддерживалась его знакомством с идеями западного утопического социализма.

Смутное сознание того, что не только в России, но и в других странах общественная жизнь строится и развивается не так, как следовало бы, что в отношениях между людьми много вопиюще несправедливого, рано зарождается в Герцене. Знакомство в начале 30-х годов с сочинениями Сен-Симона, Фурье и других утопистов способствовало оформлению этого сознания. «Новый мир,— вспоминал впоследствии Герцен,— толкался в дверь; наши души, наши сердца растворялись ему. Сен-симонизм лег в основу наших убеждений и неизменно оставался в существенном»[20].

Это признание Герцена послужило основанием для многих исследователей зачислять его в «русские сен-симонисты». Но подобная оценка Герцена совершенно неправильна. С самого начала знакомства с социалистическими идеями Герцен обнаружил такую самостоятельность мысли и столь критическое отношение к различным социалистическим системам, в том числе и к «смутному, религиозному», по выражению Герцена, сен-симонизму[21], что было бы грубой ошибкой причислять его к последователям одной из этих систем, хотя бы даже Сен-Симона. Герцен был вполне прав, когда в 1835 г. писал Н. А. Захарьиной: «Я не сен-симонист, но вполне чувствую многое с ними заодно»[22].

Что же именно принимал Герцен в западном утопизме и что вызывало скептическое отношение с его стороны?

Герцен ценил утопистов за критику буржуазного строя, за обличение «всей гнусности современного общественного

---

[19] А. И. Герцен. Соч., т. III, стр. 29.
[20] А. И. Герцен. Соч., т. XII, стр. 152.
[21] А. И. Герцен. Соч., т. VI, стр. 398.
[22] А. И. Герцен. Соч., т. IV, стр. 168.

состояния»[23]. Прочитав книгу Консидерана «Destinée sociale», Герцен записал в дневнике: «Разбор современности превосходен: становится страшно и стыдно. Раны общественные указаны, и источники их обличены с беспощадностью»[24]. Вместе с западными утопистами Герцен признал, что «мир ждет обновления», что «надобно другие основания положить обществам Европы: более права, более нравственности, более просвещения»[25]. Он соглашался, что в основу будущего строя должны быть положены следующие принципы: «общественное управление собственностями и капиталами, артельное житье, организация работ и возмездий и право собственности, поставленное на иных началах; не совершенное уничтожение личной собственности, а такая инвеститура обществом, которая государству дает право общих мер, направлений»[26].

Однако далеко не все удовлетворяло Герцена в утопическом социализме. «Без всякого сомнения,— писал он,— у сен-симонистов и фурьеристов высказаны величайшие пророчества будущего, но *чего-то недостает*»[27]. «В широком, светлом фаланстере» Фурье и Консидерана Герцену «тесновато»[28]. «У нынешних мечтателей-социалистов пробиваются великие слова», признает Герцен, но спешит добавить, что эти слова «остаются отвлеченными, неудобопонятными»[29].

Скептицизм, ясно проявляющийся в этих отзывах Герцена, прежде всего объясняется его революционностью. Герцен в этом отношении резко отличался как от Сен-Симона, так и от подавляющего большинства западных утопистов. Последние верили в возможность мирного преобразования современного общества, считая, что для осуществления их идеала достаточно убедить людей в преимуществах их плана будущего общества по сравнению с существующим общественным строем. Революционному Герцену плохо верилось в осуществимость мирного преобразования. В этом — одно, весьма существенное расхождение его с громадным большинством западных утопистов.

[23] А. И. Герцен. Соч., т. III, стр. 97.
[24] Там же, стр. 332.
[25] А. И. Герцен. Соч., т. I, стр. 117.
[26] А. И. Герцен. Соч., т. II, стр. 97.
[27] А. И. Герцен. Соч., т. III, стр. 319.
[28] Там же, стр. 334.
[29] Там же, стр. 100.

Другое — еще более важное — заключалось в том, что Герцен, человек с широким философским образованием, подчеркивал необходимость «союза современной философии с социализмом» [30].

Для Герцена характерно сознание необходимости преодолеть абстрактность, оторванность от жизни философской мысли того времени, в частности немецкой. Герцен хотел, чтобы философия помогала человеку не только понимать окружающий его мир, но и изменять и переделывать его. Западные утописты, в отличие от него, даже не понимали громадного значения философии для дела социализма.

Герцен сознавал необходимость перекинуть мост между теорией и практикой. Он знал, что будущее родится из существующего, и что поэтому в существующем следует искать элементы, из которых разовьется будущее. Идеал, с точки зрения Герцена, имел смысл и значение лишь тогда, когда он опирался на действительность, а не являлся только мечтою. Подходя с такой точки зрения к учениям западных утопистов, Герцен находил у них полный разрыв между теоретическими построениями и реальной действительностью. Идеал утопистов был только мечтою. Они не понимали необходимости доказать объективную осуществимость идеала, установить историческую неизбежность претворения мечты в действительность. Эти мысли Герцена, как мы увидим, получили полное развитие значительно позже, под влиянием опыта 1848 г.

Непосредственное знакомство Герцена с западноевропейской жизнью обогатило его новым опытом, подняло его теоретическую мысль еще на более высокий уровень. Герцен, по его выражению, любил Запад «всею ненавистью к николаевскому самовластью и петербургским порядкам». Он знал и теневые стороны западной жизни. Но, «видя, как Франция смело ставит социальный вопрос, предполагал, что она хоть отчасти разрешит его». «Париж,— свидетельствует Герцен,— в один год отрезвил меня — зато этот год был 1848» [31].

Герцен приехал в Париж, когда монархия Луи-Филиппа доживала свои последние дни; однако близость ее падения никто еще не предвидел. Та «акционерная компания

---

[30] А. И. Герцен. Соч., т. IV, стр. 398.
[31] А. И. Герцен. Соч., т. XVII, стр. 373.

для эксплуатации французского национального богатства»[32], какой, по определению К. Маркса, являлась июльская монархия, не тревожилась за будущее. Торжество самодовольного капитала, стремление к наживе, охватившее широкие круги парижского общества, узость интересов и лицемерная мораль этого общества — все это поразило Герцена. Тот Париж, который был доступен взору иностранца, представлял собою «край нравственного растления, душевной устали, пустоты, мелкости, апатии»[33].

Все виденное Герценом в Париже убеждало его, что буржуазия будет с остервенением сопротивляться социальному переустройству, отстаивая свои капиталы и ограждая возможность наживаться за счет чужого труда. Что же касается народных масс, то они представлялись Герцену слишком инертными, пассивными; беспрестанно занятые физическим трудом, они не научились еще правильно разбираться в своих нуждах и интересах. При таких условиях Герцену плохо верилось в близость переворота. Февральская революция явилась поэтому неожиданностью для Герцена. Находясь в те дни в Италии, он при первых же известиях о революции, вспыхнувшей в Париже, поспешил туда с намерением сделаться не только свидетелем, но и участником событий.

Розовые надежды, охватившие Герцена, оказались недолговечными и скоро сменились жестоким разочарованием. Он убедился, что новое правительство, созданное революцией, отнюдь не имеет серьезного намерения облегчить положение и улучшить условия жизни трудящихся масс; наоборот, оно делает все возможное, чтобы упрочить господство буржуазии. Особенно сильное впечатление произвели на Герцена июньские дни, когда генерал Кавеньяк беспощадно расстреливал восставших парижских рабочих, а также избрание президентом республики авантюриста Луи Бонапарта. Июньские дни Герцен переживал, как «тяжкую болезнь»[34]. В замечательном очерке «После грозы», включенном в цикл «С того берега», Герцен с потрясающей силой изобразил свои мысли, чувства и переживания того времени.

---

[32] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 6.
[33] А. И. Герцен. Соч., т. IV, стр. 625.
[34] А. И. Герцен. Соч., т. V, стр. 412.

Исход выборов президента был воспринят Герценом как свидетельство полного нравственного падения Франции. «Франция,— писал Герцен,— сделалась Австрией Запада — она погрязает в позоре и тине» [35].

В «Письмах из Франции и Италии» и «С того берега» Герцен дал резкую критику буржуазного либерализма и демократизма. Он понял, что буржуазная оппозиция кровью связана с существующим строем и заинтересована в поддержании его. Он убедился, что «мир оппозиции, мир парламентских драк, либеральных форм — тот же падающий мир» [36]. Либеральное большинство французского временного правительства 1848 г. больше всего опасалось народного движения и поставило своею целью сдержать тот революционный порыв, который выдвинул его самого на роль руководителя политики революционной Франции. «Либералы...,— писал Герцен,— страшнейшие консерваторы; они за переменой хартий и конституций, бледнея, разглядели призрак социализма и перепугались». «Удивляться нечему,— прибавлял Герцен,— им тоже есть что терять, есть чего бояться» [37]. Буржуазная демократия столь же несостоятельна, как и либерализм. Демократы в критический момент испугались революции [38]. В июньские дни никто из них не оказал поддержки восставшему народу. Герцен одинаково жестоко критикует оба крыла тогдашней французской демократии: и чистых демократов типа буржуазных радикалов во главе с Ледрю-Ролленом, и мелкобуржуазных демократов с уклоном в социализм, возглавлявшихся Луи Бланом. Герцен не сомневается в том, что Ледрю-Роллен и Луи Блан — честные люди, искренне желающие добра народу, однако в руководители народного движения они не годятся, для этого «у них недоставало... нерва революционного» [39]. При отсутствии этого нерва они, по мнению Герцена, были роковым образом обречены на поражение.

«Демократическая сторона,— писал Герцен,— была побеждена, потому что она была недостойна победы, а недостойна победы потому, что везде делала ошибки, везде

---

[35] А. И. Герцен. Соч., т. V, стр. 332.
[36] Там же, стр. 287.
[37] Там же, стр. 113.
[38] Там же, стр. 486.
[39] А. И. Герцен. Соч., т. VI, стр. 655.

боялась быть революционной до конца... Пустым людям, как Ледрю-Роллену, Луи Блану, *не может удасться революция»*[40]. Революционеры 1848 г. оказались, по мнению Герцена, недостойными своих отцов и дедов, деятелей эпохи Конвента и террора. Они больше всего заботились о том, чтобы народ, совершивший революцию, не вышел из рамок легальности. Они не хотели понять, что «легальность не может быть обязательна для целого народа». «Когда он восстает,— объяснял Герцен,— он носит в себе живой источник справедливости и законности данной минуты,— он идет не по параграфу кодекса, а творит новый закон»[41]. Деятели революции 1848 г. сделали, по мнению Герцена страшную ошибку, не установив в начале революции диктатуры, которая систематически вытравила бы все остатки и следы монархизма в администрации, в суде и в войске. Необходимо было разоблачить всех «актеров старого порядка». Следовало устранить от участия в делах и удалить из Франции активных сторонников старого порядка, опасных для нового режима; надо было политически воспитывать народ и втягивать его в движение. Временное правительство оказалось неспособным к этому. Оно предало революцию, вместо того чтобы спасать ее. В результате — кровавые июньские дни.

По выражению В. И. Ленина, эти дни были «первой великой гражданской войной между пролетариатом и буржуазией»[42]. И в этой войне Герцен без колебаний, твердо и решительно стал на сторону пролетариата.

Тяжелые испытания 1848 г. привели Герцена к мучительному духовному краху. Его социализм являлся одной из «бесчисленных в эпоху 48-го года форм и разновидностей буржуазного и мелкобуржуазного социализма». Июньские дни окончательно убили этот социализм. Объясняя причины духовного краха Герцена, В. И. Ленин писал: «Духовная драма Герцена была порождением и отражением той всемирноисторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии *уже* умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата

[40] А. И. Герцен. Соч., т. V, стр. 285 (Курсив Б. Козьмина.— *Ред.).*

[41] А. И. Герцен. Соч., т. VI, стр. 94.

[42] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 10.

еще не созрела» [43]. Мы видели уже, как правильно оценил Герцен буржуазную и мелкобуржуазную демократию. Понять же неизбежность назревания в будущем революционности пролетариата он не смог: историческая роль рабочего класса, как могильщика капитализма, не была ему ясна.

Тяжелые испытания 1848 г. способствовали углублению критического отношения Герцена к утопическому социализму. В свете революционного опыта ему стала еще яснее, чем раньше, необходимость искать в реальной действительности залог осуществимости общественного строя, который пока существовал лишь в мечтах лучших сынов человечества. Герцен относился, как к наивным фантазерам, к людям, подобно Луи Блану, думающим, что «достаточно сознания плачевного факта нищенства и задавленности трудящихся, чтобы помочь им». Герцен указывал, что необходимо обрисовать не только картину идеального общества, но и дать четкий ответ на вопрос: *«где лежит необходимость, чтобы будущее разыгрывало нами придуманную программу»*. Надо, говорил Герцен, доказать «что новый мир будет строиться *по нашему плану»* [44], так как «жизнь осуществляет только ту сторону мысли, которая находит себе почву». [45]

В сочинениях утопических социалистов Запада Герцен тщетно искал разрешения поставленной им проблемы. Они не сознавали даже необходимости ее поставить. Вот почему их теории не могли не представляться Герцену слабыми и малоубедительными. «Все доселе явившиеся учения и школы социалистов от Сен-Симона до Прудона,— писал Герцен,— бедны; это — первый лепет, это чтение по складам» [46].

Громадной заслугой Герцена является то, что он настойчиво выдвигал такой вопрос, который в его время из западноевропейских социалистов был поставлен только Марксом и Энгельсом,— вопрос об отношении идеала к действительности. С присущей Герцену резкостью и определенностью он мотивировал законность и неизбежность этого вопроса. «Без предрасположенного народного быта,—

[43] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 10.
[44] А. И. Герцен. Соч., т. V, стр. 398.
[45] Там же, стр. 90—91.
[46] А. И. Герцен. Соч., т. XIV, стр. 461.

писал он,— *общественная наука теряется в социальном бреде»* [47]. Правильно поняв слабую сторону утопического социализма, Герцен призывал перебросить мост «из стремления в приложение» [48], т. е. научно обосновать необходимость воплощения в жизнь более совершенного и справедливого, чем современный, общественного строя.

Однако, сумев поставить эту проблему, Герцен оказался не в состоянии разрешить ее.

Под влиянием неудач 1848 г. ему начало казаться, что в Западной Европе нельзя найти предпосылок, необходимых для осуществления социалистического идеала. «Европа,— писал Герцен,— показала удивительную *неспособность* к социальному перевороту» [49]. В ней отсутствуют силы, потребные для разрешения такой грандиозной задачи. Все классы западноевропейского общества настолько развращены многолетним режимом частной собственности и классового неравенства, что ни один из них — в том числе и пролетариат — не способен взять на себя великое дело общественного преобразования. Социализм не осуществим на Западе.

Будущее западноевропейской цивилизации начало представляться Герцену в самых мрачных красках. Запад идет к гибели, и не видно ничего, что могло бы спасти его, приостановив уже начавшуюся агонию. «Никакие лекарства не действуют более на обветшавшее тело его» [50].

Признание неизбежности гибели западной цивилизации было для «западника» Герцена глубокой трагедией. Вместе с верой в Запад он утрачивал и веру в возможность создания нового общества, построенного на началах братства и социальной гармонии.

Недостаточная экономическая развитость тогдашней России и отсутствие в ней пролетариата не дали Герцену — в отличие от Маркса и Энгельса — возможности понять историческую роль рабочего класса и в этом понимании найти лекарство от безвыходного пессимизма, овладевшего им после краха революции 1848 г.

---

[47] А. И. Герцен. Соч., т. XVI, стр. 4. Курсив Б. Козьмина.— *Ред.*

[48] А. И. Герцен. Соч., т. V, стр. 521.

[49] А. И. Герцен. Соч., т. XIII, стр. 137.

[50] А. И. Герцен. Соч., т. V, стр. 395.

По словам самого Герцена, только «вера в Россию» спасла его «на краю нравственной гибели».

Вспоминая впоследствии свои переживания 1847—1849 гг., Герцен писал: «Начавши с крика радости при переезде через границу, я окончил моим духовным возвращением на родину» [51]. Там, на родине, как казалось Герцену, он нашел наконец то, чего тщетно искал на Западе,— объективные предпосылки для осуществления социалистического идеала. Такими предпосылками, по мнению Герцена, являлись русская земельная община с периодическими переделами земли и признание русским крестьянством права на землю за каждым, кто ее обрабатывает своими руками. Земельные порядки русской деревни, по глубокому убеждению Герцена, не только должны спасти Россию от развития в ней пролетариата, но и обеспечить нашему народу переход к социализму. В обосновании этого и заключалась та теория «русского социализма», которую Герцен неоднократно излагал в своих произведениях и которая от него перешла к народникам.

Теория эта не нуждается в опровержениях. Несостоятельность ее давно уже установлена самою жизнью: община оказалась не в состоянии воспрепятствовать развитию в России капиталистических отношений. Вместе с этим утратила всякое значение и теория «русского социализма», в которой, как уже указывал Ленин, в действительности не было «*ни грана* социализма». Однако Ленин тут же добавлял, что эта ошибочная теория в тогдашней России сыграла глубоко революционизирующую роль. «Идея «права на землю» и «уравнительного раздела земли»,— писал Ленин,— есть не что иное, как формулировка революционных стремлений к равенству со стороны крестьян, борющихся за полное свержение помещичьей власти, за полное уничтожение помещичьего землевладения» [52].

Герцен ошибался, полагая, что в общинном строе русской деревни ему удалось наконец найти то реальное обоснование, при котором социализм из «фантастической утопии» превращается в «новую экономическую науку» [53]. Его теория «русского социализма» была столь же «фантастической утопией», как и неудовлетворявшие его си-

---

[51] А. И. Герцен. Соч., т. VI, стр. 110.
[52] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 11—12.
[53] А. И. Герцен. Соч., т. V, стр. 165.

стемы французских социалистов. Несмотря на эту ошибку, корни которой надо искать не в личности Герцена, а в исторических обстоятельствах его эпохи, самая постановка вопроса о необходимости научного обоснования социализма представляет громадную заслугу Герцена и свидетельствует об исключительной силе его как мыслителя. Неразвитость русского экономического строя помешала Герцену найти правильное решение поставленной им проблемы. Его социализм остался утопическим, но это не лишает исторического значения его попыток связать идеал с действительностью и этим поставить социализм на научную почву.

События 1848 г. отразились и на взглядах Герцена на роль насильственных революций в истории человечества. Ему представлялось, что жертвы, принесенные народом в этом году, оказались бесплодными. Победа досталась буржуазии, а не народу. Положение трудящихся масс нисколько не улучшилось. Стоило ли проливать народную кровь ради таких печальных результатов? Этот вопрос невольно вставал перед Герценом, и он начинал сомневаться в целесообразности революции. «Нет никакой роковой необходимости, чтобы каждый шаг вперед для народа был отмечен грудами трупов»,— писал он,— отрекаясь от «свирепой веры», по которой всякое освобождение должно непременно пройти через «крещение кровью».

Это не значит, что Герцен окончательно отказывается от революционных путей. Нет, он допускал их, но лишь «как отчаянное средство, ultima ratio народов»; к этому средству, по его мнению, допустимо прибегать лишь тогда, когда не остается надежд на мирное разрешение конфликтов и столкновений противоположных интересов [54]. Однако Герцен признал, что, как не страшны революции, существует нечто еще более страшное, это — разгул торжествующей реакции. «От души,— писал он,— предпочитаем путь мирного человеческого развития пути развития кровавого; но вместе с тем так же искренно предпочитаем самое бурное и необузданное развитие — застою николаевского Statusquo» [55]. Посвящая своему сыну русское издание «С того берега», Герцен в 1855 г. писал: «Лучше с револю-

---

[54] А. И. Герцен. Соч. VII, стр. 252.
[55] А. И. Герцен. Соч., т. IX, стр. 2.

цией погибнуть, нежели спастись в богадельне реакции»[56]. В частности, Герцен находил, что все ужасы пугачевщины не будут слишком дорогой ценой за уничтожение позорного для России крепостного права[57]. Но все же он не хотел отказаться от веры в то, что и этот результат достижим без пролития крови.

Размышляя над историей человечества, Герцен находил в ней немало эпох, когда народы, по его мнению, делали громадный шаг вперед и добивались существенного улучщения условий своего существования мирным путем. «На наших глазах,— писал Герцен,— переродился Пьемонт. В конце 1847 г. управление его было иезуитское и инквизиторское... Прошло десять лет — и Пьемонта нельзя узнать... а ведь эта революция была без малейших толчков, для этой перемены достаточно было одной *несчастной войны и ряда уступок общественному мнению* со стороны правительства»[58]. Эти слова о Пьемонте, написанные в 1857 г., объясняют очень многое в политической линии, которую проводил Герцен в первые годы царствования Александра II. Как и Пьемонт, Россия только что пережила несчастную войну, обнаружившую все ее язвы; как и в Пьемонте, правительство под давлением общественного мнения пошло на ряд уступок. Надо только подталкивать его; надо неустанно твердить молодому императору, что его долг твердо идти по пути реформ. Чем единодушнее будет действовать в этом направлении общество, тем больше результатов оно добьется. Так именно мотивировал Герцен и свою «либеральную апелляцию к «верхам»» и свои «бесчисленные слащавые письма» к Александру II, и иные свои «отступления от демократизма к либерализму»[59].

Но кто же будет подталкивать правительство и направлять его реформаторскую деятельность? Где, в каких слоях населения России должно искать общественную силу, призванную стать во главе русского прогресса? На эти вопросы Герцен давал следующий ответ: при апатии и безучастии народа движущей силой русской истории должна стать единственная культурная сила страны — наиболее образованный слой дворянства, способный от-

---

[56] А. И. Герцен. Соч., т. V, стр. 382.
[57] А. И. Герцен. Соч., т. VII, 352.
[58] А. И. Герцен. Соч., т. IX, стр. 2.
[59] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 12.

речься от своих узко классовых интересов. «Среднее сословие дворян,— писал Герцен,— есть бьющая артерия, где еще не застыла горячая кровь России; в нем сходятся все благородные чувства души» [60]. «В нем именно таятся зародыши и умственный центр будущей революции» [61].

На это-то «мыслящее сословие» Герцен в дальнейшем и ориентировался. В расчете на него он строил всю свою издательскую деятельность. Для него он выпускал «Полярную звезду» и «Колокол». Представителей его привлекал к сотрудничеству в своих изданиях.

Однако несмотря на такую ориентацию Герцена, несмотря на либеральные иллюзии, владевшие им, несмотря на чрезмерные уступки, на которые он шел, не желая отказаться от надежд на реформаторскую деятельность правительства, *он никогда не был либералом.*

Противоположная точка зрения впервые была сформулирована Чернышевским, который после свидания с Герценом в 1859 г. заявил, что издатель «Колокола» — «Кавелин в квадрате» [62]. Чернышевский считал политические установки Герцена ошибочными и вредными; он учитывал громадное значение ошибок человека, пользовавшегося таким широким влиянием, какое имел в России конца 50-х годов издатель «Колокола». Поэтому в разгаре обострений политической борьбы он мог допускать полемические преувеличения. Они были вполне понятны и законны. Но недопустимо повторять неправильную оценку политических взглядов и деятельности Герцена теперь, когда люди и события его времени сделались далеким историческим прошлым. Между тем до последнего времени эта ошибка встречалась весьма часто. Особенно яркое выражение неправильная трактовка Герцена как либерала нашла себе отражение в работах М. Н. Покровского, который характеризовал Герцена как главу «либерально-монархического» течения русского общества его времени, в отличие от течения буржуазно-демократического, группировавшегося вокруг «Современника» [63].

---

[60] А. И. Герцен. Соч., т. IV, стр. 434.

[61] А. И. Герцен. Соч., т. V, стр. 356.

[62] Н. Г. Чернышевский. «Литературное наследство», т. II. М.—Л., 1928, стр. 366.

[63] М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен. М., 1934, т. IV, стр. 120.

Точка зрения Покровского находит себе сторонников до нашего времени. На ней стоит, например, известный историк русской литературы В. Е. Евгеньев-Максимов, утверждающий, что Герцен и редактор «Современника» «сражались на разных сторонах баррикады, ибо защищали интересы враждующих классов»[64].

Наиболее убедительным на первый взгляд доводом в подтверждение либерализма Герцена может служить программа его «Колокола». Чего добивался Герцен, принимаясь за издание этого журнала? Вокруг чего стремился он мобилизовать русское общественное мнение?

Программа «Колокола» была сформулирована Герценом в трех пунктах: отмена крепостного права, уничтожение цензуры и отказ от применения телесных наказаний. Как видим, программа эта действительно отличалась чрезвычайной умеренностью и под ней мог бы подписаться любой либерал. Даже об ограничении самодержавной власти царя в ней нет ни слова.

Все это так, но было бы совершенно неправильно считать программу «Колокола» программой самого Герцена. Чтобы убедиться в этом, достаточно припомнить, какие цели ставил себе Герцен, принимаясь за издание «Колокола». Он хотел сделать свой журнал *органом всех оппозиционно настроенных элементов* русского общества. Он намеревался мобилизовать вокруг «Колокола» всех стремящихся положить конец застою николаевщины и вывести страну на путь реформ. Ему представлялось необходимым сгруппировать вокруг журнала как можно более широкие круги тогдашнего русского общества. Поэтому он считал нецелесообразным выставлять такие политические требования, которые могли бы отпугнуть от «Кололокола» часть оппозиционных элементов и тем самым ослабить влияние этого журнала.

Умеренность программы «Колокола» имела одновременно и сильную и слабую стороны.

Герцену действительно удалось сделать свой журнал органом всей тогдашней оппозиции. Именно этим и объяснялся шумный успех, завоеванный герценовским журналом в первые годы его существования. «Колокол» читала

---

64 В. Евгеньев-Максимов. «Современник» при Чернышевском и Добролюбове. Л., 1936, стр. 372—373.

вся грамотная Россия. Его можно было встретить и в столице и в глухой провинции. Он проникал в студенческие каморки и в царский дворец. Кто только не корреспондировал в «Колокол», не присылал Герцену литературных материалов: и профессора, и студенты, и помещики, и чиновники — вплоть до бюрократов высших рангов,— и профессиональные литераторы, и люди, никогда ранее не бравшие пера в руки. Даже противники Герцена не могли отрицать, что его журнал является мощной политической силой, с которой было вынуждено считаться правительство. Сеть широко осведомленных корреспондентов снабжала Герцена исключительно ценными, подчас совершенно секретными материалами.

Однако рядом с этой сильной стороной существовала и слабая: с течением времени она начала проявляться все более ясно и резко. Чем более в связи с приближением отмены крепостного права обострялась классовая борьба, чем четче размежевывались отдельные общественные группы, чем непроходимее становилась пропасть, отделявшая демократию от либерализма, тем ярче обозначался отход от Герцена и его журнала различных общественных элементов.

Демократическую часть русского общества не удовлетворяла умеренность «Колокола». Герцену ставили в вину его уступки либерализму. От него требовали решительной революционной тактики. Все это нашло себе отражение в «Письме из провинции» напечатанном в № 64 «Колокола» за 1860 г. Автор этого письма, до сих пор многими ошибочно приписываемого Чернышевскому, хотя оно несомненно написано не им, а кем-то другим [65], призывал Герцена «переменить тон». «Пусть ваш «Колокол»,— писал он,— благовестит не к молебену, а звонит набат! К топору зовите Русь... Помните, что сотни лет уже губит Русь вера в добрые намерения царей. Не вам ее поддерживать».

Еще ранее — более чем за год до напечатания в «Колоколе этого письма — выступили против Герцена либералы в лице профессора Московского университета

[65] См. об этом в моей статье «Был ли Н. Г. Чернышевский автором письма «Русского человека» к Герцену», в т. 25—26 «Литературного наследства», 1936.

Б. Н. Чичерина. В конце 1858 г. он опубликовал в «Колоколе (№ 29) письмо к Герцену, которое последний не без основания назвал «обвинительным актом». Действительно, Чичерин принимал тон сурового прокурора; он не столько полемизировал с Герценом, сколько предъявлял ему обвинения. В чем же был повинен Герцен, по мнению Чичерина? — Герцену ставилось в вину, что он впадает в крайности, «истощается» гневом и негодованием, руководствуется не разумом, а страстью. Чичерин обвинял Герцена в том, что он ««раздувает пламя» и «растравляет язвы», вместо того чтобы «успокаивать раздражение умов», что он вызывает «свирепый разгул разъяренной толпы» [66]. Вопрос был поставлен вполне ясно и четко. Агитация «Колокола» может вызвать народную революцию, а либерал Чичерин этого опасался больше всего. Поэтому он и призывал Герцена к спокойствию, рассудительности, сдержанности и умеренности.

Если в 1858 г. письмо Чичерина вызвало недовольство среди многих либералов во главе с Кавелиным, поспешивших отгородиться от его автора, то через два-три года эти оппоненты Чичерина последовали за ним, порвав как политические, так и личные связи с издателем «Колокола». «Кавелин совсем пошел в Чичерины»,— писал Герцен в 1862 г. [67].

1861—1863 годы были временем окончательного отхода либералов от Герцена. Расхождению способствовало и то, что Герцен в связи с новой политической ситуацией, сложившейся тогда в России, счел необходимым пересмотреть свои политические установки. В литературе о Герцене до сих пор не было обращено достаточного внимания на те весьма показательные сдвиги, которые произошли у него в годы, последовавшие за опубликованием крестьянской реформы.

Что побудило Герцена решиться на пересмотр его тактики? И насколько далеко он при этом зашел? В. И. Ленин дал точные и четкие ответы на только что поставленные вопросы, указав, что Герцен в 60-х годах впервые увидел в России революционный народ и что под

---

[66] Цитирую письмо Чичерина по Полному собранию сочинений А. И. Герцена, т. IX, стр. 409.

[67] А. И. Герцен. Соч., т. XV, стр. 194.

влиянием этого он «безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма»[68].

Реформа 19 февраля 1861 г., которую Герцен ожидал с таким нетерпением, не удовлетворила его. Он не нашел в ней соответствия нуждам и ожиданиям крестьян. В то время, когда либеральные органы печати были полны восторженными славословиями в честь царя, «Колокол» отозвался на реформу статьей Огарева, в которой давалась такая выразительная характеристика правительственной реформы: «Старое крепостное право заменено новым. Вообще крепостное право *не отменено. Народ царем обманут»*[69].

Такая оценка реформы 19 февраля отражала разочарование крепостного крестьянства, признавшего полученную волю «панской», «барской», а не «настоящей», и ответившего на реформу повсеместными волнениями, охватившими почти всю Европейскую Россию. Эти волнения произвели большое впечатление на Герцена. Он впервые увидел в России народные массы, поднявшиеся на защиту своих интересов. На крестьянское движение 1861 г. Герцен отозвался статьей, самое заглавие которой ясно передает ее содержание: *«Исполин просыпается»*. Обращаясь к русскому крестьянству, Герцен писал: «Проснись богатырем! Потянись во всю длину молодецкую, вздохни свежим, утренним воздухом, да и чихни, чтобы спугнуть всю эту стаю сов, воронов, вампиров... *Ты* просыпаешься — пора *им* на покой... Чихни, исполин,— и от них следа не останется»[70].

Герцен возмущался расстрелами и кровавыми расправами, происходившими в то время в России. «Три крови», пролитые в 1861 г. правительством, Герцен занес на его счет: кровь польских демонстрантов, расстрелянных на улицах Варшавы, кровь усмиренных крестьян и кровь студентов, пострадавших при стычках с полицией и войсками во время уличных демонстраций в Петербурге и в Москве. Слова «проклятия и негодования» срывались у Герцена при получении известий о полицейских расправах в России. Обращаясь к студенческой молодежи,

---

[68] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 14.

[69] Н. П. Огарев. Разбор нового крепостного права.— «Колокол», 1861, № 101.

[70] А. И. Герцен. Соч., т. XI, стр. 258.

Герцен писал: «Не жалейте вашей крови. Раны ваши святы, вы открываете новую эру нашей истории. Ваша кровь во всяком случае засвидетельствовала начало совершеннолетия и многое обличила... Она обличила, чего нам ждать от *благодушного* Александра II» [71].

Вот каким языком заговорил Герцен в конце 1861 г., и это был язык, конечно, не либерала, а человека, утратившего надежды на правительство и царя. Недаром, обращаясь к «труженику и страдальцу земли русской», он писал: «Ты ненавидишь помещика, ненавидишь подьячего, боишься их — и совершенно прав; но веришь еще в *царя и архиерея. Не верь им»* [72].

Отказавшись от надежд на царскую власть, Герцен, ранее не придававший особого значения формам правления, заговорил о преимуществах республиканского устройства. «Мы глубоко убеждены,— писал он,— что социальное развитие возможно только при полной республиканской свободе, при полном демократическом равенстве» [73].

В то же время значительно изменяется характер «Колокола». Он начинает ориентироваться на иного читателя, чем прежде. Если ранее этот журнал был рассчитан исключительно на образованный круг, то теперь в нем появляются статьи, написанные языком, понятным для народа, и обращенные непосредственно к нему (статьи Огарева «Что нужно народу», «Ход судеб» и др.).

Из типографии Герцена выходит ряд прокламаций, предназначенных для распространения среди крестьян и в войсках. В 1862 г. начало издаваться особое прибавление к «Колоколу» под названием «Общее вече». В предисловии «От издателей», помещенном в № 1 «Общего вече», необходимость нового органа прямо-таки мотивировалась ссылкой на то, что в «Колоколе» «убеждение так называемых низших слоев не высказывалось». Участвовать в «Общем вече» его издатели приглашали «старообрядцев, людей торговых и мастеровых, крестьян и мещан, дворовых людей, солдат и разночинцев». Таким образом, «Общее вече» должно было стать первым русским рево-

---

[71] А. И. Герцен. Соч., т. XI, стр. 325.
[72] Там же, стр. 194. Курсив Б. Козьмина.— *Ред.*
[73] А. И. Герцен. Соч., т. XX, стр. 136.

люционным органом, рассчитанным на читателя из крестьянства и городского мещанства.

После 1861 г. меняется и содержание пропаганды, которую вел «Колокол». На его страницах появляются статьи на новые, не встречавшиеся в нем ранее темы. Огарев усердно пропагандирует в «Колоколе» «русский социализм» и обосновывает необходимость полной ликвидации помещичьего землевладения. В то же время Герцен и Огарев выдвигают требование созыва Земского собора, подразумевая под этим термином собрание народных представителей, долженствующее сыграть роль учредительного собрания, т. е. установить в России новый политический порядок, основанный на широком самоуправлении народа.

Пересматривая свои прежние взгляды, Герцен не мог не остановиться и на вопросе о роли столь высоко ценившейся им дворянской интеллигенции. О ней он судил ранее главным образом по своим московским друзьям сороковых годов. Он исключительно высоко ставил этих людей. «Где, в каком углу современного Запада,— писал он в «Былом и думах»,— найдете вы такие группы отшельников мысли, схимников науки, фанатиков убеждений, у которых седеют волосы, а стремления вечно юны» [74]. В конце 1848 г. Герцен писал из Парижа своим московским друзьям: «*Лучше вас нет людей* ни в России, ни в Европе» [75]. С горечью наблюдал он впоследствии, как все дальше и дальше отходили от него его друзья, как тускнели их мысли, как менялись их убеждения, как «седели» их стремления. В 1865 г. в письме к М. К. Рейхель Герцен вынужден был констатировать: «Они сделались *врагами и большая часть дрянью»* [76]. Политическая эволюция, проделанная его бывшими друзьями, явилась одним из мотивов, побудивших Герцена пересмотреть свое отношение к дворянской интеллигенции. Если лучшие ее представители оказались «врагами» и «дрянью», то что же сказать о других!

---

[74] А. И. Герцен. Соч., т. XIII, стр. 36—37.

[75] А. И. Герцен. Соч., т. V, стр. 244—245. Курсив Б. Козьмина.— *Ред.*

[76] А. И. Герцен. Соч., т. XVIII, стр. 290. Курсив Б. Козьмина — *Ред.*

Герцен знал, что подавляющее большинство участников революционной борьбы 60-х годов вышло не из дворянской, а из разночинской среды. Он видел, что революционная партия рекрутируется преимущественно сыновьями мелких чиновников, духовенства, мещан, учителями, художниками, молодыми купцами, приказчиками; и если в ее рядах можно встретить дворян, то почти исключительно «бедного провинциального... барина-пролетария» [77].

Эти факты показывали, что руководящая культурная и политическая роль от дворян перешла к новым людям.

В 1863 г. Герцен писал: «Дворянски-помещичья Русь, в которой до этого времени преимущественно сосредоточивалось умственное и литературное развитие,... не могла серьезно провести ни одной мысли, не переходя через ограду, оберегавшую ее сословные права». Как видно из этих слов Герцена, он понял, что классовые интересы связывают дворянскую интеллигенцию с феодально-крепостническим миром и что она своим положением в обществе поставлена перед дилеммой: или «вносить противоречия во всякий вопрос» или же «отречься от своих монополий». Но на такое отречение способно лишь незначительное меньшинство дворян: у подавляющего большинства не хватает нравственной силы «на выход из сословия».

В другой статье Герцен называл действительными наследниками декабристов людей, принадлежавших к новой России, предшественником который был «явившийся слишком рано» Ломоносов. Позднее она была представлена Белинским, петрашевцами и, наконец, революционерами 60-х годов во главе с Чернышевским [78].

В конце 50-годов, полемизируя с группой «Современника», Герцен страстно защищал «лишних людей» от критики со стороны Чернышевского и Добролюбова. Через пять лет он был вынужден признать, что в этой критике было много справедливого. Герцен убедился, что представители новой, разночинной интеллигенции обладают достоинствами, отсутствовавшими у людей, принадлежавших к дворянству. Разночинцы — люди дела: они твердо придерживаются своих убеждений, не идут на компромиссы, не склоняют голову перед опасностями.

[77] А. И. Герцен. Соч., т. XVII, стр. 256.
[78] Там же, стр. 298—299.

В «Письмах к противнику» (1864 г.) Герцен писал: «Мы по положению, по необходимости были рефлектерами, резонерами, теоретиками, книжниками, *тайно брачными* супругами наших идей. Все это было уместно, необходимо после перелома русской жизни в 1825 году..., но энергией, но делом, но мужеством мы мало отличались... Мы, кроме книги, ни за что и не брались, мы удалялись от дела... Мы были отважны и смелы только в области мысли. В практических сферах, в столкновениях с властью являлась большею частью несостоятельность, шаткость, уступчивость». И далее Герцен вспоминал, как в 1834 г., находясь под следствием, он и его товарищи «скрывали свои мнения». «После декабристов до петрашевцев все линяли»,— писал Герцен. Иное дело Михайлов, Обручев, Чернышевский, Мартьянов. Взятые в плен врагами, они не отказались от своих убеждений и не просили пощады. «Нет, они ушли на каторгу с святой нераскаянностью. *Я ни в тридцатых, ни в сороковых годах не помню ничего подобного»* [79].

Это признание Герцена чрезвычайно показательно. Он был вынужден констатировать нравственное превосходство разночинцев 60-х годов по сравнению с дворянскими интеллигентами 30-х и 40-х.

Итак, в конце своей деятельности Герцен признал разночинцев, а не среднее дворянство основной политической и умственной силой в России и на них возложил он обязанность «спасти цивилизацию для народа» [80].

Между тем его личные отношения с молодой Россией не налаживались. На почве взаимного непонимания, а иногда и нежелания понять противную сторону происходило много недоразумений, обид, жестоких оскорблений и враждебных столкновений [81]. Однако даже в самые тяжелые минуты, когда с уст Герцена срывались грубые и оскорбительные слова по адресу молодых эмигрантов, в которых он видел хотя и рядовых, но типичных представителей разночинской демократии, он сохранял веру в эту демокра-

---

[79] А. И. Герцен. Соч., т. XVII, стр. 377—379. Курсив Б. Козьмина.— *Ред.*

[80] Там же, стр. 257.

[81] См. подробнее об этом в моей статье «Герцен, Огарев и «Молодая эмиграция» 60-х годов».— «Литературное наследство», т. 41—42.

тию, в ее искреннюю преданность народу и готовность посвятить свои силы борьбе за его интересы.

Теряя своих прежних читателей и почитателей, Герцен мечтал найти себе новую аудиторию в лице разночинной интеллигенции. «Для этой новой среды,— писал он,— хотим мы писать и прибавить наше слово... к тому, чему их учит Чернышевский» [82]. Для Герцена было большим огорчением убедиться, что эта надежда не оправдалась, что в новой России он не нашел себе читателей. «Новое поколение,— признавался с печалью Герцен,— идет своим путем, оно не нуждается в наших словах, оно достигло совершеннолетия и знает это». «Другим,— прибавляет Герцен,— нам сказать нечего» [83].

Сознавая свою оторванность от революционно-демократической среды 60-х годов, Герцен не терял надежды, что наступит время, когда русские революционеры отнесутся к нему более объективно и справедливо, чем представители «молодой эмиграции» 60-х годов, с таким ожесточением нападавшие на него. «Я глубоко убежден, что мы с детьми Базарова встретимся симпатично и они с нами — без озлобления и насмешки» [84]. Так писал Герцен в то время, когда «Базаровы» нападали на него, обвиняя его в барственных привычках, в аристократическом презрении к выходцам из социальных низов и т. п. И действительно, Герцен оказался прав: дети «Базаровых» признали за ним те революционные и патриотические заслуги, которые в ожесточении идейной борьбы отрицали сами «Базаровы». Они поняли, что, каковы бы ни были политические колебания Герцена и его срывы к либерализму, он с избытком искупил их той твердостью, с какой в самый разгар реакции 60-годов продолжал стоять на своем боевом посту, не взирая на бешеную травлю, начатую против него Катковыми и Иванами Аксаковыми, не говоря уже о различных продажных писаках, нападавших на Герцена с яростью и ожесточением моськи, лаявшей на слона.

Ленин указывал, что Герцен политикой своей по отношению к польскому восстанию 1863 г. «спас честь русской

---

[82] А. И. Герцен. Соч., т. XVII, стр. 299.
[83] А. И. Герцен. Соч., т. XXI, стр. 187—188.
[84] Там же, стр. 231.

демократии»[85]. Не одобряя этого восстания, считая его преждевременным и потому «обреченным на неудачу», Герцен тем не менее твердо поддерживал поляков, когда восстание началось. В этом он видел выполнение своего патриотического долга. «Мы с Польшей,— писал он,— потому что мы за Россию. Мы со стороны поляков, потому что мы русские. Мы хотим независимости Польши, потому что мы хотим свободы России. Мы с поляками, потому что одна цепь сковывает нас обоих»[86].

Но не только политика в польском вопросе делает честь Герцену. То же самое можно сказать и о его отношении к реакции в России. С ужасом и омерзением говорил Герцен о разгуле полицейского террора в России в 1863 г. и следующих годах. «Мы не можем привыкнуть к этой страшной, кровавой, безобразной, бесчеловечной, наглой на язык России, к этой литературе фискалов, к этим мясникам в генеральских эполетах, к этим квартальным на университетских кафедрах... Ненависть, отвращение поселяет к себе эта Россия. От нее горишь тем разлагающим, отравляющим стыдом, который чувствует любящий сын, встречая пьяную мать свою, кутящую в публичном доме»[87].

Неустанно обличал Герцен реакционную Россию. Его голос звучал гневом и страстью. Суровым обвинителем, не знающим пощады, выступал он. Трудно сказать, кого он больше ненавидел: правительство ли, запятнавшее свои руки кровью, ренегатов ли, своим отступничеством стремящихся загладить прежние прегрешения, журналистов ли, пошедших на службу к правительству, заядлых ли зубров-крепостников или либералов, рукоплещущих правительственным репрессиям. Герцен был вправе гордиться своей деятельностью в годы польского восстания и торжества реакции в России. «Наше дело, может, кончено,— писал он И. С. Тургеневу в 1864 г.,— но память того, что не вся Россия стояла в разношерстном стаде Каткова, останется... Мы спасли честь русского и за это пострадали от рабского большинства»[88]. Вот почему нельзя не удивляться политической наивности людей, которые

---

[85] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 13.
[86] А. И. Герцен. Соч. т. XVI, стр. 151.
[87] А. И. Герцен. Соч., т. XVII, стр. 296—297.
[88] Там же, стр. 126.

подобно Юрию Самарину и М. П. Погодину делали явно безнадежные попытки свернуть Герцена с того пути, по которому он шел, убедить его сознаться в своих «прегрешениях» и просить у правительства пощады. С гордостью и возмущением отвергал Герцен эти непрошенные советы.

Герцен знал, что, выступая против реакции, он идет против течения, восторжествовавшего в России 60-х годов, но это не смущало его: он верил, что победа реакции недолговечна, что торжество русского народа над его угнетателями и эксплуататорами приближается. В последнее десятилетие своей жизни Герцен, как мы видели, нашел в себе силу пересмотреть многие из своих политических установок и избавиться от либеральных иллюзий, которым он отдал в свое время дань. Но этот пересмотр не ограничился лишь тем, о чем мы уже говорили. Он пошел глубже и коснулся одного из основных убеждений Герцена, которого он твердо придерживался, начиная с 1848 г.,— убеждения в неспособности Западной Европы осуществить социальный переворот и в гибели, предстоящей ей в связи с этим. Под конец жизни Герцена у него обнаружились и в этом вопросе чрезвычайно существенные сдвиги. Они явились результатом его наблюдений и размышлений над деятельностью I Интернационала. Как видно из писем Герцена «К старому товарищу» (1869 г.), он убедился, что «мир рабочий», противопоставивший себя «миру пользующихся без работы», сумеет добиться коренной перестройки западноевропейского общества и осуществит социализм.

«Ясно видим мы,— писал Герцен,— что дальше дела не могут идти так, как шли, что, наконец, исключительному царству капитала и безусловному праву собственности также пришел конец, как некогда пришел конец царству феодальному и аристократическому» [89].

Эти весьма характерные заявления Герцена и имел в виду В. И. Ленин, когда он утверждал, что скептицизм, овладевший Герценом после неудачи 1848 г., был формой перехода не от демократии к либерализму, как у других разочаровавшихся демократов, а «от иллюзий «надклассового» буржуазного демократизма к суровой, непреклонной, непобедимой классовой борьбе пролетариата» [90]. Под

[89] А. И. Герцен. Соч., т. XXI, стр. 435, 439.
[90] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 11.

конец жизни «... Герцен обратил свои взоры не к либерализму, а к *Интернационалу*, к тому Интернационалу, которым руководил Маркс...» [91].

Конечно, у Герцена мы не найдем полного понимания исторического значения классовой борьбы пролетариата. Но было бы странно и требовать от него этого. Удивляться надо не тому, что Герцен не сумел вполне разрешить поставленные им коренные проблемы социальной жизни, а тому, *насколько он приблизился* к правильному решению их.

Глубина идейных исканий, смелость и последовательность критической мысли сочетались у Герцена с блестящим литературным талантом и с горячей преданностью родине и русскому народу. Поэтому Герцен и завоевал себе выдающееся место в истории русской общественной мысли. Недаром Ленин рассматривал его, наряду с Белинским, Чернышевским, и «блестящей плеядой революционеров 70-х годов», как одного из «предшественников русской социал-демократии» [92].

Имя Герцена — одно из тех имен, которыми по праву всегда будет гордиться наш народ.

---

[91] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 11.
[92] В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 342.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ГЕРЦЕНА ПРОТИВ «СОВРЕМЕННИКА» В 1859 ГОДУ*

В 44-м листе «Колокола», вышедшем 1 июня 1859 г., Герцен напечатал статью, озаглавленную «Very dangerous!!!». Статья эта, восхитившая как либералов, так и консерваторов, произвела сенсацию в русском обществе: в ней Герцен неожиданно обрушился на ведущий орган революционно-демократической части русского общества того времени — некрасовский журнал «Современник».

Правда, в статье Герцена не упоминалось о «Современнике», однако по ряду совершенно ясных намеков становилось несомненным, что Герцен имел в виду именно этот журнал. Да Герцен и не скрывал этого. Еще до выхода 44-го листа «Колокола» он предупредил своего друга М. К. Рейхель, что в этом листе она найдет «головомойку «Современнику»» [1].

При таких условиях становится вполне понятным усиленное внимание исследователей к названной статье Герцена. Вряд ли можно найти такого автора, который, изучая жизнь и деятельность Герцена или Чернышевского и Добролюбова, а также историю «Колокола» или «Современника», обошел бы молчанием загадочный выпад Герцена по адресу людей, которых он имел полное основание рассматривать как союзников в борьбе против крепостни-

[1] А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем под ред. М. К. Лемке, т. IX, стр. 579, письмо от 20 мая 1859 г. Как выясненно в настоящее время, несмотря на категоричность приведенного сообщения Герцена, статья его была направлена не только против «Современника», но и против другого журнала того времени — «Библиотеки для чтения», руководимой А. В. Дружининым. См. мою статью «К вопросу о борьбе Герцена и Огарева против сторонников «чистого искусства»» («Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», т. IX, 1950, вып. 2). Однако несомненно и то, что главной целью статьи Герцена было нанесение удара не дружининскому, а некрасовскому журналу.

чества. Существует ряд работ, посвященных специально выяснению причин, побудивших Герцена написать такую несправедливую и опрометчивую статью, и последствий, вызванных появлением ее в печати. Тем не менее далеко не все связанное с названной статьей Герцена можно признать достаточно выясненным и объясненным. Многое остается до сих пор неясным и спорным.

В настоящей статье мы постараемся выяснить обстоятельства, вызвавшие появление в печати интересующей нас статьи Герцена.

Прежде всего возникает вопрос, что именно было поставлено Герценом в вину «Современнику», каких именно сотрудников его и какие именно их работы имел в виду Герцен, нападая на некрасовский журнал.

Неоднократно высказывалось мнение, будто бы статья Герцена была направлена специально против Добролюбова. Старались даже точно установить, какая именно из его статей вызвала нападки издателя «Колокола». М. А. Антонович, отражая мнение, очевидно, широко распространенное в кругах сотрудников «Современника», утверждал, что статья Герцена была написана по поводу «Литературных мелочей прошлого года» Добролюбова [2]. Из современных исследователей такого же мнения придерживается С. А. Рейсер [3]. Как и Антонович, он уверен, что статья Герцена являлась «непосредственным ответом» на «Литературные мелочи прошлого года». Напротив того, М. В. Нечкина высказывает мнение, что «вызвала возмущение Герцена и его ответ» статья Добролюбова, напечатанная в № 2 «Свистка» под названием «Письма из провинции», за подписью Д. Свиристелев [4]. Наконец, Я. Е. Эльсберг в первом издании своей книги о Герцене утверждал, что Герцен полемизировал со статьей Добролюбова «Что такое обломовщина?» [5].

Несомненно, что в этом вопросе неправы все спорящие. Внимательное чтение статьи Герцена не оставляет сомне-

---

[2] М. А. Антонович. Воспоминания; Г. З. Елисеев. Воспоминания. «Шестидесятые годы». М.— Л., 1933, стр. 148.

[3] С. А. Рейсер. Добролюбов и Герцен.— «Известия АН СССР, отделение общественных наук», 1936, № 1—2, стр. 181.

[4] М. В. Нечкина. Н. Г. Чернышевский в годы революционной ситуации.— «Исторические записки», т. 10, 1941, стр. 32.

[5] Я. Е. Эльсберг. А. И. Герцен. Жизнь и творчество. М., 1948, стр. 382.

ния в том, что он имел в виду не одного только Добролюбова — хотя его в большей мере, нежели других сотрудников «Современника» — и не одну какую-либо статью, а ряд статей, различных авторов, напечатанных на страницах «Современника».

Когда, например, Герцен писал: «Мы безропотно выносили десять лет болтовню о всех петербургских камелиях и аспазиях, которые, во-первых, во всем мире похожи друг на друга, как родные сестры, во-вторых, имеют то общее свойство с котлетами, что ими можно иногда наслаждаться, но говорить о них совершенно нечего»,— он без сомнения имел в виду не Добролюбова, а И. И. Панаева. Пользуясь положением одного из редакторов «Современника» — хотя бы только номинального — Панаев наполнял номера этого журнала подробными описаниями жизни кутящего Петербурга, проявляя при этом исключительную осведомленность в биографиях героинь полусвета. Только к 1858 г. Некрасову и Чернышевскому удалось добиться от Панаева некоторого изменения тематики его фельетонов, печатавшихся под названием «Петербургская жизнь».

Когда Герцен упоминал в своей статье о торжественной встрече, устроенной в Лондоне Поэрио и его товарищам, и указывал, что над событиями такого рода недопустимо смеяться, он имел в виду одно из политических обозрений Чернышевского. Но прежде чем говорить об этом выпаде Герцена, надо напомнить, кто такие были Поэрио и его товарищи.

В сороковых годах Поэрио пользовался в Неаполе значительной популярностью как человек либеральный по своим взглядам, возмущавшийся реакционными мероприятиями неаполитанского абсолютизма. Когда во время революции 1843 г. король Фердинанд II под давлением народа был вынужден согласиться на введение конституции, он, зная популярность Поэрио, поручил ему и его товарищам сформировать министерство, и они согласились на это. Однако вскоре они получили от короля жестокий урок за свою политическую наивность. Как только революция была подавлена, король взял обратно объявленную конституцию, а Поэрио и его друзей приказал арестовать. Осужденные на основании подложных документов, сфабрикованных полицией, они почти десять лет провели в неаполитанских тюрьмах, находясь в невыносимых условиях

и подвергаясь всевозможным издевательствам со стороны тюремщиков. Только в 1859 г. Поэрию и его товарищи были освобождены с обязательством покинуть Неаполь. Как мы уже говорили, в Лондоне, куда они прибыли, им была устроена весьма торжественная встреча.

Этого события Чернышевский коснулся в мартовском политическом обозрении «Современника». При этом он указал, что от Фердинанда II нельзя было ожидать ничего другого, как именно тех действий, которые он предпринял по отношению к Поэрио и его товарищам. Он был вынужден поступить с ними так, как поступил, ибо, с его точки зрения, наказанные им люди являлись «тяжкими преступниками»: они не исполнили лежавшей на них по неаполитанским законам обязанности защищать форму правления, существовавшую до революции. «Безнаказанность таких людей,— указывал Чернышевский,— конечно, была противна прочности восстановленной системы». Правда, для осуждения Поэрио и его товарищей не было юридических доказательств, что и дало основание либералам возмущаться и говорить о «беззаконности» приговора. Однако Чернышевский и в этом вопросе не был согласен с либералами. «Нам кажется,— писал он,— что требовать улик против Поэрио значило бы быть слишком щепетильным формалистом!» Не видел Чернышевский повода для возмущения и в тяжелых условиях тюремного заключения: «Десятилетние страдания преступников были ужасны, но что же делать? Тюрьмы с комфортом не устраиваются».

Статья Чернышевского заканчивалась следующим выводом: «Образ действия, за который пострадали Поэрио и его товарищи, мы считаем ошибочным, и полагая, что он был очень вреден для Неаполя, должны сказать, что они сами были виноваты в своих несчастиях, совершенно заслуженных,... повторяем, они сами были виноваты в том, чему подверглись» [6].

Отчасти по цензурным условиям, не позволявшим Чернышевскому выразить свою мысль с полной точностью и определенностью, отчасти же по свойственной ему любви поддразнивать своих противников, он в данном случае выражался в достаточной степени неясно. Недаром Плеханов указывал, что порой некоторые доводы Чернышевского

---

[6] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VI, М., 1949, стр. 150—154.

«поражали читателей» и «производили впечатление...прямого сочувствия обскурантам» [7]. Изложенные нами рассуждения Чернышевского относительно Поэрио произвели на многих читателей такое именно впечатление, о каком писал Плеханов. Об этом мы узнаем и от самого Чернышевского и из других источников.

«Проницательные люди,— писал Чернышевский,— немедленно сообразили, что мы восстаем против честности и защищаем обманщиков; сообразив это, проницательные люди все поголовно вознегодовали на нашу безнравственность, низость и обскурантизм; проникшись негодованием, они стали выражать его самым благородным и энергичным образом, и словесно, и в письмах, адресованных в наше имя» [8].

Дважды пришлось Чернышевскому объяснять «проницательным людям» смысл его слов относительно Поэрио. Он сделал это и в политическом обозрении, напечатанном в № 4 «Современника» за 1859 г., и в статье «Г. Чичерин как публицист» [9]. Здесь он постарался возможно яснее сформулировать свою мысль.

«Недавно как-то,— писал он,— мы отважились изложить мысль необычайно новую и странную: если человек, до пятидесяти лет бывший низким обманщиком и злодеем (имеется в виду король Фердинанд II.— *Б. К.*), попавшись в неожиданную беду, призывает к себе честных людей и говорит: «спасите меня, я буду вашим верным другом», и если честные люди поверят ему, а потом, вывернувшись из беды при их помощи, он начинает куролесить хуже прежнего, при чем даст на орехи и своим избавителям (т. е. Поэрио и его товарищам. — *Б. К.*), то они сами виноваты в том, что потерпят от него,— зачем было им верить обещаниям низкого обманщика?»

Итак, Чернышевский, касаясь Поэрио, хотел высказать весьма полезную, по его мнению, для русского общества истину: люди, имевшие наивность поверить в готовность русского правительства осуществить на условиях, выгодных для народа, реформы, приняться за которые оно вынуждено было угрозой революции, и, вследствие этого решившиеся оказать своим авторитетом в обществе

---

[7] Г. В. Плеханов. Соч., т. VI, М., стр. 55.

[8] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. V. М., 1950, стр. 644.

[9] Там же, т. VI. М., 1949, стр. 186—187 и т. V, стр. 644.

поддержку абсолютизму в тяжелые для него минуты, совершают непозволительную ошибку, в которой сами впоследствии будут горько раскаиваться.

Герцен, как мы видели, оказался в числе людей, которые пришли в негодование от слов Чернышевского, несправедливо, по их мнению, осудившего политических страдальцев, явившихся жертвами гнусного произвола деспотического правительства. Герцен не мог не чувствовать себя несколько задетым суровым отзывом «Современника» о Поэрио, задетым постольку, поскольку он сам в это время принадлежал к числу людей, еще не разуверившихся в политическом и социальном строе страны. Либеральные иллюзии далеко еще не были изжиты издателями «Колокола», и их колебания между демократизмом и либерализмом еще ясно сказывались на политической линии их органа.

В том самом листе «Колокола», в котором была напечатана статья «Very dangerous!!!» Герцен обращался с призывом к царю: «Пусть же Александр II найдет в себе силы невозвратным актом разорваться с петровским преданием, так, как Петр — с московским, и заявит перед всем светом, что Россия кончила свою военную службу, что она не хочет быть *завоевывающей* империей с немецким устройством, а славянским государством и *мирной главой* нового союза» [10].

Почти в то же самое время соратник Герцена Огарев, «глубоко увлеченный», по его выражению, «благородным начинанием» Александра II, т. е. предпринятым правительством «освобождением» крестьян, писал на страницах «Колокола», обращаясь к царю: «Ваше царствование — великий шаг в русской жизни»,— и выражал готовность возвратиться на родину, как только царь признает «необходимость свободного въезда в Россию всем истинным сынам ее» [11].

Издатели «Колокола» упорно держались за надежду на возможность побудить правительство осуществить преобразования, в которых, по их мнению, нуждалась страна, не отказываясь, однако, и от революционного решения вопроса в том случае, если выяснится полная невозможность

[10] А. И. Герцен. Соч., т. X, стр. 10.

[11] Н. П. Огарев. III отделение и барон Бруннов.— «Колокол», л. 46, стр. 375—376.

рассчитывать на мирный исход, на царскую реформу. Именно поэтому на новый, 1860 г. Герцен и обращался к царю с призывом: «Государь, проснитесь, новый год пробил нового десятилетия, которое, может, будет носить ваше имя, но, ведь, нельзя одной и той же рукой ярко и светло записывать свое имя в истории, как освободитель крестьян, и подписывать нелепые повеления против свободной речи и против молодости юношей. Вас обманывают, вы сами обманываетесь... посмотрите хорошенько, кто друзья России и кто любит только свою частную выгоду. Вам это потому вдвое важнее, что *еще* друзья России *могут быть* и вашими» [12].

Политическая позиция Герцена того времени привела его к тому, что в своей статье «Very dangerous!!!» он пригрозил Чернышевскому презрением общества. «Всего гения Гейне,— писал он,— чуть хватило, чтоб покрыть две-три отвратительные шутки над умершим Берне, над Платеном и над одной живой дамой. На время публика отшарахнулась от него». Герцен, очевидно, не понимал, что Чернышевский вовсе не позволил себе шутить над Поэрио и его друзьями, а воспользовался их печальным опытом для того, чтобы высказать по поводу их судьбы весьма серьезную мысль, которую он считал безусловно полезной для русского общества.

Другие расхождения между Герценом и «Современником», ставшие ясными после статьи Герцена «Very dangerous!!!» относились к вопросу о «лишних людях» или, точнее, о роли дворянской интеллигенции и об отношении к обличительной литературе.

Остановимся сначала на первом из этих вопросов.

Герцен утверждал, что так называемые «лишние люди», обычные герои дворянской литературы, были положительным явлением *для своего времени*. Они, по его мнению, выражали «действительную скорбь и разорванность тогдашней русской жизни». Они являлись порождением политической обстановки николаевского царствования, и в этом — их оправдание. Лишний человек становился в то время лишним только потому, что он «развился в *человека*». «Слабые мечтатели», они, по выражению Герцена, сломились без боя, но было бы еще хуже, если бы они не

---

[12] А. И. Герцен. Соч., т. X, стр. 194.

сломились, а приспособились к той среде, в которой им суждено было жить». «Если бы Онегин и Печорин,— писал Герцен,— могли, как многие, приладиться к николаевской эпохе, Онегин был бы Виктор Никитич Панин, а Печорин не пропал бы по пути в Персию, а сам управлял бы, как Клейнмихель, путями сообщения и мешал бы строить железные дороги».

Те исторические условия, которые порождали в свое время «лишних людей», теперь, с конца николаевского царствования, по мнению Герцена, исчезли. «Время Онегиных и Печориных,— писал он,— прошло. Теперь в России нет *лишних* людей, теперь, напротив, к этим огромным запашкам рук не достает... Теперь все везде зовет живого человека, все в почине, все в возникновении». Поэтому, если теперь и попадаются еще лишние люди, то это — «пустые люди, свищи или лентяи». Они сами виноваты в своей негодности. Литературным образцом таких именно лишних людей является Обломов.

Итак, с точки зрения Герцена, выраженной в статье, которую мы изучаем, а также позже в статье «Лишние люди и желчевики» (1860 г.), «лишние люди» были жертвами политических условий, существовавших в России во времена Николая I и преграждавших всякие пути к общественной деятельности. Поскольку после смерти Николая политические условия значительно изменились, для всех желающих открылось, по мнению Герцена, широкое поле деятельности. Вот почему Герцен и был убежден и старался убедить других, что *теперь* «лишних людей» в России более *быть не может*. Герцен забывал при этом только об одном, о чем он хорошо помнил, когда писал роман «Кто виноват?», а именно, что существование лишних людей вызывалось не только преградами, поставленными николаевскими порядками для общественной деятельности, но и всей системой крепостничества. Возможность существовать за счет труда крепостных мужиков, ничего не делая и ни о чем не заботясь, с детских лет уродовала личность ребенка из помещичьей среды и создавала взрослых людей, на словах страдающих от «отсутствия дела», в действительности же ни на какое серьезное дело не способных. В романе «Кто виноват?» Герцен, в отличие от других дворянских писателей, рисовавших образы лишних людей, сумел показать, как крепостное

право отражалось на формировании нравственной личности героя этого романа Бельтова.

Теперь же он как бы забывал о развращающем влиянии крепостного права, и это объяснялось тем, что в людях типа Бельтова он рассчитывал найти руководящих деятелей при предстоящей отмене крепостного права.

Когда Герцен спорил с сотрудниками «Современника» о «лишних людях», спор в сущности шел о роли дворянской интеллигенции. Чтобы убедиться в этом, надо учесть те надежды, которые издатель «Колокола» в это время возлагал на среднее дворянство.

Герцен всегда крайне отрицательно относился к либерализму. Он умел жестоко бичевать его, находя в нем черты, напоминающие молчалинские. Либерализм он считал продуктом исключительно городской цивилизации. Не связанный с народными массами, либерализм, по выражению Герцена, «всегда довольствовался отвлеченным понятием о народе» [13]. В дворянской же интеллигенции Герцен расчитывал найти не носителей идей либерализма, а лучших представителей русского общества, наиболее образованную часть его, искренне преданную интересам народа. Он надеялся, что, соединяя в своем лице широкое образование со знанием деревенских порядков и условий жизни крестьян, эти люди, возвысившись над своими классовыми интересами, подобно тому, как над ними сумели возвыситься декабристы, он сам, Герцен, и его друг Огарев, станут во главе народного освобождения. Герцен неоднократно заявлял о своих расчетах на эту именно часть русского общества. «Среднее сословие дворян,— писал он,— есть бьющая артерия, где еще не застыла горячая кровь России; в нем сходятся все благородные чувства души» [14]. «В нем именно таятся зародыши и умственный центр будущей революции»,— писал Герцен еще в 1849 г. в своей книге «О развитии революционных идей в России» [15]. Герцен указывал, что работа преобразующей революционной мысли совершалась в России, по его мнению, не в правительстве и не в народе, а только в дворянстве, преимущественно среднем. В речи, произнесенной на международном митинге в Лондоне в 1855 г., Герцен говорил, что

---

[13] А. И. Герцен. Соч., т. X, стр. 115.
[14] А. И. Герцен. Соч., т. IV, стр. 434.
[15] А. И. Герцен. Соч., т. V, стр. 356.

дворянская молодежь и сельская община являются двумя зародышами прогрессивного движения в России; в соединении этих двух зародышей он видел залог лучшего будущего нашей страны [16].

С Герценом в этом отношении был вполне согласен и его соратник Огарев. Он доказывал, что правительство, принявшееся за преобразовательную деятельность, не может рассчитывать на содействие ни больших бар, ни мелкопоместного дворянства, «лишенного воспитания», ни купечества, ни чиновников, ни народа даже, ибо «он плохо может высказать понятие, находящееся у него скорее на степени инстинкта, чутья, а не ясной мысли». «Остается,— писал Огарев,— тот отдел дворянства средней руки, который, с одной стороны, образовался в высших учебных заведениях и привык мыслить, а с другой стороны, жил в деревнях и знает народ и его потребности». К этому среднему дворянству Огарев и советовал правительству обратиться в поисках сотрудников, которые стояли бы на высоте задуманных правительством преобразований. «Эти люди,— писал Огарев,— остались самобытны и независимы, следственно, добросовестны. В этих людях в настоящую минуту выражается высшее развитие русской мысли: они могут быть советниками и помощниками» [17].

Как и Огарев, Герцен судил о среднем дворянстве по друзьями своей молодости, по участникам московских кружков тридцатых и сороковых годов. Их образы были окружены в его глазах ярким ореолом. «Где, в каком углу современного Запада,— писал Герцен,— найдете вы такие группы отшельников мысли, схимников науки, фанатиков убеждений, у которых седеют волосы, а стремления вечно юны» [18]. В 1848 г. из революционного Парижа Герцен писал своим московским друзьям: «*Лучше вас нет людей ни в России, ни в Европе*» [19]. И в пятидесятых годах по старой памяти он продолжал идеализировать и этих людей и среду, к которой они принадлежали. В 1859 г. он писал про дворянскую интеллигенцию николаевской поры:

---

[16] А. И. Герцен. Соч., т. VIII, стр. 145.

[17] Н. П. Огарев. Русские вопросы.— «Полярная звезда», кн. 2, стр. 274—275.

[18] А. И. Герцен. Соч., т. XIII, стр. 36—37.

[19] А. И. Герцен. Соч., т. V, стр. 244—245.

«Печальны, но изящны были люди, вышедшие тогда на сцену, с сознанием правоты и бессилия, с сознанием разрыва с народом и обществом, без верной почвы под ногами, чуждые всему окружающему, не знавшие будущего... Русская жизнь их оскорбляла на каждом шагу, и между тем с какой святой непоследовательностью они любили Россию и как безумно надеялись они на будущее» [20].

Герцен рассчитывал, что те из этих людей, которые дожили до нового царствования, продолжают сохранять замечательные черты, которыми он так щедро их наделил. И это романтизированное представление о прежних друзьях он готов был без всякой проверки переносить на все среднее дворянство России. Герцен не сомневался в том, что представители этого слоя дворянства смогут не на словах только, а на деле стать друзьями народа, его просветителями и освободителями. Он смотрел на них не как на либералов, какими они в большинстве своем действительно были, а как на бескорыстных слуг народа, способных в его интересах пойти против интересов своего класса. Это было большой ошибкой с его стороны, и позже он раскаялся в ней, признав, что его прежние друзья «сделались врагами и большая часть дрянью» [21]. Осознал он и то, что руководящая роль в политической и культурной жизни России от дворянской интеллигенции перешла к разночинной. Но в то время, о котором мы говорим, он еще не преодолел своих иллюзий. Все его прошлое заставляло его крепко держаться за них.

Однако эта ошибка Герцена не дает еще основания утверждать, как это многие делали, будто бы в эти годы он примкнул к либералам. Когда Герцен убедился, что самые просвещенные представители дворянства неспособны выйти за пределы кургузого либерализма, он решительно порвал с ними. У Герцена существовали иллюзии, заставлявшие его скатываться порой от демократизма к либерализму, и он с трудом и медленно от этих иллюзий освобождался, однако несмотря на все это, в конце концов «демократ все же брал в нем верх» [22].

Гораздо правильнее и более трезво, чем Герцен, смотрели на дворянскую интеллигенцию представители «му-

---

[20] А. И. Герцен. Соч., т. X, стр. 96.
[21] А. И. Герцен. Соч., т. XVIII, стр. 290.
[22] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 12.

жицкого» демократизма Чернышевский и Добролюбов. Они приближались к пониманию классовой природы этой интеллигенции и потому не возлагали на нее никаких надежд; наоборот, они видели в ней, за исключением отдельных ее представителей, опасных врагов, могущих причинить народу немало бедствий.

Как мы отмечали, некоторые считают, будто бы поводом к написанию Герценом «Very dangerous!!!» была статья Добролюбова «Что такое обломовщина?» Согласиться с этим нельзя, так как эту статью можно рассматривать лишь как последнюю каплю, переполнившую чашу терпения издателя «Колокола». По существу в ней о «лишних людях» не говорилось ничего нового. Добролюбов развивал в ней мысли, неоднократно высказывавшиеся на страницах «Современника» и им самим и Чернышевским. Следовательно, аргументация Герцена в основном была направлена не против одной какой-либо статьи «Современника», а против общей линии, проводившейся этим журналом в вопросе о дворянской интеллигенции. Для Добролюбова, как и для Чернышевского, представители этой интеллигенции являлись баричами и белоручками, не способными на работу и усердно уклоняющимися от нее. В особенности возмущало вождей революционной демократии либеральное фразерство этих людей, их лицемерная болтовня о народе, о любви к нему, о преданности его интересам, которой в действительности не существовало. Говоря об отношении Добролюбова к «прекраснодушным людям 40-х годов», М. А. Антонович писал: «Особенно сердило его то, что подобные люди были высокого мнения о себе, гордились своей безраздельной, платонической любовью к людям, к общему благу и фарисейски презрительно смотрели на толпу, не выражавшую даже на словах такой любви» [23].

Добролюбов не раз указывал на отсталость этих людей от современной жизни и от ее требований, на неспособность их понимать новые потребности общества. В статье «Литературные мелочи прошлого года» Добролюбов писал, что люди его поколения относятся весьма критически к своим предшественникам, не желающим уступать им своего поста. «Юноши, доселе занимавшиеся, вместе со зрелыми мудрецами, поражением семидесятилетних старцев,— писал Доб-

[23] М. А. Антонович. Указ. соч., стр. 163.

ролюбов,— решились теперь перенести свою критику и на людей пятидесяти и сорока лет»[24]. С каждым словом почтенных деятелей все яснее обозначалось их бессилие, с каждым новым выходом журнальных книжек все слабел энтузиазм молодежи тех деятелей прежней партии, которые умели понять ее стремления[25].

Если в этой статье Добролюбов со всей решительностью заявил о разочаровании современной ему молодежи в носителях «славных традиций» сороковых годов, то в другой статье — «Что такое обломовщина» он пошел еще далее. Он сумел дать вполне правильное объяснение, почему от этих людей нельзя ожидать никакого блага народу.

Добролюбов указывал не только на неспособность этих людей превращать слово в дело, не только на отсутствие в их жизни «дела, которое бы для них было жизненной потребностью, сердечной святыней, религией, которое бы органически срослось с ними, так что отнять его у них значило бы лишить их жизни», но и на их «гнусную привычку получать удовлетворение своих желаний не от собственных усилий, а от других...»[26] Другими словами, Добролюбов ясно указывал на крепостное право как на причину, обусловившую характерные особенности людей этого типа. Вместе с этим он подчеркивал и их неискренность: они могут много говорить о вреде крепостного права, но они страшатся отмены его, понимая, что тем самым подсекается дерево, на котором они сидят. Таков именно был смысл аллегории, рассказанной Добролюбовым относительно толпы, заблудившейся в болотистом лесу, и относительно их руководителей, забравшихся на деревья.

С нескрываемым презрением и негодованием отзывался Добролюбов об этих людях. Он отмечал, что самое «задушевное стремление их есть стремление к покою, к халату, и самая деятельность их есть ни что иное, как почетный халат, которым прикрывают они свою пустоту и апатию»[27]. Не ограничиваясь этим, он бросал им тяжкое обвинение в обмане общества. «Пока не было работы на виду,— писал

---

[24] Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. IV. М., 1937, стр. 50.

[25] Там же, стр. 53.

[26] Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. II. М., 1935, стр. 13, 29.

[27] Там же, стр 30.

он,— можно было еще *надувать публику;* можно было тщеславиться тем, что мы вот, дескать, все-таки хлопочем, ходим, говорим, рассказываем». От этих людей, указывал Добролюбов, ждать нечего, «потому что на всех их лежит печать обломовщины».

К числу таких бесполезных людей, развращенных до мозга костей крепостным правом. Добролюбов относил и героя романа Герцена Бельтова. того Бельтова, в котором, как мы уже указывали, сам Герцен видел *лучшего* представителя своего поколения и трагедию которого он хотел обрисовать в своем романе, потому что в его трагедии Герцен видел трагедию всего русского общества. Поэтому сопоставление Бельтова с Обломовым не могло не поразить и не оскорбить Герцена.

Осуждая «людей сороковых годов», Добролюбов не раз подчеркивал, что в их среде были и такие, которые сумели найти себе дело и стать не только не «лишними», а весьма нужными и полезными для нашей страны людьми. Такими исключениями являлись в его глазах Белинский и Герцен с Огаревым. Добролюбов не раз указывал на это, хотя, конечно, фамилию Герцена по цензурным условиям назвать не мог.

В 1858 г. в статье «О степени участия народности в развитии русской литературы» Добролюбов высказал убеждение, что современное общество не может найти себе руководителей из среды людей сороковых годов потому, что про тех из них, кто вел тогда русское общество вперед, кто «одушевлял литературу», можно сказать словами поэта: «Иных уж нет, а те далече» [28].

Цензор в своем докладе, приведя эти слова Добролюбова, поставил язвительный вопрос: «Не в Лондоне ли?» [29]. Несомненно, он был прав: говоря о тех, что «далече», Добролюбов имел в виду Герцена и Огарева.

Жестоко критикуя «людей сороковых годов» в статье «Литературные мелочи прошлого года», Добролюбов тут же делал оговорку о том, что в их среде имелись люди, не подходившие под общую мерку. «Таков был Белинский,— писал он,— таковы были еще пять-шесть человек, умев-

---

[28] Н. А. Добролюбов. Полн. соб. соч., т. I. М., 1934, стр. 203.

[29] В. Евгеньев-Максимов. «Современник» при Чернышевском и Добролюбове. Л., 1836, стр. 277.

ших довести в себе отвлеченный философский принцип до реальной жизненности и истинной, глубокой страстности. Это люди высшего разбора, пред которыми с изумлением преклонится всякое поколение... Эти люди всегда стояли в уровень с событиями, и как только появлялась им опять возможность действовать, они радушно и вполне сознательно подали руку молодому поколению. Они доселе сохранили свежесть и молодость сил, *доселе остались людьми будущего*, и гораздо даже больше, нежели многие из действительно молодых людей нашего времени» [30].

Этот отзыв, несомненно относившийся к редакторам «Колокола», был дан в статье, вызвавшей, как мы увидим, особенно резкие возражения со стороны Герцена.

Герцен был знаком с этой высокой оценкой его деятельности, но она не могла примирить его со статьей, которую он находил неправильной по ее основным утверждениям и выводам.

«Литературные мелочи прошлого года» вызвали отрицательное отношение Герцена не только вследствие критики дворянской интеллигенции, содержавшейся в ней, но и по той оценке так называемой обличительной литературы, которая была в этой статье дана.

Этому последнему вопросу Герцен отвел сравнительно много места в своей статье «Very dangerous!!!», быть может, потому, что он чувствовал себя задетым той критикой обличительной литературы, которую вел «Современник» не только в «Литературных мелочах прошлого года» Добролюбова, но и в ряде других статей, заметок и рецензий. Дело в том, что, основывая «Колокол», Герцен сознательно стремился придать ему обличительный характер.

Во избежание недоразумений необходимо оговориться, что критика Добролюбова не была направлена на обличительство того рода, каким занимался «Колокол», хотя некоторые тенденции его обличений не могли не представляться Добролюбову неправильными и могущими принести вред. Чтобы разобраться во всем этом, надо познакомиться с отношением к обличительной литературе как Герцена с Огаревым, так и «Современника».

По мере развития и обострения классовой борьбы в стране и вызванного этим более четкого размежевания

---

[30] Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. IV, стр. 59.

различных направлений общественной мысли обнаружились две противоположные точки зрения на задачи обличительной литературы и на круг явлений, подлежащих ее воздействию. Одну из точек зрения с полным основанием можно назвать революционно-демократической, другую — либерально-обывательской. Наиболее последовательным представителем первой являлся журнал «Современник» в лице своих руководителей Чернышевского и Добролюбова.

Поставив своей задачей подготовку русского общества к крестьянской революции, они придавали очень большое значение разоблачению всех темных сторон русской жизни: в нем они видели могущественное средство формирования революционных убеждений и возбуждения революционных чувств в читателях. Однако, по их мнению, обличение способно выполнить свою ответственную задачу только в том случае, если оно будет направлено не на мелочи и случайные явления, а на коренные пороки русского общественно-политического строя.

Взгляд руководителей «Современника» на задачи революционного обличительства выражен всего рельефнее и ярче в одном письме Добролюбова к сотруднику «Современника» С. Славутинскому.

«Современник», указывал Добролюбов, должен не успокаивать общество, а будить и тревожить его. «Нам следует группировать факты русской жизни, требующие поправок и улучшений, надо вызывать читателей на внимание к тому, что их окружает, надо колоть глаза всякими мерзостями, преследовать, мучить, не давать отдыху — до того, чтобы противно стало читателю все это богатство грязи, чтобы он, задетый, наконец, за живое, вскочил с азартом и вымолвил: «да что же, дескать, это, наконец, за каторга! Лучше уж пропадай моя душонка, а жить в этом омуте не хочу больше». Вот чего надо добиться и вот чем объясняется и тон критик моих, и полемические статьи «Современника», и «Свисток»» [31].

Письмо Добролюбова дает прекрасный образец революционного подхода к задачам обличительства. Однако наряду с этим был возможен и иной, который мы назвали выше либерально-обывательским. При таком подходе обличительство рассматривалось как средство помочь правительству

---

[31] Сборник «Огни». Пг., 1916, стр. 67—68.

в борьбе с нарушениями законов и «злоупотреблениями», компрометирующими в глазах общества существующий политический режим. В качестве примера такой точки зрения на задачи обличения можно привести мнение некоего А. Надеждина, автора жестоко раскритикованной Добролюбовым[32] книжки «Журналы, газеты и публика». Обращаясь к журналистам, Надеждин писал: «Правительство, вручая в наше распоряжение гласность, как бы сказало нам: «Возьмите орудие, всемогущее и грозное орудие,— обличайте им зло и тем помогайте мне искоренять его»»[33]. Такой взгляд на «гласность» и обличительство поддерживался не только каким-то Надежным, но и более серьезными и авторитетными людьми, полагавшими, что задачи обличения — помощь правительству в деле укрепления существующего строя.

Четкому выяснению сущности разногласий относительно задач обличительства весьма способствовала полемика о русских сатирических журналах XVIII в., которая велась в нашей журналистике второй половины пятидесятых годов. В статье «Русская сатира в век Екатерины» Добролюбов предостерегал от чрезмерной переоценки значения сатирической журналистики того времени, указывая, что она ограничивалась раскрытием мелких и отдельных злоупотреблений и никогда почти не добиралась *«до главного существенного зла»,* до того, «от чего происходят и развиваются общие народные недостатки». Обличение отдельных злоупотреблений и пакостей, указывал Добролюбов, имеет значение и смысл только тогда, когда в основу обличения положена мысль, «что все эти частные явления суть не что иное, как *неизбежные следствия ненормальности всего общественного устройства».* Но этого-то почти никогда не бывало в русской сатире. Она всегда отличалась, по выражению Добролюбова, «маниловским характером», что лишало ее «реального значения».

Таким образом, Добролюбов требовал от авторов обличительных произведений, чтобы они не забывали связи между отдельными явлениями, разоблачаемыми ими, и социально-политическим строем, порождающим эти явления,

---

[32] Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. IV, стр. 374—378.
[33] А. Надеждин. Журналы, газеты и публика. СПб., 1859, стр. 23.

даже делающим их неустранимыми без коренной переделки этого строя. Нельзя, указывал, например, Добролюбов, бороться против взяточничества, обходя молчанием «общий вред бюрократии и те обстоятельства, которыми сама бюрократия порождена и развита»[34].

Таких же взглядов придерживался и Чернышевский. Он исходил из мысли, что причина плохих порядков заключается не в существовании плохих людей, а в обстоятельствах, заставляющих людей быть такими именно, каковы они есть. Поэтому он и ценил высоко «Губернские очерки» Щедрина, находя, что их автор не только ярко рисует взяточников, но и очень хорошо понимает причины, порождающие взяточничество[35].

Подходя с такой точки зрения к современной им обличительной литературе, Чернышевский и Добролюбов испытывали чувство глубокого неудовлетворения ею. Это нашло себе яркое отражение в статье Добролюбова «Литературные мелочи прошлого года». В ней Добролюбов обвинял обличительную — или «сатирико-полицейскую», по его выражению,— литературу в «лести и самообольщения».

«Всмотритесь пристальней в характер этих обличений,— писал Добролюбов,— вы без особенного труда заметите в них нежность неслыханную, доходящую до приторности, равняющуюся разве только нежности, обнаруженной во взаимных отношениях тех достойных людей, один из которых у Гоголя мечтает о том, как «высшее начальство, узнав об их дружбе, пожаловало их генералами»»

Далее Добролюбов приводил ряд примеров того, что он именовал политической маниловщиной.

Чиновники берут взятки, это единственно от недостаточности жалования; увеличьте их жалование, и взяток более не будет.

Просвещение находится в жалком состоянии, это от того, что учителя и учебники плохи; подготовьте хороших учителей и составьте хорошие учебники, и все будет в порядке.

---

[34] Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. II, стр. 138—139, 166.
[35] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. IV. М., 1948, стр. 263—302.

Ремесленный класс в дурном положении; это плохо, но достаточно запретить хозяевам бить и морить голодом рабочих.

Пьянство сильно развито; надо заменить откупа акцизом, и все пойдет отлично.

«Мужики живут плохо. Что делать? Мужики, во-первых, грубы и необразованны; а вследствие того, во-вторых, они мало имеют потребностей и неспособны к высшим, деликатным наслаждениям. Они привыкли к своей судьбе и ею довольны; значит, об этом и толковать нечего. Следует только позаботиться об уничтожении *злоупотреблений* их положения» [36].

Приведя ряд таких рассуждений, Добролюбов продолжал:

«В таком виде представляются нам почти все русские обличители. Кричат, кричат против каких-то злоупотреблений, каких-то дурных порядков... подумаешь, у них на уме и бог знает какие обширные соображения. И вдруг, смотришь, у них самые кроткие и милые требования; мало этого,— оказывается, что они и кричат-то вовсе не из-за того, что составляет действительный, существенный недостаток, а из-за каких-нибудь частностей и мелочей» [37].

Маниловщину тогдашних обличений Добролюбов вполне правильно объяснил тем, что обличители сами находились еще во власти порядков, порождающих разоблачаемые ими темные явления [38].

Действительно, очень многие из авторов обличительных произведений, не исключая и тех, которые печатались на страницах «Современника»,— не сознавали необходимости уничтожения существующего строя и допускали возможность обойтись при помощи частичных реформ и при содействии благожелательного начальства.

В этом отношении весьма характерна повесть В. Елагина, напечатанная в 1858 г. в «Современнике» и вызвавшая большой шум виду того, что она была списана с натуры, изображала факты, действительно происходившие в Екатеринославле, и описывала лиц, хорошо известных местному обществу. В этой повести рассказывалось об

---

[36] Курсив Добролюбова. Весь этот абзац отсутствовал в журнальном тексте, очевидно, по цензурным соображениям.

[37] Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. IV, стр. 42—43.

[38] Там же, стр. 77.

упорной борьбе одного молодого чиновника с миллионером-откупщиком, державшим в руках всю губернскую администрацию, помогавшую ему в его хищениях и мошенничествах. Чиновник, дерзостно восставший на всесильного откупщика, неизбежно погиб бы в начатой им неравной борьбе, если бы его не спас добродетельный начальник губернии, неожиданно вернувшийся из служебной командировки.

Или другой пример, также заимствованный со страниц «Современника»:

Речь идет о «драматической сцене» С. Федорова «Филантропы» (1856, № 5), в которой изображен неподкупно честный чиновник, разоблачающий в присутствии «важной особы» различные злоупотребления, творящиеся в местном губернском комитете по оказанию помощи нуждающимся. «Важная особа», убедившись, что чиновник, раскрывший злоупотребления, прав, выражает ему благодарность и назначает секретарем комитета.

И в том и в другом из названных нами произведений добродетель торжествует над пороком: «важные особы» становятся на сторону чиновника-разоблачителя, а не разоблаченных им влиятельных негодяев и грабителей. Сам собой напрашивается вывод: достаточно вручить руководящие посты в администрации честным, проницательным и неподкупным людям, и все будет обстоять благополучно.

Мы преднамеренно привели в виде примеров произведения, напечатанные в «Современнике», ибо в других изданиях мы могли бы найти еще более беззубые и безвредные для существующего порядка обличительные повести и рассказы. Люди, далекие от мысли о необходимости изменить государственный строй и административные порядки, брались за писание обличительных повестей или только потому, что на них был большой спрос, или же из желания показать, что уничтожить злоупотребления и хищничества вполне возможно и без коренного изменения условий русской жизни.

Естественно, что такие авторы измышляли самые разнообразные способы, чтобы притупить остроту своих разоблачений. Одни из них выбирали персонажами своих произведений каких-нибудь мелких чиновников, создавая впечатление, что на верхах все обстоит благополучно.

Имея в виду произведения такого рода, Некрасов однажды писал Тургеневу: «Противно раскрывать журналы — все доносы на квартальных да на исправников» [39].

Другие авторы переносили действие своих повестей в безвозвратно будто бы миновавшее прошлое. Так, например, Мельников-Печерский начинал один из своих обличительных рассказов предупреждением о том, что все им рассказанное относится к прошедшим временам. «Прошли, миновались беспутные старые годы,— писал он.— Благодаря бога, они и не воротятся... Прошла пора дикого самоуправства, тупого презрения к народу, надменного высокомерия, так легко и быстро переходившего в подлость и унижение. Слава богу!» Другой поставщик обличительных рассказов, Кушнерев заявлял: «В последнее время, благодаря высокому доверию к нам обожаемого монарха, с помощью которого просторнее стало русскому слову, оно стремится быстрее, чем когда-нибудь, из глубины души каждого»... и т. д. в том же благонамеренном направлении [40].

Вполне понятно, какое возмущение вызывала в Чернышевском и в Добролюбове литература такого рода. Это возмущение ярко проявилось в статье «Литературные мелочи прошлого года». «Писарям, становым, магистратским секретарям, квартальным надзирателям житья не было! Доставалось также и сотским, и городовым и т. п.,— писал Добролюбов.— Если же задевались иногда губернские чины, то обличение большею частью слагалось по следующему рецепту: выводился благороднейший губернатор, благодетель губернии, поборник законности и гласности; около него группировалось два-три благонамеренных чиновника, и они-то и занимались каранием злоупотреблений. А иногда губернатор на сцену вовсе не являлся, а только предполагался за кулисами, как опора добродетели вроде фатума древних».

Ограничиваясь изображением только чиновничьей мелкоты, обличительная литература лишает себя возможности установить «тесную и неразрывную связь, сущест-

---

[39] Н. А. Некрасов. Собр. соч., т. V. М., 1930, стр. 312.

[40] Цитирую по статье Е. Покусаева «„Губернские очерки" Салтыкова-Щедрина и обличительная беллетристика 50-х годов в оценке Чернышевского и Добролюбова» («Ученые записки Саратовского пед. ин-та», вып. V, Саратов, 1940, стр. 49).

вующую между различными инстанциями», и обрисовать «взаимные отношения разных чинов». Так осторожно приходилось Добролюбову из цензурных соображений излагать мысль о круговой поруке, соединяющей низы бюрократии с ее верхами.

Более всего возмущало Добролюбова то, что обличители поднимали страшный шум из-за мелочей и пустяков и замалчивали главное зло тогдашней России — ее самодержавно-крепостнический режим. На мелочь их разоблачений он указывал и в № 2 «Свистка», напечатанном при четвертой книжке «Современника» за 1859 г. Здесь было помещено несколько стихотворений и заметок, в которых высмеивалась обличительная литература.

В «Письме из провинции», напечатанном под псевдонимом Д. Свиристелева, Добролюбов вновь издевался над мелочностью обличительной литературы и над ее боязнью назвать по именам виновников тех злоупотреблений, которые были ею обнаружены и раскрыты. В другой заметке, озаглавленной «Новые образчики русской гласности», Добролюбов приводил несколько очень ярких примеров обличительства, выродившегося в либеральное пустословие. В стихотворении «Наш демон» он между прочим издевался над газетами, которые

„гласностью карали
Злодеев, скрыв их имена“

В другом стихотворении — «Безрассудные слезы» — Добролюбов изображал извозчика, которого обсчитал седок и который не хочет утешаться обещанием «предать позору» обидчика в газетной статейке. Этим стихотворением Добролюбов как бы подчеркивал безрезультатность, а следовательно и бессмысленность, пресловутой «гласности» и неосновательность либеральых восторгов на ее счет.

Таковы были статьи и заметки, в которых «Современник» выразил свое отношение к обличительной литературе, и которые возбудили в Герцене негодование. Этот вопрос издатель «Колокола» и сделал центральным пунктом своей статьи.

Герцена не смущала мелочность обличений, отмеченная Добролюбовым. «Что же тут удивительного,— писал

он,— что люди, которых всю жизнь грабили квартальные, судьи, губернаторы, слишком много говорят об этом теперь? Они еще больше молчали об этом!»

Не отрицал Герцен и того, что обличительная литература далеко не всегда стояла на должной высоте как политической, так и художественной. Но, указывал он в ответ на это обвинение, во-первых, в этой литературе были «превосходные вещи», например, рассказы Щедрина и некоторые другие, а во-вторых, «промахи и ошибки обличительной литературы» были недостатками, проистекавшими от неумелости тех, кто впервые, может быть, брался за перо для того, чтобы рассказать, как умеет, о перенесенных им обидах. Над этим грешно смеяться. «Не лучше ли во сто раз, господа,— писал Герцен,— вместо освистывания неловких опытов, вывести на торную дорогу, самим на деле помочь и показать, как надо пользоваться гласностью?»

В сатире «Свистка» Герцен находил не более как «пустое балагурство», которое вообще «скучно, неуместно», а в такое время, которое переживает теперь Россия, «делается отвратительно и гадко». В России, указывал Герцен, без конца можно найти различных тем, гораздо достойных смеха, чем первые — и потому не всегда удачные — опыты свободного слова.

Таковы были соображения Герцена по поводу обличительной литературы. Нельзя сказать, чтобы они были особенно убедительны. Выступление Герцена показывало, что он не замечает опасности, которая встревожила Добролюбова,— опасности вырождения серьезного обличения в обывательское пустословие, могущее принести немалый вред делу народного освобождения. Герцен не мог понять всей серьезности указаний Добролюбова вследствие того, что в это время он, как мы уже отмечали, находился еще в значительной мере во власти либеральных иллюзий, что, конечно, не могло не сказаться на отношении его к обличительной литературе.

Если для Чернышевского и Добролюбова обличительство являлось средством революционизирования русского общества путем выяснения связи между отдельными проявлениями произвола и лихоимства и всем общественно-политическим строем тогдашней России, то точка зрения Герцена являлась несколько иной. Своими обличениями

он надеялся принести пользу не только стране, но и верховной власти, поскольку он допускал, что она может искренне возглавить русский прогресс. «Мы,— писал он однажды,— обличая злодейства (как бы ни казался жесток наш язык Зимнему дворцу и Летнему саду), делаем больше *пользы* России и *самому государю, нежели* его фавориты, старающиеся барабанным боем и погремушками заглушись стон страждущих» [41]. Как видим, в этих словах Герцена совершенно иной подход к обличительной литературе, нежели тот, который мы находили на страницах «Современника».

Пока Герцену не удалось освободиться от либеральных иллюзий, у него не могло выработаться правильной точки зрения на обличительство.

Как ставил Герцен основную задачу своего «Колокола»? Он с самого начала обещал, что ««Колокол» будет звонить, чем бы ни был затронут,— нелепым указом или глупым гонением раскольников, воровством сановников или невежеством сената» [42]. «Мы — крик русского народа, битого полицией, засекаемого помещиками»,— так определял Герцен сущность «Колокола» [43]. Обличительство, таким образом, становилось главной задачей «Колокола», и, действительно, та грандиозная галлерея различных творящихся в России мерзостей, которая развертывалась перед читателями на его страницах, оказывала поистине громадное революционизирующее влияние на русское общество, несмотря на то, что либеральные иллюзии в эти годы ярко проявлялись в «Колоколе».

Поставив своей задачей разоблачение произвола, бесправия и хищничества, Герцен сознательно уклонялся, несмотря на возражения Огарева, от печатания в «Колоколе» статей теоретического содержания, считая это несвоевременным. В начале 1858 г. он писал И. С. Аксакову, что в «Колоколе» не место для «социальных теорий», добавляя при этом: «но если случится в «Полярной звезде» в общей статье — тут делать нечего» [44]. В следующем, 1859 г. уже не в частном письме, а на стра-

---

[41] А. И. Герцен. Соч., т. IX, стр. 52. Курсив Б. Козьмина.— *Ред.*

[42] А. И. Герцен. Соч., т. VIII, стр. 426.

[43] Там же, т. IX, стр. 53.

[44] Там же, т. IX, стр. 123.

ницах «Колокола», он писал: «Я был до того занят частными русскими вопросами, что все общие места, «Very dangerous!!!» отступили на второй план... Я не говорил об общих теориях просто потому, что не считал это своевременным» [45]. И далее: «У нас теперь забота растолковать, что такое усадебная земля и сколько десятин пашни дать крестьянину... для нас история о том, как Панин, министр юстиции, хотел отжилить чужой дом, важнее теории о «непосредственном правительстве», занимавшей лет пять тому назад западных публицистов» [46].

Однако такое воздержание от высказывания в «Колоколе» мнений теоретического характера, вызванное отчасти желанием сплотить около этого органа все оппозиционно настроенные силы страны, приводило к тому, что сила герценовского обличительства несколько ослаблялась. На это, между прочим, указал ему Чернышевский при их свидании в 1859 г. в Лондоне. Позднее, на каторге, руководитель «Современника» рассказывал своим товарищам по заключению:

«Я нападал на Герцена за чисто обличительный характер «Колокола». Если бы, говорю ему, наше правительство было чуточку поумнее, оно благодарило бы вас за ваши обличения; эти обличения дают ему возможность держать своих агентов в уезде в несколько приличном виде, оставляя в то же время государственный строй неприкосновенным, а суть-то дела именно в строе, не в агентах. Вам следовало бы выставить определенную политическую программу, скажем — конституционную или республиканскую или социалистическую; и затем всякое обличие являлось бы подтверждением основных требований нашей программы» [47].

Эти вполне справедливые указания Чернышевского не были приняты Герценом. Характер «Колокола» начал изменяться значительно позднее, только после 1861 года.

Мало убедительная по своим доводам статья Герцена «Very dangerous!!!» отличалась чрезвычайно раздраженным тоном. Заканчивалась же она совершенно недопустимым выпадом против лучшего и честнейшего журнала

---

[45] А. И. Герцен. Соч., т. IX, стр. 453.

[46] Там же, стр. 460—461.

[47] С. Г. Стахевич. Среди политических преступников.— Сб. «Н. Г. Чернышевский», М., 1928, стр. 103.

того времени. Герцен писал: «Истощая свой смех на обличительную литературу, милые паяцы наши забывают, что по этой скользкой дороге можно *досвистаться* не только до Булгарина и Греча, но (чего, боже сохрани) и до *Станислава на шею!»* [48].

Дальше такого тяжелого обвинения идти было некуда! Сравнить честного литератора с платными агентами III отделения Гречем и Булгариным — это наиболее тяжкое оскорбление, какое только можно нанести. Герцен почти открыто заявил, что линия поведения некрасовского журнала ведет этот журнал к измене народным интересам и к прямой поддержке реакционных тенденций, весьма распространенных на петербургских верхах.

Чем же объяснить, что умный и осторожный Герцен счел возможным бросить «Современнику» такое позорящее и притом лишенное малейших оснований обвинение? Для правильного ответа на этот вопрос необходимо, по нашему мнению, обратить внимание на одно обстоятельство, не привлекавшее до сих пор внимания исследователей, писавших о неожиданном нападении Герцена на «Современник».

В своей весьма небольшой статье Герцен трижды в различных местах упоминал о незадолго до того созданном правительством новом учреждении. Такое неоднократное повторение, конечно, не случайно: очевидно, новое учреждение сильно заинтересовало издателя «Колокола».

Статья Герцена начиналась с указания на то, что в русском «журнализме» повеяло «каким-то *развратом* мысли», который Герцен объясняет, «наитием *направительного* и *назидательного* цензурного триумвирата». Далее Герцен вновь обращается к этому триумвирату и говорит, что направлять смех «не против нелепой цензурной троицы, в которой Тимашев представляет св. дух, а ее трезубцем — значит участвовать с ней в отравлении мысли». И, наконец, в самом конце статьи вновь говорится о «той тройке из царских конюшен, которая называется: Адлерберг, Тимашев и Муханов».

Таким образом, Герцен совершенно ясно указывал, что между теми явлениями в русской журналистике,

---

[48] Курсив здесь и ниже А. И. Герцена.

о которых говорилось в его статье, и упомянутой им «цензурной тройкой» существует, по его мнению, какая-то связь. Что же представляло собой учреждение, о котором упоминал Герцен?

Называлось оно комитетом по делам книгопечатания и было создано указом 24 января 1859 года.

Оживление русской прессы в первые годы царствования Александра II и рост влияния газет и журналов на общественное мнение побудили правительственные сферы поставить вопрос о новых методах борьбы с нежелательным для них направлением периодической печати. Пресса становилась такой силой, которую нельзя было игнорировать. Правительство решило использовать ее в своих интересах. Одной предварительной цензуры и последующих репрессий оказывалось недостаточно. В правительственных кругах ставился вопрос о необходимости, наряду с мерами строгости, так называемого «нравственного» воздействия на печать. Намечались различные проекты в этом направлении. Один из них был выдвинут в начале октября 1858 г. русским послом в Берлине бароном А. Ф. Будбергом, предложившим учредить в Петербурге по примеру Парижа, Вены и Берлина так называемое бюро прессы[49]. План Будберга пришелся по вкусу в Петербурге. Началась разработка соответствующего законопроекта. В январе 1859 г. был учрежден особый комитет в составе председателя — друга царя, сына министра императорского дворца гр. А. В. Адлерберга и членов: товарища министра народного просвещения Н. А. Муханова и управляющего III отделением А. Е. Тимашева. Это и был тот «цензурный триумвират», о котором упоминал в своей статье Герцен.

В основу деятельности комитета была положена мысль о том, что «мерами убеждения и поощрения» можно добиться от печати большего, нежели «силою официальной строгости». Исходя из этого, было признано необходимым наряду с цензурными учреждениями создать такое, которое должно было «1) служить орудием правительства для подготовления умов посредством журналов к предпринимаемым мерам; 2) направлять по возможности новые периодические литературные издания

[49] О проекте Будберга упоминает Балабин в письме к гр. П. Д. Киселеву («Русская старина», 1902, № 11, стр. 378—379).

к общей государственной цели, поддерживая обсуждение общественных вопросов в видах правительственных». Для поощрения прессы, поддерживающей правительство, и укрепления «нравственного влияния» на нее было признано, в частности, целесообразным поручать писателям «составление статей... для напечатания в периодических изданиях и в таком случае испрашивать... вознаграждение автору статьи за его литературный труд». Другими словами, предполагалось подкупать журналистов и журналы.

Комитет по делам книгопечатания оказался учреждением мертворожденным: он был ликвидирован ровно через год после его создания; фактически же деятельность его замерла еще ранее. Комитет потерпел полное фиаско и был вынужден сам сознаться в этом. В докладе царю он признал, что литераторы, «опасаясь от нового учреждения стеснительного для себя стороннего вмешательства, уклонились от всяких сношений с ним», вследствие чего дальнейшая деятельность «сделалась не только затруднительною, но прямо невозможною». В январе 1860 г. комитет был слит с главным управлением по делам цензуры [50].

Герцен узнал о предстоящем создании комитета по делам книгопечатания еще в декабре 1858 г. из газеты «Allgemeine Zeitung» поместившей сообщение о предстоящем основании в Петербурге «курьезного учреждения» вроде бюро прессы «по прусскому образцу». В сообщении обычно весьма осведомленной в русских делах немецкой газеты указывалось, между прочим, что одной из главных задач создаваемого учреждения будет борьба со все увеличивающимся влиянием русской эмигрантской прессы, т. е. с изданиями Герцена [51]. Последний, конечно, не мог не обратить внимания на это сообщение немецкой газеты. На учреждение комитета Герцен отозвался двумя заметками в «Колоколе» (в № 30—31 от 15 декабря 1858 г. и № 42—43 от 15 мая 1859 г.); во второй из них он привел один из секретных циркуляров этого комитета [52].

[50] Об истории этого комитета см. в книге М. К. Лемке. «Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия», СПб., 1904, стр. 309—368.

[51] Сообщение «Allgemeine Zeitung» приведено в IX т. сочинений А И. Герцена, стр. 442—443.

[52] А. И. Герцен. Соч., т. IX, стр. 442 и 563—564.

Совершенно ясно, как интересовался Герцен, будет ли комитет иметь успех и удастся ли ему завербовать из среды русских журналистов сторонников правительственной политики, т. е. насколько русская периодическая печать окажется продажной. Вот почему Герцен начал с особым вниманием следить за органами русской прессы.

Казалось бы, «Современник» стоял вне всяких подозрений относительно возможности подкупа его правительством. Однако в глазах Герцена дело обстояло вовсе не так. Чтобы понять это, достаточно вспомнить отношение Герцена и Огарева к Некрасову. Издавна они, подобно другим их друзьям, смотрели на издателя «Современника» как на исключение в своей среде. Они видели в нем человека практического, любящего деньги и умеющего нажить их. К этому присоединилось так называемое «Огаревское дело». Несмотря на то, что относительно этого дела существует в нашей литературе специальная работа [53], оно до сих пор не может быть признано вполне выясненным. Несомненно только одно, а именно, что деньги, принадлежавшие первой жене Огарева, которыми по ее доверенности распоряжалась А. Я. Панаева, были не то сознательно присвоены ею, не то, как предполагает К. И. Чуковский, легкомысленно израсходованы на свои надобности [54]. Что касается Некрасова, то он, по-видимому, зная о растрате Панаевой огаревских денег, лишь прикрывал ее [55]. Однако Герцен и Огарев, учитывая близкие отношения Некрасова с Панаевой, считали его сообщником преступления [56]. Чернышевский утверж-

---

[53] Я. З. Черняк. Огарев, Некрасов, Герцен и Чернышевский в споре об огаревском наследстве. М.— Л., 1933.

[54] К. И. Чуковский предполагает, что Панаева, привыкшая к широкому образу жизни и не знавшая счета деньгам, действовала «нечаянно, без плана и умысла, едва ли сознавая, что делает. Тратила деньги, не думая, откуда они, а потом оказалось, что деньги чужие». (К. И. Чуковский. Рассказы о Некрасове. М., 1930, стр. 69).

[55] Об этом свидетельствует письмо его к Панаевой, опубликованное М. К. Лемке в VIII т. Соч. А. И. Герцена, стр. 272; а также сообщение А. Пятковского, что Некрасов сам рассказывал Н. С. Курочкину о вине Панаевой. («Наблюдатель», 1900, № 2, стр. 304).

[56] Л. П. Шелгунова сообщает, что Герцен особенно возмущался тем, что Некрасов всю вину свалил на Панаеву (Л. П. Шелгунова. Из далекого прошлого. СПб., 1901, стр. 304).

дает, что Герцен имел полную возможность, если бы захотел, навести справки, разобраться в деле и убедиться в несправедливости всяких подозрений на счет Некрасова[57]. Однако вряд ли это было так. Ведь даже мы теперь, когда нам стали известны многие документы, совершенно недоступные для Герцена, не можем внести полную ясность в это дело.

Как бы то ни было, у Герцена сложился глубоко ошибочный взгляд на Некрасова как на человека не чистого на руку, и этого своего взгляда Герцен не только не скрывал, но и не стеснялся выражать в печати. Это он делал и в 1860 г. в статье «Лишние люди и желчевики» и в 1868 г. в статье «Нашим врагам»[58].

Понятно, что при таком несправедливом взгляде на Некрасова Герцен легко мог допустить, что издатель «Современника» поддастся на приманку правительства и соблазнится материальными выгодами, которые можно извлечь из перемены фронта.

То же самое можно сказать и про соиздателя Некрасова И. И. Панаева. Герцен давно знал его за человека пустого, легкомысленного и притом имеющего связи в петербургских верхах. Рассчитывать на моральную твердость такого человека у Герцена не было никаких оснований.

Оставались Чернышевский и Добролюбов. В это время они являлись для Герцена еще величинами, не вполне выясненными, особенно Добролюбов, литературная деятельность которого началась сравнительно недавно и который выступал в печати частью анонимно, частью под псевдонимами — Н.— бов и другие. Насколько мало осведомлен был Герцен не только в это время но и позднее о Добролюбове, можно судить хотя бы по такому выразительному факту, что еще в ноябре 1860 г., почти через полтора года после напечатания «Very dangerous!!!» Герцен не знал в точности его фамилии. Как это ни невероятно, однако это так. Прочитав в «Современнике» статью «Черты для характеристики русского простонародья», посвященную творчеству Марко Вовчка и подписанному Н.— бов, Герцен запрашивал Тургенева,

[57] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. I, М., 1939, стр. 733—734.

[58] А. И. Герцен. Соч., т. X, стр. 422—423 и т. XXI, стр. 207.

читала ли Марко Вовчок «статью об ней Боголюбова», и добавлял: «длинно, но хорошо» [59].

О Чернышевском Герцен, конечно знал больше чем о Добролюбове. Но полного и правильного представления о нем у Герцена еще не сложилось. Только значительно позже Герцену стала вполне ясна и личность руководителя революционной демократии того времени и роль, сыгранная им в истории русского общества. Теперь же, в 1859 г., ему приходилось судить о Чернышевском по рассказам Тургенева, Боткина, Анненкова. А мы хорошо знаем, как отзывались эти люди о Чернышевском и каких только нелепостей они про него не рассказывали. Вспомним хотя бы пресловутую повесть Григоровича «Школа гостеприимства», в которой Чернышевский был клеветнически изображен человеком, не только самоуверенным, натлым и беспринципным, но и любящим пожить на чужой счет. Какое же доверие можно питать к моральной устойчивости и твердости такого человека?!

Нам, знающим всю жизнь идейного руководителя «Современника», представляется невероятной ошибка, допущенная Герценом по отношению к Черышевскому. Однако, чтобы убедиться в возможности ее, вспомним, что лишь год назад до событий, о которых у нас идет речь, правительство не поколебалось поставить Чернышевского во главе официального издания, да еще такого ответственного, как «Военный сборник». Могло ли оно допустить такую грубую, непозволительную, с его точки зрения, ошибку, если бы уже тогда имело правильное и полное представление о том, чем в действительности был Чернышевский. От Герцена же нет оснований требовать большей осведомленности, чем от русского правительства, имевшего полную возможность еще до назначения Чернышевского на столь ответственный пост собрать о нем необходимые сведения.

Сказанное выше делает вполне вероятным предположение, что отчасти по предвзятости, отчасти же по недостаточной осведомленности относительно руководителей «Современника» Герцен мог испытывать сомнения в их моральной твердости. Эти-то сомнения и нашли себе отчетливое выражение в его статье.

---

[59] А. И. Герцен. Соч., т. X, стр. 444.

Отзывы Чернышевского о Поэрио, жертве грубого деспотизма и гнусного неправосудия, отрицательная оценка «Современником» дворянской интеллигенции, за которой Герцен признавал большие заслуги перед русским обществом, нападки Добролюбова на обличительную литературу, которая, несмотря на ее ошибки, делала, по мнению Герцена, весьма полезное дело,— все это привлекало внимание Герцена, настораживало его и порождало в нем мысль о возможности «наития» со стороны. Позиция, занятая по всем вопросам «Современником», находилась в противоречии с иллюзиями, во власти которых тогда еще пребывал Герцен. Эти иллюзии привели Герцена к ряду серьезных ошибок, в которых ему впоследствии пришлось искренне и горячо раскаиваться. Одной из наиболее серьезных ошибок такого рода была его злополучная статья «Very dangerous!!!» [60].

---

[60] Вопрос о том, как реагировали руководители «Современника» на эту статью, о специальной поездке Чернышевского в Лондон для объяснений с Герценом и о результатах их переговоров послужит предметом специальной работы, подготавливаемой нами к печати.

НАРОДНИЧЕСТВО НА БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ЭТАПЕ ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ*

Отставание наших общественных наук, отмеченное XX съездом партии, побуждает нас, советских историков, оглянуться на проделанную работу и подвергнуть ее серьезному критическому пересмотру в целях устранения допущенных ошибок.

Особенно не повезло в нашей исторической науке эпохе народничества вообще и, в частности, народничества 70-х годов. Здесь широко практиковались и протаскивание противоречащих марксизму-ленинизму взглядов, и приукрашивание, с одной стороны, и недооценка, с другой, исторической действительности, и преклонение перед ложными «авторитетами», и догматизм, и начетничество, и неумение, а порой и нежелание, критически относиться к источникам — словом, все то, что в конечном счете вело за собой фальсификацию исторической действительности.

За последние лет двадцать мы почти не имели серьезных работ по истории народничества. В частности, мы предпочитали обходить молчанием народничество 70-х и следующих годов, обрывая историю нашей общественной мысли и общественного движения на Чернышевском или, в лучшем случае, на Писареве, а от них переходили непосредственно к марксизму. Что касается тех работ, которые затрагивали эпоху 70-х и 80-х годов, то они имели скорее обличительный, нежели исследовательский характер. При чтении этих работ приходилось убеждаться, что авторы их имеют порой смутное и не соответствующее истине представление о том, что они пишут.

Только за последнее время начал замечаться некоторый перелом; стали, наконец, выходить работы, посвященные народничеству. Однако хвастаться этими работами пока не

приходится: настолько они в большинстве своем примитивны, непродуманны, противоречивы и порой не основаны на серьезном изучении исторического материала [1].

Таким образом, историки наши стоят в настоящее время перед крайне важной и ответственной задачей — всестороннего и объективного изучения истории народничества. Методологической основой этого изучения должны являться высказывания и оценки В. И. Ленина, данные народничеству.

* * *

В. И. Ленин — особенно в первый период своей литературной деятельности — положил много усилий на борьбу с народничеством. Ему принадлежит честь идейного разгрома этого направления русской общественной мысли. Известно, какой беспощадной критике подвергал Ленин народнические теории, убедительно вскрывая их ненаучность. В 1905 г. он отмечал, что «вся история русской революционной мысли за последнюю четверть века есть история борьбы марксизма с мелкобуржуазным народническим социализмом» [2].

Однако несмотря на эту жестокую идейную борьбу, Ленин наряду с ошибками и теоретическими промахами народников отмечал и их выдающиеся заслуги перед русским революционным движением. Утопизм народников не мешал ему признавать большое историческое значение их революционного демократизма.

Говоря о революционных народниках 60-х и 70-х годов, Ленин в своей работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» писал: «И вы не сможете упрекнуть социал-демократов в том, чтобы они не умели ценить громадной исторической заслуги этих лучших людей своего времени, не умели глубоко уважать их памяти» [3].

---

[1] Из этих работ необходимо выделить имеющие серьезное научное значение исследования Ш. М. Левина, большого знатока истории народничества. Подробнее о них см. ниже.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 408.

[3] В. И. Ленин. Соч., т. 1. стр. 246. Ленина возмущало «тупое доктринерство, не видящее живой жизни крестьянской революции под мертвой доктриной народнической теории» (В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 255; ср. там же, стр. 214—215).

Напоминая о знаменитом замечании Энгельса: «Ложное в формально-экономическом смысле может быть истиной в всемирно-историческом смысле», В. И. Ленин применял это положение к народничеству. «Ложный в формально-экономическом смысле, народнический *демократизм,*— писал Ленин,— есть истина в *историческом* смысле; ложный, в качестве социалистической утопии, *этот* демократизм есть *истина* той своеобразной исторически-обусловленной демократической борьбы крестьянских масс, которая составляет неразрывный элемент буржуазного преобразования и условие его полной победы» [4].

Эти высказывания Ленина, отмечавшие былые заслуги революционного народничества, за последние годы были полностью забыты. Воспроизводилась только ленинская критика народничества и замалчивалось признание Лениным большого исторического значения этого направления революционной мысли, причем дело доходило до прямой фальсификации. Так, в «Что делать?» В. И. Ленин, подчеркивая, что *«роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией»,* пояснял эту мысль советом читателям вспомнить «о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов» [5]. Мысль Ленина совершенно ясна: он указывал, что для своего времени теория революционных народников 70-х годов была «передовой теорией». Нашлись, однако, люди, которые эту мысль начали всячески перетолковывать. Один из них, например, писал: «Народничество не могло быть предшественником марксизма ни по классовой своей базе, ни по идеалистически-позитивистскому своему теоретическому уровню, ни по месту его в общественной борьбе классов» [6].

Другие предпочитали, приводя интересующую нас цитату из «Что делать?», подвергать ее своеобразной обработке, а именно: слова «блестящая плеяда революционеров 70-х годов» при цитировании отбрасывать. Ясно, что такое произвольное обращение с высказываниями Ленина является недопустимым искажением его мыслей. Случаи

---

[4] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 329.

[5] В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 342. Подчеркнуто мною.— *Б. К.*

[6] В. Кирпотин. Идейные предшественники марксизма-ленинизма в России. М., 1931, стр. 68; ср. стр. 26.

такого «цитирования» стали настолько распространены, что их можно было встретить даже в учебниках для исторических факультетов [7].

С искажением высказываний Ленина необходимо покончить. В известном письме к И. И. Скворцову-Степанову Ленин, указывая, что оппортунизм меньшевиков «связан с доктринерским упрощением, опошлением, извращением буквы марксизма», писал: «Воюя с народничеством, как с неверной доктриной *социализма,* меньшевики доктринерски просмотрели, прозевали исторически реальное и прогрессивное историческое *содержание* народничества, как теории массовой *мелкобуржуазной* борьбы капитализма демократического против капитализма либерально-помещичьего...» [8].

Пора уже перестать повторять ошибку меньшевиков. Пора усвоить, что в свое время революционное народничество сыграло большую прогрессивную историческую роль.

* * *

Скажем несколько слов об истории термина «народничество». Возникновение его принято относить к середине 70-х годов, когда в Петербурге в конце 1876 г. по инициативе М. А. Натансона была создана революционная организация, члены которой начали именовать себя «народниками» и которая позже приняла название тайного общества «Земли и воли». Называя себя «народниками», землевольцы хотели этим термином отметить то новое, что они, по их мнению, вносили в русское революционное движение.

---

[7] См., например, «История СССР», т. II, М., 1954, стр. 196.

[8] В. И Ленин. Соч., т. 16, стр. 102. В другой своей работе, остановившись на отношении меньшевиков к народническому движению, В. И. Ленин писал: «Это — худшее доктринерство, если марксист не умеет разобрать *реального* значения революционнной борьбы против всего современного помещичьего землевладения под оболочкой народнической *доктрины,* действительно нелепой, мечтательной и реакционной, при оценке ее как социалистической доктрины». И далее, приведя уже известное нам замечание Энгельса, Ленин продолжал: «Разоблачая *фальшь* народнической *доктрины,* они (меньшевики.— *Б. К.*), как педанты, закрывали глаза на *истину* современной борьбы в современной буржуазной революции, выражаемую этими quasi-социалистическими доктринами» (В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 369—370).

Объясняя возникновение «Земли и воли», Г. В. Плеханов указывал, что опыт «хождения в народ» заставил его участников прийти к выводу о невосприимчивости крестьян к социалистической пропаганде. Этот вывод, по заявлению Плеханова, и положил основание «нашему *революционному народничеству»* [9]. Период зарождения и деятельности «Земли и воли» Плеханов называл «собственно народническим периодом» [10]. Свидетельство Плеханова подтверждается и другими современниками, а также программными документами того времени.

Отказавшись временно от пропаганды социализма в крестьянской среде, члены «Земли и воли» решили, по выражению их программы, сузить свои требования «до народных требований и желаний, каковы они есть в данную минуту» [11]. Поясняя этот пункт программы, видный деятель «Земли и воли» С. М. Кравчинский писал: «Пришло время сбросить с социализма его немецкое платье и тоже одеть в народную сермягу». В основу пропаганды в деревне необходимо положить «народные идеалы, как их создала история в данное время и в данной местности» [12]. Только таким путем революционеры превратятся в «действительно народных людей», сделаются «революционерами-народниками».

Относя термин «народник» к середине 70-х годов, мы не хотим сказать, что до этого времени его вообще не существовало. Он употреблялся, но без строго определенного смыслового значения. Только в указанное время за ним закрепился точный, хотя и довольно узкий смысл [13].

Дальнейшая история термина «народник» сводится к значительному расширению его смысла. К началу 80-х годов он вышел из революционной среды в легальную литературу и начал прилагаться к самым разнообразным явлениям, часто не имевшим между собой ничего общего и даже взаимно исключавшим друг друга. «Народниками» стали именовать не только всех сочувствующих тяжелой судьбе

---

[9] Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIV. М.— Л., стр. 100.

[10] Там же. Подчеркнуто мною.— *Б. К.*

[11] Архив «Земли и воли» и «Народной воли», М., 1932, стр. 53.

[12] Передовая статья № 1 «Земли и воли».— «Революционная журналистика 70-х годов», Ростов-на-Дону, б. г., стр. 71, 72, 77.

[13] Подробнее об истории этого термина см. мою статью ««Народники» и «народничество»», напечатанную в № 9 «Вопросов литературы» за 1957 г.

народа, но и интересующихся его нравами, образом жизни, творчеством и бытующим в его среде обычным правом. Еще в 1882 г. редактор народнического журнала «Устои» С. А. Венгеров писал: «Кого только, в самом деле, не награждают у нас титулом «народник». Аксаков, преклоняющийся перед народом Охотного ряда,— «народник» [14], Суворин, доподлинно знающий, что народ хочет Константинополя,— «народник», «Неделя» и «Русская мысль», верящие в демократические начала русского народа,— тоже «народники», наконец, Глеб Успенский и Златовратский, один скептически, другой восторженно относящийся к народной психике и оба вместе от души презирающие и ненавидящие Аксакова и Суворина,— тоже «народники»» [15].

Конечно, при таком расширительном понимании термина «народник», «народничество» определение точного содержания его представляло исключительные трудности. Буржуазные ученые открыто признавались, что не могут объяснить, что же именно представляет народничество. А. Н. Пыпин, много писавший о нем в 80-х и 90-х годах, в 1891 г. вынужден был заявить, что «народничество» есть «нечто весьма неясное, не легко определимое, произвольное». ««Народниками»,— писал он,— называют себя (и называются другими) люди, очень мало похожие, даже вовсе непохожие друг на друга: люди с очень прогрессивными мнениями и люди..., проповедующие нечто близкое к настоящему обскурантизму» [16]. Что же касается самого Пыпина, то он был склонен зачислять в народники всех людей, сочувствовавших народу, интересовавшихся его жизнью и творчеством.

Другой видный представитель буржуазной науки, упоминавшийся выше С. А. Венгеров, тоже, подобно Пыпину, вынужден был сознаться, что не может определить, что такое «народничество». В 1897 г. он писал: «Термин этот не имеет вполне точного значения. Возникнув в 70-х годах, он употребляется в самых разнообразных смыслах». И далее Венгеров оперировал такими неясными и расплывча-

---

[14] Имеется в виду избиение студентов мясниками Охотного ряда в Москве в 1878 г.

[15] С. А. Венгеров. Литературные заметки.— «Устои», 1882, № 10, стр. 85—86.

[16] А. Н. Пыпин. История русской этнографии, т. II. СПб., 1891, стр. 375.

тыми признаками, как «идеализация народа» или «беспредельное народолюбие в специальном смысле любви к мужику» [17].

* * *

Только на основе ленинских высказываний и оценок народничества можно составить точное научное представление о сущности народничества, о чертах, характеризующих это направление русской общественной мысли.

Прежде всего необходимо отметить, что В. И. Ленин употреблял слово «народничество» в нескольких различных смыслах [18]. Об этом не надо забывать, так как иначе нельзя правильно понять его высказывания.

Когда Ленин указывал, что все «старые революционные программы,— начиная хотя бы бакунистами и бунтарями, продолжая народниками и кончая народовольцами» [19],— стремились «*поднять крестьянство* на социалистическую революцию *против основ современного общества»* [20], то в этом случае под «народниками» он понимал исключительно одних землевольцев второй половины 70-х годов, т. е. употреблял это слово в том именно смысле, в каком пользовались им революционеры, создавшие вторую «Землю и волю». Именно поэтому-то он и противопоставлял «народников» бакунистам и бунтарям, с одной стороны, и народовольцам — с другой [21]. Однако в подавляющем большинстве случаев В. И. Ленин придавал этому слову значительно более широкий смысл, хотя и не всегда один и тот же. Так, он сам указывал на необходимость различать «народников в тесном смысле слова от народников вообще» [22], относя к первым мещанских оппортунистов типа Юзова, В. В. и др., а ко вторым — Михайловского.

---

[17] С. А. Венгеров. Народничество.— Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, п/т 40, стр. 586—587.

[18] Об этом мне приходилось уже писать в указанной выше статье.

[19] В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 247, прим. Подчеркнуто мною.— *Б. К.*

[20] Там же, стр. 246—247.

[21] Ср. В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 103, прим. Указывая здесь, что «старые русские революционеры никогда не обращали серьезного внимания на вопрос о республике», В. И. Ленин перечислял: «народники, бунтари..., народовольцы».

[22] В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 482.

Иногда, говоря о народниках, Ленин имел в виду только представителей вырождающегося народничества 80—90-х годов. Иногда же, наоборот, под народниками он подразумевал революционных народников 70-х годов. И, наконец, в ряде случаев он говорил о «народничестве в широком смысле» этого слова, охватывая этим термином всю многолетнюю историю народничества, пережившего в своем развитии ряд различных этапов.

Вот этот-то широкий смысл слова «народничество» и представляет для нас наибольший интерес. Ведь для того, чтобы разобраться в каком-либо историческом явлении, необходимо изучить его на протяжении всего его развития, а не исключительно на каком-либо отдельном этапе.

Что же представляет собой, по Ленину, народничество в широком смысле слова? Если иметь в виду все существовавшие разновидности народничества, учитывая то общее, что объединяло их, то народничеством надлежит признать идеологию, господствовавшую на втором из намеченных Лениным этапов развития русского освободительного движения, на том этапе, который охарактеризован им как «разночинский или буржуазно-демократический» [23], в отличие от первого — дворянского и третьего — пролетарского. «Падение крепостного права,— писал Ленин,— вызвало появление разночинца, как главного, массового, деятеля и освободительного движения вообще и демократической, бесцензурной печати в частности. Господствующим направлением, соответствующим точке зрения разночинца, стало народничество» [24].

С этим весьма важным для нас высказыванием Ленина необходимо сопоставить его запись в конспекте лекции по аграрному вопросу, составленном в 1903 г. Запись эта имеет особый интерес для правильного понимания термина «народничество» и для установления объема явлений, охватываемых им. Имея в виду народничество как особое течение русской общественной мысли, Ленин писал здесь:

«Это целое миросоз[ерцание], нач[иная] от Герцена и кончая Н.-оном. Громадная полоса общ[ест]в[енной] мыс-

---

[23] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 223.

[24] Там же, стр. 224. Подчеркнуто мною.— *Б. К.*

ли». И далее пояснял: «Е е и с т[о р и ч е с к о е] з н а ч[е н и е]: *и д е а л и з а ц и я* б[орь]бы с креп[остничеством] («Agrariche Democratie») Marx» [25].

Через 10 лет после составления только что цитированного конспекта Ленин в статье «О народничестве» вновь повторил свои мысли относительно исторических судеб народничества и его значения в истории нашей общественной мысли: «Народничество,— писал он,— есть идеология (система взглядов) крестьянской демократии в России... Крестьянская демократия — вот единственное реальное содержание и общественное значение народничества» [26].

В другой статье — «Демократия и народничество в Китае» — Ленин отмечал: «Русская буржуазная демократия окрашена в народнический цвет — начиная с ее далекого и одинокого предтечи, дворянина Герцена» [27].

Итак, с точки зрения В. И. Ленина, народничество — идеология, представлявшая интересы русского крестьянства в его борьбе первоначально против крепостничества, а после реформы 1861 г.— против его пережитков. Носителем же этой идеологии выступала разночинная интеллигенция, вытеснявшая, а затем и полностью вытеснившая интеллигенцию дворянскую. В этом именно заключалось принципиальное отличие ленинских взглядов на народничество от меньшевистских: меньшевики утверждали, что народничество отражало интересы не крестьянства, а самой разночинной интеллигенции. Рассматривая разночинную интеллигенцию как носительницу и выразительницу крестьянской идеологии, Ленин решительно выступал против меньшевистской точки зрения в этом вопросе, резко снижавшей историческое значение интересующего нас течения общественной мысли. В цитированном выше письме к Скворцову-Степанову Ленин указывал, как на основную ошибку меньшевиков, на то, что они «прозевали исторически реальное и прогрессивное историческое *содержание* народничества, как теории массовой *мелкобуржуазной* борьбы капитализма демократического против капитализма либерально-помещичьего... Отсюда их чудовищная, идиотская, ренегатская идея..., что крестьянское *движение*

---

[25] Ленинский сборник, XIX, стр. 237.
[26] В. И. Л е н и н. Соч., т. 18, стр. 490.
[27] Там же, стр. 144.

реакционно»[28]. Эту идею Ленин называл «чудовищным извращением марксизма»[29].

* * *

В нашей исследовательской литературе до сих пор часто можно встретить утверждение, что народничество возникло и сформировалось на грани 60-х и 70-х годов. Такое утверждение стоит в вопиющем противоречии со взглядами В. И. Ленина, который, как мы видели, относил образование народничества ко времени падения крепостного права. Уточняя эту мысль, Ленин указывал, что возникновение народничества относится ко времени, предшествовавшему реформе 1861 г. «Народничество,— писал он,— очень старо. Его родоначальниками считают Герцена и Чернышевского»[30].

Герцен первым поставил в печати вопрос, придет ли Россия к социализму теми самыми путями, как и Запад, или же ее путь особый, отличный от стран Западной Европы. Герцен отрицал необходимость для России повторять все фазы европейского развития и пытался обосновать возможность для нее перейти, минуя капитализм, непосредственно от крепостнических порядков к социализму. К этой теории Герцен пришел в результате разочарования в Западной Европе под влиянием поражения революции 1848—1849 гг. Утратившему веру в возможность для Западной Европы осуществить социалистические преобразования Герцену начало казаться, что задача эта будет разрешена его родиной. Он полагал, что именно здесь имеются в наличии условия, необходимые для создания социалистического общества. Так возникла теория, известная под названием «русского социализма», представлявшегося ее творцу принципиально отличным от социализма западноевропейского.

Свою веру в своеобразие путей русского социально-экономического развития Герцен впервые обосновал в 1849 г., когда в газете Прудона «La Voix du Peuple» появилась его статья «Россия», в следующем году перепечатанная в приложении к немецкому изданию знаменитой книги Герцена «С того берега». Вслед за этой статьей последовал ряд

[28] В. И. Ленин. Соч., т. 16 стр. 102.
[29] Там же, стр. 103.
[30] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 490.

других, посвященных обоснованию той же теории («Русский народ и социализм», «Старый мир и Россия» и многие другие).

По мнению Герцена, в России сохранилось то, чего нет на Западе и что является объективной предпосылкой для осуществления социалистического идеала, а именно: общинное поземельное устройство.

Герцен был убежден, что Россия, обладая сельской общиной, тем самым предохранена от развития в ней буржуазии и пролетариата, от проникновения в нее капиталистических порядков. Весь строй русской сельской жизни — общинное устройство с ее периодическими уравнительными переделами земли, признание народом права на землю за каждым, кто обрабатывает ее своими руками, «мирское» самоуправление, которое Герцен идеализировал, считая его чуть не за образец демократического общественного устройства,— все это гарантирует, по его мнению, Россию от повторения ошибок Запада. Имея в виду русскую общину, Герцен писал: «Ее экономический принцип — полная противоположность знаменитому положению Мальтуса: она предоставляет каждому без исключения место за своим столом»[31]. Он был убежден, что до тех пор пока существует общинное землевладение, «сельский пролетариат в России невозможен»[32]. Эти и питало в Герцене уверенность, что Россия навсегда останется мужицким государством. «Человек будущего в России — *мужик,*— писал он,— точно так же, как во Франции работник»[33]. Община не только спасет, по мнению Герцена, Россию, она сможет послужить поучительным образцом и для зашедшей в тупик и одряхлевшей Западной Европы.

Надо оговориться, что Герцен видел и теневые стороны русской общины в том ее состоянии, в каком она находилась в его время. В ней, по его мнению, не хватало «закваски», «дрожжей». Ее беда в том, что в ней «не было ни беспокойного меньшинства, ни движущего начала». Поэтому община «поглощала личность» и «усыпляла» народ. «В общине,— писал Герцен,— слишком мало движения; она не получает извне никакого толчка, который

---

[31] А. И. Герцен. Собр. соч., изд. АН СССР, т. VI. М., 1955, стр. 200.

[32] Там же, стр. 201.

[33] А. И. Герцен. Собр. соч., изд. АН СССР, т. VII, стр. 326.

побуждал бы ее к развитию,— в ней нет конкуренции, нет внутренней борьбы, создающей разнообразие и движение; предоставляя человеку его долю земли, она избавляет его от всяких забот» [34].

Для того чтобы община могла сыграть свою историческую роль — спасти Россию от пролетариата и послужить ступенью к созданию социалистического строя, необходимо, во-первых, освободить ее от самодержавно-бюрократической опеки и, во-вторых, просветить ее наукой Запада. Прежде же всего надо покончить с крепостным правом, отпустив крестьян на волю с земельным обеспечением. Об освобождении крестьян без земли или, по его выражению, «освобождении в *пролетариат»* [35] Герцен отзывался резко отрицательно.

«Дух общинного строя,— писал Герцен,— уже давно проник во все области народной жизни в России» [36]. Это-то и позволяло Герцену питать надежду на то, что Россия легче и скорее осуществит социалистическое преобразование, чем Западная Европа. Русский «образ жизни более соответствует идеалу, о котором мечтала Европа, чем жизненный уклад цивилизованного германо-романского мира; то, что является для Запада только надеждой, к которой устремлены его усилия,— для нас уже действительный факт, с которого мы начинаем». Россия, умозаключает Герцен, идет «навстречу социализму» [37].

В освобождении крестьян с землей Герцен ошибочно усматривал начало социального переворота, начало создания социалистического строя. «Разве освобождение крестьян *с землею,*— спрашивал он,— не *социальный переворот?* Разве общинное владение и право на землю — *не социализм?»* [38]

«На деле в этом учении Герцена...— указывал В. И. Ленин,— нет *ни грана* социализма» [39].

---

[34] А. И. Герцен. Собр. соч., изд. АН СССР, т. VI, стр. 204, 207.
[35] Там же, т. VII, стр. 250.
[36] Там же, т. VI, стр. 206.
[37] Там же, стр. 204.
[38] А. И. Герцен. Собр. соч. и писем под ред. М. К. Лемке, т. XVIII. Пг., 1920, стр. 116.
[39] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 11.

В 60-х годах стройная теория герценовского «русского социализма» дала некоторые трещины в связи с тем, что Герцен начал допускать, что России, быть может, придется пройти буржуазной полосой. Тем не менее он и тогда отказывался считать утопией признание «возможности особого, не-мещанского пути развития России», добавляя к этому: «элементы, основания у нас даны: *народный русский быт и наука Запада»* [40].

Таким образом, если не твердую уверенность в своеобразии исторических путей России, то веру в возможность для нее избежать торжества буржуазии Герцен сохранил на всю жизнь.

Друг и соратник Герцена Н. П. Огарев полностью воспринял теорию русского социализма, разработанную Герценом. Он являлся ее усердным пропагандистом, но ничего принципиально нового в нее не внес.

* * *

Гораздо большее значение, чем Герцен, в истории народничества имел замечательный русский мыслитель и писатель Н. Г. Чернышевский. «Чернышевский,— писал Энгельс,— тоже (как и Герцен.— *Б. К.*) видит в русской крестьянской общине средство для перехода от современной общественной формы к новой ступени развития, которая стоит, с одной стороны, выше, чем русская община, а с другой — выше, чем западноевропейский капиталистический строй с его классовыми противоположностями. И в том, что Россия обладает таким средством, в то время как Запад его не имеет, в этом Чернышевский видит преимущество России» [41].

Как и Герцен, Чернышевский считал, что всякие явления не должны в своем развитии обязательно проходить последовательно «все логические моменты с полной их силой», а, наоборот, могут миновать «средние моменты» или по крайней мере чрезвычайно сократить их продолжительность [42]. Отсюда Чернышевский делал вывод, что Россия может, используя опыт Запада, миновать стадию капиталистического производства и, опираясь на

[40] А. И. Герцен. Собр. соч. и писем под ред. М. К. Лемке, т. XVII. Пг., 1922, стр. 4.

[41] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 389—390

[42] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. V. М., 1950, стр. 379.

общинный строй, прийти непосредственно к социализму.

Как и Герцен, Чернышевский был уверен, что общинное устройство «ограждает нас от страшной язвы пролетариатства в сельском населении» [43] и тем самым дает нам возможность избежать бедствия, выпавшие на долю Западной Европы в результате развития там частной собственности на землю.

Чернышевский ценил общинное владение землей, полагая, что от него легче перейти к общественному, коллективному производству, нежели от личной собственности на землю. Имея в виду социалистическое движение на Западе, Чернышевский писал: «То, что представляется утопией в одной стране, существует в другой как факт» [44]. «...Те привычки, проведение которых в народную жизнь кажется делом неизмеримой трудности англичанину и французу, существуют у русского как факт его народной жизни... Порядок дел, к которому столь трудным и долгим путем стремится теперь Запад, еще существует у нас, в могущественном народном обычае нашего сельского быта... Мы видим, какие печальные следствия породила на Западе утрата общинной поземельной собственности и как тяжело возвратить западным народам свою утрату. Пример Запада не должен быть потерян для нас» [45]. Уверенность в том, что община облегчит русским крестьянам переход к коллективному производству, Чернышевский высказывал неоднократно.

В этих своих выводах Чернышевский повторял мысли, впервые выраженные Герценом. Однако вместе с тем он значительно дальше ушел от Герцена. «Чернышевский, развивший вслед за Герценом народнические взгляды,— писал В. И. Ленин,— сделал громадный шаг вперед против Герцена. Чернышевский был гораздо более последовательным и боевым демократом. От его сочинений веет духом классовой борьбы» [46].

В чем же именно заключался этот шаг?

Взгляды Чернышевского на общинное землевладение, несмотря на их утопический характер, представляются все же более реалистичными, нежели упования на общину

[43] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. IV, М., 1948, стр. 331.

[44] Там же, стр. 742.

[45] Там же, стр. 743.

[46] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 224.

Герцена, допускавшего, как мы уже указывали, что одного освобождения крестьян с землею и с сохранением общинного строя достаточно для обеспечения материального благосостояния крестьянства. В отличие от Герцена Чернышевский подчеркивал, что благодетельные последствия общинного владения землей в полной мере проявятся лишь в том случае, если крестьянам будут обеспечены не только пользование землей, но и полный доход с нее. Другими словами, недостаточно освободить крестьян с землею; необходимо, чтобы в будущем крестьянская земля не была обременена кредитными обязательствами, т. е. чтобы вышедшие из крепостной зависимости крестьяне были избавлены от непосильных для них налогов в пользу государства и выкупных платежей своим бывшим владельцам. Чернышевскому было ясно, что, если проведение в жизнь отмены крепостного права будет находиться в руках помещичьего правительства, крестьянам нечего ожидать ограждения своих интересов и что в таком случае даже при сохранении общины она не сможет спасти народ от обнищания. Интересы крестьян могут быть вполне ограждены лишь в том случае, если крепостное право окажется уничтоженным ими самими, т. е. революционным путем. Поэтому, в отличие от Герцена, до самой отмены крепостного права не перестававшего подталкивать правительство на максимальные уступки крестьянам, Чернышевский с 1858 г. взял твердый курс на срыв правительственной реформы. Он считал, что чем долее затянется подготовка отмены крепостного права или чем невыгоднее для крестьян окажутся условия, на которых будет осуществлена реформа, тем скорее вспыхнет народное восстание, тем больше шансов на то, что крестьянам удастся добиться отмены крепостного права на действительно выгодных для них условиях и тем самым обеспечить общине возможность сыграть ту роль, которую возлагал на нее Чернышевский. В этом именно и заключалось основное расхождение между Чернышевским и Герценом по крестьянскому вопросу, расхождение, свидетельствующее, насколько прав был В. И. Ленин, когда говорил о громадном шаге вперед, сделанном Чернышевским, и объяснял этот шаг «гораздо более последовательным и боевым» демократизмом Чернышевского по сравнению с Герценом.

Прежде чем покончить со взглядами Чернышевского на общину, необходимо выяснить, чем они отличались от взглядов на нее основоположников научного социализма, которые также теоретически допускали, что при определенных условиях община действительно могла облегчить переход нашей страны к социализму. Выяснение этого вопроса исключительно важно для правильного понимания взглядов не только Чернышевского, но и всех народников вообще.

В «Послесловии к статье «Социальные отношения в России»» Энгельс указывал, что создание социалистического общества становится возможным только в результате гигантского развития производительных сил, характерного для развитого капиталистического строя. Русская община сама по себе не способна овладеть этими производительными силами. Мало этого, у нее даже нет стремления «выработать из самой себя высшую форму общественной собственности». Поэтому допускать, что русской общине предстоит «иная и лучшая судьба», можно только при том условии, если «инициатива подобного преобразования» будет «исходить не от нее самой, а исключительно от промышленного пролетариата Запада». «Только тогда,— писал Энгельс,— когда капиталистическое хозяйство будет преодолено на своей родине и в странах, где оно достигло расцвета, только тогда, когда отсталые страны увидят на этом примере, «как это делается», как заставить производительные силы современной промышленности, превращенные в общественную собственность, служить всему обществу в целом,— только тогда смогут эти отсталые страны взять курс на такой сокращенный путь развития» [47], т. е. приняться за осуществление у себя социалистических преобразований.

Таким образом, с точки зрения Энгельса, только социалистическая революция в передовых капиталистических странах могла бы помочь развитию русской общины по пути социализма, а отнюдь не ее собственные силы и возможности. Без революции на Западе России и мечтать нечего о переходе к социализму, минуя капитализм.

Совершенно иной была в этом вопросе точка зрения Чернышевского. Он искал в самой русской общине задат-

---

[47] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 391—394.

ки ее социалистического преобразования. Он рассчитывал, что с течением времени в общине возникнет потребность в таких капиталах для обработки земли, которые превысят средства отдельных крестьянских хозяйств. Если же это произойдет,— «общинное владение становится единственным способом доставить огромному большинству земледельцев участие в вознаграждении, приносимом землей» [48]. Как видим, с точки зрения Чернышевского, потребности развития сельского хозяйства, независимо от революции на Западе, побудят членов общины к объединению их сил и средств, т. е. к коллективному ведению хозяйства. Община не при помощи пролетариата передовых стран, уничтоживщего у себя капиталистический строй, а своими собственными силами придет к социализму.

Таким образом, Чернышевский разделял общую для всех народников уверенность, будто общинные традиции облегчают переход к социализму, что отнюдь не соответствовало действительности. В. И. Ленин отмечал, что «именно средневековая замкнутость полукрепостной общины, раздробляющей крестьянство на крохотные союзы и связывающей по рукам и ногам сельский пролетариат, поддерживает традиции косности, забитости и одичалости» [49]. Эти слова относились к общинному землевладению конца XIX и начала XX в. В не меньшей степени они, конечно, применимы и к крестьянской общине времен Чернышевского: в ней «традиции косности, забитости и одичалости» были еще более развиты.

Переоценка Чернышевским исторической роли общины дала основание В. И. Ленину писать: «Чернышевский был социалистом-утопистом, который мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодальную, крестьянскую общину, который не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма. Но Чернышевский,— тут же указывал Ленин,— был не только

---

[48] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. V, стр. 378.

[49] В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 181. В другой своей работе Ленин отмечал, что надельное землевладение «загоняет крестьян, точно в гетто, в мелкие средневековые союзы фискального, тяглового характера, союзы по владению надельной землей, т. е. общины» (В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 389).

социалистом-утопистом. Он был также революционным демократом»[50]. Именно это и позволило ему сделать в развитии народнических взглядов тот «громадный шаг вперед», о котором писал Ленин.

Из краткого обзора взглядов Герцена и Чернышевского на пути социально-экономического развития России мы убедились, что оба эти мыслителя разделяли уверенность в возможности для нашей страны непосредственного перехода к социалистическому строю. А это-то и составляло основной признак революционного народничества, признак, общий для всех разнообразных течений, существовавших среди народников. Характеризуя эпоху, когда в России создавались «теории и учения Герцена, Чернышевского», Ленин отмечал, что содержанием идеалов «первых русских социалистов» была «*вера в особый уклад, в общинный строй русской жизни*; отсюда — *вера в возможность крестьянской социалистической революции*»[51]. Вот эта-то вера и придавала народнический характер учениям Герцена и Чернышевского. Она-то и заставляет нас вести именно с них историю русского народничества.

* * *

Между тем в нашей литературе последнего времени ярко сказывалась тенденция выделить Чернышевского и его последователей из общего развития русской общественной мысли и противопоставить их народникам. Тенденция эта опиралась на статью В. И. Ленина «От какого наследства мы отказываемся?», в которой намечен ряд признаков, характеризующих, с одной стороны, просветителей, а с другой — народников.

Ввиду этого необходимо рассмотреть вопрос: о каком именно народничестве говорится в статье Ленина. Напомним, что он, как мы уже указывали, употреблял это слово в нескольких различных смыслах.

Остановимся на причинах, вызвавших эту статью Ленина. В легальной народнической литературе 90-х годов, яростно полемизировавшей с «учениками Маркса», последним очень часто бросался упрек в том, что они будто бы отрекаются от «наследства 60—70-х годов». Статья

---

[50] В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 97.
[51] В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 245, 246.

Ленина имела своей задачей доказать, что не народники 90-х годов, а русские марксисты являются в действительности верными хранителями революционного наследства 60—70-х годов. При такой постановке вопроса Ленина интересовало в первую очередь именно то народничество, с которым марксистам приходилось вести полемику.

Когда Ленин, сравнивая Скалдина, как представителя «наследства», с народниками, писал, что Скалдин в отличие от них не предавался «той сладенькой идеализации» реформы 1861 г., «говоря, что она санкционировала народное производство, что она была выше западно-европейских крестьянских реформ...» [52], то он, несомненно, имел в виду не народников-революционеров, а только оппортунистов из лагеря легального народничества. Когда он, продолжая сравнивать с народниками того же Скалдина, отмечал, что последний не разделял народнических проектов, сводившихся к «закреплению общины, неотчуждаемости наделов и т. п.» [53], он тоже имел в виду не революционеров, которым подобные проекты были чужды, а тех же народнических оппортунистов. Когда, говоря об А. Н. Энгельгардте и отмечая, что он являлся народником, сохранявшим ряд черт, свойственных просветительству, Ленин противопоставлял его народникам, уповающим, по примеру С. Н. Южакова, на «разум и совесть, знания и патриотизм руководящих классов» [54] (в кавычках слова Южакова), он тоже имел в виду не народников-революционеров, никаких надежд на руководящие классы не возлагавших, а тех же легальных народников.

Установив признаки, характеризующие народничество, Ленин отмечал, что они «общи всем различнейшим представителям народничества, начиная от... ну, хоть скажем, г. Юзова и кончая г-м Михайловским». И тут же он добавляет фамилии других представителей народничества, которых он имел в виду: Сазонова, В. В. (Воронцова) и т. п. [55] Как видим, о народниках-революционерах здесь и речи нет. Пределы от Юзова до Михайловского охватывают исключительно легальных народнических пуб-

---

[52] В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 465.
[53] Там же, стр. 468.
[54] Там же, стр. 477.
[55] Там же, стр. 481—482.

лицистов, хотя частью и таких, которые, как Михайловский, были связаны с революционным подпольем.

Противопоставляя народников хранителям «наследства», В. И. Ленин не проводил, однако, между ними какой-то непроходимой грани. Наоборот, он указывал, что, хотя отношение народничества к «наследству» и отличается противоречивостью [56], между ними существовала определенная «связь». Эта связь проявлялась между прочим в том, что наряду с народниками, «отрекшимися от наследства», существовали и продолжавшие хранить в той или иной мере верность «наследству» [57]. Установив характерные черты просветительства, Ленин добавлял: «При наличности в миросозерцании писателя указанных черт, его всегда и все признают «сохранившим традиции 60-х годов», совершенно независимо от того, как он относится к народничеству» [58]. Эти слова Ленина показывают, что с его точки зрения для просветителя было возможно различно относиться к народничеству: как отрицать его, так и признавать. Другими словами, Ленин допускал возможность соединения в мировоззрении того или иного писателя черт, характерных для просветительства, с чертами, свойственными народничеству. Он сам указывал на одного такого писателя. Это — известный автор «Писем из деревни» А. Н. Энгельгардт. «Энгельгардт,— писал Ленин,— *уже народник,* но в его взглядах так много еще черт, общих всем просветителям, так много того, что отброшено или изменено современным народничеством — что затрудняешься, куда отнести его: к представителям ли «наследства» вообще без народнической окраски, или к народникам» [59]. Таким образом, Ленин допускал существование писателей, соединяющих черты просветительства с чертами народничества. Одни черты не всегда исключали другие.

Надо заметить, что этим чертам или признакам просветительства, с одной стороны, и народничества — с другой, нельзя придавать абсолютное значение, так как встречались просветители, у которых отсутствовали отдельные признаки, отмеченные Лениным. То же самое

---

[56] В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 493.
[57] См. там же, стр. 483.
[58] Там же, стр. 472. Подчеркнуто мною.— *Б. К.*
[59] Там же, стр. 474—475.

можно сказать о народниках. Сейчас мы убедимся в этом.

Ленин различал два крыла в просветительстве 60-х годов: реформистское, либеральное и революционное, демократическое. В качестве представителей первого он называл Скалдина и издателя «Вестника Европы» М. М. Стасюлевича. Второе крыло возглавлялось Н. Г. Чернышевским. Как известно, признаки просветительства Ленин, по цензурным причинам, был вынужден устанавливать по Скалдину, а не по Чернышевскому, имя которого было запретным для русской прессы того времени. При таких условиях надлежит поставить вопрос, все ли, что Ленин говорит о Скалдине, можно приложить к Чернышевскому? Ответ, разумеется, может быть только один: конечно, нет.

Так, характеризуя просветителя, Ленин писал: «Просветитель верит в данное общественное развитие, ибо н е з а м е ч а е т с в о й с т в е н н ы х е м у п р о т и в о р е ч и й». В этом отличие просветителя от народника, который «з а м е т и л у ж е э т и п р о т и в о р е ч и я»[60]. Можно ли сказать о Чернышевском, что он не замечал антагонизмов, присущих русскому обществу его времени? Конечно, нет. Вспомним, что сам Ленин отмечал «глубокое и превосходное понимание Чернышевским современной ему действительности... понимание антагонистичности русских общественных классов»[61]. Таким образом, приведенное нами утверждение Ленина о непонимании просветителем противоречий общественного развития, вполне правильное по отношению к людям типа Скалдина, никак не может относиться к Чернышевскому.

Равным образом не относится к Чернышевскому утверждение Ленина, что просветители н е с т а в и л и в о п р о с а о к а п и т а л и з м е, что заслуга постановки этого вопроса принадлежит народникам[62]. Ленин сам отмечал, что Чернышевский был «замечательно глубоким критиком капитализма несмотря на свой утопический социализм»[63]. Если принять во внимание, что Чернышевский в своем мировоззрении соединял черты просветительства с чертами народничества, станет ясным, почему им был

---

[60] В. И. Л е н и н. Соч., т. 2, стр. 492. Подчеркнуто мною.— *Б. К.*
[61] В. И Л е н и н. Соч., т. 1, стр. 263.
[62] См. В. И. Л е н и н. Соч, т. 2, стр. 492—493.
[63] В. И. Л е н и н. Соч., т. 20, стр. 224.

поставлен вопрос о капитализме, станет ясным, что приведенное нами высказывание Ленина о просветителях типа Скалдина не может быть распространено на просветителей типа Чернышевского, т. е. на тех из них, которые, подобно Чернышевскому, являлись одновременно и просветителями и народниками.

Невозможность приложения к Чернышевскому всех черт просветительства, установленных Лениным на примере Скалдина, по-видимому, и послужила основанием для С. А. Покровского выступить с ошибочным утверждением, будто в период подготовки крестьянской реформы 1861 г. в антифеодальном движении намечалось два течения: «буржуазно-просветительское и революционно-демократическое». При этом, по словам С. А. Покровского, оба эти течения «объективно были революционными», хотя просветители опасались активности и инициативы народа и делали «ставку на коренные преобразования, проводимые самой же монархической властью» [64]. При такой постановке вопроса для Чернышевского и его последователей и соратников в рядах «просветителей» места не оказывалось. Конечно, с этим никак нельзя согласиться. С. А. Покровский вступает в противоречие как с точкой зрения В. И. Ленина, так и с исторической действительностью.

Напомним еще раз, что взять Скалдина как представителя «наследства» 60-х годов, как «просветителя» В. И. Ленина побудили прежде всего цензурные условия, о чем он сам вполне ясно писал в письме к А. Н. Потресову, написанном 26 января 1899 г. из с. Шушенского, добавляя, что считать «наследство» «за нечто единое — плохая традиция плохих (80-х) годов» [65]. Эту-то плохую традицию и возрождает С. А. Покровский, забывая, что мировоззрению Чернышевского были свойственны некоторые чисто просветительские черты. Чтобы убедиться в этом, достаточно сослаться на самого С. А. Покровского, отметившего в другом месте своей книги, что, допуская переход к социализму, отправляясь от крестьянской

---

[64] С. А. Покровский. Фальсификация истории русской политической мысли в современной реакционной буржуазной литературе. М., 1957, стр. 58—59.

[65] В. И. Ленин. Соч., т. 34, стр. 8.

общины, Чернышевский «апеллировал к сознанию крестьянина как труженика». «Это,— пишет далее С. А. Покровский,— уже была явно идеалистическая трактовка вопроса. Она сказывалась и на общесоциологических формулах Чернышевского, приводила к переоценке роли сознания, разума, просвещения». На этот раз С. А. Покровский безусловно прав, и именно эта переоценка и делала Чернышевского «просветителем», хотя одновременно с этим он не переставал быть революционером[66]. Вот почему противопоставление С. А. Покровским «буржуазно-просветительской» тенденции «революционно-демократической» является весьма неудачным.

Таким образом, как Чернышевский, так и ряд других революционеров его времени[67] были не только революционерами, но одновременно и «просветителями».

Теперь несколько слов о признаках народничества. Мы уже указывали, что Ленин устанавливал эти признаки на материале, содержавшемся в сочинениях легальных народников, преимущественно 80-х и 90-х годов. Значит ли это, что установленные им признаки характерны исключительно для народников этой категории? Нет, они имеют более широкое значение. Помимо народников, имена которых названы Лениным в его статье, и иных народников того же типа, признаки эти вполне приложимы ко многим другим народникам, в том числе и принадлежавшим к революционному лагерю. Но имеются среди народников и такие, к которым могут быть отнесены не все признаки, указанные Лениным. К числу таких народников принадлежит большинство народников 60-х годов. И это объясняется именно тем, что они были не только народниками, но и просветителями.

Таким образом, противопоставление просветителей народникам имеет не абсолютное, а лишь относительное зна-

---

[66] С. А. Покровский. Указ. соч., стр. 162. Подчеркнуто мною.— *Б. К.*

[67] Надо отметить, что не все революционеры 60-х годов могут быть признаны «просветителями». Так, к их числу не относились Герцен с Огаревым, которых часто в нашей литературе характеризуют как «просветителей». Чтобы убедиться в этом, достаточно напомнить, что они были принципиальными противниками «европеизации» России.

чение. Тем не менее с точки зрения эволюции русской общественной мысли это противопоставление крайне важно: оно помогает нам разобраться в изменениях, происходивших в общественном сознании в пореформенную эпоху.

* * *

Совершенно иное надо сказать о другом противопоставлении, получившем весьма широкое распространение в нашей литературе за последние 15—20 лет. Это — противопоставление народникам революционных демократов как двух особых, принципиально отличных одно от другого направлений революционной мысли. При этом под революционными демократами подразумевались преимущественно революционеры 60-х годов во главе с Чернышевским (без надлежащего учета порой весьма серьезных идейных расхождений, существовавших в их среде), а под народниками — революционеры следующих поколений, начиная с 70-х годов.

Как ни широко распространено это противопоставление, оно не выдерживает критики. В. И. Ленину оно было совершенно чуждо: если он и употреблял термин «революционный демократ», то вкладывал в него совершенно иное содержание.

Конечно, он сам указывал, что Чернышевский был революционным демократом, но с его точки зрения революционный демократизм был всего лишь одной чертой мировоззрения Чернышевского, недостаточной для характеристики его мировоззрения в целом. Он указывал, что в Чернышевском революционный демократ соединялся с утопическим социалистом. Мы уже приводили соответствующее высказывание Ленина.

Это соединение недооценивают те, кто, характеризуя Чернышевского, выделяют только его революционный демократизм, замалчивая его утопический социализм. Поступать так — значит давать неполное, одностороннее представление о Чернышевском, следовательно, изображать его искаженно, замалчивая ту сторону его мировоззрения, которая дала ему возможность поставить вопрос о капитализме и развернуть в своих работах жестокую критику капиталистического строя и буржуазной политической экономии. Поступать так — значит искажать мысли Ленина о Чернышевском.

Приблизительно то же самое можно повторить и по отношению к другим деятелям и писателям 60-х годов, к которым принято применять термин «революционный демократ» и которые, подобно Чернышевскому, в действительности были не только революционными демократами, но и утопическими социалистами, т. е. народниками.

Ленин признавал, что народнические взгляды, представляющие разновидность утопического социализма, соединимы с революционным демократизмом. Это вполне ясно из его статьи «Демократия и народничество в Китае». Говоря в этой статье о Сун Ят-сене, Ленин характеризовал его как революционного демократа. Он отмечал, что «боевой, искренний демократизм пропитывает каждую строчку платформы Сун Ят-сена» [68]. «Но,— добавлял при этом Ленин,— эта идеология боевого демократизма сочетается у китайского народника, во-первых, с социалистическими мечтами, с надеждой миновать путь капитализма для Китая, предупредить капитализм, а во-вторых, с планом и проповедью радикальной аграрной реформы. Именно эти два последние идейно-политические течения и представляют тот элемент, который образует *народничество* в специфическом значении этого понятия, т. е. в отличие от демократизма, в добавление к демократизму» [69].

Следовательно, с точки зрения Ленина, Сун Ят-сен и его последователи одновременно были и революционными демократами и народниками. Одна из черт их мировоззрения не исключала другую, а дополняла ее.

Не может быть сомнений в том, что эта оценка Ленина с полным основанием применима и ко всем русским революционным народникам второго этапа освободительного движения в России. Известно, как высоко расценивал Ленин их самоотверженную борьбу за интересы народа. Известно, что расцветом «действенного», т. е. революционного, народничества Ленин считал время «хождения в народ» [70]. Вспомним еще раз, что, перечисляя предшественников русской социал-демократии, Ленин наряду с Гер-

---

[68] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 144.

[69] Там же, стр. 146.

[70] «Расцветом действенного народничества было «хождение в народ» (в крестьянство) революционеров 70-х годов» (В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 490).

ценом, Белинским, Чернышевским поставил «блестящую плеяду революционеров 70-х годов».

Таким образом, в работах Ленина мы не найдем противопоставления «революционных демократов» «народникам», хотя Ленин не раз указывал на серьезное идейное расхождение, существовавшее между революционерами времени первой революционной ситуации и их преемниками по революционной борьбе, действовавшими в следующее десятилетие. И те и другие, с его точки зрения, одинаково представляли собой носителей народнической идеологии как особой разновидности утопического социализма, свойственной странам с преобладанием сельского хозяйства, с слабым развитием фабрично-заводской промышленности, с значительным превышением численности деревенского населения над городским и с пролетариатом, только что начинающим развиваться.

Хотя среди большевиков не было полного единодушия по вопросу о народничестве (достаточно вспомнить о М. Н. Покровском, Ю. М. Стеклове, И. А. Теодоровиче и др., далеко отошедших в этом вопросе от В. И. Ленина), наиболее последовательные и выдержанные большевики придерживались именно ленинских взглядов на народничество. Сошлемся хотя бы на старого соратника В. И. Ленина — П. Н. Лепешинского, который в 1933 г. в предисловии к книге Валерия Язвицкого об Ип. Мышкине писал о «старом народничестве 60—70-х годов прошлого столетия» как о едином идейном течении, принимавшем, однако, «самые разнообразные формы» и начавшем свою историю с Герцена[71]. В том же 1933 г. Ем. Ярославский в книге «К. Маркс и революционное народничество» начинал историю народнического движения с Герцена и Чернышевского. В частности, о последнем он писал: «Н. Г. Чернышевский — одна из самых ярких фигур в движении революционного народничества»[72].

* * *

Противопоставление революционных демократов народникам настолько несостоятельно и так явно противоречит ленинской точке зрения, что за последнее время прояв-

[71] Валерий Язвицкий. Непобежденный пленник. М., 1933, стр. 5—6.

[72] Ем. Ярославский. К. Маркс и революционное народничество. М., 1933, стр. 57.

ляется стремление отказаться от него. Однако стремление это проводится в жизнь пока еще весьма робко, непоследовательно, противоречиво. Подтвердим это на примере некоторых вышедших за последние время работ.

Начнем со статьи П. С. Ткаченко «О некоторых вопросах истории народничества», напечатанной в 1956 г. в № 5 журнала «Вопросы истории». Нельзя не согласиться с автором этой статьи, когда он указывает, что я вслед за другими в своих работах по истории народничества ошибочно противопоставлял революционное народничество революционному просветительству. Действительно, в ряде случаев я некритически воспроизводил укоренившиеся по этому вопросу взгляды. Однако дальнейшее содержание статьи П. С. Ткаченко показывает, что, делая это правильное замечание, он очень далек от полного понимания всей его справедливости и научного значения: в вопросе о революционных демократах и народниках П. С. Ткаченко, как мы сейчас убедимся, совершенно запутался. Так, он указывает (стр. 37), что Я. Е. Эльсберг, Д. И. Чеснюков и В. С. Кружков в своих книгах высказывали ошибочное мнение относительно того, что Герцен, Чернышевский и Добролюбов, с одной стороны, и революционные народники 70-х годов, с другой, были представителями «двух принципиально отличных друг от друга направлений революционной мысли». Казалось бы, от этого упрека уже недалеко до правильного вывода о несостоятельности противопоставления революционных демократов народникам. Однако на такой вывод у П. С. Ткаченко решимости не хватает. Фактически он продолжает делать то, в чем упрекает других: в его глазах революционные народники и революционные демократы отличаются друг от друга, хотя, как утверждает П. С. Ткаченко на стр. 38, между теми и другими имелись «многочисленные точки соприкосновения»; в частности, и тем и другим «была присуща вера в крестьянскую общину, как основу будущего социалистического общества». Перевернем еще одну страницу и прочитаем: «По сравнению с революционными демократами народники 70-х годов сделали шаг назад в области философии».

Из приведенных высказываний П. С. Ткаченко ясно, что для него между революционерами 60-х годов и революционерами следующего десятилетия имеется какая-то,

неясная из его статьи, принципиальная разница, препятствующая ему стать полностью на точку зрения В. И. Ленина и рассматривать и тех и других как две разновидности одного и того же идейного направления.

Таким образом, П. С. Ткаченко оказывается не в силах сбросить с себя груз старых ошибок, допущенных нашей историографией.

Но этого мало. В работе П. С. Ткаченко имеется одно утверждение, совершенно непонятное для читателей, а именно: перечислив на стр. 37 установленные В. И. Лениным три характерные признака «наследства 60-х годов», т. е. «просветительства», П. С. Ткаченко неожиданно замечает: «Все эти три черты были свойственны народникам 70-х годов». Напомним, что между этими чертами имелась «горячая защита... европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России»[73]. Как мог П. С. Ткаченко приписывать народникам 70-х годов защиту европейских форм жизни, когда они — в отличие от Чернышевского, понимавшего относительную прогрессивность капитализма по сравнению с феодально-крепостническими порядками,— находили эти формы гибельными для народных интересов?! Ответить на этот недоуменный вопрос, невольно возникающий в уме читателей, мы не в состоянии. Ясно только, что работы, подобные статье П. С. Ткаченко, не способствуют продвижению вперед нашей науки[74].

Непродуманность статьи П. С. Ткаченко и противоречия, допущенные им, настолько очевидны для всякого вдумчивого читателя, что не представляют опасности. Иное

[73] В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 472.

[74] К сожалению, сказанное о статье П. С. Ткаченко относится и к 26-й главе II тома «Очерков по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР» (М., 1956). Глава эта названа: «Философские и общественно-политические взгляды революционных народников (60—70-е годы XIX века)». Автор главы, В. А. Фомина, относит возникновение народничества к 60-м годам прошлого века. На стр. 388 она заявляет, что народники 60—70-х годов были «революционными демократами». Казалось бы, все ясно и правильно. Но вот на стр. 400 читатель с изумлением читает: «Народничество оказалось позади по сравнению с революционными демократами». Как видим, полной ясности в интересующем нас вопросе у автора нет. К этому добавим, что ряд мыслителей революционного лагеря 60-х годов ошибочно рассматривается во втором томе вне рамок народничества: Чернышевский, Добролюбов, Шелгунов и многие другие, и даже Берви-Флеровский.

дело не вполне правильная постановка вопроса о народничестве, которую мы находим в работах известного знатока истории народничества Ш. М. Левина. В 1948 г. в статье «К вопросу об исторических особенностях русского утопического социализма» он, справедливо утверждая, что В. И. Ленин характеризовал как «крестьянский социализм» и учения Герцена и Чернышевского, и идеологию революционеров 70-х годов, в то же время предлагает делить историю русского утопического социализма на три периода: «подготовительный — 30-е и, частью, 40-е годы; период утопического социализма великих русских просветителей; период народнического утопического социализма» [75]. При таком делении историю народничества приходилось начинать не ранее, как со второй половины 60-х годов, что Ш. М. Левин и делал в ряде своих работ: в трех изданиях учебника «История СССР», т. II, под редакцией М. В. Нечкиной; в IV томе «Истории Москвы», где он писал: «На рубеже 1860-х и 1870-х годов оформилось идейное направление народничества, оказывавшее в течение длительного периода свое влияние на ход освободительного движения в России» [76], и др.

Отметим, что в цитированной статье Ш. М. Левин, противопоставляя народников «просветителям», в то же время признает, что В. И. Ленин «отмечал прямо связь Чернышевского и Герцена с народничеством». Но вместе с тем он поясняет: «Разумеется, здесь о народничестве говорится в самом широком и общем смысле слова, в смысле, мы бы сказали, синонима русского крестьянского социализма» [77].

Эти пояснения, сопровождающиеся ссылкой на статью В. И. Ленина «Из прошлого рабочей печати», дают ясное представление, в чем именно Ш. М. Левин допускал отступление от взглядов В. И. Ленина. Действительно, из изложенного выше ясно, что у последнего речь шла не только о «связи», существовавшей между двумя прин-

---

[75] «Исторические записки», т. 26, стр. 218, 220—221, 252—253.

[76] «История Москвы», т. IV, М., 1954, стр. 338—339. Поскольку я состоял редактором указанного издания, то разделяю с Ш. М. Левиным ответственность за допущенные им отступления от взглядов В. И. Ленина.

[77] «Исторические записки», т. 26, стр. 232—233. Подчеркнуто мною.— *Б. К.*

ципиально различными течениями общественной мысли, а *о гораздо большем*. Вспомним, что В. И. Ленин считал народничество господствующим направлением идеологии разночинной интеллигенции второго этапа освободительного движения в России. Вспомним, что он говорил о нем, как о «громадной полосе общественной мысли», начинающейся с Герцена. Ясно, что с точки зрения В. И. Ленина речь могла идти не о «*связи*» *между двумя различными идеологическими системами, а о двух разновидностях одной и той же идеологии*.

В следующей своей работе о народничестве — во «Введении» к IX тому «Истории русской литературы», издаваемой Институтом русской литературы АН СССР в Ленинграде, Ш. М. Левин, характеризуя историческую обстановку, сложившуюся в России в 70-х и 80-х годах, вновь возвратился к противопоставлению революционеров этих десятилетий революционерам более раннего времени, признавая народниками только первых из них. По его формулировке, необходимо различать «представителей русского «крестьянского социализма» 40—60-х годов (во главе с Герценом и Чернышевским)» от «носителей народнической идеологии в той более специфической форме, которая вполне определилась позднее, примерно на рубеже 60-х и 70-х годов, и за которой собственно закрепился в дальнейшем в литературе и в общественном мнении термин «народничество»» [78].

К сожалению, Ш. М. Левин не поясняет, кем и когда был «закреплен» за термином «народничество» тот «специфический» смысл, который он имеет в виду. Глухая ссылка на литературу и на какое-то «общественное мнение» (без пояснения, кому именно, каким слоям общества это мнение принадлежит), конечно, ничего не поясняет. Мы видели уже, как долго термин «народничество» употреблялся без строго определенного смысла и как путались те, кто старались дать определение его. Видели и то, что В. И. Ленин, впервые научно определивший народничество, употреблял этот термин в нескольких различных смысловых оттенках. Все это показывает, как трудно говорить

---

[78] «История русской литературы», т. IX, ч. 1. «Литература 70—80-х годов XIX века». М.— Л., 1956, стр. 11.

о каком-то якобы «закрепившемся» за интересующим нас термином смысле.

Подчеркивая «крестьянский социализм» революционеров 60-х годов и противопоставляя их «носителям народнической идеологии», Ш. М. Левин дает основание людям, недостаточно разбирающимся в вопросе, предполагать, будто народники 70-х годов, в отличие от своих предшественников, «крестьянскими социалистами» не были. Приведенная выше формулировка Ш. М. Левина тем более удивительна, что, как мы видели, в статье 1848 г. он сам, в соответствии с взглядами В. И. Ленина, признавал «крестьянскими социалистами» революционеров не только 60-х, но и 70-х годов. В истории народничества Ленин различал два основных периода: период, когда народничество действительно представляло собой «крестьянский социализм», когда оно мечтало поднять крестьянство на социалистическую революцию, и период вырождения, когда оно, взятое в массе, отказалось от этой мечты и превратилось в «мещанский либерализм», который черпал радость в «прогрессивных течениях крестьянского хозяйства, забывая, что они сопровождаются (и обусловливаются) массовой экспроприацией крестьянства» [79]. Понятно, что к выродившемуся народничеству термин «крестьянский социализм» перестал быть применимым, ибо в результате вырождения «из крестьянского социализма получилось радикально-демократическое представительство мелкобуржуазного крестьянства» [80].

В. И. Ленин, говоря о «крестьянском социализме» 40—60-х годов, никогда не противопоставлял его народничеству. Для него было несомненным, что и социализм народников 70-х годов (до народовольцев включительно) был также «крестьянским социализмом» [81].

Не во всем можно согласиться и с последней по времени опубликования работой Ш. М. Левина о народничестве — с соответствующей главой «Очерков по истории Ленинграда». Правда, здесь он делает некоторый шаг вперед по сравнению с предшествовавшими своими работами. Так, хотя он и здесь по-прежнему начинает историю народничества с конца 60-х годов, но оговаривается, что «Герцен

---

[79] В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 164.

[80] Там же, стр. 259.

[81] См. там же, стр. 164, 246—247, 375—376.

и Огарев, Чернышевский и Добролюбов заложили некоторые важные основы того общественно-политического мировоззрения, которое получило потом название народничества (в широком смысле этого слова)». Каковы же были, по мнению Ш. М. Левина, эти «важные основы»? Что объединяло шестидесятников с семидесятниками? «Те и другие,— отвечает на этот вопрос Ш. М. Левин,— были врагами царской монархии и отстаивали интересы крестьянства. Те и другие были представителями крестьянского утопического социализма, видевшими основную народную революционную силу в крестьянстве, верившими в сельскую общину как зародыш и базу социализма, рассчитывавшими на возможность особого, некапиталистического пути для России» [82].

Отстаивание интересов крестьянства, создание системы крестьянского утопического социализма, вера в крестьянскую революцию и в возможность создать на основе существовавшей в то время сельской общины социалистический строй, предотвратив развитие капитализма в России,— всего этого, с точки зрения В. И. Ленина, как мы показываем в настоящей работе, было вполне достаточно для того, чтобы признать народническую идеологию уже сложившейся. Поэтому только недоумение может вызвать утверждение Ш. М. Левина, будто «во вполне оформленном виде народническая система взглядов сложилась приблизительно на рубеже 60-х и 70-х годов» [83].

Мы увидим ниже, что народники 70-х годов в теоретическом отношении сделали значительный шаг назад по сравнению со своими предшественниками. Неужели в этом можно видеть окончательное «оформление» народнической теории? Почему же Ш. М. Левин не устанавливает тех новых, общих для народников различных направлений элементов, которые внесены в народничество его представителями в 70-е годы? Правда, он указывает, что «Михайловский, Лавров, многие другие влиятельные народники очень преувеличивали роль прогрессивной («критически мыслящей») интеллигенции как двигателя общественного прогресса, не умели правильно понять решающую историческую роль народных масс, отступая и здесь — одни в боль-

---

[82] «Очерки по истории Ленинграда», т. II. М.— Л., 1957, стр. 293, 294. Подчеркнуто мною. — *Б. К.*

[83] Там же, стр. 293—294. Подчеркнуто мною.— *Б. К.*

шей, другие в меньшей степени — от теоретических позиций ряда своих предшественников, действовавших в 50—60-х годах. Это облегчало уклонение тех или иных народнических групп в заговорщичество и в терроризм, которые чужды были Герцену, Чернышевскому, Добролюбову»[84]. С только что приведенными словами Ш. М. Левина нельзя не согласиться. Но указанные им черты идеологии значительной части народнической интеллигенции 70-х годов нет оснований рассматривать как необходимые признаки всякой народнической идеологии. Существовали и в 70-е годы народники, которым эти черты были чужды. Ведь он сам не решается утверждать, что все народники 70-х годов преувеличивали роль интеллигенции, что для всех их характерно уклонение в заговорщичество и терроризм. Вспомним и то, что не у всех революционеров 50-х и 60-х годов имелось правильное представление о решающей исторической роли народных масс, что и тогда в революционной среде существовали заговорщические и террористические «уклонения», хотя в то время они и не были развиты до такой степени, как к концу 70-х годов. На заговорщических позициях стоял П. Г. Заичневский с его «Молодой Россией». В 60-е же годы закладывал основы своей бланкистской программы и П. Н. Ткачев. Вот почему не представляется возможным согласиться с точкой зрения Ш. М. Левина. Вот почему приходится выразить надежду, что в будущих своих работах о народничестве он, наконец, станет полностью па позиции В. И. Ленина.

Итак, революционеров 60-х годов объединяло с революционерами 70-х годов то обстоятельство, что те и другие являлись представителями крестьянской революционности, что те и другие были народниками, хотя и разных оттенков, о чем нам придется говорить подробнее ниже.

* * *

Для того чтобы понять специфику крестьянской революционности в эпоху, когда Россия делала первые шаги на пути превращения из феодальной монархии в буржуазную, надо принять во внимание особенности реформы 1861 г. и ее подготовки. В. И. Ленин указывал, что в эпоху падения крепостного права «шла борьба из-за способа проведения реформы между помещиками и крестьянами. И те и другие

[84] «Очерки по истории Ленинграда», т. II, стр. 294.

отстаивали условия буржуазного экономического развития (не сознавая этого), но первые — такого развития, которое обеспечивает максимальное сохранение помещичьих хозяйств, помещичьих доходов, помещичьих (кабальных) приемов эксплуатации. Вторые — интересы такого развития, которое обеспечило бы в наибольших, возможных вообще при данном уровне культуры, размерах благосостояние крестьянства, уничтожение помещичьих латифундий, уничтожение всех крепостнических и кабальных приемов эксплуатации, расширение свободного крестьянского землевладения» [85].

Реформа 1861 г., разрабатываемая и проводимая в жизнь крепостниками, не могла создать достаточных условий для свободного буржуазного развития страны. Поэтому и после нее в стране продолжала стоять на очереди буржуазно-демократическая революция, продолжалась борьба двух возможных эволюций сельского хозяйства, которые В. И. Ленин условно называл «прусской» и «американской». При таких условиях народнические фразы о социализме и социалистической революции, по словам В. И. Ленина, только облекали «реальный факт стремления крестьян к полному равенству в политике и к полному уничтожению крепостнического землевладения» [86]. Вопреки ожиданиям народников победа той революции, о которой они мечтали, не могла бы помешать торжеству капитализма в России. «Переход земли в руки крестьян,— писал Ленин,— нисколько не уничтожил бы господства в России капиталистического способа производства, он дал бы, напротив, более широкую базу для его развития» [87].

При таких условиях становится вполне понятным, почему В. И. Ленин утверждал: «Крестьянская демократия — вот единственное реальное содержание и общественное значение народничества» [88]. В другой статье Ленин указывал, что если в глазах народников крестьянское движение — «настоящее, истинно-социалистическое и непосредственно-социалистическое движение», то для марксиста оно представляется не социалистическим, а демократическим движением: оно, это движение, является «необходи-

---

[85] В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 216.
[86] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 491.
[87] В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 290.
[88] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 490.

мым спутником демократической революции, буржуазной по ее общественно-экономическому содержанию» [89]. Выясняя своеобразие русского революционного движения, В. И. Ленин отмечал, что «главная классовая опора буржуазной демократии в России есть крестьянство» [90].

Несмотря на совершенно ясный смысл приведенных высказываний Ленина и его основополагающего указания о буржуазно-демократическом характере второго этапа освободительного движения в России, до сих пор встречаются люди, которых термин «буржуазный демократ» не только смущает, но даже пугает. Между тем изобретать какой-либо иной термин для обозначения революционеров той поры, когда перед Россией стояла в качестве очередной задачи подготовка буржуазно-демократической революции, нет необходимости. Говоря о таившихся в народничестве двух тенденциях, Ленин указывал, что поскольку народники «горячо и искренне» отстаивали подлинные крестьянские интересы, «постольку они были буржуазными демократами». Причем «буржуазный характер» их демократизма «оставался ими неосознанным» [91].

«...У нас зачастую,— писал В. И. Ленин,— крайне неправильно, узко, антиисторично понимают это слово, связывая с ним (*без различия исторических эпох*) своекорыстную защиту интересов меньшинства. Нельзя забывать, что в ту пору, когда писали просветители XVIII века (которых общепризнанное мнение относит к вожакам буржуазии), когда писали наши просветители от 40-х до 60-х годов, *все* общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками. Новые общественно-экономические отношения и их противоречия тогда были еще в зародышевом состоянии. Никакого своекорыстия поэтому тогда в идеологах буржуазии не проявлялось» [92].

Таким образом, народническая революционность была революционностью буржуазно-демократической, а не какой-либо иной.

Чтобы покончить с этим вопросом, приведем еще два принципиально важных высказывания В. И. Ленина. Имея в виду эпоху отмены крепостного права, Ленин писал о

[89] В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 409.
[90] В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 339.
[91] Там же, стр. 87—88.
[92] В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 473.

важном и серьезном «различии *интересов* либеральной буржуазии и революционного крестьянства в русской *буржуазной* революции» [93]. В другой своей работе он говорил об «особенности нашей революции как *крестьянской* буржуазной революции» [94].

* * *

Народничество — явление весьма сложное и многообразное. В нем одновременно существовали различные течения и оттенки, нередко находившиеся в весьма враждебных отношениях между собой. За время своего существования оно пережило ряд этапов, изменяясь в связи с изменением социально-политической обстановки в стране, и выродилось в конечном итоге из революционного в либеральное, легальное народничество.

Отмеченное Лениным перерождение народничества явилось отражением тех изменений, которые пережило русское крестьянство за несколько десятилетий пореформенного развития.

Народничество возникло в то время, когда капитализм в России был развит еще очень слабо и когда, вследствие этого, мелкобуржуазный характер крестьянского хозяйства еще не обнаружился.

Правда, еще до отмены крепостного права крестьянское хозяйство было уже весьма значительно втянуто в товарный оборот и результатом этого явилась отмеченная еще современниками имущественная дифференциация деревни. «Кулак», занимавшийся скупкой продуктов крестьянского хозяйства для перепродажи и ростовщичеством, становился весьма заметной и влиятельной фигурой на фоне деревенского быта. Другой стороной того же самого процесса начавшегося проникновения в крепостную деревню капиталистических отношений являлась пауперизация крестьян, попадавших в зависимость от богатеев, что вело к зарождению классовой борьбы в деревне. Тем не менее этот процесс еще не менял положения крестьянства в целом, как класса феодального общества, не давал еще основания говорить о сколько-нибудь широком «раскрестьянивании» крестьянства, как это стало возможным в пореформенное время. «Крепостное право,— писал В. И. Ленин,—

---

[93] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 12.
[94] В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 183.

стесняло одинаково всех — и крепостного бурмистра, накопившего деньжонок и желавшего пожить в свое удовольствие, и хозяйственного мужика, ненавидевшего барина за поборы, вмешательство и отрывание от хозяйства, и пролетария-дворового и обедневшего мужика, которого продавали в кабалу купцу; от него страдали и купец-фабрикант и рабочий, и кустарь и мастерок» [95].

Общую для всего крестьянства ненависть к помещичьей власти и к феодально-крепостническому строю и отражало народничество начального периода его развития, характеризуемого солидарностью, соединявшей между собой различные слои тогдашнего крестьянства.

После реформы 1861 г. положение в деревне сильно изменилось, особенно в 70-х годах. Однако условия, на которых была осуществлена отмена крепостного бесправия, приводили к тому, что солидарность различных слоев крестьянства хотя и ослабела, но далеко еще не разрушилась. Остатки и пережитки крепостного права, сохранившиеся в деревне и после 1861 г. и открывавшие бывшим рабовладельцам широкие возможности эксплуатации труда крестьян, способствовали сохранению отмеченной выше солидарности.

Между тем процесс втягивания крестьянского хозяйства в торговый оборот после реформы 1861 г. нарастал быстрыми темпами. Поскольку же реформа, как известно, привела не к росту благосостояния крестьян, а к дальнейшему ухудшению экономического положения громадного большинства их, то обнищание крестьянства все более в процессе пореформенного развития бросалось в глаза. Только сравнительно небольшая прослойка деревенского населения настолько приспособилась к новым порядкам, что увеличивала свое благосостояние. «Основная черта пореформенной эволюции земледелия,— писал В. И. Ленин,— состоит в том, что оно принимает все более и более торговый, предпринимательский характер» [96].

В связи с этим «кулак», «мироед» начинает играть ведущую роль в пореформенной деревне. Органы крестьянского «самоуправления» становятся послушным орудием в его руках, содействующим его дальнейшему обогащению.

---

[95] В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 276—277.
[96] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 267.

«Старое крестьянство,— писал Ленин,— не только «диференцируется», оно совершенно разрушается, перестает существовать, вытесняемое совершенно новыми типами сельского населения,— типами, которые являются базисом общества с господствующим товарным хозяйством и капиталистическим производством. Эти типы — сельская буржуазия (преимущественно мелкая) и сельский пролетариат, класс товаропроизводителей в земледелии и класс сельскохозяйственных наемных рабочих»[97].

Одновременно с ростом кулачества быстро увеличивается число крестьян, либо совершенно не ведущих своего хозяйства, либо ведущих его в весьма скромных размерах, добывая основные средства к жизни работой на помещиков или кулаков. Все большее количество крестьян покидает деревню, отправляясь на отхожие промыслы.

Все это сопровождалось интенсивным ростом классовой борьбы внутри общины, на что неоднократно указывал В. И. Ленин. Однако существование в деревне пережитков крепостничества до известной степени затемняло этот рост. Еще в 1902 г. В. И. Ленин, указывая, что остатки крепостных порядков еще страшно велики в деревне, писал: «Это факт общеизвестный. Отработки и кабала, сословная и гражданская неполноправность крестьянина, его подчинение вооруженному розгой привилегированному землевладельцу, бытовая приниженность..., все это не исключение, а правило в русской деревне, и все это является, в последнем счете, прямым переживанием крепостнического порядка. В тех случаях и отношениях, где еще царит этот порядок, и поскольку он еще царит,— врагом его является *все крестьянство как целое*. Против крепостничества, против крепостников-помещиков и служащего им государства крестьянство продолжает еще оставаться *классом,* именно классом не капиталистического, а крепостного общества». И далее В. И. Ленин, отмечал «живое диалектическое противоречие», характеризовавшее тогдашнее положение русского крестьянства, писал: *«Поскольку* в нашей деревне крепостное общество вытесняется «современным» (буржуазным) обществом, *постольку* крестьянство перестает быть классом, распадаясь на сельский пролетариат и сельскую буржуазию (крупную, сред-

---

[97] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 142.

нюю, мелкую, и мельчайшую). *Поскольку* сохраняются еще крепостные отношения,— *постольку* «крестьянство» продолжает еще быть классом, т. е., повторяем, классом не буржуазного, а крепостного общества» [98].

Естественно, что изменения, происходившие в пореформенный период в деревне, не могли не отразиться на судьбах народничества. При этом весьма существенное значение имело то обстоятельство, что «масса пролетариата», образовывавшаяся в результате расслоения деревни, наряду с предпринимательским меньшинством, была связана с «хозяйчиками» «целым рядом переходных ступеней полурабочих и полухозяев...» [99]. Такая разнородность состава сельского населения обусловливала одновременное существование в народничестве различных оттенков и направлений. Об этих направлениях, а также об эволюции, пережитой народничеством на протяжении 70-х и последующих годов, нам придется говорить ниже. Теперь же ограничимся лишь одним указанием: каковы бы ни были изменения, происходившие в народнической идеологии, и сколь различны ни были ее течения, основное содержание народничества сохранялось на всем протяжении его истории. А это содержание сводилось к вере в возможность для России миновать капитализм и перейти непосредственно к такому социальному строю, который народниками воспринимался как социалистический, хотя в действительности таковым не был. «Народники,— писал Ленин,— проповедывали всегда в своих теориях, начиная с 1861-го года (а их предшественники еще раньше, до 1861-го года) и затем в течение более полувека, *иной, т. е. некапиталистический*, путь для России» [100].

Убеждение в возможности для России избежать капиталистическую стадию развития зиждилось, как мы уже видели, на существовании в ней общинного землевладения. Для народников было характерно преклонение перед «устоями» деревенской жизни, т. е. докапиталистическими ее формами. «Идеализация крестьянина и его общины,— писал В. И. Ленин,— одна из необходимых составных частей народничества» [101]. В крестьянине народники, на-

---

[98] В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 96—97; ср. стр. 178—179, 370.
[99] Там же, стр. 238.
[100] В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 90.
[101] В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 475.

чиная с Герцена, видели «человека будущего» в России. Элементы идеализации крестьянства можно найти даже у Н. А. Добролюбова, человека исключительной трезвости и далекого от увлечений [102].

Идеализация крестьянства и общинных порядков принимала на различных этапах истории народничества различные формы.

Преклонение перед народом и перед «мужицкой правдой» особенно развилось в 70-е и последующие годы. Мало знакомые с деревней, но тем не менее умилявшиеся ею, интеллигенты-народники любили рассуждать о высоких моральных качествах деревенского человека и об идеалах справедливости, воплощенных в деревенских порядках. Однако были среди народников и люди, восстававшие против такого преклонения перед крестьянами. С возмущением писал Гл. Успенский в 1878 г.: «Появилось какое-то слащавое, чтобы не сказать слюнявое, отношение к народу» [103].

Идеализация крестьянства была тесно связана с апологией устарелых форм хозяйственной деятельности, так называемого «народного производства», которое противопоставлялось капиталистическому как якобы более высокое по «типу развития». Особенно сильное развитие защита «народного производства» получила в легальной народнической литературе 80-х и 90-х годов (труды В. В.,В. Пругавина, С. Приклонского и др.).

В связи с идеализацией деревенских порядков среди народников пользовалась большим распространением теория самобытности России, утверждавшая, будто ее социально-политическое и экономическое развитие идет совер-

[102] Об этом свидетельствует хотя бы его статья «Народное дело», в которой он противопоставлял крестьянство интеллигентному обществу. «Да,— писал Добролюбов,— в этом народе есть такая сила на добро, какой положительно нет в том развращенном и полупомешанном обществе, которое имеет претензию одного себя считать образованным и годным на что-нибудь дельное». «Народные массы не умеют красно говорить», но «слово их никогда не праздно». Решившись на какое-либо дело, они готовы пожертвовать ради него всем, что потребуется. «В этой-то способности приносить существенные жертвы раз созданному делу и заключается величие простой народной массы, величие, которого никогда не можем достичь мы, со всею нашею отвлеченной образованностью и прививною гуманностью» (Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. IV. М., 1937, стр. 138—139).

[103] Г. И. Успенский. Полн. собр. соч., т. V. М., 1940, стр. 195.

шенно иными путями, чем западное. П. Струве в те годы, когда он выступал еще в качестве «легального марксиста», утверждал даже, будто «теория самобытного *экономического* развития России» является «сущностью» и «основной идеей» народничества. В основе же теории, по его мнению, лежало «убеждение в специфическом национальном характере и духе русского народа и в особенных его исторических судьбах» [104].

Однако против такой трактовки народничества, сближавшей его со славянофильством, решительно выступил В. И. Ленин в работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве». Указав, что «народничество отразило такой факт русской жизни, который почти еще отсутствовал в ту эпоху, когда складывалось славянофильство и западничество, именно: противоположность интересов труда и *капитала»* и что поэтому «с такими категориями, как славянофильство и западничество, в вопросах русского народничества никак не разобраться», Ленин утверждал, что «сущность народничества лежит глубже: не в учении о самобытности и не в славянофильстве, а в представительстве интересов и идей русского мелкого производителя. Поэтому среди народников были писатели (и это были лучшие из народников), которые... не имели ничего общего с славянофильством, которые даже признавали, что Россия вступила на тот же путь, что́ и Западная Европа» [105].

---

[104] П. Струве. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России, вып. 1. СПб., 1894, стр. 2.

[105] В. И. Ленин. Соч., т. I, стр. 384. Подчеркнуто мною.— *Б. К.* Это утверждение В. И. Ленина сохраняет силу даже в том случае, если ограничиться рассмотрением только народничества 70-х годов, оставив в стороне шестидесятников. Сторонником «самобытности» не был, например, такой видный представитель народничества, как П. Н. Ткачев. В своей брошюре «Задачи революционной пропаганды в России» (1874, б. м., стр. 15) он писал: «Хотя тихо и вяло, но все же мы кое-как подвигаемся по пути экономического развития. А развитие это подчинено тем же законам и совершается в том же направлении, как и экономическое развитие западноевропейских государств». Ткачев предвидел рост капитализма и именно поэтому призывал русских революционеров в целях предупреждения торжества его спешить с захватом государственной власти и социалистическими преобразованиями, пользуясь временной слабостью и медленным, по его мнению, развитием русской буржуазии.

Таким образом, с точки зрения Ленина, теория самобытности отнюдь не являлась необходимым признаком народничества. Были народники, принимавшие ее, и были народники, не причастные к ней [106]. Тем не менее теория эта пользовалась в народнической среде чрезвычайно широким распространением. Вот почему В. И. Ленин, определяя характерные черты народничества, в качестве одной из них указал на «*признание самобытности русского экономического строя вообще и крестьянина с его общиной, артелью и т. п. в частности*», добавив ниже, что «...учение о самобытности России находится в полном несоответствии с духом 60-х годов и их традицией» [107]. Для тех народников, о которых Ленин преимущественно писал в этой своей работе,— для легальных народников 80-х и 90-х годов учение о самобытности России являлось действительно характерным.

Приблизительно то же самое можно сказать и о другой черте народничества, указанной Лениным: «*Признание капитализма в России упадком, регрессом.* Отсюда стремления и пожелания «задержать», «остановить», «прекратить ломку» капитализмом вековых устоев и т. п. реакционные вопли»[108]. Если брать народничество 60-х годов, то далеко не для всех его представителей эта черта действительно характерна. В народничестве того времени наряду с людьми, страшившимися капитализма и порождаемых им страданий трудящихся, имелись и такие, которые понимали относительную прогрессивность капиталистических порядков по сравнению с феодально-крепостническими.

---

[106] В этом отношении очень показательно высказывание Льва Тихомирова. Полемизируя с Юзовым, отстаивавшим в своих «Основах народничества» теорию самобытности развития России, Тихомиров писал: «Народничество... никогда особенно не интересовалось вопросом о самобытности народного развития, но зато всегда и обязательно требовало самостоятельности в этом развитии. Различие очень важное, и г. Юзов совершает крупную историческую погрешность, перенося центр тяжести из самостоятельности в самобытность, навязывая таким образом народничеству то, что на самом деле составляет характерный признак собственно славянофильства... Общею и обязательною подкладкой народничества был несомненно демократизм, не какой-нибудь специально русский, а самый обыкновенный, всемирный, так сказать» (И. Кольцов (Л. Тихомиров). Шатанье политической мысли.— «Дело», 1883, № 3, стр. 5).

[107] В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 481, 485.

[108] Там же, стр. 481.

К числу их принадлежал как указано выше, Н. Г. Чернышевский. Он не только признавал, что развитие России подчинено тем же самым законам, что и развитие Запада, но и полагал, что назревающие в его время преобразования в экономическом быте России, начинающиеся «пробуждением духа торговой и промышленной предприимчивости», явятся шагом вперед для страны [109].

В 70-х годах взгляды народников значительно изменились. В капиталистических преобразованиях они начинали видеть исключительно темные стороны, в результате чего пришли к абсурдному выводу о предпочтительности старых форм нашей производительной деятельности (артели, кустарные промыслы и т. п.), существовавших в то время в качестве пережитков крепостнических порядков, по сравнению с крупным капиталистическим производством.

Было бы ошибкой утверждать, что для народников этого времени характерно отрицание начавшегося уже проникновения в Россию капиталистических отношений и возникновения в ней пролетариата наподобие западного. Действительно, среди народников имелись люди, не понимавшие того, что́ вокруг них происходит. Они стояли на наивно-оптимистических позициях и утверждали, что в России ни буржуазии, ни пролетариата нет и быть не может, потому что возникновению и развитию их якобы препятствуют исконные устои русской деревенской жизни. В 70-х годах народники этого типа группировались вокруг еженедельника «Неделя», издававшегося П. Гайдебуровым, и возглавлялись плодовитым, хотя и мало талантливым публицистом И. Каблицем, писавшим под псевдонимом Юзова. Однако наличие народников такого типа не дает основания приписывать всем народникам того времени оптимистические утопии Каблица. Наряду с «Неделей» существовали «Отечественные записки», ряд сотрудников которых не разделял взглядов публицистов «Недели» и оптимизму последних противопоставлял более критическую оценку прочности так называемых «устоев». Эти люди сознавали, что и буржуазия и пролетариат стали в России уже реальным фактом. Сошлемся хотя бы на Гл. Успенского, который в 1878 г., полемизируя с народниками-оптимистами из

---

109 Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. IV, стр. 744—745.

«Недели», писал в «Отечественных записках» о безнадежности попыток «остановить маховое колесо европейских порядков, увлекавшее нас на ненавистный путь всяческой неправды, нас, которые не хотят ее, которые хотят по чести, по совести и все такое». Возмущаясь рассуждениями об отсутствии в России пролетариата, Успенский заявлял: «Все это вздор! Пролетариат у тебя и есть, и будет в большом количестве...» [110].

У В. И. Ленина в его конспекте лекций по аграрному вопросу, составленному в 1903 г., народничество характеризуется как «громадная полоса общественной мысли». Он указывал, что в доктрину народничества входят «элем[енты] *демокр[атии]* + утоп[ический] с[оциализ]м + м[елко] б[уржу]а[зные] реф[ормы] + реакци[онность] м[елкого] б[у]ржуа» [111]. Различные сочетания этих четырех элементов давали различные течения и направления в народничестве. При этом для признания того или другого течения народническим вовсе не требовалось обязательного сочетания всех четырех элементов. Так, характеризуя Чернышевского, Ленин указывал, как мы уже упоминали, что в его лице социалист-утопист, мечтавший о переходе к социализму через старую крестьянскую общину, соединялся с революционным демократом, делавшим ставку на крестьянскую революцию [112]. И это понятно, потому что в его время о мелкобуржуазном характере народничества еще речи не могло быть. Демократизм и утопизм Чернышевского отличались ярко выраженным революционным характером. Однако с течением времени положение менялось и мелкобуржуазные элементы народничества не только начинали проявляться, но и приобретали все большее и большее значение.

Подводя итоги сказанному выше, приходится констатировать, что основной признак народнической теории, неизмененный в течение всей ее истории и объединяющий ее

---

[110] Г. И. Успенский. Полн. собр. соч., т. V. М., 1940, стр. 193—194. Эти и аналогичные высказывания Успенского послужили для меня основанием отрицать принадлежность Успенского к народническому лагерю (см. мою статью «Гл. Успенский и литературная борьба его времени» в «Новом мире» за 1933 г., № 9). Однако вывод этот противоречит истории умственного развития Успенского.

[111] Ленинский сборник, XIX, стр. 237.

[112] См. В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 97.

разновидности — как революционные, так и реформистские, заключался в признании возможности некапиталистического развития России; при этом такое признание обосновывалось особенностями русского социально-экономического быта, а не возможностью содействия трудящемуся люду России со стороны революционного пролетариата более развитых в экономическом отношении стран, как это допускали основоположники научного социализма. Историческое значение этой теории заключалось в том, что она выражала интересы мелкого — преимущественно сельского — производителя, разоряемого крепостничеством и его пережитками, с одной стороны, и капиталистическими отношениями, все более проникающими в деревню,— с другой.

Другие признаки, помимо отмеченного выше, хотя ими часто характеризуют народничество в целом (признание самобытности русского социально-экономического развития, оценка реформы 1861 г. как антибуржуазной по лежавшим в основе ее принципам, отрицание существования в России капитализма и пролетариата и др.), будучи действительно широко распространенными среди народников, все же не являлись, как мы уже видели и еще увидим ниже, присущими всем разновидностям народничества и отсутствовали в некоторых из них.

* * *

Признавая революционеров эпохи первой революционной ситуации и революционеров 70-х годов носителями двух разновидностей одной и той же буржуазно-демократической идеологии, Ленин вместе с тем подчеркивал, что в теоретическом отношении вторые сделали б о л ь ш о й ш а г н а з а д по сравнению с первыми. Народническая литература 70-х годов полностью подтверждает это указание Ленина.

Оформление новых течений в народничестве началось еще в конце 60-х годов. В это именно время были опубликованы основные программные документы новых народнических направлений, существенно отличных от народничества предыдущего периода. В 1868 г. в Женеве вышел № 1 «Народного дела», на страницах которого Бакунин впервые изложил свои анархистско-бунтарски-народнические

установки. С того же года на страницах легальной «Недели» начали печататься «Исторические письма» П. Л. Лаврова, в 1870 г. вышедшие отдельным изданием и ставшие как бы евангелием народнической интеллигенции. В 1869 г. в журнале Н. А. Некрасова «Отечественные записки» был напечатан трактат молодого народнического публициста Н. К. Михайловского «Что такое прогресс?», заслуживший, кстати сказать, одобрение А. И. Герцена. В том же, наконец, году вышла знаменитая книга В. В. Берви (Флеровского) «Положение рабочего класса в России», конфискованная по выходе правительством, но тем не менее получившая сравнительно широкое распространение. Все эти произведения содержали в себе попытки теоретического обоснования народничества.

Если сравнивать постановку основных теоретических вопросов в этих работах с той, какую давал величайший представитель народничества предыдущего периода Н. Г. Чернышевский, то легко убедиться, насколько к 70-м годам снизился идейный уровень народнической интеллигенции по сравнению с 60-ми годами.

Народники 60-х годов во главе с Чернышевским были непоколебимо уверены в существовании объективных законов, управляющих развитием общественной жизни. Задачу общественных наук, как и естественных, они видели в изучении закономерностей. Народники же следующего десятилетия подходили к общественным наукам с точки зрения так называемого «субъективного метода в социологии». Для них на первом плане стояла оценка явлений общественной жизни на основании априорно выработанного исследователем идеального представления о том, каким должно быть общество для того, чтобы удовлетворять требованиям «справедливости» и гарантировать счастливую жизнь всем своим членам. Н. К. Михайловский открыто заявлял, что, по его мнению, общественная наука должна начинать с некоторой утопии, априорно принятой исследователем, с «предвзятого мнения» [13]. Поэтому-то он, как и другие теоретики народничества 70-х годов, придавал большое значение выработке так называемой «формулы прогресса», задача которой состоит в том, чтобы указать,

---

[113] Н. К. Михайловский. Что такое прогресс? — Собр. соч., т. I. СПб., 1911, стб. 12.

какие общественные явления и формы жизни представляются наиболее соответствующими морали, разуму и целесообразности. Что касается «формулы прогресса», предложенной самим Михайловским и признававшей прогрессивным приближение «к возможно полному и всестороннему разделению труда между органами и возможно меньшему разделению труда между людьми» [114], то она имела явно реакционный характер, так как сводилась к идеализации докапиталистических форм хозяйственной жизни.

Другим существенным вопросом, при разрешении которого народники 70-х годов значительно отошли назад по сравнению со своими предшественниками, был вопрос о роли народных масс в истории. Чернышевский и его ученики видели в народе действительного творца истории. В соответствии с этим социальная революция представлялась им возможной лишь в одной форме — как революция, совершаемая не только в интересах народных масс, но и самими народными массами. Семидесятники значительно отступили от четкой и ясной позиции своих предшественников в этом вопросе. Они пытались обосновать руководящую роль интеллигентного меньшинства, ведущего за собой народные масса, которые являются как бы лишь орудием в их руках.

Попытками обоснования этого положения являлись учение П. Л. Лаврова о роли «критически мыслящих личностей» и теория Н. К. Михайловского о «гениях» и «толпе». Тот переход революционеров от пропаганды и агитации в народе к индивидуальному политическому террору, который наблюдался в России в конце 70-х годов, являлся с этой точки зрения вполне закономерным. Не надо, однако, видеть в теориях Лаврова и Михайловского причину перехода, отмеченного нами, как это делают некоторые авторы, писавшие о народничестве [115]. Теории названных мыслителей давали только идеологическое обоснование практике, порожденной причинами совершенно другого рода. Переход к индивидуальному террору был вызван полной

---

[114] Н. К. Михайловский. «Что такое прогресс», стб. 150.

[115] Так, например, автор 26-й главы II тома «Очерков по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР» утверждает, будто «культ личности привел народников к отказу от массовой революционной работы среди народа» (стр. 403).

неудачей как бродячей, так и оседлой пропаганды в деревне, неудачей так называемого «хождения в народ».

Значительный шаг назад по сравнению со своими предшественниками народники 70-х годов сделали в вопросе о политической борьбе. С конца 60-х годов Бакунин развернул широкую пропаганду «воздержания» от участия трудящихся масс в политической жизни. Народ, по мнению Бакунина, заинтересован не в изменении форм правления, а в полном разрушении государства и в замене его «свободной федерацией вольных как земледельческих, так и фабрично-ремесленных артелей (ассоциаций)» [116]. Такую точку зрения на политическую борьбу Бакунин развивал в ряде своих произведений и, в частности, в книге «Государственность и анархия», пользовавшейся большой популярностью среди революционеров 70-х годов.

Ссылаясь на опыт Западной Европы, Бакунин доказывал, что политическая свобода, буржуазные «гарантии личности», формальное провозглашение равноправия всех граждан, конституции и республиканские порядки не только не приносят никакой пользы трудящимся, но даже вредны для них, так как только укрепляют положение буржуазии, развивая в народе веру в политические преобразования. Бакунин проповедовал единую социальную революцию, которая разрушит одновременно и государственный и социальный строй.

Эти взгляды Бакунина получили большое распространение среди революционеров 70-х годов, даже и тех, которые являлись последователями его антагониста П. Л. Лаврова. Характерно, что такой видный представитель народничества этого времени, как С. М. Кравчинский, в 1875 г. в письме к Лаврову называл политическую революцию «мерзостью». Такое отношение к политической борьбе вытекало из непонимания классовой природы всякой государственной власти.

Что касается народников предыдущего времени, то и среди них имелись люди, склонные недооценивать значение форм правления и гарантий личности, принятых в буржуазных странах. Таковыми в течение длительного времени были Герцен и Огарев. Так, последний прямо заявлял, что не видит разницы между «королем-банкиром» и «коро-

---

116 Сб. «На чужой стороне», кн. 10, Берлин, 1924, стр. 201.

лем-барином» и что поэтому «готов ужиться со всяким правительством, лишь бы оно стояло на высоте экономических изменений в государстве»[117]. Только после реакционных мероприятий русского правительства, осуществленных в 1861 и в последующих годах, взгляды редакторов «Колокола» начали изменяться, и они признали необходимость уничтожения самодержавия.

Однако среди революционеров 50—60-х годов мы встречаем людей, придерживавшихся более правильных взглядов по этому вопросу. Мы имеем в виду революционеров-разночинцев во главе с Чернышевским. Чернышевский резко критиковал буржуазное государство и право. Он указывал, что недостаточно провозгласить то или иное право в законе: «надобно дать возможность, дать средства пользоваться этим правом»[118]. Без этого оно будет доступно лишь людям, располагающим материальными средствами, необходимыми для реализации этого права. Вместе с тем Чернышевский и его соратники признавали, что конституционное государство, не говоря уже о республике, является большим шагом вперед по сравнению с абсолютизмом, так как в таком государстве народ имеет возможность до известной степени воспользоваться провозглашенными свободами в целях подготовки дальнейшей борьбы за свои интересы. Исходя из этого, революционеры времени первой революционной ситуации ставили своей первоочередной задачей уничтожение самодержавия и завоевание политической свободы, которая облегчила бы впоследствии осуществление необходимых трудящимся социальных преобразований.

При сравнении взглядов Чернышевского и его учеников со взглядами народников 70-х годов становится ясным, насколько велик был шаг назад, сделанный последними по сравнению с их предшественниками. Только в самом конце 70-х годов часть народников была вынуждена признать необходимость политической борьбы. Однако им не удалось найти правильное соотношение между политической борьбой и социализмом, на что им справедливо указал еще Г. В. Плеханов (см. его «Социализм и политическая борьба»). Для них политическая борьба свелась к индиви-

---

[117] Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, т. 1. М., 1952, стр. 197.

[118] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. V, стр. 303.

дуальному террору и к мечтаниям о захвате власти или о том, чтобы вынудить правительство на уступки.

Следующий пункт, на котором нам необходимо остановиться,— это отношение революционеров 60-х годов и их преемников в 70-е годы к основным вопросам философии.

Первые, как известно, в большинстве были убежденными материалистами. Известно также, как высоко ценил в этом отношении Чернышевского В. И. Ленин, отмечавший, что он был «единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников» [119]. В лице лучших своих представителей революционеры 60-х годов поняли слабые стороны вульгарного естественно-научного материализма. Они пошли в своих философских взглядах вслед за Фейербахом, преодолевая свойственную этому философу созерцательность и усвоив в отличие от него значение диалектического метода.

Семидесятники сделали по сравнению с ними решительный шаг назад; большинство их отказалось от материализма и перешло на позиции позитивизма, агностицизма и неокантианства. В этом отношении особенно показателен Н. К. Михайловский. В упомянутом выше трактате «Что такое прогресс?» Михайловский писал: «В то время, как мы еще делимся на материалистов и спиритуалистов, передовая западная мысль, в лице Конта, Спенсера и проч., отрицает и ту, и другую систему. В то время, как в нашем обществе то и дело раздаются упреки передовым людям в атеизме, позитивизм называет атеистов «самыми нелогическими теологами» [120]. Михайловский относился к материализму, как к устаревшей «метафизике». Он отрицал возможность для человека познавать сущность вещей. Позитивизм, по его мнению, вводит мысль человека в «законные границы». «Человек,— писал Михайловский,— может познавать только явления и те постоянные отношения, в которые они становятся друг к другу. Сущность вещей — вечная тьма» [121]. Величайшей заслугой позитивизма Михайловский считал указание им человеку границ, за

---

[119] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 346.
[120] Н. К. Михайловский. Собр. соч., т. 1, стб. 17.
[121] Там же, стб. 104—105.

которыми лежит для него вечная непреодолимая тьма. Стараться проникнуть за эти границы — значит иметь недостижимые и незаконные желания.

Что касается диалектического метода, то его значения Михайловский не понимал, сводя сущность диалектики исключительно к «триаде» Гегеля, согласно которой всякое явление в своем развитии неизменно проходит три стадии: тезис, антитезис и, наконец, синтез, как соединение и примирение противоположностей, характеризовавших две первые стадии. В спорах с марксистами в конце 80-х и в 90-х годах Михайловский упорно,— можно сказать, даже упрямо,— приписывал им защиту этой «триады», которой в действительности они не придавали особого значения. Другие же народники, менее Михайловского искушенные в вопросах философии, наивно сводили сущность гегелевской диалектики к утверждению, что «дурное просто в своем крайнем развитии приведет к хорошему» [122].

Чтобы полнее обрисовать снижение теоретической мысли народников в 70-е годы, напомним, наконец, об отношении их к капитализму. Как мы уже говорили, их предшественники понимали относительную прогрессивность капиталистического строя по сравнению с феодально-крепостническим и потому приветствовали всестороннюю европеизацию России. Семидесятники же не видели в капитализме ничего прогрессивного и думали только о том, как бы предотвратить развитие капиталистических порядков.

Можно было бы указать и другие расхождения между народниками 60-х годов и их преемниками 70-х. Но уже из сказанного вполне ясно, насколько снизился к 70-м годам идейный уровень русской демократической интеллигенции [123].

---

[122] В кавычках слова Г. В. Плеханова. См. его «Социализм и политическая борьба».— Соч., т. II. М., 1924, стр. 70.

[123] Это снижение было ясно и некоторым представителям народнической мысли. Сошлюсь на видного народовольца, позднее ренегата, Л. А. Тихомирова, который в 1883 г. на страницах легального журнала «Дело», имея в виду неудовлетворительное положение современной передовой журналистики и публицистики, писал: «Ни знания, ни логики, ни огня, ни стиля. Странно делается. Каким это образом, после 30 лет застоя, подавления высшего образования и расцвета самой придирчивой цензуры, после этого мрачного периода русской истории, наша политическая мысль заявила себя однако в 56—61 годах несравненно более возмужалою, лучше вооруженною, вообще более на высоте своего положения,

Однако не надо думать, что снижение это в равной мере сказывалось на всей народнической интеллигенции 70-х годов. Нам важно только наметить общие линии, по которым происходило снижение, а это не исключает того, что в эти годы могли существовать — и действительно существовали — люди, продолжавшие придерживаться по тому или иному вопросу мнений, характерных для народников 60-х годов. Равным образом нельзя отрицать существования эклектиков, пытавшихся, рассудку вопреки, соединять несоединимое. У таких людей можно было встретить высказывания диаметрально противоположного характера.

Возьмем хотя бы вопрос об интеллигенции и народных массах. Вполне последовательными в отрицании активной роли народа в революционной борьбе были разве только русские бланкисты, сторонники П. Н. Ткачева, отводившие народным массам чисто пассивную роль. Революцию Ткачев представлял себе как заговор, приводящий к захвату государственной власти революционным меньшинством. Опыт народных волнений как в России, так и в других странах доказал, по мнению Ткачева, что народ неспособен совершить революцию. Равным образом неспособен он и выдвинуть из своей среды развитых и подготовленных руководителей народного движения.

Хорошо известно, однако, что в 70-х годах число революционеров, которых можно было бы рассматривать как единомышленников и последователей Ткачева, было невелико. Большинство их в то время относилось крайне отрицательно к взглядам Ткачева и даже воздерживалось от совместных с ним революционных действий. Это большинство надеялось на активное участие народа в революции. Разве самый факт массового (относительно, конечно) хождения в 70-х годах в народ не может сам по себе служить свидетельством, что участники этого движения вовсе не имели в виду совершить революцию исключительно собственными силами, без участия масс? Если бы они не верили в решающую роль народа в революции, то зачем бы

чем в настоящее время, после знаменитого 25-летия внутреннего обновления?» (И. Кольцов (Л. А. Тихомиров). Шатанье политической мысли,— «Дело», 1883, № 3, стр. 1). Можно было бы привести и другие аналогичные высказывания публицистов-народников того времени.

им было тратить время и силы на «хождение в народ»?!

В 1874 г., в самый разгар этого движения интеллигенции в деревню, П. Л. Лавров, полемизируя с Ткачевым, сравнивал народ с пригвожденным к кресту «богом-страдальцем». У него одного, утверждал Лавров, имеются силы, достаточные для того, чтобы свалить крест. Беда, однако, в том, что он и не подозревает о своем всемогуществе. Что же касается интеллигенции, то по сравнению с народом это — «микроскопические букашки», самонадеянно воображающие, будто они могут спасти народ. В действительности же они способны исключительно на то, чтобы «шепнуть ему: ты бог, ты всесилен! Вырви свой крест и раздави врагов!» [124].

Разве не поразительно, что этот образ всемогущего народа-страдальца и бессильных «мошек» — интеллигентов принадлежит автору теории «критически мыслящих личностей», творцов истории и двигателей прогресса? А между тем приведенное нами высказывание Лаврова не было единственным. Он неоднократно заявлял, что революцию произведет сам народ, а интеллигенция выступит лишь в роли инициатора.

Даже в пору, когда развернулась террористическая борьба, далеко не все революционеры игнорировали народ. Наряду с террористами продолжали существовать и революционеры, сводившие свои задачи к пропаганде революционных идей в народе в целях организации народного восстания. Да, наконец, и среди самих террористов имелось немало людей, веривших в то, что цареубийство поможет вызвать народное восстание.

Как видим, со взглядами народников на роль народа и интеллигенции дело обстояло далеко не так просто, как принято думать. Тем не менее бесспорно и то, что проблема народа в писаниях народников 70-х годов не получила такого точного и правильного разрешения, какое мы находим в работах Чернышевского и Добролюбова.

Возьмем другой вопрос — о философских взглядах народников 70-х годов. Большое распространение в их среде и позитивизма, и агностицизма, и неокантианства несомненно. На точке зрения этих философских концепций

---

[124] П. Л. Лавров. Русской социально-революционной молодежи. Лондон, 1874, стр. 20.

стояло подавляющее большинство народников того времени. Однако это не исключало и существования в их среде людей, продолжавших придерживаться идей материализма, хотя, быть может, и в более вульгарной форме, нежели Чернышевский и его ближайшие сторонники.

Чтобы убедиться в этом, достаточно познакомиться с философскими статьями П. Н. Ткачева, написанными в 70-х годах. Задачей этих статей их автор ставил защиту материалистических традиций 60-х годов и борьбу против вошедших в моду позитивизма и идеализма. К сожалению, современные историки русской философии молчат об этих статьях Ткачева даже тогда, когда пишут о нем [125]. Игнорируют они и философскую позицию М. А. Бакунина на рубеже 60-х и 70-х годов, когда он высказывался за материализм и выступал сторонником атеизма и «антитеологизма», по его выражению [126].

Приведенные примеры показывают, что среди народников 70-х годов, как и в более раннее время, наблюдалось большое разнообразие взглядов и мнений. В частности, были в их среде люди, на мировоззрении которых продолжало явственно сказываться идейное влияние «наследства» 60-х годов. Имелись — особенно на переломе между 60-ми и 70-ми годами — как отдельные народники, так и целые группы их, мировоззрение которых отличалось переходным характером: в нем соединялись черты, заимствованные из наследства 60-х годов, с чертами, характерными для народничества следующего десятилетия. Все это необходимо помнить, дабы не упрощать исторической действительности в угоду предвзятым взглядам и не искажать реальных, весьма сложных, путей развития народнической мысли.

---

[125] Характерно, что автор 26-й главы II тома «Очерков по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР» обходит эти статьи Ткачева полным молчанием. Тем легче ему бездоказательно утверждать, будто Ткачев «третировал материалистическую философию как «метафизику», как «устаревшее» учение» и что он «плелся в хвосте за модными европейскими идеалистическими направлениями» (стр. 408).

[126] Автор указанной в предыдущей сноске главы не знаком с этими работами Бакунина. По его изложению выходит, что Бакунин и под конец жизни продолжал придерживаться идеалистических взглядов, развитых им в 1839 г. в «Предисловии к гимназическим речам Гегеля» (стр. 393).

* * *

Итак, снижение к 70-м годам уровня народнической мысли, отмеченное Лениным, являлось весьма заметным. Чем же объяснялось оно? Какие причины вызвали это снижение?

Эти вопросы не только не разрешены нашей наукой, но даже еще и не поставлены. Для ответа на них необходимо предварительное подробное изучение не только общей исторической обстановки интересующего нас времени, но, в частности, истории русского пореформенного крестьянства, с одной стороны, и истории разночинной интеллигенции — с другой. К сожалению, работами ни по тому, ни по другому вопросу мы до сих пор похвастаться не можем.

Поэтому, не претендуя на разрешение поставленных вопросов, я лишь намечу, в каких направлениях необходимо вести работу, чтобы получить научно обоснованный ответ на них.

Прежде всего надо, по моему мнению, учесть общую историческую обстановку, сложившуюся в России ко времени возникновения и развития народнической идеологии, т. е. в конце 40-х и в 50-х годах прошлого века, и сравнить ее с той, какая существовала к концу 60-х и в 70-х годах.

Народничество возникло в ту пору, когда социально-экономический строй России переживал глубокий кризис. Накапливалось все более признаков приближения грозных катаклизмов, долженствующих потрясти русское государство и общество. Нет нужды подробно говорить о том, насколько производительные силы России для своего дальнейшего развития настоятельно требовали коренного изменения производственных отношений, переделки всей общественной надстройки. Сознание невозможности продолжать жить так, как Россия жила до тех пор, распространялось во всех слоях общества. Даже сторонники существующего порядка начинали понимать необходимость реформ. В стране назревал революционный кризис. Только путем уступок удалось правительству предотвратить его.

Предреволюционная атмосфера, отличавшая Россию того времени, ярко отразилась на современной демократической и революционной литературе и в первую очередь на идейном вожде русской интеллигенции тех лет —

Н. Г. Чернышевском. Колоссальная роль, сыгранная этим человеком в истории умственного развития русского общества, определялась не только его гениальностью, но и обстановкой обостренной классовой борьбы, среди которой проходила его политическая деятельность; эта обстановка позволяла воочию видеть противоречия классовых интересов и способствовала тому, что от сочинений Чернышевского, по выражению Ленина, веяло «духом классовой борьбы» [127]. Этим же духом веяло в той или иной мере и от сочинений его ближайших соратников, в первую очередь Н. А. Добролюбова.

Таким образом, нарастающий революционный кризис был первым условием, способствовавшим бурному расцвету русской политической литературы. Это условие необходимо учесть при объяснении высокого теоретического уровня, достигнутого народниками того времени.

За пылкими надеждами на близость революционного взрыва наступило разочарование. Революционная ситуация, сложившаяся на грани 50-х и 60-х годов, в революцию не переросла. Смерть Добролюбова и арест и осуждение на каторгу Чернышевского лишили революционные круги наиболее выдающихся и авторитетных руководителей. В середине и во второй половине 60-х годов русское общество переживало глубокий идейный кризис. В этих условиях, резко отличавшихся от условий предыдущих лет, формировались новые народнические направления. Естественно, что им казалось необходимым подвергнуть критическому пересмотру идейное наследство, оставленное их предшественниками. При этом пересмотре они и растеряли многие их достижения.

Второе обстоятельство, которое нужно иметь в виду при разрешении интересующих нас вопросов, это — изменения, происшедшие в положении того класса, интересы которого отражало народничество. Русское крестьянство 70-х годов значительно отличалось уже от того, каким оно было в условиях крепостнического общества. В его среде под влиянием проникновения в деревню капиталистических отношений стали образовываться сельская буржуазия и сельский пролетариат. Народники не могли осмыслить самый факт появления их, тем не менее они виде-

---

[127] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 224.

ли его и сознавали неуклонный рост нищеты крестьян, а также и развитие кулачества в его среде. Впрочем, они стали замечать эти явления только в 70-х годах. В середине же предшествующего десятилетия они еще не отдавали себе отчета в них. Почему это происходило, мы поймем, перейдя к следующему моменту, который необходимо учесть для правильного ответа на интересующие нас вопросы.

Этот момент заключается в отношении разночинной интеллигенции к крестьянской проблеме.

В первые годы после реформы 1861 г. для русского общества были еще далеко не ясны результаты отмены крепостного права. В то время как либералы старались доказать, что реформа очень выгодна для крестьян, заядлые крепостники, группировавшиеся вокруг реакционной газеты «Весть», злорадствовали, с торжеством утверждая, что реформа привела к ухудшению участи крестьян, которые будто бы стали пьянствовать и бездельничать после того, как вышли из-под надзора помещиков, заботившихся об их благосостоянии. Демократические круги на первых порах находились в недоумении, так как достоверные сведения о положении деревни после отмены крепостного права еще отсутствовали. Воплям крепостников никто не верил, так как своекорыстные мотивы, продиктовавшие им отрицательную оценку реформы, ни у кого не вызывали сомнений. Еще в 1878 г., когда положение деревни в значительной мере уже выяснилось и в прессе появился ряд материалов, рисующих прогрессирующую нищету крестьянства, Б. Н. Чичерин, полемизируя с А. И. Васильчиковым, разделявшим ряд народнических взглядов, писал: «Те, которые утверждают, что в настоящее время крестьяне беднеют, доказывают только, что крепостное право было для них выгоднее, нежели свобода» [128]. При таких условиях люди, не верившие в то, что реформа 1861 г. способствовала росту благосостояния крестьян, рисковали подвергнуться обвинению в содействии крепостникам.

К этому необходимо добавить широко распространенное в народнических кругах убеждение, что реформа по своим принципам якобы коренным образом отличалась от аналогичных реформ в Западной Европе. Многие народ-

---

[128] В. Герье и Б. Чичерин. Русский дилетантизм и общинное землевладение. М., 1878, стр. 233.

ники придавали громадное значение тому обстоятельству, что уничтожение подневольного крестьянского труда в России не сопровождалось полным обезземелением крестьян. В этом они усматривали счастливую особенность, помогающую стране избежать западных путей исторического развития. Они полагали, что реформа 1861 г. поставила ее в такое положение, при котором «от нас самих», как они выражались, зависит определение своей будущности. «Мы верим, — писал Н. В. Шелгунов в знаменитой прокламации «К молодому поколению», — что призваны внести в историю новое начало, сказать свое слово, а не повторять зады Европы».

Наделение освобождаемых крестьян землей и сохранение общинного владения ею были в глазах многих народников условиями, предотвращающими возникновение в России пролетариата. «Крестьянский вопрос,— писал Н. В. Шелгунов в 1869 г., — конечно, важный вопрос. Но окончательное решение его уже намечено. Против земледельческого пролетариата приняты уже меры»[129]. Отсюда Шелгунов делал вывод, что русскому обществу надлежит обратить внимание в первую очередь и преимущественно не на крестьянский вопрос, а на вопрос о судьбе русского «образованного пролетариата», т. е. той разночинной интеллигенции, которая начинала играть все бóльшую роль в русской общественной жизни, но далеко не всегда находила себе место на жизненном пути.

Такая точка зрения, от которой Шелгунов очень скоро отказался, убедившись в растущем обнищании деревни, объясняет нам, почему, по выражению одного экономиста и статистика, в 60-х годах «аграрный вопрос как бы замолк и отодвинулся на второй план»[130]. В справедливости этого замечания нетрудно убедиться, просматривая периодическую прессу того времени. Вспомним, как мало внимания уделял жизни деревни популярнейший и влиятельнейший демократический журнал тех лет — благосветловское «Русское слово».

---

[129] Н. В. Шелгунов. Сила нужды и бессилие филантропии.— «Дело», 1869, № 2, стр. 8—9. Подчеркнуто мною.— *Б. К.*

[130] В. Частавский. Вопросы русского аграрного устройства.— «Отечественные записки», 1878, № 8, стр. 282.

Голод 1867—1868 гг., принявший довольно большие размеры, явился как бы первым предостережением против наивных иллюзий, относительно пореформенного крестьянского благополучия. Не случайно, что после этого голода появляются первые серьезные работы, в которых был поставлен вопрос о результатах реформы 1861 г. и о положении крестьянства. Мы имеем в виду книгу Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России» и печатавшиеся в «Отечественных записках» статьи Скалдина, наблюдавшего крестьянство в голодавшей Смоленской губернии. В 1870 г. эти статьи вышли отдельной книгой под названием «В захолустье и в столице».

Вспоминая впоследствии о работе над своеи книгой, Флеровский писал: «Я убеждался, что Россия — страна повального пауперизма, что выгоды, доставляемые народу общинным владением землею и самостоятельным хозяйством. вполне уничтожаются тем грязным телом и тем невежеством, в котором он держится»[131]. Что же касается умереннейшего либерала Скалдина[132], то он, конечно, не формулировал своих выводов с такой резкостью, как Флеровский, но тем не менее был вынужден признать, что «гражданская свобода куплена крестьянами слишком дорогой ценой», что «большинство крестьян... находится в безвыходной зависимости от помещиков» и что, наконец, налоговый пресс, давящий на русских крестьян, непомерно тяжел[133].

Как ни доказательны были картины, нарисованные Флеровским и Скалдиным, они убедили далеко не всех. Весьма характерно, что «Отечественные записки» в статье, посвященной книге Флеровского, высказывали мнение, что ее автор «вдается в преувеличения, делает картину темнее, чем она есть, для того, чтобы заставить читателя так же горячо относиться к делу рабочих, как относится

---

[131] Н. Флеровский. Три политические системы (Воспоминания). Лондон, 1897, стр. 260.

[132] По непонятным причинам Б. С. Мейлах зачислил Скалдина на определенный период в ряды «просветителей-демократов». См. его книгу «Ленин и проблемы русской литературы конца XIX — начала XX в.», М.— Л., 1951, стр. 82. Никаких оснований для такой характеристики Скалдина нет.

[133] Скалдин. В захолустье и в столице. СПб., 1870, стр. 18, 88 и сл., 243.

он сам, и вообще вызвать к нему внимание общества»[134]. Таким образом, авторитетнейший народнический орган был склонен обвинять Флеровского в сознательном сгущении красок: настолько этот журнал был далек еще от правильной оценки происходящего в деревне.

Другой же народнический орган того времени — «Неделя» — открыто заявлял о невозможности по отсутствию достаточно проверенных данных судить, улучшилось или ухудшилось положение крестьянского хозяйства после 1861 г.: «Мы не имеем совершенно никаких сравнительных данных для того, чтобы решить этот вопрос»[135].

Такое отношение к крестьянскому вопросу не могло продержаться сколько-нибудь продолжительное время. Русская действительность скоро показала, насколько беспочвенно было мнение, что крестьянский вопрос в России близок к благополучному разрешению, и что те нищенские наделы, которые получили «освобожденные» крестьяне, гарантируют их от пролетаризации. Со всех концов России, из самых различных в климатическом и почвенном отношениях местностей доносились жалобы на недороды, недостаток запасов, обеднение крестьян и невыносимую тяжесть возложенных на них налогов и повинностей. Даже правительство было вынуждено обратить внимание на эти жалобы и учредить специальную комиссию под председательством П. А. Валуева для обследования положения сельского хозяйства в России. Практического значения работа этой комиссии не имела, но ею было проведено широкое анкетное обследование, давшее много ценных сведений. Комиссия констатировала, что крестьянское хозяйство после отмены крепостного права «в большинстве местностей или осталось в прежнем положении, или значительно ухудшилось», что «общая сумма всех сборов и платежей, падающих на крестьян», только в исключительно благоприятных случаях «может покрываться доходами с земельного надела без посторонних заработков» и что «земля и земледельческий труд... во многих местах

---

[134] «Отчего трудно поправляться нашему рабочему?» — «Отечественные записки», 1870, № 4, стр. 502. Автор этой статьи до сих пор не выяснен.

[135] «Реформы и русское общество».— Сборник «Недели». «Наши общественные вопросы». СПб., 1872, стр. 5. Автор статьи неизвестен. Вернее всего, она носит редакционный характер.

перестали быть источником дохода и становятся в тягость»[136].

Непомерную тяжесть платежей, лежавших на крестьянах, признала и другая правительственная комиссия того времени, разрабатывавшая вопрос о реформе податной системы. Из 238 уездов, ответивших на запрос этой комиссии, только семь заявили об удовлетворительности материальных средств сельского населения, все же прочие указывали на несоразмерность существующих сборов со средствами плательщиков или на недостаточность доходов с земли для уплаты сборов, падающих на крестьян[137].

Яркое доказательство тяжелого положения, сложившегося в деревне, принес 1873 год. После трех подряд неурожайных лет черноземную Самарскую губернию, считавшуюся одной из житниц страны, в этом году постиг ужасный голод. Очень серьезно, хотя и в меньшей степени, пострадали от него также Оренбургская и Уфимская губернии, земля Войска Донского и отчасти ряд других губерний. Люди, хорошо знакомые с местностями, пострадавшими от голода, указывали, что он был вызван рядом сложных экономических причин, обусловливавших ненормальное положение крестьянского хозяйства[138].

Голод 1873 г. пробудил в русском обществе повышенный интерес к положению деревни. Об этом можно судить по прессе того времени. Особенно большое внимание уделяли положению деревни «Отечественные записки». Почти в каждом номере журнала можно было найти статьи по крестьянскому вопросу.

При таких условиях вера в антибуржуазные свойства реформы 1861 г. пошатнулась. Об этом можно судить по № 1 «Земли и воли», вышедшему в октябре 1878 г. Здесь была помещена статья Д. А. Клеменца «По поводу подвигов прессы», автор которой писал: «Может быть, в головах составителей положения 19 февраля идея освобождения мужиков с наделом не имела ничего буржуазного, но на

---

[136] «Доклад высочайше утвержденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России». СПб., 1873, стр. 7, 35—36, 46.

[137] А. И. Васильчиков. Землевладение и земледелие, т. II. СПб., 1876, стр. 658.

[138] С..., о—М..., (Д. Л. Мордовцев). Действительные причины самарского голода.— «Отечественные записки», 1874, № 4, стр. 367.

практике, в приложении к жизни, она послужила главным образом развитию буржуазного порядка вещей»[139]. Другой видный представитель народничества 70-х годов — Ип. Мышкин в своей речи на суде по процессу 193-х говорил о том, что «с 19 февраля 1861 года начинается развитие капиталистического производства с его неизбежным спутником — борьбою между капиталом и трудом»[140].

Существовали в то время и другие народники, аналогичным образом оценивавшие реформу 1861 г. Однако таких было сравнительно немного. Большинство продолжало рассматривать реформу 1861 г. как гарантию от проникновения капитализма, как утверждение «народного производства» в России. Легальная народническая пресса еще долгое время носилась с этой идеей. Да и в революционной среде имелось немало «оптимистов», не желавших считаться с фактами. Так, например, один из руководителей «Народной воли», А. Д. Михайлов, до конца дней своих сохранил наивную веру в то, что общинное владение землей «обеспечивает каждому взрослому члену общины такое количество земли, какое он может обработать»[141].

Поразительно, что эти слова были написаны после опыта «хождения в народ», после появления в свет очерков Гл. Успенского, показавших, что общинные порядки отнюдь не гарантируют членам общины минимума средств, необходимых для поддержания жизни, после опубликования ряда статистических сводок и отчетов, цифрами подтвердивших скептические выводы Успенского.

Итак, идейный разброд середины 60-х годов, отсутствие достоверных сведений о положении крестьянства, вера в антибуржуазные свойства реформы 1861 г.,— все это, взятое в целом, создавало почву, благоприятную для отхода от достижений революционной мысли 60-х годов, а затем и для вырождения народничества в мещанский оппортунизм.

---

139 «Революционная журналистика семидесятых годов», стр. 93. Подчеркнуто мною.— *Б. К.*

140 «Государственные преступления в России», под ред. В. Базилевского (В. Богучарского). СПб., б. г., т. III, стр. 275.

141 А. П. Прибылева-Корба и В. Н. Фигнер. Народоволец А. Д. Михайлов. М.— Л., 1925, стр. 106.

* * *

При сравнении народников 70-х годов с их предшественниками необходимо отметить не только снижение идейного уровня первых, но и положительную сторону их деятельности, выразившуюся в широком развертывании революционной работы. Здесь они в значительной мере превосходили революционеров времени первой революционной ситуации. Об этом можно судить и по количеству участников революционного движения 70-х годов, и по числу кружков и организаций, созданных ими. В течение 70-х годов в революционное движение влилось немало деятелей, имена которых пользовались и пользуются до сих пор заслуженным уважением. Среди них были люди, в течение десятилетий твердо стоявшие на революционном посту. Преданность их делу освобождения страны стоит вне всяких сомнений, каковы бы ни были их ошибки в теоретическом отношении.

В 60-х годах пропаганда революционеров была явлением сравнительно редким, спорадическим, в большинстве случаев не оставившим после себя никаких сколько-нибудь заметных следов. В 70-х годах работа революционеров в крестьянской и особенно рабочей среде принимает большие масштабы и становится гораздо организованнее и систематичнее.

Несмотря на то, что народники приходили в организуемые ими рабочие кружки с глубоко ошибочными взглядами на пути, ведущие к победе революции, хотя они были очень далеки от правильного понимания значения революционной работы среди рабочих, так как не сознавали исторической роли рабочего класса как могильщика капиталистического строя, хотя они подходили к рабочим преимущественно — если не исключительно — с точки зрения пользы, которую последние могли, по расчетам пропагандистов, принести основной задаче, которую ставили перед собой революционеры того времени,— организации массового крестьянского восстания, тем не менее их работа в пролетарской среде имела большое историческое значение. Она поднимала идейный уровень затронутых пропагандой рабочих, втягивала в революционную борьбу сотни людей, ранее к ней не причастных, превращала этих людей в вожаков рабочей массы, вносивших элементы сознательности

в стихийное стачечное движение. Если в 70-х годах в России возникли первые рабочие организации, противопоставлявшие себя интеллигентским народническим кружкам и объединениям и признававшие, в отличие от последних, необходимость борьбы за политические свободы, если они, таким образом, сделали большой шаг вперед по сравнению с народниками того времени, то и это в известной мере явилось следствием революционной пропаганды, которая с начала 70-х годов велась революционерами интеллигентами, знакомившими рабочих с учением К. Маркса, деятельностью I Интернационала и героической борьбой Парижской коммуны, хотя они и не были в состоянии дать вполне правильное объяснение этих знаменательных исторических явлений.

Все это было большой заслугой народников-пропагандистов того времени, и все это необходимо помнить и учитывать при подведении итогов их революционной деятельности.

Относительно же пропаганды среди крестьян этого сказать нельзя. С энтузиазмом и с горячей верой в близость народного восстания двинулись революционеры-интеллигенты в деревню. В 1874 г. «хождение в народ» приняло массовый характер. В общем оно оказалось бесплодным. Пропагандистам не удалось не только вызвать народное восстание или сформировать из крестьян боевые, революционные дружины, но даже наладить сколько-нибудь прочные связи в крестьянской массе. Деревня оказалась совсем не такой, какой представляли ее себе народники.

Народники-пропагандисты не могли понять причины постигшей их неудачи: им мешала их предвзятая теория, освободиться от которой они не имели сил. Нельзя сказать, чтобы они не вынесли из своего «хождения в народ» никаких уроков. Однако эти уроки свидетельствовали, что они, как и прежде, были далеки от правильного представления о происходящем в деревне.

Прежде всего их поразила подозрительность, с которой встретили крестьяне пришельцев и которая объяснялась тем, что, отправляясь в деревню, пропагандисты сочли нужным переодеться в батраков и чернорабочих, рассчитывая таким путем легче завоевать доверие крестьян. Однако их расчеты не оправдались. «Мы,— вспоминал впо-

следствии один пропагандист,— были в глазах крестьян «непевны люди», т. е. люди, на честность которых они не решались положиться... Наши крестьяне сами бедны, но к бедным захожим людям относятся весьма подозрительно». По словам того же пропагандиста, ходившего по Украине, крестьяне или отказывали ему и его товарищам в ночлеге, или, если пускали на ночь, то внимательно следили за ним, опасаясь ограбления [142]. И в других местностях отношение к бродячим пропагандистам было аналогичным.

Какой же вывод сделали пропагандисты из этого поразившего их факта? Видный народник 70-х годов О. В. Аптекман формулировал его в следующих выражениях: «Безусловно отрицалось положение бездомного батрака, ибо оно никоим образом не могло внушить уважения и доверия крестьянству, привыкшему почитать материальную личную самостоятельность, домовитость и хозяйственность. А потому настоятельной необходимостью считалось занять такое положение, в котором революционеру при полной материальной самостоятельности открывалась бы широкая возможность прийти в наибольшее соприкосновение с жителями данной местности, входить в их интересы и пользоваться влиянием на их общественные дела» [143].

Сообразно с этим изменилась и ориентация пропагандистов. Если раньше их расчеты строились главным образом на беднейшей части крестьянства, то теперь их внимание было направлено преимущественно на его средние слои. Видный революционный деятель второй половины 70-х годов А. Д. Михайлов писал: «Более всего он (народник.— *Б. К.*) мог рассчитывать на крестьян средней зажиточности, как на людей, сохранивших свою экономическую самостоятельность и не имеющих пороков мироедов» [144].

Другое наблюдение, вынесенное пропагандистами из деревни, имело еще большее значение и шло совершенно вразрез с обычными для народнических кругов представлениями о мужике как о социалисте по инстинкту. Оказа-

---

[142] В. Дебагорий-Мокриевич. От бунтарства к терроризму, кн. 1. М., 1930, стр. 174—175, 259; ср. аналогичные факты в воспоминаниях А. О. Лукашевича («В народ!» — «Былое», 1907, № 3).

[143] О. В. Аптекман. Общество «Земля и воля» 70-х годов. Пг., 1924, стр. 259.

[144] А. П. Прибылева-Корба и В. Н. Фигнер. Указ. соч., стр. 145.

лось, что крестьяне невосприимчивы к пропаганде социализма.

Один опытный и умелый пропагандист, по словам Г. В. Плеханова, вспоминая о «хождении в народ», говорил: «Легче восстановить крестьянина против царя, чем убедить его в том, что не надо частной собственности». «Подобных рассказов,— пишет Плеханов,— можно было тогда услышать от всякого бывалого пропагандиста великое множество» [145].

Подводя итоги своей работы в деревне, Аптекман отмечал, что крестьяне, очень живо и сочувственно реагировавшие на рассказы пропагандиста о произволе администрации, притеснениях со стороны помещиков, о тягости податей и т. п., совершенно иначе относились к пропаганде социалистических идей: «Не то, чтобы его не хотели слушать («Пошто не послухать!»),— а слушали, как обыкновенно слушают занятную сказку: «не любо — не слушай, а лгать не мешай!». «Для меня стало ясно,— добавляет Аптекман,— что на пропаганде социализма в народе мы далеко не уедем» [146].

Программа тайного общества «Земля и воля», о которой мы уже говорили, служит доказательством того, что такой вывод был сделан не одним Аптекманом, а очень многими его товарищами по «хождению в народ». Эта программа фактически сводилась к отказу от пропаганды социализма во имя агитации на почве повседневных насущных нужд и требований крестьян. «Строй коллективного пользования орудиями труда,— писал А. Д. Михайлов, поясняя значение землевольческой программы,— у нас в

---

[145] Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIV, стр. 101. Интересный в этом отношении факт рассказывает О. В. Аптекман в своих воспоминаниях. «Хороший, честный, толковый крестьянин» Марк Богданов очень близко сошелся с автором воспоминаний. Однажды Аптекман прочитал ему внутреннее обозрение из «Отечественных записок», в котором описывалось, как кулаки сосут кровь из крестьян. Его слушатель сначала нахмурился, а затем разразился негодующей тирадой: «Неправда все это, что тут у вас прописано!.. Неправда! Все это господа... Верно вам говорю!.. Все это они!.. Завидно им, что мужик на поправку пошел, ну и выдумывают про него». «Глубокою ненавистью дышали его слова. Он не говорил, а скрежетал зубами»,— добавляет Аптекман, рассказав об этом эпизоде (О. В. Аптекман. Указ. соч., стр. 154).

[146] О. В. Аптекман. Указ. соч., стр. 178—179. Подчеркнуто мною.— *Б. К.*

России — пока только отдаленный идеал и в этом смысле должен входить в программу»[147].

Наконец, третий урок, вынесенный пропагандистами из «хождения в народ», заключался в том, что так называемая «летучая пропаганда», т. е. пропаганда странствующих по деревням и беседующих с случайно встреченными крестьянами революционеров, не приводит ни к каким результатам. «Предыдущий опыт нас научил,— рассказывает Аптекман,— что кочевая, летучая форма революционной деятельности в народе, пропагандистская или агитационная — все равно, не достигает своей цели, а потому ее надо совсем оставить. Наша предстоящая работа в народе обязательно требует, чтобы мы, наоборот, солидно утвердились в деревне, крепко засели в ней. Это привело к устройству революционных «поселений» в народе»[148].

Придя к такому выводу, революционеры решили, что пропагандистам необходимо поселиться в деревне на продолжительное время, приобрести уважение со стороны местных крестьян, завоевать их доверие и заставить считаться со своим мнением. Другими словами, пропагандист должен стать своим человеком в той местности, где он поселился, или, говоря словами А. А. Квятковского, «гражданином этой местности»[149].

Таковы были уроки, вынесенные революционерами 70-х годов из ознакомления с деревней. Надо признать, что фактическая сторона дела была усвоена ими правильно. Но значит ли это, что они вполне поняли смысл и значение отмеченных ими фактов? Отнюдь нет. Основное осталось недоступным для них.

Выясняя причину неудачи, постигшую пропагандистов, ходивших в народ с целью поднять крестьянское восстание, В. И. Ленин писал: «...она (эта попытка.— *Б. К.*) исходила из ошибочного представления, будто именно «крестьянство» является представителем трудящегося и эксплуатируемого населения, тогда как на самом деле крестьянство не представляет из себя особого класса

---

[147] А. П. Прибылева-Корба и В. Н. Фигнер. Указ соч., стр. 156.

[148] О. В. Аптекман. Указ. соч., стр. 258; ср. В. Дебагорий-Мокриевич. Воспоминания. 3-е изд., СПб., б. г., стр. 202.

[149] См. его записку — «Красный архив», т. XIV, стр. 164.

(— иллюзия, объяснимая разве только отраженным влиянием эпохи падения крепостного права, когда крестьянство действительно выступало как *класс*, но только как класс крепостнического общества), так как внутри его самого складываются классы буржуазии и пролетариата»[150].

Основная ошибка народнической теории, помешавшая им до конца разобраться в уроках «хождения в народ», сводилась к противопоставлению общины и капитализма как явлений антагонистичных, взаимно друг друга исключающих. Народники не понимали того, что «строй экономических отношений в «общинной» деревне отнюдь не представляет из себя особого уклада («народного производства» и т. п.), а обыкновенный мелкобуржуазный уклад»[151]. Поэтому не могли они понять и того, что изложенные выше факты, с которыми они познакомились в деревне, свидетельствовали, что вопреки их теории, «русское общинное крестьянство — не антагонист капитализма, а, напротив, самая глубокая и самая прочная основа его». Они не поняли, что отмеченные ими факты обнаруживали «постоянное образование элементов капитализма внутри самой «общины»»[152].

Таких выводов из своей практики в деревне народники не сделали и не могли сделать по самой природе своего мировоззрения. От «хождения в народ» их вера в «общину» и в то, что русский крестьянин — прирожденный коммунист, нисколько не пострадала. Как и прежде, они продолжали рассматривать общинный строй как важнейшую и надежнейшую гарантию от повторения Россией пути развития западноевропейских стран.

Мало того, наивысшее развитие идеализации деревни и ее «устоев» относится как раз ко времени, последовавшему за «хождением в народ» 1874 г. Так мало народническая теория считалась с опытом и практикой.

* * *

Переход от бродячей пропаганды к поселениям, организуемым на более или менее длительный срок, и отказ от пропаганды социалистических идей во имя агитации на

---

150 В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 261.
151 В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 141.
152 Там же.

почве непосредственных нужд крестьянства — таковы были практические выводы, сделанные народниками из опыта 1874 г. Выбрав для поселения какую-нибудь местность, предпочтительно такую, где, как казалось, еще сохранялись традиции крестьянского протеста, революционеры селились в ней, заводя различные мастерские, лавочки, мельницы и т. п. или занимая должности волостных писарей, учителей, фельдшеров и пр., и начинали «завоевывать доверие» местного населения. Для этого, а также для обеспечения от разгрома со стороны полиции, поселенцам приходилось соблюдать строжайшую осторожность, придерживаться на первых порах легальной почвы и не сразу приступать к выполнению тех революционных задач, ради которых устраивалось поселение, т. е. к попыткам подготовки народного восстания.

Пропагандисты должны были изучать местность, в которой они поселились, знакомиться с ее населением, с его нуждами и стремлениями, возбуждать протест против существующих порядков и вызывать недовольство народа по отношению к помещикам и властям. Они ставили своей задачей заводить связи «со всеми протестующими элементами народа», выискивать в их среде «революционеров-самородков», которые были бы способны сыграть роль «народных вожаков», и, наконец, организовать «дружины боевого характера». Такова была программа их деятельности[153].

Практика землевольческих поселений оказалась весьма далекой от этой программы. Их участники не только не организовали боевых дружин, но и не пытались даже создавать их. В целях укрепления своего положения в деревне и считаясь с полицейским надзором за всем происходящим в деревнях, они сознательно воздерживались от какой бы то ни было революционной работы, ограничиваясь посильным участием в текущей крестьянской жизни и в делах деревни.

А. А. Квятковский был вполне прав, когда в записке, которую мы уже цитировали, утверждал, что ни в одном из поселений, открытых и разгромленных правительством, властям не удалось при следствии обнаружить «ничего преступного, противозаконного, исключая проживания под

---

[153] А. П. Прибылева-Корба и В. Н. Фигнер. Указ. соч., стр. 108.

фиктивными паспортами»[154]. Достаточно познакомиться с воспоминаниями пропагандистов того времени — В. Н. Фигнер, А. И. Иванчина-Писарева и др., чтобы убедиться что деятельность, не выходившая из рамок легальности, настолько увлекла их сама по себе, что никакой работы революционного характера они уже не вели.

Л. Тихомиров был далек от преувеличения, когда в своих воспоминаниях писал: «Лица, живущие в народе,— в виде учителей, волостных писарей и т. п., становились все менее революционны. Чем более они обживались и сходились с мужиками, тем менее думали о бунте и тем более вдавались в мысль о легальной защите интересов мужика... «Деревенщик» имел уже даже немного странные провинциальные манеры, не интересовался никакими мировыми событиями, толковал о каких-то мелочах народной жизни»[155]. Недаром будущие народовольцы в спорах с «деревенщиками» ссылались на то, что пропагандисты, прожившие более или менее продолжительное время в деревне, перестают быть революционерами. Вот те явления, на фоне которых становится понятным, почему убежденный деревенщик А. К. Соловьев в 1879 г. бросает деревенское поселение, в котором он принимал участие, отправляется в Петербург и, несмотря на протесты ряда знакомых ему революционеров, стреляет в царя. Только глубокое разочарование в продуктивности дальнейшей работы среди крестьян могло вызвать в нем решимость пойти на попытку цареубийства. Об этом же разочаровании в своих силах и в возможности вызвать народное восстание свидетельствует стихотворение, написанное одним молодым пропагандистом, работавшим в революционных поселениях на Украине. Вот оно:

В народе мы сидим,
Дела великие творим:
Пьем, спим, едим
И о крестьянах говорим,
Что не мешает их посечь,
Чтоб в революцию вовлечь.

---

154 «Красный архив», т. XIV, стр. 165

155 «Из архива Л. Тихомирова».—«Красный архив», т. VI, стр. 160.

Приведя это стихотворение и правильно характеризуя его, В. И. Засулич писала, что «это злая сатира на самих себя, на то «мы», которое «сидело в народе» и к которому принадлежал и сам «народник», сочинивший стихи» [156]. Это стихотворение служит доказательством глубокого кризиса, который переживало в те годы революционное народничество. Если некоторая часть народников по-прежнему высказывалась за необходимость продолжать работу в деревне, то сторонников такой точки зрения было сравнительно немного, созданная ими организация оказалась весьма непрочной и нежизнеспособной. Однако революционеров, стоявших на такой точке зрения, было меньшинство. Большинство же полностью разочаровалось в возможности поднять народ на восстание, убедившись, что в лучшем случае на это необходимо употребить гораздо более времени, сил и средств, чем те, которыми располагали революционеры. В этом отношении крайне характерно предсмертное письмо к товарищам по работе, которое написал осужденный на смертную казнь Валериан Осинский. Он призывал оставшихся на свободе товарищей направить свою деятельность исключительно «в одну сторону», т. е. на политический террор, так как, по его словам, «ни за что более... партия физически не может взяться». Это предсмертное завещание Осинского было напечатано в 1879 г. в № 6 «Листка Земли и воли» [157].

Вспомним и о том, что видный участник пропаганды в народе А. И. Иванчин-Писарев писал на страницах «Народной воли» о наступившем охлаждении революционной молодежи к «хождению в народ» вследствие его безрезультатности. Любопытно, что в качестве причины этой безрезультатности Иванчин-Писарев указывал на расслоение крестьянства. «Современный «мир» деревни,— писал он,— расколот на три части: людей наживы, массу забитых, трусливых с вечным вопросом на устах: «а ответа не будет?» и незначительной доли политически-мыслящих личностей, сторонящихся от общественных дел поневоле и отчасти по трусости. Искать в таком «миру» солидарности, готовности постоять за себя — напрасный труд; «разве присогласишь нас!» — сам мужик

---

[156] В. Засулич. Письмо в редакцию.— «Свободная Россия», 1889, № 3, стр. 23.

[157] «Революционная журналистика семидесятых годов», стр. 305.

говорит это!..»[158]. В передовой статье первого номера «Народной воли», имевшей программный характер, констатировалось, что пора перестать бесплодно тратить силы на работу в деревне, на то, чтобы «биться около народа, как рыба об лед»; ведь из-за этого «потребляется бесполезно $^{99}/_{100}$ наших сил»[159].

Таким образом, переход революционеров 70-х годов от пропаганды к террору был вызван не только преследованиями со стороны правительства, но и разочарованием в революционной работе среди крестьян.

На какие же результаты рассчитывали народовольцы, начиная систематическую террористическую борьбу против правительства и, в частности, сосредоточив все силы партии на подготовке и осуществлении цареубийства? На этот счет в рядах народовольцев полного единодушия не было. Одни из них полагали, что террористическая борьба окажет такое сильное впечатление на народные массы, что ускорит народное восстание. Другие мечтали, что террор, дезорганизовав правительство, облегчит захват власти революционерами. Наконец, были в рядах народовольцев и люди, надеявшиеся, что перепуганное правительство пойдет на уступки и даже, может быть, полностью капитулирует.

В принципе террористическая борьба не исключала необходимости готовиться к восстанию. Об этом в программном документе, носившем название «Подготовительная работа партии», говорилось совершенно ясно[160]. Однако на практике подготовка цареубийства потребовала от народовольцев такого напряжения, что ни на что другое у них не оставалось сил. Не считая пропаганды среди рабочих и офицерства, никакой другой революционной работы пропагандистского характера «Народная воля» не вела.

Если в «Программе» Исполнительного комитета «Народной воли», составленной в 1879 г., еще упоминалось о необходимости обратить серьезное внимание на народ в целях «приобрести себе сознательных сторонников в наиболее выдающейся части крестьянства»[161], то в «Подготовительной работе партии» (1880 г.) прямо говорилось о не-

[158] «Литература партии «Народная воля»», М., 1930, стр. 6, 114.
[159] Там же, стр. 4.
[160] Там же, стр. 305.
[161] Там же, стр. 51.

целесообразности ведения «массовой пропаганды» и рекомендовалось ограничиваться лишь тем, чтобы «сходиться с лучшими из крестьян, обращая их по возможности в сознательных сторонников партии». Публикуя в 1882 г. этот документ в «Календаре Народной воли», редакция календаря сопроводила то место, где говорилось об отношении партии к народу, оговоркой, что речь шла исключительно о привлечении в организацию отдельных лиц из крестьянства. «Но что касается организации в настоящее время в массе крестьянства, то она признавалась... совершенной фантазией»[162].

Итак, пропаганда в деревне была сознательно и преднамеренно снята с повестки дня. Она оставалась в планах и предположениях другой революционной народнической организации того времени — «Черного передела», созданного упорными «деревенщиками», рассматривавшими отказ от работы среди крестьян как измену революционному делу. Чернопередельцы продолжали провозглашать «ближайшей задачей» революционеров по-прежнему организацию «народно-боевой партии». «Революционная партия, которая отказалась бы теперь от народа, стала бы партиею застоя и реакции»,— писал в № 1 «Черного передела» О. В. Аптекман по адресу народовольцев[163].

Казалось бы, это заявление, выраженное в столь категорической форме, обязывало чернопередельцев обратить особое внимание на деревню. В действительности же никакой серьезной работы ими там не велось. В этом отношении они мало чем отличались от народовольцев. У последних было хотя бы то оправдание, что они бросили все свои силы на работу иного характера. Бездействие же чернопередельцев служит лишним доказательством того тупика, в который зашло народничество. Этим и объяснялся отход от «Черного передела» многих (и притом лучших и наиболее активных) членов частью в «Народную волю», частью к марксизму. Тех же, кто продолжал оставаться в «Черном переделе», ждала весьма печальная участь: они скоро полностью отошли от революционного движения, ликвидировав свою организацию.

---

162 «Литература партии «Народная воля»», М., 1930, стр. 307. Подчеркнуто мною.— *Б. К.*

163 «Черный передел», орган социалистов-федералистов 1880—1881 гг. М.— Пг., 1923, стр. 141.

1 марта 1881 г. народовольцам удалось добиться своей цели: Александр II, наконец, был убит. К чему же привел этот террористический акт?

Народного восстания не произошло. Недостаток сил не позволил народовольцам даже и думать о попытке захвата власти. Правительство не только не пошло на уступки, но стало проводить более реакционную политику, чем ранее. «Либерально» настроенные министры во главе с Лорис-Меликовым были заменены неприкрашенными реакционерами. Жандармы усилили свою розыскную деятельность, в результате чего Исполнительный комитет «Народной воли» перестал существовать. Большинство его членов было арестовано и отправлено на виселицу или на каторгу; немногим удалось спастись бегством за границу.

Разгромом центра партии «Народной воле» был нанесен такой удар, от которого она не могла уже оправиться. Правда, оставшиеся на свободе члены в 80-х годах делали неоднократные попытки восстановить Исполнительный комитет партии, но все их усилия успеха не имели. Было бы, однако, неправильно утверждать на этом основании, что после 1 марта 1881 г. партия «Народная воля» полностью перестала существовать. Периферия уцелела. Несмотря на ряд провалов, в провинции продолжали существовать многочисленные кружки народовольцев. Мало того, число членов партии даже выросло, ее организации существовали почти в каждом крупном городе, продолжая вести и пропагандистскую работу среди интеллигенции, рабочих и в войсках. Однако делалось все это по собственному почину, без единого общего плана, какого бы то ни было руководства со стороны центра. Порой народовольцам удавалось даже возобновить выход центрального органа партии — «Народной воли». Он издавался регулярно до февраля 1882 г., когда вышел его двойной номер — № 8-9. В 1883 г. появилось два номера «Листка Народной воли», в сентябре 1884 г. Герману Лопатину удалось издать № 10 «Народной воли», а в октябре 1884 г. появился последний ее номер (№ 11-12), редактировавшийся В. Г. Богоразом и др. Наконец, в ноябре 1886 г. вышел № 3 и последний «Листка Народной воли», а в декабре того же года — № 5 и последний заграничного органа партии — «Вестника Народной воли», выходившего с 1883 г.

Таким образом, к середине 80-х годов работа народовольцев все более и более ослабевала. Если народовольческие кружки и продолжали существовать, то совершенно изолированно друг от друга. Некоторые из них вели работу до середины 90-х годов, но они уже были не в состоянии вдохнуть жизнь в труп прежней «Народной воли» — ее эпоха ушла в прошлое.

* * *

Для 80-х и первой половины 90-х годов характерно не только ослабление и постепенное замирание революционной народнической работы, но и отход продолжавших существовать кружков от первоначальных программных народнических установок частью в сторону либерализма, частью же к марксизму. Это тоже являлось одним из признаков назревавшего кризиса революционного народничества.

В качестве примера влияния в 80-х годах на народников идей марксизма можно сослаться на программу «Террористической фракции партии «Народная воля»», написанную в 1887 г. А. И. Ульяновым. Придавая большое значение террористической борьбе в расчете на то, что она «поднимает революционный дух народа», автор программы в то же время подчеркивал, что разногласия, существующие между народовольцами и социал-демократами, на его взгляд, «очень несущественны» и имеют лишь «теоретический характер». На практике же и те и другие якобы «действуют во имя одних и тех же идеалов и одними и теми же средствами» [164].

Влияние марксизма сказывалось и в том, что многие революционеры, начиная свой политический путь в народнических организациях, позднее разочаровывались в народничестве и переходили в лагерь социал-демократии.

Не менее значительно было влияние на народников и либеральных идей; оно выразилось прежде всего в стремлении отодвинуть на далекое и неопределенное будущее вопрос о социалистическом преобразовании России, поставив на первый план политическое ее освобождение как наиболее неотложную задачу, стоящую перед страной.

---

[164] «Первое марта 1887 г. Дело П. Шевырёва, А. Ульянова и др.», М.— Л., 1927, стр. 377, 378.

Еще в 1883 г. во втором номере «Листка Народной воли» известный публицист-народник С. Н. Кривенко, обращаясь к либералам, писал: «Теперь ближайшая цель у нас одна и та же» [165]. Стремление к сближению с либералами проявлялось и среди других революционеров, считавших необходимым сузить задачи, стоящие перед революционными народниками; при этом оно проявлялось не только внутри России, но и за границей, в эмиграции. Так, «Свобода», издававшаяся в 1888 г. бывшим «набатовцем» М. Турским и бывшим народовольцем Коганом-Княжниным, считала, что очередная задача революционеров — это «эмансипация страны от гибельного для России абсолютизма» [166]. «С ним России грозит политическая смерть,— писали издатели «Свободы».— Без него Россия, свободная, мощная, заживет полною, здоровою жизнью» [167]. На аналогичной точке зрения стоял и другой эмигрантский журнал «Свободная Россия»,— издававшийся В. Л. Бурцевым и известным революционным народником 70-х годов В. К. Дебагорием-Мокриевичем. «Свободная Россия» объявляла политическую свободу основной задачей русских революционеров. Экономические же преобразования она находила целесообразным осуществлять только после завоевания политической свободы. В передовой статье № 1 «Свободной России» мы читаем: «Теперь в России нет и не может быть никаких иных задач, кроме чисто политических. Поэтому необходимо «бить» все время в одну точку». И далее: «Пора, давно пора бросить нам делиться... на «либералов» и «революционеров»; теперь мы все либералы, теперь мы все революционеры, и никто не имеет права отказываться от долга и чести быть либералом и революционером» [168].

Если ранее люди, разуверившиеся в возможности народного восстания, тем не менее считали необходимым в программных документах указывать на него как на один из мыслимых вариантов разрешения насущных вопросов, стоявших перед страной, то во второй половине 80-х годов появились люди, которые уже открыто заявляли о своем неверии в народную революцию.

---

165 «Литература партии «Народная воля»», стр. 205.
166 «Свобода», 1888, № 3, стр. 1.
167 Там же, № 5, стр. 2.
168 «Свободная Россия», 1889, № 1, стр. 1—2.

В 1887 г. в Москве сорганизовалась народническая группа, именовавшая себя «Социально-революционной партией» или «социалистами-федералистами» и издававшая нелегальный журнал «Самоуправление». В № 1 этого журнала его издатели заявляли, что добиться политической свободы они рассчитывают «путем, избранным уже людьми 1 марта», т. е. террором, который, как они надеются, приведет правительство к капитуляции. «Из путей, ведущих к... свободе,— писали они,— путь народной революции мы считаем едва ли пригодным. Невозможно основывать никаких прочных надежд на таком стихийном явлении, как подобная революция, ни момент наступления, ни исход которой, к тому же, и предсказать нельзя». Ни о каких экономических преобразованиях в «Самоуправлении» и речи нет. В этом отношении оно вполне сходилось с теми эмигрантскими журналами, о которых мы говорили выше.

Итак, революционно-народнические организации продолжали существовать в России и в 80-х годах и во второй половине 90-х годов. На это обстоятельство необходимо обратить особое внимание, потому что в нашей литературе нередко можно встретить утверждение, будто народничество, бывшее революционным в 60—70-х годах, в 80—90-х сплошь превратилось в либеральное и что все народники этого периода «по существу отказались от всякой революционной борьбы с царским правительством. Они проповедовали примирение, соглашение с царским правительством, возлагая теперь на него все надежды по осуществлению своей реакционной программы» [169]. После того, что сказано выше относительно революционного народничества 80-х и первой половины 90-х годов, нет необходимости опровергать взгляд, выраженный в приведенной нами цитате. Мы видели, что и в эти годы наряду с либеральными народниками существовали народники, не примирившиеся с существующим строем, отстаивавшие необходимость продолжения революционной борьбы против него. Однако для правильной оценки народнического движения конца второго этапа освободительного движения в России необходимо не упускать из виду два существенных обстоятельства. Во-первых, как мы уже говорили, революцион-

---

[169] «Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР», т. II, стр. 388—389.

ная часть народников не играла в это время той ведущей роли, которая по праву принадлежала ей в 60-х и 70-х годах; наоборот, ее значение резко снизилось, тогда как легальное реформистское народничество, наоборот, стало господствующим среди народников течением. Во-вторых, как мы уже убедились, либеральные установки начали ярко проявляться не только среди легальных, но и среди значительной части революционных народников. На последовательных революционных позициях остались сравнительно немногие.

Приведенное выше мнение автора главы о народничестве из II тома «Очерков по истории философской и общественно-политической мысли» не является исключительно его личным. К сожалению, в рассматриваемом нами вопросе у него имеется немало единомышленников. Между тем мнение этого автора в двух отношениях не соответствует действительности. Об одном из них мы уже говорили. Перейдем к другому.

* * *

Если неправильно, как мы только что убедились, утверждать, что революционное народничество существовало лишь в 60-х и 70-х годах и полностью исчезло в 80-х и 90-х, то одинаково неправильно относить появление либерального народничества только к 80-м или 90-м годам. Оно возникло гораздо ранее, в годы подготовки реформы 1861 г., и продолжало существовать и в 70-х годах, имея свою богатую и поучительную историю. Другими словами, на всем протяжении истории народничества в нем существовали и революционное и либеральное течения. Только удельный вес каждого из них со временем изменялся.

В. И. Ленин отнюдь не рассматривал народничество времен реформы 1861 г. как однородное в идеологическом отношении целое. Напротив, он считал, что уже тогда в народничестве существовали тенденции — революционная и либеральная. «Эта двоякая, либеральная и демократическая, тенденция в народничестве,— писал В. И. Ленин,— вполне ясно *наметилась* уже в эпоху реформы 1861-го года» [170].

---

170 В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 88.

Представители либеральной тенденции мечтали избежать капитализма путем мирного развития общинного строя по направлению к тому, что им ошибочно представлялось социализмом. Некоторые из них сочувственно относились к деятельности революционеров, рассчитывая, что им удастся подтолкнуть правительство на уступки и преобразования, и даже оказывали содействие революционному подполью.

На таких именно позициях стоял в середине 60-х годов один из редакторов «Современника», Г. З. Елисеев. Во «внутренних обозрениях», которые он вел в этом журнале, Елисеев доказывал, что в России, в отличие от Запада, не существовало и не существует борьбы классов и партий. «Русская история,— писал он,— есть дело любовного земского строения... народность, земственность составляют ее корень и почву» [171].

Елисеев надеялся, что со временем все «наши сословия» объединятся «в земском деле в одно великое целое, чуждое узких тенденций сословности... и единодушно стремящееся к одной общенародной цели» [172]. Что касается общинного устройства, то Елисеев усердно идеализировал его, утверждая, что оно основано на равноправии всех членов общины и на «мирской правде». Эту же линию либерального народничества Елисеев продолжал и на страницах «Отечественных записок», когда они перешли в руки Н. А. Некрасова.

Однако в этом журнале легальное народничество, помимо Елисеева, имело и других, более одаренных и авторитетных представителей. На первое место среди них надо поставить выдающегося публициста и теоретика народничества Н. К. Михайловского.

Если впоследствии, к концу 70-х годов, Михайловский сблизился с революционным лагерем, то в начале этого десятилетия он возлагал свои надежды исключительно на реформистский путь. Вспоминая впоследствии (в 1880 г.) свои политические настроения начала 70-х годов, Михайловский писал: «Благонамеренные представители центральной власти и народ, в нашем предположении, должны были положить почин новому, особливому историческому

---

[171] «Современник», 1864, № 3, стр. 118.
[172] Там же, 1865, № 5, стр. 2.

пути для России»[173]. Для Михайловского того времени крайне характерно отношение его к Парижской коммуне. В 1871 г. в статье «Философия истории Луи Блана» он с одобрением отозвался об оппортунистической позиции Луи Блана в дни Коммуны. «Он (Луи Блан.— *В. К.*),— писал Михайловский,— один из немногих избежал Сциллы и Харибды — парижских и версальских неистовств»[174].

К концу 70-х годов политические настроения Михайловского значительно изменились: он понял, что «благонамеренные представители власти» не спешат выполнить ту миссию, которую он на них возлагал ранее. Это привело Михайловского к признанию завоевания политической свободы первоочередной задачей, стоящей перед страной. Отсюда его сближение с народовольцами и сотрудничество в их органе «Народная воля». Михайловский не разделял полностью их программы, но надеялся при помощи террористической борьбы принудить правительство согласиться на ограничение царской власти и даровать стране политическую свободу, которая, по его мнению, поможет русской интеллигенции спасти народ от пагубного для него дальнейшего развития капитализма. Что же касается народной революции, то ее Михайловский не считал возможной. На страницах «Народной воли» он открыто заявлял: «Люди революции рассчитывают на народное восстание. Это дело веры. Я не имею ее»[175]. Таким образом, сам Михайловский противопоставлял себя «людям революции».

Несмотря на ярко выраженный либеральный характер народничества Михайловского, В. И. Ленин, беспощадно критиковавший его политические ошибки и показавший теоретическую несостоятельность его мировоззрения, тем не менее писал, что «великой исторической заслугой Михайловского... было то, что он горячо сочувствовал угнетенному положению крестьян... отстаивал... сочувствие и уважение к «подполью»... и даже сам помогал прямо этому подполью»[176]. В этом отношении Ленин противопоставлял

---

[173] Н. К. Михайловский. Соч., т. IV. СПб., 1897, стр. 957.
[174] Там же, Соч., т. III. СПб., 1897, стр. 3. Подчеркнуто мною.— *Б. К.*
[175] «Литература партии «Народная воля»», стр. 29.
[176] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 99—100.

Михайловского другим народническим публицистам: В. В. (В. П. Воронцову) и С. Н. Южакову и др.

В нашей литературе нередко можно встретить утверждение, будто народники «не видели новых складывающихся буржуазных отношений в экономике страны, не видели процесса превращения крепостнической России в Россию капиталистическую», будто они утверждали, что «капитализм в России не развивается и не может развиваться, ибо представляет собой явление «случайное», искусственное»[177].

Действительно, среди народников имелись такие наивные «оптимисты», которые упорно не желали видеть того, что совершалось вокруг них. Однако этого ни в коем случае нельзя сказать про всех народников 70-х годов.

Так, в частности, Михайловский еще в 1872 г. в статье по поводу русского перевода «Капитала» К. Маркса признавал вероятность того, что в России цивилизация «примет те же формы, какие она приняла в Европе, а она приняла, между прочим, и формы неправильные»[178]. В конце же 70-х годов Михайловскому пришлось констатировать, что эта «вероятность» уже превратилась в действительность. В «Народной воле» он, обращаясь к противникам политической борьбы, писал: «Вы боитесь конституционного режима в будущем, потому что он принесет с собой ненавистное иго буржуазии. Оглянитесь: это иго уже лежит над Россией в царствование благочестивейшего, самодержавнейшего императора божией милостью». Если, указывал он, буржуазия в России «не отлилась в самостоятельные политические формы», а «прячется в складках царской порфиры», то лишь потому, что «ей так удобнее исполнять свою историческую миссию расхищения народного достояния и присвоения народного труда»[179].

Таким образом, уже к концу 70-х годов для Михайловского стало несомненным интенсивное проникновение в Россию капиталистических отношений. Сознавали это и некоторые другие сотрудники «Отечественных записок». Так, С. Н. Кривенко еще в 1879 г. констатировал образование

---

[177] «Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР», т. II, стр. 401.

[178] Н. К. Михайловский. Соч., т. X. СПб., 1913, стр. 8.

[179] «Литература партии «Народная воля»», стр. 28.

в России «новой буржуазии». «Из крестьянства,— писал он,— и выделяется особый класс людей — молодая буржуазия» [180]. Она становится все более многочисленной и влиятельной. «Если старое русское купечество,— писал Кривенко,— создало темное царство, то теперь оно с новой буржуазией создадут такую тьму, в которой будет гибнуть всякая мысль, всякое человеческое чувство» [181]. Кривенко сознает, что под воздействием новой буржуазии происходит постепенное распадение общинного строя. «Рубль, эта капиталистическая луна,— скорбит он,— выплывает на первый план деревенского ландшафта» [182].

Приведенные нами примеры убеждают в том, что народники типа Михайловского и Кривенко видели зарождение и развитие капиталистических отношений не только в русском городе, но и в деревне. Они сознавали, что буржуазия в России уже существует. Однако, несмотря на это, они не хотели расставаться с надеждой на то, что теми или иными путями удастся приостановить дальнейшее развитие буржуазных отношений и спасти от гибели мелкое докапиталистическое производство.

Но среди сотрудников «Отечественных записок» имелись люди, придерживавшиеся иных взглядов на судьбы русского капитализма. Одним из них был упоминавшийся выше В. В. В сентябрьской книжке «Отечественных записок» за 1880 г. он напечатал статью «К вопросу о развитии капитализма в России», за которой последовал ряд других его же статей на тут же тему, в 1882 г. переизданных отдельной книгой под названием «Судьбы капитализма в России».

«В России,— доказывал В. В.,— не существует элементарнейших условий для развития капиталистического производства». Эту мысль В. В., в отличие от многих других народников, не только декларировал, но и пытался научно обосновать. Он ссылался прежде всего на отсутствие для русской капиталистической промышленности внешнего рынка, без которого она, по его мнению, не может развиваться. Этот рынок захвачен уже другими странами, ранее России вступившими на путь капиталистического раз-

---

180 «Новые всходы на народной ниве».— «Отечественные записки», 1879, № 2, стр. 141.

181 Там же, стр. 151.

182 Там же, стр. 127.

вития. Конкурировать с ними Россия не сможет вследствие своей технической отсталости. Что же касается внутреннего рынка, то он отличается весьма скромными размерами и будет сокращаться еще более из-за прогрессирующего обнищания населения деревни [183].

Аргументация В. В., как известно, вытекала из ряда ошибок. Его рассуждения об ограниченности внутреннего рынка были основаны на непонимании значения развития капитализма для роста этого рынка. Самой же главной ошибкой В. В., общей для всех народников, было противопоставление капиталистическому производству «мелкого народного производства», так называемого ими «трудового хозяйства», которое в действительности все более и более превращалось в капиталистическое. Еще в 1880 г. другой народник, Н. С. Русанов, указывал В. В., что в современной России кустарная промышленность уже является не самостоятельным мелким хозяйством, а «одним из видов работы на кулака» [184]. В 1894 же году В. И. Ленин констатировал, что в ближайшем будущем «от мифа о «народном строе» останется одно воспоминание» [185]. В другом месте В. И. Ленин писал: «И у нас, как и везде, развитие и упрочение мелкого трудового хозяйства возможно лишь путем превращения его в мелкобуржуазное хозяйство» [186]. Народники упорно отрицали этот факт и даже покупку и аренду крестьянами помещичьих земель были готовы именовать, по словам В. И. Ленина, «не переходом земли от крепостников-помещиков к сельской буржуазии, а переходом «от капитала к труду»» [187].

На деле народники, объявлявшие крупный капитал «чуждым русской жизни», являлись не противниками капитализма вообще, а идеологами мелкого буржуа, мечтавшего спасти свое маленькое хозяйство от непосильной для него конкуренции с крупным. К автору «Судеб капитализма в России» это утверждение относится в полной мере.

Каким же способом рассчитывал В. В. предотвратить дальнейшие успехи капитализма в России и поддержать

---

[183] В. В. Судьбы капитализма в России. СПб., 1882, стр. 20, 43, 55, 63, 274, 284.

[184] Н. Русанов. Против экономического оптимизма.— «Дело» 1880, № 12, стр. 67.

[185] В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 217.

[186] В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 237—238.

[187] Там же, стр. 180.

«народное производство»? Он указывал на следующие необходимые, по его мнению, мероприятия: увеличение крестьянских наделов, снижение налогов и податей, отказ от поддержки крупных хозяйств, обеспечение того, чтобы земля, уходящая из рук прежних владельцев, попадала не к кулакам, а «к жаждущему ее мужику». Как видим, осуществление всех этих мер было вполне возможно в рамках тогдашнего общественного и государственного строя. По крайней мере сам В. В., не понимавший классовой природы самодержавия, допускал это, полагая, будто правительство считает кулачество «злом, с которым надлежит бороться» [188].

Эта программа В. В. служит прекрасной иллюстрацией к положению В. И. Ленина, характеризующего перерождение народничества, о том, что «из политической программы, рассчитанной на то, чтобы *поднять крестьянство* на социалистическую революцию *против основ современного общества* — выросла программа, рассчитанная на то, чтобы заштопать, «улучшить» положение крестьянства *при сохранении основ современного общества»* [189].

В том же 1880 г., почти одновременно с первой статьей В. В., была напечатана другая статья, также пытавшаяся обосновать невозможность торжества капитализма в России. Появилась она в 10-й книжке народнического журнала «Слово» за подписью: Николай — он. Автором ее являлся Н. Ф. Даниельсон, переводчик на русский язык первого тома «Капитала» К. Маркса, постоянный корреспондент последнего, слывший не только за знатока, но и за последователя марксизма. Статья его называлась «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства» и позже, в 1893 г., вошла в состав изданной Николаем — оном книги под тем же названием в качестве ее первой части.

Аргументация Даниельсона имела иной характер, чем В. В. Он признавал, что после реформы 1861 г. развитие России пошло по западному, капиталистическому пути, несмотря на то, что такой путь, по мнению Даниельсона, находится в вопиющем противоречии с началами реформы. Даниельсон уверял, что «принцип манифеста — наделение крестьян землей или, выражаясь шире, доставление самим производителям орудий труда для наибольшего раз-

[188] В. В. Указ. соч., стр. 7, 221—222.
[189] В. И. Ленин. Соч., т. I, стр. 246—247.

вития производительности, а следовательно, для развития условий, наиболее обеспечивающих экономический рост всего народа, принцип этот... стоял в безусловном противоречии с принципом, на котором зиждется хозяйственный строй западноевропейских государств», с принципом, основанным «на безусловном отделении производителя от владения орудиями производства». Между тем «капиталистическая форма производства и обращения,— пишет Даниельсон,— перестала соответствовать самым насущным народнохозяйственным потребностям». «Капитализм разрушил наше патриархальное производство, основанное на непосредственном удовлетворении потребностей производителей», он влечет за собой обнищание прежних производителей. Однако «народное производство» может быть еще спасено при условии принятия необходимых к ограждению его мер. Надо, утверждал Даниельсон, «направить все усилия на объединение земледелия и обрабатывающей промышленности в руках непосредственных производителей, но объединения не на почве мелких, разрозненных производительных единиц..., а на почве создания крупного общественного, обмирщенного производства»[190].

Такова была утопия Даниельсона. В основе ее лежали три непростительные для человека, знакомого с учением Маркса, ошибки. Подобно В. В., он не понимал, что «народная промышленность» вовсе не является противоположностью капиталистической. Не понимал он и классовой природы русского самодержавия, возлагая на него такие задачи, которых оно не могло выполнить. Наконец, он переоценивал значение реформы 1861 г., сводившейся на деле не к утверждению «народного производства», а к ограблению сельских производителей. Правительство, вопреки мнению Даниельсона, после реформы вовсе не свернуло в другую сторону, а продолжало проводить ту самую экономическую политику, которая соответствовала реформе 1861 г.

Если Михайловский, Кривенко и Даниельсон сознавали начавшееся проникновение капитализма в русское народное хозяйство, если даже и В. В. в некоторой степени приближался к пониманию этого, то были среди народников люди, слепо верившие, что Россия гарантиро-

---

[190] Николай — он. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. СПб., 1893, стр. 2—3, 344—346.

вана от образования в ней буржуазии и пролетариата. Они группировались в 70-х годах вокруг еженедельника «Неделя», издававшегося П. Гайдебуровым.

Публицисты «Недели» — П. П. Червинский, подписывавший свои статьи инициалами П. Ч., и И. И. Каблиц, писавший под псевдонимом И. Юзова, уверяли, что Россия, до сих пор развивавшаяся якобы иными путями, нежели Запад, и впредь будет идти именно так.

П. Ч. доказывал, что капитализм в России невозможен, так как она не имеет буржуазии, которая и не появится, так как не существует пролетариата. От возникновения же последнего имеется надежное средство — общинное владение землей с уравнительными переделами. «Русская община,— восклицал П. Ч.,— это палладиум, на котором написано: сим победиши!». Более того, по убеждению П. Ч., община не только является преимуществом России по сравнению с Западом: «в усовершенствованном виде она может еще сделаться спасением и европейских обществ» [191].

По мнению другого публициста «Недели», Юзова, капитализма в России не только нет, но он ей и не нужен. На Западе его существование до известной степени оправдывается тем, что он «обобществляет», «или, иначе сказать, «социализирует» труд». Для России же это лишнее: «Наша история,— утверждал Юзов,— дала нам для развития социальных чувств более целесообразное и вместе с тем только полезное, а не гибельное для многих поколений, средство — общину, артель». Отсюда Юзов делал вывод: «У нас же если и мыслимо царство капитала, так только с помощью насилия; у него нет корней в самой жизни народа» [192].

И П. Ч. и Юзов идеализировали общину. Первый рассматривал ее как «единицу, олицетворяющую собой принцип солидарности, нравственной связи, в противоположность принципу крайнего индивидуализма и нравственной разобщенности, выразителем которого был и есть европейский город». Исходя из этого, П. Ч. призывал интеллигенцию в деревню, где, по его уверениям, только и могут «питаться и развернуться лучшие, симпатические стороны человеческой природы». Интеллигенции необходимо

---

[191] О Червинском см. подробнее в моей книге «От «девятнадцатого февраля» к «первому марта»», М., 1933, стр. 164 и сл.

[192] И. Юзов. Капитализм и мирское владение.— «Неделя», 1878, № 15.

проникнуться интересами народа и воспринять его идеалы и «мнения»[193].

Это был второй пункт расхождения сотрудников «Недели» с народниками типа Михайловского и ему подобных. Полемизируя с П. Ч., Михайловский указывал, что говорить о каких-то будто бы единых, общих для всего населения деревни идеалах не представляется возможным, потому что ее население сделалось уже неоднородным. Наряду с хорошими сторонами в деревне существуют и безусловно отрицательные бытовые особенности, как-то: снохачество, зарывание живых людей в землю в целях предупреждения болезней, вера в колдунов и знахарок и т. п. К происходящему в деревне необходимо, по мнению Михайловского, относиться критически. «Голос деревни,— писал он,— слишком часто противоречит ее собственным интересам, и задача состоит в том, чтобы, искренне и честно признав интересы народа своей целью, сохранить в деревне, как она есть, только то, что действительно этим интересам соответствует»[194]. Интеллигенция, по мнению Михайловского, должна руководствоваться не «мнениями», а «интересами» народа, разобраться в которых она, вследствие ее высокого интеллектуального уровня, может лучше, чем сам народ.

Михайловский был вполне прав в своей критике П. Ч. и Юзова: «Неделя», выступая с проповедью усвоения интеллигенцией «мнений» народа, вступала на весьма опасный путь, по которому можно было дойти до оппортунизма и реакции. В этом нетрудно убедиться на примере самого Юзова. В 1882 г. он переиздал свои статьи в качестве первого тома книги под названием «Основы народничества», в 1888 г. вышедшего вторым изданием. Если первое издание этой книги Лев Тихомиров назвал «непростительным промахом»[195], то второе показывало, что автор этой книги уходит все далее по пути узкого национализма и мракобесия.

Под предлогом уважения «мнения» народа Юзов был готов оправдать любые темные явления, совершавшиеся в деревне того времени, до бесчеловечных расправ с конокра-

[193] Б. Козьмин. Указ. соч., стр. 172—176.

[194] Н. К. Михайловский. Соч., т. III, стр. 698 и 707.

[195] И. Кольцов (Л. Тихомиров). Шатанье нашей политической мысли.— «Дело», 1883, № 3.

дами и убийств людей, заподозренных в колдовстве включительно. В то же время Юзов играл на руку реакции, нападая с чрезвычайной резкостью на интеллигенцию и обвиняя именно ее в том тяжелом материальном положении, в котором находилось русское крестьянство. Юзов уверял, что народу не нужна наука «Отечественных записок», способная, по его мнению, принести только вред. Михайловского он трактовал как проповедника капитализма, а всю историю русской интеллигенции рассматривал как историю эксплуатации ею народных масс.

Ссылаясь на «мнения» народа, Юзов выдвигал следующую программу: «усиление местного самоуправления», «сближение с царской властью посредством выборных ходоков», помимо бюрократии, и свобода вероисповедания [196].

Другой характерной фигурой вырождающегося народничества 80-х годов являлся бывший сотрудник «Отечественных записок Я. В. Абрамов, приобревший себе известность в качестве автора теории так называемых «малых дел». На страницах «Недели» он, как и другие ее сотрудники, доказывал, что время «героизма» прошло, что России нужны не борцы, а люди, умеющие «дело делать», приноравливаясь к существующим политическим условиям.

«Неделя» призывала русское общество к отказу от борьбы за переустройство современного общества во имя культурно-просветительной работы и «малых дел», в которых, по ее мнению, страна нуждается в первую очередь. Она считала, что пора покончить с изображением в литературе мрачных сторон жизни, что надлежит искать в окружающей действительности «светлые явления», к которым необходимо привлекать внимание общества. Под рубрику же «светлых явлений» подводились такие факты, как открытие школ по инициативе населения на собранные им средства, бескорыстную деятельность врача-идеалиста, завоевавшего признательность населения, и т. п.

Как видим, среди народников 80-х годов имелось немало людей «трезвого» расчета, торжественно отрекавшихся от «наследства» русской революционной интеллигенции 60-х и 70-х годов. Из этого же видно, как глубоко зашло уже в 80-х годах идейное разложение народничества. От-

[196] И. Каблиц (И. Юзов). Основы народничества, ч. 1. СПб., 1888, стр. 324.

меченные нами тенденции проявлялись не только на страницах «Недели». Их можно было встретить и в других народнических органах, в том числе и в «Отечественных записках», как мы видели на примере В. В., прославлявшего «прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве». Это же прославление по существу было одним из проявлений пресловутой теории «малых дел», так как сводилось к переоценке отдельных случаев технического и агрономического прогресса, встречавшихся (довольно, впрочем, редко) в деревне того времени.

Вот почему никак нельзя согласиться с некоторыми из современных историков, когда они утверждают, будто «в 80-х годах перерождение народничества только начиналось» и что лишь народники 90-х годов «перестали верить в возможность осуществления крестьянской социалистической революции» [197]. После сказанного выше вряд ли надо доказывать глубокую ошибочность такой точки зрения. Вспомним, наконец, указание В. И. Ленина на то, что «перерождение старого русского, классического, революционного народничества... неуклонно происходит с восьмидесятых годов прошлого века» [198].

В этом свете ничего, кроме изумления, не может вызвать появление на страницах «Вопросов философии» статьи проф. А. М. Ладыженского, ставящей своей задачей реабилитацию либерального народничества [199]. А. М. Ладыженский приписывает либеральным народникам, как и всем либералам вообще, стремление к «ограничению самодержавия и к превращению абсолютной монархии в правовое государство» и на этом основании зачисляет всех их в «прогрессивный лагерь». Очевидно, А. М. Ладыженский забыл, что как раз в 80-е годы М. Е. Салтыков-Щедрин писал об эволюции русских либералов, начавших действовать «применительно к подлости». Перед нами прошел ряд представителей вырождающегося народничества, и мы видели, что в их среде было немало людей, к которым убийственная характеристика Щедрина должна быть отнесена в полной мере.

---

[197] П. С. Ткаченко. О некоторых вопросах истории народничества.— «Вопросы истории», 1956, № 5, стр. 39, 42.

[198] В. И. Ленин. Соч., т. 7, стр. 87. Подчеркнуто мною.— *Б. К.*

[199] А. М. Ладыженский. Об освещении народничества.— «Вопросы философии», 1956, № 6, стр. 190—191.

В. И. Ленин возмущался «отвратительнейшими реакционерами народничества, которые перед лицом полицейски-классового абсолютизма позволяют себе говорить о желательности экономических, а не политических преобразований»[200]. Такие же реакционеры водились не только среди Юзовых и Абрамовых, но и среди соратников Михайловского. Недаром последнему в середине 90-х годов пришлось порвать с некоторыми из них: С. П. Кривенко, В. В. и др. Напомним, что даже такого типичного либерального народника, как В. В., Ленин именовал «отъявленным реакционером»[201]. Для такой характеристики, как мы убедились, имелись вполне достаточные основания. Поэтому изображать его и подобных ему людей прогрессистами нет никаких оснований. «Создавалось,— писал В. И. Ленин,— либерально-народническое направление, которое не хотело видеть или не могло видеть, что проектируемые мероприятия (все эти кредиты, кооперации, мелиорации, расширения землевладения) не выходят из рамок *существующего* буржуазного общества»[202]. Эта проповедь отличалась глубоко реакционным характером, так как была направлена на спасение тогдашнего общественного строя от угрозы социальной революции. Именно она дала повод В. И. Ленину третировать их авторов как «полицейских народников»[203]. Вот почему появление в печати статьи проф. Ладыженского не может возбуждать ничего, кроме крайнего недоумения.

Так на протяжении второго этапа освободительного движения в России народничество, бывшее в первые десятилетия своего существования в основном течением прогрессивным, к концу 80-х и к началу 90-х годов превратилось в глубоко реакционное, что не исключало, однако, существования и в это время среди народников людей, продолжавших вести революционную работу и субъективно глубоко и искренне преданных делу революции.

---

[200] В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 320.
[201] В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 91.
[202] В. И. Ленин. Соч., т. 7, стр. 87.
[203] В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 180.

ПРИМЕЧАНИЯ

К стр. 20. Статья «Раскол в нигилистах» первоначально была опубликована в журнале «Литература и марксизм» (1928, № 2), затем как самостоятельный очерк вошла в книгу Б. П. Козьмина «От «девятнадцатого февраля» к «первому марта»» (М., 1933). Печатается по этой книге.

В настоящей статье содержится ряд положений, от которых в процессе дальнейшей разработки вопросов истории русской революционной мысли Б. П. Козьмин отказался. В частности, автор признал, что в двадцатых — начале тридцатых годов он «вслед за другими в своих работах по истории народничества ошибочно противопоставлял революционное народничество революционному просветительству» (См. стр. 664 настоящего сборника). Это проистекало из односторонней характеристики Чернышевского, в которой упускалась из виду народническая основа его утопически-социалистических воззрений. Изучение материалов по истории революционной борьбы в России 60—70-х годов в свете трудов В. И. Ленина привело Б. П. Козьмина к пересмотру точки зрения, господствовавшей в советской литературе двадцатых годов. Подробнее об этом см. в статье «Народничество на буржуазно-демократическом этапе освободительного движения в России».

К стр. 27. Недавнее исследование С. А. Макашина устанавливает непричастность Салтыкова к аресту Обручева, раскрывает обстоятельства, при которых прокламации были переданы губернатору Баранову.

С. А. Макашин также отмечает, что после объяснения Салтыкова конфликта между ним и Чернышевским не произошло, в силу чего Салтыков и продолжал сотрудничать в «Современнике». Это подтверждают и неопубликованные воспоминания Елисеевой (см. М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. Предисловие и комментарии С. А. Макашина. М., 1957, стр. 726—729),

К стр. 38. Когда писалась настоящая статья, автору был неизвестен неурезанный цензурой текст статьи Н. Г. Чернышевского «Не начало ли перемены?», в которой литературный анализ рассказов Н. Успенского служил лишь прикрытием для выводов о способности народа (не идеализируемого автором рассказов) к самостоятельной исторической роли и к свершению революции.

К стр. 38. Автором статьи был некий Косарев (см. Б о г р а д. Журнал «Современник». 1847—1866. Указатель содержания. М.— Л., 1959, стр. 448).

К стр. 39. Это предисловие принадлежало А. Н. Пыпину (см. В. Б о г р а д. Журнал «Современник». 1847—1866. Указатель содержания. М.— Л., 1959 стр. 461).

К стр. 66. В дальнейших работах Б. П. Козьмин не разделял указанной концепции Переверзева. По этому вопросу в 1948 г. Козьмин говорил: «Писарев горячо отстаивал необходимость экономического прогресса России. Рост промышленности он считал мощным стимулом развития общественной жизни» (Б. П. К о з ь м и н. Журналистика шестидесятых годов XIX века. М., 1948, стр. 44).

К стр. 68. Очерк «Артельный журнал «Век»», первоначально опубликован в сборнике «Русская журналистика, т. I. Шестидесятые годы» (М.— Л., 1930); вошел в книгу Б. П. Козьмина «От «девятнадцатого февраля» к «первому марта»». Печатается по последней книге.

К стр. 99. Статья о газете «Народная летопись» первоначально опубликована в сборнике «Русская журналистика, т. I. Шестидесятые годы (М.— Л., 1930); вошла в книгу Б. П. Козьмина «От «девятнадцатого февраля» к «первому марта»». Печатается по последней книге.

К стр. 127. Работа «П. Г. Заичневский и «Молодая Россия»» готовилась Б. П. Козьминым в начале 1958 г. к изданию как первая часть книги «Очерки по истории русского якобинства и бланкизма». В основе этого исследования лежат статьи, опубликованные автором в журнале «Каторга и ссылка» в 1930—1931 гг.; «К истории «Молодой России»» (1930, № 5 и 6); «Кружок Заичневского и Аргиропуло» (1930, № 7, 8—9); «П. Г. Заичневский на каторге, поселении и в ссылке» (1931, № 8—9); «П. Г. Заичневский в Орле и кружок «орлят»» (1931, № 10). Для подготовляемого издания Б. П. Козьмин кроме того использовал некоторые разделы книги «П. Г. Заичневский и «Молодая Россия»» (М., 1932). Автор в основном закончил работу над указанными текстами, но не успел завершить исследование. В материалах покойного сохранились две выдержки из трудов В. И. Ленина о бланкизме, которые предназначались для заключительной части работы о Заичневском и «Молодой России».

Приводим эти выдержки.

«Бланкизм есть теория, отрицающая классовую борьбу. Бланкизм ожидает избавления человечества от наемного рабства не путем классовой борьбы пролетариата, а путем заговора небольшого интеллигентного меньшинства» (В. И. Л е н и н. Соч., т. 10, стр. 360).

«Восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это во-первых. Восстание должно опираться на *революционный подъем народа.* Это во-вторых. Восстание должно опираться на такой *переломный пункт* в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее *колебания в* рядах врагов и *в рядах*

слабых половинчатых нерешительных друзей революции. Это в-третьих. Вот этими тремя условиями постановки вопроса о восстании и отличается *марксизм от бланкизма»* (В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 4—5).

К стр. 345. См. примечание к стр. 127.

К стр. 346. Статья «П. Н. Ткачев» была опубликована в 1932 году в качестве вступления к первому тому избранных сочинений Ткачева. В последние годы жизни Б. П. Козьмин собирался серьезно переработать свои исследования о Ткачеве. В задуманной книге «Очерки по истории русского якобинства и бланкизма» вторая часть должна была называться «П. Н. Ткачев и его место в русском революционном движении». Сохранился план этого раздела исследования:

П. Н. Ткачев в революционном движении шестидесятых годов.

Ткачев и Лавров.

Ткачев и марксизм.

Ткачев в народничестве семидесятых годов.

Революционная деятельность Ткачева в семидесятых годах.

Ткачев — сотрудник журнала «Дело».

Заключение.

К реализации этого плана Б. П. Козьмин приступить не успел.

К стр. 356. В своих последующих работах Б. П. Козьмин избежал такой односторонней оценки Нечаева. Исследователь отмечал, что агитация Нечаева «являлась делом совершенно пустым и безнадежным, ибо в ней демагогия и полное пренебрежение к революционной этике соединялись с незнанием реальной русской жизни или, вернее, с нежеланием считаться с нею» (Б. П. Козьмин. Русская секция Первого Интернационала. М., 1958, стр. 272). В этой же работе ярко показана борьба Маркса, Энгельса и членов Русской секции Первого Интернационала против Нечаева и «нечаевщины» (там же, стр. 152—169, 271—278, 336—342 и др.). В учебнике по истории СССР для вузов Б. П. Козьмин писал, что уже судебный процесс над нечаевцами (1871 г.) «полностью вскрыл политический авантюризм. Нечаева и его преступную неразборчивость в средствах» («История СССР» т. II, М., 1959, стр. 55). См. также стр. 554—573 настоящего издания.

К стр. 374. Статья «Экономический метод в науке уголовного права» впоследствии вошла в пятый том Избранных сочинений П. Н. Ткачева (М., 1935).

К стр. 376 и 392. Позднее, в статье «К вопросу об отношении П. Н. Ткачева к марксизму» Б. П. Козьмин критиковал Н. Кравцова и Н. К. Пиксанова за то, что они сближали взгляды Ткачева с марксизмом. «Марксизм как идеология развитого фабрично-заводского пролетариата не имел еще своих представителей в стране, только что сбросившей с себя путы крепостничества. Это несомненно, но несомненно также и то, что в такой стране могли быть — и действительно были люди, воспринимавшие отдельные стороны учения Маркса, отдельные «элементы марксизма». К числу таких-то имен-

но людей и должен быть отнесен П. Н. Ткачев». Б. П. Козьмин отмечал, что Ткачев не мог понять значение марксизма уже только потому, что он «выдвинул и обосновал чисто бланкистскую программу революционной борьбы» («Литературное наследство», 1933, т. 7—8, стр. 119—120). В этой статье рассматриваются некоторые стороны взглядов революционера (влияние утилитаризма, непонимание значения борьбы классов, которые свидетельствуют, что Ткачев «самым решительным образом расходится с марксизмом» (там же, стр. 122).

В 1948 г. Б. П. Козьмин так оценивал взгляды Ткачева на революцию: «Осуществление социальной революции в России облегчается, по мнению Ткачева, тем, что русское самодержавие будто бы не имеет никакой опоры в стране или, как выражался Ткачев, «висит в воздухе». Энгельс подверг жестокой критике взгляды Ткачева, охарактеризовав его «как зеленого, на редкость незрелого гимназиста», которому «нужно учиться еще азбуке социализма»». (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 235, 253).— Б. П. Козьмин. Русская журналистика 70-х и 80-х годов XIX века. М., 1948, стр. 26—27.

К стр. 384. Статья «Софистическая статистика» позднее вошла в шестой том Избранных сочинений П. Н. Ткачева (М., 1937).

К стр. 404 и 449. Очерки о журналах «Русское богатство» (1880—1881) и «Устои» (1881—1882) составили второй раздел книги «От «девятнадцатого февраля» к «первому марта»» — «Накануне и на другой день 1 марта. Два артельных журнала начала 80-х годов»: печатается по этому изданию.

К стр. 483. Статья «Герцен, Огарев и «молодая эмиграция»» является вступительной к материалам о Герцене и Огареве, опубликованным в т. 41—42 «Литературного наследства». Печатается по этому изданию.

К стр. 578. Статья «Герцен в истории русской общественной мысли» печатается по публикации в «Известиях АН СССР. Серия истории и философии», т. II, 1945, № 2.

К стр. 606. Статья «Выступление Герцена против «Современника» в 1859 году» печатается по изданию «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1952, т. XI, № 4.

К стр. 638. Работа «Народничество на буржуазно демократическом этапе освободительного движения в России» представляет собой доклад, предназначавшийся для широкого научного обсуждения. Опубликована посмертно в 65 томе «Исторических записок» АН СССР за 1959 год.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ Б. П. КОЗЬМИНА *

1918 г.

1. Зарождение рабочего класса в России и его первые шаги. М., 22 стр. Псевд. Б. Павлов **.
2. Народовластие в древней Руси. М., 20 стр. Псевд. Б. Павлов.

1919 г.

3. Пролетарская борьба в России до революции 1905 г. М., 32 стр. Псевд.. Б. Павлов ***.
4. «Северный союз русских рабочих».— «Вестник жизни», № 3—4, стр. 43—48. Псевд. Б. Павлов.
5. Австрийская социал-демократия.— «Вестник жизни», № 5, стр. 53—59. Псевд. Б. Павлов.
6. Германия во время войны.— «Вестник жизни», № 5, стр. 89—94. Псевд. Б. Павлов.
7. III Интернационал.— «Вестник жизни», № 6—7, стр. 114—123. Псевд. Б. Павлов ***.
8. Из новейшей литературы по истории рабочего движения и марксизма в России.— «Вестник жизни», № 3—4, стр. 139—141. Псевд. Б. Павлов.
9. Рец. на кн.: Арк. А-н. История рабочего движения в Англии, Франции и Германии (три типа рабочего движения). М., 1918, 206 стр.— «Вестник жизни», № 3—4, стр. 148—149. Псевд. Б. Павлов.
10. Рец. на кн.: Б. Н. Перцев. Готенцоллерны. Личные характеристики и обзоры политической деятельности. М., 1918, 226 стр.— «Вестник жизни», № 6—7, стр. 175—176. Псевд. Б Павлов.
11. Рец. на кн.: Сборник статей по пролетарской революции и праву. 1918, янв.— апр., № 1—4. Пг., 186 стр.— «Вестник жизни», № 6—7, стр. 172—173. Псевд. Б. Павлов.
12. Рец. на кн.: А. Тун. История революционных движений в России. Пг., 1918, 282 стр.— «Вестник жизни», № 6—7, стр. 177—178. Псевд. Б. Павлов.

1921 г.

13. Рец. на кн.: М. А. Бакунин. «Исповедь» и письмо Александру II. М., 1921, 142 стр.— «Вестник труда», № 9 (12), стр. 152—157.

---

* Список работ Б. П. Козьмина составлен Э. С. Виленской.

** Переиздание в Сибирском обл. отд. Госуд. изд-ва, Омск. 1920.

*** Переиздана на украинском яз. в Киеве в 1921 г.

14. Рец. на кн.: «Пролетарская революция». Исторический журнал Истпарта. М., 1921, № 1, 207 стр.— «Вестник труда», № 12 (15), стр. 183—184. Псевд. Б. Павлов.

1922 г.

15. П. Н. Ткачев и революционное движение 1860-х годов. М., 209 стр.
16. Г. Е. Благосветлов и «Русское слово».— «Современник», кн. 1, стр. 192—250.
17. Ген. Алексеев и Времен. комитет Государственной Думы.— «Красный архив», т. II, стр. 284—286. Псевд. Б. К.
18. Материалы по истории революционного движения 60-х гг. I. Московские студенты в Смирительном доме. II. К биографии П. Г. Заичневского.— «Историко-революционный бюллетень», № 1, стр. 21—23.
19. Материалы по истории революционного движения 60-х гг. III. Письмо студента Соколова.— «Историко-революционный бюллетень», № 2—3, стр. 32—36.
20. Восстание армии.— «Историко-революционный бюллетень», № 2—3, стр. 42—48. Псевд. Авл.
21. Рец. на кн.: А. В. Флоровский. Воля панская и воля мужицкая. Страница из истории аграрных волнений в Новороссии 1861—1863. Одесса, 1921, 76 стр.— «Историко-революционный бюллетень», № 1, стр. 49.
22. Рец. на кн.: «Былое», 1921, № 17, 154 стр. — «Историко-революционный бюллетень», № 2—3, стр. 94—95.
23. Рец. на кн.: «Из партийного прошлого». Сборник воспоминаний о партийной работе в Калуге. Калуга, 1921, 363 стр.— «Историко-революционный бюллетень», № 2—3, стр. 95—97. Псевд. Б. К — мин.
24. Рец. на кн.: Архив истории труда в России, кн. I—II. Пг., 1921 г.— «Историко-революционный вестник» № 1 (4), стр. 91—92. Псевд. Б. Павлов.

1923 г.

25. Около нечаевского дела (Памяти А. Д. Дементьевой-Ткачевой).— «Каторга и ссылка», кн. 6, стр. 55—63.
26. Один из первых литературных опытов Г. В. Плеханова.— «Каторга и ссылка», кн 7, стр. 40—45.
27. Прокламация Н. В. Шелгунова «Русским солдатам от их доброжелателей поклон».— «Красный архив», т. III, стр. 229—239.
28. «Причина пожаров».— «Красный архив», т. III, стр. 240—242.
29. Отзвуки польского восстания 1863 г. в центральной России.— «Красный архив», т. IV, стр. 273—307.
30. К биографии крестьянина П. А. Мартьянова.— «Красный архив», т. III, стр. 294—298.
31. Состав. Историко-революционная хрестоматия, т. 1. М., 477 стр. (1-я часть).
32. Рец. на кн.: Архив истории труда в России, кн. IV. Пг., 1922, 96 + 64 стр.— «Каторга и ссылка», кн. 5, стр. 252. Псевд. Б. Павлов.

33. Рец. на кн.: А. А. Шилов. Что читать по истории русского революционного движения. Указатель важнейших книг, брошюр и журнальных статей. Пг., 1922, 230 стр.— «Каторга и ссылка», кн. 5, стр. 256—258.
34. Рец. на кн.: Б. И. Горев. Бакунин. Его жизнь, деятельность и учение, изд. 2, испр. и доп. Ив.-Вознесенск, 1922, 79 стр.— «Каторга и ссылка», кн. 6, стр. 315—316.
35. Рец. на кн.: Д. Н. Овсянико-Куликовский. Воспоминания. Пг., 1923, 190 стр.— «Каторга и ссылка», кн. 6. стр. 320—321.
36. Рец. на кн.: Библиография периодики. Вып. 2. Систематический указатель статей и материалов, помещенных в русских исторических журналах за 1922 год. М., 1923, 55 стр.— «Каторга и ссылка», кн. 7, стр. 300—301.
37. Ред.: Политические процессы 60-х годов. Материал подготовлен к печати В. П. Алексеевым. М.—Пг., 296 стр.

1924 г.

38. П. Н. Ткачев и П. Л. Лавров (Столкновение двух течений русской революционной мысли 70-х годов).— Сб. «Воинствующий материалист», кн. 1, стр. 291—338.
39. Нечаевец в ссылке (Письмо Е. И. и Л. П. Никифоровых к В. И. Засулич).— «Каторга и ссылка», кн. 3 (10), стр. 158—160. Псевд. Б. К.
40. «Французский парламент» в Петрозаводске.— «Каторга и ссылка», кн. 6 (13), стр. 132—134. Псевд. Авл.
41. Письма Д. И. Писарева из крепости.— «Красный архив», т. V, стр. 248—257.
42. Рец. на кн.: Архив истории труда в России, кн. VI—VII, Пг., 1923, 197 стр.— «Каторга и ссылка», кн. 1 (8), стр. 251—253. Псевд. Б. Павлов.
43. Рец. на кн.: С. А. Айнзафт. Зубатовщина и гапоновщина. М., 1922, 83 стр.; Л. Заславский. Зубатов и Маня Вильбушевич. М., 1923, 64 стр.— «Каторга и ссылка», кн. 1 (8), стр. 253—254. Псевд. Б. Павлов.
44. Рец. на кн.: Д. Рязанов. Очерки по истории марксизма. М., 1923. 642 стр.— «Каторга и ссылка», кн. 2 (9), стр. 276—278. Псевд. Б. К.
45. Рец. на кн.: «Двадцать лет рабочей организации РСДРП — РКП(б) — городов Муром, Кулебака, Выкса». М.— Пг., 1923 248 стр.— «Каторга и ссылка», кн. 2 (9), стр. 288. Псевд. П-ов
46. Рец. на кн.: П. Е. Щеголев. Таинственный узник. Глава из книги об Алексеевском равелине изд. 2. Пг., 1924, 135 стр.— «Каторга и ссылка», кн. 3 (10), стр. 281.
47. Рец. на кн.: Е. З. Волков. Христо Ботев (На заре балканского революционного коммунизма). М.— Пг., 1923, 228 стр.— «Каторга и ссылка», кн. 3 (10), с. 283—284.
48. Рец. на кн.: Бюллетень Всероссийского общественного комитета по увековечению памяти П. А. Кропоткина, № 1, 8-го февраля 1923 г. М., 30 стр.— «Каторга и ссылка», кн. 3(10), с. 289—290. Псевд. К.

49. Рец. на кн.: Группа «Освобождение труда» (из архивов Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и Л. Г. Дейча), под ред. Л. Г. Дейча, сб. № 1. М., 1924, 310 стр.— «Каторга и ссылка», кн. 4(11), стр. 280—281.
50. Рец. на кн.: Б. И. Горев. Из партийного прошлого. Воспоминания. 1895—1905. Л., 1924, 91 стр.— «Каторга и ссылка», кн. 4(11), стр. 281—282. Псевд. П-в.
51. Рец. на кн.: Труды Общества изучения Киргизского края, вып. III. Оренбург, 1922, 215 стр.— «Каторга и ссылка», кн. 4(11), с. 304—305. Псевд.: Б. К.
52. Рец. на кн.: Историко-литературный сборник. Посвящается Всеволоду Измаиловичу Срезневскому (1891—1916 гг.). Л., 1924, 426 стр.— «Каторга и ссылка», кн. 5(12), с. 329—331. Псевд. Б. К.
53. Рец. на кн.: Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Кн. I. М., 1924, 497 стр.— «Каторга и ссылка», кн. 6(13), стр. 253—254. Псевд. К.
54. Рец. на кн.: Неизданные письма Ф. Энгельса. Л., 1924, 39 стр.— «Каторга и ссылка», кн. 6(13), стр. 254—255. Псевд. К.
55. Рец. на кн.: М. Ковалевский. Русская революция в судебных процессах и мемуарах, кн. 1. М., 1923, 277 стр.— «Печать и революция», кн. 1, с. 217—218.
56. Рец. на кн.: М. Лемке. Политические процессы в России 1860 г. (По архивным документам), изд. 2-е. М.— Пг., 1923, 684 стр.— «Печать и революция», 1924, кн. 1, стр. 218—219.
57. Рец. на кн.: В. С. Панкратов. Воспоминания. Как приходилось работать среди рабочих в 1880—1884 годах. М., 1923, 112 стр.— «Печать и революция», кн. 4, стр. 201—202.
58. Рец. на кн.: С. С. Вермель. Московское изгнание (1891—1892). (Впечатления, воспоминания). М., 1924, 45 стр.— «Печать и революция», кн. 5, стр. 201—202. Псевд. Б. Павлов.
59. Рец. на кн.: А. В. Прибылев. В динамитной мастерской и Карийская политическая тюрьма. Из воспоминаний народовольца, Л., 1924, 79 стр.— «Печать и революция», кн. 5, стр. 208—209.

1925 г.

60. Рабочее движение в России до революции 1905 года. Историч. очерк. М., 167 стр.
61. Публицистическая деятельность П. П. Червинского (Из истории народничества и марксизма в России 70-х годов).— «Современник», кн. 1, стр. 70—94.
62. К истории рабочего движения в Москве и Московской губернии в 70-х годах.— «Вестник труда», № 2, стр. 224—226.
63. Из далекой старины.— «Каторга и ссылка», кн. 8(12), стр. 252—260. Псевд. Авл.
64. Современник о каракозовском процессе (письма М. И. Семевского).— «Былое», № 6(32), стр. 38—54.
65. Состав. (совм. с Р. С. Мандельштам). Революционное движение в России XVII—XX вв. Систематич. указатель литературы, вышедшей в 1924 г. М.

66. Рец. на кн.: Труд и борьба. Исторический сборник, кн. 1. Киев, 1924, 126 стр.— «Вестник труда», № 2, стр. 215—216. Псевд. Б. Павлов.
67. Рец. на кн.: М. Балабанов. К истории рабочего движения на Украине. Киев, 1925, 160 стр. «Южнорусские рабочие союзы». М., 1925; Н. Батурин. Очерки из истории рабочего движения 70-х и 80-х годов, изд. 2. М.— Л., 1925, 77 стр.; А. Гамбаров. У истоков. Рабочее движение в России 70-х годов. М.— Л., 1925, 88 стр.— «Вестник труда», № 10, стр. 191—193. Псевд. Б. Павлов.
68. Рец. на кн.: П. М. Экземплярский. Очерки по истории рабочего движения в Иваново-Вознесенске, вып. 1. Ив.-Возн. 1924, 54 стр.— «Каторга и ссылка», кн. 1(14), стр. 271—272.
69. Рец. на кн.: «Южнорусские рабочие союзы». М., 1924. 347 стр.— «Каторга и ссылка», кн. 2(15), стр. 250—253.
70. Рец. на кн.: Группа «Освобождение труда». Из архивов Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и Л. Г. Дейча. Сб. 2. М., 1924. 372 стр.— «Каторга и ссылка», кн. 2(15), стр. 253—254. Псевд. Б. К.
71. Рец. на кн.: Ю. Мартов. Общественные и умственные течения в России 1870—1905 гг. Л.— М., 1924, 202 стр.— «Каторга и ссылка», кн. 3(16), стр. 234—235. Псевд. Б. К.
72. Рец. на кн.: А. Гамбаров. У истоков. Рабочее движение в России 70-х годов. М.— Л., 1925, 88 стр.— «Каторга и ссылка», кн. 8(21), стр. 270. Псевд. Б. К.
73. Рец. на кн.: М. Клевенский. Александр Дмитриевич Михайлов. М., 1925, 104 стр.— «Печать и революция», кн. 5—6, стр. 410—411.
74. Ред. (совм. с Н. И. Ракитниковой): Е. Созонов. Письма Егора Созонова к родным. 1895—1910 гг. М., 383 стр.
75. Ред.: Р. С. Мандельштам. Революционное движение в России XVII—XX вв. Систематич. указатель литературы, вышедшей в 1924—1931 гг. (7 вып.). М., 1925—1933.

1926 г.

76. Рабочее движение в России в XIX веке. [Харьков]. 111 стр.
77. Рабочее движение семидесятых годов. В сб. «Рабочее движение в России. Биографии виднейших деятелей», вып. 1. [Харьков], стр. 5—13.
78. Рабочее движение второй половины восьмидесятых и девяностых годов. В сб. «Рабочее движение в России. Биографии виднейших деятелей», вып. 2. [Харьков]. стр. 3—13.
79. П. Н. Ткачев и народничество.— «Каторга и ссылка», кн. 1(22), стр. 109—122.
80. «Мценская гостиница».— «Каторга и ссылка», кн. 3(24), стр. 163—164. Псевд. К.
81. Москва в марте 1881 г.— «Красный архив, т. 1(XIV), стр. 252—257. Псевд. К.
82. Неудавшаяся провокация. Новое о С. Г. Нечаеве.— «Красный архив», т. 1(XIV), стр. 148—158.
83. Новое о С. Г. Нечаеве. Удавшаяся провокация.— «Красный архив», т. 2(XV), стр. 150—163.

84. К истории «Земли и воли» 70-х годов. (Программа Тамбовского поселения землевольцев).— «Красный архив», т. 6(XIX), стр. 166—177.
85. Рец. на кн.: Н. Солоницын. Холуницкая забастовка 1871 г. (Историч. очерк). Вятка, 1925, 42 стр.— «Каторга и ссылка», кн. 2(23), стр. 268—270. Псевд. Б. К.
86. Рец. на кн.: В. Дембо. Первая массовая организация рабочих в России. К 50-летию «Южно-Российского Союза рабочих» (1874—1875). М., 1925, 235 стр.— «Каторга и ссылка», кн. 4(25), стр. 269—270. Псевд. К. Б.
87. Рец. на кн.: Я. Шумяцкий. Революционная провинция. (Записки пролетария). М., 1926, 85 стр.— «Каторга и ссылка», кн. 4(25), стр. 271—272. Псевд. П — в.
88. Рец. на кн.: П. Куделли. Народовольцы на перепутье. Дело Лахтинской типографии. Л., 1925, 168 стр.— «Каторга и ссылка», кн. 5(26), стр. 289—291.
89. Рец. на кн.: Д. А. Клеменц. Из прошлого. Воспоминания. Л., 1925, 181 стр.— «Новый мир», № 3, стр. 190—191.
90. Рец. на кн.: П. С. Поливанов. Алексеевский равелин. Биогр. очерк И. И. Майнова. Л., 1926. 207 стр.— «Печать и революция», кн. 4, стр. 155.
91. Рец. на кн.: М. Коваленский. Русская революция в судебных процессах и мемуарах, кн. 2—4. М., 1923—1925.— «Печать и революция», кн. 5, стр. 167—168.
92. История и фантастика — рец. на кн.: А. Гамбаров. В спорах о Нечаеве. К вопросу об исторической реабилитации Нечаева. М.— Л., 1926, 147 стр.— «Печать и революция», кн. 6, стр. 96—108.
93. Рец. на кн.: «Прокламации шестидесятых годов». М.— Л., 1926, 80 стр.— «Печать и революция», кн. 6, стр. 149—150.
94. Ред.: «Рабочее движение в России. Биографии виднейших деятелей», вып. 1—2. [Харьков], 1926.

1927 г.

95. К истории разоблачения Азефа.— «Каторга и ссылка», кн. 3(32), стр. 102—107.
96. Письмо М. Ю. Ашенбреннера В. С. Панкратову.— «Каторга и ссылка», кн. 3(32), стр. 204—205.
97. Нечаевец И. Г. Прыжов в его письмах. (Из архива Р. М. Хин).— «Каторга и ссылка», кн. 4(33), стр. 168—185.
98. Общество добровольной тайной охраны царя и благоденствия отечества.— «Каторга и ссылка», кн. 5(34), стр. 83—86.
99. Лорис-Меликов о покушении Млодецкого.— «Каторга и ссылка», кн. 6(35), стр. 109—110.
100. К истории «нечаевщины». (Две прокламации к русскому дворянству).— «Красный архив», т. 3 (XXII), стр. 241—245.
101. Рец. на кн.: «Пермский краеведческий сборник», вып. 2. Пермь, 1926, 184 стр.— «Каторга и ссылка», кн. 5(34), стр. 215. Псевд. К-ин.
102. Рец. на кн.: С. И. Быстров. Н. Г. Чернышевский. Популярная биография. М.— Саратов, 1926, 37 стр.— «Каторга и ссылка», кн. 4(33), стр. 215. Псевд. Б. К.

103. Рец. на кн.: Н. А. Чарушин. О далеком прошлом, ч. 1—2. Детство и в гимназии. Кружок чайковцев. Из воспоминаний о революционном движении 1870-х гг. М., 1926, 222 стр.— «Печать и революция», кн. 1, стр. 155—157.
104. Рец. на кн.: Э. А. Корольчук. Первая рабочая демонстрация в России. К пятидесятилетию демонстрации на Казанской площади в Петербурге 6(18) декабря 1876 г. Сборник воспоминаний и документов. М.—Л., 1927, 96 стр.— «Печать и революция», кн. 4, стр. 149—150.
105. Рец. на кн.: 1 марта 1887 г. Дело П. Шевырева, А. Ульянова и др. М.— Л., 1927. 391 стр.— «Печать и революция», кн. 5, стр. 161—162.

1928 г.

106. Около вопроса об амнистии Н. Г. Чернышевского.— Сб. «Н. Г. Чернышевский». Саратов.
107. Раскол в нигилистах (Эпизод из истории русской общественной мысли 60-х годов).— «Литература и марксизм», кн. 2, стр. 51—107.
108. Молодые годы Порфирия Ивановича Войнаральского.— «Каторга и ссылка», кн. 1(38), стр. 128—154 *.
109. М. Д. Муравский в Харьковском тайном обществе. 1856—1858 гг.— «Каторга и ссылка», кн. 4(41), стр. 125—139.
110. Письмо П. Д. Баллода из Петропавловской крепости.— «Каторга и ссылка», кн. 10(47), стр. 87—88.
111. К биографии Г. Е. Благосветлова.— «Каторга и ссылка», кн. 12(49), стр. 71—73.
112. Стихотворение Д. И. Писарева на открытие памятника Николаю I.— «Красный архив», т. 3(XXVIII), стр. 228—229.
113. Н. Г. Чернышевский и III отделение.— «Красный архив», т. 4 (XXIX), стр. 175—190.
114. К биографии Д. И. Писарева.— «Красный архив», т. 4 (XXIX), стр. 210—218.
115. Неопубликованное письмо А. И. Герцена.— «Красный архив», т. 6(XXXI), стр. 224—225.
116. Неопубликованное письмо Н. Е. Федосеева к В. И. Семевскому.— «Пролетарская революция», кн. 4(75), стр. 178—182.
117. Вступит. ст. кн.: С. В. Зубатов и его корреспонденты. Среди охранников, жандармов и провокаторов. М.— Л., 144 стр.
118. Рец. на кн.: Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском государственном университете им. В. И. Ульянова-Ленина, т. XXXIII, вып. 4. Казань, 1927, 112 стр.— «Каторга и ссылка», кн. 5(42), стр. 182—183.
119. Рец. на кн.: Мурановский сборник. Вып. 1. 1928. 126 с.— «Каторга и ссылка», кн. 8—9 (45—46), стр. 266—267. Псевд.: И. Н.
120. Рец. на кн.: Софья Ковалевская. Нигилистка. Роман. Харьков 157 с.— «Каторга и ссылка», кн. 8—9 (45—46), с. 267—268. Псевд.: Б. К.

---

* Поправка к этой статье напечатана в «Каторге и ссылке», кн. 5(42), стр. 191.

121. Рец. на кн.: Покушение Каракозова, стеногр. отчет по делу Д. Каракозова, И. Худякова, Н. Ишутина и др., т. 1. М.— Л., 1928, 317 стр.— «Печать и революция», кн. 6, стр. 193—194.
122. Рец. на кн.: Н. К. Бух. Воспоминания. М., 1928, 200 стр.— «Печать и революция», кн. 7, стр. 176—177.
123. Рец. на кн.: М. М. Клевенский. Ишутинский кружок и покушение Каракозова, изд. 2. М., 1928, 56 с.— «Историк-марксист», т. 10, стр. 251.
124. Ред., вступ. ст. и примеч. к кн.: А. Скабичевский. Литературные воспоминания. М.— Л., 359 стр.
125. Ред., вступ. ст. и прим. к кн.: П. Ткачев. Избранные литературно-критические статьи. М.— Л., 214 стр.
126. Ред.: «Писатели современной эпохи». Био-библиографический словарь русских писателей XX века, т . 1. М., 288 стр.

1929 г.

127. Казанский заговор 1863 года. М., 144 стр.
128. Революционное подполье в эпоху «белого террора». М., 192 стр.
129. Д. И. Писарев и социализм.— «Литература и марксизм», № 4, стр. 56—89; № 5, стр. 121—151.
130. Письмо П. Г. Успенского с Кары.— «Каторга и ссылка», кн. 1(50), стр. 134—139.
131. Неизданная записка Н. В. Шелгунова.— «Каторга и ссылка» кн. 8—9 (57—58), стр. 159—168.
132. Пародии на царские манифесты 1856 и 1857 годов.— «Красный архив», т. 1 (XXXII), стр. 232—238.
133. Прокламация С. Г. Нечаева к студентам.— «Красный архив», т. 2 (XXXIII), стр. 211—213.
134. Кн. П. В. Долгоруков и М. К. Элпидин.— «Красный архив», т. 3(XXXIV), стр. 231—232.
135. Бр. Достоевские и прокламация «Молодая Россия».— «Печать и революция», кн. 2—3, стр. 69—76.
136. Рец. на кн.: Н. Шаханов. Гусевская стачка 1898 года. Владимир, 1928, 37 стр.— «Каторга и ссылка», кн. 3(52), стр. 185—187. Псевд. М. И. Н.
137. Рец. па кн.: Н. Шаханов. Волнения рабочих на постройке Московско-Нижегородской железной дороги. Владимир, 1928, 16 стр.— «Каторга и ссылка», кн. 4(53), стр. 199—200. Псевд. К-н.
138. Рец. на кн.: Памяти Алексея Кирилловича Кузнецова. Чита, 1929, 75 стр.— «Каторга и ссылка», кн. 8—9(57—58), стр. 350—351. Псевд. Б. К.
139. Рец. на кн.: Нижегородский краеведческий сборник, т. II. Н. Новгород, 1929, 239 стр.— «Каторга и ссылка», кн. 12(61), стр. 185—186.
140. Рец. на кн.: А. Н. Бах. Записки народовольца. М., 1929, XXIII, 253 стр.— «Новый мир», № 8—9, стр. 319—320.
141. Ред., вступ. ст. и прим. к кн.: П. Боборыкин. За полвека (Мои воспоминания). М.— Л., 387 стр.
142. Ред., вступ. ст. и прим. к кн.: И. М. Красноперов. Записки разночинца М.— Л., 152 стр.

143. Ред. и прим. к кн.: В. А. П о с с е. Мой жизненный путь. До революционный период (1864—1917). М.— Л., 548 стр.
144. Ред.: Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь, т. 1, ч. 1; т. 2, вв. 2, 3; т. 3, вв. 1, 2; т. 5. вв. 1, 2. М., 1929—1934.

1930 г.

145. Харьковские заговорщики 1856—1858 гг. Харьков. 85 стр.
146. Газета «Народная летопись». В кн.: Русская журналистика. 1. «Шестидесятые годы». М.— Л., стр. 75—103.
147. Артельный журнал «Век».— В кн.: «Русская журналистика». 1. «Шестидесятые годы». М.— Л., стр. 19—50.
148. Н. А. Спешнев о себе самом.— «Каторга и ссылка», кн. 1(62), стр. 93—97.
149. Письмо Д. И. Писарева князю А. А. Суворову.— «Каторга и ссылка», кн. 2(63), стр. 106—110.
150. К истории «Молодой России»,— «Каторга и ссылка», кн. 5(66), стр. 52—70; кн. 6(67), стр. 61—75.
151. Кружок Заичневского и Аргиропуло.— «Каторга и ссылка», кн. 7(68), стр. 60—105; кн. 8—9 (69—70), стр. 66—91.
152. Неопубликованное письмо Н. П. Огарева.— «Красный архив», т. 1 (XXXVIII), стр. 169—173.
153. С. Г. Нечаев и тульские оружейники.— «Красный архив». т. 3(XL), стр. 184—189.
154. Н. Д. Горемыкин. К истории нечаевского процесса (Донесения и письма Н. Д. Горемыкина).— «Красный архив», т. 6 (XLIII), стр. 116—165.
155. К вопросу о кризисе реалистического направления в 70-е гг.— «Литература и марксизм», 1930, кн. 4—5, стр. 26—54.
156. Состав. (совмест. с Г. Лелевичем): Поэт-революционер И. И. Гольц-Миллер. М., 71 стр.
157. Примеч. к кн.: П. В. Б ы к о в. Силуэты далекого прошлого. М.— Л., 240 стр.
158. Рец. на кн.: Н. П. Ш а х а н о в. Очерки по истории рабочего движения во Владимирской губернии в 70-х годах прошлого столетия. Владимир, 1929, 63 стр.— «Каторга и ссылка», кн. 1(62), стр. 191—192. Псевд. К-н.
159. Рец. на кн.: В. К и р п о т и н. Дмитрий Иванович Писарев. Л., 1929, 83 стр.— «Каторга и ссылка», кн. 3(64), стр. 189—190.
160. Рец. на кн.: Екатерина Жуковская. Записки. Л., 1930, 258 стр.— «Каторга и ссылка», кн. 4(65), стр. 186—189.
161. Рец. на кн.: И. А. Х у д я к о в. Записки каракозовца. М.— Л., 1930, 214 стр.— «Каторга и ссылка», кн. 11(72), стр. 186—188.

1931 г.

162. П. Н. Ткачев. В кн.: Очерки по истории русской критики. М.— Л., т. 2.
163. Неопубликованное письмо Леонида Андреева.— в сб. Памяти П. Н. Сакулина. М., стр. 108—110.
164. Историко-революционную книгу в массы.— В сб. «Десять лет (1921—1931)». М., стр. 82—89.

165. П. Г. Заичневский на каторге, поселении и в ссылке (1863—1872).— «Каторга и ссылка», кн. 8—9 (81—82), стр. 122—135.
166. Заичневский в Орле и кружок «орлят» (1873—1877).— «Каторга и ссылка», кн. 10(83), стр. 102—123.
167. Из истории либеральной общественности шестидесятых годов.— «Красный архив», т. 2 (XLV), стр. 171—176.
168. К истории эмиграции 1860-х годов.— «Красный архив», т. 6 (XLIX), стр. 148—154.
169. Рец. на кн.: Ученые записки Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина, кн. 5. Казань, стр. 761—939.— «Каторга и ссылка», кн. 3(76), стр. 250—253.
170. Подгот. к печати и предисловие: «Нечаев и нечаевцы». Сб. материалов. М.— Л., 222 стр.
171. Ред.: В. Засулич. Воспоминания. М., 159 стр.
172. Ред. (совм. с М. М. Константиновой): Н. Кулябко-Корецкий. Из давних лет. Воспоминания лавриста. М., 311 стр.

1932 г.

173. П. Г. Заичневский и «Молодая Россия». М., 173 стр.
174. Из истории студенческого движения в Москве в 1861 году. В кн.: «Революционное движение 1860-х годов». М., стр. 22—42.
175. С. Г. Нечаев и его противники в 1868—1869 гг. В кн.: «Революционное движение 1860-х гг.». М., стр. 168—226.
176. П. Л. Лавров. Последовательные люди.— «Звенья», т. 1, стр. 413—458.
177. Неизвестное письмо Герцена.— «Каторга и ссылка», кн. 4(89), стр. 105—106.
178. «Ужасная тайна» А. И. Левитова.— «Каторга и ссылка», кн. 6(91), стр. 193—197.
179. Из истории интеллигенции 60-х годов.— «Красный архив», т. 3(LII), стр. 203—206.
180. Вступит. ст. к кн.: А. А. Кункль. Долгушинцы. М., 248 стр.
181. Ред. (совм. с Б. И. Горевым): «Революционное движение 1860-х годов». Сб. М., 261 стр.
182. Ред., вступит. ст. и примеч.: П. Н. Ткачев. Избранные сочинения на социально-политические темы, т. 1—6. М., 1932—1937.
183. Ред.: П. Н. Ткачев. Избранные сочинения.

1933 г.

184. От «девятнадцатого февраля» к «первому марта». Очерки по истории народничества. М., 291 стр.
185. К вопросу об отношении П. Н. Ткачева к марксизму.— «Литературное наследство», т. 7—8, стр. 117—123.
186. Любен Каравелов и Светозар Маркович в их связях с русскими революционерами.— «Каторга и ссылка», кн. 4—5 (101—102), стр. 145—155.
187. Подложный манифест 1861 г.— «Красный архив», т. 2 (LVII), стр. 142—143.

1934 г

188. Из истории русской нелегальной прессы. Газета «Общее дело» (1877—1890).— «Исторический сборник», т. 3, стр. 163—218.
189. Ред., вступ. ст. и прим. Е. Н. Водовозова. На заре жизни и другие воспоминания, т. I—II. М.
190. Ред. и предисл.: В. А. Зайцев. Избранные сочинения в двух томах, т. I. 1863—1864. М., 548 стр.

1935 г.

191. (Совм. с Ф. Витязевым) П. Л. Лавров и его корреспонденты.— «Литературное наследство», т. 19—21, стр. 257—296.
192. Неизданные письма Г. В. Плеханова к П. Л. Лаврову.— «Литературное наследство», т. 19—21, стр. 272—296.
193. (Совм. с М. Бриксманом и М. Арнсоном) Одоевский В. Ф. Текущая хроника и особые происшествия. Дневник. 1859—1869.— «Литературное наследство», т. 22—24, стр. 79—308.
194. По поводу нового собрания сочинений Д. И. Писарева.— «Каторга и ссылка», кн. 1 (116), стр. 133—139.
195. Рец. на кн.: Десятилетие Вольной русской типографии в Лондоне. 1853—1863 гг. М.— Л., 1935.— Историк-марксист, № 12, стр. 137—138.
196. Рец. на кн.: Е. А. Штакеншнейдер. Дневник и записки (1854—1886). М.— Л., 1934, 585 стр.— «Историк-марксист», т. 4, стр. 126—128.
197. Рец. на кн.: «Шестидесятые годы». М. А. Антонович. Воспоминания; Г. З. Елисеев. Воспоминания.— М.— Л., 1933, 582 стр.— «Исторический сборник», т. 4, стр. 290—295.
198. Ред. (Совм. с С. Н. Валком) М. М. Клевенский, Е. Н. Кушева и О. П. Маркова. Русская подпольная и зарубежная печать. Библиографический указатель. 1 — Донародовольческий период. 1831—1879, вып. 1. Книги, брошюры, листовки. М., 222 стр.

1936 г.

199. Из неопубликованной переписки Д. И. Писарева.— «Литературное наследство», т. 25—26, стр. 19—31.
200. Н. Г. Чернышевский в редакции «Военного сборника». Из воспоминаний Д. А. Милютина.— «Литературное наследство», т. 25—26, стр. 234—237.
201. Был ли Н. Г. Чернышевский автором письма «Русского человека» Герцену? — «Литературное наследство», т. 25—26, стр. 576—585.
202. Из неопубликованных писем М. А. Антоновича.— «Литературное наследство», т. 25—26, стр. 683—691.
203. А. А. Серно-Соловьевич в I Интернационале и в женевском рабочем движении.— «Исторический сборник», т. 5, стр. 77—123.
204. Н. А. Добролюбов в его дневниках.— «Литературный критик», № 2, стр. 107—121.

205. Рец. на кн.: В. Евгеньев-Максимов. «Современник» в 40—50-х годах. От Белинского до Чернышевского. Л., 454 стр.— «Историк-марксист», т. 2, стр. 144—146.
206. Рец. на кн.: Глеб Успенский в жизни. По воспоминаниям, переписке и документам. М.— Л., 1935, 628 стр.— «Историк-марксист», т. 4, стр. 123—125.
207. Рец. на кн.: «Звенья». Сборник материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX в., т. VI. М.— Л., 1936, 845 стр.— «Историк-марксист», т. 5, стр. 152—154.
208. Рец. на кн.: В. Е. Евгеньев-Максимов. «Современник» при Чернышевском и Добролюбове. Л., 1936, 622 стр.— «Историк-марксист», № 6, стр. 200—201.
209. Ред. Письма Г. С. Батенькова, И. И. Пущина и Э. Г. Толя. М. 352 стр.

1937 г.

210. Рец. на кн.: Писемский А. Ф. Письма. М.— Л., 1936, 928 стр.— «Книга и пролетарская революция», № 4, стр. 163—164.
211. Ред. и примеч.: Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений, т. 4. М. 1937, XVI-554 стр.

1938 г.

212. А. П. Щапов и Сибирь.— Сб. «А. Н. Щапов в Иркутске». Иркутск, стр. III—XI.
213. Памяти Д. И. Писарева. К 70-летию со дня смерти.— «Новый мир», № 7, стр. 239—246.
214. Литературная борьба вокруг Успенского.— «Новый мир», № 9. с. 267—280.
215. Предисл. к кн.: Глеб Успенский. Пятница. Народный рассказ. [М.], 31 стр.
216. Коммент. к ст.: Г. Успенский. Пока что.— Сб. «Глеб Успенский. Материалы и исследования». М.— Л.
217. (Совм. с Калаушиной и др.) Примечания к кн.: Сб. «Глеб Успенский. Материалы и исследования». М.— Л., стр. 98—150.

1939 г.

218. Сост.: Н. Г. Чернышевский. 1828—1889. Краткий указатель литературы. М., 24 стр.
219. Ред. и примеч.: Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений, т. VI. М. XXVI + 852 с.
220. Ред. (Совм. с В. Я. Кирпотиным и др.): Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, тт. 1—16. М., 1939—1953.

1940 г.

221. Письма Д. И. Писарева и о Писареве.— «Записки Отдела рукописей Гос. Библиотеки СССР им. В. И. Ленина». М., вып. 9, стр. 19—35.

222. Материалы для биографии Д. И. Писарева. Обзор содержания неопубликованных писем Р. И. Кореневой. 1860—1868 гг. «Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина», вып. 9, М., стр. 35—50.
223. Помяловский.— БСЭ, т. 46, стлб. 406—408.
224. Полевой Н. А.— БСЭ, т. 46, стлб. 18—19.
225. Посошков.— БСЭ, т. 46, стлб. 524.
226. Ред.: Герцен, Огарев и их окружение. Рукописи, переписка и документы. М., 440 стр.
227. Ред. (Совм. с Н. Ф. Бельчиковым и Б. И. Бурсовым): Гл. Успенский. Полное собрание сочинений, т I—XIII. М., 1940—1954.

1941 г.

228. Из публицистического наследия Н. П. Огарева.— «Литературное наследство», т. 39—40, стр. 289—316.
229. Письма А. И. Герцена к разным лицам. (Письма 1, 3, 4, 6 и 7).— «Литературное наследство», т. 39—40, стр. 247, 250—257, 261—264.
230. Огарев Н. П. Записка о тайном обществе.— «Литературное наследство», т. 39—40, стр. 323—328.
231. Н. П. Огарев. Статья «Нужды народные».— «Литературное наследство», т. 39—40, стр. 328—331.
232. Н. П. Огарев. Проект адреса царю от государственных крестьян.— «Литературное наследство», т. 39—40, стр. 331—336.
233. Н. П. Огарев. Записи снов.— «Литературное наследство», т. 39—40, стр. 354—356.
234. Н. П. Огарев. Отрывки и наброски.— «Литературное наследство», т. 39—40, стр. 356—364.
235. Письма Н. П. Огарева Т. Н. Пассек.— «Литературное наследство», т. 39—40, стр. 598—605.
236. (Совм. с С. Переселенковым). Письма Н. П. Огарева разным лицам.— «Литературное наследство», т. 39—40, стр. 610—614.
237. Герцен, Огарев и «молодая эмиграция».— «Литературное наследство», т. 41—42, стр. 1—48.
238. Из переписки русских революционных эмигрантов.— «Литературное наследство», т. 41—42, стр. 49—66.
239. (Совм. с С. Переселенковым). К истории нечаевщины.— «Литературное наследство», т. 41—42, стр. 151—164.
240. Анонимная брошюра о Герцене 1870 г.— «Литературное наследство», т. 41—42, стр. 164—177
241. Из литературного наследства Н. И. Сазонова.— «Литературное наследство», т 41—42, стр. 178—248.
242. Пародия на стихотворение Ф. Глинки «Тройка».— «Литературное наследство», т. 41—42, стр. 537—538.
243. Новые публикации по Герцену в 1934—1940 гг. Обзор.— «Литературное наследство», т. 41—42, стр. 632—633.
244. Н. А. Добролюбов. К 105-летию со дня рождения и 80-летию со дня его смерти.— «Большевистская печать», № 2, стр. 48—52.

245. Н. В. Шелгунов.— «Большевистская печать», № 9, стр. 42—45.
246. Литература о Д. И. Писареве, вышедшая в связи с 50-летием со дня его смерти.— «Историческая литература», т. II, № 2, стр. 157—159.
247. Рец. на кн.: Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению. М.— Л., 1940 490 стр.— «Известия Академии наук СССР. Отдел. литературы и языка», т. II, № 1, стр. 142—147.
248. Рец. на кн.: Записки Отдела рукописей, вып. VI. Н. А. Некрасов, Н. Г. Чернышевский, М. Е. Салтыков-Щедрин. М., 1940, 99 стр.— «Литературное обозрение», № 1, стр. 42—45.
249. Рец. на кн.: Поэты-петрашевцы. М., 1940, 306 стр.— «Литературное обозрение», № 7, стр. 67—71.
250. Ред.: Рукописи А. И. Герцена. Каталог. Сост. А. В. Аскарянц и З. В. Кеменова. М., 156 стр.
251. Ред и примеч.: Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений, т. V, 651 стр.
252. Ред.: И. Масанов. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей, т. 1. М., 572 стлб.

1942 г.

253. Ред.: Р. С. Мандельштам и Л. С. Мандельштам. Войны русского народа 1858—1878 гг. Библиографический указатель воспоминаний, дневников и писем, вышедших до 1917 г. на русском яз. М., 60 стр.

1943 г.

254. Маяковский-патриот.— «Совет Эдебияты», Ашхабад, № 7, стр. 5—13.
255. Советская сатира в дни Отечественной войны.— «Совет Эдебияты», № 9, стр. 126—134.

1945 г.

256. А. И. Герцен в истории русской общественной мысли.— «Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии», т. II, № 2, стр. 100—117.
257. Великий русский патриот. Памяти Александра Ивановича Герцена.— «Славяне», № 1, стр. 33—36.
258. Великий русский революционный мыслитель Н. Г. Чернышевский.— «Совет Эдебияты», № 7—8, стр. 57—65.
259. Николай Александрович Добролюбов.— «Совет Эдебияты», № 11—12, стр. 143—147.
260. Ред. и вступит. ст.: А. И. Герцен. Избранное. М., 103 стр.

1946 г.

261. Герцен о России.— Сб. «А. И. Герцен». М., стр. 7—21.
262. Великий поэт революции (Н. А. Некрасов).— «Литературное наследство», т. 49—50, стр. XXXI—LXIV.

263. Н. Г. Чернышевский и М. И. Михайлов (К истории их взаимоотношений).— «Вопросы истории», № 7, стр. 3—25.
264. Н. Г. Чернышевский и славянство.— «Славяне», № 8—9, стр. 32—34.
265. Рец. на кн.: А. И. Герцен. Указатель основной литературы Сост. Б. Я. Бухштаб. Л., 1945, 88 стр.— «Советская книга», № 3—4, стр. 112—113.
266. Ред. (Совм. с И. Клабуновским): А. И. Герцен. 1812—1870. Сборник статей. М., 159 стр.

1947 г.

267. Н. Г. Чернышевский в редакции «Современника».— «Литература в школе», № 3, стр. 11—18.
268. Рец. на кн.: В. С. Курочкин. Собрание стихотворений. М., 1947, 604 стр.— «Советская книга», № 7, стр. 94—98.
269. Ред и послесловие: Н. А. Морозов. Повести моей жизни. т. I—III. М., 1947.

1948 г.

270. Журналистика 50-х годов. Журнально-публицистическая деятельность А. И. Герцена. Стенограмма лекции, прочитан. в Высш. парт. школе при ЦК ВКП(б). М., 28 стр.
271. Журналистика шестидесятых годов XIX века. Стенограмма лекций, прочитан. в Высш. парт. школе при ЦК ВКП(б). М. 68 с.
272. Русская журналистика 70-х — 80-х годов XIX века. Стенограмма лекций, прочитан. в Высш. парт. школе при ЦК ВКП(б). М., 60 стр.
273. Рец. на кн.: Н. В. Здобнов. История русской библиографии от древнего периода до начала XX века.— «Советская книга», № 7, стр. 102—106.
274. Рец. на кн.: Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. М., 1948.— «Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии», т. V, № 3, стр. 296—298.

1949 г.

275. А. Н. Радищев и его «Путешествие из Петербурга в Москву».— «Известия Академии наук. Серия истории и философии», т. VI, № 5, стр. 385—398.
276. Н. Г. Чернышевский о реакции конца царствования Николая I (с приложением текста письма Н. Г. Чернышевского Н. И. Костомарову).— «Огонек», № 44, стр. 26.
277. Рец. на кн.: Я. Эльсберг. А. И. Герцен. Жизнь и творчество. М., 1948.— «Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии», т. VI, № 5, стр. 469—471.
278. Ред.: Е. И. Рыскин. Библиографические указатели русской литературы XIX века. М., 260 стр.

1950 г.

279. Писемский и Герцен. К истории их взаимоотношений.— «Звенья», т. 8, стр. 103—151.
280. «Московский либерал» из «Былого и дум».— «Известия Академии наук. Серия истории и философии», т. VII, № 1, стр. 85—87.
281. К вопросу о борьбе Герцена и Огарева против сторонников «чистого» искусства.— «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», т. IX, № 2, стр. 138—143.
282. Ред.: А. В. Аскарянц и З. В. Кеменова. Описание рукописей А. И. Герцена, изд. 2, исправ. и дополн. М., 160 стр.
283. Ред.: Огарев Николай Платонович (1813—1877). Опись документальных материалов личного фонда № 359. М., 24 стр.

1951 г.

284. «Воскресший Белинский». Из неизданного литературного наследия Н. А. Добролюбова.— «Литературное наследство», т. 57, стр. 7—24.
285. Писал ли Д. И. Писарев статью под названием «Русское правительство под покровительством Шедо-Ферроти»? — «Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии», т. VIII, № 4, стр. 364—365.
286. Два слова о слове «нигилизм».— «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», т. X, № 4, стр. 378—385.
287. Рец. на кн.: А. Дементьев. Очерки по истории русской журналистики. 1840—1850 гг.— «Советская книга», № 11, стр. 105—110.
288. Ред.: Герцен Александр Иванович (1812—1870). Опись документальных материалов фонда № 129. М., 32 стр.

1952 г.

289. Журнально-публицистическая деятельность А. И. Герцена «Полярная звезда» и «Колокол». Лекции в Высш. парт. школе при ЦК КПСС. М., 48 стр.
290. Выступление Герцена против «Современника» в 1859 году.— «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», т. XI, № 4, стр. 366—384.
291. Ред.: «Сборник материалов к изучению истории русской журналистики», вып. 1 (XVIII в. и первая половина XIX в.). М., 367 стр.
292. Ред. и вступит. ст.: «Сборник материалов к изучению истории русской журналистики», в. 2 (60-е годы). М., 216 стр.

1953 г.

293. Письмо А. И. Герцена к Ференцу Пульскому.— «Литературное наследство», т. 61, стр. 251—254.

294. Письма А. И. Герцена к представителям «молодой эмиграции».— «Литературное наследство», т. 61, стр. 271—278.
295. Письма Огарева к Е. В. Салиас-де-Турнемир.— «Литературное наследство», т. 61, стр. 797—844.
296. Письмо Н. П. Огарева к Н. В. Альбертини.— «Литературное наследство», т. 61, стр. 881—891.
297. Н. Г. Чернышевский.— Сб. «Классики русской литературы», изд. 2. М.— Л., стр. 489—516. (изд. 1. М.— Л., 1952).
298. Поездка Н. Г. Чернышевского в Лондон в 1859 г. и его переговоры с А. И. Герценом.— «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», т. XII, № 2, стр. 137—157.
299. Еще о слове «нигилизм».— «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», т. XII, № 6, стр. 526—528.

1954 г.

300. Софийская коллекция архива А. И. Герцена и Н. П. Огарева.— «Вопросы истории», № 11, стр. 169—170. Псевд. Б. К.
301. Рец. на кн.: М. Н. Пеунова. Общественно-политические и философские взгляды Н. В. Шелгунова. М., 1954, 112 стр.— «Вопросы истории», № 4, стр. 164—166.
302. Ред. (Совм. с В. П. Волгиным, И. И. Анисимовым и др.): А. И. Герцен. Собрание сочинений в тридцати томах. Тт. I—XV. 1954—1958.
303. Ред. (Совм. с В. К. Яцунским): История Москвы, т. IV. Период промышленного капитализма. М., 952 стр.

1955 г.

304. Письмо Н. А. Вормса Герцену и Огареву.— «Литературное наследство», т. 62, стр. 48—54.
305. Письмо В. А. Гольштейна и В. Н. Смирнова Огареву.— «Литературное наследство», т. 62, стр. 69.
306. Письмо М. С. Гулевича Огареву.— «Литературное наследство», т. 62, стр. 123—125.
307. Письмо Л. И. Мечникова Герцену и Огареву.— «Литературное наследство», т. 62, стр. 388—394.
308. Письмо П. С. Мошкалова Герцену.— «Литературное наследство», т. 62, стр. 395.
309. Письмо В. Ф. Нагель Герцену.— «Литературное наследство», т. 62, стр. 396.
310. Письмо М. П. Сажина Огареву.— «Литературное наследство», т. 62, стр. 520—521.
311. Письмо А. А. Серно-Соловьевича Огареву.— «Литературное наследство», т. 62, стр. 548—551.
312. Письмо Е. И. Утина Герцену.— «Литературное наследство», т. 62, стр. 605—606.
313. Письма Н. И. Утина Герцену и Огареву. Прилож.: письмо к А. Д. Трусову.— «Литературное наследство», т. 62, стр. 607—690.

314. Социально-политические и философские взгляды В. И. Танеева (из истории утопического социализма в России).— «Из истории социально-политических идей». Сборник статей к 75-летию акад. В. П. Волгина. М., стр. 664—673.
315. К вопросу об отношении А. И. Герцена к I Интернационалу.— «Исторические записки», т. 54, стр. 430—435.
316. К вопросу о целях и результатах поездки Н. Г. Чернышевского к А. И. Герцену в 1859 г.— «Известия Академии наук СССР, Отделение литературы и языка», т. XIV, № 2, стр. 170—177.
317. Ред. (Совм. с В. П. Волгиным, С. А. Макашиным и др.): А. И. Герцен. Сочинения в девяти томах, тт. I—IX. М., 1955—1958.
318. Ред.: Чернышевский Николай Гаврилович (1828—1889). Опись документальных материалов фонда личного происхождения. № 1. Крайние даты документальных материалов 1835—1939 гг. М., 118 стр.

1956 г.

319. Письмо Герцена и Огарева редактору газеты «The Morning Star».— «Литературное наследство», т. 63, стр. 128—129.
320. Письмо Огарева и Герцена А. А. Слепцову.— «Литературное наследство», т. 63, стр. 150—152.
321. Письмо Огарева Н. Я. Николадзе.— «Литературное наследство», т. 63, стр. 161—164.
322. Неизвестные страницы из воспоминаний Н. А. Белоголового о Герцене.— «Литературное наследство», т. 63, стр. 560—564.
323. Статья Герцена «Русский социализм».— «Литературное наследство», т. 63, стр. 695—696.
324. Кто был первым переводчиком на русский язык «Манифеста коммунистической партии»? — «Литературное наследство», т. 63, стр. 700—701.
325. Почему прекратился возобновленный «Колокол»? — «Литературное наследство», т. 63, стр. 711—712.
326. Журнально-публицистическая деятельность А. И. Герцена. «Полярная звезда» и «Колокол». Лекции в Высш. парт. школе при ЦК КПСС. М., 56 стр.
327. Ред.: И. Ф. Масанов. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей, т. 1—3. М., 1956—1958.
328. Ред.: Сборник материалов к изучению истории русской журналистики, вып. 3 (70-е гг.— середина 90-х гг. XIX в.). М., 288 стр.

1957 г.

329. Русская секция I Интернационала. М., 410 стр.
330. Журнал «Современник» — орган революционной демократии. Журнально-публицистическая деятельность Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. Лекции, прочит. в Высш. парт. школе при ЦК КПСС. М., 84 стр.
331. Николай I и Мадзини в 1854 г.— «Из истории общественных движений и международных отношений». Сборник статей в память Е. В. Тарле. М., стр. 437—444.

332. «Народники» и «народничество».— «Вопросы литературы», № 9, стр. 116—135.
333. А. А. Тучков в деле декабристов.— «Ученые записки Саратовского государственного университета», т. LVI, Саратов, стр. 67—82.
334. Ред.: «Колокол». Издание А. И. Герцена и Н. П. Огарева. 1857—1867. Систематизированная роспись статей и заметок. М., 554 стр.

1958 г.

335. Н. Г. Чернышевский и Н. П. Корелкин.— Сб. «Н. Г. Чернышевский». Саратов, стр. 361—374.
336. Ред.: М. Л. Михайлов. Сочинения в 3-х томах. Тт. 1—3. М.

1959 г.

337. К истории поездки Чернышевского к Герцену в Лондон. Из неопубликованных писем А. Н. Пыпина.— «Литературное наследство», т. 67, стр. 123—128.
338. И. В. Селиванов и его письмо из революционной Франции 1848 г.— «Литературное наследство», т. 67, стр. 574—587.
339. Александр Серно-Соловьевич. Материалы для биографии.— «Литературное наследство», т. 67, стр. 698—740.
340. Народничество на буржуазно-демократическом этапе освободительного движения в России.— «Исторические записки», т. 65, стр. 191—248.
341. История СССР. Том. II. 1861—1917 гг. Период капитализма. Гл. I (§§ 5 и 6), гл. II. Стр. 42—58, 115—142. М. 1959.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

* В указатель не включены имена мифологически, литературных героев, а также имена, встречающиеся в заголовках, цитируемых Б. П. Козьминым произведений.

Указатель составлен Ю. Н. Шебалдиным.

48*

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ *

* Указатель составлен В. А. Твардовской.

СОДЕРЖАНИЕ

Борис Павлович Козьмин

Из истории революционной мысли в России

Избранные труды

•

Утверждено к печати Институтом истории Академии наук СССР

•

Редактор издательства *Е. Б. Зомбе*
Технический редактор *Е. В. Макуни*
Художник *А. М. Олевский*

•

РИСО № 26—81В. Сдано в набор 1/IX 1960 г.
Подписано к печати 29/XII 1961 г. Формат 84×108¹/₃₂.
Печ. л. 24=39,36 усл. печ. л.+ 1 вкл.. Уч. издат. 41,3
Тираж 2500 экз. Т-16309. Изд. № 4981. Тип. зак. № 1144

Цена 2 р. 68 к.

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР,
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10.